

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН
МАГИЯ

ЭКСМО

Вся

НОРТОН

МАГИЯ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

SCIFI-FOUNDATION

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

МАГИЯ СТАЛИ
ВОЛШЕВНЫЙ ДОМ
МОХНАТАЯ МАГИЯ
ДРАКОНОВА МАГИЯ
МАГИЯ ЛАВАНДОВОЙ ЗЕЛЕНИ
МАГИЯ БЛАГОРОДНОГО ОЛЕНЯ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Андрэ
НОРТОН

МАГИЯ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Н 82

Andre Norton

STEEL MAGIC

Copyright © 1965 by Andre Norton

OCTAGON MAGIC

Copyright © 1967 by Andre Norton

FUR MAGIC

Copyright © 1968 by Andre Norton

DRAGON MAGIC

Copyright © 1972 by Andre Norton

LAVENDER-GREEN MAGIC

Copyright © 1974 by Andre Norton

RED HART MAGIC

Copyright © 1976 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Нортон А.

Н 82 Магия / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. О. Колесникова, Д. Арсеньева]. — М. : Эксмо, 2014. — 864 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-66031-5

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников. Циклы «Магия», «Колдовской мир», «Королева Солнца», «Предтечи» и «Перекресток времени» давно стали классикой мировой фантастики. В данное издание вошли первые шесть романов из знаменитого цикла «Магия».

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© О. Колесников, Д. Арсеньев,
перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-66031-5

МАГИЯ СТАЛИ

Роман

*Стефану, Грегу, Эрику, Питеру, Дональду,
Александрю и Джеффи. И Александрю и Деборе,
которые любят рассказы о волшебных мирах.*

ОЗЕРО И ЗАМОК

Приключения начались с того, что Сара Лаури выиграла на Фестивале Пожарных в Тернспорт Виллидж корзину с набором для пикника. Впервые случилось так, что кто-то из младших членов семьи Лаури что-нибудь выиграл, поэтому все сначала не поверили, когда председатель Лумис выкрикнул номер билета, который Сара завернула в уголок платка. Грегу и Эрику пришлось тащить ее на платформу около громкоговорителя, где их ждал председатель Лумис.

Корзина, по общему мнению мальчишек, была замечательная. Под крышкой, перевязанной лентой, были вилки, ложки, ножи из нержавеющей стали и набор из четырех кружек — голубая, желтая, зеленая и красная, как пожарная машина, с подходящими по цвету пластмассовыми блюдами. Сара все еще была настолько поражена, что не удивилась бы, если бы корзина вдруг пропала, когда она несла ее в машину дядюшки Мака.

Когда дядюшка Мак притормозил на крутом повороте к поместью Терн, Сара крепко сжимала ручки корзины. Острый локоть Грега впился ей под ребра, но она не пыталась отодвинуться. В сумерках эта местность выглядела страшновато, и она не удивилась, что Грег отстранился от окна, когда к ним стали тянуться свисающие ветки, будто пытаясь стащить машину с узкой дороги туда, где плясали тени. Вечером сложно было не забывать о том, что это на самом деле штат Нью-Йорк, а вовсе не какая-нибудь ужас-

ная сказочная страна и за два холма и три поля отсюда течет река Гудзон.

Вот они проехали мимо темного места, где когда-то стоял большой дом. Он сгорел двадцать лет назад, задолго то того, как дядюшка Мак купил старый каретный сарай и землю вокруг него под свое, как он его именовал, убежище. Дядюшка Мак писал книги, и ему нужны были тишина и покой для работы — причем в течение долгого времени. Но по сохранившимся подвальным лазам до сих пор было видно, где стоял дом, и младшим Лаури строго запрещалось туда забираться. Так как дядюшка Мак во всем остальном был совершенно сговорчив и беспрепятственно позволял им ходить в заросший сад и небольшую дикую рощу, Лаури были довольны.

Они заехали в бывшую конюшню. Когда построили большой дом, пятьдесят лет назад, здесь были лошади, и люди действительно ездили в смешном экипаже, который сейчас был втиснут в угол старого сарая. Но теперь бо́льшая часть конюшни отведена автомобилю, а лошадей нет.

Миссис Стайнер, домоправительница, поджидала их в дверях каретного сарая и, как только дядюшка Мак вышел из машины, помахала заказным авиаписьмом. На лице у нее было особое, свойственное только ей выражение, которое для Лаури значило: «Давно-пора-в-постель-торопитесь-пока-я-не-пропустила-свою-любимую-передачу». Миссис Стайнер разговаривала властно, а дядюшка Мак, особенно когда писал, иногда рассеянно соглашался на весьма неожиданные изменения в правилах игры. Опыта общения с детьми у дядюшки Мака не было, зато был у миссис Стайнер, и когда дело шло на принцип, такого противника стоило уважать.

В общем, младшие Лаури ожидали хорошего лета. Если забыть о миссис Стайнер, были и приятные особенности пребывания в поместье Терн. А для такого случая, что папу по особому поручению отправили в Японию и он на два месяца забрал с собой маму, дядюшка Мак был просто находка.

Того, кто вырос в городе, а не в деревне, остатки старого поместья могли напугать. Но Грег бывал в лагере скаутов,

а Эрик ходил в походы с ночевкой в заповедник, когда отец служил на большой авиабазе в Колорадо. Для Сары это была первая встреча с природой, которой позволили одичать настолько, насколько та сама захотела. Потому Сара до сих пор боялась густых кустов и высоких деревьев и всегда старалась быть с кем-нибудь из мальчишек, когда отходила далеко от конюшенного двора или дороги.

Миссис Стайнер мрачно рассказывала о змеях, но их Сара не боялась. Картинки со змеями в библиотечных книжках выглядели любопытными, и посмотреть, как змея ползет по своим делам, было бы здорово. Но вот ядовитый плющ и «эти гадкие букашки», о которых миссис Стайнер предупреждала также весьма пространно, — совсем другое дело. Саре не хотелось даже думать о букашках, особенно тех, у которых много ног и которые могли интересоваться людьми. Она давным-давно решила, что пауки гораздо противнее, чем змеи, и по-настоящему боялась их, хотя знала, что это глупо. Но видеть, как один из них бежит мимо на всех своих ногах, — брр!

Когда они поднимались по лестнице в свои спальни на верхнем этаже каретного сарая, Эрик потрянул корзину, которую несла Сара.

— Давай нагрузим ее завтра и отправимся по-настоящему исследовать окрестности, на весь день!

— Похоже, удобный случай поискать озеро, — согласился Грег. — За завтраком попросим дядюшку Мака, после того как он выпьет третью чашку кофе.

— Миссис Стайнер говорила, что там могут быть змеи, — подала голос Сара. — Пожалуйста, — добавила она про себя, — только не надо больших пауков, маленькие и так достаточно страшные.

Грег хмыкнул, а Эрик с силой притопнул по следующей ступеньке.

— Миссис Стайнер везде видятся змеи, если не что похуже. Может, водяные змеи... эх, поймать бы одну из них и держать дома. Как хотите, но мы собирались найти это озе-

ро с тех самых пор, как дядюшка Мак рассказал о его существовании.

И это была чистая правда. Легенды о потерянном озере, как ее рассказал дядюшка Мак, было достаточно, чтобы привести в восторг всех трех Лаури. Сейчас сад был похож на густые джунгли, но задуман он был как окружение декоративного озера. Эту землю более пятидесяти лет тому назад купил мистер Брозиус, объединив вместе три приречные фермы, и истратил кучу денег на благоустройство поместья. Он тоже был чем-то вроде легенды, этот мистер Брозиус, загадочный человек с длинной бородой, плативший за все расходы по строительству поместья золотыми монетами. Затем он пропал, а дом сгорел.

Поскольку наследного владельца поместья не объявилось, в конце концов оно было продано за неуплату налогов. Фермеры выкупили поля, а та часть, в которой был сад, досталась торговцу недвижимостью, который затем продал ее дядюшке Маку. А дядюшку Мака это мало заботило, он никогда не залезал в заросли кустарников посмотреть, осталось там озеро или нет. Он говорил, что не сомневается, что озеро давным-давно высохло.

Саре же было интересно, правда ли это. Прекратив раздеваться, она открыла корзину для пикника, чтобы еще раз получше разглядеть ее содержимое. А если бы дядюшка Мак не взял их сегодня на Фестиваль или у нее не оказалось бы карманных денег в кошельке, чтобы купить этот десятицентовый билет? Если бы не она выиграла корзину, мальчишки наверняка не взяли бы ее искать озеро. Впереди замечательное лето!

Она выключила свет и села на кровать. В первый раз она не стала стоять у окна, слушая тихие загадочные звуки, которые были частью ночи за окном. Легко верилось, что там есть нечто, чего никак нельзя увидеть днем, нечто такое же затерянное, как озеро, а может быть, и еще загадочнее...

Но сегодня вечером она размышляла, что следует упаковать в корзину. И, думая о бутербродах с арахисовым маслом

и вареных вкрутую яйцах, печенье и кока-коле, наконец улеглась и натянула на себя одеяло.

На следующее утро их план сработал просто замечательно. Дядюшку Мака письмом вызывали в Нью-Йорк, а миссис Стайнер, под хруст и треск быстро исчезающего завтрака, заявила, что устроит в доме генеральную уборку.

Когда Сара достала корзину и попросила продукты для пикника, ей не оказали никакого сопротивления. Миссис Стайнер даже приготовила термос холодного лимонада. Удача была на их стороне, а день просто создан для того, чтобы идти искать озеро.

Грег смотрел на компас и вел их по правильному, с его точки зрения, пути в глубину дикого сада, но чем дальше они в него забирались, тем больше неудобств доставляла корзина. Когда первопроходцам приходилось протискиваться на четвереньках среди зарослей, то корзину тащили и трясли так, что Сара уже не сомневалась, что ее содержимое все перемешано между собой. Но активно протестовала против предложений помочь нести корзину, потому что это было ее имущество.

Они как раз громко спорили об этом, когда, совершенно неожиданно, оказались на вершине осыпающейся, заросшей мхом лестницы и внизу увидели озеро — и не только озеро!

— Это Камелот! — воскликнул Эрик первым. — Помните картинку в книге о принце Валианте? Это Камелот — замок короля Артура!

Сара, у которой были иные пристрастия в чтении, села на верхнюю ступеньку и потерла расцарапанной можжевельником рукой колено. Ее глаза округлились от удивления, и она еле слышно прошептала: «Оз!»

Грег вообще ничего не сказал. Потому что здесь оно было взаправду, а не в сказке. И это было действительно самым прекрасным из всего, что удавалось находить Лаури. Но что этот замок здесь делал и почему дядюшка Мак никогда не рассказывал о нем, когда говорил о затерянном озере? Кто его построил и зачем? Ведь настоящие замки, даже если и очень маленькие, не вырастают сами просто так на островах.

Предсказание дядюшки Мака о том, что озеро высыхало или высохло, оказалось частично верным. По линии берега было видно, что оно сильно уменьшилось, и полоса гальки и песка соединяла теперь берег и остров как мостик. Рассматривая постройку, Грег обнаружил, что замок был сильно разрушен. Часть башни упала и завалила маленький внутренний дворик. Можно ли уложить камни на место и восстановить его?

Все трое были очень взволнованны, но спускались по ступенькам медленно. Эрик посмотрел на темную воду — здесь могло быть глубже, чем казалось. Он надеялся, что никто не предложит искупаться, потому что тогда и ему пришлось бы попробовать, но этого вовсе не хотелось — нет, только не в этом озере, а если честно, то и вовсе нигде. Он показал пальцем на воду, увидев в ней что-то.

— Там затопленная лодка. Наверное, на ней когда-то плавали, чтобы попасть на остров.

— Кто построил этот замок? — поинтересовалась Сара. — В Америке не было рыцарей. Люди перестали жить в замках до того, как сюда отправились колонисты.

Грег встал на пятки, потом на носки, потом опять на пятки.

— Должно быть, мистер Брозиус. Может, он приехал откуда-нибудь, где замки были все еще в моде, и ему хотелось иметь маленький замок, чтобы чувствовать себя как дома. Странно, что дядюшка Мак ничего не говорил об этом замке. Ведь люди должны были о нем помнить, раз помнили об озере.

Сара подняла корзину.

— Все равно, он на острове, и мы не можем подойти к нему. — Казалось, что это на самом деле Оз, а она — Дороги, и подходила к Изумрудному городу!

— Конечно, можем! — Эрик перепрыгнул через небольшую лужицу, затянутую зеленью, и приземлился на хорошем расстоянии от нее на гравийном откосе. Пнув камушек в озеро, он наблюдал, как расходятся круги. Воде никогда нельзя доверять, в ней нет ничего надежного и безопасного. Он был

очень доволен тем, что у них была эта гравийная тропинка. В озере было немало неприятных теней, в которых могло прятаться что угодно.

Хотя замок был миниатюрным, сделан он был явно не для оловянных солдатиков. Даже дядюшка Мак, при его росте, смог бы пройти через главные ворота, не пригибая головы. Но когда они обошли груды камней, свалившихся с башни, то уперлись в глухую стену. Грег был удивлен — когда он осматривал замок с лестницы, ему показалось, что тот гораздо больше.

— Какой обман! — взорвался Эрик. — Я думал, что это настоящий замок. Сверху он выглядел гораздо больше.

— Мы можем представить, что он большой. — Сара никак не хотела разочаровываться. Невысокий замок все-таки лучше, чем никакой.

— Если мы уберем с дороги все эти камни, он будет казаться больше.

Эрик пнул землю, песок и галька полетели из-под носка его ботинка.

— Возможно.

Расчистка всего этого казалась ему задачей, равной тому, чтобы скосить газонокосилкой весь участок сада, который дядюшка Мак пытался вновь окультивировать.

Грег медленно шел вдоль стены, изучая кладку камней. Неужели замок построен просто для красоты — что-то вроде летнего домика, стоящего недалеко от каретного сарая, в котором им не разрешалось играть потому, что в нем прогнил пол?

Часть стены непосредственно возле входа почти полностью скрыта ползучими растениями, которые пробивались сквозь трещины и покрыли камень сплошным занавесом. Но когда Грег раздвинул листья в одном месте, он обнаружил, что его первое впечатление о размерах замка, возможно, было неправильным.

— Эй! Здесь еще один проход, но его кто-то заделал!

Сара так крепко сжала ручки корзины, что дерево врезалось ей в руки.

— Может быть, — она облизнула губы, — может быть, он ушел туда...

— Кто ушел? — требовательно спросил Эрик.

— Мистер Брозиус, когда исчез, и его никак не могли найти...

Грег рассмеялся.

— Это глупо! Помнишь, что говорил дядюшка Мак? Мистер Брозиус утонул в реке, там нашли его лодку.

— Но его самого не нашли, — упрямо сказала Сара.

— Но это была его лодка, и он много на ней плавал. А река в том месте опасная. — Грег все валил в одну кучу. — Помнишь, как миссис Стайнер пела про то, какая она опасная, в самый первый день как мы приехали, а дядюшка Мак взял с нас слово никогда туда не ходить?

Эрик поддержал Грега. Да, история была такова, и миссис Стайнер поторопилась ее рассказать, и пострашнее, так, как она это умела. Дядюшка Мак даже отвез их туда на машине и показал место, где течение особенно сильное и коварное. Эрик потряс головой, чтобы избавиться от картины быстро бегущей воды.

Прошлым и позапрошлым летом он ходил на занятия по плаванию. Впрочем, легко было залезать в воду с отцом или Слимом — инструктором на пляже. Но все равно он не очень-то любил большую воду и не доверял ей. Никогда.

Наверное, Грег чувствовал то же самое, когда порой замирал и стоял неподвижно в темноте. Однажды они разбили фонарик, спускались в подвал менять перегоревший предохранитель, и в конце концов за ними пришел отец, посмотреть, что же произошло. Грег не двинулся с последней ступени лестницы. Ладно, сейчас не темно и не нужно лезть в это старое грязное озеро, так что нет причин думать об этом...

Грег оторвал большой пучок ползучих растений, под ними показалась голая стена в маленьких пятачках лишайника. Тот, кто раньше замуровал эту дверь, был либо неаккуратен, либо торопился. Потому что наверху одного камня не хватало и виднелось темное отверстие.

Грег вскарабкался по шаткой лесенке из битого кирпича и сунул руку в дыру, которая была гораздо выше уровня глаз.

— Там внутри свободно, — с радостью сообщил он. — Может быть, целая комната.

— Как ты думаешь, сможем мы вытащить остальные камни? — спросила Сара. Но она была не очень довольна. Ей не нравилось, как исчезала рука Грега, у нее от этого мурашки по коже бежали, но все равно было здорово.

Грег уже принялся за дело, обрывая ползучие растения дальше. Потом он потрогал несколько камней.

— Надо чем-то расковырять раствор.

Никому из них не хотелось идти до самого дома за инструментом. Эрик потребовал, чтобы Сара отдала одну из вилок, которые были в корзине.

— Они ведь из нержавеющей стали, так? А сталь ужасно прочная. Нас ведь здесь всего трое, а вилки четыре. Ничего страшного не будет, даже если и сломаем одну.

Сара горячо протестовала, но ей действительно хотелось увидеть, что же там, за стеной, и в конце концов она отдала вилку. Мальчишки по очереди расковыривали рассыпавшуюся кладку, для вилки это были сущие пустяки, и передавали вынутые камни сестре, чтобы она складывала их в сторонку. Гудели комары, а самые голодные из них, похоже, решили, что пришло обеденное время. Пауки, громадные, волосатые и совершенно ужасные, побежали из своих растревоженных гнезд, и Саре сделалось плохо, когда они с сумасшедшей скоростью пронеслись мимо.

В конце концов Грег подтянулся и заглянул в неровное отверстие, которое они проделали.

— Что там внутри? — Сара тянула Грега за край рубахи, а Эрик громко требовал своей очереди поглядеть.

На загорелом лице Грега появилось странное выражение.

— Ответь же мне, ну что ты? Что там такое?

— Не знаю...

— Дай, я посмотрю. — Эрик ловко использовал локоть и занял место своего брата.

— Там все сплошь серое! — закричал он секундой позже. — Наверное, это просто замурованная комната без окон, в которой хранятся сокровища. Возможно, здесь мистер Брозиус хранил все свое золото.

Мысль о возможном сокровище умерила сомнения Сары. Это также подстегнуло мальчишек, и вскоре они расширили дыру настолько, что Сара тоже могла заглянуть внутрь.

Там было действительно серо, будто пространство по ту сторону стены заполнял туман. Ей это не понравилось, но если там сокровища... Мистер Брозиус всегда расплачивался в деревне золотом. Это было правда, об этом до сих пор много рассказывали.

— Я самый старший, — нарушил молчание Грег. Это утверждение в прошлом часто приводило их ко многим неприятностям, но иногда и выводило из них. — Я пойду первым.

Он перелез через камни в дыру и исчез. Саре показалось, что эта серая штукавина обволокла его, как одеяло.

— Грег! — крикнула она, но мимо нее уже протискивался Эрик.

— Вперед! — как обычно, он старался не признавать, что разница в один год означала какое-то отличие в смелости, силе и способности самостоятельно противостоять трудностям. Он тоже исчез.

Сара сглотнула и чуть отодвинулась от этой серости. Уперевшись ногой в корзину, она вдруг схватила ее за ручки, подняла над барьером и протиснулась туда, твердо решив не отставать от мальчишек.

ЗА СТЕНОЙ

Это было словно прогулка в облаке, хотя серая муть вокруг не была ни холодной, ни влажной. Но не было видно ни своих рук, ни ног, ничего кроме вихрящейся дымки, и у Сары закрылась голова. Она закрыла глаза и заковыляла вперед.

— Грег! Эрик! — она хотела кричать во весь голос, но имена прозвучали как слабый шепот. Она запнулась, вздрогнула и побежала, а корзина неуклюже билась об ноги.

Где-то запела птица, и земля под ногами стала другой. Сара притормозила, потом выпрямилась и открыла глаза.

Тумана не было. Но где она находится? Конечно же, не в комнате маленького замка. Она робко протянула руку, потрогала ствол дерева и обнаружила, что он настоящий. Затем оглянулась в поисках стены и двери. Деревья, много деревьев, все большие и старые, а под ними мягкий коричневый ковер из опавших листьев. Сквозь ветви пробивались неровные лучи солнца.

— Эрик! Грег! — Сара кричала во весь голос, но теперь не испытывала беспокойства. Ее голос опять был по-настоящему громким.

Кто-то вышел из-за ствола дерева на открытое место. Сара открыла рот, чтобы закричать снова. Коричнево-рыжий, с белыми и черными пятнами зверь с пушистым хвостом и тонкой, заостренной мордой сел и уставился на нее с интересом. Сара посмотрела на него. Ее испуг быстро улетучивался, и она была уверена, что зверь смеется над ней. Теперь она знала, что это лис. Она была только слегка озадачена. Разве лисы бывают такими большими? Те, которых она видела в зоопарке, были гораздо меньше. Этот же — размером с датского дога, который в Колорадо жил через два дома от них. Она решила, что он очень похож на картинку Ролли Битема, «Кума» из «Полуночников», ее любимого литературного героя.

— Привет, — попыталась она завязать разговор. Лис открыл пасть, из которой показался острый кончик языка. Затем щелкнул зубами на нахальную муху. Сара поставила корзину. Пусть попробует бутерброд с арахисовым маслом? Были еще бутерброды с холодной ветчиной, но их всего три. Но не успела она оглянуться, как лис махнул своим пушистым хвостом и исчез.

— Сара, где ты, Сара!

Грег сновал туда-сюда между деревьями. Когда он увидел ее, то нетерпеливо замахал руками.

— Идем. Мы нашли реку!

Поднимая корзину, Сара вздохнула. Она была уверена, что лис не вернется, слишком уж громко орал Грег. Затем стала размышлять о реке. Как могла оказаться река на маленьком острове? Когда они рассматривали этот клочок земли с лестницы, там не было никаких высоких деревьев или рек. Догнав Грега, она спросила:

— Где мы, Грег? Как эти странные деревья и река попали на маленький остров?

Он тоже выглядел озадаченным.

— Не знаю. Не думаю, что мы все еще на острове, Сара. — Он забрал у нее корзину, а другой рукой взял ее под локоть. — Идем. Увидишь сама.

Они бежали между деревьями, которые росли все реже и реже, а на открытых местах было много зелено-золотого солнечного света и росла трава и какие-то маленькие растения.

— Бабочки! Никогда не видела так много бабочек! — Сара потянула брата за руку. Цветы, как показалось ей вначале, поднялись на прекрасных крыльях и улетели.

— Да. — Грег пошел помедленнее. — И птиц здесь тоже много. Надо тебе на них посмотреть около реки. Там цапля охотилась, мы видели, как она лягушку поймала. — Он сделал колющее движение двумя плотно сжатыми пальцами. — Вот так она ее клювом. Великолепное местечко.

Они спустились по пологому склону туда, где гравийная коса уходила в мелкий ручеек. В нем неуклюже барахтался Эрик, хватая что-то под водой. Он сел, красный от напряжения, когда они присоединились к нему.

— Рыба, — объяснил он. — Повсюду. Нет, вы только посмотрите!

По обе стороны косы виднелись плотные стайки пескарей, водяные жуки скользили по поверхности, описывала круги стрекоза.

— Я в лесу видела лиса, — сообщила Сара. — Он сидел и смотрел на меня, и совсем не боялся. Но где мы?

Эрик перекатился на спину, посмотрел в безоблачное голубое небо, одной рукой продолжая шарить в речке.

— Мне все равно. Это отличное место, лучше, чем любой старый парк. И чем любой скаутский лагерь, — добавил он специально для Грега. — А сейчас я проголодался. Давайте посмотрим, что там, в корзине, с которой мы таскаемся все утро.

Они перешли в тень зарослей ивы, тонкие листья которой колыхались от малейшего ветерка. Сара открыла корзину. Грег заметил ей, что она неправильно расставляет.

— Эй, нас здесь только трое. Зачем ты накрываешь на четверых?

Да, она вынула все четыре пластмассовых блюда, поставила возле каждого кружку и теперь раздавала бутерброды. У Грега была красная тарелка, у Эрика желтая, голубая была ее. Почему же она вытащила и зеленую? Просто ей почему-то показалось, что она по той или иной причине потребуется.

— У нас могут быть гости, — сказала она.

— Что ты хочешь этим сказать? Здесь никого кроме нас нет. — Эрик засмеялся над ней.

Сара присела на пятки.

— Хорошо, мистер Всезнайка, — огрызнулась она. — Может, тогда ты скажешь мне, где мы на самом деле находимся, раз ты такой умный! Это вовсе никакой не маленький остров на озере, вы не заставите меня в это поверить! Откуда же тебе знать, что здесь никого больше нет?

Эрик перестал смеяться. Неуверенно он смотрел то на сестру, то на Грега. Затем все трое оглянулись на темный лес, из которого вышли. Грег глубоко вздохнул, а Сара заговорила вновь:

— И как мы попадем обратно? Кто-нибудь из вас, умников, подумал об этом? — Она потянулась за корзинкой, будто прикосновение к ней должно вновь соединить ее с реальным миром.

Грег поглядел на реку и нахмурился.

— Мы можем вернуться туда, откуда пришли, — сказал он. — Я по дороге повсюду делал насечки на деревьях своим скаутским ножом.

Сара была удивлена и в то же время довольна им. Грег был такой умный и обо всем позаботился. И, зная, что у них была ниточка, ведущая к стене замка и двери, почувствовала облегчение. Но теперь она убрала с тарелок оставшиеся бутерброды и складывала их обратно в корзину. Раз Грег мог думать наперед, она тоже могла.

— Эй! — немедленно запротестовал Эрик. — Почему ты их убираешь? Я хочу еще есть!

— А можешь захотеть еще больше, — отпарировала она. — Если мы не успеем к ужину.

Грег отвинчивал крышку термоса, но внезапно вскочил на ноги, глядя куда-то за спину Сары. Выражение его лица заставило Сару повернуться, а Эрик застыл с полураскрытым ртом.

Так же неслышно, как появился лис, в поле зрения появилось другое существо. И хотя Сара восприняла лиса как естественного жителя этих лесов, никто из Лаури не видел человека, похожего на этого.

Он был молодой, подумала Сара, но гораздо старше Грега. И у него было симпатичное лицо, даже красивое, хотя с усталым и печальным выражением. Каштановые волосы, в которых на солнце поблескивали рыжие искры, были длинные, пряди на висках доставали почти до плеч, челка ровно обрезана над черными бровями.

А одежда! На нем были плотно облегающие ботинки из мягкой коричневой кожи, с заостренными носками, а выше них надето нечто, напоминающее по виду длинные чулки — может, колготки, — тоже коричневые. Поверх рубахи длинный жилет такого же зеленого цвета, как листья деревьев, а на груди вышит узор. Жилет плотно стянут на поясе ремнем, на котором висел длинный узкий нож в ножнах и кошелек. В руке он держал длинный лук, которым отгибал ветки ивы, разглядывая Лаури с удивлением, равным их собственному.

Сара вскочила на ноги, отряхивая крошки и пыль со своих джинсов.

— Прошу вас, сэр... — она добавила «сэр», потому что это казалось правильным и уместным, как будто незнакомец был полковником на старом месте службы отца, — не желаете ли пообедать?

Юноша все еще выглядел растерянным. Но он больше не хмурился, как вначале.

— Пообедать? — вопросительно повторил он, произнося слово с иным ударением.

Эрик проглотил то, что было у него во рту, и показал на тарелки.

— Еда!

— Да. — Сара наклонилась над зеленой тарелкой и протянула ее, приглашая незнакомца. — Открывай же лимонад, Грег, а то Эрик подавится и умрет. — Последний кусок попал Эрику не в то горло, и он закашлялся.

Внезапно юноша рассмеялся и подошел ближе. Потом нагнулся, чтобы похлопать Эрика между лопаток. Мальчик сипло выдохнул и сглотнул, в глазах у него появились слезы. Грег плеснул в кружку лимонад и протянул брату.

— Жадина! — недовольно сказал он. — В следующий раз не пытайся заглотить полбутерброда за один раз. — Он наклонился, чтобы налить в остальные кружки, и протянул зеленую незнакомцу.

Гость принял ее и начал вертеть в руках, будто пластмасса казалась ему чем-то странным. Затем отхлебнул содержимое.

— Странное вино, — прокомментировал он. — Хорошо остужает горло, но похоже, что его делали из винограда, который растет в снегу.

— Это не вино, сэр, — поторопилась с объяснениями Сара. — Просто лимонад был в термосе. А это — арахисовое масло, — показала она на бутерброды. — А это — ветчина. Еще есть вареные вкрутую яйца, маринад и немного печенья — миссис Стайнер печет действительно хорошее печенье.

Юноша разглядывал еду на своей тарелке несколько озадаченно, но в конце концов взял яйцо.

— Соль. — Грег пододвинул ему солонку. Эрик перестал кашлять, хотя лицо его было все равно красное. Каким-то образом у него хватило дыхания спросить:

— Вы здесь живете, сэр?

— Живу здесь? Нет, не так близко к границе. Вы не из этой страны?

— Мы пришли через дыру в стене, — объяснил Грег. — Там был замок...

— Маленький замок на острове, — встряла Сара. — А в стене были ворота, заложенные камнем. Мальчишки вытащили их, и мы прошли внутрь.

Он рассматривал ее с тем же вниманием, с каким разглядывал еду.

— Мальчишки? — с удивлением спросил он. — Но ведь вы все трое мальчишки?

Сара посмотрела на братьев и на себя. Их джинсы выглядели совершенно одинаково, рубашки тоже. Но ее волосы — нет, ее волосы были даже не такими длинными, как у этого юноши.

— Я Сара Лаури, и я девочка, — заявила она немного обиженно, впервые в жизни будучи раздосадованной тем, что ее посчитали заодно с Эриком и Грегом, хотя до этого она была весьма довольна подобными ошибками. — Это мой старший брат Грег, — показала она пальцем, совершенно забыв о хороших манерах. — А это Эрик.

Юноша приложил руку к груди и поклонился. Это был красивый жест, и Сара нисколько не почувствовала себя неудобно или вовсе по-дурацки, а наоборот, как будто она была взрослой и важной.

— А меня зовут Хуон, Хранитель Запада. — Указательным пальцем он провел по вышитому золотом узору на своем зеленом жилете. Сара увидела чешую свернувшегося в кольцо дракона с угрожающими клыками и широко раскрытыми челюстями. — Зеленый дракон. Как Артур — Красный Дракон, Хранитель Востока.

Грег положил обратно бутерброд, который как раз собирался развернуть. Он внимательно разглядывал Хуона, и его губы сложились в хмурую линию — так он выглядел, когда думал, что над ним хотят посмеяться.

— Вы имеете в виду Артура Пендрагона? Но ведь это придуманная история. Сказка!

— Артура Пендрагона, — одобрительно кивнул юноша. — Выходит, вы слышали о Красном Драконе? А о Зеленом не слышали?

— Хуон... Был такой Хуон по прозвищу Горнист. — К величайшему удивлению Сары, это сказал Эрик. — И, я так думаю, что Роланд там?

Он указал на лес.

Но юноша покачал головой, и его улыбка исчезла.

— Нет. Роланд пал при Ронсевалле задолго до того, как я стал здесь хранителем. Жалко, что нет никого такого, как он, чтобы поддержать нас сейчас. Но вы меня правильно называли, молодой господин. Когда-то я назывался Хуоном Горнистом. Теперь я Хуон без Горна, что очень плохо. Но я все равно Хранитель Запада и поэтому обязан поинтересоваться тем, что вы здесь делаете. Эти ворота, через которые вы прошли... я не понимаю, — добавил он как будто про себя. — С нашей стороны не было никакого вызова. Этот портал был построен, а затем замурован, когда к нам вернулся Амброзий и сообщил, что наши миры разошлись слишком далеко в пространстве и времени и что люди не могут ответить на наш призыв. А вы все равно пришли... — Он снова нахмурился. — Может быть, это опять происки врагов?

— Пусть кто-нибудь объяснит, — сказала Сара тихим голосом. Больше чем когда-либо ей захотелось знать, где они находятся. Казалось, что юноша понял, потому что теперь он обратился прямо к ней:

— Эта страна, — его рука описала широкий полукруг, — когда-то имела четверо врат. Медвежьи Врата на севере мы потеряли давно, потому что враги заняли земли, на которых издавна стояли. Львиные Врата на юге мы заперли могучим заклинанием, так что с той стороны все в порядке. Врата Ве-

пря, которые лежат на востоке, забыты так давно, что даже Мерлин Амброзий не мог нам сказать, где они были и есть ли до сих пор. А здесь, на западе, — Лисьи Врата. Несколько лет назад Мерлин открывал их, но обнаружил, что нет более пути, которым он мог бы достигнуть разума людей. Тогда наши опасения возросли... — Хуон замолчал, глядя в свою кружку так, будто видел в ней не лимонад, а нечто другое, и к тому же весьма неприятное. — И дверь была замурована, до тех пор пока вы ее не открыли. — Он замолчал.

— Я там видела лиса. — Сара не совсем понимала, зачем она это сказала.

Хуон улыбнулся ей.

— Да, Руфус хороший страж. Он заметил, как вы входили, и позвал меня. Лесные существа охотно нам помогают, потому что наша жизнь проходит на одних и тех же тропинках.

— Но что это за страна и кто враги? — нетерпеливо спросил Грег.

— У этой страны есть много названий в вашем мире — Авалон, Аванан, Атлантида, — почти столько же, сколько разных людей рассказывали о ней. Разве вы о ней ничего не слышали раньше? Должно быть, слышали, раз знаете сказание об Артуре Пендрагоне! — Он вежливо поклонился Грегу. — И обо мне, бывшем Хуоне Горнисте. Потому что это страна, в которую я и Артур были призваны. Или это уже забыто в мире людей? — закончил он немного печально.

Артур Пендрагон — это же Король Артур Круглого Стола, сразу вспомнила Сара. Но Хуон — она не знала его истории и сожалела, что не может спросить о нем Эрика.

Теперь Грег посмотрел сердито, но не на Хуона, а на землю между своих ног, в которой ковырял ямки одной из ложек, взятых из корзины.

— Сплошное безумие, — бормотал он. — Король Артур — это просто легенда. Настоящий Артур — это британский римлянин, который воевал с саксонцами. У него никогда не было круглого стола и никаких рыцарей! Мистер Легард рассказывал нам о нем на истории в прошлой четверти. Остальное — Круглый Стол и рыцари — это все было придумано в

Средние века, чтобы рассказывать на пирах — вроде телевизора.

Хуон покачал головой:

— Правда это или бль в вашем мире, но сейчас вы действительно в Авалоне, молодой господин. Это верно так же, как то, что я сейчас ем вашу пищу и пью ваше странное, но освежающее вино. И Руфус беспрепятственно пропустил вас через Лисьи Врата. Значит, то, что вы сюда пришли, было предназначено.

ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО

— То, что вы прошли через наши Врата целыми и невредимыми, — продолжал Хуон, — означает, что вы не были посланы или вызваны ими. — Он быстрым движением поднял руку и сделал знак, который дети не поняли.

— Ими? — спросила Сара перед тем, как откусить бутерброд. Этот разговор о вратах придавал уверенности, потому что теперь они могли вернуться той же дорогой, какой пришли.

— Врагами, — откликнулся Хуон, — теми силами тьмы, что воюют против всего хорошего, справедливого и правильного. Черные колдуны, ведьмы, ведуны, оборотни, вампиры, людоеды — у врага так же много имен, как у самого Авалона, — множество обличий и способов скрыться, некоторые приятные на вид, но в основном отвратительные. Они — тени тьмы, они долго стремились захватить Авалон, а затем одержать победу над другими мирами, и над вашим тоже. Подумайте о том, что вам более всего ненавистно, и это будет только часть этих врагов и Темных Сил.

Мы здесь подвергаемся опасности, потому что заклинаниями и предательством они отняли у нас три талисмана: Экскалибур, кольцо Мерлина и рог — все это в течение трех дней. А если мы пойдем на битву без них... ах, ах... — Хуон покачал головой. — Мы будем как воины, закованные в тяжелые цепи по рукам и ногам.

Затем он внезапно спросил:

— Обладаете ли вы привилегией холодного железа?

Они смотрели на него с недоумением, а он указал на один из ножей в корзине:

— Из какого металла это выковано?

— Из нержавеющей стали, — ответил Грег. — Но какое это имеет отношение к...

— Нержавеющая сталь, — перебил Хуон. — Но у вас нет железа — холодного железа, выплавленного смертным в мире смертных? Или вам также нужно серебро?

— У нас действительно есть немного серебра, — вступила Сара. Из нагрудного кармана рубашки она вытащила свернутый носовой платок, в котором лежала оставшаяся часть ее карманных денег на неделю, десять и двадцать пять центов.

— При чем здесь железо и серебро? — захотел узнать Эрик.

— Вот. — Хуон вынул нож из ножен. В тени ивы лезвие блестело так ярко, словно его держали на прямом солнечном свете. И когда он его повернул, металл сверкнул блестками огня, будто искры разлетелись от горящих дров. — Это серебро ковали гномы — это не холодное железо. Потому что тем, кто родом из Авалона, нельзя держать в руках железное лезвие, иначе он сгорит дотла.

Грег поднял вверх ложку, которой ковырял землю.

— Сталь — это железо, но я не сгораю.

— А, — Хуон улыбнулся. — Но ведь вы родом не из Авалона. Так же, как и я, так же, как и Артур. Когда-то я воевал железным мечом и ходил на битву в железной кольчуге. Но здесь, в Авалоне, я спрятал все это обмундирование, чтобы не повредить тем, кто идет со мной. Поэтому ношу серебряный клинок и серебряные доспехи, как и Артур. Для рода эльфов железо нарушает хорошие заклинания, это яд, дающий глубокие незаживающие раны. Во всем Авалоне раньше было только два предмета, сделанные из настоящего железа. А теперь их у нас отняли — возможно, на нашу погибель. — Он покрутил сверкающий нож между пальцев, так что искры ослепительно брызнули.

— А что это за два железных предмета, которые вы потеряли? — поинтересовалась Сара.

— Вы слышали про меч Экскалибур?

— Меч Артура — тот, который он вытащил из скалы, — сообщил Грег и заметил, что Хуон с иронией улыбнулся этому.

— Но ведь Артур всего лишь сказание, не так ли ты говорил? Хотя мне кажется, что ты знаешь сказание достаточно полно.

— Конечно, — нетерпеливо сказал Грег, — всем известно про Короля Артура и его меч. Э-э, я об этом читал, когда был еще совсем маленьким ребенком. Но от этого оно не становится правдой, — закончил он немного воинственно.

— И Экскалибур был одним из того, что вы потеряли, — настаивала Сара.

— Не потеряли. Я уже говорил, что он был у нас украден при помощи одного заклинания и спрятан при помощи другого, которое Мерлин не может расколдовать. Экскалибур исчез, и кольцо Мерлина, которое тоже было сделано из железа и обладало огромной силой, потому что тот, кто его носит, может командовать зверями и птицами, деревьями и землей. Меч, кольцо и рог...

— Он был тоже железный?

— Нет. Но это был волшебный предмет, его дал мне король эльфов Оберон, который когда-то был верховным властителем этой страны. Он может помогать, а может и уничтожать. Один раз он чуть меня не убил, и много раз он приходил мне на помощь. Но теперь у меня нет рога, и большая часть моей силы пропала, и это плохо, очень плохо для Авалона!

— Кто их украл? — спросил Эрик.

— Враги, кто же еще? Теперь они собирают все свои силы, чтобы навалиться на нас и своим колдовством разнести по кусочкам все наши ценности. В Начале Всего Авалону было предназначено стоять стеной между тьмой и вашим смертным миром. Когда мы отбрасываем тьму назад и держим ее под контролем, в вашем мире царит мир. Но если

тьма прорывается, одерживая победы, тогда вы в свою очередь испытываете лишения, войны, зло.

— Авалон и ваш мир — зеркальное отражение друг друга, но неким таким образом, что даже Мерлин Амброзий не может понять этого, а он знаток сердца Авалона и самый великий из всех рожденных от смертной женщины и короля эльфов. То, что случается с нами, потом произойдет и с вами. А нынче зло поднимает голову. Сначала оно неслышно проникло почти незаметным ручейком, а теперь оно имеет дерзость вызывать нас на открытый бой. А наш талисман пропал, и кто из людей или даже колдунов сможет предвидеть, что случится с Авалоном и его миром-побратимом?

— А почему вам хотелось узнать, можем ли мы обращаться с железом? — спросил Грег.

Мгновение Хуон колебался, а его взгляд блуждал по мальчишкам и Саре. Затем он глубоко вздохнул, будто собирался нырнуть в омут.

— Когда кто-нибудь проходит через врата, это значит, что был призван, и здесь его ждет судьба. Только величайшая магия может открыть ему путь обратно из Авалона.

А холодное железо — это ваша магия, подобно тому, как у нас есть другое волшебство.

Эрик вскочил на ноги.

— Я в это не верю! Это все придумано, и мы сейчас же возвращаемся туда, откуда пришли. Идем, Грег! Сара, идем!

Грег медленно встал. Сара вовсе не пошевелилась. Эрик дернул брата за руку.

— Ты ведь сделал зарубки по пути к вратам, так? — кричал он. — Покажи мне, где. Идем, Сара!

Она упаковывала корзину.

— Хорошо. Иди вперед.

Эрик повернулся и побежал. Сара посмотрела прямо в карие глаза Хуона.

— Врата на самом деле закрыты, так? — спросила она. — Мы не можем уйти, пока ваше волшебство не выпустит нас, правильно? — Сара не знала, как об этом догадалась, но была уверена, что говорит правду.

— От меня это никак не зависит. — Голос Хуона был печальным. — Хотя у меня есть кое-какая сила, но врата не в моей власти. Я не уверен, что даже Мерлин сможет вам их открыть, если вас призвали... Только когда вы сами сделаете выбор...

Грег подвинулся ближе.

— Какой выбор? Вы хотите сказать, что нам придется здесь оставаться до тех пор, пока мы чего-то не сделаем. Чего? Может, вернуть Экскалибур, или это кольцо, или рог?

Хуон пожал плечами.

— Не мне об этом говорить. Мы сможем узнать истину только в Кэр Сидди, Замке Четырех Углов.

— А это далеко отсюда? — поинтересовалась Сара.

— Если идти пешком, может быть. А для Горной Лошади это вовсе не расстояние.

Хуон вышел из тени ивы на открытый солнцу берег ручья. Он засунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

Ему ответили с неба над головой. Сара смотрела выпученными глазами, а Грег закричал. Послышался всплеск, когда вода вспенилась вокруг копыт, и хлопанье огромных крыльев. В мелкой речушке стояли две вороньи лошади, холодная вода омывала их ноги. Но какие лошади! Перепончатые крылья как у летучих мышей были сложены на могучих плечах, а сами лошади мотали головами и приветствовали человека, который их позвал. На них не было ни седел, ни уздечек, но было ясно, что они появились, чтобы служить Хуону.

Одна из них наклонила голову, чтобы попить, фыркая в воду, и вновь подняла морду, с которой летели капли. Другая трусцой выбежала на берег и вытянула голову в сторону Грега, рассматривая мальчика с определенным интересом.

— Это Кем, а это Ситта. — Как только Хуон произнес их имена, обе лошади поклонились и негромко заржали. — Им хорошо известны как воздушные пути, так и земные дороги. И они доставят нас в Кэр Сидди еще до захода солнца.

— Грег! Сара! — Это кричал Эрик, выбегая из чащи. — Ворота пропали. Я прошел по зарубкам обратно — ворот нет, только плотно стоящие деревья!

— Разве я не говорил, что время для возвращения еще не пришло? — Хуон кивнул. — Для этого вам нужно найти правильный ключ.

Сара крепко обхватила корзинку. Она с самого начала подозревала, что дороги назад нет. Но когда это произнес Эрик, это подействовало отрезвляюще.

— Хорошо. — Грег повернулся лицом к крылатым лошадям. — Тогда поехали. Я хочу узнать про ключ и про то, когда мы снова попадем домой.

Эрик пошел в ногу рядом с Сарой, похлопывая рукой по корзине.

— Зачем тебе с ней таскаться? Оставь ее здесь.

Хуон пришел ей на помощь.

— Девушка поступает правильно, Эрик. Потому что в Авалоне существует еще один вид чар: те, кто ест его пищу и пьет его вино и воду, не могут легко покинуть Авалона, потому что они изменяются самым серьезным образом. Берегите остатки вашей еды и питья и добавляйте их к нашим, когда будете принимать завтрак.

Грег и Эрик вскарабкались на Ситту, Эрик плотно обхватил брата за пояс, а руки Грега вцепились в гриву лошади. Хуон посадил Сару перед собой на Кема. Лошади поскакали, затем перешли в галоп, и их крылья раскрылись. Они начали набирать высоту над залитой солнцем водой и зеленым ковром деревьев.

Кем описал круг и направился на юго-запад, Ситта шла рядом крыло к крылу. Стая больших черных птиц поднялась с поля и некоторое время летела с ними, сопровождая их криками надтреснутыми резкими голосами, пока лошади их не обогнали.

Сначала Сара боялась смотреть вниз на землю. Она даже плотно закрыла глаза, радуясь тому, что рука Хуона крепко обнимает ее, а сзади чувствуется его каменно-крепкое тело. У нее начинала кружиться голова, когда она думала о том, что земля сейчас далеко внизу, а потом... Она услышала, как Хуон рассмеялся.

— Ну, леди Сара, вовсе не плохо вот так путешествовать. Люди давно завидовали птицам из-за их крыльев, а таким способом смертный человек находится ближе всего к их полету, конечно, если они не заколдованы и больше уже не люди. Я бы никогда не позволил тебе запрыгнуть на жеребенка с небесных пастбищ. Но Кем надежный конь и не будет шутить с нами. Так ли это, отец Быстрых Бегунов?

Лошадь заржала, и Сара осмелилась открыть глаза. На самом деле было не так уж страшно наблюдать, как внизу проплывает зеленая равнина. Потом впереди сверкнула вспышка света, очень похожая на искры от ножа Хуона, только гораздо, гораздо больше. Это солнце отражалось от крыш четырех высоких башен, замкнутых в прямоугольник стенами из серо-зеленого камня.

— Это Кэр Сидди, Замок Четырех Углов, который стал западным укреплением Авалона, так же, как Камелот на востоке. Эй, Кем, приземляйся поосторожнее, там за стенами общий сбор!

Они описали круг далеко за пределами четырех внешних башен, и Сара посмотрела вниз. Внизу двигались люди. На самой высокой башне трепетало знамя, зеленое знамя такого же цвета, как жилет Хуона, и по нему золотом был вышит дракон.

Вокруг них выросли высокие стены, и Сара поспешила снова закрыть глаза. Потом рука Хуона напряглась, и Кем уже скакал, а не летел. Они были на земле.

Вокруг столпились люди, так много людей, что Сара вначале обратила внимание только на их необычные одеяния. Она стояла на брусчатке и была рада, когда к ней присоединились Грег и Эрик.

— Вот это да! Ну и прокатились же мы! — не выдержал Эрик. — Спорим, их даже реактивный самолет не обгонит!

Грег больше интересовался тем, что было сейчас вокруг них.

— Лучники! Нет, ты посмотри на их луки!

Сара посмотрела в сторону, куда показывал брат. Лучники были одеты одинаково, очень похоже на Хуона. Но на них

еще были рубахи из множества серебряных колечек, соединенных вместе, и поверх них — серые балахоны с зелеными и золотыми драконами на груди. Их серебряные шлемы сидели так глубоко, что трудно было различить черты лица. У каждого был лук высотой с него самого, а через плечо висел наполненный стрелами колчан.

За шеренгой лучников была толпа людей. На них тоже были рубахи из колец и балахоны с вышивкой драконов. Но вокруг шеи были подвязаны длинные капюшоны, а вместо луков на поясах висели мечи, и на шлеме у каждого небольшое украшение из перьев.

Позади вооруженных мечами мужчин стояли дамы. Саре стало ужасно неловко за свои джинсы и рубашку, которая утром была чистой, а сейчас стала грязной и рваной. Ничего удивительного в том, что Хуон принял ее за мальчишку, если женщины в Авалоне одевались так! У большинства из них были длинные косы с вплетенными в них сверкающими нитями. Длинные цветастые платья перехвачены пояском на талии, а длинные рукава свисают, иногда до земли.

Одна из дам, с темными курчавыми волосами, обрамляющими лицо, в сине-зеленом платье, шелестящем, когда она двигалась, подошла к ним. На голове у нее была золотая диадема с жемчужиной, и другие уступали ей дорогу, как королеве.

— Властительница Авалона. — Хуон подошел ближе к ней. — Эти трое вошли через Лисьи Врата, свободно и беспрепятственно. Это леди Сара и ее братья Грег и Эрик. А это — леди Кларамонд, моя жена, а значит, верховная властительница Авалона.

Просто сказать «здравствуйте» почему-то показалось неудобным. Сара нерешительно улыбнулась, и дама ответила на ее улыбку. Затем дама положила руки Саре на плечи, и поскольку она была маленького роста, ей пришлось лишь слегка нагнуться, чтобы поцеловать девочку в лоб.

— Добро пожаловать, трижды добро пожаловать. — Леди Кларамонд снова улыбнулась и повернулась к Эрику, который ужасно смутился, когда она приветствовала его таким же

поцелуем, а потом повернулась к Грегу: — Желаю вам хорошего отдыха в этих стенах. Да будет мир вам.

— Спасибо, — выдавил Эрик. Но к удивлению Сары, Грег отвесил самый настоящий поклон и казался весьма довольным собой.

Потом их приветствовала еще одна фигура. Толпа рыцарей и лучников открыла ему дорогу, так же, как дамы расступились перед Кларамонд. Только на этот раз к ним вышел не воин, а высокий человек в простом сером наряде, на котором красные линии переплетались и перекручивались в странном узоре. Его волосы были седые, цвета его одежды, и лежали на плечах густыми прядями, которые на груди спутывались с широкой бородой. Сара никогда не видела таких ясных глаз — эти глаза заставляли верить в то, что он смотрит тебе прямо в душу и видит там все, и плохое и хорошее.

Вместо пояса у него была лента такого же темно-красного цвета, что и узор на его одеянии. И если рассматривать ее внимательно, то казалось, что она движется, будто живет своей собственной жизнью.

— Итак, все-таки вы пришли. — Он окинул всех Лаури немного строгим взглядом.

Вначале Сара почувствовала себя неудобно, но когда эти темные глаза посмотрели прямо на нее, страх пропал, остался только благоговейный трепет. Она никогда не видела никого похожего на этого человека, но была уверена, что он не замышлял против нее зла. На самом деле вовсе наоборот, что-то исходило от него и придавало ей уверенности, снимая едва заметное ощущение неловкости, которое она испытывала с тех самых пор, как прошла через ворота.

— Да, Мерлин, они пришли. И не напрасно. Будем надеяться, что не напрасно.

Голос Хуона был приглушенным, и Сара подумала, что он, несмотря на все свои королевские полномочия, смотрит на Мерлина как на кого-то более великого и более мудрого, чем он сам.

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

— Мне это не нравится. Надо удирать, пока чего-нибудь не случилось. — Эрик выглядывал в одно из узких окон замка. — Скоро закат солнца. Что будет, если мы не вернемся к дядюшке Маку до ужина?

Сара сидела на низком стульчике с бархатным сиденьем, корзинка стояла у нее между ног, и смеялась.

— С миссис Стайнер случится припадок, вот что будет. Как хотите, но Хуон и леди Кларамонд добры к нам, и я не думаю, что они позволят, чтобы случилось что-нибудь нехорошее. И как мы выберемся обратно, если ворота исчезли? Кроме того, дотуда семь дней бурелома, а мы и дороги не знаем.

— Нет? Ну ладно, а ведь летающие кони знают. Как бы добраться до них, и...

— И как ты собираешься это сделать? — Грег вышел из тени около дверей палаты. — Здесь кругом куча народу, и нас обязательно спросят, если мы попытаемся выйти. К тому же, с чего ты взял, что лошади полетят по нашему требованию? Сара права, какой смысл идти обратно к воротам, если их там уже нет?

С сегодняшнего утра Грег вроде бы как несколько подрос. У него на подбородке грязное пятно, и ему нужно было расчесать густые светлые волосы. Но он стал другим, может быть, изменившимся внутри, подумала Сара. Когда он говорил так спокойно, он был очень похож на отца, когда тот бывал серьезным.

— Ты хочешь сказать, что нам придется здесь остаться до тех пор, пока они нас не выпустят? — взорвался Эрик.

Сара негодуяще повернулась к нему.

— Так не честно, и ты об этом знаешь, Эрик Лаури! Они не держат нас насильно. Разве Хуон не говорил в самом начале, что он никаким способом не сможет открыть нам врата?

Эрик подошел и встал напротив нее подбоченившись.

— А ты прям сразу поверила всему, что они говорили!

— Успокойся, — вмешался Грег, сейчас очень напоминая отца.

Эрик развернулся, чтобы огрызнуться, но его брат продолжил:

— Сара права. Если часть из того, что они нам рассказывали, правда, значит, все остальное тоже правда, иначе быть не может. Мы в замке, так? Настоящем замке, как у короля Артура. И попали сюда верхом на двух крылатых лошадях. И еще, — закончил он задумчиво, — Мерлин не похож на обманщика. И он сказал, что ему надо поговорить с нами.

— Ему я тоже не верю! — дерзко бросил Эрик.

— Значит, не верите мне, молодой господин?

Сара вздрогнула, а Эрик подскочил. Они стояли лицом к единственной двери в палату, но не видели, как Мерлин зашел. А теперь он стоял здесь, и его ясный взгляд остановился на них.

— Эрик не это хотел сказать, — торопливо начала Сара.

— О! А я думаю, что хотел именно это. — Мерлин расчесывал бороду правой пятерней, а левой похлопывал по своему поясу из ленты. В комнате с каменными стенами он казался еще более высоким, чем во дворе замка, и серый цвет его одеяния смешивался с серостью стен, и он начинал казаться частью самого замка. Сейчас он сел на стул с высокой спинкой и разглядывал Лаури, а те смущенно стояли перед ним.

— Эрик совершенно прав, — продолжил Мерлин после паузы, в которой их чувство неудобства только увеличилось. — Да, он совершенно прав, что не доверяет мне, Сара.

— Почему?

— Потому что для меня благополучие Авалона превыше всего. Столько лет, сколько каменных блоков в этих стенах вокруг нас... Я был одним из трех хранителей этой земли. Артур орудует мечом, булавой и копьем на востоке. Хуон стоит стеной со своими рыцарями-эльфами на западе. А я использую другие силы и другую власть, чтобы им помогать. Не так давно я пересек море пространства и времени, чтобы

открыть Лисьи Врата — я, Мерлин Амброзий, единственный человек, который прошел этим путем за долгие века.

— Так вы — мистер Брозиус? — перебил Грег.

Мерлин дернул себя за бороду.

— Значит, меня до сих пор помнят? Время между нашими мирами не слишком совпадает — здесь оно течет гораздо быстрее, чем у вас. Да, я открыл врата и искал тех, кто поможет нам в надвигающейся битве. Но, — теперь его голос звучал печально, — не было никого с нужным духом и рассудком, никого, кого мы могли бы призвать, как когда-то властью этой земли были призваны Артур, Хуон и я. Похоже, что теперь врата сделали свой собственный выбор, потому что нам грозит новая, еще большая опасность нападения сил зла.

— Хуон рассказал нам о потере Экскалибура, вашего кольца и рога, — сказал Грег.

— Итак, — густые брови Мерлина поднялись, — теперь вы можете понять, почему мы так взволнованы вашим приходом? Мы теряем три талисмана, а потом появляетесь вы. Как же можно не поверить в то, что ваша судьба связана с нашими потерями?

— Мы не крали ваших вещей! — выкрикнул Эрик.

— Мы знаем об этом. Но вы можете помочь вернуть их обратно, если захотите.

— А если не захотим, тогда вы не отпустите нас обратно домой — так ведь, или нет? — грубо потребовал ответа Эрик.

Мерлин лишь взглянул на него, и Эрик покраснел. Теперь пришла очередь Грега спросить:

— Это правда, сэр? Мы не можем вернуться домой?

На мгновение Мерлин опять замолчал, и внезапно у Сары возникло странное ощущение стыда, будто она сделала что-то неправильное, хотя она-то совсем ничего не говорила. А лицо Эрика стало еще краснее.

— Есть заклинание, которое силой откроет врата, если вы действительно этого хотите.

— Но вы считаете, что нам было предназначено прийти сюда и помочь вам, не так ли, сэр? — настаивал Грег.

Мерлин кивнул. Цветные узоры ленты вокруг его пояса изгибались и закручивались так, что у Сары закружилась голова и ей пришлось закрыть глаза и отвернуться.

— У вас есть выбор, молодые господа, леди Сара. Но я должен вам еще сказать, если вы решите оказать нам помощь, то по дорогам, отраженным в зеркале, не так легко пройти, и тот мужчина или женщина, кто путешествует по ним, не возвращается из этих путешествий таким, каким ушел.

— Верно ли то, что, если враг выигрывает битву здесь, то наш мир тоже подвергается опасности? — продолжал Грег.

Опять Мерлин кивнул.

— Царит ли в вашем мире мир сегодня, сынок? Ведь здесь прилив зла поднялся очень высоко и с годами растет. Я спрашиваю тебя еще раз, царит ли мир в вашем мире сегодня?

Сара вздрогнула. Она не была до конца уверена, что имел в виду Мерлин. Но она помнила все разговоры там, по другую сторону ворот, все, о чем говорили мама и папа.

— Нет, — был ответ Грега, — все время идут разговоры о новой войне и о бомбе.

— Авалон все еще крепко держится, хотя сколько это продлится, — Саре показалось, что глаза Мерлина были такие ясные, что в них было больно смотреть, — этого ни один человек, смертный или король эльфов, не сможет сказать. Выбор ваш — помогать нам или нет.

— В нашем мире мой папа солдат, — медленно сказал Грег, — и если будет еще одна война, та, которой все боятся, придет ли она туда, если враг победит здесь, сэр?

— Врага невозможно окончательно победить, ни в Авалоне, ни в вашем мире, — вздохнул Мерлин. — Он рядится в разные одежды, марширует под разными знаменами, но он всегда существует. Мы надеемся держать его все время в обороне, всегда храбро встречать его и никогда не позволить ему одержать полную победу. Да, если он победит здесь, тогда наверняка сможет победить в вашем времени и пространстве.

— Тогда я буду делать так, как вы хотите, — ответил Грег. — Это вроде и за отца тоже, — он вопросительно посмотрел на Сару и Эрика.

— Хорошо. — Эрик соглашался неохотно. Он выглядел так же испуганно и несчастно, как чувствовала себя Сара.

Она не отпускала корзину, которая теперь была единственным реальным предметом в этом запутанном сне. И ее голос был очень слабым и тонким, когда она сказала:

— Я... я тоже помогу, — хотя ей вовсе этого не хотелось.

Мерлин выпрямился на стуле, и теперь он улыбался. Саре стало теплей, когда она увидела улыбку, и она почти радовалась.

— Тогда вам надо найти наши талисманы, где бы они ни находились и кто бы их ни охранял. Помните — холодное железо ваш слуга и ваше волшебство, призывайте его на помощь, когда потребуется. И начинать надо — немедленно!

Его голос прозвучал как громкий призыв трубы. Сара закричала, как тогда, когда серая хмарь окутала ее за воротами. Затем шум прекратился.

Они остались втроем. Она поймала Эрика и Грега за руки. Ни один не отпрянул. Но они были в новом месте — в этой комнате не было окон, а свет исходил из пяти бледно-зеленых сфер, расположенных в форме звезды наверху. Три стены были завешаны тканью, какую Сара видела однажды в музее. На ткани были рисунки, которые шевелились, будто где-то за ними дул поток воздуха. Непонятные люди бегали наперегонки с единорогами. Летали птицы, и казалось, что листья на деревьях шелестят, или, возможно, это воздух производил такой шум.

Четвертая стена была совершенно другая, огромная, блестящая поверхность, отражающая все, что было в этой комнате. Ни намек на Мерлина. Сара крепче сжала руки братьев. Теперь ей хотелось, чтобы они попросились домой.

— Мне это место не нравится, — прокричала она, и слова откликнулись эхом: «Нравится... нравится... нравится...».

Грег высвободил руку и подошел к зеркальной стене. Когда он подошел к ней, то положил руки ладонями прямо на ее

поверхность. Остальные нерешительно последовали его примеру.

— Грег, что ты видишь? — Сара прижалась ближе с одной стороны, Эрик с другой. Оба заглядывали ему через плечо в узкую полосу, отгороженную его руками.

Казалось, что они просто рассматривали сельский пейзаж за окном. Только за окном виднелась не зеленая и золотистая земля, над которой пронесли их крылатые лошади, но совершенно другая местность.

И там была ночь, а не день. В лунном свете, прямо за окном, виднелась извилистая дорога, уходящая вверх по склону холма и теряющаяся на его вершине. Ее обрамляли ряды чахлах деревьев, большинство из них без листьев, а многие изогнуты в причудливых, пугающих формах, так что их тени на земле выглядели как гоблины или монстры. И больше ничего — только белая дорога, уходящая в темные и угрюмые горы.

— Это дорога для Грега. Пусть вооружится холодным железом и идет!

Кто дал этот приказ? Изображение на ткани или он пришел из пустоты?

— Нет! — закричала Сара. — Эрик, останови его! — Она пыталась удержать Грега за руку. Там так темно. Грег боялся темноты, может, это его остановит. Но он высвободил руку во второй раз.

— Не глупи! Если мы хотим помочь, придется выполнять приказания.

— Это нехорошее место, Грег, я знаю, что это так! — Сара повернулась, чтобы еще раз посмотреть на дорогу. Дорога исчезла, и в зеркале она могла увидеть только отражение комнаты и трех Лаури.

— Вооружись холодным железом, — озадаченно повторил Эрик.

— Холодное железо. — Грег встал на одно колено около корзины. — Помните, что нам рассказывал Хуон о силе железа? То же самое должно быть справедливо и для стали. — Он открыл корзину, чтобы достать вилки, ножи и ложки.

Сара присела рядом с ним, изо всех сил стараясь не показать, как она напугана.

— Помнишь, что он говорил про волшебство в пище? Что нам нужно есть что-нибудь свое вместе с их едой? Тебе надо взять немного еды. — Когда она складывала в салфетку и заворачивала в узелок бутерброд, яйцо и печенье, у нее дрожали руки. Грег взял одну из вилок.

— И это называется оружием? — издевательски произнес Эрик. — Лучше было бы попросить меч или один из тех больших луков. В конце концов, раз мы собираемся помочь Авалону, они должны были дать что-нибудь получше.

— Холодное железо, помнишь? А вилка острая, заточенная. — Грег попробовал зубья пальцем. — Вот это мне надо взять, я сразу это понял, как только прикоснулся к ней. Спасибо за еду, Сара.

С узелком из салфетки в одной руке и вилкой в другой, Грег еще раз подошел к зеркалу.

— Эй, Грег, подожди минуту! — Эрик попытался перехватить его, а Сара отчаянно закричала:

— Грег!

Но в то же самое время она понимала, что ее протест бесполезен, потому что на лице у Грега было выражение, которое означало «быстрее-начнем-быстрее-закончим».

Они добежали до зеркала слишком поздно. Грег уже коснулся его поверхности. Он исчез, хотя Саре показалось, что какую-то секунду она видела смутную фигуру на горной дороге.

Эрик шарил руками по поверхности, сквозь которую исчез Грег. Потом постучал по ней кулаками.

— Грег! — прокричал он, и занавеси пошевелились, но ничего не было видно, кроме их собственных двух отражений. Сара вернулась к корзине и услышала, как Эрик воскликнул.

Так же, как ранее его брат, он стоял близко к стеклу, положив на него руки. И что-то наблюдал.

— Это Грег? Ты его видишь? — Сара подскочила к зеркалу. Может быть, она тоже сможет пройти и быть вместе с Грегом...

Но из-за плеча Эрика она не увидела освещенной лунной дороги и гор. Вместо этого виднелась полоска морского берега, песчаный пляж и кустики темно-зеленой жесткой травы. Среди накатывающих волн мелькали белые птицы, и стоял день, а не ночь.

— Это дорога для Эрика. Пусть вооружится холодным железом и идет!

Может, это были слова Мерлина? Они оба отпрянули от зеркала. Сара посмотрела на брата. Он кусал нижнюю губу и, потупившись, разглядывал свои руки.

— Ты идешь? — тихонько спросила она.

Он бросил сердитый взгляд и пнул корзину.

— Грег ушел, так? Если он может, значит, и я могу — и сделаю это! Дай мне тоже немного еды, Сара, и одну из этих вилок.

Но когда он взял вилку, то засомневался и медленно положил ее обратно на место.

— Кажется, это неправильно, — сказал он. Еще медленнее вынул из соседнего гнезда ложку. — Кажется, так лучше. Но почему?

— Наверное, ты берешь то, что тебе больше всего поможет. — Сара заворачивала второй узелок с едой. Хотя ей хотелось упросить Эрика, чтобы тот не уходил, она знала, что не сможет удержать его от этого приключения после того, как на их глазах ушел Грег.

— Удачи, — потерянно сказала она. Он взял еду.

Эрик все еще хмурился, когда встал напротив стены, и в ответ только пожал плечами.

— Это какое-то безумие, — пожаловался он. — Ладно, вперед!

Так же, как Грег, он подошел к зеркалу и прошел через него. Сара осталась сидеть одна на полу в совершенно пустой комнате.

Она изучала зеркало. Оно пропустило Грега, потом Эрика. И она знала, что теперь оно ожидало ее, чтобы тоже пропустить.

— Жалко, что мы не можем быть все вместе, — сказала она вслух и пожалела об этом, потому что эхо перекатывалось до тех пор, пока ей не стало казаться, что за занавесями шепчутся люди.

Она подняла корзину и подошла к зеркалу. Потом решительно сказала:

— Покажи мне мой путь, я готова идти.

Зеркала больше не было, только зелень, золото и солнечный свет. Она пошла вперед, и ноги перенесли ее с пола на мягкую землю. На мгновение Сара была в растерянности. Здесь не было ни горной дороги, ни морского берега. Она стояла посреди лесной поляны. Может быть, это тот же лес, который скрывал врата?

Лес так сильно отличался от мрачной пустынной дороги Грега и дикого морского берега, по которому ушел Эрик, что Сара не могла чуточку не обрадоваться. Только, раз она оказалась здесь, что же ей нужно делать?

— Кар-р-р.

Сара посмотрела вверх. На ветке дерева у нее над головой раскачивалась большая черная птица. Даже на солнце ее перья не лоснились и не сверкали, а, наоборот, выглядели тусклыми и пыльными. Даже ноги и клюв у нее были черными, а когда она повернула голову и посмотрела на Сару сверху вниз, в ее глазу сверкнул красный огонек. Саре он сразу не понравился.

— Кар-р-р. — Птица широко раскрыла крылья и после нескольких взмахов взлетела в воздух, спикировав ей на голову. Сара увернулась, а птица описала круг, хрипло каркая, будто издевательски смеялась над ней.

Сара забежала под дерево, надеясь спрятаться от птицы под ветками. Но та уселась на сук над ее головой и стала разгуливать по нему, все время наблюдая за ней.

— Убирайся! — Сара замахала на нее руками.

— Кар-р-р. — Птица издевательски хлопала крыльями, широко раскрывая клюв, и когда она закаркала, раздавалось шипенье, которое действительно могло напугать.

Сара схватила корзину и побежала. Еще раз птица поднялась в воздух и свалилась ей на голову. Сара прыгнула, чтобы укрыться в кустах, зацепилась ногой за корень и растянулась, больно оцарапав колено.

— Кар-р-р.

Теперь в карканье слышались другие нотки. Уже не издевательские. Сара села, поглаживая себя по оцарапанному колену. Кусты сомкнулись над ней зеленым сводом, и она не могла видеть птицу, хотя достаточно хорошо слышала ее крики.

В поле зрения появился большой лис, которого она видела около врат. Его внимание было полностью приковано к чему-то выше ее головы, и он сердито ворчал.

ГОРНАЯ ДОРОГА

Грег, дрожа, стоял посреди освещенной луной дороги. Он обернулся. Позади него лежала темная долина и не было ни намека на зеркало, через которое он пришел. Ветер дул в ветвях искореженных деревьев, почти не встречая преграды в виде листьев. Ветер обдувал Грега, и он почувствовал прохладу. Он ссутулился и пошел вперед.

Грег решил, что дорогой пользовались нечасто. В некоторых местах она была почти скрыта обвалами почвы, и кое-где каменные блоки, которыми была вымощена ее поверхность, были расшатаны и из трещин пробивалась сухая трава.

Сейчас дорога шла в гору, огибая подъем. Когда Грег забрался наверх, он еще раз повернулся, чтобы посмотреть назад. Видна была только дорога, идущая через пустошь. Не было признаков дома или замка, и он не видел никакого укрытия впереди.

От напряжения на крутом подъеме у него начали болеть ноги. То и дело он присаживался на валуны, принесенные

давними оползнями. Но, отдыхая, он не слышал ничего, кроме завывания ветра.

Здесь не было больше деревьев, только невысокие колючие кустарники без листьев, которые Грег обходил после того, как сильно оцарапался. Он облизывал руку, когда слышал неясно различимый вой со слабым эхом, идущий откуда-то издалека.

Завывание, от которого мурашки бежали по коже, повторилось три раза. Грег поежился. Волк? Он проглотил слюну и попытался расслышать угасающее эхо воя.

Теперь он посмотрел на вилку, которая у него была с собой, размышляя о том, как сможет послужить ему это оружие при нападении волков. Он поднял ее к лунному свету, пробуя остроту зубьев, и она сверкнула, как выкованный гномами клинок Хуона.

— Железо, холодное железо. — Он повторил слова вслух, сам не зная почему. — Холодное железо — мое оружие.

Грег поднялся. Снова не совсем понимая, почему он так делает, он начал перебрасывать вилку из одной руки в другую, и каждый раз, когда он ее ловил, она становилась тяжелее, длиннее, острее, пока у него в руках не оказался четырехфутовый черенок, оканчивающийся четырьмя ужасными острыми пиками. Может быть, это было еще одно волшебство Мерлина. Его копьё выглядело странно, но оно и напоминание о Мерлине придали Грегу уверенности, несмотря на отдаленный вой.

Дорога становилась все более и более труднопроходимой. Иногда камни были настолько разворочены, что Грегу казалось, что он взбирается по лестнице. Дважды ему приходилось обходить земляные обвалы, втыкая вилку-копье в землю, используя ее как опору и якорь.

Лунный свет, который сначала был таким свежим и ярким, начал тускнеть. Грег, видя, какой плохой становится дорога, и опасаясь сгущающихся теней вокруг, решил устроиться на ночлег. Он забрался в расщелину между двумя валунами и выставил копьё остриями наружу, закрывая вход.

Он проснулся замерзшим и затекшим, настолько затекшим, что ему было больно двигаться, когда он вылезал из своей пещеры. Должно быть, был день, но солнце не показывалось. Мир вокруг был серым, туманным, не намного светлее, чем ночью. Грег нашел тонкую струйку родника и попил с ладони, предусмотрительно съев немного своей пищи вместе с водой.

Казалось, что дорога никуда не ведет, только выше и выше. На земле, покрывавшей ее, не было следов, никаких признаков того, что за долгие годы кто-то, кроме него самого, оказался настолько ненормальным, чтобы идти этой дорогой. Но, хотя солнце так и не показалось, серая мгла продолжала светлеть. Грег забрался в узкий проход между двумя каменными столбами и посмотрел вниз, в чашу долины, где под горбатым мостом текла быстрая речка. Возле моста, по обе стороны речки, лепились каменные домики, вокруг которых росла зелень.

Грег с воплем бросился вперед, скатившись до половины склона и пробежав бегом вторую половину, торопясь скорее добраться до деревни и увидеть живого человека.

Он сложил ладони рупором и закричал изо всех сил:

— Ау-у-у!

Звук скатился в долину, усилился и вернулся обратно, отразившись от утесов. Но никто не ответил, на извилистой улице деревушки не было никакого движения. Встревоженный, Грег замедлил шаг и выставил перед собой копье, как прошлой ночью, когда нашел пристанище в пещере. Он рассматривал беспорядочно стоящие жилища очень внимательно. По большей части это были небольшие каменные домики с соломенными крышами. Но теперь он видел, что кровля местами отсутствовала, а некоторые дома были почти совсем без крыш.

По другую сторону моста, чуть в стороне от зданий, стояла четырехугольная трехэтажная башня с узкими прорезями окон. И она не казалась такой запущенной.

Хотя Грег решил, что деревня была заброшена давно, он не ослаблял внимания. Зеленые участки вокруг обваливших-

ся домов густо заросли высокими сорняками с плоскими, неприятными на вид листьями и маленькими грязно-красными цветами, от которых исходил тошнотворный запах.

Он на секунду остановился на мосту, бросил быстрый взгляд на ближайший дом. Дверной проем ощерился, как беззубый рот, а окна глядят как пустые глазницы. Но Грег все равно не мог избавиться от ощущения, что за ним кто-то подглядывает, что кто-то или что-то следит за ним из дверей и окон, скрытно, незаметно...

Когда он двинулся, его копые ударилось о каменные перила моста, металл звякнул. И даже этот слабый звук подхватило эхо и пронесло через опустевшую деревню. В этот момент Грег понял, что ни за что не надо было кричать с горы и что, возможно, этим он привлек к себе внимание и ему придется об этом пожалеть.

Лучше побыстрее выбираться из долины. Он старался не упускать дома из поля зрения, уверенный в том, что если ему повезет и он будет достаточно сообразителен и ловок, то рано или поздно увидит то, что там пряталось.

Перейдя через мост, Грег вышел на заросший мхом тротуар вокруг основания башни. Как только он поравнялся с дверями, копые повернулось в его руках с такой силой, что, хотя он крепко держал его, стало больно. Встревоженный, он сделал два шага вперед, притягиваемый вдоль стены внутрь башни какой-то силой, которая, казалось, управляла его копыем.

Затем он обнаружил, что ему придется или бросить свое оружие, или пройти внутрь. Он не осмелился бросить копые, поэтому с неохотой начал продвигаться вперед, а его странное оружие легко и свободно лежало в руке до тех пор, пока он двигался в указанном направлении.

Внутри башни свет был тусклым, потому что просачивался сюда только через узкие окна. Весь нижний этаж занимала одна квадратная комната, пустая, если не считать еле слышно шуршащих на сквозняке сухих листьев. У дальней стены была лестница, ведущая в отверстие на потолке. Грег насто-роженно поднимался по ней шаг за шагом, ведомый копыем.

Наконец, он добрался до третьей, самой верхней комнаты, которая была такой же пустой, как и две предыдущие, и оказался в совершенной растерянности. В ней было три окна, по одному в каждой стене по сторонам от него и сзади. В стене напротив был виден силуэт заложенного кирпичами окна, как те ворота, через которые они попали в Авалон.

Ведомый силой, которой он больше не пытался сопротивляться, Грег подошел к четвертой стене и ткнул кирпичи своим копьём. Должно быть, раствор, скрепляющий камни, был очень слабым, потому что они поддались первому легкому толчку, а с последующими вываливались наружу один за другим.

Грег повернулся лицом к лестничному проему, уверенный в том, что если в деревне прятался враг, то шум падающих камней выведет его из засады.

Но эхо падения смолкло, и ничто не нарушало тишину. Может быть, замурованное окно было еще одними воротами? Но это невозможно — снаружи было видно только небо.

Грег положил руку на широкий подоконник и подтянулся, чтобы получше осмотреться. Запущенность деревни с этой точки выглядела еще более очевидной. Ни на одном из домов не было целой крыши, и поля вокруг давно не обрабатывались.

Причина, по которой его сюда привели, — а Грег был уверен, что им управляли, — все еще оставалась загадкой. Он рассматривал землю внизу и увидел, что обглоданный куст колыхнулся, хотя ветра не было, как будто кто-то пробрался под его защиту.

От деревни он перевел взгляд на далекую стену гор. Стоявший туман затруднял ориентирование. Вдруг Грег крепче сжал свою вилку-копье, потому что увидел нечто — булавочную головку света вверху и чуть левее того направления, по которому он шел, — свет, который мерцал, будто бы исходил от прыгающих языков далекого огня.

Он понял, что не смог бы увидеть этот далекий огонь ни с какой другой точки долины. Поэтому легко было понять, что его привели сюда, чтобы он мог увидеть этот свет, и что свет является таинственной целью его путешествия.

Теперь его копье не сопротивлялось, когда Грег спускался вниз, чтобы выйти на открытое место. Между ним и открытой местностью стояло всего три дома, и ему не терпелось скорее покинуть мертвую деревню. Однако это оказалось не так-то легко, и он убедился в этом, как только завернул за последний дом.

Между ним и первой порослью чахлах деревьев, скрывающей подъем дороги, лежали, как ему вначале показалось, орошенные поля. Когда он осматривал их с башни, они показались ему просто заросшим сорняками пространством, огороженным остатками старого забора. Дорога проходила прямо через них, окаймленная полусохшей живой изгородью.

Грег остановился и опустил вилку. Из зарослей живой изгороди появилась стая зверей. Они двигались бесшумно, их головы были обращены в его сторону, и они не спускали с него желтых, зеленых и красных глаз. Волки... Несомненно, крупные серебристо-серые звери были волками, а вместе с ними норки, горностаи — все хищники, у всех шкура серого цвета.

Они стояли среди густой сухой травы, поднимая головы выше, а самые нахальные твари подкрались к краю дороги. Но дальше они не пошли. Волки сели на задние лапы, как собаки, и высунули красные языки. Грег набирался уверенности. Шаг за шагом он прошел по тропинке, которую они ему оставили.

Он видел, как их зрачки следили за его движениями, и у Грега перехватило дыхание, когда он проходил между двумя волками. Не смея пойти быстрее, чтобы не спровоцировать их нападение, он продолжал медленно идти сквозь это странное сборище. Но когда он дошел до опушки леса и обернулся, поля оказались безжизненны, как и раньше. Какова ни была цель этой странной стаи, опасности для него она не представляла.

Хотя он был очень усталым и голодным, он снова начал взбираться в гору. Долина сильно не понравилась ему, и он не хотел останавливаться до тех пор, пока не выйдет из нее.

Но вскоре он набрел на заросли спелых ягод и срывал их аппетитными пригоршнями, заедая сухими бутербродными крошками.

Эту ночь он провел в шалаше, наскоро сделанном из веток. Он спал крепко, хотя ему снились страшные сны. Когда он проснулся, был такой же серый день.

Он прошел едва ли четверть мили, как дорога раздвоилась. Более широкая мощеная, которой он следовал с тех пор, как прошел через зеркало Мерлина, поворачивала направо. Другая, почти тропинка, гораздо менее заметная и начинающаяся крутым подъемом, шла прямо. И она вела в направлении огонька, который он увидел с башни.

Грег рассматривал тропу. Она взбиралась выше и выше, оканчиваясь у темного входа в расщелину или пещеру. Вилка-копье в его руках снова потянула его, прямо к этой черной дыре. Он попытался найти окружающую тропинку, но пройти иначе не было никакой возможности, а вилка тянула его и не давала свернуть — разве только бросить ее.

Грег взбирался вверх, и вскоре холодные каменные стены сомкнулись вокруг него. Где-то впереди ему послышался далекий шум воды. Вилкой он начал выстукивать дорогу перед собой, чтобы не упасть в какой-нибудь подземный ручей.

Темнота была такой плотной, что у Грега возникло странное ощущение, что можно пощупать рукой, подержать ее. Когда он обернулся, вход виднелся слабым отсветом серого, почти неразличимым, потом проход пошел вверх, и осталась лишь ужасная темнота, поглотившая его. Грег почувствовал, что у него перехватывает дыхание, что он в западне. Сердце отчаянно билось. Ему очень хотелось повернуться и бежать, бежать...

Потом он прислушался к тому, что, как подсказывало ему воображение, может здесь таиться. Но все равно продолжал идти (хотя от усилия над собой у него кружилась голова), не смея задерживаться, чтобы действительно чего-нибудь не услышать.

— Железо, холодное железо. — Сначала он прошептал эти слова, потом сказал их вслух нараспев. Вилка-копье повер-

нулась в такт. Ее вес в руках начал придавать ему уверенности, пока в конце концов он не увидел еще один отблеск серого света, и вышел на уступ, возвышающийся на несколько футов над широким плато, на которое он мог легко спрыгнуть.

На дальнем краю ровного плато виднелась вымощенная поверхность, и Грег обнаружил, что это дорога, петляющая между рядами странных колонн. Сначала Грег подумал, что это опоры разрушенного здания. Затем он заметил, что они стоят неправильными группами, а иногда, без какой-либо системы, стоят в одиночку.

На пустом месте среди колонн были остатки костра. Топливом для него послужили целые стволы деревьев, и доставить их на это опустошенное плато, должно быть, стоило немалого труда. Но он не видел ни повозок, ни людей, хотя огонь не совсем потух. Тонкая струйка дыма поднималась вверх, и в воздухе стоял горький запах.

Грег спрыгнул на плато и пошел между колонн к костру. Каким-то образом, глубоко внутри, он знал, что это и есть цель его путешествия и теперь он должен сделать то, зачем его сюда послали. Он не сомневался, что его отправили, чтобы вернуть один из талисманов. Но какой из них и у кого его надо отобрать, оставалось до сих пор загадкой.

Между ним и костром оставалась одна колонна, и он коснулся ее рукой. Но его пальцы почувствовали не камень — он прикоснулся к чему-то другому! Грег отдернул руку. Где-то впереди или над головой прозвучал звон, будто кто-то преждевременно дернул за шнур с серебряными колокольчиками.

МОРСКАЯ ДОРОГА

Под ногами Эрика струился песок. Морская птица закричала и спикировала, чтобы выхватить извивающуюся серебристую рыбу из волн. Свежий пронизывающий ветер дул Эрику в лицо и трепал волосы.

Он забрался на вершину самой высокой дюны, чтобы осмотреть окрестность. Пляж раскинулся широко. Далеко за дюнами виднелись темные участки, которые могли быть деревьями или кустарниками, но они были слишком далеко, чтобы как следует их разглядеть. Тем не менее, он был уверен, что его путь, который не был настоящей дорогой, как у Грега, лежал по воде в открытое море.

Поэтому он повернулся лицом в ту сторону и увидел темную точку, пляшущую вверх-вниз, которую нес на берег перекатывающийся прибой. Лодка? Может быть, хотя точно сказать на таком расстоянии было невозможно.

Далеко у горизонта виднелась смутная тень. Она не двигалась, выглядела темнее облака, и Эрик подумал, что это земля, возможно, остров. Она находилась прямо перед той точкой, в которой он попал в эту страну, поэтому он был уверен, что цель его путешествия там.

Но разве можно было ожидать, что он сможет доплыть туда? Хотя — возможно ли было сделать это на лодке — хорошей, крепкой лодке?

Эрик спустился к морю по склону дюны и побежал по влажному песку, на который накатывали волны. Не торопясь, снял рубаху и джинсы и забрел в море. Вода оказалась холодной настолько, что покусывала оцарапанные можжевеловником руки и ноги. Перед ним, вне пределов досягаемости, лежала на волнах лодка. Эрик сделал еще два шага, и дно резко ушло у него из-под ног. С криком он погрузился с головой, шумно вынырнул. Он был прав — воде никогда нельзя доверять, попробуйте, и пропадете в один миг! Затем он вспомнил терпеливые наставления Слима на уроках плавания в прошлом году в лагере и, барахтаясь, доплыл до лодки. Схватившись за планшир, Эрик осмотрел посудину. Она была до половины залита водой, отчего сидела низко, но казалось, что пробоин в бортах нет. Он решил, что надо отбуксировать ее к берегу, вытащить и для большей уверенности тщательно осмотреть.

Легче было подумать, чем сделать. Лодка была неповоротливая и скользкая, и Эрику пришлось потратить много сил,

прежде чем удалось вытащить ее на берег. Когда она ткнулась тупым носом в песок, он упал рядом, совершенно обесилевший.

Через некоторое время он поднялся и насухо вытерся рубахой. Больше всего на свете ему хотелось вытянуться и уснуть, но его ждала лодка, и у него было странное ощущение, что время имело важное значение и он не может его терять.

К счастью, лодка была небольшая и сделана из легкого материала, поэтому он справился с ней в одиночку. Рассмотрев ее получше, Эрик обнаружил, что шпангоуты покрыты чешуйчатой кожей. Должно быть, на обтяжку лодки пошла гигантская рыба.

Когда он вылил воду, лодка стала совсем легкой, и он целиком вытащил ее из воды. Затем перевернул ее вверх дном, чтобы поискать пробоины в корпусе. Лодка выглядела как большая черепаха, втянувшая голову, ноги и хвост под панцирь. Высохшие на солнце чешуйки радужно поблескивали, но они оказались жесткими, как напильник, когда Эрик провел рукой по поверхности.

Убедившись, что лодка в порядке, Эрик сел на песок и немного поел из того, что дала ему Сара. Ему хотелось пить, но надежды найти в дюнах пресную воду не было. Затем сложил узелок с едой и ложку в лодку, вытолкнул ее в воду и забрался внутрь. Под его весом лодка осела, и только в этот момент он понял, что у него нет весел.

Он уже подумывал вновь сойти на берег и поискать кусок плавника, который мог бы служить веслом, когда наступил ногой на ложку и поднял ее.

— Холодное железо, — произнес он вслух, сам не зная почему.

Затем его глаза округлились от удивления. Чайная ложка выросла в его руках до размеров половника, потом еще, пока в его руках не оказался предмет в форме ложки, но размером с небольшую лопату. Чудеса, настоящие чудеса, подумал он, слегка взволнованный.

Хотя она была велика, с ее весом вполне можно было справиться. Не без опасения, что она может уменьшиться так

же внезапно, как увеличилась, Эрик для пробы окунул ее за борт и, работая ей как веслом, вышел в море, направляясь к недалекому острову.

Он не был опытным гребцом, а кожаная лодка и ложка не были самыми подходящими средствами для такого путешествия. Но он греб импровизированным веслом с большой энергией, а спокойная все это время вода также работала в его пользу. Чем дальше он отходил от берега, тем больше морских птиц собиралось над ним, провожая его в открытое море.

Тренировка помогла. Его изначальная неуклюжесть уменьшилась, скорость увеличилась, хотя ему по-прежнему было трудно удерживать лодку в правильном направлении. А если он переставал грести, чтобы отдохнуть, накатывающиеся волны несли его назад и он терял с трудом пройденное расстояние. Для Эрика, самого нетерпеливого из Лаури, сама медлительность продвижения была мукой, но он продолжал грести.

Остров медленно поднимался все выше из воды. Казалось, там не было прибрежного пляжа. Прямо из моря поднимался утес, не позволяя никому, кроме разве что птиц, высадиться здесь. Стая птиц, сопровождавших Эрика в его медленном продвижении, теперь улетела вперед и уселась на утесе.

Дюйм за дюймом приближаясь к берегу, Эрик увидел, что даже если у подножия этих скал и был кусочек пляжа, он никак не сможет выбраться наверх. Хотя он заметил проходы в сами скалы, в которые море протягивало длинные языки волн. С трудом Эрику удалось направить свое легкое суденышко вокруг скалистого мыса в надежде найти место для высадки со стороны моря.

Он обошел вокруг всего острова, который был невелик, и не нашел то, что искал. Тем не менее, он был уверен, что ему необходимо высадиться здесь. И до тех пор пока он не выполнит задания, данного ему зеркалом — или Мерлином, — назад не вернется.

Под внешней маской нетерпеливости в Эрике скрывалась изрядная настойчивость. И именно она помогала ему описывать осторожные круги вокруг острова, хотя у него болели плечи и руки налились свинцом. Раз нет пляжа, значит, надо искать другой путь — может быть, через одну из этих разинутых, как пасти, пещер. Он выбрал самую большую и стал грести в ее сторону.

Арка свода виднелась высоко над головой, и дневной свет проникал внутрь примерно на три корпуса лодки. Эрик призвал на помощь весь свой небольшой навык, чтобы удержаться посередине протоки на приличном расстоянии от каменных уступов, с которых свисали длинные зеленые водоросли. Сильно пахло морем, но к нему примешивался иной запах, не такой приятный.

Когда свет стал тусклым и стены начали смыкаться, Эрик подумал, что его выбор оказался не таким уж правильным. Но все равно плыл вперед, даже когда уступы подошли так близко, что могли оцарапать. Плыл потому, что ему казалось, что впереди он видит проход пошире. Он был настолько уверен в этом, что последние несколько футов проталкивал лодку, отталкиваясь ложкой от скал, как шестом. Послышался скрежет, и он выплыл на освещенное пространство.

Высоко над головой, в проломе скал, виднелось небо, и лучи солнца падали в спокойное озеро. Налево от Эрика был пляж, который он искал, сухой белый песок, уходящий гораздо выше уровня воды.

Когда киль лодки заскрипел по маленькому пляжу, Эрик перелез через тупой нос и вытащил за собой легкое суденышко. Запах моря здесь был такой же сильный, что снаружи пещеры, но чувствовался и другой запах.

Эрик целиком вытащил лодку из воды, перед тем как исследовать окрестности. Добраться до пролома наверху не было никакой возможности. Но полоса песка от пляжа поднималась в гору, и он пошел туда, потому что никакой стены в том направлении видно не было.

Сейчас ему уже по-настоящему хотелось пить, и чувство жажды только усиливалось от звуков набегающего на скалы

моря. Он надеялся обнаружить на острове родник или пресноводное озерко. Вспомнив про лимонад, который он пил так давно, Эрик провел языком по сухим губам.

Уклон шел вверх и привел его к темной расщелине. Эрик испытывал сомнения. Там было так темно, что мысль о том, что надо идти дальше, не очень-то радовала его.

В конце концов, он двинулся вперед, вытянув перед собой ложку, чтобы ощупывать дорогу. Расщелина оказалась узким коридором, который оканчивался колодцем. Только теперь, при свете кусочка неба над головой, он смог увидеть небольшие выступы и впадины, которые могли дать опору для рук и ног решительного скалолаза.

Прицепив ложку к поясу, Эрик полез наверх. Если бы не жажда, это восхождение вовсе не показалось бы ему трудным. Но теперь он мог думать только о пресной воде. Хотелось много воды, и как можно быстрее.

Подтянувшись последний раз, он вылез наружу и, тяжело дыша, упал на толстый ковер колючей травы. Морские птицы кричали громко и резко, их галдеж почти оглушал. И странный запах, который висел в пещере, здесь был еще сильнее. Он сел и огляделся.

Утесы, обступавшие берег острова со всех сторон, были на самом деле внешними стенами гигантской чаши. Уступами они понижались в долину, центральная точка которой находилась чуть выше уровня моря.

Уступы местами были покрыты густой зеленой травой, в которой оставалось свободное место для сотен гнезд — старых гнезд, решил Эрик, осмотрев ближайшее к нему. Если это место служило детским садом для морских птиц, то в настоящее время им не пользовались.

В самом центре круглой долины лежала большая круглая куча палок и мусора, которую могла собрать только какая-нибудь гигантская птица. Или там просто многие годы скапливался мусор из гнезд, сметаемый ветром?

Сейчас Эрика больше интересовал маленький родник, журчащий с уступа на уступ на противоположной стороне чашеобразной долины. Он был уверен, что такой тонкий ру-

чек вытекает не из моря, и вода — это было то, чего ему больше всего хотелось в этот момент.

Он начал обходить по краю долины, не желая проходить более прямым путем мимо вонючей кучи в центре. Птицы продолжали летать и галдеть вокруг него, взлетая в воздух, когда он подходил, и снова садясь на уступы позади него.

Они были похожи, подумал он, на зрителей, собирающихся на обещанное представление. И он был уверен, что все больше и больше птиц прилетает с моря и рассаживается по верхнему краешку чаши. Но ни одна из них не налетела на него, пытаясь защитить старое гнездо. И он не боялся их присутствия.

Однако в воздухе висело ожидание, и предчувствия Эрика усилились. Теперь он заметил, что на верхних уступах гнезда располагались плотно, более свежие порции высушенного строительного материала лежали поверх распадающихся остатков старого, а на значительном расстоянии от центральной кучи не было маленьких гнезд, и широкие уступы были пусты.

Эрик дошел до ручейка и попил, черпая сложенными вместе ладонями, и съел немного хлеба. Затем поплескал себе на разгоряченное лицо и шею. С этой точки ему хорошо была видна куча в середине долины. И чем дальше он ее рассматривал, тем сильнее у него возникало подозрение, что это не отбросы со старых гнезд на верхних уступах, а само по себе большое гнездо, свитое для птицы соответствующего ему размера.

Орлиное? — задумался Эрик, жалея, что не знает о птицах больше. Он вспомнил картинки в старом номере «Нэшнл джиографик» с изображением южноафриканского кондора. Да, точно — это кондор! Они вырастали такими большими, что могли унести овцу. Значит, это — гнездо кондора?

Судя по их состоянию, все остальные гнезда были прошлогодние, может, и большое было такое же. Эрик сел и уставился вниз. Меньше всего ему хотелось спуститься и рыться в этой куче. Но, точно так же, как его притягивало с берега на остров, сейчас его притягивало к этому большому гнезду.

Он наклонился вперед, поставил локти на колени, подерживая подбородок руками. В этой куче были примешаны странные предметы. Он был уверен, что заметил солнечный луч, отразившийся от металла.

Но теперешнее странное поведение птиц удерживало его от поисков. Верхние ярусы были почти переполнены ими. И их крики стихали. Они сидели, сложив крылья, плотно, рядом друг с другом, и все смотрели на него. Эрику это не нравилось. Он хотел отступить обратно в прибрежную пещеру, к своей лодке. Но это ему не удалось.

Ложка, которую он заткнул за ремень, вдруг выскользнула наружу. Эрик безуспешно пытался поймать ее. Она прогромыхала по нижним голым уступам, подскочила и залетела в самую середину массивного гнезда. Там она замерла, только ручка торчала наружу.

Он не мог вернуться к лодке без нее. Эрик поднялся. Птицы расселись так спокойно, будто затаили дыхание перед каким-то важным событием. Эрик боялся трогать это гигантское гнездо, чтобы не наткнуться на какую-нибудь неслышанную опасность. Ему была необходима ложка, а он не мог осмелиться взять ее.

Поборов страх, Эрик спрыгнул с одного уступа на другой, опускаясь к куче сухих сучьев и прочего материала. Чтобы добраться до ложки, ему надо было прыгнуть в самую середину кучи.

Ни одна птица не кричала теперь, во всей долине не было слышно ни единого звука. Эрик прыгнул. Издалека донесся резкий вскрик, и он по пояс ушел в грязное месиво, образующее гнездо.

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

Сара в лесу, куда ее привело зеркало Мерлина, затаилась под защитой куста и внимательно наблюдала за лисом, не уверенная в его дружелюбии. Но она была убеждена, что тот рассердился на птицу, которая пряталась где-то среди ветвей над ее головой. Она надеялась, что его приход отгонит злую

ворону (или это не ворона?) прочь. Сара слышала, как птица возилась наверху. Она больше не кричала, но скрип когтей о кору и шелест крыльев выдавали ее присутствие.

Лис посмотрел прямо на Сару. Встретив его внимательный взгляд, Сара перестала бояться. Она выкарабкалась из кустов и встала, отряхивая грязь и мусор с рубашки и джинсов. Птица на дереве захлопала крыльями, и лис угрожающе заворчал. Потом она взлетела высоко над ними и описала круг.

— Кар-р-р.

Но это был крик злости и поражения.

Лис ответил резким тьяканьем, и черная птица взмыла и исчезла за верхушками деревьев. Сара с облегчением посмотрела ей вслед. Хриплое карканье затихало вдаль, и девочка облегченно вздохнула. Правда, это была всего лишь птица, но было что-то пугающее в ее поведении, именно потому, что это была всего лишь птица, существо намного меньше ее самой, но которое все равно хотело напасть.

Кто-то очень осторожно потянул ее внизу за джинсы, и она обратила внимание на своего нового компаньона. Лис хватал зубами ткань, как ласковая собака, легонько тянул, а потом отбегал на несколько шагов, приглашая ее взглядом. Сара подняла корзину и последовала за ним.

Рыжий хвост с острым белым кончиком мотался из стороны в сторону, пока провожатый не вывел ее между двух кустов на тропинку, где побеги и поросль тянулись высоко вверх и смыкались зеленой аркой над головой. В этом зеленом мире они были не одни. Хотя Сара не видела никого, кроме лиса, она слышала треск, возню и шорохи за стенами из листьев, будто толпа маленьких лесных человечков собиралась посмотреть, как они пройдут, и переговаривалась на своем языке.

Зеленый проход стал темнее, потому что широколиственные кустарники уступили место вечнозеленым растениям с темными иглами. Приятный аромат и пружинистый ковер из опавших иголок под ногами делали прогулку приятной, несмотря на сгустившиеся тени.

Теперь, когда они шли среди хвойных деревьев, звуки, издаваемые невидимыми наблюдателями, исчезли, и лис замедлил шаг. Он наострил уши, и, видя его осторожность, Сара снова забеспокоилась. Сумрак был полон опасностей, и она шла вперед, пока не почувствовала, как хвост с кисточкой ободряюще потерся об ее ноги.

Потом Сара не могла вспомнить, как долго они шли по дороге. Знала только, что когда они вышли на открытое место, она очень устала и проголодалась и с удовольствием села на ковер из сосновых игл и мха. Лис тоже сел и высунул язык.

— Ты тоже хочешь есть? — Эти слова прозвучали в темном пространстве очень громко, и Сара пожалела, что заговорила. Она открыла корзину и достала бутерброд, осторожно разломив его пополам. Хлеб начал черстветь и загибаться по углам, а на арахисовом масле появилась корочка. В другом случае она бы его просто выбросила, но сейчас с аппетитом съела его, а вторую половину предложила лису. Он посмотрел на бутерброд с любопытством, затем медленно и красноречиво покрутил головой. Сара старалась есть медленно, долго пережевывая каждый кусочек. Но она не могла не признать, что все равно осталась голодна, даже после того, как съела последние крошки.

Лис снова вскочил на ноги, явно ожидая ее. Потом они оба услышали, далеко и высоко вверху, едва различимое «карр-р». На этот раз оно исходило не от одной птицы. Лис подтолкнул Сару в тень под деревом. Он поднял голову вверх и внимательно рассматривал круг неба над поляной.

Сара увидела, как птицы, выстроившись в один ряд, плавно скользили в чистом небе. Они летели высоко над поляной, и никто из них не заметил стоящих внизу Сару и лиса.

— Кар-р-р.

Последняя птица отстала и стала снижаться. Лис затащил Сару в нишу между деревьями. Когда они оказались в безопасности, лис повернул голову к ней. Он смеялся по-своему, и Сара выдавила в ответ слабую улыбку. Чем больше она видела этих черных птиц, тем меньше они ей нравились.

Тропинка вывела их к роднику, но лис не дал ей подойти к нему, пока не обшарил берег, останавливаясь, всматриваясь в переплетение веток и прислушиваясь. Если черные птицы и спрятались между деревьев, чтобы шпионить, они были достаточно осторожны и не выдали себя. Лис стал пить воду. Сара присоединилась к нему. Но он в нетерпении оттащил ее зубами за рукав, не успела она сделать и нескольких глотков.

Они перешли через развалившийся деревянный мост на тропинку по другую сторону. Затем лис внезапно остановился и неслышно поднял переднюю лапу. Поперек тропинки, растянутый во всей своей красе, висел полупрозрачный круг паутины. Сара в своей жизни не видела большей паутины и замерла на месте с колотящимся сердцем. А какого же размера паук, который сплел эту паутину?

Лис тихонько заскулил, как собака, которой надо сделать то, чего она не умеет. Совершенно очевидно, ему не хотелось трогать паутину. Ей самой было противно, но она подняла сухую ветку и бросила ее в ажурный круг, ожидая, что та разорвет его на несколько летучих нитей.

К ее ужасу, ветка отскочила. С большой осторожностью Сара ударила веткой по одной из нитей, притягивающих паутину к земле, с тем же результатом. Хотя паутина казалась непрочной, порвать ее было не так-то просто. И она не могла заставить себя прикоснуться к ней голыми руками.

Обойти они ее не могли, потому что кусты и деревья здесь стояли стеной. Но более всего волновало Сару то, что хозяин этой резиновой сети мог поджидать их в засаде, где-нибудь около тропинки.

Паутину можно было разрезать ножом, если бы он у нее был. Если бы у нее сейчас оказался светящийся серебряный клинок, который носил Хуон!.. Но что он говорил: железо — яд для обитателей Авалона. Железо... Стальные ножи в корзине!

Сара вытащила один из них. Лезвие было тупое, приспособленное скорее для намазывания масла. Но, может, ей удастся разрезать им нити паутины?

Сталь коснулась паутины лишь дважды. Сара отпрянула с возгласом восхищения. В том месте, где она пыталась разрезать, нити засыхали. Через несколько секунд паутина исчезла и тропинка открылась. Лис одобрительно твякнул, и Сара обняла его за шею руками, на что он вежливо ткнулся носом ей в щеку.

Теперь она держала нож наготове в руке, но они больше не встретили эластичных паутин и начали постепенно взбираться в гору. Хотя деревьев стало меньше, было много кустов, и лис держался поближе к ней, не единожды подталкивая Сару в тень.

Наконец они вышли на широкий простор, где росла только трава. Лис пролаял дважды, лег на брюхо и немного прополз вперед, демонстрируя девочке меры предосторожности.

Так, извиваясь как червяк, взмокшая и расцарапанная, она доползла за лисом до невысокого холма, с которого, как показал лис, они должны были понаблюдать за местностью впереди.

Земля за холмом опять понижалась. Увидев, что лежит в низине, Сара не могла не вздрогнуть. Там был лес. Но деревья стояли голые и безжизненные, указывая облетевшими ветками в небо. Вдоль опушки леса серые лохмотья свисали, переходя с одного ствола на другой, будто из ткани была натянута стена, достающая Саре выше головы. А серым материалом были паутины, сотни, миллионы паутин, переплетенные вместе толстым одеялом.

Где же были те, кто сплел эти удушливые сети? Сара старалась не думать о том, на что они должны быть похожи, какими огромными они окажутся. Конечно же, лис не хотел, чтобы они пошли туда! Однако внутри Сара была глубоко уверена, что именно для этого ее сюда привели.

Нож разрезал одну паутину. Но сработает ли он так же хорошо против этой стены, окутывающей целый лес? А если они прорубят тропинку, не встретятся ли они с существами, которым нравится жить в мертвом лесу под охраной стены из паутины? Эта стена была построена для того, чтобы ох-

ранять, а может быть, не выпускать, нечто такое, с чем Саре вовсе не хотелось встречаться.

Лис не стал подгонять ее к нападению на липкую стену. Вместо этого он пополз назад, отступая обратно в лес, из которого они вышли. Когда они снова оказались под защитой леса, лис улегся и положил голову на вытянутые лапы. Он медленно закрыл и снова открыл глаза. Надо было подождать здесь и отдохнуть, перевела она. Гнездо из сухих листьев под упавшим стволом дерева показалось ей очень мягким, и Сара свернулась на нем калачиком. Она была уверена, что ее компаньон не подпустит к ней ни птицу, ни паука, и при этом действительно очень устала.

Что-то мягкое, навверное одеяло, коснулось ее подбородка... Сара открыла глаза. Над ней стоял лис с поднятой лапой, которой разбудил ее. Он тихонько скулил, она поняла это как предупреждение и как можно тише вылезла из своего гнезда.

Скоро сядет солнце. Тени под деревьями вытянулись. Лис проскулил вновь с упавшего ствола. Сара забралась повыше рядом с ним и на равнине перед собой увидела странную картину.

Темная земля была очищена от листьев и веток. Посередине стояла корзина, а на расстоянии от нее лежали камни разных размеров и форм в виде звезды, заключенной в круг. По пяти концам звезды были насыпаны маленькие кучки зеленых листьев.

Лис опять заскулил и подтолкнул ее. Сара прошла вперед и встала рядом с корзиной. Она обернулась на зверя, и он закивал в знак одобрения. Она делала так, как он хотел.

Совершенно ничего не понимая, она ждала, глядя, как он озабоченно перебегал от одной маленькой кучки листьев к другой. В каждую он тыкал передней лапой, предварительно понюхав ее. Она не могла догадаться, что он делает и зачем.

Когда лис завершил круг, он сел на задние лапы, а затем поднялся, держа передние лапы в воздухе. Он тьякал, скулил и сучил лапами, и почему-то Саре показалось, что нужно

сесть. На самом деле даже не сесть, а встать на четвереньки на землю, копируя обычное положение лиса.

Тонкие струйки тумана поднялись из кучек листьев, хотя Сара была уверена, что они не горели, потому что она не видела пламени. Она почувствовала прекрасный аромат нагретых солнцем сосновых игл и гвоздики, которую миссис Стайнер добавляла в печенье. Дым от маленьких куч листьев становился плотнее и плотнее, окутывая ее. Теперь Сара не видела лиса, вообще ничего, за пределами звезды в круге.

От дыма у нее закружилась голова и появилось странное ощущение. Она подумала, что все это ей снится, потому что все выглядело таким странным. Немного испугавшись, она попыталась встать. Но руки ее не могли хорошо оттолкнуться, на самом деле у нее не было больше рук!

На земле стояли заросшие серой шерстью лапы. Та же серая шерсть росла и выше. Сара повернула голову, по всему ее телу рос серый мех, и сзади был серый хвост. Во что... в кого она превратилась?

Сара попробовала закричать. Но звук, который она издавала, был совершенно непохожим.

— Мя-я-я-у! — это был крик перепуганной кошки!

Дым поднимался вверх. Она могла видеть концы звезды, отмеченные горстками белого пепла на месте листьев. И когда занавес дыма исчез, она увидела лиса, который теперь вывышался над ней, что ее насторожило.

— Идем! — слово прозвучало бы как твякканье для Сары-девочки, но для Сары-кошки оно имело смысл. Тем не менее, она не двинулась с места, поджидая, пока лис лапами раскатит несколько камней из узора на земле, чтобы подойти к ней. Она выразила свое возмущение и потребовала объяснений серией криков и шипением, а шерсть на ее выгнутой спине встала дыбом, и она сердито махала хвостом.

— Идем! — Лис стоял над ней. — Превращение сохранится только до завтрашнего рассвета, а нам предстоит многое сделать.

— Что ты со мной сделал? — потребовала ответа Сара. — Я ведь не кошка!

— Правильно. Но человек не может войти в Лесной Замок. А тебе нужно сделать это, иначе все обитатели лесов и полей Авалона будут поставлены на службу Темным Силам.

— Как?

— Разве Хуон не рассказал тебе про кольцо волшебника Мерлина? Тот, кто его носит на руке, может использовать зверей и птиц, деревья и кусты как для хорошего, так и для плохого. Когда его носил Мерлин, оно использовалось только для хорошего — лучшего из лучших — на страх злу. Но теперь оно попало в злые руки и будет до конца использовано во зло. Но зло еще не решается пользоваться им в открытую. Поэтому оно спрятано в Лесном Замке, в который может войти только тот, кто вооружен холодным железом и магией холодного железа. Но зло всегда знает наперед, если к их тайным убежищам подходит человек, поэтому тебе следовало принять обличье одного из нас. Ты пробудешь кошкой, пока завтра не взойдет солнце. Поэтому торопись и возьми с собой железо, твое собственное волшебство.

Он носом открыл крышку корзины и показал на нож, которым Сара разрешила паутину. Встав лапами на край корзины, Сара вытащила его из гнезда. Было очень неудобно нести нож в пасти, но теперь ей пришлось делать это.

Ее страх и гнев постепенно улетучивались. Чем дальше она находилась в кошачьем теле, тем естественнее ей это казалось. Похоже, будет удивительное приключение. Ей не терпелось начать.

Лис сделал последнее предупреждение:

— Ты должна вернуться сюда, на это место, и войти в круг со звездой до того, как изменишься, или ты получишь другое обличье, над которым я не властен. Если за тобой погонится зло, оно не сможет войти сюда. Теперь отправляйся в путь, серая сестренка!

Она легко вскочила на холмик. Оказалось, что она может бежать, не издавая ни звука — ее новое тело было прекрасно приспособлено для таких скрытных действий. В долине сгустились сумерки, и в темноте стены из паутины светились собственным мягким светом.

Грег чувствовал себя очень одиноко в каменной пустоши гор. Когда прозвенели колокольчики, он замер и поднял голову вверх. Полоса гор тянулась далеко впереди, и ни одна из этих странных колонн не оканчивалась звонницей. Ленивые струйки дыма поднимались из обуглившихся головней костра, и больше ничего не было видно.

Колонны! Пока колокольчики еще звенели, Грег вернулся к колонне, которую трогал. На взгляд она выглядела как грубый каменный столб. Но на ощупь это было что-то совершенно другое.

Еще раз Грег протянул руку и дотронулся кончиками пальцев, но не до камня, а до гладкого металла и мягкой кожи. Снова он отдернул руку. Отчего камень на ощупь похож на чешуйчатые рыцарские доспехи и кожу? Почему глаза говорили ему одно, а руки другое?

— Здесь... здесь есть кто-нибудь? — Он думал, что его зов будет громче колокольчиков, но с его губ сорвался еле слышный шепот. Каменный столб в его глазах оставался каменным столбом. Ничто не двинулось. Но теперь звук колокольчиков не звучал по всему плато, а сосредоточился в одной точке позади затухающего огня. Дым из пепла стал подниматься сильнее, хотя никто не подбрасывал дров.

— Кто здесь? — снова выкрикнул Грег.

— Нет необходимости кричать, господин эсквайр.

У Грега отвисла челюсть. Только что пространство с другой стороны костра было пустым, а сейчас там кто-то стоял. На секунду он подумал, что это Мерлин, потому что фигура была одета в точно такое же длинное одеяние, какое он видел на волшебнике. Затем, видимо из-за того, что страх сделал его более внимательным, Грег заметил разницу. Серая ткань Мерлина была украшена красными узорами и имела серебристый оттенок лезвия меча.

Одежда же пришельца, как и его капюшон, были темно-серого цвета, как зимние штормовые облака, и узор был черным, как и пояс. Грег испытывал благоговейный трепет

перед Мерлином, а этот незнакомец внушал страх. Инстинктивно Грег поднял вилку-копье и направил зубья на незнакомца.

Незнакомец весело рассмеялся. Белые руки откинули капюшон, и перед Грегом оказалась женщина. Ее волосы высвободились из капюшона и рассыпались по плечам, доставая ниже пояса. Волосы были ни темные, ни светлые, а цвета серебряного лезвия, которое им показывал Хуон. Казалось, в них сверкали искорки света, так же как нож притягивал и отражал солнечные лучи.

Она собрала пучок волос в ладонь и рассыпала его по руке, затем выдернула один длинный волос, потом второй, третий. Она стояла, улыбалась ему и наматывала их между большим и указательным пальцами.

— Зачем вы пришли сюда, господин эсквайр? — спросила женщина мягко. — И похоже, вам не нравятся прямые дороги, раз вы подкрались ко мне окольными путями, — она разговаривала тоном, которым взрослые укоряют шаловливых детей. Однако Грег не раз слышал подобный тон в прошлом и потому не устыдился. В этом ведьма допустила первую ошибку, потому что он не замешкался и не потерял бдительности.

— Я пришел дорогой, указанной мне, — ответил Грег, не зная точно, почему он выбрал именно эти слова, но зная, что они не понравились ведьме.

— О! И кто направил вас на этот путь? — резко и требовательно спросила она.

И вновь Грег нашел слова, незнакомые ему.

— Тот, кто светит сквозь камень — камень тела, камень души.

— Значит, ты из тех! — ее глаза сверкнули зеленым огнем, и пальцы быстро зашевелились, сплетая три волоса в сеть. — Тогда иди к своим приятелям!

Она бросила на него сеть, и та выросла в воздухе над головешками костра, пытаясь поглотить его целиком. Грег ткнул в нее своим копьем. Зубья зацепились за сеть, и та обмота-

лась вокруг оружия Грега. Одна нить крепко обхватила его запястье.

Но через несколько мгновений запутавшиеся в зубьях нити потеряли свой серебристый отблеск, почернели и упали на землю безвредным прахом. Бешено зазвенели колокольчики, и женщина отступила на два шага, прижав руку ко рту и не сводя глаз с Грега.

— Железо! Властитель железа! — провыла она. — Кто ты, осмелившийся принести холодное железо в Каменную Пустыню и которому оно не причиняет вреда? Кому ты служишь?

— Меня послал Мерлин.

— Мерлин! — она произнесла имя со змеиным шипением. — Мерлин, который стоит между мирами и поэтому может прикасаться к железу, и этот глупый мальчишка Хуон, который был рожден смертным и поэтому может махать железным мечом и рядиться в железные доспехи, и этот Артур, глупый здоровяк-король, который притащил с собой в Авалон железо, чтобы отравлять тех, кто выше его настолько, что он не может себе этого представить. Да сгинут они и пропадут, да обратится железо против них и сорвет плоть с корявых костей, да поедят их демоны ночи! А ты, — она уставилась на Грега, — ты не Мерлин, хоть он и мастер менять обличья. Но кольцо пропало с его руки, — она грубо захохотала, — он не сможет принять такой облик, который скроет его от меня. И ты не Хуон и, конечно же, не Артур! Поэтому я приказываю тебе, мальчишка, скажи мне свое настоящее имя! — она снова улыбалась, и ее голос опять стал мягким.

— Грегори Лаури, — ответил он, сам того не желая.

Но, похоже, этот ответ несколько ее не обрадовал. Она повторила имя, а ее руки проделывали сложные движения, как тогда, когда она сплетала сеть из волос. Затем она подняла их вверх, выражая нетерпение и желчь поражения.

— Ты держишь железо, против которого у меня нет заклинания. Хорошо, что тебе от меня нужно?

— То, что скрыто. — В третий раз Грег произнес слова, которые кто-то или что-то вложило в его уста.

Она громко рассмеялась.

— Этого ты не получишь! Посмотри вокруг себя, глупый ребенок. Где ты найдешь то, что скрыто? Если ты будешь искать здесь сорок дней и сорок ночей, все равно это останется спрятанным и предназначенным только для меня!

Копье зашевелилось в руках Грега так же внезапно, как оно двигалось, чтобы увлечь его на башню в заброшенной деревне. Острия медленно наклонились, направляясь к земле. У Грега мелькнуло воспоминание — люди ищут воду раздвоенной палочкой, которая наклоняется к земле там, где нужно копать колодец, — он об этом читал. Могла ли вилка-копье направить его к тому, что нужно было найти? Надо попробовать.

Но ему не пришлось далеко ходить в поисках, потому что оружие чуть не выпрыгнуло у него из рук, как только он подошел к костру. Копье воткнулось острием... в кучу горелых головешек и пепла. Грег, пинками раскидав недогоревшие поленья, начал копать.

Колокольчики больше не издавали серебряного звона, а пронзительно грохотали у него в ушах. Он оглох от этого шума, и у него закружилась голова. А ведьма бегала кругами вокруг кострища, хотя держалась вне пределов досягаемости копья, выкрикивая странные слова и выписывая руками фигуры в воздухе.

Страшная чешуйчатая тварь, не змея, не крокодил, а помесь их обоих, подползла близко и угрожающе вытянула когти. Грег повернул копье, провел им по когтям — и тварь исчезла. Ужасные существа собирались, чтобы окружить его, но Грег, чувствуя безопасность под защитой железа, даже не пытался избавиться от них. Он продолжал отбрасывать вилкой землю с того места, где горел огонь.

Работа шла медленно, потому что вилка была не так удобна, как лопата, а положить ее и копать руками он боялся. В конце концов он присел, держа вилку в одной руке и выгребая разрыхленную землю другой. Затем его пальцы потянули за что-то.

Предмет вышел из земли — и оказался таким тяжелым, что ему было трудно отряхнуть с него грязь. Но он держал в руке меч!

Грег видел такие в музее и еще тогда подумал, сколько же должно быть у человека сил, чтобы им махать? Потому что его широкий клинок и тяжелую рукоятку в форме креста он с трудом мог удержать в руках. Меч — украденный талисман, Экскалибур!

Он, чтобы для большей безопасности не выпускать копьё, зажал его между коленями и стер липкую пыль с рукоятки и блестящего клинка. Меч был очень простой, без драгоценных камней и богатой золотой отделки, но Грег был уверен, что именно за ним его и послали. Он крепко прижал его к себе левой рукой и посмотрел на ведьму.

Она больше не бегала, выкрикивая заклинания, а стояла спокойно и, прищурившись, смотрела на него. Когда Грег отходил от ямы, у него возникло чувство, что, хотя она потеряла меч, у нее все равно оставался шанс на победу. Случайно ли или под влиянием могучей магии Мерлина, он раскрыл часть ее тайного замысла.

Дойдя до ближайшего столба, он ударил по нему плашмя мечом. В ответ раздался сдавленный крик!

На месте столба стоял, вернее, не стоял, а покачивался мужчина с закрытыми глазами и очень бледным лицом. На нем были доспехи, похожие на те, которые носили рыцари-эльфы Хуона, только его плащ был белый, с нарисованным красным драконом. Он застонал и открыл глаза.

— Берегись ведьмы!

В воздух взлетела волосяная сеть. Грег поймал ее копьём прежде, чем она коснулась мужчины, и она рассыпалась.

Ведьма взвизгнула нечеловеческим голосом. На ее месте появилась огромная серая птица, которая раскрыла крылья и набросилась на Грега, широко раскрыв клюв.

Мальчик повернул копьё, а тварь уклонилась, пробежала несколько футов, взмыла вверх и исчезла за горами. Наступила полная тишина, потому что даже колокольчики перестали звенеть.

— Меч!

Мужчина, которой был столбом, стоял на коленях, его счастливые, широко раскрытые глаза уставились на клинок, который держал Грег.

— Сэр, я умоляю вас, освободите этих людей. А потом надо быстро и долго ехать. Потому что меч Артура должен быть в его руке, пока враги не поразили самое сердце Авалона. Время уходит быстро!

Один за другим Грег прикоснулся к столбам на плато, а затем к большим валунам, которые лежали меж ними, пока отряд воинов с символом Красного Дракона и их лошади снова не стали живыми существами. Они двинулись в путь, двое солдат ехали вместе, чтобы дать одну лошадь Грегу.

Дорога была слишком плохой, чтобы ехать быстро, но рыцарь, которого Грег освободил первым, подгонял их своим быстрым шагом. Они объехали склон холма до перекрестка с горной дорогой, и опять перед их глазами встала долина с заброшенной деревней. Оставалось немного времени до захода солнца, и нежелание Грега проводить ночь в этом проклятом месте росло с каждым метром их продвижения. Он попытался уговорить своих спутников переночевать там, где они стояли, но они не соглашались.

— Ты не понимаешь, юноша. Теперь, потеряв меч, они больше не будут колебаться, напасть ли на нас. Нам нужно двигаться, чтобы успеть к Артуру, или мы потерпим поражение — у них ведь есть еще рог и кольцо, чтобы бороться с нами. Если они нападут прежде, чем мы вернем Экскалибур королю, у них будет шанс на победу, потому что только он может идти с ним на битву. Нам нужно ехать день и ночь, чтобы у них не осталось никаких шансов.

— У Хуона есть крылатые лошади. Если бы они были у нас... — сказал Грег.

— Хранителю Запада служат Горные Лошади. Но они малочисленны и отвечают только на призыв Зеленого Дракона, но не Красного. Как бы мне хотелось, чтобы они были с нами в этот час!

Грег уже различал дома в деревне, горбатый мост. Они подъехали к границе полей, где дорога проходила между живой изгородью и где он прошел сквозь строй зверей. Какова была цель этого сборища? Где теперь были эти волки и все остальные?

Он не заметил, как из кустов выскочило существо. Грег осознал опасность только тогда, когда лошадь встала на дыбы и чуть не сбросила его с седла. Грег не был наездником, и все, что он мог сделать, — это уцепиться за седло рукой, а другой держать драгоценный меч. Его вилка-копье упала на землю.

То, что стояло посреди дороги перед его лошадью, было размером не больше маленькой собачки, но оно быстро превращалось в чешуйчатую тварь, которую ведьма вызывала на плато. Его когтистая лапа вознеслась над всадником и лошадью и как молния опустилась на них.

Грег отпустил луку седла и обеими руками поднял меч. Тот был слишком тяжелым, чтобы махать им. Тварь ударила лапой и проколола ее. Она завопила и попыталась отпрыгнуть назад, Грега вырвало из седла. Он упал и, несмотря на все усилия, выпустил меч из рук. Беззащитный, он оказался лицом к лицу с рассерженной драконообразной тварью.

Лошадь понесла, расшвыривая людей, которые пытались успокоить страх своих собственных лошадей. Грег увидел, как рыцарь, который вел их, пытается пробиться к нему.

Экскалибур! Где же меч? Он вывалился из поврежденной лапы и лежал в дорожной пыли между Грегом и монстром. Раненая конечность ящерицы висела, сморщенная и безжизненная, и возможно, что именно клинок между Грегом и драконом не давал ему напасть еще раз. Грег попытался поискать взглядом свое копье и наблюдать за монстром одновременно. Внезапно из живой изгороди выпрыгнула серая тень и вцепилась в чешуйчатый хвост, а Грег услышал воинственный клич волка. Когда сплюснутая голова твари как молния повернулась в сторону нового врага, Грег схватил копье.

Еще один волчий клич разорвал воздух, но в нем слышался гнев, а не испуг. За дорогой поднялась стена животных, маленьких и больших, направляющихся в сторону драконообразной твари, сверкая зубами на ходу. Монстр затопал ногами, замахал хвостом, распаяясь от злости.

Потом он высоко подпрыгнул, перескочив через меч, и навис над Грегом. Но несмотря на горячку сражения, он опался зубьев копыя. Грег сделал выпад, и монстр отпрянул, совершив смертельную ошибку, потому что на этот раз он всей своей тушей уселся на меч.

Его голова треснула, и он завыл, извиваясь, но не имея сил сойти с того места, будто клинок, на котором он оказался, был ловушкой. Контуры его тела расплылись, уменьшились. Грег увидел, что это больше не дракон, а серая ведьма с плато. Она дрожала и тряслась, но ее ноги как будто прилипли к клинку Эскалибура, и тот не отпускал ее.

Черные линии на ее одежде пузырились и двигались, волосы шевелились, словно каждый из них жил своей жизнью. Потом последовала яркая вспышка, и женщина исчезла. Столб дыма, расплываясь, опускался ниже и ниже. На дороге никого не было, остался лишь меч.

Но так было лишь один миг. Из зарослей и с полей слышался шум и голоса, возгласы удивления и благодарности. Там, где собирались животные, чтобы помочь Грегу в битве, теперь стояли мужчины и женщины, озадаченно разглядывая свои руки и ноги, ошупывая себя и глядя друг на друга с удивлением и радостью.

Рыцарь, успокоив лошадь, с шумом подъехал. На его лице было воодушевление.

— Горная Ведьма мертва! — прокричал он. — Слушайте все, правительница Каменной Пустыни исчезла из Авалона, и с ней пропало зло, которое она совершила. Один из врагов разбит. Возрадуйтесь, люди, освобожденные от мрачного колдовства!

Эрик стоял на острове в море, а его ноги глубоко увязли в куче сухого мусора, из которого было сделано гнездо. Ему нужно было пройти еще буквально пару шагов, чтобы добраться до ложки. Идти было тяжело, потому что хрупкий материал гнезда легко проламывался под его весом и невозможно было найти твердую опору. Все, что он хотел, — это забрать ложку и вернуться обратно в укрытие.

Но Эрик не мог не заметить, что среди строительного материала этого неопрятного гнезда были весьма странные предметы. Золотая цепь, сложенная и завернутая в пучок сухой травы. Возле нее кусочек поношенной и выгоревшей ткани со следами вышитого девиза.

Наконец он схватил ложку и попытался вытащить ее из-под палок. Но она застряла в мусоре, и он не мог вытащить ее обратно. В конце концов ему пришлось разгрести кучу руками, отбрасывая в сторону пучки травы и сломанные ветки.

В чашеобразной долине, под прямыми лучами солнца, было очень жарко, и Эрик то и дело останавливался, чтобы рукавом вытереть пот с лица. Пыль, поднимавшаяся от его раскопок, прилипла к его потному телу, лезла в глаза и рот. Но он продолжал трудиться, имея твердое намерение высвободить ложку.

Сначала он подумал, что надвигается грозовое облако, когда по гнезду пробежала тень. Но, ощутив опасность, он посмотрел вверх и отчаянно вжался в разбросанный им мусор.

Ранее Эрик пытался представить, что за птица могла построить такое гнездо. Теперь он узнал. Увидеть ее живьем было гораздо хуже, чем в любых фантазиях. И не похоже, чтобы этот монстр был просто птицей. У какой это птицы вместо перьев на голове чешуя? У нее были перья, черные перья по всему туловищу, и гигантские крылья, похожие на птичьи, хотя и слишком большие, хлопанье которых разносилось как раскаты грома, пока она описывала круги над островом.

Эрик закапывался в кучу, надеясь зарыться и спрятаться там, пока птица не улетит. Он был уверен, что если он попробует добраться до открытых уступов, то будет немедленно атакован. На чешуйчатой голове выделялся кривой клюв хищника, а на лапах, которые она во время полета прижимала к животу, виднелись когти.

Эрик держался за ложку и с последним отчаянным усилием рывком выдернул ее, вывернув вместе с ней большую кучу мусора, и тут же спрятался в образовавшуюся вонючую дыру. Первоначальное основание громадного гнезда пересекала впадина. Когда он прыгнул, основание рассыпалось, открыв небольшую трещину в скале внизу. Эрик потыкал туда ложкой, вовсе не желая провалиться вниз, в морские пещеры. Но металл зазвенел о камень, дно было всего в нескольких футах ниже.

Наверху раздался скрежет — такой вой мог издавать только пикирующий реактивный самолет, и Эрик начал пролезать и протискиваться в эту дыру, обдирая плечи и раздирая рубаху. Он благополучно распластался в каменной расщелине, когда птица-монстр приземлилась, оглушая его дикими криками.

Сама неистовая злоба птицы спасла его, потому что она начала раскапывать гнездо, и мусор, который летел в разные стороны, окончательно скрыл Эрика. Он лежал, в горле у него пересохло, и руки, державшие ложку, дрожали. Весь дрожа, он ждал, что сейчас птица разгребет его укрытие и клювом или лапой достанет его. Один раз когтистая лапа скребнула по скальной поверхности над его головой. Но то, что он был в трещине, спасло его.

Но как долго он сможет здесь оставаться? Птица перевершила кучу мусора, так что теперь некоторое количество воздуха попадало к нему. Но оно было ограниченным. А если он пошевелится, его обнаружат.

Руками Эрик начал ощупывать узкое пространство, в котором лежал. В ширину щель была не больше его плеч, но длиннее его роста. И глубже, чем ему показалось сначала, потому что в нее насыпался мелкий мусор из гнезда. Он рас-

пластался на маленьких веточках и рассыпающихся растениях, от которых пахло разложением.

Эрик начал выкапывать мусор из-под себя. По звукам он определил, что птица до сих пор ищет его, но настолько глупым образом, что Эрик начал думать, что это безмозглое существо. Если из-за своего слабого ума она вскоре о нем забудет, у него есть шанс на спасение.

Тем временем он расчистил проход вдоль расщелины, отпихивая мусор назад ногами. Затем он наткнулся на препятствие, которое было не так легко сдвинуть. Эрик пощупал руками и обнаружил, что это не ветка, потому что его пальцы коснулись изогнутой и гладкой металлической поверхности.

Когда он понял, что это, металлический предмет стронулся с места, и этим Эрик навлек на себя несчастье, потому что вся куча затряслась. Вероятно, птица была не такая глупая, как он понадеялся, и в ответ наверху началась суматоха. Эрик вдохнул и поперхнулся, потому что пыль набралась ему в легкие и засыпала глаза.

Затем вся куча над ним оказалась отброшена в сторону. Эрик моргал слезящимися глазами, а птица выгибала голову в его сторону, клюв ее был распахнут. К счастью, ей приходилось поворачивать голову, перед тем как ударить. Эрик в последней отчаянной попытке защититься закрылся ложкой.

Клюв ударил в металл ложки с такой силой, что чуть не расплющил Эрика, выбив из него дух. Он распластался с красным от удушья лицом, тупо ожидая следующего удара.

Удара не последовало. Он поднял голову над краем расщелины, пытаясь подняться. Хотя его глаза слезились от пыли, теперь он мог видеть более четко, пока хлопанье гигантских крыльев не подняло мусор мутным штормовым облаком.

Птица, отчаянно хлопая крыльями, мотала головой из стороны в сторону. Что-то с ее головой было не так, хотя судорожные движения птицы не давали Эрику рассмотреть полнее. Он поднялся на ноги, выставил ложку перед собой.

Когда во второй раз голова двинулась в его сторону, Эрик собрал остатки сил и взмахнул ложкой, как бейсбольной би-

той. Он ударил импровизированной дубиной по голове птицы с такой силой, что сам затем упал на колени. Потом хлопала крылья, вознося птицу в небо над долиной. Она не издавала никаких звуков, а голова безжизненно висела у нее на груди. Она поднималась выше и выше, и Эрик встал, чтобы следить за ней. Она собиралась напасть на него с высоты? Только висящая голова и неровные взмахи крыльев оставляли ему надежду на то, что он вышел победителем в этой встрече.

Птицы поднимались с уступов, чтобы присоединиться к этому существу. Но они сопровождали его недолго. Огромные крылья взмахнули в последний раз, потом сложились, и эта тварь, наполовину пернатая, наполовину чешуйчатая, упала в море. Эрик более не сомневался, что она мертва или по меньшей мере смертельно ранена.

Держа ложку для безопасности под мышкой, он отер пыль и грязь с лица. Но еще не вполне понимал, как это произошло, отчего погибла птица. То, что говорил им Хуон насчет железа, что оно яд для всех обитателей Авалона, похоже, было правдой. Он был этому очень рад.

Стенки расщелины, обнаженные на изрядную длину последними усилиями птицы, проходили ему на уровне пояса, и Эрик начал выкарабкиваться, торопясь добраться к ручейку на уступе и выполоскать пыль изо рта и горла. Но что-то зацепилось за его щиколотку, и он нагнулся, чтобы высвободиться.

Это был кожаный ремень, не новый, но хорошо сохранившийся и гибкий, и на нем виднелись маленькие золотые звездочки и символы, которых он не понимал. Должно быть, он здесь спрятан недавно. Потянув, Эрик обнаружил, что ремень привязан к чему-то, захороненному в мусоре гнезда.

Черенком ложки он разгреб палки. Сверкнул металл, на этот раз не золото, а серебро, опоясывающее более темный белый цвет. Он обнаружил рог из слоновой кости и серебра.

Отряхнув его от мусора, Эрик поднес свою находку к солнечному свету. Он недолго лежал спрятанным, потому что

серебро не потемнело. Рог! Рог Хуона! Он нашел один из потерянных талисманов.

Мучимый искушением, Эрик обтер мундштук об рукав и приложил его к губам. Но он не дунул. Что-то сверхъестественное было в этом роге. Придумав самому себе объяснение, что звук рога может привлечь другую гигантскую птицу, Эрик перебросил ремень через плечо и стал пробираться через мусор обратно к роднику на уступе, где вдоволь напился и поел из своего узелка.

Он не знал, сколько времени уже находится на этом острове. А время в Авалоне и его собственном мире течет по-разному — разве Мерлин не говорил чего-то в этом роде? Казалось, он был на острове всего несколько часов, а время уже приближалось к закату.

Осмелится ли он проделать путешествие обратно на берег ночью? Как ни хотелось ему поскорее уйти от этих гнезд, он не испытывал большого желания покинуть остров. Слишком велика опасность быть унесенным на лодке в открытое море. А он очень устал, чтобы грести. Каждая косточка в его теле ныла от усталости.

Так где же провести надвигающуюся ночь? У Эрика вызвало отвращение разрушенное гнездо и уступы вокруг него. Лучше вернуться в пещеру, ведущую к морю, и выспаться в лодке, хотя он всегда боялся воды. И лучше бы спуститься вниз до наступления темноты.

Эрик начал спускаться в колодец, из которого вылез раньше. Он думал, что рог надежно висит у него на ремне. Но когда его рука оскользнулась, ремень свалился с его плеча и рог упал вниз.

Эрик напряженно замер, прислушиваясь к звуку падения. Но ничего не услышал. Мысль о том, что рог разбился, сделала его настолько бессильным, что он не мог двинуться, на глаза навернулись слезы и перехватило дыхание. Что же он натворил по неаккуратности?

Все прошлые случаи, когда мама с папой, миссис Стайнер, дядюшка Мак, да и Грег с Сарой упрекали его за спешку, излишнюю импульсивность, замелькали в его голове. Что

будет, если рог сломался? Что он скажет Мерлину и Хуону? Он не справился со своей частью поисков.

Но нельзя было долго висеть в колодце, поэтому он искал следующую опору на стене. Ложка, привязанная к его поясу, звенела о камень, но ему уже было все равно. Круг неба над головой быстро темнел, уменьшая видимость.

Эрик спускался медленно. Если случилось невозможное и рог не разбился на кусочки, когда упал на землю, то он все не хотел на него наступить. Он плотно прижался к стене, когда его носки коснулись земли, и с надеждой посмотрел вокруг.

Но сюда не доходили даже самые слабые лучи солнца. Эрик опустил на колени и руками ощупал землю вокруг себя, затем задвигал ими быстрее, просеивая песок и грубую гальку между пальцев, находя и отбрасывая лишь камни, пока не обшарил все дно колодца. И нигде он не почувствовал ни кожаного ремня, ни изогнутой слоновой кости в серебре. Рог пропал совсем!

Дважды он обшарил все вокруг, не веря, что рог потерялся. Если бы ремень зацепился за выступ в стене, он бы почувствовал его, когда спускался. Что же это значит?

Голова Эрика шла кругом. Теперь он ни в чем не был уверен. Последний раз он провел руками вдоль дна колодца и отправился вниз по узкому проходу к воде.

Влажный, пахнувший морем воздух дохнул ему в лицо, долгожданное освобождение от вонючего гнезда. В конце короткого перехода, перед тем как выйти на пляж, Эрик помедлил, выглядывая наружу. Шум разбивающегося о камни моря был сильным, но он был уверен, что услышал другой звук — щелчок, скрип.

Эрик различал пятно, которое было его лодкой, лежащей на берегу, там, где он ее оставил. Он замер совершенно неподвижно, стараясь приглушить собственное дыхание до неслышного шороха. Хотя ему ничего не было видно, кроме корпуса лодки, он был уверен, что там было что-то еще, живое существо, которое, похоже, пыталось повредить лодку, от которой зависело, выберется ли он с острова или нет.

Звук повторился — на этот раз громче, как будто тот, кто его производил, не имел причин прятаться. Эрик увидел в воздухе темный силуэт, четко различимый на фоне тусклого мерцания из входа в пещеру.

Силуэт оканчивался гигантской лапой, которая медленно сжалась, а потом разжалась, будто ее владелец разминался перед схваткой. Когда лапа приложилась к лодке и легкое суденышко двинулось по песку, Эрик понял, что надо действовать, иначе лодка окажется вне пределов его досягаемости, в озере.

Его уверенность опиралась на силу железа, и он вытянул перед собой ложку как копье. Затем он набросился на темную тварь.

Ложка задела о борт лодки, отскочила и ударила по темной массе, которая дернулась и отпрыгнула, как будто железо было раскалено. На Эрика замахнулась страшная членистая лапа с когтями. Мальчик упал на колени, выставив ложку, чтобы блокировать удар так же, как он отбил клюв птицы. Когти ударили сильно, приплющив Эрика к лодке, и он расцарапал щеку о чешуйчатую поверхность.

Он вскрикнул от боли, но не услышал ответа от твари, с которой боролся. Эрик видел только темную массу, ковляющую к воде. Если ей удастся уйти в море, можно было ожидать еще одной атаки.

В отчаянии Эрик встал на ноги и, подняв ложку над головой, пробежал вперед и изо всей силы ударил этим странным оружием по неуклюже волочащемуся существу. Под его ударом оно обмякло. Он почувствовал жалящую боль чуть ниже колена. Но он победил: тварь больше не пыталась добраться до воды.

Послышался скребущий звук, будто множество ног пытались поднять издыхающее тело. Затем наступила тишина.

Эрик не мог заставить себя прикоснуться к этой твари, он не желал знать, с каким существом он боролся. Подпихнув ложку под тело, он свалил его в море. Потом он опять почувствовал, что его нога запуталась в ремне, быстро раскопал песок на том месте, где лежал монстр, и обнаружил рог, потерянный убитым воров.

КОЛЬЦО

Впереди Сары лежал лесной мир. Она бежала в сторону паутинной стены Лесного Замка, новые, незнакомые запахи, щекотавшие ее кошачий нос, поднимались от земли под лапами и наполняли воздух. Она никогда раньше не догадывалась, что значит по-настоящему ощущать запах! Человеческими глазами она видела сумерки, блеклые цвета, удлинняющиеся и темнеющие тени. Но теперь она могла видеть сквозь эту темноту и поэтому нисколько ее не боялась.

Но хотя она была поглощена достоинствами своего нового обличья и очень довольна им, ее беспокойство отчасти усиливалось с приближением к дьявольски святащимся паутинам. Не доходя нескольких футов, она положила нож, поставила на него для спокойствия обе передние лапы и вытянула голову повыше, чтобы получше рассмотреть мертвый лес.

Ей вовсе не хотелось прикасаться к паутине. Она надеялась найти место, в котором ее кошачье тело сможет перепрыгнуть через липкую стену. Но нигде не было видно участка, где деревья по краю леса не были бы опутаны этой дрянью от земли до нижних веток.

Нужно использовать нож — но где? Прирожденная осторожность животного, в чьем теле она находилась, пришла ей на помощь. Она начала пробираться в высокой траве, снова держа нож в зубах.

Опасаясь стражи, Сара не хотела рисковать проделывать большую и заметную дыру в стене. Поэтому ей пришлось искать, пока она не обнаружила место, где два мощных корня дерева наполовину торчали из земли. Нити паутины закрывали проход между ними, и этот проход был маленький. Она прижалась к земле и пастью и лапами направила нож. Это было очень неудобно, и она гораздо быстрее сделала бы все руками. Но паутина рассыпалась, и перед ней оказался проход в лес.

Когда она, распластавшись между корнями, проползла внутрь, то обнаружила, что может достаточно хорошо видеть.

К счастью, паутина висела только в один ряд, и впереди пробивались пятна зеленовато-желтого света.

Пятнами оказались грибы-трутовики, растущие на гнилых деревьях. Сара сломала один лапой, и воздух сразу же наполнился пляшущими пылинками. Она чихнула и закрыла нос передними лапами. Когда она чихала, то уронила нож, а это было опасно. Она быстро подняла его.

Листья, опадавшие с деревьев, давно превратились в пыль, земля была голая и черная, скользкая и неприятная, поэтому Сара старалась, где возможно, проходить по торчащим корням или стволам упавших деревьев.

Человек без компаса легко потерялся бы в этом лабиринте, где все деревья похожи друг на друга, а зеленый свет грибов мешал видеть. Но кошачий инстинкт Сары безошибочно вел ее в самое сердце этого проклятого места.

Она не встретила ни животных, ни птиц, ни насекомых. Но у нее было странное ощущение, что что-то, притаившись, поджидает ее там, куда не достигал взгляд, бесшумно, осторожно. Это Саре совсем не нравилось.

В одном месте ей пришлось обойти озеро, вода в котором была черная и пенистая. Пузыри медленно поднимались на поверхность и лопались. Потом Сара увидела первое живое существо, бледную, словно бы отбеленную, ящерицу на скользком камне, наблюдавшую за ней блестящими недобрыми глазами.

На другой стороне озера Сара обнаружила слабые следы тропинки и повернула на нее. Ей не терпелось поскорее добраться до цели.

Но она не забыла об осторожности и с мгновенной реакцией кошки остановилась, услышав слабый звук. Не кралась ли за ней ящерица?

Потом она увидела врага, не позади, а справа от себя. В свете грибов он предстал во всей своей ужасающей красе. Она хотела закричать, но из кошачьего горла послышалось только шипение.

Тварь молнией пробежала по стволу упавшего дерева и остановилась. Когда она стояла на месте, ее почти невозмож-

но было отличить от скопления грибов. Сара запустила когти в землю, разминая их. Она внимательно осмотрелась вокруг, разглядывая грибы, которые могли оказаться вовсе не грибами.

Ее тревога росла. Три или четыре гигантских паука приближались к ней. Если бы не неосторожность первого, они могли бы окружить ее прежде, чем она сообразила, в чем дело. Она могла напасть на одного, но с целой кучей ей не справиться.

В воздухе повисла ленивая нить паутины. Она опустилась на мохнатую спину Сары. Потом еще одна и еще! Вокруг нее свивалась сеть. Но в тот момент она боялась самих пауков больше, чем их паутины, и отчаянно обдумывала план действий. Нужно дать им себя поймать. Потом, когда они будут уверены, что поймали ее, она воспользуется ножом и убежит.

Очень трудно было ждать, пока плывущие в воздухе нити обовьются вокруг нее. Но Сара прижалась к земле, втянула под себя лапы, между которыми наготове лежал нож. Она вздрогнула, когда ковер из нитей зацепился ей за уши, и быстро закрыла глаза.

Как только сеть покрыла Саре спину и голову, она оказалась крепко привязанной к земле. Теперь правильные действия зависели от носа и ушей. Ее скрученного тела коснулась лапа паука, и она опять вздрогнула, когда ткачи начали проверять крепость своих шелковистых нитей.

А вдруг паук сейчас ужалит ее и бросит здесь, парализованную и беспомощную? Она чувствовала их мерзкий запах, слышала шорох их ног. Они бегали кругами, наращивая конек вокруг нее.

Они в последний раз испробовали прочность опутывающей ее сети. Потом сильный запах тварей начал улетучиваться. Она напрягала слух и зрение. Если они оставили охранника, то не более, чем одного. С одним она вполне справится. Двигая лапами, Сара протолкнула вперед нож и прикоснулась к сети.

Раз! Ее правая лапа освободилась! Волшебство железа опять сработало. Она поднялась и распрямилась, а кокон упал и рассыпался. Она открыла глаза.

Прямо перед ней на всех своих восьми ногах стоял готовый напасть паук. Он покачнулся вперед-назад и прыгнул. Сара ударила передней лапой и сбросила тварь на землю, потом махнула ножом. Она не была уверена в справедливости слов Хуона — что железо здесь ядовито — и могла только надеяться на это.

Паук подобрал под себя ноги, став похожим на бело-желтый шар. Сара взяла рукоятку ножа в пасть и прыгнула, проводя лезвием поперек круглого туловища насекомого. Паук забился в судороге, его ноги распрямились, но потом он опять поднялся. Сара ткнула его ножом, не желая прикасаться к нему лапами. Когда паук перестал шевелиться, она положила нож на землю, поставила на него одну лапу и языком слизала остатки паутины со своей шерсти.

Затем, взяв нож, она обошла мертвого врага и пошла дальше. Но она была начеку, опасаясь еще одной встречи с этими тварями и разглядывая с подозрением каждый ближний гриб. В мертвом лесу было очень тихо, потому что не было шелестящих листьев, только влажная земля под ногами. Потом земля уступила место плоским камням, которые могли быть остатками старой-старой мощеной дороги. Дорога спускалась вниз, и росшие по ее краю деревья нависали над ней. Сара держалась середины дороги, потому что между деревьев виднелась толстая паутина.

Ведущая вниз дорога привела ее к ручью. Это был не пенистый поток, а коричневая, вяло текущая вода, двумя рукавами огибающая остров.

По периметру острова стояла каменная стена, такая старая и настолько заросшая высохшим диким виноградом и мхом, что почти не отличалась от естественной скалы. Должно быть, здесь когда-то был мост, соединяющий остров с дорогой, а теперь осталась только цепочка торчащих из воды камней.

Сара прошлась по берегу взад-вперед, с сомнением разглядывая камни. Хотя ей ничего не говорили, она была уверена, что остров лежит прямо в центре леса и на нем находится то, что она искала, но добраться до него оказалось проблемой. Она видела, что неприятного вида водяные твари плавают или ползают туда-сюда по дну, и ей не хотелось вступать с ними в схватку. Можно ли перепрыгнуть с одного камня на другой и не поскользнуться?

Она изогнулась, балансируя ножом в пасти, и прыгнула на первый камень. Он был скользкий, но она уцепилась крепко. Второй камень был более пологим и удобнее. На нем она села, положив нож под передние лапы, и разглядывала третий, потому что он был закругленным и зеленым от водорослей. Хотя четвертый опять был плоский. Можно ли до него допрыгнуть отсюда? Она опять выгнулась, напряглась и прыгнула.

Задние лапы оказались в воде, а передними она пыталась за что-нибудь зацепиться. Острая боль пронзила ей хвост, она дернулась и выскочила из воды. В кончик хвоста ей вцепилась какая-то когтистая тварь, и Сара зарычала, махнула хвостом и задела тварью о нож. Та мешком откатилась в реку.

Мокрая шерсть доставляла большие неудобства, но времени останавливаться, чтобы насухо себя вылизать, у нее не было. Теперь нужно прыгнуть далеко и высоко, чтобы запрыгнуть на стену. Мокрая шерсть на спине стояла торчком, уши были прижаты к голове, а хвост мотался из стороны в сторону, когда она на затекших лапах стояла и смотрела вниз на то, что ранее скрывала от нее эта древняя стена.

Пауки в лесу были мерзкие, и она их сразу возненавидела, но здесь было нечто похуже — жаба в три раза больше, чем ее теперешний кошачий размер. Она неподвижно сидела в самой середине открытого пространства, но ее желтые глаза неподвижно таранились на Сару, и Сара испугалась ее больше, чем пауков.

Она дрожала, но совсем не от холодной воды. Эти глаза... они делались больше, больше, заполняя весь мир! Они были открытыми колодцами, в которые можно упасть!

Сара моргнула. Было темно, наступила ночь. Но желтые жабы глаза были настолько яркими, что могли осветить весь остров. Под ними раскрывался широкий рот.

Она постаралась сжаться насколько возможно, держа нож в зубах. Но жаба была огромная, и сила ее взгляда держала на месте. Черный кнут языка промелькнул между громадными губами, пытаясь затащить ее в жадный рот. Но язык прикоснулся к ножу и отпрянул.

Жаба задрожала, ее туша затряслась, рот закрылся. Потом у нее изо рта выпал круглый, сверкающий драгоценный камень, который откатился к подножью стены, на которой сидела Сара. Камень был прозрачный, как стекло, и в середине его Сара увидела кольцо из темного металла.

Кольцо! В этот момент ей пришлось решать. Она не могла нести кольцо и нож вместе. Если она возьмет в пасть талисман, то придется бросить ее единственное оружие.

Сара двигалась быстро, потому что боялась, что если долго будет раздумывать, то ей ничего не удастся. Она бросила нож на жабу и увидела, как он шлепнулся на широкую спину твари. Та закрутилась и задергалась, а потом опала, как мешок, из которого выпустили воздух.

Сара прыгнула со стены и схватила драгоценный камень. Он плохо помещался в пасти, но она крепко держала его.

— Кар-р-р... — Черная птица, такая же как те, что следили за Сарой и лисом, спикировала вниз, выкрикивая боевой клич. Со страху Сара неслась с ужасной скоростью, в несколько прыжков преодолела через камни ручей и заскочила в укрытие мертвого леса. Там она остановилась, пытаясь придумать какой-то план и боясь идти по кишашей пауками тропе без ножа.

Она положила голову между передних лап и только тут вспомнила, что само кольцо тоже железное и может защитить ее. Но для этого сначала нужно разбить стеклянную скорлупу.

Она бросила ее на камень, но та не разбилась. Она встала на него всем своим весом, но он лишь вдавился в землю и не сломался.

— Кар-р-р... — Одна из птиц прыгала на ветке прямо у нее над головой, и ей ответили с воздуха. Сара опять схватила кольцо в пасть и побежала изо всех сил. На бегу она сжимала зубами свою ношу, надеясь, что острые кошачьи зубы прокусят скорлупу.

Одним прыжком она проскочила через мертвого паукоохранника на том месте, где ее поймали. Может, ей удастся выбраться, если она будет вот так быстро бежать? Но в воздухе захлопали крылья, и она почувствовала боль в одном ухе. Сара подползла к стволу дерева, где куча сухих веток скрыла и защитила ее от птиц. Необходимо сломать эту скорлупу, иначе ей никогда не выбраться из леса, в этом она была уверена.

Носом и передними лапами она положила шар на торчащий из земли камень и затем, найдя еще один камень, изо всей силы навалилась, слегка шевеля его, так что скорлупа терлась между двух камней. Она уже почти потеряла надежду, когда с легким хлопком скорлупа исчезла. Лишь кучка пыли блестела на земле возле кольца.

Сара взяла кольцо в пасть и приготовилась бежать. Наверху раздался крик. Птицы поднимались в воздух и улетали. Уверенная в том, что теперь у нее есть шанс, Сара побежала, вначале не осознавая того, что происходит вокруг.

Пока она бежала, все вокруг изменялось. Шарообразные грибы уменьшались и рассыпались. Поднимался прохладный ветер, зашелестел в хрупких ветвях, принося сладостную свежесть. Когда она пробегала мимо озера, где лежала ящерица, вода не была больше темной и пенистой. Она сверкала и пузырилась, наполняемая долгое время бездействовавшим родником.

Когда Сара добежала до того места, где она пролезла под стеной из паутины, здесь уже не было ничего похожего на эту дрянь. Паутина висела лохмотьями, и ветер рвал ее на куски и уносил. Она беспрепятственно выбежала на лунный свет и побежала по склону туда, где ждал лис.

Наверху она остановилась и оглянулась. Все засохшие деревья наполнялись жизнью, сгибаясь на ветру. Почти вся па-

утина исчезла. Сильные порывы ветра как будто разметали все зло, которое там пряталось, снова подготавливая это место для жизни. Она увидела, как при свете луны поднялась стая птиц. Они летели кругами, издавая злобные крики.

Сара повернулась и побежала изо всех сил. Возможно, лес теперь свободен от зла, но похоже, что у черных птиц еще остались силы охотиться.

ПИСЬМ ВРАТА

Перед Грегом было настоящее превращение, такое же великое, какое Сара видела в лесу. Деревня, на которой лежало проклятие ведьмы, вернулась к жизни. Ее жители, освобожденные от облика животных, занялись своими разрушенными домами. Двое из тех, кто пребывал в облике волков, представились как хозяин и хозяйка башни и теперь почти насильно предлагали Грегу и его спутникам кров и еду, которая была в их распоряжении. Но когда все немного отдохнули, рыцарь Артура приказал им ехать дальше, и нетерпение Грега тоже было велико.

Хотя они выехали в сумерках, но не потеряли дороги, потому что по мере того, как сгущалась мгла, рукоять большого меча, лежавшего у Грега поперек седла, засветилась ярким светом, который отражался и рассеивался в виде такого же света от вилки-копья. И это освещало их путь столь же хорошо, как если бы перед ними несли фонарь.

Куда вела горная дорога? Грег ступил на нее сквозь зеркало Мерлина и не имел представления о том, куда она ведет. Он заметил, что те, кто ехал рядом с ним, держали руки возле рукоятей мечей и внимательно следили за вершинами гор по обеим сторонам дороги, словно опасаясь засады.

Они доехали до того места, где Грег провел ночь в пещере. Там пришлось слезть с лошадей и идти по одному, ведя лошадей по неровному склону. Когда они снова оказались на ровной земле, у Грега почти не осталось сил, чтобы залезть обратно в седло.

— По коням, молодой господин! — поторопил его рыцарь Артура. — Время не ждет. Ведь и на запад, и на восток могут напасть враги. А как Пендрагон поедет на битву без своего клинка? По коням, надо торопиться!

С трудом Грег подчинился и поехал дальше. Он клевал носом от усталости и не замечал, что рыцарь взял повод и вел лошадь, на которой он ехал. Но он быстро проснулся, когда рыцарь просигналил тревогу.

Вошла луна и осветила стоящее перед ними войско, молчаливый барьер поперек дороги. В середине были люди или твари, похожие на людей, а на флангах монстры. Весь ряд стоял, выставив в сторону рыцарей Артура и самого Грега клинки дымного красного пламени. Позади этой темной компании виднелся светящийся серебристый занавес — зеркало Мерлина?

— Вперед, за Пендрагона! — Главный рыцарь бросил клич и обнажил свое оружие.

Лошадь Грега, когда ее повод оказался отпущен, продолжала двигаться в сторону вражеских линий. Мальчик слышал крики солдат Артура, стук копыт по дороге. Его лошадь испугалась и понесла галопом. Острия темного огня образовывали перед Грегом устрашающую стену. Он плотно прижал левой рукой к телу Экскалибур, а правой поднял вилку-копье. И лунный свет, хотя был тусклый и неяркий, сконцентрировался на ней, превратил ее в светящееся белым пламенем знамя. Темная стена перед ним зашаталась и отодвинулась. Грег метнул копье, и шеренга врагов расступилась, а его лошадь продолжала нестись галопом к туманному занавесу.

Грег увидел, что прямо за занавесом мужчина верхом на одной из крылатых лошадей. Это был великан с золотистой бородой и в шлеме, на макушке которого был резной дракон с горящими глазами такого же красного цвета, как и плащ, закрывающий его спину и грудь. За ним стояла великая рать рыцарей и лучников под знаменем, которое развевалось на сильном ветру.

Бородатый мужчина повернулся к Грегу лицом и протянул руку жестом одновременно просящим и властным. Каким-то образом Грегу удалось собрать достаточно сил, и, подняв Экскалибур обеими руками, он швырнул меч вверх и вперед. Гигантский клинок от рукоятки до кончика проскользнул через занавес. Потом, будто притягиваемый магнитом, влетел в протянутую руку Артура Пендрагона. Хранитель Востока трижды прокрутил мечом над головой, и зная позади него приспустилось в салюте.

Лошадь Грега оказалась у кромки туманного занавеса, а его самого поглотил вихрящийся туман. Издалека ему слышались крики, звон клинков, пение тетивы. Потом он скатился в траву, а когда через мгновение открыл глаза, то ясно разглядел в теплом полуденном солнце свежую зарубку на стволе дерева.

Эрик отпрянул от воды, в которую скатилось морское чудовище. Первоначальный план переждать ночь в пещере теперь не устраивал его. Больше всего ему хотелось вернуться на берег, как можно быстрее убраться с этого острова. Он спустил лодку, надеясь покинуть пещеру до того, как станет темно.

Он держал рог у себя на коленях, твердо решив не терять его снова, и греб ложкой, как веслом. На этот раз дорога по узкому проходу во внешнюю пещеру заняла у него гораздо больше времени, потому что он боялся порвать кожу, покрывающую его судно, о камни, и дюйм за дюймом полз, пока не увидел серый вечерний свет, отражающийся от воды впереди.

За шумом прибоя Эрик силился услышать другие звуки. Чудище во внутренней пещере могло оказаться не единственным в своем роде в этой округе. Больше всего он боялся, что кто-нибудь поднимется из глубин и нападет на его лодку.

Выйти от пещеры в море оказалось труднее, чем попасть в пещеру. Тогда волны помогали ему, а теперь приходилось грести против них. Эрик так устал, что каждый раз, когда

поднимал ложку-весло, его плечи сводило от боли. Но в конце концов он победил и с облегчением вздохнул, когда увидел отдаленную тень острова в открытом море позади себя.

Эрику казалось, что тень острова черным чехлом закрывает море до берега и его путь покрыт мраком. В небе у горизонта виднелись последние сполохи багрового заката, и в воздухе кружились и кричали морские птицы.

Они планировали вдоль берега на широко раскрытых крыльях, пролетая прямо над его головой. Конечно, среди них были и те, что сидели на уступах скал и смотрели на его битву с гигантской птицей. А теперь они следовали за ним, будто часовые. Но для чего? Для кого?

Любая волна раскачивала легкую лодку. Если бы что-то поднялось из глубин, то оно легко перевернуло бы ее. Нельзя об этом думать; на его счастье, прибой нес лодку к берегу, и грести было легче.

Минуты проходили, берег приближался, и уверенность Эрика росла, поэтому он оказался не готов к несчастью, которое с ним все же произошло.

Лодка тихонько причалила, и он выскочил в откатывающуюся волну, чтобы вытащить ее на берег. Хотя на острове птицы казались ему врагами, когда собрались посмотреть на нападение гигантской птицы, теперь они, похоже, стали друзьями, потому что когда Эрик выскочил на мокрый песок, стая, которая сопровождала его на берег, с криками полетела в сторону дюн, выкрикивая так же, как тогда, когда он прыгнул в гнездо.

Эрик быстро обернулся. Дюны колыхались там, где ветер выметал струящийся песок. Из этих складок местности появились существа, ростом не выше его самого. Они двигались на перепончатых лапах, окружая его.

Их чешуйчатая кожа мокро блестела в последних лучах заката, перепутанные зеленые волосы свисали на глаза, устремленные на Эрика. Если они пройдут еще вперед, то отгеснят его обратно в море.

Он держал рог и ложку. Ложка защитила его от гнева гигантской птицы, спасла его в битве в пещере с почти неви-

димым монстром. Теперь ей нужно было расчистить дорогу сквозь эту толпу водяных.

Он продернул ремешок рога через свой ремень, чтобы наверняка не потерять его. Затем, держа ложку перед собой, двинулся вперед, навстречу шеренге нападающих. Он мгновенно погрузил ложку в песок и швырнул его в лицо двум из существ, и те отпрыгнули, отчаянно протирая глаза и вскрикивая высокими, тонкими, как у морских птиц, голосами. Но остальные приближались, и Эрик взмахнул ложкой. Она ударила одного водяного, который упал на своего соседа и уронил его.

Грег проскочил в открывшуюся таким образом брешь. Он пробежал в лощине между двух дюн, но перед ним оказался крутой склон третьей. Как он вскоре обнаружил, быстро взобраться по песчаному холму было тяжелой задачей. В любой момент Эрик ожидал, что его схватит за шиколотку и опрокинет перепончатая лапа. Но, с болью под ребрами и колотящимся сердцем, достиг вершины, опередив своих преследователей.

Зеленые лапы тянулись к нему, и вслед за вожакom собиралась остальная стая. Их крики оглушили его, он плохо ображал. Теперь они окружили подножие дюны и надвигались со всех сторон. Эрик не видел пути к спасению.

Он со всей силы ударил по ближайшей протянутой лапе ложкой, и вожак откатился назад. Потом, не придумав ничего лучше, он метнул ложку в нападающих, приложил к губам рог и дунул изо всей оставшейся в нем силы.

Звук прозвучал как гром. Зеленые водяные замерли, затем с воем бросились на него. Но перед ним повис блестящий серый занавес, и Эрик в отчаянии прыгнул вперед.

Он оказался на продуваемом ветром склоне холма лицом к лицу с Хуоном, гордо стоящим в серебряных доспехах, зеленом плаще и шлеме. За ним выстроились рыцари и лучники из Кэр Сидди, и над их головами развевалось знамя, которое было на башне замка.

Хотя Эрику казалось, что он надежно зацепил рог, теперь он выскочил и повис в воздухе. Хуон схватил его. Одной рукой он отдал Эрику честь, а другой поднял рог к губам.

Раздался еще один раскалывающий небеса звук, и Эрика подняло им, или же ветром, или какой-то другой силой, и унесло прочь...

Задыхаясь, он оперся о дерево. Перед ним на земле, такой же грязный и усталый, лежал Грег.

— Кар-р-р...

Сара прыгнула вперед, но крыло задело ее хвост. Она крепко держала во рту кольцо и бежала изо всех сил в сторону звезды в кругу, где ее должен ждать лис. Теперь черные птицы нападали на нее со всех сторон, и она едва ускользала от их острых когтей и клювов.

— Сюда! Сюда!

Для человеческого слуха это показалось бы возбужденным тьяканьем лисицы, но для Сары это было надеждой на спасение. Большим рыжим туловищем лесной провожатый прикрыл ее со всех сторон и зарычал на птиц. Но их оказалось не так легко отогнать.

Вновь Сара почувствовала острую боль, когда коготь разорвал ей ухо. Она хотела закричать от гнева, но вспомнила о кольце, которое держала в пасти, и побежала дальше. Она бежала медленнее, в горле у нее пересохло, в груди болело. Но вот она, звезда в круге!

Лис подпрыгивал в воздух, сражаясь с птицами. Во все стороны летели черные перья. Ее провожатый схватил зубами одну из птиц поперек туловища, и та обмякла. Но остальные мимо него пронеслись к Саре. Она встала на задние лапы, нанося удары выпущенными когтями. Потом одним большим прыжком оказалась около корзины в центре звезды.

Лис залаял, и птицы взмыли и летали над головой.

— Кольцо! Кольцо тебя превратит!

Сара раскрыла рот, и кольцо выпало на крышку корзины.

— Прикоснись к нему и загадай желание! — Лис метался взад-вперед за пределами круга.

Сара подняла стертую лапу и поставила ее на железное колечко.

— Хочу снова быть собой, — мяукнула она.

Шерсть на обратной стороне ее лапы постепенно исчезла, подушечки превратились в пальцы. Потом, через несколько секунд, она вновь стала настоящей Сарой, внутри и снаружи, с расцарапанной щекой и такая усталая, что с трудом могла пошевелиться.

Лис тьякнул еще раз, но на этот раз она не поняла его. Он кивал на тропинку так, что ошибки быть не могло, и она с трудом поднялась на ноги. Кольцо! Оно лежало на крышке корзины. Она подняла его, надела на палец и сжала для надежности руку в кулак. Потом повесила на руку корзину и отправилась за лисом.

Птицы отступили в тот момент, когда Сара воспользовалась силой кольца. И хотя она по-прежнему слышала их хриплые крики, они больше не нападали. Но она слишком устала, чтобы идти далеко.

Лис не пошел с ней по лесной тропе. Вместо этого он проскользнул между деревьев, ободряюще тьякая и скуля, словно побуждая ее идти дальше.

Они вышли на открытое место в лесу, где Сара могла заглянуть сквозь обрамление ветвей, как через окошечко. Она не очень удивилась, когда увидела за ветками комнату с зеркалом, в которой ветер шевелил висевшую на стенах ткань.

Лицом к ней стоял Мерлин. Он улыбнулся, кивнул и протянул руку, ладонью вверх. Сара стянула холодное кольцо с пальца, довольная, что избавилась от него. Она бросила его сквозь ветви и увидела, как Мерлин поймал его и сжал в кулаке. Потом окно в комнату исчезло и на его месте возник просто лес, в котором под деревьями сидели Эрик и Грег, выглядевшие так, будто только что дрались с кем-то не на жизнь, а на смерть.

— Грег! Эрик! — Сара ломилась через кусты. Она бросила корзину и схватилась за своих братьев, чтобы убедиться, что они на самом деле есть и все они действительно снова вместе.

— Сара! — Оба мальчика крепко держали ее за руки. Сзади раздалось резкое тьяканье. Лис последовал за ней, а теперь сосредоточенно куда-то бежал, призывно оглядываясь через плечо.

Сара так привыкла подчиняться этому жесту, что освободила руки и подняла корзину.

— Идем!

Некоторое время они плелись между деревьями, пока перед ними не оказалась каменная арка, на несколько дюймов заросшая зеленым мхом, наверху которой была установлена высеченная из камня маска лиса.

— Врата! — Эрик кинулся вперед. — Теперь мы можем вернуться...

Сара повернулась к лису и протянула руку. Большой зверь подошел к ней, и на мгновение ее пальцы легли на его гордую голову. Затем он нетерпеливо тьякнул, и Грег потащил Сару за руку.

Но пройти через врата им не удалось. Никакого ограждения не было видно, но между ними и их миром стояла невидимая стена.

— В чем дело? — Эрик вскинул голову, его лицо покраснелось, он громко кричал на деревья вокруг них. — Мы вернули ваши талисманы, так? Открывайте же врата! Немедленно!

Сара посмотрела на Грега, и у нее задрожали губы. Она была почти так же напугана, как тогда, в этом страшном лесу среди пауков. Им что, теперь никогда не покинуть Авалон? Это было замечательное приключение, но она хотела, чтобы оно закончилось — немедленно!

— Открывайте! — Эрик прицелился кулаком в промежуток между каменными столбами, но его рука отскочила от невидимой поверхности.

Затем, в стороне от них, возникло серебристое мерцание. Сара схватила Грега за руку. Эрик отпрянул. Высокий столб распался на множество блестящих маленьких искр — и перед ними оказался Мерлин.

На его одеянии плясали и изгибались красные линии, более яркие, чем раньше, и на указательном пальце поднятой руки было кольцо.

Сара посмотрела на кольцо, затем сказала:

— Мы хотим домой.

— Холодное железо — властелин, — ответил он ей. — Вы оставили то, что не принадлежит Авалону, и оно не пускает вас за врата.

— Вилка! — вскричал Грег. — Я потерял ее, когда мы сражались, чтобы добраться до короля Артура там, на горной дороге!

— И ложка, — вступил Эрик. — Я обронил ее на дюне, там, где были водяные.

— Я бросила ножом в жабу, — добавила Сара. — Значит, нам теперь придется идти обратно и искать их?

— Железо, холодное железо, ответь железу и твоему властителю! — Мерлин повернул кольцо у себя на пальце.

Раздался едва слышный звон, и у его ног легли вилка, ложка и нож, опять своего обычного размера. Мерлин поманил пальцем Грега, и мальчик поднял вилку.

— Железный дух, железное мужество — вот что сделает тебя хозяином тьмы и того, что в ней, — тьмы снаружи, тьмы внутри.

Потом Мерлин показал пальцем на Эрика, поднявшего ложку:

— Железный дух, железное мужество — против страхов внутри и страхов снаружи, чтобы более не знать волн и пузырей страха.

Теперь пришла очередь Сары, и когда ее пальцы сомкнулись на рукоятке ножа, она услышала, как голос Мерлина тепло пообещал ей:

— Железный дух, железное мужество — против страхов, которые скользят, ползут или бегут на многих ногах!

— Сэр, — Грег стоял, держа в руках вилку, — а как же насчет битвы? Победят ли король Артур и Хуон?

— Они уже одолевают врага. В этот раз Авалон удержится — и победит! А теперь... — Он махнул рукой с кольцом в

сторону врат. — Прошу вас, отправляйтесь в путь и заберите с собой холодное железо. Также помните, Авалон благодарен и Авалон ничего не забывает. Вы теперь часть его, и это со временем может оказаться для вас более важным, чем вы сейчас догадываетесь. Врата открыты. Идите!

Сара бегом кинулась ко вратам, Грег и Эрик бежали по обе стороны от нее, вокруг них закрутился туман — и они оказались снова во дворе миниатюрного замка.

— Дверь исчезла!

Когда Эрик закричал, двое других обернулись. Все камни, которые они вытащили, оказались уложены обратно на место. И ползучие растения снова свили свой зеленый покров. Случилось ли все это с ними на самом деле?

Но у Грега в руках была вилка, Эрик держал ложку, а Сара сжимала нож и корзину.

— Магия железа... — сказал Грег, затем поправился: — Магия стали.

Паук, черный и очень большой, выбежал из дикого винограда и прошмыгнул по мостовой возле ног Сары. Не вздрогнув, она смотрела, как тот бежал и едва слышно повторила:

— Против страхов, которые скользят, ползут или бегут на многих ногах.

Она снова посмотрела на паука. Ну, это существо не сравнить с теми, с которыми она боролась в затянутом паутиной лесу. Бояться нечего. Это же просто букашка. Железный дух, железное мужество. Теперь она не испугается даже самого большого паука в саду. Может быть, у Грега и Эрика еще не было времени испробовать их железное мужество, но Сара была уверена, что у них это тоже сработает и им даже не придется для уверенности носить с собой вилку или ложку.

— Эй! — Грег был впереди, на гравийной косе, ведущей на берег. — Слышите? — Он демонстративно пнул камешек в озеро. Обычная вода для питья, стирки и купания. Просто вода.

Свист — призывной сигнал дядюшки Мака.

— Идем, — ответила Сара, крепко держа корзину обеими руками, и побежала за братьями.

**МАГИЯ
ВОСЬМИУГОЛЬНОГО
ДОМА**

Роман

*Моей матери,
чьи замечательные рассказы о детстве
в конце викторианского периода
сделали эти годы для меня такими реальными.
И Виоле, Эрнестине и Бекки за их предложения.*

ВЕДЬМИН ДОМ

— Канак¹, канак, ходит как утка!

Лорри Маллард, глядя прямо перед собой, пошла быстрее. Она решила, что ни за что не побежит, но не могла не слышать эти ненавистные слова. Еще два квартала, а Джими Пурвис, Стэн Вормиски и Роб Локнер совсем близко.

— Канак...

В носу у нее щипало, но она не заплачет, ни за что! И не побежит, чтобы они могли гнаться за ней до самого дома. Мальчишки, злые, ненавистные мальчишки! Смотрят на тебя, и смеются, и шепчутся о тебе в классе, стараются потянуть тебя за волосы или схватить твой портфель с книгами, гонятся за тобой и поют злые, ненавистные песни. Еще два квартала...

Если только она не пойдет коротким путем, мимо ведьмина дома.

Лорри чуть повернула голову — достаточно, чтобы увидеть начало переулка, того самого, в котором густые разросшиеся кусты скрывают ржавчину на старой железной изгороди. Похоже на джунгли с рисунков в учебнике по социологии, если бы джунгли могли в бьющую бурю потерять всю листву.

Социология! Лорри нахмурилась. Дома в Канаде, в школе мисс Логан, у них не было уроков по социологии. И мальчишек тоже не было. У них была история, а она хорошо училась по истории. Но теперь кажется, что она изучала не ту

¹ К а н а к — прозвище канадцев в США. — *Прим. перев.*

историю. Ей тут не место. Если бы только бабушке не нужно было уезжать в Англию, где старая подруга могла бы позаботиться о ней после операции.

— Канак...

Лорри крепче ухватила портфель. Чуть приподняла маленький заостренный подбородок, плотнее сжала губы. Ведьма, которая, возможно, прячется за закрытыми воротами, не так плоха, как Джимми, Стэн и Роб. Лорри намеренно пошла медленней.

Мальчики и девочки боятся — или говорят, что боятся — ведьмина дома. Лорри слышала, как они подначивали друг друга перелезть через изгородь и постучать в дверь. Но никто не делал этого, даже Джимми Пурвис.

Справа от нее, на противоположной стороне переулка, красное кирпичное строение с выбитыми стеклами в окнах, поверх которых прибиты доски. Когда-то это была конюшня, в которой держали лошадей и экипажи. Дальше начинается площадка для парковки машин из того дома, в котором живет Лорри, пустая и холодная: в это время дня здесь всего две машины.

Ветер проносится по переулку. Он поднимает листья и шуршит ими. Большинство деревьев и кустов за оградой голые. Но все равно трудно что-то рассмотреть: слишком густо переплелись ветки.

Лорри на самом деле не верила, что здесь живет ведьма или что там, внутри, стонет призрак, хотя Кэти Локнер клялась в этом. Тетя Маргарет говорила, что это просто старый-старый дом, не такой, как строят сейчас. Его называют Восьмиугольный дом, потому что у него действительно восемь сторон. И в нем живет очень старая леди, которая не очень хорошо ходит и потому никогда не выходит из дома.

Переложив портфель в другую руку, Лорри направилась к воротам, запертым на цепь. Дом странный, насколько она может видеть. Набравшись смелости, она просунула руку между прутьями ограды, оставляя следы ржавчины на плаще, и раздвинула ветки, чтобы посмотреть получше. Да, дом не такой, как другие. Она видела ступеньки и лестницу и угло-

ватую стену с очень высокими заостренными окнами. Лорри решила.

Она ответит на вызов, хотя ей его никогда не делали. Она обойдет вокруг всего ведьмина дома и посмотрит все, что сможет увидеть. Поставив портфель, она попыталась стереть с плаща ржавчину. Здесь переулок кончился, и она повернула по улице Ясеней на север, а не на юг, медленно прошла перед домом.

Здесь заросли кустов и деревьев не такие густые, как в переулке. В них оказался промежуток, и Лорри с легким удивленным возгласом остановилась. Когда они в последний раз проходили здесь, ей приходилось торопиться за тетей Маргарет, за которой всегда сложно угнаться. Тогда она только приехала в Эштон, на всех ветвях были листья, и поэтому она не видела этого оленя, большого, как настоящий, но черного и зеленого, не коричневого, будто бы он порос мхом.

Лорри подошла поближе к ограде. Олень стоял на большом каменном блоке, и здесь была кирпичная стена; между кирпичами рос зеленый мох. А дальше начинался дом. У него высокие окна — то, что ей видно, закрыто ставнями, — и дверь. Перед ней груда листьев, будто некому собрать их и сжечь.

Лорри прикусила нижнюю губу... Листья собирают в большие груды, и запах дыма такой приятный. Однажды они положили в самую середину костра три большие картофелины. А когда достали, они снаружи были черными, но их можно было разломить и съесть с солью. А вокруг собирались белки и выпрашивали кусочки.

Тогда она была совсем маленькой. Должно быть, это было пять-шесть лет назад. Но она все помнит, хотя и не хочет вспоминать. Теперь, когда она живет здесь, где нет листьев, чтобы их сжигать, ничего нет, где ее зовут глупым канаком... хотя она совсем не ходит как утка!

Лорри поставила портфель на землю между ногами, чтобы взяться за ворота. Цепи на них нет, но они, конечно, закрыты. И все эти листья...

Во дворе у мисс Логан рос большой дуб. И можно было искать желуди, кто найдет самый большой. Ей это никогда не удавалось, зато Анни, ее лучшей подруге, в прошлом году удалось. Она нашла настоящую громадину, размером почти с палец. Мисс Логан, Анни... Лорри почувствовала, что у нее снова щекочет в носу.

Для нее все здесь, в Эштоне, пошло не так. Может, если бы она приехала, когда в школе еще не начались занятия... а теперь у всех уже есть друзья, а она одна... Нет, она все равно другая, она глупый канак!

Беды ее начались в день контрольной на прошлом месяце. У них был подменный учитель, миссис Реймонд простудилась. И учительница рассердилась, когда Лорри не поняла вопроса. Но разве Лорри виновата, что приехала из Канады, где учили по-другому? В школе мисс Логан у нее всегда были отличные отметки, и бабушка Маллард ею гордилась. Когда бабушке пришлось лечь на операцию, Лорри не просила, чтобы ее отправили в Эштон жить с тетей Маргарет Герсон, которая весь день на работе. Все, чему учили у мисс Логан, здесь кажется неправильным. Когда она, отвечая в классе на первый вопрос, сказала: «Да, миссис Реймонд» и присела, все рассмеялись, все до одного. Все эти ненавистные мальчишки потом во дворе подсакивали и кричали: «Да, мэм, нет, мэм!» А у мисс Логан мальчишек вообще не было, этих ненавистных мальчишек!

И она не может говорить о том, о чем говорят Кэти и другие девочки. А теперь миссис Реймонд говорит, что ее нужно перевести на класс ниже, потому что она слишком медленно догоняет. Перевести — только потому, что здесь учат по-другому.

А потом Джимми Пурвис сочинил эту песню, и они поют ее на всем пути до дома. Ей не хочется возвращаться домой: тети Маргарет нет, а миссис Локнер все время говорит, что она должна идти к ней в квартиру и не быть одной.

Лорри несколько раз мигнула. Олень стал расплываться, но вот он снова выглядит крепким и сильным. Она хотела бы взглянуть на него поближе. За один из рогов зацепился

большой лист и раскачивался, как маленький флаг. Лорри улыбнулась. В этом есть что-то забавное. Олень такой большой и гордый, он почему-то строгий, но лист раскачивается, словно смеется над ним.

Несмотря на забранные ставнями окна, на все эти темные деревья, кусты и большие груды листьев, Лорри дом понравился. Он совсем не страшный.

Может, бывают разные ведьмы? Одни злобные и страшные, а другие добрые, как крестная мать Золушки. Волшебница крестная мать тоже обладает магической силой. Только она делает добро, а не зло. Ей пригодилась бы сейчас волшебница крестная мать. Лорри попросила бы превратить Джимми Парвуса в настоящую утку.

Поднимая портфель, девочка улыбнулась. Старина Джимми Парвус с желтыми перьями по всему телу и с большими плоскими лапами — это первое, что она попросила бы у волшебницы крестной матери или у доброй ведьмы, если бы ей сказали, что у нее есть несколько желаний. А теперь ей лучше идти домой. Она скажет, что ей нужно делать уроки, и миссис Локнер оставит ее одну в квартире тети Маргарет.

Повинуясь какому-то порыву, Лорри подняла руку и послала привет оленю. В этот момент ветер подул сильнее, сорвал лист с рога, перенес его через ворота и опустил к ногам девочки. Она схватила лист, хоть он и рваный, и сунула в карман плаща. Почему, она и сама не знала.

Потом повернула на юг, в сторону дома. Она уже дошла до конца переулка, когда услышала сзади тонкий писк. Почему-то этот звук заставил ее остановиться.

— Она здесь. Тыкай в нее, Стэн, выгоняй, и я ее поймаю!

Джимми Парвус присел на корточки у большого куста возле старой конюшни. Стэн Вормиски, его помощник и преданный последователь, совал в куст длинную ветку, а Роб Локнер стоял рядом. Стэн и Джимми были возбуждены, но Роб выглядел слегка растерянным.

— Давай, Стэн, тычь! — приказывал Джимми. — Выгони ее оттуда. А я схвачу!

Снова тонкий жалобный писк. Лорри обнаружила, что бежит, но на этот раз не от шайки, а к ней. Не успела она добежать до мальчишек, как из куста выскочила маленькая черная тень, увернулась от Джимми и прыгнула на нее.

В ее ногу впились тонкие, острые, как иголки, коготки, потом в юбку, в плащ: испуганный котенок поднимался по Лорри, как по дереву. Она прикрыла его руками и посмотрела на мальчиков.

— Только посмотрите, кто здесь. Старый глупый Канак. Это ведьмина кошка, Канак, отдай ее мне. Отдавай немедленно! — Джимми с улыбкой подошел к ней.

— Нет! — Лорри, как щитом, закрылась портфелем. Под другой рукой у нее на груди котенок дрожал и по-прежнему жалобно мяукал.

— Отдай ее, Канак. — Джимми по-прежнему улыбался, но Лорри испугалась. Он улыбался совсем не весело, ей эта улыбка не понравилась.

Девочка повернулась и побежала, подальше от этого взгляда Джимми. Ей не добежать до дома раньше их, в этом она уверена. И даже если добежит, ведь тети Маргарет нет. Кто ее защитит?

Может быть... может быть, она сумеет перебраться через ограду и спрятаться в кустах. Она умеет карабкаться, приходилось часто в счастливые времена, когда устраивали костры. Передние ворота близко, и эти изгибы на них — хорошая опора. Лорри перебросила портфель через ворота, сунула слабо сопротивлявшегося котенка поглубже под плащ и с отчаянной скоростью начала подниматься.

Она не знала, почему мальчишки до сих пор ее не поймали. Может, Джимми Пурвис боялся последовать за ней сюда. Но она не стала тратить время на то, чтобы оглянуться. Перевалилась через ворота и неловко приземлилась на кирпичную стену.

Котенок яростно сражался за свободу, вырвался и метнулся меж листьев, побежал не к передней двери, а за дом. Лорри показалось, что передняя дверь вообще никогда не от-

крывается. Боясь, что испуганный котенок снова может выскочить в переулок, она побежала за ним.

Она увидела ярко-красный плащ Джимми и грязно-серый Стэна. Мальчики шли снаружи вдоль ограды по улице Ясней, но не очень быстро. А что, если они проберутся за ней и сюда?

Лорри быстро бежала за котенком. Прошло несколько секунд, прежде чем она сообразила, что, хотя по-прежнему под ногами шуршат листья, здесь относительно чисто. Мимо задней стены дома проходила расчищенная дорожка. Выложенная крест-накрест кирпичами, по ее сторонам клумбы, на которых высохшие стебли с головками побитых морозом цветов. Густая поросль кустов и деревьев тянулась только вдоль ограды, закрывая внутреннюю часть.

Огибая один из углов, девочка оглянулась на дом. Здесь окна не закрыты ставнями, но шторы спущены. Так что ничего не видно.

— Мяу-у-у... — Это котенок. Лорри побежала дальше.

Обогнув еще один угол, она оказалась в месте, где клумбы вдоль дорожки расширились, превратились в квадраты. И они пустые, как будто все, что на них росло, аккуратно собрано. Здесь тоже высокие узкие окна, но на них ни ставен, ни штор. На одном окне девочка увидела белую занавеску и край красной шторы. Если передняя часть дома закрыта, то здесь совсем не так.

Лорри теперь не бежала, а осторожно и медленно шла по тропе. Здесь тоже были листья, ветер переносил их и собирал в груды. Посредине голых клумб пустой бассейн. В самой середине его сидит, сжавшись, какая-то тварь. Дракон, подумала Лорри. Голову тварь держит высоко, под неловким углом, и из широко раскрытой пасти высовывается короткая трубка, из которой когда-то текла вода — а не огонь, какой струей пускали сказочные драконы в своих противников-рыцарей, — вода когда-то стекала в бассейн у когтистых лап.

— Мяу-у-у! — Голос котенка потянул ее дальше, за следующий угол. Здесь дверь, которую она видела из-за закрытых на цепь ворот. На ступеньке у этой двери сидит котенок,

пасть его раскрыта. Оттуда доносится негромкий, но пронзительный писк.

Лорри застыла, услышав скрип, заглушивший мяуканья котенка. Она стояла, глядя на дверь. Дверь открывалась, и как только образовалась достаточно широкая щель, котенок скользнул в нее. Но дверь продолжала открываться, и Лорри обнаружила, что не может бежать, даже если бы захотела, потому что ноги так прочно прилипли к земле, будто она ступила на дорожку, покрытую смолой.

Внутри дома темно. Хотя в окнах домов на улице в этот вечерний час уже появился свет, в доме огня не было. Но девочка прекрасно видела женщину, стоявшую на пороге.

Женщина была невысокая, едва ли намного выше самой Лорри, с круглыми плечами, так что она немного наклонилась вперед. На лице большой широкий нос и подбородок, стремящийся вперед и вверх, навстречу носу. Над темно-коричневыми щеками и лбом черно-белые волосы в тугих завитках, вернее, то, что видно из волос, потому что на голове у женщины чепец с накрахмаленной оборкой вокруг всей головы. Платье у нее темно-красное, а юбка под белым передником очень длинная и широкая, тоже с оборкой. Положив руку на задвижку двери, женщина стояла на пороге и смотрела на Лорри. Потом улыбнулась, и девочка тут же забыла о ее большом носе и остром подбородке.

— Здравствуйте, маленькая мисси. — Голос ее звучал негромко и мягко. — А, это ты, Сабина. Где ты была и что делала? Замерзла?

Из-под края ее юбки выглянула черная голова котенка. Котенок несколько мгновений смотрел голубыми круглыми глазами на женщину, потом повернул голову и не мигая уставился на Лорри.

— Мальчишки, — торопливо начала Лорри, — они...

Голова в чепце уже кивала.

— Да, у них всякие проделки, да, проделки. Но вы ведь позаботились, чтобы они не обидели Сабину, да, маленькая мисси? Я расскажу мисс Шарлотте, она будет очень довольна. Заходите. Хотите имбирного пирога?

Лорри покачала головой.

— Нет, спасибо. Уже поздно. Миссис Локнер... она расскажет тете Маргарет, что я поздно пришла домой. Это ее встревожит.

— Тогда приходите в следующий раз. — Голова в чепце кивала, улыбка стала еще шире. — А как вы вошли, маленькая мисси?

— Перебралась через ворота, передние, — призналась Лорри.

— И что вы сделали со своей красивой одеждой. Ай-ай-ай. — Женщина указала коричневым пальцем.

Лорри осмотрелась. На рукавах и груди ее плаща следы ржавчины, еще больше на юбке и чулках. Она попыталась стряхнуть грязь.

— Пойдемте. Холли выпустит вас, как положено.

Она спускалась по ступенькам медленно и неловко, а Лорри ждала. Потом пошла за широкой юбкой, которая задевала за кусты у углов дома. Они прошли назад к воротам, где высоко и гордо поднимал голову олень. Холли протянула к воротам старые сморщенные руки, коснулась верхнего прута и резко дернула. Послышался негромкий протестующий скрип, и ворота приоткрылись — не на всю ширину: они застревают на неровных плитах, — но достаточно, чтобы Лорри прошла.

— Спасибо. — Лорри вспомнила о манерах, которым ее старательно учили в школе мисс Логан, и слегка присела. — Большое спасибо.

К ее удивлению, Холли, придерживая руками края юбки, которые раздувал ветер, ответила таким красивым и изящным поклоном, какого Лорри никогда не видела.

— Добро пожаловать, маленькая мисси, добро пожаловать.

И тут любопытство победило хорошие манеры.

— Вы... вы?..

Улыбка Холли стала шире.

— Старая ведьма? — Произнесенные мягким голосом, эти слова звучали еще хуже.

Лорри покраснела. Хотя сама она никогда не пробежала мимо Восьмиугольного дома, выкрикивая такие слова и стуча по воротам старой ведьмы, чтобы та вышла.

— Леди... которая здесь живет? — запинаясь, спросила девочка.

— Да, я здесь живу. Но я Холли, а не мисс Шарлотта. Мисс Шарлотта — это та самая мисс Эшмид.

Холли произнесла это так, словно мисс Эшмид такая же важная персона, как леди Картрайт, подруга бабушки в Англии.

Теперь Холли перестала улыбаться, и голос ее звучал почти резко.

— Мисс Эшмид настоящая леди, никогда не забывайте об этом.

— Я... не забуду. А меня зовут Лорри Маллард. — Лорри протянула руку. — Рада была познакомиться.

Пальцы ее потонули в руке Холли.

— И я рада познакомиться, Лорри. Приходите еще.

Лорри пошла по улице Ясеней. У выхода из переулка она оглянулась. Но ворота уже были закрыты, и Холли ушла. Та часть дома, которую она могла видеть, по-прежнему выглядела пустой.

Стало холодней, ветер рвал клетчатую юбку и шапку. Небо потемнело, как перед бурей. Лорри побежала, но на бегу продолжала оглядываться. Джимми и Стэн вполне могут спрятаться и наброситься на нее. Обогнув стоянку, она немного успокоилась. Здесь много машин, но близко их нет, так что мальчишкам не за чем спрятаться.

Девочка вбежала по ступенькам в подъезд дома. Здесь мистер Паркинсон вынимал почту из ящика. Лорри пошла медленней и постаралась закрыть дверь без стука. Мистер Паркинсон не любит детей и очень ясно дает это понять. Однажды днем Кэти Локнет бросила мяч, он скатился по лестнице, и Лорри подобрала его. И ее же обвинили в плохом поведении с угрозой рассказать об этом тете Маргарет. С тех пор она старательно избегала мистера Паркинсона.

Теперь он мрачно смотрел на нее. Лорри очень остро осознавала, как выглядит в своей запачканной ржавчиной одежде. А что скажет тетя Маргарет, если эти пятна не сойдут? Одежда стоит дорого, Лорри это знает. Может, если потереть сильней...

Но хотя во взгляде мистера Паркинсона ясно читалось его мнение о грязных неаккуратных девочках, он ничего не сказал. Лорри осторожно прошла мимо него и медленно и тихо, как только могла, поднялась по лестнице. Но как только ей показалось, что теперь ее не видно, пошла быстрее и портфелем ударила сначала по ступенькам, потом по стене. Но вот она, тяжело дыша, у своей двери и ищет в кармане ключ. Напротив дверь Локнеров, но она закрыта. Миссис Локнер за ней не наблюдает.

Лорри повернула ключ и скользнула внутрь, быстро закрыв за собой дверь. Перед ней было большое зеркало. Посмотрев в него, девочка ахнула. Неудивительно, что мистер Паркинсон так на нее смотрел. Она выглядит даже хуже, чем опасалась.

Лорри прошла в спальню, в которой спит вместе с тетей. Разделась, разложила одежду на кровати и надела старое платье. А потом принялась работать щеткой, стараясь убрать все следы своего приключения.

О, как ей везет! Большинство следов удалось уничтожить. А те, что остались, почти не видны, даже когда она подносит платье под лампу. К тому же сегодня пятница, так что она сможет еще раз почиститься завтра утром. Наконец она повесила одежду в шкаф и подошла к туалетному столику, на котором у основания большого зеркала в ряд стояли ароматные флакончики и пузырьки тети Маргарет.

Как приятно пахнет. В мире много хороших запахов, например, запах горящих листьев. Лорри стояла неподвижно. Она смотрела в зеркало, но видела не свое отражение, а картину из памяти...

Мама и папа сгребают листья, а Лорри укладывает их в большой мешок... Лорри покачала головой. Она не хочет вспоминать это, потому что потом придется вспомнить и все

остальное. Вспоминать маму и папу и самолет, который унес их от нее навсегда...

Лорри закрыла глаза, полная решимости не вспоминать. Ну вот — она снова посмотрела в зеркало — вот ее лицо, похожее на кошачью голову, как она рисовала маленькой, — треугольное. Черные волосы выбиваются из-под ленты, как всегда в это время дня. И Лорри с той же решимостью, с какой чистила платье, принялась и за этот беспорядок.

Зеленые глаза — точно, как кошачьи. Допустим, у нее есть волшебница крестная мать, что бы она попросила после того, как превратила Джимми Пурвиса в большую желтую утку? Рыжие волосы и голубые глаза, как у Кэти Локнер? Нет, решила Лорри, этого она не хочет. Того, что у нее есть, с нее достаточно. Она скорчила гримасу и рассмеялась.

Пригладила юбку. И подумала, каково это — носить целые ярды ткани, как Холли. В старину все так одевались, и взрослые, и девочки. Лорри очень нравилось листать книги про одежду, которых много у тети Маргарет, и разглядывать картинки. Тетя Маргарет занимается рекламой для «Моды» Фредерики и знает все о модной одежде. Но сейчас никто так не одевается. Почему же на Холли такое платье? Может, у нее только старая, очень старая одежда? Но это красное платье не кажется старым или поношенным. Или Холли просто носит то, что ей нравится, и ей все равно, что сейчас в моде: короткие юбки, длинные или средние?

Лорри прошла на кухню и стала доставать пакеты из холодильника. Ставя еду на кухонный стол, она думала о Джимми и его шайке. Джимми о ней не забудет, но завтра суббота, а потом еще воскресенье — ни школы, ни Джимми. Так что у нее впереди два дня, когда можно не волноваться.

Если бы тете Маргарет не нужно было работать дополнительное время, они утром пошли бы по магазинам. И тогда Лорри могла бы зайти в библиотеку. Хорошо бы только тетя Маргарет перестала тревожиться из-за того, что у Лорри нет близких подруг. Кому нужны такие подруги, которых она здесь может найти? Кэти Локнер, с ее глупыми шутками, и с разговорами о мальчишках, и с этими скрипящими грампластинками?

Все труднее и труднее избегать наставлений тети Маргарет. Лорри расправила салфетку. Она не станет говорить, что ей не нравится ни Кэти, ни ее подруги.

Конечно, в школе есть девочки, с которыми Лорри хотела бы познакомиться поближе. Например, Лизбет Росс. Лизбет тоже ни с кем не дружит. Но она умная, и ей нравятся те же книги. Лорри видела у нее на парте «Тайный сад». Она хотела спросить у Лизбет, какая часть ей больше понравилась и читала ли она также «Маленькую принцессу». Но на перемене миссис Реймонд задержала Лорри, чтобы поговорить об ошибках в математике, а больше у Лорри возможностей не было. И Лизбет живет на Бракстон Драйв и никогда ничего не говорит Лорри, только «Привет». Но проводить время, слушая глупые старые записи Кэти, возясь с завитками волос и сплетничая... нет!

Бабушка о ней никогда не волновалась. Если она хотела сидеть и читать, ей это разрешали. И у нее была подруга Энн. Но теперь все это исчезло, вместе со школой мисс Логан, все, что теперь кажется Лорри таким мирным и удобным. Легко забывать тени и помнить только солнечные дни, когда захочешь.

Думай о чем-то другом — быстрее! Не о мисс Логан, не о Хемпстеде, не о Канаде, не о горящих листьях... или о маме и папе...

Восьмиугольный дом! Лорри ухватила за него. Станный дом, и черный котенок... Сабина, так назвала его Холли... и сама Холли. Она пригласила ее зайти еще раз. Может быть, если она пораньше уйдет из школы и всю дорогу будет бежать, в следующий раз сможет зайти.

Лорри сидела за кухонным столом и думала об этом. В доме, который она видела, нет ничего страшного. Интересно, как там внутри? Какие там комнаты — треугольные, с острыми углами? Ей хотелось бы узнать.

В двери повернули ключ. Лорри пошла к входу. Рассказать ли тете Маргарет об этом приключении или хотя бы о его части? Может быть, но не сейчас, решила она, глядя, как открывается дверь.

**ПЛОХАЯ НЕДЕЛЯ
И СТАРАЯ МИСС ЭШМИД**

Плохая неделя началась с утра субботы — резкий ветер, небо закрыто облаками, а будильник тети Маргарет не прозвонил вовремя. Тете нужно работать в магазине, а теперь у нее нет времени на настоящий завтрак, только на чашку кофе, который ей налила Лорри, пока тетя писала список покупок.

Сегодня они не пойдут по магазинам вместе. Тетя Маргарет постарается купить все необходимое по пути домой.

— Прости, малышка. — Тетя, надевая пальто, смотрела в зеркало. — Рождество совсем близко, и у меня очень много работы. Но миссис Локнер поедет в торговый центр и позволит тебе заглянуть в библиотеку. Ты только попроси ее. А сейчас... — она быстро осмотрелась... — кажется, все в порядке. До свиданья, малышка, и будь хорошей. О, будь проклят этот будильник! Я опаздываю.

И прежде чем Лорри успела мигнуть, она исчезла, пробежала, стуча каблучками по прихожей. Девочка медленно вернулась в кухню и принялась доедать свой завтрак, запивая молоком, думая о своих рухнувших планах. За окном из темных туч уже шел дождь, и все выглядело ужасно.

Лорри допила апельсиновый сок. Она не станет просить миссис Локнер. Меньше всего хочет она приходить в библиотеку с кланом Локнеров. У Кэти и Роба есть библиотечные карточки, вернее, были когда-то. Но для них библиотека — это часть школы, куда приходят только по указаниям учительницы, если та велит прочесть какую-нибудь книгу. Лорри однажды была с ними в библиотеке и до сих пор краснеет, вспоминая об этом. Роба выгнали за громкие разговоры, и библиотекарша сделала выговор и Лорри, потому что Кэти обращалась к ней. Роб и Кэти ходили за ней всюду и спрашивали, зачем ей эти глупые старые книги. И каждую минуту повторяли: «Эй! Быстрее. Давай уходить отсюда!»

Для Лорри библиотека — это место тишины и мира, и должно быть достаточно времени, чтобы выбрать книгу.

Можно брать за раз только две книги, поэтому выбирать приходится тщательно, а Лорри читает быстро. Большинства книг едва хватает до вечера воскресенья, так что нужно подумать не только о теме, но и об объеме. Совсем недавно она наткнулась на настоящее сокровище — целую полку толстых переплетенных журналов, выпуски за целый год в одном тяжелом томе. Журналы старые, старше тети Маргарет (хотя маленькой девочкой тетя тоже их читала: открыв журнал, она нашла рассказ, который помнила), может, даже старше бабушки Маллард. Но рассказы в них очень хорошие.

Лорри отнесла в раковину свою тарелку, стакан, а также чашку и молочник тети Маргарет, вымыла посуду и вытерла ее.

Ей пора возвращать книги, и она хочет взять хотя бы один из этих журналов «Святой Николай». Она сможет унести только один том, если пойдет одна, а именно одна она и пойдет. Когда спланируешь заранее, все легко. Она пойдет на угол улиц Уилтон и Ясений и сядет в автобус, идущий в Вудсвилл. Он останавливается у торгового центра. Там есть светофор, так что перейти улицу к библиотеке нетрудно. А обратная остановка автобуса на той стороне. Билет для детей двадцать центов, а у нее есть квотер¹.

Лорри раньше никогда не ходила в библиотеку одна, но не видела причины, почему бы не пойти. Тетя Маргарет ей это не запрещала. Конечно, Лорри и не спрашивала, но на эту мысль она решила не обращать внимания.

Дождь пошел сильней. Придется надевать дождевик и сапоги, а книги завернуть в пластиковый мешок. Лорри действовала решительно. Поставила посуду на место и бумажным полотенцем протерла доску для сушки и раковину. Библиотека открывается в десять, а добираться туда не меньше получаса. Лучше выйти чуть после девяти, а то за ней может зайти миссис Локнер.

Лорри вздохнула. Люди, которые хотят быть добрыми и внимательными, очень усложняют жизнь. «Добрая и внима-

¹ Четверть доллара, или 25 центов. — *Прим. перев.*

тельная» — так тетя Маргарет говорит о миссис Локнер. Но Лорри она иногда кажется просто назойливой.

Приняв решение, она почувствовала волнение. Да она сможет так делать каждую субботу, и неважно, сколько времени проведет в библиотеке. Никто не будет торопить ее выбирать книги, и она даже сможет немного почитать. Мысль о таком блаженстве заставила Лорри нетерпеливо ходить из комнаты в комнату. Ей хотелось, чтобы стрелка часов двигалась быстрее.

К девяти она уже была одета и полностью готова и стояла у двери, нервно посматривая на квартиру Локнеров по другую сторону коридора. Потом, не в состоянии ждать дольше, прижимая книги в пластиковом пакете к груди, закрыла квартиру и побежала по коридору, хотя по лестнице постаралась спускаться не так быстро.

Когда она дошла до автобусной остановки, дождь уже шел очень сильный. Но на остановке есть крыша, и девочка стояла под ней. Ей казалось, прошли часы, прежде чем показался автобус. Добравшись до торгового центра, Лорри почувствовала, что гордится своей изобретательностью.

У дверей библиотеки снова пришлось подождать. Лорри защищала книги своим телом, надеясь, что влага до них не доберется, и плащ у нее на плечах совсем промок, когда дверь наконец открыли.

Внутри Лорри обо всем забыла, она наслаждалась. У нее все время в мире, чтобы бродить вдоль полок, вытаскивать свои любимые книги, прочитывать по предложению там и тут, хотя все эти рассказы она знает почти наизусть. Время ничего не значило до тех пор, пока Лорри не почувствовала пустоту внутри и посмотрела на настенные часы. Двенадцать часов! Не может быть! Часы здесь ошибаются так же, как будильник утром.

Холли взяла тяжелый переплетенный том журналов и со второй выбранной книгой — это была «Почти магия», которую она уже читала, — направилась к стойке.

— Не тяжело будет нести? — спросила женщина за стойкой.

Лорри решительно покачала головой.

— Поеду автобусом, мне нести не придется. Вот. — Она вынула из кармана пластиковый пакет; девочка заранее вытерла его носовым платком, и он был совсем сухой. — Заверну в это. Они не промокнут.

— Это тебе не понадобится, дождь кончился. Но я рада, что ты умеешь заботиться о книгах.

А почему она не должна уметь, удивилась Лорри. Люди всегда считают, что ты ничего такого не знаешь, и удивляются, когда ты это делаешь. Но, может, они и правы, что беспокоятся. Она видела, как Джимми Пурвис бросил книгу, на самом деле бросил. А когда Стэн ее не поймал, она ударилась о стену и из нее выпали страницы. А Салли Уолтерс рисовала на страницах своей книги.

Дождь, может, и кончился, но ветер по-прежнему холодный. Здесь убежища на остановке нет, а она так боялась пропустить автобус, что стояла у знака остановки на самой обочине под ударами ветра.

— Лорри! Лорри Маллард! Что ты здесь делаешь?

С автостоянки у торгового центра выезжала машина. Дверца ее открылась, и изнутри миссис Локнер крикнула:

— Садись немедленно, Лорри! Ты посинела от холода. Где ты была? Где твоя тетя?

— Тете Маргарет пришлось сегодня утром работать. А я просто ходила в библиотеку.

— Одна? Ты спросила у тети?

— Я приехала на автобусе. Все в порядке, — оправдываясь, ответила Лорри. — Мне пора было менять книги.

— Но, Лорри, ты ведь знала, что я поеду в центр, и могла поехать с нами. Только посмотри, сколько времени! Мне нужно свернуть у Элсвера и забрать Кэти с уроков танцев, а потом вернуться домой до того, как Роб придет с игры. Какая большая книга, Лорри. Она для тебя не слишком тяжелая?

— Мне она нравится, и я могу ее нести. — Как всегда, голос миссис Локнер как-то подействовал на Лорри. Миссис Локнер задает множество вопросов, и любому другому Лорри отвечала бы без недовольства.

— Надеюсь, Кэти уже освободилась. — Проехав несколько кварталов, миссис Локнер свернула направо. — Они готовятся к концерту и иногда задерживаются. Кэти танцует соло, у нее роль цыганки.

— Она мне говорила, — сказала Лорри. — И показывала костюм.

Лорри нисколько не завидовала урокам Кэти в воскресной танцевальной школе, но вот костюм — совсем другое дело. Переодеваться — это очень интересно, и они с Энн в прежние дни наслаждались, когда бабушка разрешала им порыться в старых чемоданах на чердаке.

— Здесь. О, слава богу, Кэти ждет! Открой для нее дверцу, дорогая. Надо ехать быстрее, если хотим вовремя забрать Роба.

Так Локнеры подхватили и потащили с собой Лорри. Отмахнувшись от возражений, ее накормили. Но она решительно отказалась от планов Кэти на вторую половину дня: та хотела идти в кино на фильм ужасов.

Когда Лорри сослалась на то, что у нее дома дела, миссис Локнер покачала головой. Но она не могла насильно отправить Лорри вместе с Кэти, поэтому приняла ее объяснение. Вернувшись в квартиру тети Маргарет, девочка достала учебники и принялась делать уроки. Сначала математику, потому что это ей больше всего не нравилось. Всегда сначала разделайся с плохим, чтобы потом наслаждаться хорошим.

А хорошее сегодня — это сочинение по английскому об осени. И Лорри знала, о чем будет писать на этот раз, — о листьях и кострах. Листья — это заставило ее вспомнить о Восьмиугольном доме. Сегодня сильный ветер. Он, наверно, метет там листву. Будет ли Холли ее сгребать? Может, Лорри нужно ей помочь?

Она сделала аккуратный черновик сочинения, когда услышала, как в двери поворачивается ключ тети Маргарет. И так была довольна своей работой, что радостно побежала к двери, держа в руках листок.

— Тетя Маргарет, я...

Но тетя Маргарет хмурилась. Прижимая к себе большой пакет с покупками, она мимо Лорри прошла на кухню.

— Закрой дверь, Лорри, и иди сюда. Я хочу поговорить с тобой.

Лорри послушалась. Когда она вошла на кухню, тетя Маргарет уже сняла пальто и сидела у кухонного стола. Выглядела она усталой, и между глазами у нее были две резкие складки.

— Лорри, только что со мной разговаривала миссис Локнер. Она рассказала, что ты одна отправилась на автобусе в библиотеку и она увидела тебя на улице возле торгового центра.

— Я стояла там на остановке, — возразила Лорри.

— Не знаю, что с тобой, Лорри. — Тетя Маргарет сняла перчатки и разглаживала их пальцами. — Я бы хотела проводить с тобой больше времени, но не могу. Миссис Локнер очень добра. Она хочет, чтобы ты проводила время с Кэти, когда меня нет дома. И она подвезла бы тебя в библиотеку.

— Я не хотела идти с Локнерами.

— Лорри, ты не можешь в таких делах поступать по-своему. Девочкам твоего возраста небезопасно ходить одним. Может случиться что угодно. И ты вообще слишком много времени одна. Миссис Локнер говорит, что Кэти хотела идти с тобой в кино, но ты не согласилась.

— Это старый фильм ужасов, и мне они не нравятся. И у меня уроки. — Лорри смяла листок в руке.

— Я не собираюсь спорить с тобой, Лорри. Но и не позволю тебе продолжать в том же духе. Отныне, когда меня нет дома, ты будешь у Локнеров, — пока я не придумаю что-нибудь другое.

Тетя Маргарет встала и взяла пальто. Она пошла в прихожую, и Лорри потащилась за ней. Она была в ужасе от того, что придется целые дни проводить с Кэти и Робом и, вероятно, с Джерри Пурвисом, потому что он близкий друг Роба.

Проходя мимо стола, тетя Маргарет увидела библиотечные книги.

— И чтобы была ясность, Лорри, эти книги отправляются в шкаф и будут там лежать, пока ты не докажешь, что можешь поступать правильно. — И она забрала обе книги.

Лорри тоскливо собрала учебники и тетради. Это несправедливо! Кэти один человек, а она — совсем другой. Если ей придется все время проводить с Кэти, она этого не вынесет! И... она не сможет снова прийти в Восьмиугольный дом.

Таково было начало плохой недели, и Лорри казалось, что эта неделя никогда не кончится. Она вместе с Кэти ходила в школу и играла в баскетбол, чего терпеть не могла. Ее неловкость всегда вызывала насмешки и недовольство других членов команды. Она получила плохую отметку по математике, и миссис Реймонд сказала, что ее сочинение про осень интересное, но в нем слишком много орфографических ошибок. Джимми Пурвис пел каждый день во дворе свою отвратительную песню, и некоторые ее подхватывали. И тетя Маргарет постоянно расспрашивала ее о школе, о том, сколько у нее друзей и почему она не делает то и это. Она даже сказала, что ей нужно серьезно поговорить с миссис Реймонд.

Лорри чувствовала себя так, словно ее запихнули в мешок и у нее нет никакой возможности быть собой. К вечеру пятницы она была так несчастна, что ей показалось, будто больше она не выдержит.

Но в пятницу произошло самое худшее. Тетя Маргарет сказала, что после школы Лорри должна проводить время у Локнеров, поэтому Лорри решила прихватить туда некоторые свои вещи. На этот раз она достала маленькую старую доску для письма на коленях, которую дала ей бабушка Маллард. Она хотела написать бабушке особое письмо; конечно, не жаловаться, потому что доктор Грейтон объяснил: когда бабушка будет в Англии, ее ни в коем случае нельзя расстраивать.

Но неделя была такая плохая, что Лорри боялась писать: несмотря на все усилия, что-нибудь из ее бед может проскользнуть в письмо. Однако она писала бабушке регулярно и больше ждать не может. Черновик она написала на листке из блокнота, и теперь нужно переписать на особую бума-

гу, которую дала ей бабушка, — с ее именем наверху каждой странички.

Лорри положила бумаги на карточный столик, которым позволяла пользоваться миссис Локнер. Но тут прозвонил телефон, и миссис Локнер позвала ее. Звонила тетя Маргарет, она сказала, что задержится допоздна и Лорри должна оставаться у Локнеров.

Возражать нет смысла, но Лорри, возвращаясь, чувствовала себя несчастной. И тут глаза ее широко распахнулись от удивления и несчастья всей недели взорвались у нее внутри.

— Отдай! — Она попыталась схватить то, что Кэти взяла со стола.

— Сначала посмотрю. — Кэти со смехом отпрыгнула и стала махать рукой, так что Лорри не могла до нее дотянуться. — Какая смешная старая кукла. Ты еще играешь в куклы, Лорри? Только малыши это делают.

Она слишком небрежно держала старую куклу. Голова из тонкого фарфора ударилась о стену и разлетелась на мелкие кусочки.

— Миранда! — Лорри в отчаянии смотрела на обломки фарфора. Она изо всех сил ударила Кэти. — Отдай!..

— Да ладно, забирай! — Кэти швырнула безголовую куклу, и та упала на карточный столик, свесившись с него.

Кэти подхватила куклу и все остальное и выбежала из квартиры Локнеров. Она искала ключ, когда ее увидела миссис Локнер.

— Лорри, в чем дело? Отвечай немедленно!

Лорри увернулась от руки, которую та опустила на ее плечо.

— Оставьте меня в покое! Вы можете оставить меня в покое? — Теперь, несмотря на все свои усилия, она плакала.

— Почему ты ударила Кэти? Лорри, расскажи, в чем дело.

— Оставьте меня! — Теперь ключ был в замке. Резким рывком Лорри высвободилась и вбежала в дверь. Бумаги упали на пол, но теперь это уже неважно. А то, что важно, она по-прежнему прижимает к груди.

Лорри повернулась, прямо перед лицом миссис Локнер захлопнула дверь и заперла ее на ключ. Она слышала, как ее зовут, стучат в дверь. Пусть кричат и колотят — это им ничего не даст! Плача так, что почти ничего не видела, девочка пошла в спальню и упала на кровать. Она чувствовала под собой жесткий комок, Миранду, но не могла заставить себя посмотреть на безголовое тело.

Миранда была особенной. Это не просто кукла, она личность, и она очень-очень старая. Когда бабушка была маленькой, она ею играла — очень осторожно, потому что и тогда Миранда была особенной. Она была еще у бабушки бабушки. Ей больше ста лет! А теперь... теперь ее больше нет!

Лорри повернулась на кровати и заставила себя посмотреть на остатки куклы. Маленькие кожаные руки целы, целы и черные сапожки на ногах в красно-белых полосатых чулках. Но над старомодным платьем, которое сшила бабушка, голова и плечи исчезли, осталось только несколько острых осколков. Миранда мертва, и убила ее Кэти! Она никогда-никогда больше не будет разговаривать с Кэти Локнер! Никогда не вернется в квартиру Локнеров!

По-прежнему всхлипывая, она встала с кровати пошла к комоду. Нашла в ящике носовой платок, который ей дала бабушка. Он тоже старый, шелковый, пожелтевший, с большой буквой Г и какими-то еще знаками, вышитыми в углу. Платок принадлежал отцу бабушки.

Девочка осторожно завернула в него Миранду. Миранда умерла, и Лорри не могла на нее смотреть. Ее даже могут заставить выбросить ее в мусорный бак. Ведь это всего лишь старая кукла. Но Миранда не пойдет в мусор, ее похоронят там, где летом растут цветы.

А место — Восьмиугольный дом! Лорри надела пальто и шапочку. Вышла через заднюю служебную дверь и, держа Миранду в руке, осторожно спустилась по лестнице. Снаружи темнеет, но ей ведь идти недалеко. В другой руке у нее большая ложка, которую она взяла на кухне. Ею можно будет выкопать могилу. Лорри надеялась, что земля не слишком промерзла.

Она пробежала через стоянку, выбежала через ее противоположный конец и подошла к воротам, через которые забралась в первый раз. Насколько ей видно, в доме нет света, а за кустами и деревьями он кажется совсем темным. Но Лорри была настолько несчастна, что не чувствовала страха.

Холли что-то сделала с верхним прутом, и ворота открылись. Но Холли была с той стороны. Лорри придется снова перелезть. Она как раз положила руку на прут, собираясь это делать, но ворота легко подались и приоткрылись — легче, чем когда их открывала для нее Холли. И вот Лорри снова стоит на кирпичной дорожке.

Клумба за домом — там должно быть легче копать. Не обращая внимания на тени, Лорри обошла бассейн. У клумбы она присела, чтобы копать ложкой.

Ветра сегодня нет, поэтому ее удары по земле разносятся далеко. Девочка повернула голову и посмотрела на дом. В этой стороне окна с занавесками. И в них свет, не яркий, но достаточный, чтобы стала видна женщина, с лицом, почти прижатым к стеклу. И это не Холли.

Лорри удивилась — настолько, что не могла убежать. И тут же увидела, что женщина не хмурится, она не рассержена из-за того, что кто-то копается в ее саду. Напротив, она улыбнулась и поманила Лорри, указав в направлении задней двери.

Лорри поколебалась, потом встала, по-прежнему прижимая к себе Миранду. Женщина постучала в окно и снова поманила. Лорри послушалась и пошла по кирпичной дорожке.

Не успела она добратся до ступенек, как дверь распахнулась и ее встретила Холли.

— Мисс Лорри, заходите, заходите! Мисс Эшмид хочет вас увидеть.

Лорри вошла в прихожую с темными углами, несмотря на настенную лампу. Прихожая треугольная, и в каждой стене дверь. Одна ведет на кухню, и Лорри видела часть печи. Вторая, справа от нее, открывается в комнату с занавесями. Холли указала на эту дверь:

— Заходите.

Неожиданно Лорри застеснялась. Женщина в окне улыбалась и казалась настроенной по-дружески, но она ее не приглашала.

Это была самая необычная комната из всех, какие видела Лорри. Светло, много света, и он исходит от многочисленных ламп и свечей. На окнах поверх белых кружевных занавесок красные бархатные шторы, а под ногами красный ковер. В центре комнаты большой стол с двумя канделябрами, и на нем множество вещей. Слева очаг, в нем горит огонь, а перед очагом на ковре лежит Сабина.

Между столом и окном кресло с изогнутыми ручками и высокой спинкой. В нем сидит женщина. На ней платье, подчеркивающее ее тонкую талию, и длинная пышная юбка, как у Холли. Но только платье зеленого цвета с необычным оттенком. А длинный передник не белый и гофрированный, как у Холли, но сделан из черной тафты с оторочкой из ярких цветов и птиц, вышитых множеством цветов. Волосы седые, но густые, они зачесаны и закреплены булавкой, а поверх них белые кружева и темно-красная лента с пряжкой с одной стороны.

Рядом с женщиной высокая рама для вышивки, и хозяйка только что отвернулась от работы. На раме натянут холст с незаконченной вышивкой. На ручках кресла лежат руки женщины, на пальцах множество колец, в основном с красными камнями. Лорри узнала гранаты. Такие были и у бабушки, но она их редко надевала.

Поверх платья ожерелье из таких же камней, а в ушах блестят серьги. Подобной женщины Лорри никогда не видела, но здесь, в этой комнате, она на своем месте.

— Заходи, Лорри. Дай-ка мне взглянуть на Миранду. — Женщина протянула руку, и ее кольца блеснули в свете очага.

Лорри не показалось странным, что мисс Эшмид знает, что у нее в платке.

Мисс Эшмид взяла в руки сверток, положила одну руку на другую и так сидела долго, прежде чем заговорила:

— В этом мире многое ломается, Лорри. Но можно и починить, если есть воля и терпение. Никогда не торопись, по-

тому что торопливость часто превращает мелкие неприятности в крупные. Что ты скажешь об этом?

Она показала на что-то лежащее на конце стола. Лорри чуть пододвинулась и увидела полоску кружев, таких тонких и красивых, что хоть ей и хотелось к ним прикоснуться, она побоялась. Паутина, словно сотканная пауком. Но кружева порваны.

— Поспешишь — людей насмешишь. — Мисс Эшмид покачала головой. — Сколько нужно времени и терпения, чтобы исправить это.

— Но Миранду невозможно починить, — сказала Лорри. — Ее голова разбита на мелкие кусочки.

— Посмотрим. — Но она по-прежнему не разворачивала сверток, чтобы взглянуть. — А теперь, Лорри, что ты здесь видишь? Не торопись и смотри внимательно. Но, — мисс Эшмид улыбнулась, — помни, что мне говорили в молодости: смотри глазами, а не пальцами.

Лорри кивнула. «Не трогай» перевела она для себя. Она могла бы возмутиться таким предупреждением: она не ребенок. Но здесь оно почему-то казалось правильным и уместным. Девочка обошла комнату, осматриваясь.

Все очень интересно, и есть на что посмотреть. На стенах картины в рамах, многие настолько потускнели, что трудно что-нибудь разглядеть, хотя Лорри видела, что рисунок сделан не кистью и красками, а вышит нитками. На спинке кресла тоже красивая вышивка — букет цветов. На спинках стульев и других кресел такие же вышивки.

Внимание Лорри привлекла вышитая картина над камином. Рыцарь и оруженосец едут к лесу, а вдалеке стоит девушка в платье того же зеленого цвета, что и на мисс Эшмид. Девушка босая, ее темные волосы свободно падают на плечи из-под венка бледных цветов.

— Это вышитая принцесса.

Лорри оглянулась.

— Это история? — спросила она.

— Да, история, Лорри. И с моралью: используй то, что имеешь, но не отказывайся от своей мечты. Эта принцес-

са была дочерью короля. Ей давали все, что она захочет. Но потом для ее отца настали тяжелые времена, а ее захватили враги и заключили в башню. И остался у нее только подарок, который ей сделали при рождении, — золотая игла, подаренная крестной матерью.

Чтобы чинить одежду, она научилась шить этой иглой. И так хороша была ее работа, что узурпатор, захвативший трон ее отца, приказал ей шить одежду для своих дочерей, новых принцесс. Она старела, и никому до нее не было дела.

Однажды вечером она начала вышивку. Сначала вышила рыцаря и оруженосца. Потом весь фон, кроме одного места. Одна из дочерей узурпатора, пришедшая на примерку, увидела вышивку и приказала принцессе побыстрее ее закончить, чтобы она могла повесить ее на стене на своем свадебном пиру.

И вот принцесса работала всю ночь, чтобы закончить. И девушка, которую она поместила на это место, была она сама, какой была в молодости, — молодой и прекрасной. И когда был положен последний стежок, она исчезла из башни, и больше ее никогда не видели.

— Она ушла в вышивку? — спросила Лорри.

— Говорят. Но правда в том, что она нашла какой-то путь к свободе, а картина осталась, чтобы напоминать миру о ее истории. А теперь, Лорри, у тебя тоже есть история. Какая она?

Не понимая почему, Лорри выпалила все, что случилось с ней за эту плохую неделю, и многое другое, что тревожило ее, казалось, уже так давно.

— И ты говоришь, что ненавидишь Кэти, дорогая? За то, что она сломала Миранду?

Лорри посмотрела на клубок шелковых ниток на коленях мисс Эшмид.

— Нет, наверно, я на самом деле ее не ненавижу. И мне... мне жаль, что я ее ударила. Она ведь не хотела сломать Миранду.

— Ненависть — сильное и тяжелое слово. Не используй его, если не уверена. Ты была несчастна и видела вокруг

только плохое. Ты положила кривые стежки, а теперь их нужно исправить. Такую правку всегда нужно делать, чтобы не испортить всю картину.

— Я бы хотела... — Лорри с тоской осмотрелась. — Я бы хотела остаться здесь.

— Ты не хочешь возвращаться к тете Маргарет? — Теперь голос мисс Эшмид звучал резко.

— О нет, я не это имела в виду. Я хотела бы иногда приходить сюда.

Мисс Эшмид поманила ее:

— Иди сюда, девочка.

Лорри обошла стол и остановилась прямо перед мисс Эшмид, рядом с большой рамой, на которой висела неоконченная работа. В столе оказалось множество ящичков, заполненных катушками и кусочками ярко окрашенного шелка и пряжи.

Обхватив подбородок ладонью, старая леди наклонилась и посмотрела девочке в глаза. Лорри показалось, что все ее мысли прочитаны, и неожиданно она устыдилась некоторых из них. Хотелось оторвать взгляд от этих глаз, но она не могла.

Затем мисс Эшмид кивнула.

— Может быть, что-нибудь и можно сделать. А теперь, Лорри, я напишу записку твоей тете, чтобы она знала, где ты была. Миранду оставь со мной. Это лучше, чем хоронить ее в саду, как ты собиралась.

ВЕРХОМ НА БЕЛОЙ ЛОШАДИ

Лорри с несчастным видом брела по прихожей. Но она знала, что должна сделать, и нажала кнопку звонка на двери Локнеров. Она чувствовала, что если сразу не ответят, повернется и убежит. Но тут перед ней появилась Кэти, и Лорри торопливо сказала:

— Прости, что я тебя ударила.

— Мама, это Лорри. Эй, здесь твоя тетя. Они повсюду тебя искали. — Кэти схватила ее за руку. — Слушай, мама меня изругала за то, что я сломала твою куклу. Я не хотела, правда.

Лорри кивнула. Теперь за Кэти стояла тетя Маргарет. Она смотрела на Лорри без улыбки. Протянула руку и крепко взяла девочку за плечо.

— Заходи, Лорри. Мне кажется, ты должна что-то сказать и миссис Локнер.

Лорри снова кивнула. В горле у нее застрял комок, от него голос стал хриплым, но она сказала миссис Локнер:

— Простите. Я не должна была ударять Кэти... и убежать.

— Да, не должна была. Но и Кэти не должна была брать твою куклу. Твоя тетя объяснила, что значила для тебя эта кукла. Где она? Может, ее удастся починить?

— Нет. — Лорри обнаружила, что ей трудно смотреть на миссис Локнер. — У меня ее больше нет.

— Мне кажется, с Лорри достаточно сегодняшних неприятностей, миссис Локнер. Мы пойдем домой.

Крепко держа Лорри, тетя Маргарет отвела ее в их квартиру. Внутри она отпустила девочку, а сама со вздохом села. Положила голову на руки и, закрыв глаза, посидела немного. Выглядела она очень уставшей. Лорри расстегнула молнию на куртке, позволив ей соскользнуть с плеч. Куртка упала на пол, и из кармана выпал маленький конверт, который ей дала мисс Эшмид. Лорри подобрала его стояла, вертя в руках.

— Не знаю, что с тобой делать, Лорри. Это бегство, и то, что ты ударила Кэти Локнер. Она ведь только интересовалась твоей куклой. Если не хотела показывать ей Миранду, зачем взяла с собой куклу?

— Миранда была в моем столе. Я достала ее, чтобы написать письмо бабушке.

Если тетя Миранда и слышала ее, то никак этого не показала. Она снова вздохнула и встала так, словно ей трудно было двигаться.

— Я слишком устала, чтобы говорить с тобой сейчас, Лорри. Иди к себе и подумай о своем поведении. Подумай хорошо.

И тетя Маргарет направилась на кухню.

— Но я еще не накрыла стол.

— Я вполне справлюсь без твоей помощи. Мне нужно, чтобы ты подумала, Лорри. Немедленно!

Лорри медленно пошла в спальню. Письмо она положила на кофейный столик. Сейчас это неважно. Тетя Маргарет сердита на нее, и что еще хуже, она обижена. Лорри села на скамеечку перед туалетным столиком и посмотрела на свое отражение в зеркале, потом закрыла лицо руками.

Думай о своем поведении, сказала тетя Маргарет. Теперь ей трудно понять, что случилось, и еще труднее — почему. Почему она так не хотела идти к Локнерам, а потом Кэти с Мирандой... и удар головы Миранды о стену... и ее рука ударяет щеку Кэти. Потом решение похоронить Миранду... поход к Восьмиугольному дому, встреча с мисс Эшмид... Что сказала мисс Эшмид?

«Поспешишь — людей насмешишь...»

Лорри взяла бумажную салфетку из ящичка на столе, чтобы вытереть глаза и прочистить нос. Ей жаль, что она ударила Кэти, поссорилась с миссис Локнер и причинила неприятности тете Маргарет. Но она не жалеет, что познакомилась с мисс Эшмид, она рада этому.

— Лорри, — позвала тетя Маргарет.

— Иду. — Лорри в последний раз вытерла покрасневшие глаза.

Тетя Маргарет уже сидела за столом. Лорри села напротив нее. Вечером по пятницам у них обычно бывала особая еда, и они хорошо проводили время, но не сегодня. Лорри вздохнула.

— Тетя Маргарет... — Комок в горле вернулся, такой большой, что невозможно ничего проглотить, даже глоток шоколада. — Простите.

— Да, я понимаю, что ты сожалеешь, Лорри, — теперь. Но надолго ли хватит этого сожаления? Случится ли так снова? Ты знаешь, я не могу проводить с тобой столько времени, сколько хотела бы. А ты не можешь быть одна. Миссис Локнер очень добра, особенно учитывая твою ответную грубость.

Лорри подавилась, глядя на тарелку с едой. Есть она не могла.

— Лорри, я знаю, что такой образ жизни совсем не похож на то, как ты жила у бабушки Маллард. Но дуться из-за этого... мне это не нравится.

Лорри поискала платок в кармане.

— У тебя не будет друзей, если ты сама настроена недружелюбно. Когда Кэти приглашает тебя куда-нибудь идти с ней, ты всегда отказываешься. Ты не вступила ни в один школьный клуб. Миссис Реймонд рассказывает, что на переменах ты сидишь и читаешь книгу, если только учительница не попросит тебя, вернее, не прикажет участвовать в игре. Я знаю, когда ты приехала, тебе все казалось незнакомым. Но теперь у тебя уже должны были появиться друзья.

Тетя Маргарет отодвинула свою тарелку, будто тоже не могла глотать. Она медленно пила кофе, и линии меж глазами стали отчетливо видны.

— Что ты сделала с Мирандой? — неожиданно спросила она.

— Отнесла ее в Восьмиугольный дом, — чуть слышным шепотом ответила Лорри.

— Куда? В Восьмиугольный дом? — Тетя Маргарет очень удивилась. — Но почему?

— Хотела похоронить Миранду, а не просто выбросить. Там есть сад.

— Откуда ты это знаешь?

Тогда Лорри рассказала ей о котенке, и о встрече с Холли, и о том, что сегодня видела мисс Эшмид в удивительной комнате. И по мере того как она рассказывала, ей становилось легче и она снова могла смотреть на тетю Маргарет.

— И она написала тебе письмо... — Лорри бросилась в другую комнату, вернулась с конвертом и положила его перед тетей Маргарет.

Тетя распечатала конверт. Лорри мельком заметила надпись, такого почерка она никогда не видела — петлистого, похожего на украшения старых железных ворот.

Тетя Маргарет прочла письмо дважды, и на лице ее появилось изумленное выражение. Она внимательно рассмотрела подпись, потом снова повернулась к Лорри.

— Мисс Эшмид... ты хотела бы провести у нее завтрашний день?

Ей можно будет пойти? Лорри не решалась спросить. Не пойти — тетя Маргарет может решить, что это достойное наказание за плохое поведение в течение всей недели. О, если ей разрешат идти, она будет делать все что угодно: пойдет на фильм ужасов с Кэти, станет играть в баскетбол, будет делать все, чего до сих пор сторонилась. Но она не может просить или обещать, почему-то не может. Она не подозревала, что выражение лица и яркий блеск глаз сказали все за нее.

— Хорошо. — Тетя Маргарет сложила письмо и положила в конверт. — Можешь идти. — И тут же, словно это решение рассеяло мрак на кухне, принялась есть. Лорри глотнула. Комок из горла исчез. Неожиданно она поняла, что очень проголодалась и еда кажется такой вкусной.

Вечером она сделала все уроки, особенно внимательно математику, пока тетя Маргарет занималась своими набросками и рисунками на другой половине стола. Лорри взяла в руки рисунок, который смешался с ее черновиками. Посмотрела на кресло, которое показалось ей таким знакомым, и вдруг поняла, что видела его в комнате мисс Эшмид. Только это обито золотой тканью, и рисунок цветов другой.

— Зачем здесь цветы? — Она протянула рисунок. — У мисс Эшмид тут розовое, желтое и зеленое, светло-зеленое... — На мгновение Лорри закрыла глаза, чтобы лучше вспомнить кресло.

— Ты видела такое кресло у мисс Эшмид?

Лорри открыла глаза. Тетя удивленно смотрела на нее.

— Да. У нее их два. Они у камина. Но ее кресла покрыты вышивками — сиденья и спинки.

— Какие, ты говоришь, цвета?

— Ну, фон не совсем светло-желтый, скорее кремовый. И цветы неяркие, но их хорошо видно. Там красные розы и какие-то мелкие желтые цветочки, и они перевязаны лен-

той — лента тоже розовая. И еще там кружок из листьев, что-то вроде ветки вокруг, на светло-зеленом фоне.

Тетя кивнула.

— Вероятно, особая вышивка. Но какая замечательная мысль — мы хотим использовать это кресло как фон для наброска платья. Лорри, когда будешь там завтра, посмотри внимательно на цвета и рисунок. Знаешь, судя по тому, что ты мне рассказала, тебе очень повезло. Дом мисс Эшби, должно быть, сокровищница старых вещей.

— Там замечательно, просто замечательно! — воскликнула Лорри. — И свечи... огонь в камине... все просто здорово!

Тетя Маргарет улынулась, складывая бумаги в портфель.

— Могу себе представить. Ну, а теперь, если ляжешь пораньше, завтра наступит скорее.

Лорри думала, что уснуть будет так же трудно, как накануне Рождества. Но оказалось, что это совсем не так: она уснула быстро и потом не могла даже вспомнить, как ложилась. И утро действительно наступило быстро.

Она быстро справилась с утренними обязанностями и потом решила, что такой важный визит требует праздничного платья. Платье было узковато, и тетя Маргарет оглядела ее с ног до головы, прежде чем Лорри надела пальто, и согласилась, что с того времени, как платье сшила бабушка, Лорри подросла.

И вот она свободна и быстро идет по улице Ясеней к Восьмиугольному дому, и походка у нее совсем не такая, какой следует быть у леди. Снова ворота подались ее толчку, и она вошла в дверь, которую на ее стук открыла Холли.

— Она пьет свой утренний шоколад, заходите сразу. Вас тоже ждет чашка, мисс Лорри.

И вот она снова в комнате красного бархата. Шторы отдернуты, чтобы пропустить бледный солнечный свет. Огонь в камине по-прежнему горит, но утром надобности в свечах нет. Кресло мисс Эшмид передвинуто ближе к окну, так что дневной свет падает на ее раму и на стол, на котором лежит шелк и шерсть. Но перед ней другой стол, маленький, а на нем высокий, с прямыми сторонами, кувшин, расписанный

фиалками по белым бокам и с золотой каемкой на ручке. На маленьком подносе две чашки такого же рисунка и тарелка, накрытая салфеткой.

— Доброе утро, Лорри.

Лорри задержалась у входа. Услышав это приветствие, она присела в реверансе.

— Доброе утро, мисс Эшмид. — Она должна следить за своими манерами. В такой комнате нужно вести себя как леди.

— Отдай Холли пальто и шапку, дорогая. Ты любишь шоколад?

Лорри избавилась от верхней одежды.

— Да, спасибо.

По знаку хозяйки она села на высокое кресло напротив мисс Эшмид. Та налила шоколад из высокого кувшина и сняла салфетку с тарелки, в которой оказалось мелкое печенье. Лорри отпила шоколад из чашки, такой легкой и тонкой, что подумала: неосторожное движение может ее сломать. Откусила: печенье хрустящее и несладкое, но со своеобразным вкусом, какого она раньше не знала.

— Ты умеешь шить, Лорри? — спросила мисс Эшмид, опустошив свою чашку.

— Немного. Бабушка учила меня шить Миранде платья.

— Одна леди в Англии, — ответила мисс Эшмид, — однажды сказала: для женщины так же неприлично не уметь пользоваться иглой, как для джентльмена — мечом. — Она вытерла пальцы маленькой салфеткой. Лорри не знала, чего ожидать, но после недолгой паузы ответила:

— У джентльменов теперь нет мечей.

— Конечно. И многие леди не пользуются иглой. Но забывать или отставлять любое мастерство нехорошо.

Мисс Эшмид оглянулась на картины, на свертки тканей на длинном столе, на вышивку над камином. Затем взяла серебряный колокольчик, позвонила, и Холли вошла и унесла поднос.

И Лорри впервые увидела поверхность стола, на которой стоял шоколад. На черном фоне была изображена сцена, ко-

торая привлекла внимание девочки. Золотой замок на горе, окна жемчужные, а над замком луна такого же жемчужного цвета выглядывает из золотистых облаков. Мисс Эшмид заметила ее интерес и провела по сцене кончиком пальца.

— Папье-маше, моя дорогая. Когда-то это было очень модно. А теперь, Лорри, может, переставишь этот столик туда? Он нам больше не нужен.

Лорри обнаружила, что столик очень легкий и она легко передвигает его. Когда она вернулась, мисс Эшмид склонилась к столу с маленькими ящичками под крышкой. Она подтянула к себе раму с незаконченной работой, и теперь Лорри видела, что на ней в цветочном обрамлении тоже сцена.

— Не хочешь ли немного помочь мне? — спросила мисс Эшмид

— О да! — с радостью ответила девочка.

— Можешь продевать нитки в иголки. — Мисс Эшмид улыбнулась. — Я вижу теперь не так, как раньше, и иногда продеть нитку для меня — настоящее испытание. Иголки вот в этом ящичке. Я хочу нитки вот такой длины отсюда. Отсюда и отсюда. — Она указала на разноцветные нитки на катушках из резной слоновой кости.

Лорри принялась за работу. Иголки тонкие, но у них такие большие ушки, что вдевать нитки нетрудно. В шкатулке в форме кошки — нужно было свинчивать ей голову — много иголок. Но это не единственная шкатулка для иголок в отделении стола. Мисс Эшмид взяла другую шкатулку и открыла ее. Там было много места для иголок и зеленый бархат, в который их втыкают, но только две иглы. И они отличаются от тех, в которые вдевает нитки Лорри: на солнце они блестят золотом.

— А это, Лорри, — мисс Эшмид говорила очень серьезно, — особые иглы, и пользоваться ими часто нельзя.

— Похоже на золото, — предположила Лорри.

— Это и есть золото, — ответила мисс Эшмид. — И они очень ценные.

— Как волшебные иголки принцессы?

— Именно. Ты ими пользоваться не будешь. Понятно?

— Да, мисс Эшмид.

Когда мисс Эшмид закрывала шкатулку и прятала ее, Лорри заметила, что она сделана из темного дерева, которое кажется очень-очень старым, а крышка шкатулки отделана потускневшим металлом.

— Спасибо, Лорри. Теперь воткни их у края рамы, чтобы я могла ими легко воспользоваться. Ты сидела спокойно, а я знаю, что в твои годы это нелегко. Так что теперь можешь исследовать.

— Исследовать? — повторила Лорри.

— Исследовать дом. Можешь входить в любую комнату, дверь которой откроется для тебя.

Как странно сказано, подумала Лорри. Как будто дверь может выбирать, открываться ей или нет. Но исследовать дом, да, это очень интересно.

— Спасибо.

Мисс Эшмид снова улыбнулась.

— Поблагодаришь, когда вернешься, Лорри, если для этого у тебя еще будет желание.

И это тоже странно. Но Лорри не стала над этим задумываться. Она решила выйти через дверь, противоположную той, через которую вошла. Мисс Эшмид уже склонилась над рамой и начала вышивать.

Лорри прошла в соседнюю комнату. Она оказалась пыльной, с закрытыми ставнями. В отличие от теплой, приятной комнаты мисс Эшмид, здесь было темно и холодно. В камине не горел огонь. Вся мебель была покрыта чехлами. Лорри осмотрелась. Комната позволила ей войти, но здесь ее ничего не привлекало. Далее коридор и еще одна комната, должно быть, такая же, как красная. Это спальня, и она живая и открытая, только зеленая — цвета платья мисс Эшмид. Кровать очень большая, с резными столбиками, с которых свисают светло-зеленые занавески, украшенные темно-зелеными ветками — того же цвета, что и ковер под ногами Лорри. Стулья и небольшой диван светло-зеленые, с рисун-

ком из более темных листьев. Лорри даже подумала: можно поверить, что тут растут живые растения.

Она стояла в ногах кровати и осматривалась. Мисс Эшмид разрешила входить в любую комнату, которая ее впустит. Но здесь Лорри не чувствовала себя уютно.

— Мяу-у-у...

Лорри вздрогнула и посмотрела налево. Там еще две двери, ведущие в другие комнаты, и из ближайшей выглядывает Сабина. Котенок снова раскрыл маленькую пасть и испустил крик, слишком громкий для такого маленького тела. Лорри даже показалось, что ее торопят.

Девочка направилась к ней, но кошка исчезла за дверью. Лорри вошла.

Она оказалась в маленькой комнате очень странной формы. Внешняя стена с единственным окном встречалась с более длинной правой стеной под очень острым углом. Но противоположная стена, справа от нее, квадратная, как в обычной комнате. Никаких занавесок или штор, поэтому все хорошо видно.

Лорри ахнула. Центр неправильной формы комнаты занимал восьмиугольный помост или платформа из полированного дерева. По сторонам помоста ящики, на каждом блестящая замочная скважина и ручка. И на этой платформе, как на фундаменте, стоит дом из красного кирпича с деревянной отделкой, точная копия того самого дома, в котором она сейчас находится. Если это кукольный домик, то такого большого и красивого Лорри еще никогда не видела. Выше самой Лорри, он почти заполняет комнату.

Перед передней дверью дома — деревянная лошадь-качалка, каких Лорри видела на рисунках в журнале «Святой Николай». Большая, размером почти с пони, на которой девочка прошлым летом каталась в парке, белая и с серебристой гривой. На спине лошади красное седло. Только подойдя поближе, Лорри сразу поняла, что седло какой-то странной формы, она таких раньше не видела.

Она осторожно протянула руку. Лошадь как будто покрыта настоящей шкурой! Осмелев, Лорри погладила ее гриву, и от ее прикосновения лошадь закачалась со слабым скрипом.

— Мяу-у-у! — Сабина стояла на задних лапах, как будто пыталась заглянуть в окна. Но они находились высоко над ее головой. Лорри опустилась на колени, чтобы тоже взглянуть. Она словно смотрела сквозь другую сторону бинокля, которая не увеличивает, а делает все маленьким, увидела самый настоящий дом. Там мебель, картины и ковры на полу. Она разглядела даже маленький чайный столик, накрытый, будто кто-то вот-вот начнет разливать чай. И когда Лорри начала обходить дом, у нее появилось очень странное ощущение, будто он обитаем и если она чуть поторопится, то увидит человека, только что вышедшего из комнаты, в которую она заглядывает.

Красная бархатная комната мисс Эшмид другая: в домике это столовая, длинный стол накрыт белой скатертью с тарелками, готовыми к употреблению. Девочка обошла кухню и заглянула в зеленую спальню. Наверху есть еще спальни — три большие квадратные. И еще три треугольные комнаты с большими шкафами, и еще одна комната странной формы, в которую ведет лестница.

Все комнаты меблированы и готовы — готовы ко всему. Печь на кухне полуоткрыта, и виден конец противня с хлебом.

Кукольные домики открываются, значит, и этот должен. Иначе как можно было расставить в нем всю эту мебель? Но когда Лорри попыталась найти снаружи петлю или задвижку, ничего не оказалось. Удивленная, она откинулась на корточках. Потом попыталась открыть ящики внизу. Ни один не поддался. В них есть замочные скважины, наверно, они закрыты на ключ.

Она снова обошла дом. Считая с основания, он немного выше ее. Но чердак такой темный, что сквозь окна ничего не видно. Если там тоже есть помещения, они остаются загадкой. Может, этот дом тоже нужно уважать, как предупреждала ее мисс Эшмид: смотреть глазами, а не пальцами. А посмотреть есть на что, каждая комната — настоящее чудо.

Лорри отступила назад. Она не могла избавиться от ощущения, что это не обычный кукольный домик, с которым

можно поиграть. Он так похож на дом, в котором она стоит, что кажется живым, даже более живым, чем те части Восьмиугольного дома, в которых все завешено и закрыто. И все время сохраняется чувство, что в этом маленьком доме — во всем, а не в части — кто-то живет.

Но кто живет? Девочка торопливо обошла угол, заглянула в окно, в следующее. Если бы только она могла двигаться достаточно быстро, чтобы увидеть крошечного человека, который только что вышел! Но вот Лорри остановилась и посмотрела на Сабину, которая сидела у окна и облизывала переднюю лапу очень тщательно, обращая особое внимание на промежутки между растопыренными когтями.

— Это ведь кукольный домик, Сабина? Никто в нем не живет. Никто не может жить.

Сабина даже ухом не повела в ее направлении. Лорри отступила еще на шаг и плечом задела лошадь-качалку. Лошадь покачнулась и заскрипела. Лорри провела рукой по ее гриве. Почти так же приятно, как гладить пони.

Она осмотрела странное седло. Зачем оно так сделано? Но... было бы забавно прокатиться. Лошади-качалки для малышей, но эта такая большая.

Лорри попыталась, как обычно, сесть поперек седла. Но это очень неудобно, у него выступы не в тех местах. Сама не зная почему, она села по-другому, перебросив ноги через большой рог по одну сторону. Лошадь начала раскачиваться, все быстрее...

Свистит ветер, и шелестит листва... листва? Лорри мигнула. Это не комната, это дорога между деревьями с обеих сторон, и ветер свистит в ветвях. Она не на лошади-качалке, а на настоящей. И на ней длинная юбка, которая развевается на ветру. На мгновение она застыла от страха, но потом страх рассеялся. У девочки появилось смутное ощущение, что так она ездила не раз, что все идет так, как должно.

Белая лошадь легко шла быстрым шагом, и Лорри ехала верхом, словно это самый естественный способ передвижения. Впереди, не очень далеко, кирпичный дом. Восьмиугольный дом! Сердце Лорри забилось сильнее. Кто-то там ждет ее, и это очень важно.

Но вот лошадь подняла голову и покачала ею. Она остановилась у большого квадратного камня возле железных ворот. Лорри слезла с седла на камень, а потом на землю. Ей пришлось собрать складки своей длинной юбки и перекинуть их через руку, иначе она споткнулась бы о них. Но она открыла ворота и направилась к передней двери.

Здесь висел медный молоток, и Лорри подняла его, а затем с громким звоном опустила. Но... ответа не было. Никто не вышел, а когда она попробовала дверь, та была заперта. Счастливое возбуждение исчезло, неожиданно девочка вздрогнула. Ей снова стало страшно.

Ветер бросил ей в лицо пыль, и она закрыла глаза. А когда открыла, большой двери не было. Она стояла перед кукольным домиком. Исчезла длинная юбка, все было как раньше. Лорри замигала. Это был сон, вот что. Но... она осмотрела комнату... она больше не хочет здесь оставаться.

И исследовать больше не хочет. Лорри быстро пошла назад, в красную комнату. У края рамы оставалась только одна неиспользованная иголка. Когда Лорри подошла к окну, мисс Эшмид подняла голову. И Лорри показала, что с одного взгляда она узнала все, что случилось. Но ей не хочется говорить о маленьком доме и о лошади, ни с кем не хочется, даже с мисс Эшмид.

— Видишь, дорогая, я почти закончила свой утренний урок. Ты знаешь, о каком уроке я говорю?

— Нет. — Лорри села.

— Когда я была молодой, каждая девушка должна была ежедневно вышивать определенную порцию. Это и был ее урок. Прекрасная форма приучения к дисциплине и шитью.

Она взяла последнюю иголку, в которую Лорри продела нить.

— Ну вот, последняя маленькая, но...

— О! — восхищенно воскликнула Лорри.

Теперь на картине у дерева на краю заполненного пространства, которое Лорри видела утром, стоял маленький олень. Он был как живой! Лорри казалось, что если она протянет палец, то коснется теплой шкуры.

— Нравится?

— Он как настоящий.

— Хочешь научиться так делать?

— А можно? Мне можно будет самой делать... картину?

И снова мисс Эшмид бросила на нее долгий пронизательный взгляд.

— Не без терпения и большого труда, Лорри. И без спешки. Ты должна понять, Лорри, никакой спешки.

— А можно мне попробовать? — Лорри лишь чуть-чуть испугалась.

— Пробовать можно всегда... и все что угодно, — ответила мисс Эшмид. — Да, можешь попробовать, Лорри. Если хочешь, можешь начать сегодня же. Но сначала ты будешь делать не такую работу. Начало бывает скучным и требует терпения и практики.

— Пожалуйста, я бы хотела попробовать, — сказала Лорри.

— Значит, попробуешь, и тогда мы увидим, есть ли у тебя к этому способности. А теперь, дорогая, скажи Холли, что мы готовы поесть.

ФИНЕАС И ФИВЕ

После этой субботы Лорри обнаружила, что живет двумя жизнями. Но это ее не смущало. В одной жизни она была Лорри Маллард, ходившая в школу, делавшая дома уроки, иногда гулявшая с Кэти Локнер и выполнявшая работу по дому. Но теперь для Лорри это было нетрудно, потому что у нее был Восьмиугольный дом. Конечно, она ходила туда не часто, хотя каждое утро и вечер старалась пройти переулком, поближе к этому дому, торопилась всю дорогу, чтобы здесь пойти медленней. И дважды у ворот с цепью ее ждала Холли с запиской для тети Маргарет, в которой Лорри приглашали в большую комнату мисс Эшмид.

Мисс Эшмид оказалась очень права в своем предупреждении насчет вышивки. Когда она сама пользовалась иглой и нитками, они ее никогда не кололи и не запутывались. Ино-

гда она вышивала на раме или штопала кружева, в ожидании лежавшие на столе. Но никогда не оказывалась настолько занята, чтобы не взглянуть на стежки, сделанные Лорри. Девочка на куске ткани училась разным стежкам. Этот «образец» послужит ей позже, сказала мисс Эшмид, и на нем должны быть все виды вышивки.

Иногда, когда они вместе работали, мисс Эшмид рассказывала разные истории. А иногда Лорри говорила о бабушке Маллард и о школе мисс Логан, а однажды даже рассказала о маме и папе. Иногда она рассказывала о школе.

— Я буду в костюме пуританки, — сказала она во время третьего посещения. — Это для пьесы в День благодарения¹. Мне говорить ничего не придется. Просто принесу большое блюдо будто бы с кукурузой и поставлю на стол. Мы будто бы устраиваем пир, на котором гости индейцы.

Мисс Эшмид занималась кружевами, используя самую тонкую нитку и иголку. Даже Лорри своими молодыми глазами с трудом находила дырочки в кружевах.

— Индейцы и пуритане. Значит, ты начинаешь учить историю Америки, Лорри? Наверно, теперь тебе легче?

— Немного. Я все еще иногда путаюсь. А Джимми Пурвис всегда смеется надо мной.

— Джимми Пурвис? — Мисс Эшмид сделала еще один почти невидимый стежок. — А, да. Это мальчик, который гонялся за Сабиной.

— Он злой. Злой и ненавистный! — выпалила Лорри. Теперь, когда она ходит с Кэти, Джимми со своей шайкой меньше ее преследует, но она все еще немного его боится. — Я вообще не люблю мальчишек, она всегда делают плохие вещи.

¹ День благодарения — национальный праздник, отмечаемый в США в четвертый четверг ноября. Посвящен первому урожаю, собранному пилигримами из Плимутской колонии в 1621 году после голодной зимы в Новом Свете. Колонисты, выжившие во многом благодаря помощи индейцев, устроили для себя и для них трехдневное празднество с благодарственными молебнами и пиршеством. — *Прим. перев.*

— А много ли мальчишек ты знаешь, Лорри?

— Ну, Роб Локнер, он всегда с Джимми и делает то, что тот велит. И еще Стэн Вормиски. Это другой. Есть еще мальчишки в школе. Но я с ними не знаюсь, они все злые.

— Все злые, — задумчиво повторила мисс Эшмид. — Суровое суждение, не правда ли, Лорри? Но, наверно, у тебя для него есть причины. А теперь... — Она осмотрелась. — Сабина, кажется, исчезла. Не найдешь ли ее для меня, Лорри?

Поскольку Сабина уходила и приходила когда вздумается и обычно мисс Эшмид это нисколько не волновало, Лорри слегка удивилась, выполняя это поручение. Но она послушно отложила свой образец и пошла искать котенка.

В комнате с завешенной мебелью она позвала: «Сабина, Сабина!», но никакого ответа не было. Через полуоткрытую дверь она прошла в зеленую спальню и наконец в комнату странной формы с кукольным ломиком и лошадьё-качалкой.

Да, Сабина была здесь. Она стояла на трех лапах, а переднюю правую протянула к одному из ящиков в основании дома. Здесь из замочной скважины что-то свисало, покачиваясь. Лорри наклонилась, чтобы посмотреть. А Сабина отпрыгнула в сторону, будто Лорри помешала ей в каком-то озорстве.

Из замочной скважины свисала цепочка, а в самой замочной скважине торчал ключ, прикрепленный к этой цепочке. Лорри, повинуясь порыву, повернула ключ, и ящик легко выдвинулся.

В нем на спине лежали две куклы, глядя прямо на нее. Одна примерно в пять дюймов высотой, другая — в четыре, и лица у них как живые. Но Лорри заметила, что они сделаны не из фарфора, хотя кажутся такими же старыми, если не старше, чем Миранда.

Более высокая кукла — мальчик с черными волосами и в очень странной одежде. На нем длинные брюки из серой ткани и короткий жакет, застегнутый на одну пуговицу под подбородком. Каштановые волосы девочки разделены пробором посредине и забраны за уши, где пряди заплетены,

убраны вверх и заколоты булавкой. На ней платье, широкое в плечах, с вырезом в виде буквы V от кокетки до высокой талии, а на рукавах и у горла кружева. Юбка широкая, но не до пола, и из-под нее видны кружевные панталоны.

Лорри очень осторожно взяла в руки куклу-мальчика. Одежда сделана на удивление хорошо; теперь, когда Лорри имеет представление о шитье, ее поразила тонкость работы и терпение, которое для этого потребовалось. Она собиралась положить мальчика в ящик, когда услышала слабый скрип и, повернувшись, увидела, что Сабина когтями вцепилась в стену домика.

— Нет...

Но Лорри опоздала. Маленькие коготки задели какую-то скрытую пружину, и половина домика сдвинулась, раскрылась — та его часть, где зеленая спальня и кухня. И легко передвинулась, хотя Сабина больше ничего не трогала, а отошла, села и стала наблюдать.

Теперь Лорри гораздо лучше, чем через окно, были видны все детали интерьера. Несколько мгновений она просто смотрела. Одна из раскрывшихся частей — та самая комната, в которой она теперь сидит. Но она совсем не повторяет современную комнату. Нет ни миниатюрной лошади-качалки, ни второго кукольного домика. Напротив, на пустых сейчас полках вдоль стены крошечные книги и ряды миниатюрных кувшинчиков и баночек. В углу кресло — может, копия того, с высокой спинкой, в котором сидит мисс Эшмид? А на полу не ковер, а рисунок краской. Лорри показалось, что рисунок напоминает звезду.

На самое странное, что обнаружилось, когда открылась внешняя стена, было треугольное пространство между комнатой и кухней. Когда домик закрыт, его совершенно не видно, и в него нет входа ни из комнаты, ни из кухни. Лорри гадала, для чего оно предназначено. Шкаф? Но тогда почему без дверцы?

Больше всего ее внимание привлекла кухня. Все в таких подробностях. На столе даже корзины с овощами и яйцами.

И видно хлеб, который печется в печи. Нужно только, чтобы появилась Холли, и все оживет.

Девочка неожиданно поставила куклу-мальчика у печи. Лорри обнаружила, что та может стоять, если правильно поставить ноги. Потом добавила девочку, сняла со стола корзину с яйцами и повесила ей на руку. Вот так!

Осторожно закрыла домик и посмотрела в окно. Они выглядят такими живыми, словно вот-вот займутся своими делами. Почему-то Лорри подумала, что им самое место там, куда она их поставила.

Должна быть причина...

Сама не понимая почему, Лорри встала и направилась к лошади. На этот раз сесть в странное седло оказалось легче, и чувствовала она себя на лошади уверенней. Под ее тяжестью лошадь начала раскачиваться...

Сегодня на дороге из гравия нет ветра, но стоит осень и вокруг полно опавшей листвы. Белая лошадь шла к Восьмиугольному дому, и Лорри снова охватило волнение. Что-то должно произойти, что-то очень важное...

На этот раз, спрыгнув на камень для посадки на лошадь, она не пошла к передней двери, которая в первый раз отказалась ее впустить. Собрав в одну руку складки длинной юбки, она по кирпичной дорожке пошла за дом. Деревья и кусты вдоль ограды были меньше и не такие густые, но они закрывали вид снаружи. А день темный, над головой нависли тучи, и холодно, несмотря на безветрие.

Лорри подошла к ступенькам заднего крыльца и, еще выше подобрав юбку, начала подниматься по ним. Но когда протянула руку, чтобы постучать, дверь качнулась, и девочка ее открыла. Однако на пороге не стояла Холли.

Тот же самый треугольник с двумя дверьми — одна в комнату мисс Эшмид, другая на кухню. Та, что ведет в красную комнату, плотно закрыта, и, когда Лорри попыталась поднять старый запор, он не подался. Она вспомнила слова мисс Эшмид: «Можешь входить в любую комнату, которая тебя впустит».

Но ведь мисс Эшмид говорила о другом доме. Или нет? Что перед ней: кукольный домик в Восьмиугольном доме или сам Восьмиугольный дом, показанный каким-то необычным способом?

С другой стороны кухонная дверь приоткрыта, и Лорри восприняла это как приглашение. Она вошла, почувствовала тепло и приятные запахи, и у нее появилось ощущение, что это очень хорошее место. На плите стоял большой черный котел, и из него доносились негромкие булькающие звуки. Лорри почувствовала запах белого хлеба и еще более аппетитный острый аромат. На столе лежит все для приготовления пирога: скалка, блюдо, кувшин, немного масла на блюде, чашка с мукой. И рядом ждет ножа корзина с яблоками. Но где мальчик и девочка? Или кухарка, которая должна здесь работать?

Лорри осмотрелась, снова испытав ощущение, что кто-то только что вышел из комнаты, прежде чем она вошла. Есть еще одна дверь, но она закрыта, и, когда Лорри попыталась ее открыть, она не подалась, как и дверь в комнату мисс Эшмид.

Итак, для нее открыты только кухня и задняя стена.

Лорри медленно обошла комнату. На стене большая начищенная медная сковорода, почти такая же блестящая, как зеркало. Девочка увидела свое отражение и остановилась, чтобы его рассмотреть. Конечно, она знала, что на ней длинная юбка, которая казалась очень подходящей для езды верхом здесь (а где это *здесь?*), но она видела и другие перемены в Лорри Маллард. У нее по-прежнему черные волосы и зеленые глаза. Но волосы собраны в плотный, поднятый вверх пучок, и на ней шляпа с широкими загнутыми полями и длинным свисающим пером. А вместо куртки на молнии, которую она носила на улице несколько часов назад, теперь коричневый жакет, облегающий и украшенный на груди рядами красной тесьмы, застегнутый от подбородка до талии. Она выглядела так странно, что могла только стоять и смотреть на туманное отражение. Она Лорри Маллард, про себя повторила Лорри, Лорри Маллард, одиннадцати с полови-

ной лет. Она живет с тетей Маргарет в Эштоне, в квартире, она учится в шестом классе Фермонтской школы — это все правда.

Задумчивость Лорри нарушил какой-то звук, и она обернулась. Что-то за окном — она, несомненно, видела там движение! Лорри быстро обошла стол. Боже, как темнеет! Сильная буря — нет, это, должно быть, ночь! Но это невозможно, ведь сейчас только середина дня. Однако пришлось поверить, что почти наступила ночь.

Котел продолжал уютно булькать, но никто не приходил, чтобы последить за ним. Снова Лорри попробовала открыть дверь, ведущую из кухни, и снова обнаружила, что она не поддается. Стоя у двери, она опять услышала звук. В темном углу высокий шкаф. Лорри прижалась спиной к нему и смотрела на дальнее окно.

Там какая-то тень! Она видит ее на фоне мелких стекол. Теперь... звук... окно слегка поднимается. Неожиданно Лорри присела у угла шкафа. Она не знала, почему спряталась, только чувствовала страх и возбуждение и хотела все видеть, оставаясь незаметной.

Девочке показалось, что очень долго ничего не происходило, только окно теперь открыто. Затем пара рук ухватилась за подоконник, и за ними Лорри разглядела очертания головы и плеч. Кто-то забирался в кухню!

Сейчас в кухне темнее, чем когда она вошла. Но на столе возле плиты горит лампа. И хотя кружок ее света не достигает до окна, Лорри рассмотрела фигуру, прижавшуюся к полу под подоконником.

Мальчик! Босые ноги торчат из заплатанных брюк с порванными краями. Руки обнажены почти до локтей, и короткие рукава рубашки тоже оборванные. Воротника нет, только лента, прикрепленная рваной полоской ткани. Когда мальчик шевельнулся, рубашка распахнулась и Лорри увидела голую грудь. У него под рубашкой ничего нет, несмотря на холод.

Волосы нечесанные, все время падают на глаза, и он постоянно поднимает руку, чтобы отвести их. И лицо у него

очень грязное. Вокруг одного глаза кожа потемнела, и на челюсти тоже синяк. Если не считать отбрасывания волос с глаз, мальчик, оказавшись под подоконником, не шевелился.

Но вот он повернул голову из стороны в сторону, будто осматривая комнату. Лорри подумала, что он не только смотрит, но и слушает, потому что временами он застывал, будто слышал то, чего не слышит она.

Потом он встал. Он ужасно худой, руки костлявые, а талия — там, где брюки перевязаны обрывком веревки, — такая тонкая, что Лорри подумала: он уже очень давно голодает. Мальчик одним шагом добрался до конца большого стола, схватил яблоки и одно за другим начал укладывать их под рубашку, где они становились комками под грязным материалом.

Опустошив миску, он перешел к полуоткрытой дверце плиты. Протянул руку к дверце, чтобы открыть пошире. Негромко вскрикнул и поднес пальцы ко рту, но продолжал вертеть головой, словно что-то искал. Взял кочергу и порывлся в печи, вытащил противень с хлебом и второй — с имбирным пирогом, от которого исходил острый запах. Когда противни были у дверцы, мальчик заколебался. Если вытащить дальше, они упадут на пол, а держать их руками нельзя: горячо.

Он снова оглянулся в поисках орудия и схватил полотенце, висевшее на крюке в стене. Обернув полотенцем уже обожженные пальцы, он вытащил противни на плиту, потом сорвал с меньшего стола красно-белую клетчатую скатерть. Бросил в нее буханку и пирог, причем пирог распался на несколько неровных кусков. Поднял голову и посмотрел на дверь, ведущую в прихожую. Связав скатерть, так что она превратилась в мешок, он вернулся к окну, из которого появился, выбросил добычу и вслед за ней исчез в ночи. Окно закрылось, и Лорри осталась одна.

Она прислушалась. Мальчик что-то слышал, или ему показалось, что он слышит, но она ничего не слышала. Однако она хотела знать больше... Почему он крал еду? Почему-то это важно. Хотя она подошла к окну, но ничего не могла

разглядеть. Но когда попробовала потянуть, окно легко подалось. Не задумываясь, Лорри последовала за мальчиком, перебралась через окно и опустилась на землю за кустом. Теперь она слышала треск справа, за соседним углом дома. Подбрав края юбки своего наряда для верховой езды, она пошла туда как могла быстро.

У этого угла дом закрывала стена зарослей. Теперь она, должно быть, непосредственно под тайным, закрытым местом, потому что над ней окно комнаты с раскрашенным полом. И из него пробивается свет.

Хотя было темно, Лорри обнаружила, что может идти за тенью, перебиравшейся от одного укрытия к другому. Теперь эта тень направлялась к ограде. Наверху окна спальни, но в них света нет. Лорри оглянулась и посмотрела на верх дома. В одном окне второго этажа слабый свет, как будто там горит одна свеча, но все остальные темные.

Качнулись кусты, и Лорри увидела перелезающую через ограду черную фигуру. Она побежала к воротам, потому что перелезть ограду в этой длинной юбке невозможно. И оказалась у камня для посадки на лошадь. На мгновение девочка ощутила страх: белая лошадь исчезла. Потом она услышала шорох слева от себя и, придерживая юбку обеими руками и перебегая от одной тени к другой, направилась к тому месту, где мальчик перелез через ограду.

Он по-прежнему придерживался укрытий. Но тут Лорри услышала слабый треск за собой и застыла. Кто-то еще вышел из ворот, фигура ненамного выше ее самой. Кто?

Лорри стояла в нерешительности. Если останется на месте, может потерять мальчика. Если пойдет, ведя за собой неизвестного... Лорри не нравилась мысль, что за нею могут следить. А преследователь двигался в тени так же осторожно, как она, будто тоже боялся, что его обнаружат.

Она пошла вперед, стараясь следить за обоими направлениями, и вскоре поняла, что это невозможно. Она не на улице Ясеней, а на дороге из гравия, с обеих сторон обрамленной кустами и деревьями. Вскоре гравий закончился, осталась только утрамбованная земля.

Тот, что за ней, неожиданно метнулся вперед и оказался на одном уровне с Лорри. Это была девочка, ненамного старше самой Лорри. На ней длинный плащ с капюшоном, но капюшон откинут, так что видно лицо. Девочка прошла мимо на расстоянии руки, не глядя на нее, словно Лорри здесь нет. И легко побежала вслед за мальчиком.

Лорри последовала за ней. Показался ручей с деревянным мостиком. Но девочка из дома не пошла по мостику. Она стояла неподвижно, наклонив голову, словно прислушиваясь. Лорри тоже прислушалась...

Она слышала негромкое журчание воды внизу. Но был и другой звук — кто-то плакал. А кто-то другой говорил, голос поднимался и падал, но не заглушал плача. К удивлению Лорри, девочка повернула голову и посмотрела прямо на нее. Она не казалась удивленной, будто все время знала, что Лорри здесь. И как будто, подумала Лорри, они вместе участвуют в приключении.

Поднеся палец к губам, девочка резко кивнула в сторону мостика, из-под которого доносился плач. Лорри поняла. Она осталась на месте, но другая девочка неслышно двинулась вперед, плотно запахнув плащ, будто не хотела, чтобы он случайно задел за ветку или сухую траву.

Звуки голоса внизу прекратились, но негромкий плач продолжался. И вдруг, так неожиданно, что Лорри вскрикнула, из травы появилась темная тень и бросилась на девочку. Последовала борьба, девочка упала, а тень старалась ее прижать к земле. Но она высвободилась, оставив разорванный плащ. Волосы ее упали на лицо, она отвела их рукой.

— Не бойся, — сказала она.

— Я и не боюсь! Тем более девчонки, — ответил хриплый мальчишеский голос. — Что ты делаешь, крадешься как...

Девочка подняла плащ и снова набросила себе на плечи.

— Вы из Канал-тауна. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Не твое дело, мисси. Уходи отсюда, а то попадешь в неприятности.

— Фин? Где ты, Фин? — Плач стал громче, и в нем слышался такой страх, что Лорри сочувственно вздрогнула.

Мальчик шевельнулся, но девочка из дома была быстрее. Она скользнула с откоса под мост. Мальчик карабкался за ней, и теперь Лорри решила подойти ближе.

— Меня зовут Лотта Эшмид. — Это спокойно говорила девочка из дома. — Вы боитесь чего-то, очень боитесь, верно?

— Мэтта. — Голос прервался. — Мэтта Махони. Папа умер, а Мэтт, он говорит, что я должна идти на скважину...

— Закрой рот, Фибе, и держи его закрытым! Не болтай!

— Прекрати! — приказала Лотта. — Хочешь запугать ее до смерти? Она не должна меня бояться. Фибе, не нужно бояться. Никто тебя не найдет.

— Нет? — Это опять мальчик. — Как ты можешь обещать это, мисси? Может, у тебя есть армия, чтобы остановить Мэтта? Потому что его остановит только армия.

В ответ послышался громкий плач.

— Я сказала, прекрати! — Голос Лотты звучал властно, и плач стих. — Пошли, Фибе.

— И куда ты собираешься ее отвести, мисси? В свой большой дом? Держать ее там и послать за Мэттом? Или сама отправишь ее на скважину? Ведь она сирота.

— Она замерзла, промокла и хочет есть. Я знаю, ты взял для нее еду на кухне. Но посмотри, она вся дрожит, и у нее нет даже шали. Если останется здесь на ночь, к утру заболеет.

— Она и не останется.

— И как далеко ты сможешь ее увести?

— А тебе какое дело? Мы из Канал-тауна, а не из больших домов. Я позабочусь о Фибе, не сомневайся, мисси. Пошли, Фибе, нам пора.

— Фин, я не могу. У меня так болят ноги. Просто не могу! Ты... тебе лучше убежать. Мэтт, он сказал, что избьет тебя лошадиным хлыстом, помнишь? О, Фин, тебе нужно убежать. Мисси, Мэтт хочет, чтобы Фин на него работал. Но Фин, он подумал, что мы найдем переселенцев на запад и, может быть, спрячемся в фургоне... или еще что-нибудь.

— Все выложила, девчонка? Все равно я без тебя никуда не пойду, Фибе. Я держу слово. Разве не так?

— Если хочешь, чтобы Фибе была в безопасности, вы пойдете со мной.

— А почему, мисси? Тебе разве не все равно?

— Нет.

И Лорри поняла, что девочка говорит правду. Может быть, и мальчик это понял.

— Пожалуйста, Фин.

— Ну, ладно. Может, я ей и поверю, но в доме есть и другие люди, и они думают по-другому. Особенно после того, как я набрал их еды.

— Никто не узнает о тебе и Фибе. Вы будете в безопасности.

— Как это, мисси? Ты проведешь нас незаметно, словно мы привидения или что-то такое?

— Нет, Фин, — ответила Лотта. — Но я знаю безопасное место — по крайней мере на ночь. И там теплей и суше, чем под мостом.

— Фин? — В голосе Фибе звучала мольба.

— Там опасно, говорю тебе.

— Пожалуйста, Фин. Она говорит, что нет. И... и я ей верю, Фин.

— Потому что хочешь верить! — вспыхнул он. — Потому что ты замерзла, проголодалась и хочешь верить! А я тебе сотни раз говорил, что никому нельзя верить!

— Но я ей верю, Фин, почему-то верю.

— Хорошо. Но я не верю! Слышишь это, мисси? Не верю и все время буду ждать подвоха.

— Согласна. А теперь помоги мне, Фин.

Они снова вышли на дорогу. Лотта обнимала за плечи маленькую девочку в рваном платье и с босыми, как у Фин, ногами. Девочка хромала и шла медленно, и Лотта и Фин с обеих сторон все больше и больше поддерживали ее, пока не добрались до ворот. Снова подошли к дому. На этот раз направились не к кухне, а к окну комнаты с кукольным домиком.

Лорри слышала, как они перешептывались, потом Фин открыл окно. Забрался сам. Помог подняться Лотте, а потом они вдвоем подняли Фибе. Лорри придвинулась поближе. Она видела их внутри. Фибе сидела на полу, будто у нее не было сил стоять, а Фин настороженно стоял рядом с ней и мрачно хмурился, будто по-прежнему считал, что это ловушка.

Лотта отошла в сторону, и Лорри ее было не видно. Потом удивленно вскрикнул Фин:

— Что это? Шкаф?

— Более чем шкаф, — ответила Лотта. — Сейчас это безопасное место, в котором можно укрыться.

Он прошел вперед и тоже исчез из поля зрения Лорри.

— Ловушка... может быть, это ловушка. — Она по-прежнему слышала его голос.

— Пожалуйста. — Фибе подняла голову и посмотрела на Лотту. — Я не верю, не верю, что ты нас отошлешь назад, мисси. Мы не родственники Мэтту. И Фин мне не родственник. Только он вступился за меня, когда я начала кашлять и дрожать. Мэтт избил Фина, потому что он обменял немного кукурузы на лекарство. Потом Мэтт сказал, что я должна идти на скважину. А Фин сказал нет, никогда, и мы убежали. Но далеко не ушли, и Мэтт отыщет Фина, если мы останемся здесь. — Она закашлялась, и ее худое тело сотрясалось от усилий.

Фин вернулся, и Лорри снова могла его видеть.

— Ты всякий ум потеряла, Фибе. Этой маленькой мисси все равно. Может, Мэтт повесил объявление обо мне... Финеас Маклин, десять шиллингов награда... или что-нибудь такое, но там не говорится, как он изобьет меня хлыстом. Что бы эта мисси ни говорила.

Лотта появилась у выхода из комнаты.

— Если ты в это действительно веришь, Финеас Маклин, можешь уходить. Окно открыто. — Она посмотрела на него, и Фин откинул волосы с глаз, но ничего ей не ответил. Лотта вышла.

— Фин. — Фибе с трудом говорила между приступами кашля. — Фин, ты всегда был очень добр ко мне. Если считаешь, что Мэтт до тебя доберется, тебе лучше уйти. Но я в это не верю, нет. Я думаю, она говорит правду, и мы здесь в безопасности. Мне здесь хорошо, очень хорошо. Правда, Фин!

Он снова откинул волосы, потом опустился на колени рядом с Фибе и обнял ее за плечи.

— Я не уйду. По крайней мере не сегодня.

— Фин, разве ты тоже это не чувствуешь? Тут безопасно.

Он осматривался с удивленным выражением избитого лица.

— Может, ты и права, Фибе. Но трудно поверить, что такое место может быть безопасным для нас — отребья из Канал-тауна, как нас здесь называют.

— Вот. — Вернулась Лотта. На руке у нее было два одеяла, одно из них стеганое. Она кивком указала на ту часть комнаты, которая не была видна Лорри. — Возьмите. И вам лучше спрятаться там. Я приду, когда будет неопасно. И еще... — Фин взял у нее одеяла, а Лотта подобрала мешок из скатерти, который Фин на глазах у Лотты наполнял едой, — возьмите это с собой. Потом я принесу еще.

В деревьях зашумел ветер, огонь в комнате мигнул... Пол освещает солнечный свет, и на этой полоске спит Сабина. Лорри сидит не на корточках снаружи у окна, а на полу возле кукольного домика. Сторона дома по-прежнему немного открыта. Девочка распахнула ее пошире, чтобы посмотреть в небольшое пространство без двери. Там пусто.

На кухне две куклы стоят, как она их поставила. Она осторожно взяла их, зная теперь, кто это. Финеас Маклин, больше не грязный, оборванный и избитый, но, конечно, кукла не может так выглядеть. Одежда у него чистая и целая — может, это означает, что Финеас действительно в безопасности и счастлив.

И Лотта — но нет, у второй куклы не внешность Лотты. Это Фибе, и выглядит она полнее и счастливее. Так что, может быть, дом хорошо их принял и продолжал быть их домом. Почему она так подумала, Лорри не знала.

Она положила кукол назад в ящик и закрыла его. Послышался шелчок. Ключ на цепочке — он исчез! А когда она снова попробовала открыть ящик, тот не открылся.

Финеас и Фибе исчезли, а дом... Посмотрев на дом, Лорри увидела, что он снова плотно закрыт. И хотя старательно искала петлю, ничего не нашла.

Сабина проснулась, зевнула, встала, вытянула сначала передние лапы, потом задние и пошла к двери. Лотта медленно двинулась за ней, оглядываясь на загадочный кукольный домик.

ОШЕЙНИК ДЛЯ САВИНЫ

— Эй, Канак!..

Лорри задержалась у входа в переулок, чтобы удобнее ухватить коробку с одеждой. Трудно нести и ее, и портфель с книгами. Тетя Маргарет хотела отвезти ее в школу на машине, но та не завелась. И Лорри нужно торопиться, если она хочет прийти вовремя.

Так уж ей везет, что Джимми со своей шайкой тоже опаздывает. Конечно, она может спрятаться во дворе Восьмиугольного дома. Она почему-то уверена, что Джимми не пойдет туда за ней. Но это приведет к еще большему опозданию.

— Канак, ходит, как утка!

Лорри крепче прижала коробку. В ней ее костюм пури-танки, и она почти весь шила его сама. И тетя Маргарет удивилась тому, как у нее хорошо получается. Лорри выгладила его и аккуратно сложила. Нельзя допустить, чтобы он помялся.

— Канак...

Лорри смотрела перед собой. Она не побежит и не позволит им гнаться за ней до школы. Мальчишки, злые нехорошие мальчишки!

Она посмотрела на дом справа от себя. Если бы сегодня вышла к воротам Холли! Но все окна темны; дом кажется пустым.

Что сказал Фин? «Отребе из Канал-тауна, как нас здесь называют». Лорри не знала, почему вдруг вспомнила это. Но на мгновение словно вдруг увидела Финеаса Маклина, как он отбрасывает волосы и вызывающе смотрит на Лотту Эшмид. И услышала ровный голос Лотты, увидела ее спокойное лицо, когда она отвечала. Всего несколько мгновений назад сама Лорри готова была в поисках безопасности бежать к дому.

— Канак... Что у тебя в коробке, Канак? Дай-ка посмотреть.

Лорри повернулась.

Джимми, да, и Стэн, и Роб Локнер. Джимми, как всегда, впереди и улыбается. На мгновение Лорри испугалась, так испугалась, что подумала, что из-за сухости во рту и в горле не сможет говорить. Потом вспомнила о Лотте, о Финеасе и Фибе, которым гораздо больше было чего бояться.

— Платье для пьесы. — Лорри надеялась, что голос ее не дрожит. — А где твой костюм индейца, Джимми? У тебя на голове должно быть много перьев.

— Конечно, — вмешался Роб Локнер. — Знаешь, что он сделал? Его дядя знаком с человеком из зоопарка, а там птицы теряют перья. И у него настоящие орлиные перья, правда, Джимми?

— Точно. Их и носили индейцы, орлиные перья, — ответил Джимми, но посмотрел на Лорри странно, будто у него на глазах она превратилась во что-то совсем другое.

— Зоопарк? — Теперь Лорри не нужно было притворяться заинтересованной. — Я там никогда не была.

— Я туда хожу почти каждое воскресенье, — сообщил Джимми. — Дядя в прошлом году позволил мне посмотреть на тигренка. Детенышей зверей держат в другом месте, и смотреть на них можно через окно. Но если знаком с кем-нибудь, тебя туда впустят. В этом году у них там черный леопард и два льва. Я их еще не видел, но пойду. — Насмешливая улыбка исчезла с лица Джимми, он говорил заинтересованно и оживленно. — Они как котята.

Котята! Только на мгновение Лорри представила себе, как Джимми гоняется за Сабиной в спутанной траве. Она крепче сжала коробку и заставила себя идти еще медленней. Джимми пошел с ней рядом.

— Ты должна посмотреть змей, — продолжал он. — У них есть одна такая длинная, как этот переулок.

— Такой большой не может быть, — возразил Стэн.

Джимми повернулся к нему.

— Ты хочешь сказать, что я не знаю, о чем говорю?

Стэн пожал плечами, но замолчал. А Джимми продолжил:

— И аллигатор, ты и его должна увидеть. У меня однажды была возможность заполучить аллигатора. Дядя был во Флориде и хотел прислать мне маленького. Но мама сказала, что нам его негде держать.

— А знаешь, что я хотел бы иметь? — вмешался Роб. — Лошадь, вот что. Таковую, каких держали в этой конюшне.

— Эй, а вы знаете, что там еще есть? — Стэн показывал назад, на полуразвалившийся каретный сарай. — Там сани, которые должны тащить лошади. Было бы весело на них покататься.

— Да, это весело, — согласилась Лорри.

— А ты откуда знаешь? — спросил Джимми.

— В Хэмпстеде бывает много снега, и в школе были сани.

Мы иногда на них ездили.

— Правда? Настоящие сани с лошадьми? — Джимми недоверчиво посмотрел на нее.

— Да. Старые, но хорошо сохранившиеся, и их иногда использовали на праздники. Ехали на них к озеру, чтобы там покататься на коньках.

— На коньках? — спросил Роб. — Ты умеешь кататься на коньках, Лорри?

— Там все умеют. Я училась фигурному катанию. — Она подумала о том, что вот еще одна ее утрата.

— Эй!.. — Стэн поравнялся с Джимми и Лорри. — У Фулсома есть каток. В субботу по утрам туда пускают детей. В прошлом году на уроке физкультуры об этом рассказал мистер Стюарт, он сказал, что мы будем учиться, если захо-

тим. Мы видели кино об олимпийских конькобежцах. Они такие быстрые.

— Этому трудно научиться, — ответила Лорри. — В школе мисс Логан была девочка, она очень хорошо каталась. Но она училась с пяти лет и все время тренировалась. Наверно, так и нужно, если хочешь хорошо бегать.

— Мы прошлой весной ходили на представление на льду, — сообщил Роб. — Там был парень, одетый медведем, и он охотился на другого парня-охотника. Это было весело!

— Папа сказал, что возьмет нам билеты в этом году, — вмешался Джимми.

Они дошли до школьного перекрестка, и Лорри посмотрела часы над дверью школы.

— Мы опоздаем.

Джимми проследил за ее взглядом.

— Нет, если побежим...

— Да, да! Я пурпурная оса, зум, зум, зум! — закричал Стэн.

— А я скачу на самом быстром коне в мире! Вперед, Пейнт! — Роб понесся за Стэном.

— Дай мне это. Тебе придется быстро бежать, Канак! — Джимми схватил портфель Лорри.

Они подбежали к двери, когда зазвонили часы, а внутри послышался звонок на уроки. И Лорри, сама не понимая, как это получилось, вошла в школу в сопровождении Джимми, который нес ее портфель, и теперь ее не беспокоило, что он зовет ее Канаком.

Уикэнд Дня благодарения был для Лорри особенным, потому что у тети Маргарет были два свободных дня. Они ходили покупать Лорри новое красивое платье, поели в хорошем ресторане на верхнем этаже магазина Бамбера, откуда виден весь город. Тетя Маргарет вышла с ней на террасу, чтобы взглянуть на улицы и дома, из которых состоит Эштон.

— В следующем году будут перемены, — сказала тетя Маргарет. — Знаешь, недалеко от нас пройдет новая автострада. В наши дни мир меняется быстро, Лорри. Посмотри

туда... — Она указала на узкую полоску, ведущую к реке. — Это все, что осталось от старого канала. А ведь всего сто лет назад плавание по каналу было таким же возбуждающим, как сегодня полет в реактивном самолете. Эштон и построен был на соединении канала с рекой.

— А где Канал-таун? — неожиданно спросила Лорри.

Тетя Маргарет удивленно посмотрела на нее.

— Канал-таун? Никогда о таком не слыхала, Лорри. Где ты о нем слышала?

— В Восьмиугольном доме. — Лорри тут же поняла, какую ошибку допустила. Сама не зная почему, она была уверена, что ее приключение с Финеасом и Фибе следует держать в тайне. Она не заговорила об этом, даже когда в тот день вернулась к мисс Эшмид. Но в одном она была уверена: мисс Эшмид откуда-то знает, что с ней случилось.

— Да, Восьмиугольный дом, — медленно повторила тетя Маргарет. — Как жаль.

— Чего жаль?

— Точно маршрут автострады еще не намечен, но считают, что она пройдет по земле, на которой стоит Восьмиугольный дом.

Лорри крепко ухватилась за перила террасы.

— Они... они не могут снести дом! Правда? — Она смотрела на город, стараясь разглядеть дом. Но, конечно, он слишком далеко.

— Будем надеяться, что нет, — ответила тетя Маргарет. — Но здесь холодно. И я хочу взглянуть на распродажу блуз, если, конечно, мы сможем добраться до прилавка. Кажется, в этот уикэнд весь Эштон решил заняться рождественскими покупками.

Рождество... Она хотела сегодня купить подарок для бабушки. Тетя Маргарет сказала, что его нужно отправить на этой неделе. На мгновение Лорри забыла об угрозе Восьмиугольному дому.

— Лорри, — сказала тем же вечером тетя Маргарет. — Как ты думаешь, мисс Эшмид позволит посмотреть на ее вышив-

ку? Ты так много об этом говоришь, что мне стало любопытно. Не отнесешь ли ей завтра записку?

Собственные чувства удивили Лорри. Нет никаких причин, почему бы тете Маргарет не пойти посмотреть сокровища красной комнаты. Но... как будто ее приход что-то портил. Что? Лорри не могла сказать и знала, говорила себе, что это просто глупость.

— Хорошо. — Она надеялась, что в голосе ее не слышалось недовольство.

Она завернула шарф для бабушки и приготовила к отправке. Потом расстелила тетину подарочную бумагу и кусок за куском принялась разглядывать. Один лист отложила. Фон зеленый, не совсем такой, как платью мисс Эшмид, но похоже. А рисунок — большие золотисто-пурпурно-зеленые павлиньи крылья. Лорри этот рисунок очаровал. Была и золотая ленточка, которая прекрасно подходила к рисунку. Она тщательно завернула в эту бумагу белую коробочку для носовых платков. Потом перевязала лентой — специальным узлом, как показала тетя Маргарет. Выглядело почти так красиво, как она надеялась. А платок — как ей повезло, что она его нашла, ведь вокруг смотрело и выбирало столько женщин. Но этот платок белый, а по краям кружевная оборка, и в углу большая буква А. Лорри своими лучшими стежками добавила вокруг буквы небольшой веночек.

Она положила коробочку в ящик, куда складывала подарки на Рождество. Здесь была еще одна вещь. Она закончила ее на прошлой неделе и надеялась, что это понравится тете Маргарет, хотя сейчас засомневалась. В Восьмиугольном доме, где она ее делала, вещь казалась красивой и забавной. Но подходит ли пухлая красная бархатная подушечка для иглоков в виде сердца, с белой кружевной оторочкой, для такой комнаты? Впрочем, тетя Маргарет любит старинные вещи. И еще у Лорри есть бутылочка ее любимого одеколлона.

Восьмиугольный дом — и автострада... Лорри вернулась в гостиную.

— А когда будет известно?

Тетя Маргарет подняла голову от книги.

— Что известно, малышка?

— Известно о Восьмиугольном доме?

— Мне кажется, в конце января будет собрание. И все люди, собственность которых это затрагивает, смогут встретиться с комиссией.

Лорри подумала: знает ли об этом мисс Эшмид? Сможет ли она пойти на собрание? Лорри только дважды видела, как она ходит. Оба раза передвигалась она очень медленно, держась одной рукой за плечо Холли, а другой опираясь на палку с позолоченным набалдашником. Лорри знала, что она никогда не выходит из дома. Раз в неделю приходит мальчик из магазина Теобальда и берет у Холли список. Однажды, когда мальчик заболел, Лорри сама относила такой список. И что будет, если мисс Эштон не сможет прийти на собрание и протестовать против сноса Восьмиугольного дома?

— Мисс Эшмид хромая. Она очень плохо ходит. — В словах Лорри звучал страх. — Что, если она не сможет прийти на собрание?

— Она может послать адвоката, Лорри. Большинство людей будут представлять их адвокаты.

Лорри вздохнула. Она надеялась, что это правда. Но завтра она спросит у мисс Эшмид, расскажет ей, что нужно послать адвоката на собрание.

Но когда на следующий день она сидела рядом с мисс Эшмид, с раскрытой рабочей шкатулкой, со множеством иголок, ждущих, чтобы им в ушко продели нитку, Лорри обнаружила, что ей трудно начать.

— Тебе нехорошо. — Мисс Эшмид придвинула раму для вышивания. Снаружи было серо, темнело, но здесь по обе стороны на высоких столбиках стояли канделябры, в каждом по четыре свечи. — Джимми Пурвис снова стал проблемой?

Лорри продела в иголку тонкую кремовую шерстяную нитку и воткнула иголку с края ткани.

— Он по-прежнему называет меня Канаком, но мне все равно.

— Тогда что же? — Мисс Эшмид улыбнулась. — Палки и камни могут сломать кости, но прозвища мне никогда не вредили. Так, Лорри?

— Не совсем. — Лорри добавила к первой иголке вторую, с жемчужно-розовой ниткой. — Только он больше не кажется мне злым. Он любит поговорить.

— И тебе нравится его слушать? Такого злого и ненавистного человека?

Лорри тщательно выбирала розовую нитку.

— Может быть... он больше не злой и ненавистный. Он изменился.

— Или ты лучше узнала его и видишь теперь не только оболочку. Все меняется, Лорри, и иногда к лучшему. Однажды, много лет назад, недалеко отсюда жили люди. Они приехали, чтобы работать на канале. Но они были из другой страны и поэтому говорили по-другому, ходили в другую церковь, не такую, как в деревне. И поскольку все воспринимали по-другому, держались обособленно. А если кто-то из них пытался подружиться, жители деревни таких не принимали. И часто бывали неприятности, драки.

Некоторые из этих мужчин позже привезли свои семьи, потому что в их стране был голод и там их ничего не ждало. Другие взяли себе жен из других частей этой земли. Но когда эти люди здесь поселились, их встретили не добром. И стена становилась все выше и выше, пока и люди канала, и жители деревни не стали готовы верить чему угодно плохому друг о друге.

Лорри воткнула еще одну иголку с ниткой в край рамы.

— Вы говорите о Фибе и Финеасе, мисс Эшмид?

— О Фибе и Финеасе и о многих других таких же. Хотя они сами этого не знали, в ту ночь, когда они пришли сюда, Фибе и Финеас сделали первую маленькую щель в этой стене. Они поверили человеку с другой стороны. И это привело к переменам с обеих сторон. Людям нужно было научиться не искать в других того, чего они боятся.

Лорри размотала шерстяную нить кораллового цвета, тщательно отмерила нужную длину и отрезала маленькими

ножницами в форме журавля, вытянутый клюв которого был острыми лезвиями.

— Вы хотите сказать... я боялась Джимми и потому видела его таким? Но почему он...

— ...начал называть тебя Канаком и гоняться за тобой? Что ж, может, Джимми это показалось забавной шуткой, и, если бы ты рассмеялась, этим бы все и кончилось. Потом, как и многие другие, он обнаружил, что ему нравится гоняться за тобой, потому что ты убегаешь или показываешь, что не любишь и боишься его. А когда ты начала обращаться с ним так, словно не боишься его, он перестал тебя преследовать. Конечно, ты можешь не захотеть, чтобы Джимми стал твоим близким другом. Но не думаю, что он тебе теперь настолько не нравится.

— Да. — Лорри выбрала моток золотых ниток. — Мисс Эшмид, а что потом стало с Финеасом и Фибе?

Наступило такое долгое молчание, что Лорри удивленно подняла голову, держа в одной руке иголку, в другой — моток шерсти. Мисс Эшмид больше не улыбалась. Она смотрела на что-то взятое со стола для шитья, поворачивая в пальцах. Это была коробочка с золотыми иглами.

— Они сделали выбор, Лорри, и впоследствии жили согласно этому выбору. Некоторым мир причиняет такую боль, что они решают повернуться к нему спиной. Боже, посмотри, какой снег!

Лорри повернулась к окну. Сквозь промежутки в кружевных занавесях были видны крупные снежинки, падающие сверху. Послышалось негромкое мяуканье, и Сабина прыгнула на подоконник, встала на задние лапы, нетерпеливо заколотила передними, пытаясь поймать эти летящие кристаллы.

— Больше иголок не нужно, Лорри, — сказала мисс Эшмид. — Думаю, сегодня мы займемся другой работой. Сабина хорошо сделала, что напомнила мне.

Лорри помогла отодвинуть раму и затем с любопытством наблюдала, как мисс Эшмид с трудом встает. Она импуль-

сивно двинулась к ней, и мисс Эмид приняла ее помощь, положила руку на плечо Лорри, как клала на руку Холли.

Они начали медленное продвижение к большому столу, на котором лежали материалы, различные полузаконченные работы, их мисс Эшмид держала под рукой. Она не задержалась ни у кружев, ни у побитого молью занавеса, ни у прекрасной шелковой накидки с вышитыми птицами (мисс Эшмид сказала, что ее сделали когда-то очень давно в Китае для императора). Наконец они добрались до дальнего края стола, где не было ничего ждущего починки, а лежали рулоны тканей и лент, все аккуратно завернутые и перевязанные остатками шерсти. Мисс Эшмид стояла здесь очень долго, как показалось Лорри. Потом сказала:

— Вот эта красная бархатная лента, Лорри, рядом с синей. Это то, что мне нужно.

Бархат был очень толстый, но шелковистый на ощупь. А цвет как у гранатов, которые носит мисс Эшмид. Когда Лорри взяла его в руки, старая леди медленно вернулась в свое кресло. Усевшись, положила сверток на колени и принялась внимательно разглядывать катушки и свертки в ящичках стола. Наконец подняла катушку с черными нитками. В нитку была вплетена яркая серебристая полоска. Лорри она напонила рождественские украшения, которые она видела в магазине Бамбера.

Из другого отделения мисс Эшмид взяла маленькую шкапулку, и, когда передвинула ее, послышался легкий звон.

— Мяу! — Сабина спрыгнула с подоконника, в два прыжка добралась до мисс Эшмид и теперь стояла на задних лапах, не отрывая взгляда от звенящей шкапулки.

Мисс Эшмид подняла крышку.

— Колокольчики! — Лорри было так же любопытно, как Сабине.

— Колокольчики, — согласилась мисс Эшмид. Она взяла колокольчик размером с ноготь на своем мизинце и осторожно встряхнула. Звон негромкий, но приятный. Были колокольчики меньше, но крупнее не было. — Одобряешь, Сабина? — Мисс Эшмид в одной руке держала бархатную

ленту, во второй — колокольчик, и все это она показала, чтобы котенок мог посмотреть и принюхаться.

Лорри показалось, что Сабина внимательно все изучила, будто для нее это имело смысл.

— Мяу! — Потершись о руку мисс Эшмит, котенок, взмахнув хвостом, вернулся на подоконник.

Мисс Эшмид взяла коробочку с золотыми иглами. Открыв ее, сказала Лорри:

— Дорогая, не хочешь ли послушать музыкальную шкатулку?

Музыкальная шкатулка тоже стояла на столе. Она была сделана из полированного темно-красного дерева, а крышка украшена маленькими белыми квадратиками слоновой кости. Если поднять крышку, то нажимаешь маленький рычажок, и слышится музыка. Как и колокольчики, музыка негромкая и звенящая, но Лорри она нравилась. Она открыла шкатулку, и мелодия наполнила комнату.

— Очень подходит — «Волшебная флейта», — сказала мисс Эшмид. — Сегодня день, подходящий для волшебства. Одни дни подходят, другие нет.

— Потому что идет снег. Никогда не думала, что снег волшебный.

— Большая часть волшебства в мире кажется несуществующим, потому что мы слишком слепы или слишком заняты, чтобы его увидеть, Лорри. Слепота и неверие — вот два врага волшебства. Видеть и верить — перед теми, кто на это способен, открывается много ворот, если они захотят.

Она отмерила бархатную ленту и, когда получила нужную длину, сложила вдвое. Потом отрезала серебристую нитку.

— Хотите, чтобы я ее вдела? — спросила Лорри.

Мисс Эшмид покачала головой.

— Не эту нить и не эту иголку, Лорри. Это я должна делать сама.

Она воспользовалась одной из золотых иголок. Нить вошла в ушко, и мисс Эшмид начала шить двойную ленту. Лорри, которая привыкла наблюдать за тонкой работой на кружевах, никогда не видела, чтобы мисс Эшмид шила так быстро.

И шила не прямо, а по какому-то рисунку вдоль края. И еще Лорри показалось, что золотая игла при свете свечей блестит ярче серебряных, вспыхивает, и иногда кажется, что мисс Эшмид шьет не иглой, а лучом света.

Лорри достала собственную вышивку. Она делала ее на Рождество, и работа ей очень нравилась. Но теперь, глядя на простой рисунок из белых цветов на красном переднике, она не была довольна. Цветы казались ей грубыми и большими, и она не уверена, что у нее получается рисунок.

В комнате играла музыкальная шкатулка, мелькала игла мисс Эшмид. Сабина отказалась от попыток поймать снежинки и вернулась на ковер перед камином. Лорри, несмотря на свои дурные предчувствия насчет передника, неожиданно почувствовала себя счастливой. Она в безопасности... здесь тепло, здесь счастье и все хорошее, чего только можно пожелать. Снаружи холодно и темно, но здесь тепло и светло...

Прошло какое-то время, прежде чем она поняла, что музыкальная шкатулка смолкла. Но звуки продолжали слышаться, это пела мисс Эшмид. Лорри слышала слова, но не понимала их. Песня продолжалась, игла мелькала. Время от времени мисс Эшмид доставала из коробки колокольчики, только маленькие, и пришивала их к краю ленты, и их звон был частью того, что Лорри не могла разобрать.

Собственные стежки Лорри тоже, казалось, выходили быстрее и легче. И каким-то образом соответствовали нотам, которые слышала девочка. И когда она так поступала, игла мелькала почти так же стремительно, как у мисс Эшмид. Она тоже начала напевать и, хотя сама этого не замечала, подхватила тот же мотив...

— Ахх...

Лорри вздрогнула, уколов иголкой палец.

Мисс Эшмид подняла двойную бархатную ленту, и Лорри впервые ясно ее разглядела.

— Ошейник? — спросила она.

— Именно, моя дорогая, ошейник. Сабина тоже должна получить подарок на Рождество.

— Но она не захочет носить его... Кошки... — Это о кошках Лорри знала.

— Другие кошки не Сабина. Она особенная. А что касается ошейника, то она захочет его носить, когда придет время. И... уже четыре часа. Холли приготовила имбирный хлеб и китайский чай. Думаю, нам обеим пора подкрепиться.

Золотая игла исчезла, коробочка с ней отправилась в ящик. Мисс Эшмид позвонила в колокольчик и улыбнулась Лорри.

— Похоже, Лорри, ты тоже с пользой провела сегодня день. Еще один-два стежка, и твой передник готов.

Лорри удивилась, взглянув на свою работу. Да она ее почти закончила! И работа показалась ей такой легкой. Она старательно сложила ее и спрятала в нижний ящик стола.

— Мисс Эшмид, — медленно заговорила она, — вы знаете адвоката?

— За свою жизнь, Лорри, я была знакома с несколькими. А что? У тебя неприятности с законом? — Она улыбнулась, закрывая свой рабочий стол.

— Тетя Маргарет... сказала, что будут неприятности из-за автострады... что... она может пройти прямо здесь!

Мисс Эшмид больше не улыбалась. Руки ее спокойно лежали на столе.

— Да, я слышала об этом.

— Но тетя Маргарет говорит, что будет еще одно собрание и что те, кто не сможет на него пойти, могут послать своего адвоката.

— Да, наверно, это так. Ты беспокоишься обо мне, Лорри? Да, вижу, что беспокоишься. Что ж, посмотрим и увидим. Я не беззащитна, Лорри, совсем не беззащитна.

Теперь она снова улыбалась.

— И, Лорри, если хочешь, приходи завтра на чай. И еще... — Она указала на высокий стол в темном углу комнаты. — Принеси мне, пожалуйста, бумагу, ручку и чернила, и я напишу записку твоей тете Маргарет. Мне бы хотелось, чтобы она тоже пришла.

Лорри сделала все, что просила мисс Эшмид. Она очень надеялась, что та сказала правду, что она сможет защититься от автострады. Потому что... потому что... Лорри не сможет вынести, чтобы этот дом... эта комната... все это разлетелось в клочья.

**ВОСЬМИУГОЛЬНЫЙ ДОМ
ПРАЗДНУЕТ РОЖДЕСТВО**

Ночью снова шел снег, и утром тоже, пока они были в церкви. Но днем, когда тетя Маргарет и Лорри пили чай в теплой красной комнате мисс Эшмид, вышло солнце, и сугробы засверкали тысячами искорок. Сабина сидела перед камином и мурлыкала, и Лорри показалось, что ее песня похожа на ту, что пела мисс Эшмид, когда работала над ошейником.

Она опустилась на пол рядом с котенком и смотрела в огонь, в другой мир красных и желтых деревьев, а Сабина мурлыкала, и пламя негромко потрескивало.

Тетя Маргарет и мисс Эшмид осматривали развешанные на стенах вышитые картины в рамках. Вернее, тетя Маргарет расхаживала перед ними, задавала вопросы, а мисс Эшмид отвечала из своего кресла. Горело множество свечей, солнце светило в окна, так что было хорошо видно. Лорри слышала возбуждение в голосе тети; та обошла комнату, вернулась и снова села у окна.

— ...музейные редкости!

— Возможно, в этот день и в этот век. Много забыто. Но все это было сделано ради удовольствия и с гордостью за талант. Их делали, потому что очень хотели.

— Каролинское шитье! И эта вышивка образцов... О таком можно прочесть, но редко увидеть. А эти гобелены... — Тетя Маргарет все время поворачивала голову из стороны в сторону... — какая работа! Невероятно. Никогда не видела такой полной коллекции, и ей должно быть лет триста, если не больше... и в таком отличном состоянии!

— О, ткань и нити тускнеют из-за пыли годов. Но, конечно, можно предпринимать предосторожности. У меня есть причины заботиться о них: они доставляют мне радость, а я в последнее время никуда не выхожу. Но с годами все проходит. Может, настанет время, когда никому это не будет интересно. И если никто о них не будет заботиться, лучше этим работам исчезнуть. Но сегодня еще не такой день, солнце слишком яркое, снег блестит алмазами, и не стоит об этом думать.

Она позвонила в колокольчик и кивнула Лорри.

— Моя дорогая, думаю, ты можешь помочь Холли. Милая Холли, для нее ее сковороды и миски то же самое, что для меня иголки и нитки, и у нее в наши дни так мало возможностей показать свое искусство. Думаю, она сегодня, как говорится, превзойдет себя. Гости к воскресному чаю — у нас давно не было такого удовольствия.

Лорри пошла на кухню. Она несколько раз заглядывала туда, когда во время прошлых посещений выходила в прихожую. Но почему-то стеснялась заходить без приглашения Холли. Точно так же, как никогда не заходила в красную комнату, не постучав и не дождавшись ответа мисс Эшмид: «Заходите». Теперь она с откровенным любопытством осматривалась. Да ведь это та самая кухня, в которой она спряталась и смотрела, как Финеас крадет хлеб и имбирный пирог. Только на этот раз на столе не было приготовлений к пирогу.

Вместо этого стоял блестящий серебряный поднос, а на нем серебряная сахарница, кувшинчик со сливками и еще один, круглый, из которого торчали ручки чайных ложек с рисунком из цветов. Холли стояла у большой плиты и наливала из котла кипятка в серебряный чайник. Она улыбнулась, видя, как Лорри принюхивается к острым запахам, а девочке сразу захотелось есть.

— Пришли помочь, мисс Лорри? Хорошо. У Холли не четыре руки и нет волшебной палочки, чтобы вокруг все само делалось. Возьмите скатерть и застелите чайный стол. Там

есть и салфетки, не уроните их. А потом, когда вернетесь, займемся остальным.

Лорри с трудом поверила, что это скатерть — такой тонкий материал, и такие кружева... Но она выполнила указания Холли, а потом пересекала треугольную прихожую с накрытыми салфетками тарелками, которые давала ей кухарка.

— Холли, — сказала тетя Маргарет, когда салфетки сняли и под ними обнаружилось множество печенья и разных маленьких сэндвичей; Лорри даже не знала, что такие могут быть, — Холли, вы настоящий художник! Слишком красиво, чтобы есть.

Холли рассмеялась.

— Ну, мисс Герсон, для этого они и сделаны. Мне доставляет удовольствие их готовить. Мисс Шарлотта — она ест меньше птички.

— Похоже, ты плохо знаешь, как едят птицы, — рассмеялась мисс Эшмид. — Они едят все время, когда могут найти что-нибудь съедобное. Когда стареешь, острота глаз притупляется. Вкусы и запахи не такие, как раньше, и половина удовольствия от еды пропадает. Так что сегодня Холли наслаждается: у нее появилась возможность насытить более острый аппетит, чем мой.

Сабина громко замыкала и прижалась к широким складкам юбки мисс Эшмид. Хотя платье мисс Эшмид было сделано из такой же ткани, как зеленое, сегодня оно серое, с широким кружевным воротником, лежащим на плечах. Концы кружев свисают до талии. На запястьях широкие браслеты: черная эмаль с маленькими жемчужными цветами, собранными в венки. Большая булавка такой же работы с букетом жемчужных цветов крепит воротник.

Мисс Эшмид осторожно высвобождала складки юбки от когтей Сабины, а один из браслетов вертелся на ее руке, словно предназначался для более полного запястья.

— Нет, Сабина. У тебя тоже будет чай, но на твоём месте. У нас здесь нет ничего интересного для маленьких кошек.

— Пошли, Сабина. — Холли направилась к двери. — О тебе не забыли.

Сабина пробежала мимо Холли в сторону кухни, и мисс Эшмид снова рассмеялась.

— Вот уж кто заинтересован в прелестях стола.

Позже, когда они в ранних зимних сумерках шли домой, тетя Маргарет неожиданно сказала:

— В этом доме у меня было такое чувство, будто я неожиданно попала в сказку. У этого дома свое очарование, Лорри. Время там словно остановилось... — она смолкла и как будто задумалась.

— Его не должны снести! — Лорри выразила страх, который жил в ней все время после сообщения тети Маргарет.

— Мы это чувствуем, Лорри. Но во имя прогресса в наши дни совершается немало преступлений. Мне интересно, кто будет радоваться, когда последняя травинка будет погребена под бетоном, когда последнее дерево свалит бульдозер, когда застрелят, отравят или поймают последнее дикое животное. Лорри... — снова тетя Маргарет словно не решалась сказать... — не очень беспокойся о спасении Восьмиугольного дома.

— Но... но куда денутся мисс Эшмид, и Холли, и Сабина?

Тетя Маргарет покачала головой и ничего не ответила. Немного погодя Лорри сердито сказала:

— Я в это не верю! И не буду думать, что это случится!

— Пожалуйста, Лорри. — Тетя Маргарет с беспокойством посмотрела на нее. — Надейся, да, но ты должна научиться воспринимать и разочарования. Узнай все, что можешь, о Восьмиугольном доме, потому что он многое может предложить тому, кто умеет видеть. Но он принадлежит другому дню, когда время двигалось медленней. Мы считаем, что в каких-то отношениях овладели временем, но когда берешься за новую вещь, приходится расставаться со старой. Ты понимаешь, что я имею в виду, Лорри?

— Мне кажется, да. Но я не верю, что хорошо проводить здесь улицу!

— Может, мы тоже так считаем, Лорри, но мало кто с тобой согласится. Ну, еще впереди собрание и возможность,

что план не будет принят. А тем временем мисс Эшмид пригласила нас провести с ней Рождество.

— Правда? — Лорри схватила тетю Маргарет за руку и стиснула так крепко, как позволяли перчатки. — Мы пойдем?

— Да. Она очень добра: сказал, что я могу принести с собой фотоаппарат и снять эти удивительные образцы вышивки. Их даже невозможно скопировать, такую работу сегодня не выполнить. Но кое-какие рисунки можно будет использовать. Хотя, — тетя Маргарет вздохнула, — для того, кто видел оригиналы, копии будут плохой заменой.

Дни до Рождества могли бы тянуться бесконечно, если бы не было очень много работы. Лорри участвовала в рождественском хоре, который будет выступать в школе на празднике, и распевала: «Украстье дом ветками падуба», пока тетя Маргарет не сказала, что она не возражает против рождественских песен, но в это время года ими пропитаны все стены, и становится трудно думать.

Потом тетя купила билеты на фильм Уолта Диснея в даунтауне, и Лорри пригласила с собой Кэти, Роба Локнера и Лизбет Росс, рядом с которой стоит в хоре. Они поели в ресторане Бамберга, а в конце дня прошлись по магазинам.

— Лорри, мисс Герсон, было здорово! — сказал Роб, когда они поднимались к себе.

— Мне понравилось, как фея их всех превратила в зверей, — сказала Кэти. — Спасибо, мисс Герсон.

Лорри согласилась, что все было превосходно. Но когда в квартире она села на стул и принялась снимать ботинки, лицо ее помрачнело.

— Слишком много шоу, или мороженого, или ходьбы? — спросила тетя Маргарет. — Согласна, что протискиваться сквозь толпы утомительно.

Лорри подняла голову.

— Знаешь, — почти обвинительным тоном заговорила она, — почему... почему Кэти не села рядом с Лизбет? Она толкнула меня, когда я была вежлива и пропустила ее вперед. Я думаю, Лизбет тоже это поняла. Она потом все мол-

чала. Это нечестно! Лизбет хорошая, она умная и красивая. А Кэти злая.

— Не думаю, чтобы Кэти была такая уж злая, — ответила тетя Маргарет. — Кэти по-другому смотрит на вещи. Долго, очень долго между людьми существовали перегородки. Теперь мы все больше и больше понимаем, как это неправильно. Но когда люди сторонятся друг друга и не пытаются подружиться, между ними вырастает стена, и они готовы верить всякой неправде о человеке по другую сторону стены. Чем меньше они знают о незнакомце, тем больше готовы поверить в то, что он плохой.

Не думаю, чтобы Кэти когда-нибудь раньше проводила время с Лизбет или с другой девочкой иной расы или цвета кожи. Поэтому она чувствовала себя неуверенно и не знала, как ей себя вести, а Лизбет замкнулась и тоже не пыталась подружиться с Кэти. У обеих была возможность сделать эту стену пониже, но они ею не воспользовались.

— Но ты ведь старалась, чтобы они это сделали, тетя Маргарет? — Лорри поставила свои ботинки. — Поэтому ты повела их смотреть чучела животных.

— Да. И, думаю, в следующий раз Кэти поймет, что Лизбет ей нравится. Им обоим понравилась большая лиса и соенок. И когда они забывались, то начинали говорить об этом, помнишь?

— Значит, ты не думаешь, что... что Лизбет сердита на нас?

— Нисколько. А теперь я всего лишь усталая старая тетя. Не подашь ли мне ужин, как должна делать хорошая, добрая, послушная племянница?

— Ужин сейчас будет! — Лорри вскочила. Заглядывая в холодильник в поисках вдохновения, она думала о Финеасе и Фибе. И у них сначала не было друзей. Мисс Эшмид сказала, что они остались в Восьмиугольном доме. Странно... Лорри остановилась между плитой и столом. Она никогда не говорила с мисс Эшмид о кукольном домике. Хотя это большее сокровище, чем вся вышивка.

Нет... домик — это что-то совершенно иное. Когда он был сделан? В нем самом нет миниатюрного домика. В комнате только стул, раскрашенный пол, полки с книгами и пузырьками, на стенах пучки высушенных растений, а также то тайное место, куда Лотта спрятала Финеаса и Фибе.

Лотта жила в доме. Но кто еще в нем жил? Лотта девочка, ненамного старше самой Лорри. Были ли у нее мать и отец? Братья и сестры? Кто испек хлеб и имбирный пирог, которые украл Финеас? Может, сам домик когда-то давно был изготовлен для Лотты?

Так много вопросов. Но, возможно, на некоторые Лорри сумеет найти ответы. Только... Лорри остановилась и задумалась... она не хочет слишком часто видеть кукольный домик. Она немного подумала об этом. В первый раз — тогда она осматривала дом по приглашению мисс Эшмид. А во время второго приключения мисс Эшмид послала ее на поиски Сабины. И она уверена, что мисс Эшмид знает об обоих ее путешествиях в прошлое. Значит, мисс Эшмид хотела, чтобы у нее были эти приключения. Но зачем? И будут ли еще?

Лорри поставила блюдечко с маслом. Она не уверена, что хочет еще ездить на лошади.

Школьная рождественская программа закончилась, и начались каникулы. Рождество пришлось на субботу, но до самой среды перед ним тете Маргарет пришлось работать. Локнеры уезжали во вторник, и Лорри убедила миссис Локнер, что хочет поработать дома над рождественскими подарками. Но в понедельник послушно пошла к Локнерам на обед и помогла Кэти вымыть посуду.

На следующее утро мальчик посыльный из магазина принес письмо из Восьмиугольного дома. Мисс Эшмид просила Лорри помочь ей с рождественскими украшениями. Тетя Маргарет разрешила, и в десять утра Лорри шла по покрытой снегом кирпичной дорожке к задней двери дома.

Она сняла ботинки, лыжные брюки и куртку в прихожей. Из кухни с двумя большими мисками в руках показалась

Холли. В одной было доверху ягод смородины, в другой — кукурузные зерна.

— Вы как раз вовремя, дитя, и старая Холли может сделать на несколько шагов меньше. Возьмите это.

Ягоды были свежие, а кукуруза поджаренная. Неужели мисс Эшмид считает, что это нужно съесть? Но Лорри, не задавая вопросов, отнесла миски в красную комнату.

Здесь были перемены. Столик для шитья отодвинут к стене, рядом с ним стоит рама для вышивки. Еще один маленький столик — у кресла мисс Эшмид, а на нем только шкатулка с иглами, ножницы и большая катушка с грубыми белыми нитками. На стуле, на котором обычно сидела Лорри, стоит коробка, ее крышка была откинута, и из этой коробки мисс Эшмид вынимает свертки в старой мятой бумаге и ткани.

— Ты как раз вовремя, моя дорогая. Сможешь передвинуть тот стол? Поставь туда миски, а коробку — на пол. Ну, вот, все в порядке. Что скажешь о елке?

Она стояла, зеленая, ароматная, без украшений, между двумя окнами. И, должно быть, она стоит в ящике, обернутом в зеленую ткань, потому что елка невысокая. Словно прочитав мысли Лорри, мисс Эшмид покачала головой.

— Когда-то у нас было настоящее дерево, оно возвышалось над всеми головами. Но не думаю, чтобы мы теперь могли бы украсить такое большое. Придется много поработать, для того чтобы нарядить это.

Она разворачивала свертки, которые доставала из коробки, убирала бумагу и ткань и осторожно ставила содержимое на стол. Лорри подошла поближе. Она увидела множество маленьких корзиночек, некоторые с крышками. За ними последовали позолоченные половинки ореховых скорлупок, в них можно было заглянуть. Лорри заглянула и увидела крошечные ярко раскрашенные рисунки цветов, животных, мальчиков и девочек. Были плоские картонные картинки с краями, оклеенными золотой и серебряной бумагой.

Некоторые из игрушек мисс Эшмид держала в руках дольше, будто с ними были связаны особые воспоминания. На-

пример, клетку из тонкой золотой проволоки, а в клетке птица из крошечных ракушек. Были корзиночки, сделанные из гвоздики, насаженной на проволоку, и на каждом пересечении проволоки — стеклянные бусинки.

— О, я забыла, почти забыла. — Мисс Эшмид держала в руках маленькую круглую коробочку. — Посмотри на нее, Лорри. Когда я была молодой, это было настоящее сокровище.

В коробке был набор из четырех чашечек, таких маленьких, что Лорри не понимала, как их можно было сделать. Но самое большое чудо — в каждой из чашечек серебряная ложечка!

— Какие маленькие! — удивилась Лорри.

— Они вырезаны из вишневых косточек, моя дорогая. — Мисс Эшмид осторожно отставила коробочку. — Вот еще из таких же косточек. — Она развернула кусочек тонкой нити. К ней на равных промежутках были прикреплены корзиночки, только одна или две из них размером с мизинец Лорри. — Вот эта, и эта, и эта — из вишневых косточек. А эта из лесного ореха, эта из желудя. Они достаточно прочные, чтобы повесить их на елку. А вот чашечки, их слишком легко потерять.

— Никогда таких не видела.

— Конечно, — согласилась мисс Эшмид, — ты не видела. Понимаешь, когда-то люди сами делали украшения. У нас не было таких красивых стеклянных игрушек, какие сейчас продаются. Поэтому мы использовали воображение и сами делали красивые вещи.

— Эти мне нравятся больше, чем те, что из магазина. — Лорри не трогала ореховые скорлупки, корзиночки и другие сокровища, выставленные мисс Эшмид. Хотелось потрогать, но она не смела.

— Мне тоже, моя дорогая. Но я ведь знаю их так долго, а старые вещи врастают в сердце и память, так что их уже не потеряешь, даже если не можешь больше ничего делать. — Она взяла один из орехов и с улыбкой посмотрела на него.

Внутри над синими и розовыми цветами трепетала крыльями голубка.

— Ну вот. — Она положила орех и взяла с другого стола коробочку с иглами. — Нам понадобится длинная нитка, Лорри, такая, чтобы хоть раз обернулась вокруг всей елки.

Лорри отрезала нитку и вдела ее в иглолку. Мисс Эшмид взяла ягоду смородины, аккуратно проколола и нанизала на нитку. Потом еще две или три ягоды, два зернышка кукурузы и снова ягоды.

— Так это делается, — сказала она.

Лорри охотно принялась работать иглой. Они делали цепочки, а мисс Эшмид рассказывала. Это все были рождественские рассказы, и, говоря, она время от времени касалась украшений на столе.

Так много праздников Рождества прошло в этом доме. И о каждом мисс Эшмид говорила так, будто отлично его помнила. Лорри это не показалось странным, хотя мисс Эшмид не может быть такой старой.

Но хотя она рассказывала о доме, о вещах в нем, о том, как что делалось или использовалось, она никогда не упоминала людей. Говорила только «мы», и это все.

Они сделали много цепочек, и все ягоды исчезли из миски, когда вошла Холли и поставила на край стола большой поднос.

— Вот они все, мисс Шарлотта. И хорошо получились.

— Вижу, Холли. Красные глаза у мыши — это настоящее открытие! Что ты думаешь о вкладе Холли в украшение елки, Лорри?

— Это не все... — Холли уже направилась назад на кухню. — У меня есть печенье для корзиночек, и имбирный пирог...

Но Лорри почти не слышала ее. Ее слишком поразил поднос на столе. Мыши, три ряда белых мышей, все с красными глазами, с маленькими розовыми картонными ушами и проволочными хвостами! А за ними еще три ряда розовых поросят!

— Сахарные мыши и поросята. — Мисс Эшмид рассмеялась. — Они вкусные, Лорри. Холли всегда прекрасно делала мышей и поросят для елки. Мы сделаем для них ошейники из ленты, чтобы можно было повесить. Здесь где-то должна быть очень узкая красно-зеленая лента. И я думаю, Лорри, что ты можешь попробовать, что приготовила Холли.

Лорри выбрала толстого розового поросенка и откусила заднюю ногу. Сладко и вкусно, так вкусно, что оставшаяся часть поросенка быстро исчезла. Но мышья Лорри отложила, собираясь взять ее домой и показать тете Маргарет.

Пока мисс Эшмид отмеряла и отрезала кусочки ленты, Холли принесла второй поднос. На нем были мужчины из имбирного хлеба, в куртках из белой глазури, в красных брюках, с глазами из смородины и шоколадной глазурью вместо волос. И имбирные леди в полосатых красно-белых юбках и белых блузках с красными пуговицами. Были и лошади с гривами и хвостами из глазури, и полдюжины кошек с глазурными усами и глазами из кусочков засахаренных вишен.

— Ну, Холли, это у тебя лучше всего! — Мисс Эшмид отложила ленту и наклонилась в кресле.

— Мне казалось, так и должно быть, мисс Шарлотта... учитывая... — услышала Лорри ответ Холли.

— Правильно, Холли, правильно. Не думаю, что мы будем их подвешивать, Лорри. Но их можно посадить на ветках.

— Сейчас принесу печенье для маленьких корзин... — Холли снова исчезла.

Лорри продолжала изучать имбирных людей.

— Никогда ничего подобного не видела. Они замечательные.

— Лихие джентльмены, — заметила мисс Эшмид. — Очень красивые. Но леди кажутся мне ветреными. Но элегантными, очень элегантными. Я бы сказала, в них чувствуется класс.

— А вот и печенье. — Холли вернулась с третьим подносом, большим, чем первые два. И Лорри быстро передвинула ткани, освобождая место на столе.

Точно так же как мыши, поросята и имбирное общество, это было произведением искусства. Крошечные сахарные цветы, миниатюрные шоколадные капли, такое богатство маленьких предметов, слишком много, чтобы Лорри разглядела все сразу.

Мисс Эшмид пододвинула к себе корзиночки.

— Они пойдут сюда, Лорри. Посмотрим. Мятные капли всегда в зеленых корзиночках, шоколад — в белых, а сахарные цветы — в красных.

— А цукат — в гвоздичных, — добавила Холли. — Но, может, лучше поесть, мисс Шарлотта, прежде чем их упаковывать.

К сумеркам елка была украшена, и Лорри сидела на стуле, приятно утомленная растягиванием, сгибанием, хождением вокруг елки в поисках места для очередной корзины, украшения из имбиря или смородиновых бус.

Елка не очень похожа на те, что можно увидеть в окнах на улице Ясеней. Нет лампочек, сверкающих украшений, блестящей мишуры. Но для Лорри прекрасней елки и придумать было невозможно. Она так и сказала.

— Я тоже так считаю, моя дорогая. Но она из другого времени, и может быть, за пределами этих стен для нее нет места. — Мисс Эшмид, спокойно положив руки на колени, тоже смотрела на елку. На краешке юбки хозяйки сидела Сабина, круглыми глазами глядя на нити смородины и попкорна, на украшения, которые покачивались и поворачивались, но до которых она не могла дотянуться когтями.

Лорри услышала звон часов на камине. Она неохотно встала. Потом перевела взгляд с елки на мисс Эшмид.

— Спасибо, большое спасибо!

Не только украшение елки, но весь этот длинный день был прекрасным. Лорри не вполне отдавала себе отчет в своих чувствах, но знала, что запомнит это все, и воспоминание это будет для нее драгоценным.

— Тебе спасибо, Лорри. — Мисс Эшмид снова будто прочла смятенные мысли девочки. — Некоторые воспоми-

нения очень хороши. Их приятно хранить в сердце. Не забывай, Лорри, Рождество приближается.

— Рождество приближается, — повторила Лорри. Почему мисс Эшмид это сказала? Конечно, до Рождества еще три дня, и все это знают. Но мисс Эшмид сказала это так, словно давала обещание.

Лорри попрощалась и в прихожей забралась в лыжные брюки, ботинки и пальто. Холли положила мышь в мешочек и выпустила Лорри в голый сад, где несчастный дракон направлял морду в серое небо.

Оказавшись против окна комнаты, Лорри остановилась, чтобы в последний раз взглянуть на елку. Ей было видно несколько веток. На одной из них сидела имбирная леди и держала в руке нитку со смородиной; она словно с тревогой поглядывала на сидящую рядом белую сахарную мышь.

Лорри рассмеялась. У имбирной леди было такое удивленное выражение плоского лица. Холли глазурью изобразила ей высокие брови дугой над смородиновыми глазами. Может, она собирается улететь от мыши на бусах из смородины. Что подумают мисс Эшмид и Холли, если леди вдруг закричит и полетит по комнате?

Дул холодный ветер. Лорри шла по кирпичной дорожке. У оленя перед домом вся спина была в снегу, снег лежал даже на рогах. Но оленя это, казалось, не беспокоило. Он был гордым и важным, как всегда. Лорри помахала ему рукой и плотно закрыла за собой ворота. На улице повсюду горели рождественские елки. Если она поторопится, то успеет приготовить сюрприз для тети Маргарет — сахарную мышку под салфеткой с ужином! Лорри побежала.

ЧОЛ И НЭКИ

— Конечно, если украшать правильно, должны быть еще свечи. — Мисс Эшмид говорила негромко. — Но такие свечи трудно найти и еще труднее уберечься от пожара. Мы всегда на всякий случай держали рядом ведро с водой.

От камина шло тепло, горело множество свечей, и они тоже давали тепло и приятный свет. Стол и рама мисс Эшмид по-прежнему стояли у стены, чтобы не мешать. И теперь вся комната сосредоточилась вокруг хозяйки и елки.

А хозяйка снова сменила обычное зеленое платье на другое. Это было из бархата цвета граната. Широкая юбка мягкими складками лежала на коленях и спадала на пол. На плечах другой кружевной воротник, и такие же кружевные манжеты на рукавах. На голове нет кружевного чепца, но в волосах укреплен большой гребень с гранатами. Три таких же крупных камня сверкают на пальцах и на броши, которой крепится воротник. И нет сегодня привычного черного передника. Лорри подумала, что мисс Эшмид выглядит как волшебница крестная.

— Как это все прекрасно! — Тетя Маргарет сидела на стуле, нацеливая фотоаппарат на елку. — Надеюсь, снимки получатся хорошо. Эти имбирные фигурки и украшения... Нужно сделать хорошие снимки!

Лорри грызла кусочек засахаренного цуката и сонно мигала. Она смотрела, как Сабина, маленькая черная тень, скользнула под елку, где лежали пакеты, и потянулась к ним лапой.

— Нет! — воскликнула тетя Маргарет и попыталась отогнать котенка.

Сабина несколько мгновений не мигая смотрела на тетю Маргарет, потом снова вернулась к своим делам. Осторожно взяла пакет в зубы, отнесла к камину и начала длинными полосами срывать оберточную бумагу. Мисс Эшмид рассмеялась.

— Эта всегда себе на уме. Что ж, может, она и права, время подарков. Знаете, привыкаешь дарить подарки на Новый год. Рождество для посещения церкви и семейных собраний. А на Новый год приходили в гости друзья, и мы обменивались подарками. А как холодно бывало гостям в пути! Приходили обычно джентльмены, а леди оставались в доме и принимали гостей. Потом молодые леди подсчитывали карточки

и решали, какая самая красивая и у кого их больше. Карточки были с картинками и серебряной каемкой.

Мисс Эшмид смотрела на елку, но Лорри показалось, что она видит перед собой то, о чем вспоминает.

— А какие были подарки? — спросила девочка после паузы.

— Подарки? О, для совсем молодых скакалка с деревянными ручками или фарфоровая грифельная доска. Ну, конечно, куклы и браслеты. Иногда, Лорри, рабочие шкатулки, как та, которой ты сейчас пользуешься, с полным набором: ножницами, серебряным наперстком, стилетом, коробочкой для игл, перочинным ножиком, нитками... Иногда дарили музыкальные шкатулки. И всегда конфеты, печенье на кленовом сиропе, животных из ячменного сахара, имбирных людей...

— Ну, а когда вырастаешь, появлялись другие подарки. — Эти мисс Эшмид не стала перечислять. Она протянула свою палку и аккуратно поддела за ленту один из пакетов под елкой. Легко удерживая пакет на весу, она протянула его тете Маргарет.

— Видите, каким трюкам может научить инвалидность? Я горжусь такой ловкостью рук. — Пакет соскользнул с палки и лег на колени тети Маргарет.

— Посмотрим, смогу ли я продолжить. — Она выудила второй пакет и с тем же успехом переместила его в руки Лорри.

Подарки мисс Эшмид были завернуты в белую бумагу и перевязаны яркой красной лентой. Лорри осторожно положила свой на пол и стала доставать те, что они с тетей положили под елку. Два она отдала мисс Эшмид, еще два отнесла Холли, которая сидела на стуле у камина.

— Ага. — Мисс Эшмид держала в руках один из пакетов в бумаге павлиньей расцветки. — Эта новая подарочная бумага — настоящее произведение искусства. Павлиньи перья. Они вызывает воспоминания, верно, Холли?

— Коврики Нэки, мисс Шарлотта. Их нельзя забыть. Для Нэки они были и солнцем и луной, и, может быть, он был прав.

Сабина заворчала. Она вытащила мятную мышку из обертки, которую явно считала совершенно лишней, и начала подбрасывать в воздух, ловить и энергично трясти.

— Сабина! Сабина, не забывай: в этой комнате ты леди! — Но котенок не обратил никакого внимания на предупреждение мисс Эшмид.

— Увы, кому удавалось подчинить себе кошку? — Мисс Эшмид снова рассмеялась. — Не будем обращать внимания на ее дурные манеры.

Несколько мгновений спустя Лорри пораженно смотрела на содержимое пакета, который передала ей мисс Эшмид. Миранда? Нет! Тело Миранды, и на нем платье Миранды. Но голова не Миранды. Потому что Миранда, несмотря на свой возраст, несмотря на то, что была так дорога девочке, всего лишь кукла, с голубыми глазами, завитыми волосами и лишенным выражения лицом.

Лорри коснулась щеки этой новой Миранды. На ощупь гладкая, как фарфор Миранды, но по цвету гораздо больше похожа на кожу. И волосы, расчесанные и уложенные, как когда-то у Миранды, на ощупь были настоящими. И выражение лица живое. Теперь она выглядит, как одна из кукол в домике, немного похожа на Фибе, как будто неожиданно способна ожить, вырваться из рук Лорри, самостоятельно двигаться и говорить. Лорри потрясенно перевела дыхание и посмотрела на мисс Эшмид.

— Да, это не Миранда, — сказала мисс Эшмид. — Миранда прожила свой век. Она состарилась и очень устала. Думаю, она заслужила отдых. Это кто-то другой. Тебе решать, кто это — когда придет время. Ты будешь знать.

— Но... — Тетя Маргарет смотрела на рамку, которую только что достала из обертки. — Нельзя дарить такое... такое сокровище!

— Сокровища — это то, что бережно хранится. — Мисс Эшмид говорила почти резко, словно не хотела благодарностей и даже считала их невежливыми.

Тетя Маргарет долго смотрела ей в глаза.

— Я буду бережно хранить это.

Мисс Эшмид улыбнулась.

— Вы считаете, что меня нужно в этом уверять? Ага. — Она сняла тщательно завязанную Лорри ленту, легкими точными движениями пальцев развернула павлинью бумагу и взяла в руки носовой платок. Кружева и большая буква Э — все это было готовое. Но веночек вокруг Э — хорошо ли легли стежки? Лорри с тревогой ждала. — Спасибо, Лорри. — Мисс Эшмид засунула платок за пояс, пригладила его края, и Лорри была довольна.

Холли восхищалась прихваткой для кастрюль, с вышивкой из маленьких фигурок, причем каждая несла чашку, нож, вилку, ложку или котелок. Она провела пальцами по линии фигур.

— Да это целая армия поваров. Не могу сказать, что мне не бывает нужна помощь на кухне!

Когда они пришли в Восьмиугольный дом, было темно и мрачно, но сейчас сквозь острые сосульки, свисавшие с окон, светило солнце. Тетя Маргарет взяла фотоаппарат и направила на мисс Эшмид.

— Можно? — спросила она.

Мисс Эшмид снова улыбалась.

— Если хотите.

Лорри вздрогнула: о нее терлась Сабина. Она привлекла таким образом внимание девочки, направилась к двери, ведущей в прихожую, и заскреблась в нее. Лорри открыла дверь, Сабина проскочила в нее, пробежала по прихожей и начала скрестись в кухонную дверь. Лорри снова выполнила ее желание.

Но и кухня не удовлетворила котенка. Сабина промелькнула через нее и снова попросила открыть дверь, которую в прошлое путешествие во времени Лорри не могла открыть.

Девочка вслед за Сабиной прошла коротким коридором, от которого отходила спиральная лестница, выходящая вокруг центральной печи. Сабина с ноткой раздражения в своем «мяу» звала ее еще к одной двери.

Теперь они находились в зеленой спальне, и Лорри сообщила, что они с противоположной стороны обошли дом. Целью Сабинины оказалась дверь в комнату с кукольным домиком, и девочка подошла к ней.

В комнате с домиком не было камина, но здесь не казалось холодно, несмотря на то что одно окно закрывала большая сосулька и несколько поменьше. И хотя здесь не было ламп и свечей, а солнце освещало дом с другой стороны, в комнате тепло.

Лорри осмотрелась. В прошлые посещения все ее внимание занимали домик и лошадь-качалка. Теперь она старалась определить, насколько похожа эта комната на ту, в которую Лотта привела Финеаса и Фибе. Стула нет, но на стенах по-прежнему полки. Впрочем, на них нет книг, кувшинов, бутылочек и пузырьков. И на нитях не висят сушеные травы. Она посмотрела на пол. Большую часть комнаты занимает основание дома, еще часть — лошадь. Но слабые очертания рисунка, который гораздо ярче в кукольном домике, еще заметны.

Слабый звон привлек внимание Лорри к дому. Сабина снова играла цепочкой, свисавшей из одного ящика. Лорри подошла, как будто сама мисс Эшмид ей велела это сделать. Девочка наклонилась, повернула ключ и открыла ящик. Это был не тот, в котором лежали куклы Финеас и Фибе, а соседний. И Лорри не удивилась, обнаружив в нем две маленькие фигуры.

Одна выше Финеаса и Фибе, другая гораздо меньше. Девочка подняла большую. Кожа лица и рук коричневая, а волосы, которые чуть выбиваются из-под кружевного чепца, как у Холли, черные и курчавые. Платье тоже такое, как у Холли, только цвет другой — светло-желтый, и по нему разбросаны белые цветы размером в булавочную головку. Как и

на Холли, на кукле одет передник, который спускается почти до края длинной широкой юбки.

Вторая, меньшая кукла — это мальчик, намного моложе Финеаса. На нем красно-белая куртка в крошечную клетку и синие брюки, а вокруг горла повязан трехцветный шейный платок. Кожа у него такая же коричневая, как у куклы женщины, а голова покрыта густыми черными завитками.

Лорри положила куклу женщины на колени и взяла в руки мальчика. И снова ее поразило тонкое шитье одежды. Как можно шить такие крошечные вещи? Послышался слабый треск...

Лорри оглянулась. Возможно, на этот раз Сабина ни при чем, но одна сторона кукольного домика медленно раскрывалась. Лорри снова увидела кухню, зеленую спальню и маленькую комнату с раскрашенным полом, точно такую же, как та, в которой она сейчас находилась.

На столе нет подготовки к пирогу. Казалось, это обеденный стол, и пора подавать блюда. На большом столе и на столе поменьше расставлены тарелки и чашки. А плита вся уставлена кастрюлями и сковородками.

Лорри поставила женщину у стола с тарелками и попыталась поставить мальчика у плиты. Но он не мог или не хотел стоять. Тогда она усадила его на маленький стул. Между нею и домиком пронесся снежный вихрь. А когда снег исчез, Лорри обнаружила, что она не на лошади, как думала сначала, а сидит в санях. По самые плечи она укутана в белый мех, а на голове у нее капюшон, подбитый мехом. В санях есть еще кто-то, и Лорри быстро повернулась, чтобы разглядеть свою спутницу.

На ней тоже меховой капюшон. В свете заходящего красного солнца капюшон красный, а мех вокруг лица белый. Лотта привычно вела сани. Сани маленькие, в виде лебедя с гордо изогнутой шеей и высоко поднятой головой. Лошадь, бегущая перед лебедем, тоже белая, но упряжь ее такая же красная, как капюшон, и на бегу раскачиваются кисти и звенят колокольчики. На коленях у пассажирок ветки, от которых пахнет сосной. Рождественский запах.

— Веселого Рождества, Лорри! — Радостный голос Лотты перекрывает звон колокольчиков. Она уже не девочка, а молодая женщина. Но это та же Лотта, и Лорри улыбнулась ей в ответ.

— Веселого Рождества!

Все это: стремительный бег по заснеженной дороге, звон колокольчиков, запах сосны и все остальное — так возбуждает. Но впереди Лорри не увидела, как ожидала, красные кирпичные стены. И если они едут в Восьмиугольный дом, то впереди еще долгая дорога.

— Украсим стены ветками падуб! — пела Лотта. — У нас нет падуба, но есть сосна, Лорри. А день сегодня замечательный.

— Да!

Из-под копыт лошади летел снег. Часть его застревала в распростертых крыльях лебедя, которые защищали всадников. Было холодно, но все тело Лорри, кроме кончика носа, оставалось в тепле. Она пошевелила руками и обнаружила, что под шубой они не только в перчатках, но и в муфте.

— Куда мы едем? — осмелилась спросить девочка, когда не увидела Восьмиугольный дом, хотя они уже дважды повернули и теперь видели впереди открытую местность, по которой пролегали две глубокие колеи дороги.

Лотта подергала вожжи, словно заставляя лошадь бежать быстрее.

— Я... — начала она, и тут послышался долгий печальный вой. Лошадь заржала. К ним навстречу устремились две собаки, а за ними всадники. Лотта натянула вожжи, и снова зазвенели колокольчики на упряжи. Лошадь пошла медленней и наконец остановилась.

Лорри ощутила дрожь, какой не испытывала раньше. Что-то было в этих собаках, во всадниках за ними... Она не понимала, почему испытала прилив страха, но услышала, как Лотта негромко говорит:

— Ты чувствуешь их мысли, Лорри, они тянутся к тебе, как тени на снегу, чернят его, портят. То, что они сделали,

то, что собираются сделать — вот что мы ощущаем, появившись раньше их, это вкус ветра.

Порыв ветра ударил в лицо, и Лорри почувствовала тень старого злого запаха. А Лотта продолжала:

— То, что ты чувствуешь, Лорри, это семена страха. Никогда не забывай, что у страха есть семена, и эти семена — жестокость. Есть охотники и добыча, те, кто бежит, и те, кто преследует бегущих.

Одна из собак почти поравнялась с санями. Подняв голову, она залаяла. Лотта свистнула — всего лишь одна-две ноты, высокие и пронзительные, но собака заскулила и отскочила.

— Ваш слуга, мэ. — Лорри так внимательно наблюдала за собакой, что не видела, как первый всадник подскочил к самым саням. Теперь он слегка наклонился в седле, будто хотел получше разглядеть их.

На нем шляпа одета с широкими полями, перевязанная шарфом, который идет по верху шляпы, спускается на уши, а под подбородком завязан узлом. Воротник теплого зимнего пальто поднят, а на руках плотные перчатки.

— Что вам угодно, сэ? — Лотта с ним не поздоровалась.

— Совсем не хочу тревожить таких прекрасных леди, мэ. — Кончики усов высоко подняты и застыли. Лорри подумала, что он пользуется каким-нибудь спреем для волос. Маленькая заостренная бородака при каждом слове поднимается и опускается поверх клетчатого шарфа. — Вы встретили кого-нибудь на дороге?

— А почему вы спрашиваете? — вопросом на вопрос ответила Лотта.

— Мисс Эшмид, мэ. — К первому всаднику присоединился второй. Лицо его покраснело от многих часов, проведенных на холоде. Из-под меховой шапки торчали непричесанные светлые волосы. Шапка старая и местами облезшая.

— Констебль Уилкинс, — поздоровалась Лотта.

— Мы ищем беглых рабов, мэ. Это шериф с нижнего течения реки. Сбежали двое, мэ, женщина и мальчик. Объ-

занность каждого законопослушного гражданина вернуть их, мэм.

Лорри показалось, что мистеру Уилкинсу неловко. Лотта продолжала спокойно смотреть на него, как когда-то смотрела на Финеаса, когда тот возражал против ее помощи.

— Нам хорошо известен закон, констебль Уилкинс. Говорите, мальчик и женщина? Плохая погода для тех, на кого охотятся.

— Это их собственный выбор, мэм, — вмешался второй мужчина, — полностью их собственный выбор. Вы, разумеется, их не видели. — Но Лотта подумала, что это не совсем вопрос. Всадник словно ожидал, что Лотта ответит «нет», и не верил, что она говорит правду.

— Мы никого не видели. А сейчас уже поздно, и ветер стал сильнее. С вашего разрешения, джентльмены. — Лотта дернула вожжи, и белая лошадь двинулась. Лорри подумала, что этот человек хотел сказать что-то еще, но сани уже снова скользили. Вопросительно посмотрев на Лотту, она увидела, что с лица старшей девушки исчезло счастливое выражение.

— Кажется, по миру ходит беда, даже в этот вечер, Лорри. И мы должны принять участие. — Она щелкнула языком, снова натянула вожжи, и белая лошадь пошла быстрее.

Лорри оглянулась. Она по-прежнему видела две черные точки — всадников и слышала собачий лай. Сани въезжали в лес. Когда они оказались в тени деревьев, Лотта натянула вожжи и лошадь перешла на шаг.

— Ищи дерево, расколотое молнией, Лорри, — сказала она. — Это наш знак.

Лорри увидела справа это дерево и сказала об этом. Они свернули с дороги на тропу, где лежал мягкий нетронутый снег. Однако, по-видимому, Лотта дорогу знала, потому что вела сани уверенно.

— Срежем дорогу, Лорри. Не думаю, чтобы они за нами следили, но если будут следить, у нас есть объяснение, почему мы сюда поехали. А теперь... — и она запела. Мотив... Лорри показалось, что она его слышала раньше, но слов разобрать не могла. Однако через несколько мгновений обна-

ружила, что тоже напевает. Ноты поднимались и опускались, сани снова выехали из леса, спустились со склона и повернули на другую дорогу. Теперь они двигались направо, назад, к тому месту, откуда приехали.

Лотта продолжала петь, иногда так тихо, что голос ее становился едва ли не тише шепота, иногда громче звона колокольчиков. Но вот она неожиданно остановилась, и Лорри показалось, что она прислушивается, будто ждет какого-то ответа из кустов и деревьев, обрамляющих впереди дорогу.

Вдруг издалека снова послышался лай. На мгновение на губах Лотты появилась легкая улыбка. Но она продолжала внимательно наблюдать за дорогой впереди. Они поднялись на холм и ненадолго остановились. Лошадь фыркала и выдувала облака белого пара, качая головой.

Дорога впереди спускалась с холма, пересекала мост, а дальше — да, слева впереди Лорри увидела знакомые красные кирпичные стены. Это Восьмиугольный дом. И когда она его увидела, легкое ощущение страха, которое не оставляло ее от встречи с всадниками, рассеялось.

— Медленней, Бевис! — сказала Лотта.

Лошадь, словно поняв ее слова, заржала и энергично кивнула. Они гораздо медленней начали спускаться с холма. Лотта по-прежнему словно прислушивалась, будто ожидала услышать что-то, помимо топота копыт по утрамбованному снегу.

— Бевис! — Они подъехали к мосту, когда прозвенел голос Лотты и лошадь остановилась. Лотта отбросила свою меховую накидку и выбралась из саней. Хотя она не позвала Лорри, девочка тоже выбралась из мехов.

Длинная юбка Лорри застревала в снегу, девочка пыталась держать складки и шла за Лоттой медленно и неловко. А Лотта всматривалась в тень под мостом, как в ту ночь, когда здесь прятались Финеас и Фибе.

На этот раз Лорри не услышала плача. Но было что-то другое. Как ощущала она запах зла при встрече с всадниками, точно так же теперь она чувствовала запах страха — не

своего страха, этот запах исходил из тьмы у реки. И Лорри в нерешительности остановилась.

— Они далеко... — услышала она голос Лотты. — Собаки бегут по неверному следу. Выходите, пока есть время.

Ответа не было. Лорри показалось, что запах страха усилился. Теперь он обрушился с такой силой, что девочка не могла двигаться. Но Лотта протянула руки к темной тени.

— Не бойтесь нас. Выходите, пока есть время. Я обещаю вам безопасное укрытие. Но не знаю, сколько у нас времени.

Снова тишина. И тут Лорри увидела какое-то легкое движение в тени. Оттуда на четвереньках, упираясь в снег, выбралась согнутая фигура. Она тащила за собой плащ или шаль с грудой тряпок.

— Поверю. — В голосе слышалась боль. — Поверю в это, мисс.

Лотта побежала вперед, подхватила ползущую фигуру за плечи.

— Лорри! — позвала она, и Лорри с трудом двинулась к ней через сугроб.

Вдвоем они подняли на ноги худую, как скелет, женщину; все ее тощее тело сотрясала крупная дрожь.

— Нэки! Нэки! — Женщина попыталась снова нагнуться к свертку в шали и упала бы, если бы Лотта не поддержала ее.

— Пошли! — сказала она. — У нас очень мало времени! Лорри, неси младенца.

Младенца? Лорри посмотрела на сверток, который не шевелился и не плакал. Младенец? Она недоверчиво наклонилась и подняла сверток, промокший от снега. Действительно, ребенок. У ее плеча что-то зашевелилось. Лорри, борясь со своими юбками, вернулась в сани.

Им удалось всем забраться в сани, и Лотта снова щелкнула поводьями. Бевис двинулся вперед, пересек мост, прошел по дороге, миновал камень для посадки и остановился у конюшни. Сквозь снова пошедший снег кто-то выбежал им навстречу.

— Мисс Лотта?

— Осторожней, Финеас. Позже у нас могут быть гости.

Мальчик кивнул.

— Если они придут, у меня найдутся ответы. Вам нужна помощь?

— Не сейчас. Тебе пока лучше отсюда уйти.

Лорри по-прежнему несла маленький легкий сверток. Вслед за Лоттой и найденной ими женщиной она прошла по расчищенной дорожке к задней двери дома. В окнах горел свет, и, проходя в дверь, Лорри услышала голоса. Повернули на кухню. От плиты к ним повернулась девочка. Глаза ее широко распахнулись, когда она увидела женщину, которую поддерживала Лотта. Затем девочка подбежала к двери в прихожую и, не задавая никаких вопросов, открыла ее. Они быстро миновали зеленую спальню и оказались в комнате с полками и раскрашенным полом. Лотта усадила женщину в кресло. Женщина тяжело осела, и Лорри испугалась, что она сползет на пол. Но вот с видимым усилием женщина выпрямилась и протянула руки.

— Нэки! Дайте мне моего Нэки! — говорила она требовательно и сердито смотрела на Лорри. Та торопливо протянула ей мальчика.

Однако, когда женщина развернула рваные тряпки и обнажила маленькое тело, Лорри поняла, что принесла она совсем не младенца. Это был ребенок постарше, с большими глазами на худом лице. Он погладил щеки женщины, склонившейся к нему, и издал звук, хриплый негромкий плач, в котором не было слов нормального ребенка.

— Нэки! — Женщина раскачивалась в кресле, прижимая к себе мальчика. Лотта пошла к двери. Там стояла девочка из кухни — это была Фибе — и держала поднос с чашкой и кувшином.

Лотта отнесла поднос к женщине.

— Выпей. Напиток горячий и питательный, это тебе необходимо.

Женщина посмотрела на нее, взяла чашку, отхлебнула, потом поднесла к губам мальчика. Он принялся жадно пить, а она поверх его головы снова посмотрела на Лотту.

— Мы беглецы из-за реки.

— Знаю. Но здесь вы в безопасности.

Женщина как будто ее не поняла.

— Нэки! Меня хотели продать без Нэки! Он им не нужен. Он не умеет ни ходить, ни говорить. Без своей ма он не сможет жить. Но он не мусор, который можно просто выбросить. Он умеет многое делать своими руками. Посмотрите, мисс, только посмотрите на это. Нэки сделал это сам!

Она взяла у мальчика чашку и поставила на поднос, который по-прежнему держала Лотта, чтобы порыться в своем бесформенном платье. Достала оттуда маленький плетеный квадрат. На свету квадрат ярко сверкнул. Перья, поняла Лорри, павлиньи перья.

— Нэки... это он сделал... сделал сам для своей ма, которая его любит. У него в голове все в порядке. Что бы ни говорила старая мисс. Я не отдам моего Нэки! Я слышала разговор о том, что Чол хотят продать — Чол это я, мисс. И поэтому взяла Нэки и убежала. Бежала так быстро, как могла.

— Больше бежать не придется, — сказала Лотта. — Теперь выпей этот суп из чашки, Чол. Вы здесь в безопасности.

— Правда, мисс? Неужели есть безопасное место для меня и Нэки?

— Есть. — Твердый голос Лотты звучал убедительно. — Лорри, отнеси это Фибе. — И она протянула поднос с пустыми кувшином и чашкой.

Лорри вернулась в прихожую. Здесь не было ламп и свечей. Было темно. Она немного боялась темноты; ей казалось, что, когда она стоит неподвижно, в темноте что-то движется. Но вот темнота рассеялась. Она снова сидит на полу у кукольного домика.

ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

— Тетя Маргарет. — На коленях у Лорри лежала одна из книг о костюмах, которые тетя держала для справок. — Как по-твоему, сколько лет мисс Эшмид?

Тетя Маргарет оторвалась от своего рисунка.

— Понятия не имею, Лорри. Судя по тому что она говорит... — Тетя Маргарет замолчала, выглядела она удивленной.

— Посмотри на это платье. Точно такое носит мисс Эшмид. Но в книге говорится, что его носили в 1865 году! Это больше ста лет назад. Зачем мисс Эшмид носит платье столетней давности?

— Вероятно, потому что ей так нравится, малышка. Но ее одежде, конечно, не сто лет, она просто пошита по старым образцам. Ты ведь знаешь, что мисс Эшмид не выходит из дома. Наверно, ей нравится одежда прошлого, и она не видит причины, почему бы ее не носить. Эти платья очень красивы. И материал на них сегодня не найдешь.

— Тогда откуда его берет мисс Эшмид? — настаивала Лорри.

— Может, у нее большие запасы тканей. Раньше был обычай закупать ткани целыми рулонами и хранить на будущее. В таком старом доме должно быть много старых вещей. Восьмиугольный дом был построен в середине 1840-х годов.

— А кто его построил?

— Семья Эшмидов. Мисс Эшмид последний ее представитель, по крайней мере в Эштоне.

— Холли тоже носит такие платья. — Лорри вернулась к первоначальной теме.

— Холли восхищается мисс Эшмид, к тому же она тоже старая, и потому ей нравятся такие платья. Должна признаться, они им обеим очень идут.

Лорри перелистнула страницы книги и посмотрела на рисунок и дату под ним. Мисс Эшмид носит платье 1865 года, но на маленькой девочке на рисунке платье, как у куклы Фибе. И дата под ней 1845 год.

Она осторожно переворачивала страницы в поисках еще чего-нибудь. Пышные юбки были вполне обычны, и Лорри не смогла определить по мелким подробностям платья Лотты дату той поездки в санях. И — кто она, эта Лотта?

Раз или два Лорри показалось, что она знает. Но это не может быть правдой! Или может? Она вернулась к страничке с платьем мисс Эшмид.

— Какой замечательный дом! — Тетя Маргарет не работала, она задумчиво смотрела на стену, где висел рождественский подарок мисс Эшмид. На нем леди и джентльмен застыли в саду, в котором росли застывшие цветы. У джентльмена длинные локоны падают на плечи, а на боку висит шпага. Тетя Маргарет объяснила, что это вышивка с растушевкой, особая разновидность, которая встречается очень редко, и картине должно быть не менее трехсот лет. — Это настоящий музей, Лорри.

— Тогда почему его не сделают музеем? Если бы это был музей, его не могли бы снести ради автострады, верно? — требовательно спросила Лорри.

— Может быть. — Тетя Маргарет снова взяла в руки карандаш, будто больше не хотела говорить об этом. — Разве у тебя нет уроков, малышка?

Лорри поставила книгу о костюмах на место.

— Математика, — коротко и безрадостно ответила она. Как трудно думать о математике, когда в голове так много мыслей о другом.

Если Восьмиугольный дом станет важным, его не смогут снести. Но как сделать дом важным? Статья в газете... может быть, выступление на ТВ? Но как напечатать статью в газете или устроить выступление на ТВ? Неужели просто написать письмо и попросить?

— Лорри, ты не очень много сделала, — заметила тетя Маргарет, складывая свои бумаги в портфель. — Не думаю, чтобы миссис Реймонд приняла такие каракули. Если я не забыла свои школьные годы, после Рождества приходится трудиться, и много трудиться до конца четверти.

— Да, так и есть. — Лорри попыталась забыть о Восьмиугольном доме и сосредоточиться на скучных цифрах, которые ей никогда не нравились.

Но вечером в постели она снова думала о Восьмиугольном доме. Допустим, она, Лорри Маллард, напишет письмо

в газету, расскажет о доме и мисс Эшмид, обо всех этих удивительных вещах...

Удивительные вещи... Энтузиазм, охвативший Лорри при этой мысли, тут же погас. Кукольный домик... Мисс Эшмид никогда не упоминала о нем, и сама Лорри о нем не говорила ни с мисс Эшмид, ни с тетей Маргарет. Он был... чем-то очень личным. Лорри знала это, ни у кого не спрашивая. Но это часть Восьмиугольного дома, и если его превратят в музей... а мисс Эшмид и Холли... где они будут жить? Живут ли в музеях? Но если... если дом снесут... куда пойдут мисс Эшмид и Холли? Что станет с кукольным домиком... и с Беви-сом... и с Сабиной? Лорри села в постели. Что будет со всеми ими? Она должна сказать... спросить мисс Эшмид. Завтра она уйдет из школы как можно раньше и...

Нет, завтра у них классное собрание. Но сейчас это неважно. Она просто должна увидеть мисс Эшмид и рассказать ей о своей идее насчет музея. Можно ли это сделать?

Лорри не терпелось. Всю жизнь ей хотелось сразу делать то, что она собирается. А теперь нужно ждать всю ночь и большую часть завтрашнего дня, прежде чем она сможет увидеть мисс Эшмид. Ложась, девочка вертелась на подушке.

Во сне она увидела дом под большой грозовой тучей. В тени этой тучи красные кирпичные стены стали уменьшаться, и Лорри испугалась, что они совсем исчезнут. Она побежала вперед, пытаясь добраться до дома раньше, чем он исчезнет. Но неожиданно открылась передняя дверь, на пороге стояла мисс Эшмид. Она не опиралась на плечо Холли или на трость, но, протянув вперед обе руки, знаками велела Лорри уходить. И при этом улыбалась, как будто у нее все хорошо.

Но утром дом по-прежнему занимал все мысли Лорри. Постучала Кэти, и они вышли вместе и пошли коротким путем, не по улице Ясеней. Кэти, как обычно, все время болтала, но неожиданно прервала свой рассказ и резко сказала:

— Лорри Маллард, не думаю, чтобы ты слышала хоть одно мое слово. Где ты? Здесь или в миллиарде миль отсюда?

Лорри оторвалась от своих мыслей.

— Здесь... иду по улице.

— Глядя на тебя, этого не скажешь! Ты похожа на робота, о них все время читает Роб. Я говорила о Валентиновой ярмарке и о распродаже. Лорри, Валентинова ярмарка!

— Но Валентинов день¹ в феврале, а сейчас еще январь.

— Какая же ты дурочка, Лорри. Валентинова ярмарка — самое главное событие в школе. Мы теперь старшеклассники, а это значит, что праздник готовим мы. И сегодня будут выборы двух комитетов — девочек и мальчиков.

— Ты должна быть в комитете, Кэти.

— Надеюсь. Послушай, Лорри. Деб Коллинз сказала, что выдвинет меня. Ты поддержишь ее?

— Ты хочешь, чтобы я встала и при всем классе сказала, что ты должна быть в комитете?

— Ты должна только сказать: «Поддерживаю кандидатуру». Лорри, ты ведь слышала раньше, как это делают, ничего такого в этом нет. У меня есть кое-какие идеи, и думаю, я могла бы стать председателем. Так сделаешь?

— Но... я не останусь на собрание.

Кэти уставилась на нее.

— А почему? Не глупи. И все равно миссис Реймонд не позволит тебе пропустить. Старшеклассники должны проявлять интерес. Разве ты не помнишь, что она сказала на той неделе? Или ты тогда тоже не слушала?

— У меня важное дело, — возразила Лорри.

— Скажу тебе правду: дело должно быть очень важное, чтобы миссис Реймонд тебя отпустила. Ты будешь на собрании, Лорри. Так поддержишь мою кандидатуру в комитет?

— Да. — У Лорри упало сердце. Кэти, вероятно, права, как всегда в таких делах. А если ей придется остаться на собрание, не будет времени зайти сегодня в Восьмиугольный дом. Но это так важно!

¹ В День святого Валентина, покровителя влюбленных, дарят традиционные открытки-поздравления, обычно с изображением цветов, сердец и т. п. — *Прим. перев.*

Кэти оказалась права. Лорри старалась найти предлог и сказала, что у нее важное поручение. Но миссис Реймонд выяснила, что это поручение — идея самой Лорри, а не тети Маргарет, и сказала, что участие в классных мероприятиях важнее.

Лорри вернулась на свое место, чувствуя себя такой же несчастной, как когда впервые приехала в Эштон. Она почти не слышала, как Билл Кроудер, президент класса, призвал всех к порядку и началось собрание. Но неожиданно пришла в себя, когда наступила внезапная тишина. Окружающие девочки смотрели на Лорри, будто чего-то ждали от нее, и она неожиданно ощутила приступ паники, будто ее о чем-то спросили, а она не слышала вопроса.

Потом через два места от нее встала Бесси Колдер и сказала:

— Поддерживаю кандидатуру.

Поддерживаю кандидатуру! Да ведь именно это просила ее сказать Кэти! Кэти! Лорри быстро посмотрела на Кэти и встретила ее обвиняющий взгляд. Кэти просила ее, а она не сделала. И теперь Кэти поверит, что она так поступила нарочно.

Лорри снова перестала воспринимать происходящее и думала о том, как объяснить свою ошибку Кэти. Придется рассказать ей о Восьмиугольном доме и автостраде. Теперь она нетерпеливо ерзала на месте, дожидаясь конца собрания, чтобы подойти к Кэти и все ей объяснить.

Но только такой возможности у Лорри не было, потому что, когда она посмотрела в сторону Кэти, та сказала:

— Бесс! Крис! Подождите! У меня есть несколько идей. Я хочу вам рассказать.

Лорри решительно направилась к парте Кэти.

— Кэти, Кэти! — позвала она, заставляя Кэти повернуть голову и увидеть ее. Она своего добилась, потому что Кэти оглянулась. Но лицо у нее было холодное и враждебное.

— Чего тебе, Лорри Маллард? Ты нарушила свое слово. Думаешь, я теперь захочу, чтобы ты была в моем комитете?

— Но Кэти...

— Я сказала, — Кэти перегнулась через парту, — уходи, Лорри. Ты мне не помогла, и ты мне больше не нужна, не забывай этого! Пошли, у нас много дел!

С этими словами она присоединилась к ожидающим девочкам и исчезла. Лорри потащила тяжелый портфель к своему шкафчику. Торопиться не к чему, у нее все равно нет времени на то, чтобы заходить в Восьмиугольный дом, и она не собиралась сразу уходить, чтобы Кэти не подумала, будто она за ней гонится. Как сказала Кэти, они не нужны друг другу — совсем не нужны. Лорри держалась за эту мысль, надевая лыжную куртку. Кто-то открыл соседний шкафчик, и она подняла голову.

— Лизбет...

— Снова на холод, Лорри? — спросила Лизбет. — Чем ты на этот раз рассердила ее королевское высочество? — Голос Лизбет прозвучал так резко, что Лорри вздрогнула.

— Она попросила меня поддержать ее кандидатуру в комитет, а я... я думала о другом и совсем забыла. Она имеет право сердиться.

— Конечно... — Лизбет подбоченилась и посмотрела на Лорри. — Что может быть важнее этого комитета? А о чем думала, Лорри?

Лорри слегка смутилась. Лизбет не любит Кэти, несколько не любит. И очень ясно дала это понять. Лорри вспомнила поход в кино и как вела себя Кэти, когда они сели на места. Тогда Лизбет сразу замкнулась.

— Я была встревожена. — Неожиданно ей захотелось поговорить с кем-нибудь, а Лизбет ей нравилась, вернее, нравилась обычная Лизбет. А не та, что говорит так резко. — Лизбет, ты знаешь Восьмиугольный дом?

— Старый дом на улице Ясеней? Конечно. Папа говорит, что он здесь такой один — у него восемь сторон. А что?

— Говорят, его снесут, чтобы проложить автостраду.

— Да, дорога пройдет от Гэмблер авеню до федеральной автострады, в трех кварталах от улицы Ясеней.

— Откуда ты знаешь?

— Папа участвует в этом проекте, он дорожный инженер. Но почему тебя интересует, где проложат автостраду?

— Нельзя сносить Восьмиугольный дом! — возразила Лорри. — Я подумала... Предположим, кто-то напишет в газету и скажет, что не нужно... Или выступит об этом по ТВ. Разве это не остановит строителей?

— Об этом говорят и пишут уже год, — ответила Лизбет. — Не о Восьмиугольном доме, а о других домах. В эту пятницу будет большое собрание об этом с участием комиссии. Но ничего хорошего это им не даст. Немного к северу под землей протекает река, и там строить автостраду нельзя, поэтому придется прокладывать здесь.

— Река? — повторила Лорри. Может, тот ручей с мостиком, под которым прятались беглецы?

— Да. Она, как все другие, текла по поверхности. Но потом там стали строить дома. И наконец убрали реку в большие трубы и стали строить поверх нее. Но проложить там автостраду нельзя.

— Но Восьмиугольный дом...

— А что в нем такого? Снесут и старый дом Ракстонов. И мама говорит, что это позор. Сто лет назад из Англии специально приезжал человек, чтобы проектировать его. Он прекрасен.

— Восьмиугольный дом тоже, — упрямо сказала Лорри.

— Неужели? Старая развалина на заброшенном участке. Лорри покачала головой.

— Он кажется заброшенным только из-за изгороди, Лизбет. Внутри сад, а в нем дом... О, Лизбет, какой он замечательный!

— Откуда ты знаешь? Лорри Маллард, ты была в ведьмином доме? Правда была?

— Там нет никакой ведьмы! — вспыхнула Лорри. — Там мисс Эшмид, и Холли, и Сабина! И моя тетя говорит, что этот дом как музей. Да, я была в нем, и тетя Маргарет тоже. Я хожу туда учиться вышивать, а тетя Маргарет приходила на воскресный чай, и мы были в нем на Рождество. Он замечательный! Тебе бы посмотреть елку, и имбирных людей Хол-

ли, и... — Лорри принялась путано описывать Восьмиугольный дом, его обитателей и сокровища — все, кроме Бевиса и кукольного домика. А Лизбет слушала с интересом.

— Девочки, пора уходить. — Это мистер Хаскинс, швейцар, крикнул им из коридора. Лорри закрыла свой шкафчик.

Должно быть, уже поздно. Все остальные ушли. Она посмотрела на большие часы в конце коридора, как раз когда маленькая стрелка сделала полный оборот. Десять минут пятого!

— Послушай, — сказала Лизбет. — За мной должна заехать мама. Мне нужно к дантисту. Мы можем отвезти тебя до улицы Ясеней, и тебе оттуда идти будет недалеко.

— Мама, — сказала Лизбет, когда они подошли к ожидающей машине, — можно высадить Лорри на углу Ясеней? Уже поздно.

— Как раз это я и собиралась отметить. Что тебя задержало, Лизбет? Конечно, Лорри, садись.

Лизбет села на середину переднего сиденья.

— Мама, Лорри была в Восьмиугольном доме, она знакома с мисс Эшмид. И у них там была елка и имбирные люди.

— Так ты знакома с мисс Эшмид, Лорри? — прервал взволнованную речь дочери голос миссис Росс. — Это большая честь, Лорри.

— А вы тоже с ней знакомы, миссис Росс?

— Маленькой девочкой я там дважды была со своей тетей. Там жила тетя ее отца — Холли Стэндиш.

— Холли по-прежнему там! — радостно подхватила Лорри. — Она сделала имбирных людей для елки и маленькие конфеты.

— Но... — миссис Росс очень удивилась. — Этого не может быть! Тете сейчас было бы за восемьдесят, если бы она жила. А Холли... да Холли Стэндиш должно быть больше ста лет! Наверно, это ее дочь. Хотя, — задумчиво добавила миссис Росс, — никогда не слышала о ее дочери. Но я помню, как приходила туда, и помню мисс Эшмид. Должно быть, она сейчас очень старая.

— Миссис Росс, а что будет с мисс Эшмид и Холли, если Восьмиугольный дом снесут? И можно ли спасти дом? Тетя Маргарет говорит, что он как музей.

— Пока ничего еще не решено. Решение примут только после встречи с комиссией. Большинство жителей будет представлено адвокатами. И мисс Эшмид тоже, конечно. О, Лорри, вот и твой угол.

— Спасибо, миссис Росс. — Лорри посмотрела вслед отъезжающей машине и пошла по улице Ясеней. Дойдя до ограды Восьмиугольного дома, она пошла медленней. Ей виден олень. Основание, на котором он стоит, завалено снегом, но на спине оленя снега нет. Видны Лорри и забранные ставнями окна, и закрытая дверь. Она взялась за ворота и попыталась открыть их. Но они не поддались, и каким-то образом она знала, что сейчас не время перелезть через ворота, что участок для нее закрыт. С несчастным видом Лорри пошла к своему дому в квартале отсюда.

Кэти... она должна объяснить Кэти, подумала Лорри, идя по коридору. И хотя чувствовала себя неловко, нажала кнопку на двери Локнеров. Открыл Роб.

— Кэти? Нет, она ужинает у Бесс Калдер. Она тронулась этой Валентиновой ярмаркой. Валентинки! — Он рассмеялся. — Это для девчонок.

— Передай ей, что я хочу ее видеть, — сказала Лорри. Однако была уверена, что если увидится с Кэти, то та навстречу ей не пойдет.

И эти опасения оправдались. На следующее утро она задержалась, поджидая Кэти и не решаясь снова подойти к квартире Локнеров. Но Кэти не показалась, и Лорри едва не опоздала в школу. Она села за парту за одну-две секунды до того, как миссис Реймонд закрыла за собой дверь. Кэти сидела на своем месте, но у Лорри не было возможности поговорить с ней.

В перемену было не лучше. Когда прозвенел звонок, Кэти попросила разрешения собрать в классе комитет, и Лорри пришлось выйти с остальными, оставив Кэти с ее подругами у стола миссис Реймонд. К концу дня, видя, что Кэти про-

должает избегать ее, Лорри рассердилась. Пусть думает, что хочет! Она, Лорри, попыталась объяснить! У нее есть более важные проблемы, и сегодня она обязательно зайдет в Восьмиугольный дом. Если ворота закрыты, она просто перелезет через них! Но она должна увидеть мисс Эшмид — просто должна.

Однако ворота медленно, со скрипом отворились под ее нажимом. Лорри тяжело дышала: всю дорогу от школы она бежала, чтобы у нее было больше времени на посещение. Но даже если она немного опоздает домой, тетя Маргарет ее поймет. Тетя тоже озабочена. На этой неделе собрание с комиссией, и мисс Эшмид должна дать всем понять, насколько важен Восьмиугольный дом.

Лорри обежала вокруг дома и постучала в заднюю дверь. Впервые Холли не появилась. Чуть испуганная, Лорри попыталась открыть дверь. Получилось, и она медленно вошла в прихожую.

— Холли? — позвала она.

Дверь в кухню была закрыта, но та, что ведет в комнату мисс Эшмид, чуть приоткрыта.

— Мы здесь, Лорри.

Лорри расстегнула молнию, стащила через голову лыжную куртку, повесила на колышек в стене и поставила ботинки. Потом вошла, но сразу остановилась, изумленно оглядываясь. Холли работала у длинного стола. Ее окружали высокие картонные коробки с наклеенной на них рекламой моющих средств (в этой комнате они были так же неуместны, как груда грязных досок).

У одной коробки на задних лапах стояла Сабина и царапала картон когтями, напрасно стараясь заглянуть внутрь. В соседнюю коробку Холли старательно укладывала рулоны ткани и лент, которые лежали на дальнем крае стола с тех пор, как Лорри их впервые увидела. Шуршала оберточная бумага: Холли заворачивала каждый рулон, прежде чем положить в коробку.

Упаковка — Холли упаковывает вещи! Неужели... неужели мисс Эшмид сдалась? Она собирается переехать? Но нигде нет места для мисс Эшмид, и Холли, и сокровищ Вось-

миугольного дома. Им место только здесь! В другом месте они не смогут оставаться прежними!

— Приборка дома, Лорри. — Мисс Эшмид тоже была занята. На коленях у нее лежала вышивка, снятая с рамы, та самая, в края которой Лорри вставила столько иголок. Мисс Эшмид осторожно упаковывала ее в защитную ткань. — Вещи накапливаются, и время от времени их нужно разбирать. Нецелесообразно держать то, что не можешь применять с пользой. Коробка Холли отправится в церковь на Гордон-стрит, в общество помощи женщинам. Там смогут все кусочки хорошо использовать, а это намного лучше, чем они лежат здесь, накапливая пыль, грязь и выцветая. В чем дело, моя дорогая?

— Вы... вы не собираетесь переезжать? Вы не оставите Восьмиугольный дом?

Мисс Эшмид подняла руки, и Лорри потянуло к ним, словно они протянулись через всю длинную комнату. И когда девочка остановилась перед креслом мисс Эшмид, ее руки легли ей на плечи.

— Этого никогда не бойся, Лорри. Я не покину Восьмиугольный дом, и дом — настоящий дом — не покинет меня.

— Настоящий дом?..

Но мисс Эшмид покачала головой.

— Придет время, Лорри, когда ты поймешь это. Значит, ты решила, что мы не прибираемся, а переежаем? Ах, Лорри, если бы нам понадобилось переезжать, боюсь, пришлось бы вытаскивать такие длинные и глубокие корни, что волнение охватило бы весь мир. Разве не так, Холли?

— Конечно, мисс Шарлотта, конечно. — Холли усмехнулась. — Прибираемся, а не переежаем, мисс Лорри. Послушай, Сабина, немедленно убирай когти. Так разматывать нельзя.

Сабина пятилась по ковру, таща за собой длинный клубок золотой ленты, который разворачивался на ходу. Когда Холли ухватила за другой конец ленты, Сабина попыталась вырвать ее. Но Холли выиграла перетягивание, свернула ленту и уложила в коробку.

— Очистка дома должна делаться хотя бы раз в год, — продолжала мисс Эшмид. — И не только дома нуждаются в очистке. Но, Лорри, ты все еще чем-то взволнована. Расскажи мне, в чем дело.

— Завтра вечером собрание с комиссией, мисс Эшмид, насчет автострады.

— И ты гадаешь, буду ли я там представлена. Да, мои интересы будет представлять мистер Трастон.

— Я подумала, если люди начнут писать письма в газеты, может, выступить по телевидению и радио... теть Маргарет говорит, что этот дом настоящий музей. Музеи важны, их нельзя снести. Может быть, если люди захотят, Восьмиугольный дом станет музеем.

Мисс Эшмид медленно улыбнулась.

— Музей, да, он стал им за все эти годы, Лорри, но это грустно. У музеев нет реальной жизни, они полны застывших во времени вещей и остаются всегда одинаковыми. Конечно, есть такие, кому нравится заглядывать в прошлое, но тех, кто с ним по-настоящему сроднился, становится все меньше и меньше.

Она осмотрела комнату.

— Да, как сказала твоя тетя, здесь есть сокровища, и они должны находиться в таком месте, где о них будут заботиться, где ими будут восхищаться — ради их истории и красоты. Но в этом доме есть и другие сокровища, и их не измерить по меркам мира за этими стенами. Нет, как ни хорош твой план, его нельзя использовать для защиты Восьмиугольного дома. А теперь, — она снова посмотрела на Лорри, — не волнуйся больше об этом, моя дорогая. Решение есть, поверь мне. Не надо бояться за Восьмиугольный дом, не надо.

И Лорри поверила ей. Она облегченно передохнула. Должно быть, мистер Трастон очень хороший адвокат.

— А как твои дела в мире, Лорри? Можешь прибрать эти мотки шерсти, пока рассказываешь.

Лорри села на свое привычное место на стуле и начала разматывать и сматывать кусочки шерстяной нити, которые остались от вышивки, аккуратно завязывая свободные кон-

цы. И обнаружила, что рассказывает о Кэти и о том, какие неприятности вызвала ее забывчивость.

— Валентинки, — сказала мисс Эшмид. — Валентинова ярмарка, чтобы собрать денег для школы. Лорри, видишь большой альбом для вырезок, вон там, на дне нижнего ящика? Принеси его сюда, дитя.

Лорри принесла ей большую книгу. Она была переплетена в темно-красную кожу, на которой вытиснен рисунок из маленьких пухлых сердечек и цветочных венков. В линиях рисунка еще заметны следы позолоты.

— Возьми его с собой, Лорри. И сегодня вечером скажи Кэти, что хочешь показать ей что-то необычное. Скажи ей также, что это поможет ей осуществить ее замыслы и что ты тоже ей поможешь.

— А что?.. — Лорри начала открывать альбом, но мисс Эшмид покачала головой.

— Нет. Открой вместе с Кэти, моя дорогая. И помни: скажи, что ты ей поможешь. Это все. А теперь тебе лучше идти, уже поздно. Выпусти Сабину, когда будешь уходить, если она захочет. Не тревожься о нас, Лорри. Мы справимся великолепно.

Она была так уверена в этом, что Лорри тоже ощутила уверенность.

ЧАРЛЬЗ

Альбом большой, слишком велик, чтобы поместиться в портфеле, а Лорри боялась, что уронит его в снег, и поэтому вздохнула с облегчением, когда добралась до дома.

— А я позабочусь о печенье...

Войдя в вестибюль, Лорри остановилась. Здесь были Кэти и Бесс. Обе они повернулись и посмотрели на нее.

— Привет, Лорри, — сказала Бесс, будто не знала, что сказать, и выбрала самое привычное.

— Привет. — Лорри направилась прямо к Кэти. Может быть, Кэти на глазах у Бесс отвернется и начнет подниматься по лестнице. Но это лучшая возможность с той самой неу-

дачной попытки поговорить с Кэти в классе. — На этот раз, Кэти, ты меня выслушаешь.

— Не собираюсь, — прервала ее Кэти. Но Лорри остановилась прямо перед ней, и та смолкла.

— Я не вредила тебе Кэти, когда не поддержала твою кандидатуру на собрании. Я думала о чем-то другом, о чем-то очень важном и на самом деле забыла.

— Забыла! — Кэти не была убеждена. — Как будто можно...

— Забыла. И это правда, Кэти Локнер, чистая правда!

— Не понимаю, что может быть таким важным, чтобы ты забыла. — Возражения Кэти звучали менее уверенно.

— Для меня это было важно, Кэти. А теперь, — она протянула альбом, — ты должна кое-что посмотреть. Так сказала мисс Эшмид.

— А кто такая мисс Эшмид? — спросила Кэти, но бросила взгляд на альбом.

— Это леди, которая живет в Восьмиугольном доме.

— Ты имеешь в виду старую ведьму? — вмешалась Бесс.

Лорри повернулась.

— Возьми свои слова назад, Бесс Калдер, немедленно возьми назад! Мисс Эшмид хорошая. Мы с тетей Маргарет были у нее на Рождество, и это было замечательно. И Восьмиугольный дом красивый.

— Это соринка у всех в глазу, как говорит мой папа, — насмешливо ответила Бесс. — И город снесет его и проведет прямо через него дорогу, вот так, Лорри Маллард! Лучше забирай книгу старой ведьмы и уходи. Мы с Кэти говорим о делах комитета, а ты в него неходишь. Кэти тебя не примет в него, после того что ты сделала!

Но Кэти продолжала смотреть на альбом в руках Лорри.

— Что это? — спросила она.

— Альбом для вырезок. Я в него тоже не заглядывала. Мисс Эшмид сказала, что мы должны посмотреть вместе. Пойдем наверх, — она поколебалась и добавила: — Ты тоже, Бесс. И вместе посмотрим.

— Хорошо, — согласилась Кэти. — Ты тоже иди, Бесс. Позвони маме и попроси разрешения остаться у нас на ужин. Уже почти пять.

— Но какое право Лорри имеет подталкивать нас? Она не в комитете.

— А кто сказал, что это для ярмарки? Просто мисс Эшмид велела показать Кэти.

— А откуда она обо мне знает?

— Я рассказала ей о случившемся и том, как мне жаль, что я забыла. И мне действительно жаль, Кэти, но ты не дала мне возможности сказать об этом.

— Ну, хорошо. Пошли, Бесс, посмотрим... это нам не повредит.

Лорри ключом открыла дверь, девочки вошли, и она положила альбом на кофейный столик. Потом перевернула переплет и открыла первую страницу.

— Валентинки! — воскликнула Бесс.

Да, к каждой странице были приклеены валентинки, но какие валентинки!

— Посмотрите на эту круглую. — Кэти притронулась кончиком пальца. — Эти цветы, они вышиты на шелке! И посмотрите на этого маленького купидона, который держит венок из роз!

— А эта? Наверно, бумажная кукла, правда, Лорри? — Бесс добавила свой восхищенный голос. — Но платья... они такие старомодные!

— А посмотрите на эту! Центр из сатина, а на нем нарисована леди... с бабочками. — Кэти нашла очередное чудо. — Лорри, я не знала, что валентинки бывают такие... из кружев и цветов, с птицами и бабочками.

— Они гораздо красивее тех, что у нас сейчас. А вот раскрытый веер с рисунками и с кисточкой внизу!

— Они старые, — задумчиво сказала Лорри. — Но кружева, такие можно встретить и сейчас. Похоже на бумажные салфетки. У тети Маргарет есть такие для тарелок с тортом.

— Цветы и птицы. — Бесс коснулась птицы с синей спинкой. — В книжном магазине есть очень похожие маленькие

наклейки. На них тоже цветы и птицы. Знаете, первоклассники такие приклеивают на листки красивой бумаги.

— На этой настоящие кружева. — Кэти пригнулась. — Я видела в магазине тканей похожее на эти крошечные розочки.

— А вы видели рождественские открытки Лизбет? Подождите минутку, я вам покажу. — Лорри положила альбом и достала из ящика стола открытку. — Она ее сделала сама. Я спросила, где она взяла рисунки для открыток и золотые звезды и листья, и она рассказала о магазине, где все это есть. Это привозят из Германии. Разве этот маленький ангел не похож на купидона?

Кэти взяла открытку Лизбет и принялась сравнивать.

— Похоже, — согласилась она, но Лорри показалось, что она сделала это неохотно.

— Лизбет может показать нам этот магазин.

— Вы и Лизбет не входите в комитет! — Бесс села на диван. — Правда, Кэти? — В поисках поддержки она посмотрела на Кэти.

Но та по-прежнему разглядывала страницы альбома.

— Послушай, Бесс, нам ведь нужно собрать денег на главный приз, верно? У нас, как всегда, будет стол с конфетами и стол с печеньем. Но такого мы никогда раньше не пробовали. И это понравится даже взрослым. Знаете, мы с мамой ходили в гости к ее подруге, миссис Лейси, которая живет на Лейкленд Хейтс. А у нее есть кофейный столик со стеклянной крышкой. А под крышкой такие валентинки.

— Но, наверно, настоящие старые, как в этом альбоме, — заметила Бесс, — а не такие, как делают сегодня.

— Они красивые, поэтому их и хранят. Послушай, Бесс, а сколько валентинок у тебя осталось с последнего года?

Бесс задумалась.

— Ну, парочка.

— Потому что их послал тебе кто-то особенный, а не потому что они красивые. Разве это не так?

— Наверно.

— Хорошо. Но если предложить копии старых валентинок, наверно, их будут хранить дольше.

— Можно использовать эти.

— Нет, я сказала копии. — Кэти снова принялась разглядывать открытку Лизбет. — Лорри, ты говоришь, Лизбет знает магазин, где продаются такие вырезки. Можешь спросить у нее, где он?

— Спроси ее сама, Кэти, — спокойно ответила Лорри. — Лизбет сделала эту открытку и должна многое знать о такой работе. — Ей показалось, что Кэти покраснела и что ей стало неловко. Но вот председатель комитета подняла голову, слегка качнув ею.

— Хорошо, спрошу! А теперь, Бесс, мы должны расширить комитет. В него войдут Лорри и Лизбет, если захотят.

— Остальным девочкам это не понравится, — возразила Бесс.

— А почему? Мы ведь хотим, чтобы у нас была лучшая Валентинова ярмарка? А тут такое, чего не делал ни один класс. Мальчишки будут показывать кукольное представление и устроят тир, а Джимми Пурвис покажет слайды с животными. Но такое бывает всегда, как у нас всегда конфеты и печенье. А это что-то новое, и я думаю, это хорошо!

— Но просить Лизбет...

Кэти резко повернулась.

— Хорошо, Бесс! Так и скажи! Скажи, что не хочешь быть в одном комитете с нею!

— Ты сама говорила это и другое... — Бесс замолчала под обвинительным взглядом Лорри. Кэти покраснела.

— Да, — негромко призналась она, — говорила.

— А теперь ты считаешь, что она что-то может сделать для твоего комитета, и готова попросить ее! — продолжала Бесс.

Лорри перевела взгляд с Бесс на Кэти, которая стала совсем красной. Может, это и правда. Но она помнила, что сказала мисс Эшмид: стены вырастают, потому что люди недостаточно хорошо знают друг друга. А когда узнают, стены начинают рушиться.

— Лизбет хорошая, — сказала она, — и умная. Она одна из самых умных девочек в классе, и вы обе это знаете. Она может быть в комитете, и я думаю, если Кэти правильно ее попросит, она согласится.

— А как это — правильно? — спросила Бесс.

— Надо сказать, что у нее есть то, в чем нуждается класс, — медленно говорила Лорри. — Ведь именно для этого существует комитет. Люди работают вместе, каждый делает что может, даже если все они делают разное.

Кэти кивнула.

— Хорошо, я попрошу ее. Она умеет работать. Некоторым не нравится Сандра Тотрелл, но мы ее пригласили, потому что она лучше всех готовит молочные конфеты. Разве не так, Бесс?

Бесс хмурилась.

— Это твой комитет. — В голосе ее слышалось недовольство.

— Это наша ярмарка, — возразила Кэти. — Лорри, мисс Эшмид даст нам этот альбом на время, чтобы мы могли черпать из него идеи? Мы пообещаем, что будем беречь его и обращаться с ним очень осторожно.

— Спрошу.

— Сегодня вечером ты его просмотри, — продолжала Кэти, — и сделай список всего, что нам понадобится: кружева, цветы, ленты. Тогда в субботу мы, может быть, все это купим. А завтра на перемене, если ты принесешь альбом, Лорри, покажем девочкам и решим.

— Я спрошу разрешения у мисс Эшмид.

— Пошли, Бесс, ты у нас ужинаешь, а потом будем звонить членам комитета. Спасибо, Лорри, и спасибо мисс Эшмид.

Но когда тетя Маргарет вернулась домой, а Лорри показала ей альбом и все объяснила, она покачала головой.

— Лорри, эти старые валентинки то, что называют «музейными экспонатами». Они, несомненно, стоят очень много денег. Мне не нравится, что ты принесла их сюда, и, конечно, тебе не следует нести их завтра в школу.

— Но мисс Эшмид сама дала мне альбом и велела показать Кэти...

— Показать Кэти дома, а не нести его в школу, где с ним может случиться все что угодно. Нет, Лорри. И не думаю, что

его нужно держать здесь. Так уж получилось, что мне прислали от разработчика рождественские открытки, и я хочу отдать набор мисс Эшмид. Поэтому после ужина мы вернем альбом. Он слишком ценен, чтобы обращаться с ним так беззаботно. Возможно, мисс Эшмид сама не понимает его ценность.

Лорри торопливо листала страницы, составляя список необходимого, как сказала Кэти. Но что они смогут скопировать без образцов альбома? Возможно, она заставила Кэти поверить в то, что не удастся исполнить.

Когда они с тетей Маргарет оказались у ворот, Восьмиугольный дом был темен. Но ворота поддались после толчка Лорри, а обогнув дом, они увидели в окне красной комнаты блеск ламп и свечей. К тому же их как будто ждали, потому что Холли открыла на первый же стук.

— Входите, входите. Сегодня холодный вечер! — Она сердечно приветствовала их. — Заходите прямо в комнату. И садитесь поближе к огню, грейте пальцы!

Тетя Маргарет постучала в дверь мисс Эшмид и, услышав негромкий ответ, вошла, неся в руках альбом для вырезок. Она от самой квартиры несла его в пластиковом мешке, будто опасалась, что с ним что-нибудь случится. Но когда Лорри собиралась последовать за ней, Холли положила ей на плечо морщинистую руку и слегка толкнула в сторону кухни.

Удивленная, Лорри пошла туда. Здесь тоже было тепло и приятно. На стуле у плиты сидела Сабина. Холли подошла к столу и кончиком лопатки подняла горячий лист печенья.

— Я как будто знала, что вечером к нам кто-то заглянет. Попробуй, дитя, и скажи, понравилось ли тебе.

Лорри послушно принялась пробовать и пробовала до тех пор, пока все печенье не исчезло.

— Ммм, здорово, как вкусно! Очень вкусно, Холли!

— Ты не первая, кто так говорит, мисс Лорри. Ну в чем дело, Сабина?

Сабина прыгнула со стула и мяукала у двери кухни, той, что ведет в прихожую.

— Выпусти ее, дитя. У нее свои ночные привычки, не те, что у нас.

Лорри открыла дверь. Но она почему-то уже понимала, чего хочет Сабина. Комната с кукольным домом — Сабина ведет ее в комнату с кукольным домом. Облизав крошки с пальцев, Лорри последовала за кошкой.

Яркий лунный свет падал на домик и делал шкуру Бевиса серебристой. Лорри обошла кукольный дом. Как ни странно, но внутри она увидела свет. Видны отблески крошечных ламп и свечей, хотя самого огня она нигде не видела. И так внимательно всматривалась в верхнее окно, что незаметно ударилась о него подбородком, приоткрыв ящик в основании.

Ящик маленький и расположен прямо под комнатой с раскрашенным полом. В отличие от других двух ящиков, которые она открывала, в этом одна кукла. Лорри взяла ее и поднесла к лунному свету.

Это был мужчина в мундире с маленькой саблей на поясе. Форма серая, с тугим стоячим воротником, на рукавах золотые нашивки. Солдат Конфедерации!¹ У него худое лицо с выступающими скулами и длинные темные волосы, а глаза кажутся живыми, как будто он внимательно смотрит на нее.

Лорри потянула заднюю часть дома, ожидая, что она откроется, как раньше. Но на этот раз она не поддавалась. Девочка обошла дом и попробовала другую сторону. Эта отошла, обнажив гостиную, прихожую и столовую, в которой теперь проводит дни мисс Эшмид.

В гостиной мебель не в чехлах, в камине сложены дрова. Лорри поставила возле него солдата и поняла, что здесь его место. Она вернула половину дома на место и подошла к Бевису. Но не села в седло, потому что своеобразное головокружение обрушилось на нее раньше. Она услышала фырканье Бивера и повернула голову. Только что она была в освеще-

¹ Конфедерация, Конфедеративные Штаты Америки — объединение рабовладельческих штатов Юга, отделившихся от Союза. Это отделение привело к Гражданской войне. — *Прим. перев.*

щенной луной комнате, и сейчас тоже светит луна. Но Лорри стоит снаружи, и луна ярко освещает снег. Бевис топнул и снова фыркнул.

Они стоят у конюшни, и над входом в дом висит лампа.

— Мисс Лотта, у реки стреляют. Вы не должны туда идти! — протестующе звучал голос из конюшни.

— Я не пойду к реке, Финеас. Пойду к деревне.

— Но вы все равно пройдете мимо них. А это жестокий народ. Позвольте мне пойти, я могу отнести записку пастору.

— Финеас, а что, если бы я не вышла в ту ночь, которую мы оба помним, и в другой раз, который трудно забыть Чол?

— Но, мисс Лотта, он мятежник, из тюрьмы. Отчаянный человек и очень опасный. Говорят, он убил того, кто пытался его остановить.

— Говорят, говорят! Говорят многое, Финеас. Однако я заметила, что ни разу не назвали имя убитого или даже повторили дважды одну и ту же историю. По крайней мере я этого не слышала. Нет, я поеду к деревне, Финеас, а что случится потом, это дело судьбы и удачи. Не бойся за меня, Финеас, никогда не бойся.

Послышалось недовольное бормотание, и дверь конюшни раскрылась. В нее прошла белая лошадь, двойник Бевиса, а на ее спине сидела всадница боком в женском седле. Она нисколько не удивилась, увидев на аллее Лорри, но приветственно ей улыбнулась.

— Ночь холодная, но света достаточно, Лорри, — сказала она. — Поехали? — Она подъехала ближе и помогла Лорри сесть в седло. Но Лорри молчала, пока они двигались по дороге, которая извивалась так же, как в будущем улица Ясней.

У реки Лорри видела мелькающие огни, и раз или два до нее доносились возгласы. Она вздрогнула. Снова, как тогда, когда люди и собаки охотились за Чол, до нее издалека доносилось ощущение страха.

— Говорят, человек — самое опасное животное, Лорри. Но сегодня самые опасные — охотники, а не их добыча.

— А на кого они охотятся?

— Из лагеря на севере сбежал пленник, отчаявшийся человек, который хочет вернуться домой к руинам и проигранному делу.

— Ты... ты знаешь его?

Лотта долго молча смотрела на нее.

— Я знаю, каков он, и могу догадаться, что сделало его таким. Но самого человека я не знаю.

— Но ты собираешься помочь ему, как другим?

— Может быть... только может быть, Лорри. Потому что я не руковожу выбором дома. Он предлагает убежище по собственному желанию, а не по моему. Мы обладаем силой, Лорри. Мы можем сгибать и ткать, поворачивать и менять. Но есть и другие умения — равные по силе, но другие, и на них мы не можем воздействовать, хотя должны считаться с ними.

— Не понимаю.

Лотта снова улыбалась.

— Не сейчас, Лорри, не сейчас. Настанет время, когда ты поймешь. Если бы ты не была такой, какая есть, дом никогда не открылся бы тебе. Потому что он выбирает людей. Однако последнее решение остается за тобой. А теперь, мне кажется, мы должны свернуть на лесную тропу. Там очень шумные охотники, они давно разогнали всю дичь.

Она подняла хлыст, отвела им нависшую ветвь и повернула лошадь направо. Лорри последовала за ней, и ветвь за ними опустилась на место. Тропа очень узкая, такая узкая, что им пришлось ехать друг за другом. Деревья и кусты с обеих сторон, хотя и лишившиеся листы, образовали две сплошные стены. Время от времени Лотта останавливалась. Было темно, и Лорри не видела, что делает девушка, но ей показалось, что она прислушивается.

Неожиданно Лорри повернула голову. Неужели она слышала далекий крик? Или... Она снова вздрогнула. Лотта повернула направо, где растительность редела. Им приходилось низко пригибаться к седлам, потому что здесь вообще не было тропы. И наконец они оказались у ограды, сделан-

ной из сложенных крест-накрест рельсов. Лотта двинулась вдоль этой ограды.

Лорри выронила поводья и, ахнув, зажала руками уши. Резкий крик прозвучал в ее голове, и в нем была такая боль! И он близко, очень близко.

Она слышала, как Лотта произнесла слово, не имеющее никакого смысла. Резкий звук стих, словно заглушенный этим словом. Лотта снова напевно заговорила, не так, как говорила в ту ночь, когда они нашли Чол, а по-другому, как будто у нее было твердое намерение получить ответ.

На снегу за оградой ни единого следа. Но дальше, в углу изгороди, что-то шевелится. Лорри не могла справиться со своим страхом. В тот раз, в санях, она знала, что страх исходит от охотников и от Чол, но на этот раз было что-то другое. Как будто Лотты, которая совсем рядом, можно протянуть руку и дотронуться, — совсем нет и Лорри одна, и что-то странное и чуждое ползет ей навстречу.

От тени отделился человек, он тяжело опирался на ограду. И не пытался двинуться им навстречу, а молча ждал.

Вперед двинулась Лотта, но Лорри осталась на месте, хотя была недалеко и все слышала. Лотта наклонилась в седле и спросила:

— Кто ты?

— Кто обладает Призывом? — ответил ей хриплый голос. — Я не то, что ты думаешь. Я боюсь. Мне велели использовать Призыв, только когда изменится все остальное, как сегодня ночью. Но сила его не моя, а кого-то другого. Я не претендую на большее, чем я есть.

— И это правильно. Поспешно пытаться овладеть такими силами...

— Можно попасть еще в большую опасность, да, знаю, леди. Чуть повысь голос, и эти мерзавцы у реки будут здесь и избавят тебя от такой проблемы, как я. И сейчас мне кажется, что мне самому все равно.

— Идти можете?

Лорри показалось, что голос Лотты звучит холодно и требовательно.

— Немного, мэм. Я бежал и полз, возможно, во мне еще осталось сил, чтобы идти — но недолго.

Тень отделилась от изгороди, шатнулась к Лотте, ухвати-лась за ее юбку. Мужчина едва не опустился на колени. Лотта нагнулась и поддержала его.

— Держитесь за мой повод! — Голос ее прозвучал как приказ. — Лорри, возвращайся к дороге и наблюдай... Они не должны прийти от моста без предупреждения.

Лорри развернула Бевиса в узком пространстве между изгородью и краем леса. Найдет ли она обратный путь к дороге? Она не была уверена. Но Бевис двинулся уверенно, и она решила предоставить выбор ему. И оказалась права, потому что вскоре лошадь вышла на узкую тропу. Лорри вслушивалась, ожидала услышать крики, любые звуки, которые выдают движущихся от реки преследователей. Она достигла кустов, закрывавших выход на дорогу, и посмотрела вдоль нее.

Факелы собирались вместе, будто несущие их люди строятся единым отрядом. Что ей делать, если они двинутся к дому?

— Лорри? — негромко послышалось сзади, с тропы.

— Они собрались у моста, — ответила девочка.

— Нужно пересечь дорогу до того, как они подойдут ближе. Идти недалеко, вы должны это сделать! — Лотта обращалась к мужчине.

— Скажите это моим ногам, мэм. Тут дело в воле, потому что плоть моя слаба.

— Держитесь. Лорри, держи Бевиса между нами и мостом, как укрытие. Поняла?

— Да. — Лорри отвела ветвь, обозначающую начало тропы. Лотта выехала на открытое место, лошадь ступала осторожно, рядом с ней спотыкалась темная фигура. Когда они оказались на дороге и Лорри поехала с другой стороны, Бевис уравнивал шаг с ходом лошади Лотты, и незнакомец пошел между ними.

Они вернулись к Восьмиугольному дому. Когда достигли аллеи, ведущей к конюшне, Лорри услышала, что мужчина

дышит тяжело, увидела, как он шатается, будто едва стоит на ногах. Лотта поддерживала его за плечо.

— Приведи Финеаса! — приказала она. Лорри повела Бевиса галопом, у конюшни соскочила с седла и побежала к двери.

— Финеас!

Он выбежал, миновал Лорри, будто не видел ее, и побегал по дорожке к Лотте.

— Я здесь! — Он остановился рядом с незнакомцем и подхватил его.

— Лорри... лошадей... в конюшню! Они идут!

Лорри подхватила повод лошади Лотты, а Лотта спешила и, поддерживая незнакомца с другой стороны, с помощью Финеаса повела его по садовой тропе к задней двери дома. Лорри отвела лошадей в конюшню, закрыла дверь и побежала вслед за медленно движущимся трио.

Теперь голоса с дороги доносились слишком отчетливо. Лотта права: охотники идут.

— Сюда!

— Не могу...

— Нужно! — Это Лотта.

Каким-то образом он нашел силы, потому что они помогли ему подняться на четыре ступеньки и провели в заднюю прихожую.

— Быстрее!

Лотта и Финеас тащили незнакомца, Лорри шла за ними. Когда они вошли на кухню, что-то упало на пол, и Лорри подобрала. У стола стояла Чол, но, увидев их, подбежала, распахнула дверь, пошла перед ними по пути в зеленую комнату, а затем и в комнату с раскрашенным полом. Финеас и Лотта усадили мужчину в кресло, голова его откинулась на высокую спинку, а заросший бородой подбородок нацелился в потолок. Борода была густая и косматая, а глаза глубоко впали. Тело под лохмотьями худое, и мужчина непрерывно дрожал, будто очень долго пробыл на холоде. Лотта повернулась к Финеасу:

— Присмотри за лошадьми!

— Сейчас... — И он исчез.

Тогда она обратилась к Чол:

— Немного супа... и одеяла...

Но Чол продолжала стоять, глядя на почти потерявшего сознание мужчину. Потом посмотрела на Лотту.

— Он — один из *них*.

— Ну и что? В этой комнате, в этом доме — ты задаешь такие вопросы, Чол?

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и Лорри показалось, что, хотя они не произносят ни звука, тем не менее разговаривают, но так, что она не понимает.

— Неужели он оказался бы *здесь*, — менее строго произнесла Лотта, — если то, во что ты хочешь поверить, оказалось правдой?

Чол медленно покачала головой. Потом тоже вышла.

Мужчина в кресле как будто немного пришел в себя. Он передвинул ноги, и Лорри увидела большие дыры в подошвах его сапог. Руки он снял с подлокотников и поднес к воротнику куртки, вместо пуговицы скрепленному веревкой.

— Где... где... — Он открыл глаза и искал что-то в одежде. — Где...

Впервые Лорри посмотрела на то, что держит в руках. Тонкая деревянная коробочка или поднос, примерно в шесть дюймов. К крышке приклеены раковины, множество мелких раковин, и еще сверкающие семена. Это рисунок: сердце из красно-коричневых семян, окруженное венком из раковин, а посередине, тоже из семян, два слова: «Вечно твой».

— Вы это хотите? — Лорри протянула ему коробочку.

Он шире открыл глаза и посмотрел на то, что она ему протянула. Губы его дернулись, и он произнес очень странный звук.

— Мы... цепляемся за вещи, — сказал мужчина. — Иногда слишком долго. Если что-то делаешь, это поддерживает жизнь. Даже в адском лагере это поддерживало меня. Но... нет... больше нет. Это больше не нужно. — Он взял у Лорри картинку их раковин и семян.

Держа ее в руке, чуть распрямылся в кресле, осмотрелся и в последнюю очередь посмотрел на Лотту.

— Ради всего, что сохранилось достойным в этом безумном, тревожном мире, — сказал он, — я Чарльз Дюпре, к вашим услугам, мэм. И, если я совершенно не потерял счет времени, сегодня праздник. — И вот это чучело приподнялось и сделало жест, в котором сохранились остатки изящества. — Может быть, — он закашлялся и улыбнулся Лотте, — может быть, мне следует сказать: мадам, не будете ли... моей валентинкой?

Лотта подхватила картинку, выпавшую из его руки. А он упал бы на пол, если бы она не подтащила его к креслу.

— Лорри... к стене! — Она поддерживала Чарльза в кресле. — Нажми оба конца средней полки, одновременно!

Лорри широко развела руки, коснулась пальцами мест, которые указала Лотта. Нажала изо всех сил. И отпрянула: стена двинулась. За ней оказалось маленькое треугольное помещение с узким оконцем.

У другой двери стояла Чол. Она держала чашку, от которой поднимался пар. А внизу в дверь громко стучали.

— *Они!* — Чол пролетела по комнате, поставила чашку в потайное помещение, уронила на пол с плеча одеяло и сразу вернулась. — Оставьте его на меня, мисс Лотта. Идите и разговаривайте с *ними!*

Лорри попыталась помочь Чол, но до кресла так и не добралась. Свет и тьма смешались, превратились в лунный свет и тени на кукольном домике. Она медленно повернулась к стене. Никакого отверстия. Но... теперь она знает.

Лорри медленно подошла к пустой полке, где, казалось, всего несколько секунд назад стояли книги. Прижала кончики пальцев и надавила, потом откинулась. На этот раз быстрого движения не было, но полка слегка передвинулась. Лорри вставила пальцы в образовавшуюся щель и надавила.

Вот оно — тесное треугольное помещение, пустое, если не считать теней. Но оно на месте. Лорри вернула стену в прежнее положение. Неожиданно ей стало холодно, тени показались густыми и большими, а лунный свет слабым. Ей захотелось настоящего света и настоящих людей. И она побежала в дом своего времени, и Сабина бежала за ней.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗОЛОТАЯ ИГЛА

— Вам с благодарностью от комитета. — Лорри протянула обернутый в бумагу пакет мисс Эшмид. — А вот и альбом. Девочки обращались с ним очень осторожно. Мы знаем, какая это ценная вещь. Вы были очень добры, когда поговорили с тетей Маргарет и разрешили нам взять альбом.

Мисс Эшмид улыбнулась и взяла пакет.

— Я знала, что ты будешь его беречь, Лорри, иначе не дала бы его тебе. Ничто, дитя, не настолько ценно, чтобы не дать его нуждающемуся, никогда не забывай об этом. А теперь посмотрим, что здесь.

Она развязала ленту, развернула бумагу и посмотрела на подарок комитета.

— Это самая красивая, — сказала Лорри. — Мы все ее делали.

Мисс Эшмид подняла валентинку так, чтобы солнечный свет упал на кружевную бумагу и на букет цветов в центре, коснулся золотых букв, которые Лизбет искусно вырезала из золотой бумаги в форме переплетенной веревки.

— Нашей Валентине, — прочла мисс Эшмид. — Ты хорошо все сделала, Лорри. Я дам тебе письмо для комитета. Значит, такие вы собираетесь продавать на ярмарке?

— Мы сделали пятьдесят, — гордо ответила Лорри. — О, не все такие большие, как эта. Но мы старались скопировать из альбома те, которые нам больше понравились. И миссис Реймонд назвала их «произведениями искусства», — процитировала Лорри.

Мисс Эшмид поставила валентинку на свой столик для вышивания. Теперь Лорри могла обратить внимание на комнату. Она стала другой. И с острым приступом страха девочка поняла почему. Длинный стол пуст, на нем больше нет стопок материалов и лент, нет работ, ждущих исправляющей иглы.

Рама для вышивания тоже пуста и придвинута к стене. Хотя в этот пятничный вечер в камине горит огонь и перед ним свернулась Сабина, хотя горят свечи, впервые за все вре-

мя Лорри не почувствовала знакомой безопасности. Она с тревогой посмотрела на мисс Эшмид.

— Вы не прибираетесь... — Ей хотелось задать вопрос, но прозвучало скорее как утверждение факта, в который она не хочет верить.

— Да, Лорри, очистка и приборка почти закончены.

— Дом! Мисс Эшмид, это собрание... Не может ли помочь вам адвокат? Ведь Восьмиугольный дом не снесут? Это невозможно!

Она так была занята работой в комитете, заключительными тестами в конце четверти, слишком занята, чтобы думать об этом! Может быть... может быть, она могла бы что-то сделать. Ведь у нее была мысль заинтересовать людей и заставить их вступить за дом. Если бы она только обратила внимание, постаралась... Лорри стало холодно. Она вздрогнула и снова осмотрела комнату, заметив, как много знакомых вещей исчезло. Что... что теперь будет?

— Лорри. — Спокойный голос мисс Эшмид привлек внимание к его хозяйке. — В этом ты права: время Восьмиугольного дома быстро приближается к концу. Но таков естественный ход жизни, дорогое дитя. Ничто не остается неизменным, если не удалено из самой жизни. По человеческим меркам Восьмиугольный дом прожил долгую жизнь, много больше ста лет. Он видел много перемен вокруг, и теперь пришла его пора измениться.

— Его снесут! Он исчезнет... а не просто изменится. Это... это неправильно! — Лорри вскочила и заговорила резким голосом.

Мисс Эшмид больше не улыбалась. Она смотрела на Лорри очень серьезно и внимательно.

— Лорри, никто не может сказать жизни «нет» и остаться прежним. Когда ты пришла сюда впервые, ты пыталась сказать «нет» переменам. Тебе казалось, что в новом образе жизни ты не видишь ничего хорошего. Разве это не так?

Она помолчала, и Лорри попыталась вспомнить дни, когда перед ней открылся Восьмиугольный дом.

— Тогда у дома было что предложить тебе. Этот дом — убежище, Лорри, и всегда был таким. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Безопасное место, — ответила Лорри.

— Безопасное место. И те, кто находит сюда дорогу, так измучены жизнью, что дом становится их убежищем. И в этом доме можно сделать выбор: вернуться к жизни или остаться. Тебе казалось, что ты одинока и несчастна. Но была ли ты так одинока, несчастна и испугана, как Фибе и Финеас, как Чол и Нэки, как Чарльз Дюпре?

Лорри не совсем понимала, что хочет ей сказать мисс Эшмид.

— Они пришли... Лотта привела их... потому что их преследовали... за ними охотились люди...

— Да, за ними охотились. Двое детей-сирот, два сбежавших раба и военнопленный. Дом решил предоставить им убежище, а они в свою очередь решили в нем остаться. Тебе тоже казалось, что тебя преследуют, но от кого ты бежала, Лорри?

— От Джимми Пурвиса... от мальчиков... — Лорри пыталась вспомнить, почему она бежала. Теперь почему-то это казалось ей глупым. — И еще все остальное... Мне не хватало бабушки и Хемпстеда, я чувствовала себя одинокой. Я была глупой... — она чувствовала, как покраснело ее лицо... — как они и говорили.

— Тогда все это казалось тебе очень большим. А какое оно сейчас?

— Маленькое, — призналась Лорри.

— Потому что ты поняла, что время может многое изменить?

Неожиданно Лорри сама задала вопрос:

— Мисс Эшмид... кукольный домик... и этот дом... одно и то же? — Она сама не совсем понимала смысла своего вопроса, но он показался ей очень важным.

Мисс Эшмид покачала головой.

— Не могу ответить. Не в том дело, что не хочу, а просто не могу. Но ты должна знать: если бы в тебе не было свойств,

которые открывают двери, ты бы не видела то, что тебе показали. Дом выбирает, и он всегда это делал. А теперь, когда ты это видела, можно надеяться, что время откроет перед тобой много других дверей, если пожелаешь.

— Мисс Эшмид, но если Восьмиугольный дом должен исчезнуть, где будете жить вы с Холли?

Мисс Эшмид снова улыбнулась.

— Дорогое дитя, об этом не нужно беспокоиться. А теперь мне кажется, остался только один ряд в твоём образце. Пошьём немного?

Она отложила валентинку и открыла крышку стола. Лорри взяла свою собственную рабочую коробку и достала из нее кусок ткани с рядами стежков. Немного удивленно она рассматривала результаты своего обучения. На ткани гораздо больше, чем ей казалось: начиная с простого шитья и французских узлов к другим, гораздо более сложным способам вышивки.

Мисс Эшмид достала из одного отделения стола небольшой пакет и теперь разворачивала ткань.

— Не откроешь ли музыкальную шкатулку, Лорри? — попросила она.

И когда в тихой комнате прозвучала негромкая звенящая мелодия, Лорри не удивилась, услышав, что мисс Эшмид запела на каком-то незнакомом языке. Но ведь она не вышивает рисунок, не чинит кружева, не делает ошейник...

Ошейник, с неожиданным удивлением вспомнила Лорри. Мисс Эшмид на Рождество сделала бархатный ошейник для Сабины. Но Сабина его тогда не носила, и с того дня Лорри больше его не видела.

А что сейчас делает мисс Эшмид? Лорри слегка наклонилась вперед, чтобы рассмотреть: вещь маленькая. Да, сверкает золотая игла, хотя солнца сегодня нет. И... она шьет кукольное платье!

При этом мисс Эшмид время от времени поглядывала на маленький рисунок, который был завернут в материал. Еще больше наклонившись, Лорри отчетливо увидела его и узнала изображенную на нем женщину.

Это была Лотта, какой она видела ее в последний раз с Чарльзом. Только вместо костюма для верховой езды на ней красивое кружевное платье, которое рядами оборок спускается от талии. И мисс Эшмид копирует это платье. Лорри ни за что не поверила бы, что можно делать такие микроскопические стежки, если бы не увидела этого собственными глазами. Мисс Эшмид пела. И Лорри обнаружила, что ее игла движется в такт этой песне, движется с легкостью и удовольствием.

Когда был закончен последний ряд стежков на образце, она сложила ткань и аккуратно положила на дно коробочки, под поднос с футляром для иголок, катушками и мотками ниток. А потом сидела молча, наблюдая за тем, как сверкает иголка. Лорри обнаружила, что вслед за мисс Эшмид повторяет слова ее песни, не понимая их смысла. Но они были очень существенной частью того, что сейчас делает мисс Эшмид.

Лорри не знала, сколько она так просидела, и ей было все равно. К ней вернулись ощущения тепла и безопасности этой комнаты. Но вот мисс Эшмид сделала последний стежок и отрезала нитку. Платье закончено. Она пригладила его пальцами и развернула еще один кусок ткани. Внутри лежало еще одно платье мягкого розового цвета, с передником в оборках.

— О! — в отчаянии воскликнула Лорри. — Вы сломали иглу — золотую иглу!

Мисс Эшмид больше не пела. Она опустила иглу, которая сразу потускнела. Игла была сломана пополам и почему-то больше не казалась золотой. Лежали просто два тусклых обломка, будто шитье извлекло из них всю жизнь.

— Ее работа кончена, моя дорогая. — Мисс Эшмид не казалась расстроенной. — Она очень старая и больше не может быть полезной.

Лорри разглядывала кукольные платья. Ей хотелось спросить, зачем мисс Эшмид сшила их, но почему-то она не могла, будто этот вопрос был слишком грубым.

Мисс Эшмид отложила платье, свернула ткань, закрыла крышку стола для шитья.

— А теперь, Лорри, принеси перо и бумагу. Я хочу поблагодарить комитет за очаровательный подарок.

Мисс Эшмид принялась писать, а Лорри отошла к камину. Сабина села и стала умываться. В комнате было так тихо, что слышался слабый скрип пера, даже прикосновения розового язычка Сабины к черной шерсти. И неожиданно Лорри не понравилась эта тишина. Холли... где Холли? Она прислушалась к звукам на кухне. Но, вероятно, стены старого дома слишком толстые: даже если Холли работает на кухне, здесь ничего не слышно.

Мисс Эшмид запечатала конверт и достала из внутреннего кармана своей широкой юбки другой.

— Лорри, я попрошу тебя выполнить одно очень важное для меня дело. И не задавать никаких вопросов. Мне кажется, я могу доверять тебе.

— Да, мисс Эшмид.

— Уходя сегодня отсюда, ты увидишь ключ в замке задней двери. Ты закроешь дверь, потом положишь ключ в этот конверт, запечатаешь его и бросишь в почтовый ящик на углу.

— Мисс Эшмид! — Лорри решила схватить руку, протянувшую ей конверт. — Пожалуйста, мисс Эшмид, что вы хотите сделать?

— Я сказала: никаких вопросов, Лорри. И не бойся: бояться нечего, это я тебе обещаю. Я тебе уже говорила, что вера необходима. Поверь мне сейчас.

Лорри взяла конверт.

— Хорошо.

— А теперь, Лорри, уже поздно.

Но Лорри не сразу направилась к выходу.

— Я увижу вас еще?

Мисс Эшмид улыбнулась. Сабина пробежала по комнате и легко прыгнула ей на колени.

— Я думаю, увидишь, Лорри. Помни, вера очень важна — вера и необходимость видеть не только глазами, но и серд-

цем. Никогда не забывай этого. А сейчас прощай ненадолго, Лорри.

— До свидания. — После этого Лорри уже не могла задерживаться, но она почти боялась уходить, боялась, что, если выйдет из этой комнаты, больше никогда ее не увидит. Подойдя к двери, она оглянулась и бросила последний взгляд.

Сабина лежала на коленях хозяйки, и мисс Эшмид гладила ее. Тени в углах комнаты становились все гуще и начали ползти к середине.

— Я могу попрощаться с Холли? — спросила Лорри.

— Конечно, моя дорогая, если найдешь ее.

Лорри закрыла дверь и через прихожую прошла к кухне. Дверь была закрыта и не открылась, когда она ее толкнула. Как сказала мисс Эшмид при первом знакомстве с домом: заходи всюду, куда откроются двери. Эта не открывалась.

Лорри постучала, но ответа не было. Но она должна попрощаться с Холли! Сегодня это казалось почему-то особенно важным. Продолжая стучать по упрямо не желавшей открываться двери, Лорри сказала:

— До свидания, Холли, до свидания!

Все равно этого казалось недостаточно. Встревоженная, сама не понимая почему, Лорри вернулась к двери, из которой только что вышла. Она спросит у мисс Эшмид. Однако эта дверь тоже не подалась. Девочка подняла руку, но стучать не стала. После своего прощания она чувствовала, что не должна больше тревожить хозяйку Восьмиугольного дома.

Лорри оделась, натянула ботинки. Ключ, как и сказала мисс Эшмид, торчал в двери. Лорри вышла и повернула ключ. Постояла на пороге, держа его в руке. Она закрыла внутри мисс Эшмид и Холли — но почему? Ключ большой, тяжелый и старый. Но, наверно, у них есть второй. Может, Холли просто устала и отдыхает, и мисс Эшмид не хотела, чтобы она вставала и закрывала дверь.

Но тогда зачем вкладывать ключ в конверт и посылать его по почте? Лорри повертела конверт в руках. Он толстый, и в нем какие-то бумаги. Она не раздумывая положила в него

ключ и лизнула липкую полоску. На конверте есть имя и адрес. Он уйдет к мистеру Эрнесту Трастону, адвокату!

Вера важна, сказала мисс Эшмид, — и не задавай вопросов. Но вопросы гудели в голове Лорри, когда она шла к почтовому ящику и опускала в него тяжелое письмо.

Готовя ужин для тети Маргарет — та придет сегодня поздно, — Лорри продолжала думать о ключе и большом конверте. Она вспоминала и все больше и больше тревожилась, хотя сама не понимала причины этой тревоги. Драгоценная золотая игла мисс Эшмид, тусклая и сломанная. И закрывшаяся после ее ухода дверь — за то короткое время, что провела Лорри у кухни, мисс Эшмид не могла встать и дойти до двери, чтобы закрыть ее! Но тогда кто ее закрыл? Холли, которая обошла дом с другой стороны, через неиспользуемую гостиную?

И все время мысли ее возвращались к ключу и к тому, зачем мисс Эшмид отравила его мистеру Трастону.

Но куда денутся мисс Эшмид, Холли и Сабина? Лорри не могла представить их себе живущими где-нибудь, не в Восьмиугольном доме, они не принадлежат миру за пределами этого дома. А что будет со всеми сокровищами? Сможет ли мисс Эшмид взять их с собой?

Лорри осмотрела маленькую кухню квартиры. Только представить себе Холли, работающую здесь! Ее любимая плита сюда не войдет. Неожиданно Лорри захотелось побегать в темноте, постучать в заднюю дверь, в эту закрытую заднюю дверь, и найти Холли, найти красную комнату и мисс Эшмид точно в таком виде, какими она их знает уже много месяцев. Месяцев, удивилась Лорри. Да, часть октября, весь ноябрь, декабрь, январь и часть февраля... Но ей казалось, что она знакома с Восьмиугольным домом гораздо дольше.

А что будет с Бевисом и кукольным домиком? Или... впервые мысли Лорри устремились в другом направлении... где сейчас Бевис и кукольный домик? Да и были ли они вообще?

Но мисс Эшмид знала о Фибе и Финеасе, Чол и Нэки, о Чарльзе Дюпре. Она сама сегодня сказала, что они предпоч-

ли оставаться в безопасности. Значит ли это, что они живут там вечно? Лорри посмотрела на часы и на кофейник. Верь, сказала мисс Эшмид.

Девочка глубоко вздохнула и застыла. Она смотрела на стену, но не видела ярко начищенные медные крючки, прибитые здесь, чтобы оживить обеденный уголок кухни. В глубине ее возникло новое ощущение тепла. Теперь... теперь она верит, что мисс Эшмид, и Холли, и Сабина в безопасности. Неважно, что будет с Восьмиугольным домом — они есть и всегда будут в безопасности.

— Лорри? — Она услышала, как тетя Маргарет поворачивает ключ в двери, и удивленно повернулась.

Тетя Маргарет еще не сняла пальто и шляпу. Выглядела она встревоженной и несчастной.

— Мне очень жаль...

— Чего жаль? — Лорри оторвалась от своих мыслей.

— Восьмиугольного дома. — В руке тетя Маргарет держала вечернюю газету. — Автострада... — Она смолкла.

— Знаю. Мне сказала мисс Эшмид.

— Бедные старые леди. Нужно для них что-нибудь сделать. Куда они пойдут? Лорри, я думаю, нужно сейчас пойти к ним и узнать, чем я смогу помочь.

— Мисс Эшмид сказала, что они будут в безопасности.

— В безопасности? О да, ты была там сегодня днем. Но, может, она на самом деле не понимает, Лорри. Сегодня комиссия объявила, что просьбы отклонены. Все, кто возражал, вынуждены будут переселиться. Мисс Эшмид очень стара, малышка. И иногда старики не понимают, как дела обстоят сегодня.

— Она знает, тетя Маргарет. Она сказала мне, что сейчас нет места для Восьмиугольного дома.

Тетя Маргарет сняла пальто.

— Но оно должно быть! — убежденно сказала она. — Мы должны решить, что можно сделать. По крайней мере для этих бедных старых леди.

— Тетя Маргарет, — медленно спросила Лорри, — ты действительно считаешь их всего лишь бедными старыми леди?

Тетя Маргарет удивленно посмотрела на Лорри. Но потом лицо ее приняло задумчивое выражение.

— Ты права, Лорри. Может быть, мисс Эшмид и стара, но не думаю, чтобы она позволила кому-нибудь решать за себя. А она рассказала тебе о своих планах?

— Да, и... — Лорри рассказала о ключе и конверте.

— Закрыть за собой дверь и отправить конверт? И ты это сделала? Но, Лорри, оставить их запертыми... Почему они этого захотели? Лорри, оставайся дома, поняла?

Тетя Маргарет накинула пальто и выбежала в коридор, даже не закрыв за собой дверь. На несколько мгновений к изумлению Лорри примешивался страх. Но потом к ней вернулась прежняя уверенность: она знала, что не нужно тревожиться о мисс Эшмид и других обитателях Восьмиугольного дома. И продолжала готовить ужин, прислушиваясь, ожидая возвращения тети Маргарет.

И та через несколько минут действительно вернулась. На лице ее было странное выражение, когда она снова вошла на кухню.

— Не понимаю, в чем дело, — сказала она. — Я дошла до ворот и почему-то поняла, что с ними все в порядке.

Лорри кивнула.

— Я тоже это знаю.

Но на лице у тети Маргарет по-прежнему было странное выражение, будто у нее на глазах произошло что-то невероятное, чему она не может поверить, хотя сама видела. Она покачала головой.

Письмо пришло на следующую пятницу. Но так как это был день ярмарки, распечатали его только вечером. Тетя Маргарет была на родительском комитете, потом они ужинали и вместе с Лорри вернулись домой уже после девяти. В ящике их ждал конверт, длинный, белый, с деловым адресом, напечатанным в верхнем углу. Адресован он был им обеим: мисс Маргарет Герсон и мисс Лорри Маллард.

Тетя Маргарет, очень удивленная, прочла его вслух. В субботу утром к одиннадцати часам они должны прийти к Восьмиугольному дому. Подпись — Эрнест Трастон.

— Адвокат мисс Эшмид! — воскликнула Лорри.

— Но зачем? — Тетя Маргарет прочла письмо еще раз, на этот раз про себя. — Что ж, это заставляет поработать воображение, верно? К счастью, завтра я свободна.

Когда на следующий день они открыли передние ворота Восьмиугольного дома, шел легкий снег. И снова поверх их голов смотрел гордый олень с небольшим сугробом на спине. Лорри взглянула на него печально и понадеялась, что он найдет другой дом, когда снесут этот газон и сад.

На снегу видны следы, как будто кто-то недавно обошел дом, и они по этим следам прошли к двери, которой всегда пользовались. Тетя Маргарет постучала, и дверь открыли, но открыла не улыбающаяся Холли, а мужчина, который сразу и чуть резко спросил:

— Мисс Герсон?

— Да, и Лорри.

Он провел их в красную комнату. В камине не горел огонь. И хотя были зажжены лампа и несколько свечей, все тепло и веселье ушли из комнаты. Высокое кресло было пусто. Тетя Маргарет задала вопрос, который не решалась задать Лорри.

— Где мисс Эшмид?

— Ее нет. Конечно, она всегда все решала сама. Мне прислали почтой ключ и инструкции. Бррр... эти старые дома без центрального отопления... только сырость и холод! Если не возражаете. — Он осмотрелся, как будто ему абсолютно безразличны эта комната и весь дом и он хочет уйти отсюда как можно быстрее. — Мисс Эшмид сделала определенные распоряжения относительно своей собственности и поручила мне выполнить их. Ваша племянница, Лорри Маллард, получает содержимое игрушечной комнаты. Пройдите, пожалуйста, за мной.

— Игрушечная комната? — повторила тетя Маргарет. — Но...

Идя по пустому дому, где вся мебель была закрыта новыми чехлами, Лорри подумала, что этот дом ей чужд. Но вот

мистер Трастон раскрыл последнюю дверь, и они оказались в комнате с раскрашенным полом.

Здесь, как всегда, были Бевис и домик.

— Лорри! Кукольный домик и лошадь-качалка... — Тетя Маргарет смотрела на них. Но Лорри заметила, что в комнате есть кое-что еще. С одной стороны стояла коробка, из которой мисс Эшмид доставала замечательные рождественские украшения, а на ней — ее рабочая шкатулка и альбом с валентинками.

Тетя Маргарет медленно обошла домик, заглядывая в окна.

— Это... это музейный экспонат, мистер Трастон. И... у нас в квартире просто нет для него места.

— Мне кажется, мисс Эшмид это предвидела. — Мистер Трастон достал листок бумаги. — Поскольку большая часть обстановки дома имеет историческую ценность, она передает ее Эштонскому историческому обществу. Кукольный домик и лошадь-качалка временно могут отправиться с мебелью, но ваша племянница в любое время сможет их забрать. Все это будет бережно храниться и, я не сомневаюсь, доставит много удовольствия публике... думаю, школьные классы ежегодно будут посещать эту выставку. Но когда захочет, она сможет их взять. А теперь, мне не хочется вас торопить, мисс Герсон, но определенные статьи касаются вас. Если пройдете со мной и посмотрите...

— Какой замечательный домик... да, иду, — ответила тетя Маргарет.

Лорри подождала, пока они выйдут, потом обошла домик, подошла к той стороне, где столовая — комната, которую мисс Эшмид сделала своей. Несмотря на то что в комнате было сумеречно, она уловила слабый блеск у основания. Наклонилась, чтобы разглядеть лучше. Да, она права! Золотая цепочка, а к ней прикреплены семь маленьких ключей, а восьмой торчит из замка ящика.

Она повернула ключ и открыла ящик. Этот шире других.

— Лотта! — Ей не нужно было притрагиваться к удивительному платью, которое у нее на глазах шила мисс Эшмид, ни к самой кукле, на которую оно надето. — Холли. — Не

старая и согбенная, а молодая, как Лотта... в розовом платье. — Сабина, — маленькая, тихая, с серебряными колокольчиками на ошейнике. — Здравствуйте. — Лорри наклонилась поближе и прошептала: — Вы все... ждите меня.

Она осторожно закрыла ящик и повернула ключ. Почему она так сказала? Ждать ее... как?... где? Пока у нее не будет достаточно большой дом, чтобы вместить кукольный домик? Когда снова появится возможность навестить его, встретиться с теми, кто будет жить в нем вечно?

Одни, два, три, четыре ящика со своими обитателями. А что в остальных четырех?

Она попыталась открыть следующий ящик, и ей это удалось. Но ящик пуст. Второй и третий — тоже пусты. Но когда она открыла четвертый, в нем что-то было. Лорри всмотрелась. Деревянная коробочка для иголок. Лорри взяла ее и открыла. Осталась только одна золотая игла, надежно воткнутая в бархат. Лорри не коснулась ее, но положила коробочку назад и закрыла ящик.

Потом снова попыталась открыть их все. Но они оставались закрытыми. Да, пусть забирают домик в музей, где все смогут на него посмотреть. Но те, кто остался в домике, — пусть они будут в безопасности, как хотели.

Лорри опустила цепочку с ключами в рабочую коробку и прихватила ее вместе с альбомом для вырезок. Коробку с украшениями заберет позже. Держа коробку и альбом, она подошла к Бевису и погладила его изогнутую шею. Стук, стук, он покачнулся взад-вперед, но ничего не изменилось. Лорри не была разочарована. Так и должно быть — пока.

Она пошла к двери и оглянулась на ждущий домик, на Бевиса. Они будут ждать, дом и лошадь, долго или нет, сколько понадобится.

— Прощайте, — негромко сказала Лорри, — прощайте ненадолго...

Пол скрипнул. Показалось ли ей, что Бевис одобрительно кивнул в ответ?

**МАГИЯ
МОХНАТЫХ**

Роман

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

У североамериканских индейцев любого племени есть множество легенд о Прежних, птицах и животных, кто жил еще до того, как появился сам человек, причем все они были гораздо более великими, чем те, кого мы знаем. Некоторые из этих существ, мохнатых или пернатых, обладали странного рода силами. Самым известным из них был Изменяющийся. По преданиям индейцев, живших в долинах, он чаще всего пребывал в образе койота, животного, у которого даже в наши дни отмечают больший ум и хитрость, чем у других животных. Перед другими племенами он предстал в облике Ворона или даже становился чешуйчатой рептилией.

Одним из его множества имен было Хитрец: он любил устраивать различного рода шутки и обманывать своих приятелей. Изменяющийся столько же помогал, как и вредил, поворачивая течение рек на благо Прежних, изменяя ради этого даже их земли. Ему подчинялись все силы природы. И совершенно не похожие друг на друга племена индейцев единодушны в том, что именно он в конце концов создал и человека — одни утверждают, по какой-то причуде от безделья, другие — что он хотел создать нового слугу. Только вышло не так, как он задумывал.

В легенде говорится, что Изменяющийся, «перевернувший весь мир», сейчас пребывает вместе с индейцами далекого Северо-Запада.

По другой версии, утверждается, что он в конце концов открыто бросил вызов Великому Духу и с помощью Гром-птицы (ужасной крылатой посланницы, самого великого из всех то-

темов) был отправлен в изгнание. Но был также предопределен и день его возвращения. Когда-нибудь он снова придет, чтобы вернуть в мир былое. И тогда человечество исчезнет, и снова на земле станут жить одни лишь Прежние, заполнив леса, прерии и пустыни, в которых не так давно человек охотился на них и почти всех истребил.

ДИКАЯ СТРАНА

Было слишком холодно и темно за окном, чтобы считать, что уже наступило утро. Эх, если бы он вернулся домой уже сегодня... Кори уселся на краю постели, держа в руке ботинок, который, он не сомневается, слишком мал для него, и принялся думать о доме. Именно сейчас ему так захотелось залечь где-нибудь под палящими лучами солнца во Флориде. Если бы все оставалось как прежде, до того, как отец улетел со Спасательной Службой ВВС во Вьетнам! Тетушка Люси, наверное, готовила бы завтрак внизу на кухне, и все было бы... в порядке. Только отца рядом нет, он там, в месте, название которого Кори не мог даже произнести вслух, а тетя Люси ухаживает за бабушкой в Сан-Франциско. Так что пока Флорида — не дом для него.

— Кори!

Голос прозвучал негромко, и так же тихо постучали в дверь, однако мальчик внезапно вздрогнул, очнувшись от своих грез.

— Да, сэр, иду, дядя Джаспер! — как можно быстрее ответил он и напялил сперва один ботинок, потом другой. Потом торопливо, хотя пуговицы с трудом входили в отверстия, застегнул рубашку и заправил ее в джинсы.

Ему очень хотелось закутаться снова в одеяла, может, даже зарыться с головой в постель и забыть обо всем, что случилось вчера. Лошади...

Кори моргнул и потер ноющие синяки. Скачки... По крайней мере хоть сегодня они поедут в джипе. Вот только

сейчас ему не очень-то хотелось предстать перед очами дядюшки Джаспера, несмотря на то, что не было никакой надежды избежать этого. Мальчик сильно топнул каждым ботинком, из-за непривычного веса на ногах ему казалось, что он словно идет на ходулях, настолько эта обувь отличается от легких флоридских сандалий.

Лошади... Кори вчера узнал кое-что новое о себе, от чего сейчас, когда он открывал дверь и неохотно брел по коридору огромного дома, обутые в ботинки ноги еле-еле волоклись по полу. Накануне он испугался, причем испугала его не только лошадь дядюшки Джаспера, по его словам, старенькая, ручная и вполне подходит для начинающего учиться ездить верхом, но и... и вся здешняя местность — и, может быть, слегка — и сам дядюшка Джаспер.

Прошлой ночью он никак не мог уснуть и долго прислушивался ко всякого рода разным звукам. Конечно, снова и снова повторял себе Кори, он ничего не должен бояться. Но мальчик никогда не жил до этого на таких огромных открытых пространствах, где даже нет асфальтированных дорог, со всеми этими горами, вздымающимися прямо в небо. Здесь миля за милей тянется одна только дикая глушь — высокая трава, которую никто никогда не подрезал, и огромные деревья, и... звери... Дядюшка Джаспер показал ему прошлым вечером след койота, совсем рядом с загонем.

Загон... Кори снова вспомнил, как вел себя в загоне вчера после полудня. Такое кого хочешь вгонит в краску. Он однажды прочитал в какой-то книге, что животные чувствуют, когда ты боишься их. Наверно, это правда. Потому что даже эта ручная и вроде бы старенькая лошадь встала под ним на дыбы. И... и у него так по-настоящему и не хватило мужества снова забраться в седло, когда дядюшка Джаспер вновь пригласил его это сделать.

Даже сейчас, хотя в этот ранний утренний час довольно холодно, Кори бросило в жар при воспоминании об этом. Дядюшка Джаспер ничего не сказал. Он заговорил о чем-то другом, а потом отвел Кори назад сюда, в этот дом, и дол-

го показывал ему все эти вещицы индейцев, что находятся в огромной комнате.

Вещи индейцев... Кори вздохнул. Всю свою жизнь он гордился тем, что знаком с дядюшкой Джаспером, даже хвастался об этом в школе и на встречах скаутов, рассказывал, что у него есть настоящий живой дядюшка-индеец, который служил вместе с папой в Корее и теперь живет в Айдахо и выращивает аппалусских лошадей для родео. И вдруг дядюшка Джаспер ворвался в его жизнь как раз тогда, когда отцу приказали прибыть на корабль, а тетю Люси вызвали к бабушке. И он предложил взять Кори к себе на ранчо на все лето! Рассчитывая чудесно провести время, мальчик с радостью согласился отправиться туда, ведь он столько читал о Западе — все, что только ему попадалось, — хотя ему и трудно было расставаться с папой.

И вот теперь мальчик стоял на пороге комнаты, выглядывая наружу, где только что встало солнце, дрожа, напяливая на себя свитер. Теперь он хорошо слышал голоса людей, раздававшиеся рядом с джипом, и ржанье лошадей в огромном загоне.

Лошади. Когда следишь за ковбоями по телевизору, то скакать на них кажется таким простым делом. А когда папа и дядюшка Джаспер как-то раз взяли его на родео — что ж, всадники там часто падали — но на это легко смотреть издали, совсем не то, что самому попытаться проехаться в седле. И сейчас, стоило ему подумать о лошадях, как огромные копыта в воздухе, направленные прямо на него, поглощали все его воображение.

— Кори?

— Иду, дядя Джаспер! — мальчик снова вздрогнул и побежал к джипу, решительно, не оглядываясь на загон. Хотя он читал когда-то рассказы о коварных лошадях и пумах и...

Холмы уже темнели на сером фоне неба, когда он поравнялся с джипом. Дядюшка Джаспер разговаривал с мистером Бейнсом.

— Это Кори Олдер, — представил его дядюшка Джаспер. Кори вспомнил о хороших манерах.

— Здравствуйте, сэр. — Он протянул руку, как учил его отец. Мистер Бейнс показался слегка удивленным, словно не ожидал этого.

— Привет, парень, — ответил он. — Хочешь посмотреть на табун, а? Ладно, запрыгивай.

Кори забрался в задок джипа, где большой кучей лежали два седла и прочее снаряжение для езды на лошадях, оставив для него совсем крохотное пространство. Два седла — не три — одно для дядюшки Джаспера, одно для мистера Бейнса... Мальчик почувствовал волну облегчения. Значит, дядюшка Джаспер не предполагает, что он сегодня будет ездить верхом на лошади! Они, наверное, направятся в лагерь, в котором разводят племенных жеребцов, и, возможно, он останется там.

Мальчик попытался найти что-нибудь, за что можно было бы держаться: дядюшка Джаспер не свернул на дорогу, ведущую к ранчо из города, а направил джип в сторону темнеющих гряд холмов прямо по неровной целине.

Они подпрыгивали и подпрыгивали на ухабах, продираясь сквозь заросли шалфея, объезжая скалы, пока их чуть ли не выбросило в высушенное русло давно исчезнувшего ручья, теперь используемого в качестве дороги. И вскоре они услышали звук, похожий на рокот множества барабанов, который прорвался даже сквозь шум мотора. Дядюшка Джаспер остановил машину и повернул голову, прислушиваясь, так что серебряные диски на ленте его шляпы засверкали в разгорающемся свете утра. Потом он вскочил на ноги, держась одной рукой за раму ветрового стекла, и повел носом так, словно нюхал ветер, пытаясь уловить какой-то запах с такой же настойчивостью, как и когда прислушивался.

Кори внимательно следил за ним. Дядюшка Джаспер выше папы. И несмотря на то, что носит обыкновенную рабочую одежду ранчера, серебристая лента на широкополой шляпе «Стетсон» и широкая цепочка лучника на руке заметно отличают его от мистера Бейнса. Хотя тот тоже загорелый, почти такой же смуглый, как и дядюшка Джаспер, и с такими же черными волосами.

А потом Кори забыл о людях, сидевших спереди, когда увидел, за чем они следят, — скачущий галопом табун лошадей. Но этот безумный поток грив и хвостов пронесся вдали от русла ручья, и Кори вздохнул с облегчением.

— Наверное, их спугнула пума, — предположил мистер Бейнс. Его рука, с легкостью человека, когда-то носившего такое оружие в седельной кобуре, легла на винтовку.

— Возможно, — согласился дядюшка Джаспер. — Нужно будет посмотреть, когда вернемся назад... Хотя пума больше интересуется оленями.

Джип двинулся дальше. Теперь Кори задумался о пуме, об огромной рычащей кошке, залегшей в тени дерева или прижавшейся к камню на вершине скалы, вроде той, что находится вон там, прямо над ними, готовая спрыгнуть на жертву. Он читал о пумах, и о медведях, и о волках, и о всех прочих животных, когда с таким нетерпением дожидался приезда сюда.

Но то были только рассказы, а теперь он по-настоящему живет на ранчо — и напуган. Легко смотреть на рисунок пумы, но совсем другое дело — видеть настоящие тени и думать, что может прятаться там, среди них.

Кори неотрывно смотрел на скалистую гряду, поблизости от которой они сейчас находились; они и в самом деле подъехали слишком близко к утесам. А что это за подозрительный бугорок вон там, бугорок, который может оказаться пумой, готовой прыгнуть на джип? Пумы не бросаются на людей, мальчик знал это, но джип может показаться ей новым видом животного, может быть, чем-то чуть большим, чем олень?

Вся беда в том, что Кори все время думает о подобных вещах. Он знал и постоянно напоминал об этом себе, что все прочитанное им в книгах — в основном достояние истории, равно как и были, которые рассказывал ему папа о тех временах, когда он сам служил вместе дядюшкой Джаспером, — и ничего этого не стоит бояться. Но вот мальчик первый раз в жизни попал в дикие земли, и эти тени оказались слишком реальны, и что-то вздрагивало у него внутри всякий раз, ког-

да он вглядывался в них. Однако он должен быть осторожным и не позволить дядюшке Джасперу узнать об этом — после всего того, что случилось вчера в загоне.

Они без каких-либо происшествий миновали, подпрыгивая на кочках, ту подозрительную скалу, и джип выбрался вверх со дна русла ручья, чтобы вновь направиться по чрезвычайно ухабистой и изрезанной колеями дороге. Дядюшка Джаспер направил колеса в самую накатанную колею, и они поехали; их по-прежнему трясло, но теперь не так сильно. Уже совсем рассвело, и тени, где могло скрываться все, что угодно, исчезли.

Если не считать этой колеи, можно подумать, что они мчатся по стране, где не ступала нога человека. Кори увидел какую-то летевшую высоко в небе птицу и с нервной дрожью, появившейся на этот раз не от страха, подумал, что это, наверное, орел. Его пугали только звери, которые прячутся на земле, а не птицы.

Изрезанная колеями дорога обогнула холм, и они остановились перед самой настоящей хижинкой. Кори с удивлением понял, что она очень похожа на те, что показывают по телевидению во всевозможных вестернах. Щели между бревнами стен замазаны глиной. Крыша, слегка выдающаяся вперед, прикрывает дверь из толстых досок. Еще у хижины два окна с открытыми ставнями. С одной стороны к стене примыкает загон, где пасется несколько лошадей. Там же каменная стенка высотой по колено образует бассейн, в который по трубе постоянно подается вода из ручья.

Кружок из старого пепла и почерневших от огня камней обозначает место, где разжигают костер. На трех камнях уютно устроился кофейник из глины, и огоньки пламени прыгают не слишком далеко от него.

Кори потянул носом. Внезапно он почувствовал сильный голод. А запах, поднимающийся от жидкости, кипящей в кастрюле на камнях очага, так аппетитен, что никто не устоит перед соблазном тут же отведать из нее. Человек, занимавшийся стряпней, присев на корточки, выпрямился. Кори уз-

нал Неда Красного Ястреба, главного помощника дядюшки Джаспера, которого он видел два дня назад только издали.

— Еда готова. Легкий завтрак. — Так приветствовал их Нед. Ранчер снова наклонился, чтобы расставить алюминиевые тарелки, а потом махнул рукой в сторону поленьев, расставленных вертикально на достаточном расстоянии от костра.

— Пахнет отлично, Нед. — Дядюшка Джаспер выбрался из-за руля джипа. Несколько секунд он постоял, глубоко дыша. — И отличное утро даже для этого высокогорья. Бейнс готов выбрать какого-нибудь жеребца для скрещивания.

— Лучше всего из табуна с альпийских лугов, — заметил Нед. — Сол утверждает, что они сейчас спускаются с Кинсо, переходя на новое пастбище. Вам лучше отправиться на осмотр где-то около полудня.

— Охотился, Нед? — Дядюшка Джаспер кивнул в сторону еще не лишившегося коры бревна, которое представляло собой опору для крыши крыльца хижины. Кори с удивлением увидел там лук со снятой тетивой, а под ним — колчан со стрелами. Конечно, он знает, что тот браслет, который носит дядюшка Джаспер, служит предохраняющей манжетой для лука, и он видел луки на вешалках на ранчо. Но он думал, что их используют только для стрельбы по мишеням. Неужели дядюшка Джаспер и Нед с их помощью по-настоящему охотятся, как в прежние времена?

— Пуме понравился вкус жеребят. Хотя в округе много оленей, и ей нет необходимости гоняться за табунами, — сказал Нед. — Это огромная кошка, на передней лапе не хватает одного пальца, так что ее след легко определить. За последний месяц нашли останки трех или четырех убитых животных, всех прикончила она, и двое из жертв — жеребята.

— Следует захватить ружье, — прервал его мистер Бейнс. И вытащил из джипа винтовку, словно собирался немедленно отправиться на охоту за большой кошкой.

Дядюшка Джаспер рассмеялся.

— Ты ведь знаешь, что в округе говорят о нас, Джим. Что мы слишком прижимисты, чтобы покупать патроны. Но в

действительности нам просто нравится охотиться с луками, это немного уравнивает шансы. Убивать народ без причины — этого мы не признаем. Во всяком случае — это наш образ жизни...

«Что он имел в виду под словом «народ»? — спросил себя Кори. — Неужели он имеет в виду, что он и Нед охотились на людей? Нет, этого не может быть». Как жаль, что у него не хватает смелости подойти и проверить этот лук. И колчан... Мальчик видел, что лук старый, украшенный узором из бузинок и птичьих перьев, почти такой же, как тот, что висит на ранчо. А колчан окаймлен какой-то грубой, изорванной материей. Да, он видел что-то похожее на рисунке в книге — это же скальпы!

Именно это слово было написано под рисунком в той книге — скальпы! Кори резко отвел взгляд от колчана и уселся рядом с дядюшкой Джаспером на одно полено, определенно решив больше не давать волю воображению.

— Это тебе, сынок. — Мальчику предложили тарелку с копченой грудинкой и бобами, смесь, которую он никогда в обычных обстоятельствах не посчитал бы за завтрак.

— Благодарю вас, сэр. Так вкусно пахнет!

Нед посмотрел на него с удивлением, похожим на то, что выказывал мистер Бейнс.

— А ты никак сын Клиффа Олдера?

— Да, сэр. Папа сейчас во Вьетнаме.

— Это я уже слышал. — Но что-то еще проскользнуло в этой простой констатации факта, что показалось чем-то большим, чем обычный интерес.

— Так все это в новинку для тебя, а? — Нед широко развел руки по сторонам, как бы включая в вопрос и холмы, и начало долины, в которой была построена эта хижина.

Однако прежде, чем Кори успел ответить, с холмов раздался резкий крик, а потом глухо отдалось эхо. Кори не удалось вовремя взять себя в руки и скрыть дрожь и испуганный кивок. А потом мальчик замер, напряженно ожидая, что дядюшка Джаспер или кто-либо другой выскажет замечание о подобной несдержанности.

Но нет, дядюшка Джаспер только поставил свою чашку с кофе и бросил взгляд вверх на склон холма, словно мог видеть, кто или что издало этот крик.

— Изменяющийся раздражен в это утро.

Нед хихикнул.

— Услыхал звон тарелок, вот и начал. Ему не терпится, чтобы мы убрались отсюда и позволили ему побродить в окрестностях.

— Изменяющийся? — переспросил Кори, и стыд за выказанный страх на мгновение сменился любопытством.

И именно дядюшка Джаспер ответил ему, вполне серьезным тоном, словно то, что он говорил, научно доказанный факт:

— Койот... он и есть Изменяющийся. Для нашего племени, нез персе¹, он в облике этого животного, для других племен он — Ворон. До прихода белых людей здесь жил только наш народ. Но еще раньше, до индейцев, — Древний Народ, животные. Только были они не такими, как в наши дни. Нет, в то время они тоже жили племенами и полноправно распоряжались миром. У них были и охотничьи угодья, и военные тропы, и костры мира.

— Но Изменяющийся... — Нед, взяв табак и бумагу, свернул себе сигарету и, когда дядюшка Джаспер остановился на несколько секунд, чтобы глотнуть кофе, продолжил: — Изменяющийся не любит, чтобы все оставалось по-прежнему, как было. Ему необходимо, чтобы все вокруг постоянно менялось. Кое-кто утверждает, что он сотворил индейцев только потому, что ему захотелось развлечься с каким-нибудь новым видом животных.

— А когда он попробовал сделать в конце концов еще одно изменение, — дядюшка Джаспер продолжал рассказывать легенду, — то получился Великий Дух, который победил его.

¹ Нез персе — индейское племя, обитавшее в центре современного штата Айдахо, на северо-востоке Орегона и юго-востоке Вашингтона; в 1805 году насчитывало 6 тысяч человек. Ныне свыше 3,5 тысячи человек живут в резервации Нез-Персе. — *Прим. перев.*

И вот тогда-то Изменяющегося сослали жить на какой-то остров в океане. Когда пройдет достаточно времени и человек по своей глупости приведет мир к концу, вот тогда Изменяющийся вернется и вновь изменит мир, возродив правление Народа животных.

— В этой легенде, — заметил мистер Бейнс, — есть что-то разумное, особенно если вспомнить все те новости, что мы слышим сейчас. Большинство животных, которых я видел, в своей жизни проявляют намного больше здравого смысла, чем, похоже, проявляем мы, люди, в последнее время. — Он махнул своей чашкой с кофе в сторону, откуда донесся вой койота. — Доброе утро тебе, Изменяющийся. Только я все-таки не думаю, что у тебя когда-нибудь еще появится возможность предпринять попытку захватить власть над миром.

— А когда, — поинтересовался вдруг Кори, — предполагается, что это случится?

Дядюшка Джаспер рассмеялся.

— Что ж, возможно, сынок, ты еще будешь жив, чтобы увидеть это. Кажется, по данным собирателей легенд, этот срок определен 2000-м годом, по времени белых людей. Но нам сегодня предстоит еще долгий путь, мы должны взглянуть на коней в табунах.

Вилка Кори заскребла по тарелке. Лошади... Но в джипе ведь только два седла. Мальчик бросил короткий взгляд — никем не замеченный, как он надеялся, — на частокол загон. Там висит только одно седло — для Неда. Может... может, дядюшка Джаспер не заставит его сказать сейчас то, что он все это утро, пытаясь собраться с духом, собирался сообщить — что он не может, просто не в состоянии скакать сегодня на лошади.

Однако дядюшка Джаспер обратился к Неду:

— Видел какой-нибудь дымок?

— Пока еще нет. Но вообще-то уже пора. Иногда он просто приезжает, не предупреждая... ты ведь знаешь его.

Дядюшка Джаспер теперь посмотрел на Кори.

— Ты можешь мне помочь, Кори.

— Как? — осторожно спросил мальчик. Дядюшка Джаспер что, нашел здесь какую-нибудь работу для того, чтобы скрыть его неумение? Мальчик почувствовал некоторую слабость — после всех его великих планов и желания доставить дядюшке Джасперу радость, тот наконец-то спрашивает его... папа будет гордиться им...

— Черный Лось как раз сейчас должен появиться здесь. Он важная персона, Кори, и обычно останавливается на посту перед тем, как отправиться на ранчо. Сюда проложена телефонная линия, — дядюшка Джаспер кивнул в сторону хижины. — Однако Черный Лось придерживается старомодных взглядов и никогда не пользуется связью. Если он придет, ты можешь позвонить, и к вам вышлют еще один джип, чтобы отвезти его вниз. Ему нравится езда в джипе.

— Ты имеешь в виду, что этот старик все еще бродит по окрестностям? — изумленно спросил мистер Бейнс. — Ну и ну, ведь ему, наверное, уже около ста лет!

— Около того, — согласился дядюшка Джаспер. — Он вместе с Чифом Джозефом участвовал в Великом Марше. А его дядей был Стремительный Язык, последний из великих врачей. И Черный Лось учился у него, именно он проводил его в последнее путешествие в мир духов. Он утверждает, что только благодаря снадобью предков остается молодым. Нед три дня назад заметил дымок над пиками вон тех гор, это означает, что старик вышел на охоту. И он любит провести немного времени у ручья, — дядюшка Джаспер кивнул в сторону булькающей воды. — Это место многое значит для него, хотя он никогда не говорил, почему. Что-то, связанное с прошлым. Иногда он задерживается здесь, чтобы осмотреть любого жеребенка, которого мы принесем вниз. Он еще не потерял меткого глаза на лошадей. Наши производители когда-то платили ему приличные деньги, чтобы он поколдовал для них. Старики верили, что он может всякий раз напроорочить для них жеребенка с пятью пальцами. Но есть и что-то другое, о чем он никогда не станет рассказывать. Он говорит: былые времена ушли, и всем теперь

все равно... и поэтому он разочаровался в нас, — дядюшка Джаспер наконец выпил свой кофе.

— А что это — жеребенок с пятью пальцами? — спросил Кори.

— У самых лучших чистокровных аппалусских коней почти всегда есть пять крапинок на ногах. Но не у всех, несмотря на то, что их тщательно скрещивают между собой. Нам выделили средства для совершенствования аппалусской породы, но легенда это или нет, — он пожал плечами, — кто знает. Мы занялись делом, и нам повезло в этом предприятии. И теперь на них большой спрос, за что мы можем благодарить судьбу.

Итак, Кори, если ты останешься здесь и дождешься Черного Лося, позвони на ранчо, если он захочет отправиться туда, и тогда вам помогут. Если же он захочет ждать, то скажи ему, что мы вернемся назад прежде, чем солнце коснется Двух Ушей. Он не пользуется часами.

Мистер Бейнс и Нед уже шли к загону, готовые седлать своих коней.

— Все в порядке, дядюшка Джаспер. Я останусь здесь.

Но когда они принесли седла и подготовили своих скакунов к путешествию по холмам, Кори пришлось сражаться с собой, чтобы не закричать, что ему хочется отправиться вместе с ними, что он усидит на лошади, что он готов пешком пройти весь путь, что он не может остаться здесь один.

Тем временем дядюшка Джаспер проскакал мимо мальчика, выкрикнув последнее указание:

— Не забудь про телефон. И про свой ланч в корзинке в джипе. Не броди здесь — в этих местах могут попасться всякие ловушки, о которых ты не знаешь. Будь благоразумен, Кори, я знаю: на тебя можно положиться, ты не потеряешься.

Дядюшка Джаспер так верит в него, подумал Кори, что пытается хоть немного ободрить. Однако мальчик знает, что он оказался гораздо ниже того уровня, которому должен соответствовать сын Клиффа Олдера.

После того как всадники ускакали, Кори подошел к в джипу и уселся в него. И почему-то на нагретом солнцем сиденье почувствовал себя в большей безопасности. Мальчик думал, что после ухода людей кругом воцарится тишина. Но теперь, прислушиваясь, улавливал множество разных звуков. Какая-то птица слетела с крыши хижины и склевывала крошки, оставшиеся после завтрака. Какое-то коричневое животное протопало у дальнего угла хижины; очевидно, занятное собственными делами, оно не обратило никакого внимания на Кори. Но мальчик осторожно следил за ним, пока оно не исчезло.

Наконец Кори выбрался из джипа, собрал тарелки и кастрюли и отнес их к бассейну, где вычистил их песком. Нужно чем-то заняться. Нед забрал свой лук и колчан... Кори снова подумал о пуме.

Что, если она охотится или бродит поблизости? Сможет ли хижина послужить достаточно безопасным местом, чтобы спрятаться? Но если внутри есть телефон...

Он рывком распахнул дверь, желая убедиться в этом. После яркого солнечного света снаружи внутри царил пыльная темнота. Кори стоял, моргая, на пороге, пока его глаза не привыкли к сумраку. Две кровати, сейчас представляющие собой голые доски, у дальней стены. С одной стороны — печка, рядом — короб, наполовину заполненный деревянными поленьями. Здесь же стенной шкаф с распахнутыми дверцами, в нем еще одна стопка тарелок, ряд банок и несколько жестяных кружек.

Посередине комнаты стол с четырьмя стульями. А на стене слева, прибитая колышками, висит чья-то шкура. Какого именно зверя, Кори не понял, но шкура просто огромная. С нее аккуратно срезали шерсть и нанесли рисунки. Мальчик подошел поближе. Рисунки красного, желтого и черного цветов, но теперь краски поблекли, так что в этом полумраке он едва мог разобрать их.

Здесь нарисованы лошади аппалусской породы с испещренными крапинками задами. А еще множество людей, некоторые с перьями на головах, другие — в грубо сделанных

головных уборах. У людей в головных уборах ружья, тогда как у тех, что с перьями, — луки и только несколько ружей. Кори подумал, что, наверное, это изображение какой-то давно случившейся битвы.

Когда мальчик вышел из хижины, он снова услышал вызывающий вой койота и спросил себя, не разгневан ли тот тем, что он остался здесь... потому что, как сказал Нед, койот хочет спуститься сюда и поискать в лагере еду. Дул свежий ветерок, но стало гораздо теплее, чем на рассвете. Мальчик стянул с себя свитер и бросил его на заднее сиденье джипа.

Мистер Бейнс говорил, что этот Черный Лось очень стар. И дядюшка Джаспер сказал, что он участвовал вместе с Чифом Джозефом в отступлении, когда индейское племя незперсе согнали с их земель, а они ускользнули в сторону канадской границы.

Кори читал об этом. Ему всегда хотелось узнать больше о незперсе — из-за папы и дядюшки Джаспера. Но дядюшка Джаспер никогда не жил в резервации, потому что уже его отец владел этим ранчо. И дядюшка Джаспер учился в колледже, когда началась война в Корее, а потом поступил добровольцем в часть, где служил отец Кори.

Почему-то мальчик вдруг понял, что ему трудно думать о дядюшке Джаспере как о настоящем индейце. Когда четыре дня назад они покинули город и направились на ранчо, Кори видел других индейцев. Большинство из них носили одежду обыкновенных ранчеров. Среди них был только один старик с седыми косичками, выбивавшимися из-под его головного убора.

Если этот Черный Лось настолько стар, то, может быть, он тоже носит косички и больше похож на индейцев из книг. Кори попытался представить, как бы выглядел дядюшка Джаспер, если бы он был одет так, как его предки, — в одежду из шкур буйволов, украшенную бусинами и перьями, и со скальпами на колчане.

Скальпы... Кори подумал об изорванной бахrome на ремне колчана Неда. Неужели это в самом деле скальпы?

МОГУЧАЯ МАГИЯ

У Кори не было никакого желания уходить далеко от хижины — дядюшке Джасперу можно не беспокоиться насчет этого. Но ближе к полудню мальчик решил прогуляться к утесу за хижинкой, освещенному яркими лучами солнца. И там, сразу за ручьем, он нашел расщелину. Вернее, он просто свалился в нее, поскользнувшись на скале, когда карабкался по ней, чтобы получше рассмотреть долину за границами лагеря.

Низкорослый кустарник, скрывавший вход в эту расщелину, проломился под его тяжестью, а затем мальчик вдруг обнаружил, что лежит на спине в темноте и дергает ногами. При падении он выставил вперед руки и больно оцарапал кожу, ударившись о грубую поверхность каменных стен. Попытки подняться становились все более и более неистовыми: Кори чувствовал себя как в ловушке.

Но вскоре ему удалось оттолкнуться от земли и привстать, развернувшись к отверстию. Здесь был какой-то странный запах, и он сидел на чем-то мягком; это мягкое шевелилось под ногами, словно живое.

Он отполз насколько мог подальше и нащупал рядом с собой мех и шкуру. Он что, приземлился на какого-то зверя? Нет, это больше похоже на сумку.

Медленно двигаясь к выходу, Кори выбрался на открытое пространство, неся с собой находку. Это действительно оказалась сумка из желтовато-коричневой кожи, и с нее свисали полоски меха. На сумке нарисованы картинки, вроде тех, что он видел на шкуре на стене хижины, и к полоскам меха прикреплено несколько перьев. Повертев эту вещь в руках, Кори обнаружил, что хотя она в форме сумки, однако в ней нет никаких отверстий.

Мальчик поднялся на затекшие ноги, и ушибы от вчерашних падений снова заныли. Прихватив сумку с собой, он направился к джипу, чтобы поискать фонарик. Прихватив фонарь, возвратился к расщелине и осветил в пространство между скал.

К стене был прислонен деревянный шест, с которого на нитках с бусами свисали перья. А рядом закрытая корзина, сплетенная из травы. Внезапно Кори вспомнил, что дядюшка Джаспер что-то говорил о Черном Лосе: здесь есть какое-то место, которое тот навещает. Возможно, это оно и есть. Все эти вещи кажутся новыми, во всяком случае они не выглядят так, будто находятся здесь уже многие-многие годы, со времен настоящих индейцев. Наверное, ему лучше оставить все, как было, когда он только обнаружил это. Однако верхняя часть корзины сильно прогнулась внутрь — должно быть, он сломал ее, когда упал.

Кори попытался снять крышку. Внутри корзины оказался черепаший панцирь, сломанный посередине. И когда мальчик поднял его, с роговых пластинок свалилось несколько камешков. Вернуть все так, как было, уже нет никакой возможности. Ему просто придется позднее рассказать об этом дядюшке Джасперу. Но ведь это же случайность! И если он оставит все, как было...

Мальчик вернулся к джипу за сумкой из шкуры. И на мгновение, когда он только положил на нее руку, его охватило странное ощущение, что она живая. Возможно, это произошло потому, что она нагрелась на солнце. Но мальчик с радостью избавился от шкуры — положил ее рядом с разбитым черепашьим панцирем в корзину, а потом натаскал сломанного кустарника, чтобы закрыть расщелину.

Недалеко от этого места вытекавшая из водоема струйка воды превращалась в ручеек. Кори опустил на колени, чтобы помыть руки, и заметил мелькнувший на мгновение в воде рыбий хвост. Он вытер ладони о нагревшуюся на солнце траву и уже внимательнее осмотрел высокую скалу. На первый взгляд в ней нет других разломов, и если он вскарабкается на ее вершину, то сможет отлично рассмотреть долину.

Из джипа мальчик достал полевую подзорную трубу, которую прихватил утром, и так с нею в руке начал взбираться на вершину скалы.

Ручеек из водоема впадал в ручей побольше, а потом окончательно сливался с еще более широким потоком во-

ды. Трава здесь высокая, кое-где попадаются группки густого кустарника или низких деревьев. От одной из таких рощиц отошли какие-то коричневые животные. Это что, коровы? Но ведь здесь ранчо по разведению коней. Кори навел резкость. Вдали медленно передвигались огромные приземистые тела с грубыми копнами шерсти на плечах и головах — бизоны!

Кори, не веря своим глазам, следил за огромной рогатой головой первого животного, на котором сфокусировал подзорную трубку; он видел даже свисавший с мощной, заросшей шерстью морды клочок травы, которую самец с удовольствием жевал. Один, два, три, а вот еще один, поменьше — бычок. Но ведь дикие бизоны исчезли из этих мест давным-давно. Их теперь можно увидеть только в национальных парках или зверинцах. Может, несколько из них по-прежнему бродят по этим холмам?

Медленно поедая траву, бизоны добрались до воды и стояли, нагнувшись, и вода стекала с волос их грив, когда они время от времени поднимали головы, чтобы оглянуться по сторонам. Вдруг огромный самец чуть отошел назад и повернулся мордой в ту сторону, откуда они пришли, низко опустил голову, нацеливаясь рогами. Остальные два взрослых самца повторили его движение, отправив детеныша за безопасную стену своих тел.

Кори повернул подзорную трубу в сторону, куда нацелились бизоны. И заметил в высокой траве какое-то шевеление. Волк?

Кем бы это ни было, но оно определенно больше койота, о котором говорил ему дядюшка Джаспер, когда они ехали на ранчо из аэропорта. Но тем не менее оно походит на этого зверя.

А потом...

Кори моргнул.

Койотообразная голова приподнялась выше, чем может поднять животное. И это оказался совсем не койот, а всего лишь маска, надетая человеком на голову и плечи, шкура какого-то животного. Однако Кори мог бы поклясться, что

он на самом деле видел в первый момент очень большого, но настоящего койота.

Человек вновь двинулся вперед, и теперь Кори разглядел, что он одет не только в пушистую шкуру, покрывающую его голову и плечи, но и в штаны из оленьей кожи, какие изображаются в исторических книгах про индейцев.

У него не было ни ружья, ни даже лука со стрелами, какими пользуются дядюшка Джаспер и Нед. Нет, в одной руке он держал шест, увенчанный перьями, вроде того, что Кори видел в той расщелине, и эти перышки колышутся на ветру. В другой руке коробка из черепашьего панциря, совсем как та сломанная, закрепленная на рукояти, и индеец потряхивает ею. Он движется не прямо вперед, а делает быстрые короткие шажки, два вперед, один назад, словно в каком-то танце.

То беспокойство, которое Кори ощутил в расщелине, вернулось. У мальчика появилось странное, пугающее чувство, что хотя этот человек в маске и не имеет полевой подзорной трубы и даже не глядит в ту сторону, где на нагретой лучами солнца скале спрятался Кори, он знает, что мальчик следит за ним, и поэтому он разгневан.

Может... может, это и есть Черный Лось? Но ведь дядюшка Джаспер и мистер Бейнс, они оба утверждают, что Черный Лось — глубокий старик. Почему-то Кори не показалось, что этот танцор в маске стар — нет, движется он слишком быстро, слишком легко, хотя, конечно, Кори не может видеть его лицо.

Только теперь мальчик расслышал какой-то тихий звук и резкое потрескивание. Кори захотелось соскользнуть вниз со скалы, чтобы она осталась бы между ним и танцором. Но в это же мгновение он уже не мог пошевелиться — руки и ноги мальчика не подчинялись его испуганному разуму.

Увенчанный перьями шест в руке танцора начал раскачиваться взад-вперед, и Кори следил за ним, помимо воли. Страх его стал сильнее. Назад и вперед, назад и вперед... теперь этот странный тихий звук стал громче, и мальчику показалось, что он уже почти различает слова, хотя не может их понять. И он должен... нет! Уж в этом-то он уверен.

Он принялся сражаться с тем, что, казалось, удерживает его руки, прижимает подзорную трубу к глазам. Он не должен следить за этим раскачивающимся шестом... С усилием Кори удалось опустить подзорную трубу. Он сидел на самом солнцепеке, продрогший, тяжело дыша, словно только что выбрался из ледяной воды горного ручья, в котором решил искупаться.

Зато теперь, когда он снова отважился посмотреть, бизоны выглядели просто маленькими коричневыми пятнышками. И он совсем не различал танцора в маске койота. С приглушенным вздохом облегчения Кори соскользнул вниз на противоположную сторону скалы, радуясь уже тому, что между ним и долиной поднялась дополнительная стена, а потом побежал к джипу.

Опять он вскарабкался на сиденье, пальцы вцепились в руль, его всего трясло. Ведь этот индеец... он был реальным! Но постепенно мальчик почувствовал поднимающееся внутри тепло, он согрелся и наконец расслабился.

Кори не знал, как долго он просидел так. Но солнце поднялось уже высоко, всюду палило над головой, и когда он проголодался, то в конце концов приподнялся, чтобы достать коробку с завтраком. Мысленно он снова и снова возвращался к увиденному или к тому, что, ему казалось, он увидел. Бизоны... три взрослых и один теленок, а потом еще и человек, танцующий в маске койота. Он не сомневался, почти не сомневался, что все это он видел. Но все же, были ли это реальным?

И существует только один-единственный способ выяснить это — отправиться туда вниз самому и посмотреть. Даже если они все и ушли к этому времени от водооя, то ведь должны же остаться их следы. Но... сможет ли он?

Кори медленно покрутил головой справа налево, и вновь по позвоночнику пробежали мурашки озноба. Здесь все кажется таким миролюбивым... обыкновенным — именно здесь. Мальчик развернул один из больших сэндвичей и сидел с ним в руках, так и не откусив. Если он не отправится туда — и немедленно, — то уже никогда не пойдет.

А если он не сделает этого, то тогда только это ему и останется вспоминать, — что Кори Олдер оказался трусом. И то, в чем он полностью не признался себе вчера после случая с лошастью, после того, что чувствовал в темноте ночи, когда слышал все эти странные здешние звуки, теперь стало очевидным. Кори Олдер — трус... мальчишка, с которым дядюшке Джасперу было бы стыдно ходить вместе. А как же папа — папа, у которого две медали за храбрость, — что подумает он, если узнает о чувствах Кори именно в эту минуту? Бойтся лошади, темноты, зверей, самого этого места?

Отец уж точно немедленно направился бы туда, вниз. И нашел бы следы. Он не стал бы уворачиваться от встречи с бизонами или тем танцором с увенчанным перьями шестом и в маске койота. Уж этого бы папа — или дядюшка Джаспер — точно не сделали.

Кори положил сэндвич на сиденье и на негнущихся ногах выбрался из джипа. Он прикусил нижнюю губу, пальцы сжались в кулак. Мальчик осторожно направился в сторону скалы, однако в этот раз без подзорной трубы. Нет, он не будет рассиживаться вдалеке и глядеть в нее, он... он пойдет туда!

От ходьбы мальчик перешел на бег, он понял, что должен поспешить, пока полон решимости, иначе ему придется бесславно возвращаться к джипу. Он бежал с опущенной головой, уставившись в землю, и небольшой ручей служил ему проводником, указателем к большему потоку.

Мальчик пробежал мимо скалы, и высокая трава начала хлестать по ногам. Все это время он прислушивался, надеясь уловить тот звук, что издавал танцор. Однако услышал лишь далекий крик какой-то птицы.

Кори попетлял среди высокого кустарника и почти упал, зацепившись носком за корень. Ему еле удалось удержаться на ногах. Однако это научило его быть более осторожным, и он снизил скорость и огляделся. Почему-то, несмотря на то, что он теперь довольно далеко убежал от джипа, который, похоже, остался его единственным убежищем в этом внезапно ставшим полным опасностей мире, мальчик почувствовал

себя лучше. Солнце яркое и сильно греет, а тишина наверняка свидетельствует о том, что танцор ушел.

Мальчик вышел между двух кустов на берег ручья и понял, что скорее благодаря случаю, чем какому-либо плану он оказался у воды прямо перед тем местом, где пили бизоны. Речушка оказалась мелкой. И она такая чистая, что он мог разглядеть в ней небольших рыбешек. К тому же рядом нашлось несколько камней с сухими верхушками, наводящими на мысль о подобии переправы.

Кори сел, мигом стащил с себя ботинки и носки, потом положил носки в ботинки. Взяв их в одну руку, он прыгнул на первый из камней. Вода плеснула чуть выше его пальцев и оказалась такой холодной, что он судорожно вздохнул. Однако следующий камень и еще один за ним были сухие. И вот он уже на другой стороне.

Берег здесь глинистый, с хорошо отпечатавшимися на нем следами. Кори не стал обувать ботинки, а сразу пошел дальше, осторожно ступая, но несколько острых кусочков гравия заставили его подпрыгнуть, прежде чем он достиг тех следов. Отпечатки точно от копыт, мальчик не сомневался в этом, хотя он и не следопыт. И не очень давние. Однако он не может сказать, чьи они: оленя или бизона.

Кори присел на потрепанное непогодой бревно, чтобы снова надеть ботинки. Это заняло непривычно много времени, но вот он все-таки покончил с этим делом. Здесь побывали какие-то копытные животные, однако сможет ли он найти хоть какой-нибудь след танцора в маске, если станет искать дальше?

Ему этого не хотелось. Однако мальчик встал и заставил себя повернуться лицом в том направлении, сделал один шаг, потом еще один...

Трава такая высокая... Кори приостановился. Эта трава раскачивается, и не из-за ветра. Кто-то движется в ней в направлении реки, в его сторону! Он сделал шаг назад, и ноги его заскользили по глине. Как до этого он упал в расщелину, так и теперь свалился в реку, и вокруг него заплескалась хо-

лодная вода, когда он уселся, погрузившись по пояс в поток прямо под бережком.

Какое-то время он сидел так в непонятном оцепенении. А потом новый звук с берега возвратил его внимание к склону, где остались отпечатки копыт. Желто-коричневая голова с резко выдающимися ушами, желтые глаза, уставившиеся на него, морда и язык в усеянной клыками пасти...

Кори пронзительно закричал. Да он и не смог бы сдерживать этот вопль паники. Он бросился прочь от берега и того, что стояло там, снова плюхнувшись в воду, каким-то образом вскочив на ноги и рванувшись вперед, рассчитывая, что между ним и зверем останется полоска воды.

Мальчик огромными прыжками неся к противоположному берегу, бежал, не смея оглянуться, чтобы посмотреть, преследует ли его эта тварь. Это не танцор в маске; достаточно было одного короткого, торопливо брошенного взгляда. Настоящий волк — койот — огромный четвероногий охотник стоял там, глядя на него. Самое худшее, что только могло нарисовать воображение, теперь, казалось, пробудилось к жизни.

Когда Кори подбежал к подъему в конце долины, где находилась хижина, он мог лишь судорожно, с присвистом глотать воздух. Телефон в хижине... что там говорил дядюшка Джаспер — что кто-то приедет, если он позвонит?

Вода нещадно хлюпала в ботинках, когда он, пробираясь вверх по склону, обнаружил, что из-за их необычно высоких каблуков трудно удерживать равновесие. Мальчик хватался за кусты и даже за огромные пучки травы, чтобы тащить себя вперед. Потом обежал кругом скалу, с которой смотрел в подзорную трубу, увидел хижину и джип впереди и бросился изо всех оставшихся сил к долгожданному островку безопасности.

Однако, добравшись до джипа, он услышал лошадиное ржанье. Кори повернул голову и бросил безумный взгляд на загон... Дядюшка Джаспер... Нед... кто-то...

Прямо перед ним стояла лошадь. Яркие пятна аппалусской породы были наполовину скрыты сверкающим навах-

ским одеялом, наброшенным вместо седла. Лошадь не привязана и стоит со свисающими вниз поводьями.

Кори, задыхаясь, повернул голову. На крыльце хижины отдыхал на плотно прибитой земле всадник. Несмотря на жаркий день, на нем еще одно ярко сверкающее одеяло, наброшенное как плащ на плечи. Он сидел, скрестив ноги в мокалинах, а солнце сверкало на его штанах из лосиной кожи, покрытой бахромой и бусинами.

Тот самый танцор?

Но когда Кори взглянул на его лицо, он уже не был ни в чем уверен. Мальчик никогда прежде не видел такого старого человека. Темная кожа, покрывающая широкие выдающиеся скулы, исполосована глубокими морщинами, подбородок резко выпирает вперед, соответствуя крутому излому огромного носа.

В волосы, седые и длинные, вплетены кусочки пушистой шкуры, образуя косички, которые свешиваются на прикрытую одеялом грудь, и каждая косичка заканчивается увенчанной бусинкой кисточкой из желтоватого меха. Глубокие морщины лица пересекают мазки желто-красного цвета — может, краски? — которые резко выделяются на его обветренной коже.

Глаза, которые почти скрываются среди морщин, — Кори не мог даже по-настоящему рассмотреть их — похоже, обратились на него. И под этим пристальным взглядом мальчик попытался взять себя в руки, всей душой ощущая внезапно охвативший его огромный стыд, какого он никогда не испытывал. Он стоял так, неподалеку от джипа, снова и снова переживая не только из-за паники, в какой выбежал на поляну, но и из-за своей промокшей одежды.

Однако старик на крыльце ничего не говорил, да и вообще не двигался. Он наверняка видел Кори, но выглядело все так, словно Кори должен первым приблизиться. Очень неохотно мальчик двинулся вперед. Это, наверное, Черный Лось, но что должен делать Кори и что следует сказать? Остро нуждаясь в каком-либо указании, мальчик наконец первым нарушил молчание.

— Меня зовут Кори Олдер. Дядюшка Джаспер... говорил, что надо позвонить на ранчо насчет джипа для Черного Лося. А вы, сэр, и есть Черный Лось?

Старик не ответил, и Кори остановился. Ему пришлось бы обойти старика, чтобы проникнуть внутрь хижины и позвонить. А что, если это не Черный Лось? Как может он быть уверенным, если этот старик не отвечает?

— Пожалуйста, ответьте, — даже самому Кори его голос показался очень слабым и неуверенным, — вы... вы Черный Лось?

Похоже на тот случай, когда он пытался заговорить с полковником Минзом. Только почему-то стоять лицом к лицу с этим старым индейцем еще труднее, чем с полковником Минзом, который однажды приходил к ним домой вместе с папой.

— Да, Черный Лось.

Кори при этом ответе испытал огромное облегчение. Итак, он верно понял! Но тогда все, что теперь остается сделать Кори, это вызвать джип, и, наверное, он поедет назад вместе с Черным Лосем, и кто бы ни повел джип на ранчо, он оставит записку дядюшке Джасперу. Все будет в порядке. И ему больше не придется оставаться здесь.

— Я вызову джип из Бар Плюм. — К Кори возвратилась уверенность, и он продолжил движение вперед, однако смуглая рука, кости которой туго обтягивала морщинистая кожа, показалась из-под одеяла и жестом приказала ему отойти назад.

— Нет, я останусь здесь. Еда... питье...

— Да... да, сэр. — Кори посмотрел на сиденье в джипе, где он оставил свой завтрак... сколько же времени назад?

Там на сиденье остались только крошки и пятна, сэндвича больше нет. И муравьи роем копошатся вокруг пятнышка пролитого джема. Неужели Черный Лось сам все съел? Нет, между джипом и ближайшим деревом на земле валяется кусок обкусанного по краям хлеба, словно похититель чего-то испугался, наверное, приближения индейца.

Кори вспомнил о шкафе в хижине; возможно, там что-то найдется. По крайней мере он знает, как приготовить кофе и поджарить бекон, если только удастся обнаружить зерна или кусок мяса. Мальчик осторожно обошел гостя, который не пошевелил ни головой, ни телом, и вошел в хижину.

К его облегчению, в шкафу нашлась еда. Он быстро выбрал: консервированная пшеница, бекон, банка персиков, немного кофе в мешочке. Не густо, но вполне достаточно. Потом Кори вышел наружу, чтобы разжечь костер и поджарить бекон на сковородке, которую он перед этим вымыл в ручье. Он не мог сказать, наблюдает ли Черный Лось за каждым его шагом — старик, может быть, задремал. Но вскоре Кори настолько увлекся приготовлением пищи, что вздрогнул, когда какая-то тень упала на камень, куда он сложил тарелки. Мальчик посмотрел вверх на закутанную в одеяло фигуру.

Наверное, когда-то Черный Лось был таким же высоким, как дядюшка Джаспер, но теперь его сильно согнуло вперед, и одеяло лежало на нем грузными складками, скрывая большую часть тела. Кори, вытерев тыльную часть ладони о потный лоб, спросил себя, как может этот старый индеец так закутываться в такую жару. Его собственная одежда почти уже высохла, хотя влажноватые складки еще причиняли неудобство. Да и мокрые ботинки жали ноги.

Мальчик поспешил налить кофе в маленькую чашечку и предложил его Черному Лосю. И вновь показалась эта рука-скелет, принимая чашечку.

— Горячо, — предупредил Кори. Но если Черный Лось и понял его, это не имело значения: старик спокойно отхлебнул кофе из чашечки, да и потом подносил ее ко рту, не обращая внимания на жар.

Он выпил кофе, не отвлекаясь на еду, в то время как Кори поджаривал шипящий бекон, добавив высушенной пшеницы к жирному мясу, а потом переключал содержимое на тарелки. И только тогда старик принялся есть, не жадно, а размеренно, причем справился не только с содержимым тарелки, которую предложил ему Кори, но, протянув руку,

взял также и порцию Кори, пока мальчик занимался приготовлением новой порции кофе.

После чего Черный Лось опустошил всю банку с персиками. Кори облизнул губы и, еще больше почувствовав собственный голод, собрал пустые тарелки и встал, чтобы направиться к хижине и телефону.

— Джип не нужен. — Старик, который во время еды не произнес ни слова, наклонился вперед, чтобы встать лицом к костру, теперь умирающему в тлеющих угольках. Передняя часть его одеяла распахнулась, и Кори увидел то, что оно скрывало до этого. В его руках находилось нечто, что Кори уже видел раньше, — сумка из шкуры, которую он бросил обратно в сломанную корзину в расщелине. Старик держал ее так, словно это живое существо, которое нужно удерживать от бегства.

Мальчик не знал, услышал ли Черный Лось его тихий судорожный вздох, когда он узнал эту вещь. Однако он не сомневался, что тот внимательно следит за ним.

— Магия, — голос старика оказался тонким и высоким. — Могучая магия. — Он остановился, словно ожидая от Кори какого-то комментария, но время шло, и Кори чувствовал себя все более и более неуверенно.

— Я упал, — торопливо проговорил он наконец. — Я поскользнулся и упал. Я не знал, что было в той яме, и я не собирался ломать корзину — или сделать что-нибудь не так! — Кори подумалось, что объясняться со старым индейцем так же нелегко, как наблюдать за танцором в маске. И его снова охватил испуг... столь же сильный, как и раньше.

— Ты дотронулся до него — до этого амулета!

Мальчик подумал, что это, должно быть, вопрос, и ответил:

— Да, но я не собирался сделать что-нибудь не так, сэръ! Я упал, а потом он оказался подо мной. Я... я вынес его на свет, только для того, чтобы посмотреть, что же это такое. Но затем я тут же вернулся назад и положил его в корзину... честное слово, я так и сделал.

— Ты прикоснулся. Очень плохо. Теперь нужно снова чистить.

Черный Лось прижал сумку правой рукой к груди, левая же исчезла под одеялом, а затем появилась, и пальцы его были сжаты в кулак... кулак, который сначала задрожал, а потом раскрылся над костром. Наверное, он что-то бросил в середину угольков, подумал Кори: вверх поднялась струйка дыма, которая вскоре превратилась в настоящую мутную колонну.

— Ты, — Черный Лось посмотрел на Кори, — касался. Теперь ты должен очистить его. Возьми сумку с амулетом, поддержи ее в облаке дыма, и держи крепко. Ты сделал ошибку — и теперь ее нужно исправить.

Это был приказ, которому Кори не мог не подчиниться. Он неохотно подошел к Черному Лосю, принял у него сумку и медленно направился вперед, затем, с трудом удерживая на вытянутых руках, поместил ее над клубящимся дымом. Темный столб разорвался и закружился спиралью над котомкой, завис над головой Кори. Мальчик почувствовал странный запах и попытался помотать головой в разные стороны, чтобы защититься от него глаза и ноздри. Однако ему не удалось этого сделать, дым становился все более и более густым, пока он уже ничего не мог видеть, кроме его клубов.

ПЛЕННИК ВОЕННОГО ОТРЯДА

Кори моргнул, затем еще раз. Перед ним все еще поднимается дым, но он больше не наполняет ноздри и не причиняет боль полуослепшим глазам. Этот пар поднимается вертикальной колонной в небо — колонной какого-то сигнала. И он должен сделать что-то крайне важное. Руки его шевельнулись, и толстая сосновая ветка прорезала эту колонну, с определенным намерением разбивая ее.

Его руки!

Но ветку держат не руки, это лапы — с когтями и грубым коричневым мехом на них! А его тело... Он больше не сто-

ит на двух ногах — он полусидит на задних круглых ногах с перепонками между пальцев. И все его тело покрывает густой мех.

Крайне испуганный, он попытался повернуть голову дальше, чтобы бросить взгляд за плечо. И увидел широкий плоский хвост, лежащий в пыли и помогающий ему удерживать равновесие, когда он стоит или, скорее, сгибается перед костром. Меха нет, только кожа.

Кори выронил сосновую ветку, поднес свои лапы-руки к лицу... чтобы прикоснуться к огромным резцам в пасти животного.

— Что...

Он произнес это, но в его собственных ушах прозвучал странный звук вроде щebetанья. И он теперь один — ни Черного Лося, ни хижины, ни джипа, ни загона, ни лошади. Даже долина не та. Он находится среди каких-то скал с небольшим очажком костра перед ним, и костер снова посылает сплошные клубы дыма в небо. Что случилось с ним — и со всем известным ему миром?

Кори опустил вниз, коснулся передними лапами скалы. Внезапно на него нахлынул дикий испуг, мальчик настолько ослаб, что не в состоянии был даже шевельнуться. Он закрыл глаза, прилагая все усилия, чтобы успокоиться. Так, теперь нужно только снова посмотреть, и все будет в порядке, как надо — он снова окажется в безопасности возле костра. Однако мальчик боялся открыть глаза, боялся, что это не сон, но нечто реальное. Но ведь такого не может быть! Это просто невозможно!

В конце донцов он принялся считать про себя: пятьдесят... сто... сто пятьдесят... — всякий раз говоря себе, что когда доберется до последнего числа, то посмотрит. При двухстах он понял, что его страх уже достиг той точки, когда он может открыть глаза.

Перед ним все та же скала, и две мохнатые лапы лежат на ней. Если это и сон, то он все еще продолжается. Из горла Кори вырвался пронзительный крик, но звук, который он

издал, ничем не походил на крик человека — это был гор-
танный вопль животного.

Снова опершись на мохнатые передние лапы, он попы-
тался еще раз оглядеться в поисках хоть какого-нибудь на-
мека на объяснение случившегося. Пристально рассматри-
вая свое новое пухлое тело, он только сейчас заметил, что
на нем есть вещи, которые нельзя отнести к животному. На-
пример, ленточка из выделанной шкуры, которая пересекает
тело от одного плеча к противоположной ноге. Она усыпана
небольшими, перекрывающими друг друга чешуйками, кото-
рые сверкают на солнце, и поддерживает что-то вроде короби-
ки, сделанной из двух раковин, тщательно подогнанных друг
к другу. И еще с внешнего края ракушечьей коробки свисают
короткие нити с разноцветными семенами.

Возле костра валяется груда деревянных щепок, все с
какими-то отметинами, но сделаны они не топором, а слов-
но кто-то разгрыз их до такой длины. И рядом с ними ле-
жит копьё с деревянным древком и наконечником из кости,
острым и опасным.

Копьё тоже украшено в нижней части несколькими ма-
ленькими ракушками, висящими на нитях из травы или сор-
няка. Протянув к нему руку, Кори обнаружил, что оно имеет
длину и форму, как раз подходящую для его лапы, и ему лег-
ко держать его. Должно быть, оружие действительно предна-
значается для использования зверем.

Но чье это тело? Не его же!

Вновь страх проник в его душу, и мальчику захотелось со-
рваться с места, как он уже бежал от реки, когда койот по-
явился перед ним на берегу, наблюдая за человеком.

Река... вода... Он должен добраться до воды! Она обещает
безопасность, там можно спрятаться. Вода!

Кори, все еще держа копьё в лапе, отвернулся от сигналь-
ного костра и пошел среди скал, ища проход, чтобы добраться
до обещающей безопасности реки. Он не понимал, откуда
у него такая уверенность, что вода где-то поблизости, — он
был просто убежден в этом и что он должен немедленно до-

браться до нее, иначе столкнется с какой-то серьезной опасностью.

Он нашел наконец узкую щель в утесах, похожую на проход-врата, и поспешил протиснуться сквозь нее. Постепенно мальчик, к некоторому своему удивлению, понял, что идет он не совсем естественно на своих четырех лапах, хотя, вроде бы, его тело животного предполагает, что это лучший способ путешествовать для него, однако задние лапы все время спотыкаются, а держать тяжелый хвост слегка приподнятым, в попытке уберечь его от волочения по земле, довольно трудно, и тот иногда больно шлепает по камням.

А кустарники и редкие разбросанные деревья — здесь они намного выше тех, что он помнил. А может, это он стал меньше ростом? Кори следовал по какой-то тропе на земле, где оставались отпечатки множества лап и копыт, которые вели вниз по склону.

Вода... Он уже мог чувствовать ее! Быстрее перебирать лапами Кори в своем новом теле не мог. «Чувствовать *воду*?» — спросил он себя какой-то частью сознания. Невозможно *чувствовать* воду. Можно слышать ее течение, можно видеть ее, пробовать на вкус, но только не чувствовать. Нет, ты чувствуешь ее, уверенно ответило его новое тело.

Тропа действительно привела к воде, и, увидев ее перед собой, новое тело Кори отдало приказ и бросилось в мощном нырке вперед. А потом он расслабленно плыл под поверхностью с гораздо большей скоростью и легкостью, чем во время путешествия по земле. Ощущение опасности исчезло. Он снова вынырнул на поверхность и выбрался на берег в маленькой бухточке, размытой боковым водоворотом потока, где поверхность водоема волнуют только скользящие на поверхности воды насекомые и случайные пузырьки воздуха, выдыхаемые каким-то подводным обитателем.

Этот водоем и послужил для Кори зеркалом, чтобы он посмотрел на себя.

— Бобр!

И снова слово прозвучало как какое-то щебетание, которое он, однако, вполне понял. Мальчик наклонился побли-

же, напряженно всматриваясь, чтобы понять, во что же он на самом деле превратился.

Да, бобр, однако образ, который Кори помнил по зоопаркам, не вполне соответствовал отражению в воде. Если судить по размеру деревьев и скал, то хоть он и стал меньше, чем мальчик по имени Кори Олдер, однако он все-таки вдвое больше тех бобров, которых видел в зоопарках. И в дополнение к кожаной полоске с коробкой из ракушек вокруг его толстой шеи обмотано еще несколько нитей с маленькими ракушками и разноцветными семенами, похожие нити переплетались на макушке за ушами в каком-то подобии сетки. А глаза обведены кружками желтого цвета — несомненно, краска, хотя почему же она не смылась водой?

Мальчик положил к ногам копьё, которое не бросил даже когда плыл в реке, причем абсолютно неосознанно. Используя когти в качестве клина, Кори попытался раскрыть раковину-коробку. Внутри обгоревший мох — от него еще пахнет горелым, — а также небольшой уголек. Мальчик щелчком хлопнул раковину. Итак, он бобр, но бобр, вооруженный копьем, несущий огонь; и он расписан краской и увешан нитями бус. Как... и почему?

Древний Народ! История, которую ему рассказал дядюшка Джаспер, — о зверином народе и Изменяющемся. Животные, владевшие миром до белых людей и даже до индейцев, — жившие племенами, ходившие по тропам войны, охотившиеся и...

Каким-то образом мысль об охотниках тут же принесла с собой и чувство голода. Кори вспомнил о завтраке, который оказался вовсе не таким обильным, как он предвкушал, о двух тарелках с подогретой пищей, которые опустошил Черный Лось. А что едят бобры? Мальчик оглянулся вокруг, спрашивая себя, а не сгодится ли в пищу растительность по берегам залива, и решил, что, наверное, самое лучшее — это позволить его новому телу решить за него, точно так же, как это произошло с ним, когда он оказался в реке.

А инстинкт уже вел его к низко свисающей иве, и вскоре Кори наслаждался корой, сдирая ее сильными передними зу-

бами с ветвей. Он ел с жадностью, позабыв обо всем на свете, кроме заполнения своего слишком опустевшего желудка. И пока не закончил трапезу, он не думал ни о чем.

Что же случилось с ним? Кори мог только предположить, что видит сон. Но если это так, то сон не только длиннее любого на его памяти, но и куда реальнее. Мальчик не мог припомнить ни единого сновидения, в котором он мог бы так насытиться до отвала или где бы он плыл и по-настоящему чувствовал прохладу воды. Однако теперь страх, который заставил его бежать к реке, куда-то пропал. Он ощущал скорее какое-то любопытство относительно ближайшего будущего.

С отрешенным видом он спихнул несколько оставшихся кусков коры в воду и огляделся. В охватившем Кори любопытстве что-то принуждало его заняться исследованием местности. Он мог отправиться путешествовать по реке вместо того, чтобы неуклюже пробираться по земле. Оставалось только выбрать направление, вверх или вниз.

Наверное, из-за желанья путешествовать налегке он и решил наконец отправиться вниз по реке. Однако вскоре Кори обнаружил, что в воде он не один. Здесь были свои обитатели, и он с осторожностью наблюдал за жизнью, которую встречал по пути.

Вокруг него сновала рыба, и еще попадались птицы, которые носились над ручьем или же ныряли в воду, охотясь на лягушек. Но Кори не встретил ни одного животного, пока не подплыл к беспорядочной груде мертвых веточек, одна из которых клином закрывала какую-то щель под водой в глинистом берегу.

Ондатра!

Кори не мог сказать, откуда он узнал хозяина норы, но он знал это. Однако жилище в глинистом берегу никто не занимал, и это не случайно. Губы его сжались, обнажая зубы-резцы, когда он стал проследивать запахи, которые рассказали ему о произошедшем. Смерть и что-то еще...

Норка!

Кори крепко обхватил лапой древко копья.

Норка и опасность... но не сейчас... Враги, совершившие налет сюда, давно ушли... По меньшей мере миновало два солнца, может быть, три раза наступала темнота. Не осознавая, как или почему, Кори начал думать как-то по-другому. А потом как будто открылась дверь — или, возможно, лучше сказать, перевернулась обложка какой-то книги, которую он мог прочитать, хотя и немного; однако этого было достаточно, чтобы предупредить его.

Воины-норки, совершающие налет вверх по реке. И разведчик-бобр — то есть он, — ушедший на разведку в низовья. Но не для военных действий — нет, чтобы найти место для новой деревни, потому что землетрясение на дальних холмах поглотило пруд, на берегах которого долгое время находились их норы.

Норки... с одной норкой он, Кори — Желтая Ракушка, мог бы справиться... мог бы приобрести воинскую славу, при этом, возможно, даже не подвергая себя какой-либо опасности. Но целый военный отряд... это заставляло его идти осторожно и избегать контактов. А он болтается здесь на открытой местности, плавает, как одно из этих созданий с плавниками, которым нет нужды бояться кого-либо, кроме длинноногих, ходящих пешком.

Он высоко высунул из воды голову, прячась в тени зарослей, которые тянулись по берегу далеко вперед от норы ондатры. Некоторые из этих веточек были сломаны когтями норок — их запах еще заполняет воздух. Даже сильный мускусный запах настоящего хозяина этой норы до конца не подавляет его. Теперь Желтая Ракушка прислушивался, а далекое карканье заставило его напрячься и совсем притихнуть.

Изменяющийся! Или скорее один из его разведчиков-воронов. Бобр замер, лишь подергивались усики, пока не слышал второй зов, вдаль от реки, на севере. Когда он снова опустился под воду, к нему вернулось умение Желтой Ракушки, а не неуклюжесть Кори. Однако удивление Кори, его страх, необходимость знаний по-прежнему оставались, разделяя воспоминания бобра.

Желтая Ракушка пробирался вдоль берега реки, используя любое прикрытие. Еще дважды он ощущал запах норки. А потом несколько раз мелькнул более радующий его и дружелюбный — запах выдры. Вдоль берега проходил скользкий грязный канал, именно оттуда и доносился этот запах выдры, однако дальше вновь волной накатил сильный дух норки, словно враг некоторое время обыскивал всю эту глинистую поверхность.

Коснувшись грязи на краю воды, Желтая Ракушка высунул нос из воды и попал прямо в разорванное ожерелье из ракушек. Нитку бус покрывала кровь. Значит, здесь норки совершили удачное нападение, убили или захватили какого-то пленника. Кори выбрался на берег и отправился на разведку.

Выдра, решил он. Наверное, молодая. А норки лежали здесь, в канале, в засаде. Они натерлись шалфеем, чтобы скрыть свой запах. Наконец он обнаружил стертые отметины схватки, еще два пятна крови, и проследовал по этому следу обратно к воде. Значит, они захватили пленника.

И снова Желтая Ракушка зарычал про себя. Подлые норки! Он мощным ударом воткнул древко своего копья в мягкую землю берега. К этому времени выдра уже, наверное, мертва. Во всяком случае, так было бы для нее лучше. Норки славятся своим обращением с пленниками.

Бобры так не поступают. Только норки — враги для всего живого в реке, а бобры и выдры в еще давние-давние времена раскурили трубку мира в норе, которую вырыли вместе, и заключили мир, который до сих пор поддерживается между их племенами. Они не угрожают друг другу, хотя и те и те — водный народ; бобрам нравятся корни и кора, а выдры охотятся и поедают мясо. И иногда случается так, что они вместе становятся лагерем, подносят друг другу дары и танцуют, распевая песни.

Кори шевельнулся. Откуда он знает — что вот так пахнет выдра, а иначе — норка? И эти воспоминания о том, что, похоже, случилось с Желтой Ракушкой до того, как он стал Кори, а может, это Кори стал им? Это самый странный сон...

Он повертел в лапах копые. Возможно, если он поднимется вверх по реке, вернется туда, где пылал костер... возможно, он проснется в своем мире, перестанет быть Желтой Ракушкой, снова станет Кори Олдером.

Но тут над головой промчалась какая-то тень, бросив темное пятно сначала на берег, а потом на воду. Снова, уже в третий раз, холодный страх охватил Кори. Он вздернул вверх голову, он никогда не думал, что шея может изогнуться под таким углом на плечах бобра. Огромная птица... черная... летящая вдоль берега... ворона!

И вместе с узнаванием страх усилился. Он больше не был бобром Желтая Ракушка со звериными чувствами обоняния, слуха, зрения. Он был мальчиком в каком-то незнакомом теле в пугающем до безумия мире.

И он оставался Кори как раз столько времени, чтобы выдать себя.

Непонятно откуда — ибо он все еще следил за вороной, летавшей кругами над рекой, — упала веревка из сплетенных полосок кожи. Она захлестнулась петлей вокруг его шеи, мгновенно крепко затянулась, прижав его передние лапы к телу, и потащила обратно из воды, куда он уже инстинктивно бросился. Сила рывка вывела его из равновесия, так что Кори упал на спину, его потащило по земле, и он скользил по глине канала выдры вверх. Так, на спине, его и вытянули из безопасной воды.

А наверху, прежде чем он смог подняться на ноги или же использовать страшное оружие бобра: зубы и мощь хвоста, его ударили по голове, и во взорвавшейся боли от этого удара исчезли солнце и день.

Вновь Кори очнулся с ощущением явного замешательства. Голова ныла от боли, одну щеку покрывала какая-то клейкая масса, которую ему удалось обследовать языком, и одного прикосновения ему вполне хватило, чтобы понять, что это кровь. Передние лапы крепко притянуты к бокам веревкой, а на хвост накинута петля, другой конец которой охватывает шею, так что попытайся он использовать свой

хвост как оружие, любое движение только еще больше запутает его.

Он лежит на боку под каким-то кустарником, и все вокруг так и разит запахом норок. Кроме того, не слишком далеко свернулась клубком какая-то норка во плоти, передние лапы и плечо которой закрывает пластырь из грязи и листьев. Этот воин не смотрит на Кори. Его шею тоже охватывает несколько ремешков бус, теперь сдвинутых к одной стороне пластырем на ранах, и на них висят ряды зубов, среди которых — Желтая Ракушка в гневном щелчке резко свел свои передние резцы — есть и несколько бобровых.

Воин-норка оставался в одном положении, и ясно, что рана причиняет ему сильные мучения. Время от времени он слегка поворачивал голову и осторожно дотрагивался до края пластыря, словно этот жест приносил ему какое-то облегчение от страданий.

Около раненого стражника Желтая Ракушка насчитал по меньшей мере пять военных сумок, три из них были сделаны из черепаших панцирей. Это означало, что он в руках опытного и коварного врага: имеющие черепах среди убитых врагов считаются лучшими в своем племени. Кори попытался проверить прочность стягивающих его веревок. Они сплетены из кожаных полосок и обвиты тесьмой без каких-либо разрывов. Теперь его судьба зависит от удачи и того, насколько далеко они находятся от селенья норок: очевидно, раз его сразу не убили, то сохранили жизнь лишь для какой-то не обещающей ничего хорошего цели в дальнейшем.

Должно быть, сообщила Кори память бобра, сейчас близится вечер. А ночь — время норок, точно так же, как обычно и для бобров. Если они отправятся дальше по воде в темноте, то, возможно, его пленители освободят его, чтобы он мог плыть, и это даст ему шанс...

Однако удача обошла его стороной. Вдруг раненый воин приподнял дубинку, к которой был привязан узелок с камнями; несколько выступов на нем покрывали мерзкого вида пятна. Наверное, именно таким оружием и был повергнут

в беспамятство Желтая Ракушка. Нагнувшись, воин-норка прислушался.

Уши бобра уловили то, что наверняка не заметило бы человеческое ухо, — какой-то крадущийся звук. А потом появились еще три норки, словно возникли из-под земли.

Они ничего не сказали стражнику, лишь направились полубегом к пленнику, и последняя норка тащила что-то. Что это было, Кори обнаружил мгновение спустя, когда его грубо кинули на мешанину из молодых деревьев, пеньки которых все еще торчали вместе с обрубками веток. Его привязали, злобно рванув веревку. А потом потащили вперед, не обращая внимания на доставляющие боль толчки саней, с каждым рывком удаляясь от лагеря.

Но волочить это подобие саней было не так-то легко; лучше стало, когда они заскользили за двумя норками, тянувшими их спереди, тогда как сзади подталкивала вторая пара. Вскоре сани забалансировали на гребне склона, затем еще один энергичный толчок норок сзади, и сани погрузились в то, что могло быть только каналом, проложенным выдрами в ручье.

Путешествие по земле сменилось путешествием по воде, но толчки и дерганья норок и не думали утихать. Потом Кори, не способный двигаться, с хвостом, ноющим почти так же сильно, как раскалывающаяся от боли голова, почувствовал, что он на поверхности реки, глаза его смотрят вверх, в ночное небо. Хотя он не мог повернуть голову, чтобы что-нибудь рассмотреть, он понял почти сразу же, что отряд его похитителей присоединился к другому отряду норок. Кори интересовало, находится ли все еще в их лапах выдра.

Вскоре взошла луна, и ее ясный свет на поверхности воды, судя по всему, не встревожил отряд норок. Если у них и есть враг в этой части страны, они его не боялись. Наверное, они объявили весь этот район реки своей территорией, и прошло уже много времени с тех пор, как они очистили его от любого, кто посмел бы оспорить их права на здешние охотничьи угодья.

Кори подтянули туда, где к самой воде низко свисали длинные ивовые ветви, напоминая ему, что уже прошло некоторое время с тех пор, как он ел. Сколько... Сколько же продлится этот сон?

Сны... кто-то что-то говорил в самом начале этого дня, который закончился таким странным образом... относительно снов? Что-то о ком-то, кто видит сны? А, дядюшка Джаспер... Он же говорил это о Черном Лосе. Магические сны... Разве индейцы не верят, что мальчик должен оставаться голодным, пока видит сон о животном, которое станет его защитником на всю оставшуюся жизнь?

Черный Лось... и та сумка, которая, как он говорил, обладает сильным волшебством. Сумка, и костер, и дым... Черный Лось, заставивший его держать эту сумку над дымом. Ведь сон начался именно с этого — словно он и был сном, вызванным магией. Вот только Кори — не мальчик-индеец, и эти норки, уж конечно, не духи-защитники, которые должны помогать ему всю жизнь. Все, что появилось в нем от Желтой Ракушки, говорило мальчику, что они враги.

А как насчет черных ворон и Изменяющегося, который может воздействовать на животных и пытался создать человека или, может, даже сотворил его, но которому в конце концов нанесли поражение, потому что он не смог изменять или двигать горы?

Боль в голове Кори усилилась. Яркий свет луны резал глаза, но он не мог отвести их в сторону. Мальчик-бобр закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на желании пробудиться от этого сна. Только... каким образом можно заставить себя проснуться? Обычно дурной сон прерывается сам по себе, и вот ты уже лежишь в постели, и гулко стучит сердце, а руки мокрые, и живот скрутило. Мальчик ощущал себя сейчас испуганным и несчастным, только он на самом деле не Кори, а бобр и пленник.

Плот, к которому он привязан, продолжал нестись по течению реки, кружась, и он скорее почувствовал, чем увидел, двух плывущих норок, каждая с одной из сторон плота, время от времени направлявших его движение. А потом услы-

шал какой-то далекий рев, и память бобра подсказала Кори, что это плохая вода — водопад или, возможно, порог.

Плот повернулся в воде, когда норки вытолкнули его из стремнины. А чуть позднее он оказался на мелководе, ударяясь о камни, пока военный отряд выволакивал его на берег, а потом вытаскивал на сушу.

— Ты, — самец-норка, что оказался ближе к нему, наклонил к пленнику голову на тонкой шее, так что Кори смог рассмотреть блестящие безжалостные глаза воина, — пойдешь пешком. Остановишься — уьем!

Эти звуки были произнесены настолько невнятно и с таким дурным произношением, что казалось, этот самец говорит на языке бобров не очень... хорошо... Однако Кори ощутил свободу, когда веревки, привязывавшие его к плоту, ослабли. А потом его поставили на задние лапы, оставив хвост все так же привязанным к шее. Веревку, обмотанную вокруг передних лап, подхватил все тот же воин, который прошипел приказ и предупреждение; резким рывком он повел его дальше.

Это был трудный путь, и дважды Кори терял почву под ногами и падал среди скал. Оба раза тычками его собственного копья норки заставляли пленника подниматься на ноги, однажды по его бокам прошлись дубинкой. Каким-то образом он продолжал идти вперед, однако больше и не пытался думать. Оставалось только одно — следить за едва видимой тропой и пытаться идти по ней.

Они оставили берег реки, тем не менее шум воды с той стороны стал громче. А потом снова повернули, и Кори, который все-таки пытался держаться настороже, показалось, что они идут вдоль реки. Дважды они отдыхали, но не ради него, а потому что двое из отряда были ранены, облеплены пластырями из листьев и грязи.

Когда они во второй раз сошли с тропы, Кори увидел, что он не единственный пленник. Впереди показалось еще одно существо, тоже раненое, связанное веревками, — выдра. Однако этот зверь явно едва мог двигаться, и две норки тащили и подталкивали его.

Наконец они вернулись к берегу реки, и норки вытянули из потока плот, к которому однажды уже был привязан Кори. К тому времени он уже настолько устал, что когда вновь поплыл по реке, то провалился в состояние, которое не было ни сном, ни обмороком, а чем-то средним между ними.

СЛОМАННЫЙ КОГОТЬ

В ушах Кори звенели дикие вопли и крики. Он пытался шевельнуться, однако смог лишь немного повернуть раскалявшуюся от боли голову. И когда сделал это, то увидел сузившиеся глаза какой-то норки, плывшей рядом с плотом, к которому он был привязан. По краям этих глаз была нанесена красная краска, которая усиливала выражение ненависти.

А дальше, за головой норки, он увидел берега реки, где еще несколько мохнатых воинов соскальзывали в воду, направляясь к прибывшему отряду. А потом плот Кори рванулся вперед, словно его бросила рывком какая-то новая сила, выпрыгнул из воды и приземлился на гравий и камни, больно ударив по его беспомощному телу.

Все так же привязанного, Кори поволокли в деревню норок. И это оказалось вовсе не огражденное место, как у клана бобров, что сообщила ему память Желтой Ракушки, а ряд нор.

Над каждой норой установлены куски коры, связанные вместе при помощи побегов, у всех конусообразная форма, но они не очень похожи на вигвамы, что Кори помнил по рисункам индейских деревень из прошлого человечества. К передней части большинства из них крепились шесты, с которых свисали полоски меха, нити с зубами, одно-два пера. Ни одно из жилищ не похоже на другое, и, наверное, подумал Кори, они отмечают личное положение хозяина.

Но ему не дали времени долго рассматривать: поток норок — самок и детенышей — окружил его. Вооруженные палками, кусками твердой земли, они стали бить его, беспре-

станно ужасно повизгивая, пока он совсем не изнемог, весь в синяках от их ударов. Впрочем, в конце концов норки-воины, наверное опасаясь, что пленник может быть слишком избит перед тем, что они уготовили для него, окружили плот и отогнали его мучителей.

Они подошли к одной норе, вырытой чуть подальше от остальных, и острые зубы быстро перегрызли веревки, которые удерживали Кори на плоту, однако узлы на лапах и хвосте не тронули. Его толкнули и запихнули внутрь, потом опустили откидную дверцу, оставив его в сумраке помещения: еще не наступила заря, и сюда проникало совсем мало света. Наверное, так казалось бы глазам Кори, однако для Желтой Ракушки света хватило, чтобы увидеть, что он здесь не один, что еще один надежно связанный пленник лежит на другой половине этой покрытой корой тюрьмы.

Это была выдра, на ее меху запеклась кровь, глаза не открывались. Она выглядела настолько обмякшей и неподвижной, что Кори подумал, что она умерла — хотя он не понимал, зачем в таком случае норки оставили ее лежать здесь. Воспоминания Желтой Ракушки пугали Кори — он пытался выбросить их из головы. Не следует думать о том, что делают норки со своими пленниками; ему лучше выбираться отсюда, и как можно скорее. Однако все его рывки и потягивания приводили только к тому, что кожаные веревки еще сильнее вонзались в плоть, прорезая мех до самой кожи. Он весьма искусно связан — никак не может дотянуться до веревки, чтобы перегрызть ее: мешает петля, привязывающая голову к хвосту. Попытаться сделать это — значит самому задушить себя.

Через несколько секунд тщетных попыток Кори утихомирился, оглядывая вигвам, чтобы увидеть, что бы могло помочь ему.

Вдоль стен, если не считать той, в которой дверь, кучками лежит высушенная трава, словно приготовленная для того, чтобы служить постелью. Однако пленников бросили слишком далеко. Несколько мешков или кожаных сумок ви-

сят под крышей, слишком высоко над ним. И больше ничего другого — кроме выдры.

Кори повернул насколько мог голову, чтобы понаблюдать за вторым пленником. Глаза выдры теперь открыты и пристально смотрят на него. Пасть ее открылась и дважды со щелчком закрылась. Та часть сознания Кори, что досталась ему от Желтой Ракушки, узнала этот сигнал.

«Враг... опасность...»

В этом предупреждении не было необходимости. Части его сознания, как мальчика, так и бобра, знали, что норки и опасность всегда вместе. Однако выдра еще не закончила.

Как и у Желтой Ракушки, передние лапы выдры крепко-накрепко привязаны к бокам, однако она может сгибать когти, и те, что ближе всего к бобру, теперь зашевелились — создавая узор, который также известен Желтой Ракушке. Речь на пальцах всегда использовалась племенами, которые установили между собой дружественные отношения, но не могли общаться при помощи языка.

«Норки и... другие...»

Другие? Что выдра имеет в виду?

Лапы Желтой Ракушки так крепко связаны, что уже почти онемели — он едва мог теперь их сгибать. Однако ему удалось небольшое движение в сторону, выражающее желание узнать больше.

«Появились вороны... с приказами...» — выдра напряглась, однако это усилие оказалось для нее таким непосильным, что затем она затихла, лежа и страдая от боли, ослабевшая от одного этого действия.

Вороны? Кори мысленно вернулся к реке, где наблюдал за воронами и где его почему-то так легко схватили эти норки. Изменяющийся? Ворона, или вороны, несущие приказы, которым должны повиноваться норки? Та часть в нем, что от Желтой Ракушки, была напугана почти так же, как и сам Кори, когда он впервые обнаружил себя в этом странном мире.

И, предупреждали мальчика страхи Желтой Ракушки, если это дело Изменяющегося, то все гораздо хуже, чем если бы норки просто вышли на тропу войны. Тем более необхо-

димо выбраться отсюда. Кори снова поглядел на выдру. Животное лежало, закрыв глаза, словно усилия, которые оно затратило, чтобы вести речь при помощи знаков, полностью истощили его.

Кори попытался продвинуться, извиваясь, в сторону выдры, однако шея и хвост, привязанные друг к другу, мешали этому, и слабая надежда, что выдра перегрызет его узы, погасла. А что, если выдра сама сможет передвинуться к нему?.. Впрочем, он увидел, что на задние лапы выдры набросили еще одну петлю, привязанную к колышку, воткнутому в землю, чтобы крепко удерживать зверька в неподвижности.

Но в результате этих безуспешных попыток под его плечом оказался какой-то комок на земле, отчего он почувствовал укол боли. Кори насколько мог повернул голову и увидел, что этот комок — его собственная коробочка-ракушка. Он недоуменно спросил себя, почему стража не забрала ее у него. А потом вспомнил, что там хранится — небольшой уголек. У него же есть огонь, если только уголек еще не погас. И есть высушенная трава для постелей. Не сможет ли он использовать это? Нет, сказала та часть его, что была от бобра. Однако часть сознания, что принадлежала Кори, сказала «да», решившись на отчаянный план. Только как ему открыть эту коробочку, когда передние лапы связаны?

Кори начал извиваться, пытаясь приподнять плечо, под которым находилась коробочка. Несколько долгих минут ему это не удавалось — коробочка тоже двигалась, когда он шевелился, упрямо оставаясь под его телом, несмотря на все его усилия. Но затем она немного поддалась, когда бобр в который раз упорно приподнял с нее свой вес. Мальчик не знал, сколько у него еще есть времени, прежде чем норки появятся здесь. И каждый раз, когда в голове возникала эта мысль, он двигался еще быстрее, а коробочка, похоже, скользила дальше назад под ним.

Вот наконец она вышла из-под плеча. Теперь он начал прилагать усилия, стараясь повернуть голову настолько, чтобы перевернуться; тогда он сможет дотянуться до коробоч-

ки своими резцами. Снова это казалось невозможным, и так трудна была эта задача, что он едва поверил в свой успех, когда в его зубах действительно оказалась раковина и он крепко сжал ее челюстями. Теперь добраться бы до травяного ложа слева. Любые попытки двигаться вызывали дикую боль в хвосте, или же он начинал задыхаться. Он мог передвигаться только на несколько дюймов. Но вот наконец, зажав раковину зубами, он носом подтолкнул кучу высушенной травы.

То, что он собирается сейчас сделать, самое опасное.

Высвободить огонь здесь, где он и выдра лежат такие беспомощные... Однако отчаяние Кори сейчас сильнее возражений Желтой Ракушки, и он не позволял себе думать о чем-либо постороннем.

Мощные резцы, предназначенные для рубки деревьев, сошлись вместе на раковине, и он почувствовал внутри тлеющий уголек. А потом изо всех оставшихся сил Кори выплюнул сломанную коробочку на траву и увидел, как занялся небольшой язычок пламени. Кори приподнял вверх заднюю ногу и хвост, чтобы пламя могло прожечь веревку, так безжалостно связывавшую его. Вскоре он почувствовал запах обгоревшего меха, боль ожога, и, чтобы не шевелиться, ему постоянно приходилось сражаться со страхом, который испытывал Желтая Ракушка. Ибо хотя животные знают огонь и осторожно используют его, они по-прежнему боятся его больше, чем человек.

И как раз тогда, когда он уже думал, что больше не сможет противостоять жару, давление на горло исчезло, и он смог наклонить голову вперед ровно настолько, чтобы одним резким движением разорвать зубами путы на передних лапах, а затем сделать еще один рывок, чтобы перегрызть и те, что сковывали его задние лапы.

Он почувствовал боль в лапах, когда в них снова начала свободно циркулировать кровь, споткнулся, когда ему захотелось поскорее вскочить. Однако побрел, спотыкаясь, к выдре, разорвал веревку, которая привязывала ее к колышку. Потом, потащив меньшее существо с собой, Желтая Ракушка

добрался до задней части вигвама со стенами из коры. Он отбросил ложе подальше от стены мощными движениями своих лап, бросив его в сторону входа, чтобы создать стену огня между собой и любой норкой, которая попытается войти.

К счастью, трава не загорелась так быстро, как боялся Желтая Ракушка, она скорее тлела, клубясь дымком, отчего он закашлялся, а глаза заболели. Однако зубы и когти теперь были заняты работой у задней стены. И под его решительным нападением стена поддалась.

Что он ожидал увидеть снаружи? Вооруженных норок? Но в этот раз он уже был настороже, готовый наносить им увечья хвостом, когтями и зубами. Ведь он, Желтая Ракушка, опасней в схватке любой норки, и даже двух или трех. Даже если они всем скопом навалятся на него, он постоит за себя, пока они его не одолеют.

Именно этот дым, клубами поваливший наружу, замаскировал их уход. К тому же природа норок еще больше способствовала этому: они, как бобры и выдры, должны держаться вблизи от воды. И хотя деревня стояла на берегу реки, норы находились все же слишком далеко от воды, чтобы удовлетворять требованиям мохнатых налетчиков. Так что когда Желтая Ракушка нырнул в ручей вместе с выдрой, которую тащил за собой, то упал в наполненный водой канал, тянувшийся между вигвамами. Погрузившись под поверхность воды и плывя в сторону реки, он не переставал удивляться. Обычно норки не пытаются контролировать течение воды, как это делало его племя. Они не строят ни дамб, ни канав, по которым можно было бы сплавлять лес, кору и листья, что означает дома и еду. Но эта канава оказалась теперь спасением для Желтой Ракушки и выдры.

Прорытый для более легкого тела норки, канал узковат для бобра; хотя воины, которые схватили его, выглядели больше любой норки из мира Кори, они все же были меньше размерами, чем Желтая Ракушка. Несмотря на трудности, с которыми приходилось преодолевать тесные участки пути, бобру удалось пробиться через них и проташить вместе с собой и выдру.

Наконец он вынырнул на поверхность, чтобы вдохнуть воздух, и повернул выдру так, чтобы прижать раненое тело меньшего животного к стене канавы, в то время как сам перегрызал его веревки. Глаза самца-выдры открылись, тот только теперь осознал, что происходит вокруг. И едва веревки упали, он приподнялся на передних лапах, требовательно подавая знак:

— В реку!

Но Желтой Ракушке не нужен был этот настоятельный приказ. Он нырнул под воду, держа одной лапой выдру, пока меньшее животное не начало нетерпеливо извиваться и, высвободившись из хватки бобра, промелькнуло мимо него и проскользнуло из канавы в более глубокие воды.

Они могли передвигаться в реке, однако это могли делать и норки, следуя за ними со смертоносной легкостью. И им нужно было, кроме того, опасаться еще нападения в воде других хищников, которые чувствуют себя в ней лучше, чем норки. Желтая Ракушка отметил это про себя, когда самец-выдра в первый момент задвигался быстро, но вскоре с трудом потащился вслед за бобром, и было ясно, что раны, которые снова начали кровоточить, замедляют его движение. Одна из ран на затылке даже на вид весьма болезненная. Желтая Ракушка подумал, что, должно быть, она от удара дубинкой. Еще одна рана вывела из строя переднюю лапу выдры, которую самец держал прижатой к груди, чтобы защитить ее даже от слабого давления воды.

Кровь изменяла цвет воды, оставляя след, по которому их сможет выследить враг. Желтая Ракушка не отваживался тратить время, чтобы разведать, что происходит позади них, посмотреть, обнаружили ли норки их побег. Он мог только надеяться, что они выберут правильный путь за то короткое время, что осталось у них до того, как за ними будет выслана погоня. Правда, при удаче загоревшийся вигвам скроет их побег на некоторое время.

Кори теперь даже не пытался контролировать тело бобра. Он только желал, чтобы этот слишком реальный сон закончился и он бы пробудился снова в мире, который всегда знал.

Вверх или вниз по течению реки? Бобр замер в нерешительности. И именно воин-выдра махнул ему своей неповрежденной лапой, что им следует отправиться вверх, против течения реки. И все же, разве не этого будут ожидать от них норки — вернуться туда, где их захватили в плен?

Выдра снова просигналила в нетерпении:

«Вверх по реке... поторопись...»

Воин-выдра попытался следовать своим же собственным указаниям, однако плыл неуклюже, и водоворот отталкивал его в сторону берега. Желтая Ракушка легко догнал его, поплыл рядом, поперек реки, в сторону противоположного берега, прижавшись к нему плечом. Это было медленное и мучительное продвижение, они, где только могли, держались под водой, останавливаясь для отдыха там, где корни или кустарники свисали над водой, чтобы дать им спасительную тень.

Они, как могли, прятались, потому что теперь уже наступил день, над рекой ярко сверкало солнце, жужжали насекомые, и можно было видеть жизнь, бурлившую в воде и над ее поверхностью. Желтая Ракушка поел ивовой коры, до которой смог дотянуться, не покидая реки. Самец-выдра своей здоровой лапой отодвигал в сторону омываемые водой камни, бобр помог ему, когда понял, чего хочет его спутник, и вскоре резко поднял вверх лапу вместе с пойманным раком, скрывавшимся под подобного рода укрытием.

Воин-выдра сообщил, что его зовут Сломанный Коготь; он уныло глядел на свою разорванную лапу, когда жестами показывал это. И он принадлежит к племени Болотного Ручья, хотя сейчас настал сезон, когда его народ разделился на семейные группы и отправился на летнюю охоту. Поскольку пока что у него в норе не было ни самки, ни детенышей, он передвигался в одиночестве, когда был пойман в ловушку норками. Рассказывая об этой своей беззаботности, Сломанный Коготь смутился. Он вышел к верхней части канала, честно признался он Желтой Ракушке, и попытался спуститься по нему. Забыв обо всем, наслаждаясь великолепием быстрого спуска, он снова и снова поднимался вверх и спу-

скался, и теперь уже не может припомнить, сколько раз, совершенно позабыв о всякой осторожности, и в конце концов скользнул прямо в ловушку с сетью, устроенную норками.

Однако больше всего его страшили не норки, а то, что за ним, должно быть, следили вороны, сообщившие о нем норкам-налетчикам.

«Изменяющийся...»

— Что Изменяющийся? — спросил Желтая Ракушка на языке бобров.

«Кто знает? — похоже, воин-выдра понял достаточно из его гортанных звуков, чтобы показать знаками ответ. Наверное, он понимал бобров, хотя и не разговаривал на их языке. — Но будет плохо, когда придет Изменяющийся. Мир может быть захвачен — да говорят, что со временем так и случится».

«Мир может быть захвачен», — пришла пугающая мысль другого существа — воспоминания Желтой Ракушки. Настанет день — все травники-знахари утверждают это, поют про это, выстукивают на барабанах, когда Народ начинает танцевать, охваченный наркотическим экстазом — мир будет захвачен, и тогда ничего не останется таким, как сейчас. И все, что пребывало в безопасности и уверенности, будет сметено прочь, все прямое станет кривым, все светлое станет темным. И Народ больше не будет Народом, но рабами.

«Рабами...» — лапы Желтой Ракушки задвигались в этом знаке, и Сломанный Коготь кивнул.

«Это уже началось. Ты видел водный путь в деревне норок. Его выкопали рабы, бобры, которых они захватили еще детенышами и заставили работать на себя».

«И что стало с ними? — Желтая Ракушка шелкнул зубами, а сильный хвост разрезал воду, разрывая водоросли. — Что случилось с ними после того, как они это сделали?»

«Они уходят, никто не знает куда, — ответил Сломанный Коготь. — Но вороны Изменяющегося несут множество посланий в эту деревню».

«Если Изменяющийся вмешивается...» — Желтая Ракушка вздрогнул. И снова Сломанный Коготь кивнул.

«Верно, — его здоровая лапа шевельнулась в согласии. — Лучше всего, чтобы наши народы знали об этом. Мой народ разбросан, что плохо. Мы должны снова собраться вместе, хотя это и против обычая сейчас, когда стоят теплые деньки. А как насчет твоего, Старший Брат?»

«Мы переезжаем в новую деревню. И я разведываю местность для племени».

«Для твоего народа лучше будет не обнаружить новую воду в этом краю, — ответил воин-выдра. — Чем скорее ты общишься об этом своему вождю, тем лучше будет для твоего племени».

«А ты?»

«Отправлюсь к норе моего вождя, Длинного Зуба, который остался в месте, назначенном для сбора нашего народа в случае опасности. Тогда он отправит послания, зажжет сигнальные костры, которые призовут членов моего племени туда».

«Однако норки наверняка последуют за нами...»

Сломанный Коготь кивнул.

«Да, норки. Если они действительно прислушиваются к словам ворон и тех, кто служит им разведчиком в небе, тогда мы оба должны держать ухо востро на тропе войны. Когда мы в воде, нам нет необходимости привязывать траву к своим стопам, чтобы уничтожать следы за собой, но ведь и они также живут в воде, и они узнают о нас». — Он осмотрел место, где они ели, и Желтая Ракушка понял, насколько глупо было утолять здесь голод.

Только очень глупая норка не заметит эту объединенную иву, перевернутые камни и не поймет, что бобр и выдра останавливались здесь для отдыха и еды.

Воин-выдра сделал знак:

«Да, мы вели себя здесь как необученные младенцы, мой брат. Будем надеяться, что это не накличет на нас беду».

Сначала Желтая Ракушка подумал, что какие-то из этих следов можно скрыть. Но уже через несколько секунд изучения понял, что это невозможно. Все, что они могут сделать

сейчас, — это как можно больше увеличить расстояние между собой и этим местом.

Его сильное тело бобра уже почти пришло в себя после грубого обращения с ним норок, хотя головная боль все еще не до конца прошла; вытянув лапу, он коснулся мягкой опухоли на черепе в том месте, где его поразила дубинка воина-норки. Но вот разведчик-выдра в худшем состоянии. И несмотря на мужественные попытки Сломанного Когтя плыть вперед самостоятельно, он в конце концов отстал. Когда Желтая Ракушка понял это и повернул назад, он обнаружил выдру, уносимую течением, едва-едва удерживавшуюся слабым когтем за скалу в реке.

«Держи», — Желтая Ракушка взял здоровую лапу спутника и петлей набросил ее себе на шею вокруг плеч. Воин-выдра, похоже, снова терял сознание от усталости. Он лишь следил за тем, что делал бобр, но ничего не сказал, когда тот делал эти приготовления, чтобы тащить его.

Протянув переднюю лапу, чтобы удерживать голову выдры так, чтобы они могли смотреть друг на друга, Желтая Ракушка медленно просигналил:

«Где... находится... нора... твоего... вождя?»

Самец-выдра моргнул. А потом шевельнул в коротком ответе своей раненой лапой:

«Ручей... впадает... в реку... большой камень... помеченная краской скала... следом за ручьем».

«Как далеко?» — спросил затем Желтая Ракушка.

Однако глаза Сломанного Когтя были уже закрыты, а голова лежала, обмякнув, на лапе, которую бобр использовал в качестве буксира.

Вот так, таща на себе выдру, Желтая Ракушка и отправился вперед, держась берега и по-прежнему стараясь использовать любое защитное укрытие, которое мог найти, чтобы не быть замеченным с неба. Он обнаружил, что, плывя вместе со Сломанным Когтем, который был для него только беспомощной обузой, он довольно быстро утомляется, отчего ему приходилось все чаще и чаще останавливаться на отдых и вытаскивать выдру из ручья под какой-нибудь выступ, чтобы

отдышаться. Дважды он сжимался в комок, когда тень крыльев падала на воду. В первый раз он не понял, кто это был: какая-то ворона или охотящийся ястреб. Однако во второй раз он точно заметил черные перья, в этом он не сомневался.

Долгое время после этого бобр просидел, скорчившись над выдрой в укрытии под выступом берега, не зная, что делать. Если их увидел этот летун тьмы, значит, совсем скоро норки узнают, где они находятся. Но в противном случае, стоит им отправиться дальше по воде, ворона могла затаиться на каком-нибудь дереве и высматривать их продвижение.

Однако норки не показывались, и бобр предположил, что просто тратит драгоценное время, просиживая в этом укрытии. Желтая Ракушка снова рискнул отправиться дальше, по-прежнему таща за собой Сломанного Когтя. Однако во время следующего отдыха тот поднялся и, похоже, уже лучше понимал, что они делают. Он согласился, что еще слишком слаб, чтобы отказываться от помощи Желтой Ракушки. Впрочем, Сломанный Коготь настоял, чтобы бобр помог ему подняться на берег между двумя скалами.

С этого места он долго и внимательно изучал реку. Желтая Ракушка делал то же самое, однако он не увидел ничего, кроме насекомых и птиц — двух длинноногих охотников на рыбу и лягушек. И ни одной птицы с черными крыльями. А потом пониже их, немного впереди, разошлась трава, прошествовал рысцой олень и опустил голову вниз, чтобы напиться.

Сломанный Коготь стиснул плечо бобра, чтобы привлечь внимание Желтой Ракушки. Своей здоровой лапой он указал вверх по ручью и на противоположный берег.

Бобр узнал то, что, наверное, и было знаками местности, о которых ему говорил Сломанный Коготь. Однако чтобы добраться туда, им придется пересечь открытое пространство реки, которое полностью просматривается с неба. И на противоположном берегу он не увидел ни кустарника, ни какого-либо уступа, где можно будет спрятаться.

Услышав карканье, животные втиснулись в расселины в скалах, используя их как укрытие. Вороны — две — лета-

ли кругами над рекой. Одна из длинноногих болотных птиц отозвалась в ответ, бросая вызов, возражая против вторжения на свою территорию. Но, похоже, вороны не обратили на нее внимания.

А потом болотная птица поднялась в небо, и Желтая Ракушка безошибочно определил намерение, с каким большая птица взлетела: очистить свой охотничий участок от непрошенных гостей. Вороны улетели на юг, и болотная птица махала крыльями, преследуя их. Однако не могли ли соглядатаи за то время, что парили над рекой, заметить их двоих среди скал? Ответа на этот вопрос не было; и ничего не оставалось делать, как снова со всей возможной скоростью убраться подальше от этого места, прежде чем вороны сообщат о них, если им удастся ускользнуть от болотной птицы и вернуться.

НЕСУЩИЕ ТРУБКУ

Воспользовавшись тем, что вороны улетели, они тут же пересекли реку и обошли подножие скалы, которая разделяла устье второго ручья. Желтая Ракушка остановился в удивлении, бросив взгляд на эту каменную колонну: намного выше того уровня, до которого он мог бы дотянуться, даже если встанет во весь рост, находилась глубокая вмятина в форме отметины чьей-то лапы. Это не был, как он заметил после более внимательного изучения, след бобра, выдры или норки. Но все же это ясный след какого-то животного, оставшийся впечатанным в скалу, словно в мягкую почву.

По всей скале попадались следы древней краски, некоторые из них были нанесены в самую эту вмятину, показывая, что это символ действительно могущественной магии; должно быть, когда-то этот знак указывал на границу территории.

«Лапа...» — бобр плыл, стараясь догнать Сломанного Когтя, который сам всей душой стремился к цели.

«Знак Великого Бога, Речного Духа, — ответил Сломанный Коготь. — Это великое волшебство. Если бы Дух был выдрой или бобром, норки не смогли бы пройти мимо него.

Но это знак для всех водных обитателей и потому нам сейчас не поможет».

Ручей, который позади них разделялся в месте, где находилась скала, оказался именно таким, какой и сам Желтая Ракушка выбрал бы, если бы искал убежище, чтобы избежать наблюдения.

Потому что вскоре ручей превратился в узкую полоску воды, сплошь заросшую по берегам кустарником и ивами. И кроме того, было очевидно, что это была территория выдр. Они проходили мимо камней с отметинами выдр, не впечатанными в скалы, конечно же, как это сделал речной дух, но оставленными в рисунках из разноцветной глины повыше уровня воды. Отметины сделаны не его племенем, и Желтая Ракушка не мог прочитать их. Но дважды Сломанный Коготь останавливался рядом с некоторыми, которые казались посвежее остальных, и во второй раз он просигналил:

«Многие возвращаются к племени. Возникла опасность... они уже, возможно, знают об этом».

Снова Сломанный Коготь желал больше, чем могло тело. И несмотря на то, что он оказался достаточно силен, чтобы самостоятельно войти в ручей и плыть в нем против течения некоторое время без всякой помощи, вскоре он опять начал отставать и в конце концов зацепился за проходивший под водой корень дерева, и Желтая Ракушка снова стал помогать меньшему собрату.

Ручей привел их к болоту, где росла высокая болотная трава и поблескивало множество водоемов. Некоторые из них вдалеке по краям покрывала пена, оттуда плохо пахло. Но в самом ручье вода была чистая, и Желтая Ракушка почувствовал себя в относительной безопасности — впервые с тех пор, как был захвачен в плен военным отрядом норок. А потом самец-выдра подтолкнул его, и бобр остановился там, где ручей расширялся в водоем, полузапруженный упавшим деревом и бревном, приткнувшимся к нему.

По жесту выдры Желтая Ракушка помог Сломанному Когтю взобраться на бревно. Крепко прижавшись к нему раненой лапой, он использовал вторую лапу, чтобы посту-

чать по обломку ветки, все еще выступающему из бревна. Тот издал звук, который далеко разнесся по болоту. Затем Сломанный Коготь помедлил: откуда-то издали через всю эту залитую водой местность до них донесся глухой стук-ответ.

«Они знают, что мы идем», — просигналил разведчик-выдра, соскользнув с дерева в воду. И Желтая Ракушка увидел знаки на бревне, которые говорили, что этот сигнал, должно быть, часто повторялся на нем.

Так они продолжили свой путь, и бобр не удивился, когда на поверхности реки, усеянной водорослями, вдруг появилась выдра только для того, чтобы взглянуть на них, а затем снова нырнуть, лишь на мгновение покрасовавшись перед глазами Желтой Ракушки разрисованной мордой, головным убором из перьев и бус из водорослей. Однако в лапе выдра сжимала копье, и она несла его так, как воин, привыкший к умелому обращению с этим оружием.

Наконец они выплыли, вероятно, в центр этой болотистой местности, где находился кусочек сухой земли, поднимавшейся как островок, отлично защищенный от обнаружения. Земля, большей частью глина с многочисленными камнями, была набросана кучами и располагалась, наверное, на каменистом основании. На ней сгрудились норы-кустарники, вместе с грязью, которая затвердела на солнце. Норы с гладкими стенами полностью располагались над водой, но что-то в них напоминало норы бобров — словно они были скопированы с огромных домов народа Желтой Ракушки.

Выдры ждали их прибытия, впереди воины, позади самки и детеныши, но их было слишком мало для такого количества нор. Если, как верит Сломанный Коготь, племя снова собирается, еще далеко не все добрались до этой твердыни на болоте.

Боевые шесты возвышались перед пятью норами, знаки боевой доблести свисали с них — не нити с зубами, как в древне норок, но перья или разноцветные нити из водорослей. Воины помогли Желтой Ракушке вскарабкаться на берег: эти последние несколько футов Сломанный Коготь, отказавшись от его помощи, преодолел самостоятельно. Двое пер-

вых из ожидавших поспешили к собрату, чтобы поддержать и провести через почти безлюдную деревню к норе посередине, которая была побольше остальных, со сложенными из глины стенами, разукрашенными цветными рисунками и с разноцветными отметинами на мягкой поверхности, потом разрисованными черной или красной краской. Как на скале в устье ручья, некоторые из отметин поблекли и почти исчезли под воздействием непогоды, однако многие еще ярко сверкали, словно их сделали совсем недавно. И Желтая Ракушка знал, что это записи о племени и клане и, наверное, нора принадлежит не вождю племени, но тому, кто соответствует рангу мага-заклинателя.

Мимо Желтой Ракушки прошел какой-то воин и отвел в сторону занавеску, сплетенную из сухих водорослей. И бобр остановился на несколько секунд, позволяя Сломанному Когтю и двум поддерживавшим его выдрам войти первыми. В центре норы был разожжен небольшой костер, от него поднималась тонкая голубоватая и приятно пахнущая струйка дымка. С одной стороны костра присел на корточках очень старый выдра-жрец, с почти белой мордой. Когда голова его качнулась в их сторону, Желтая Ракушка увидел, что у него только один глаз, а другой обезображен длинным шрамом, правда, давно зажившим. Перед ним находился небольшой церемониальный барабан, сделанный из панциря черепахи, с кожей из семги, высушенной и крепко натянутой поперек панциря. Время от времени этот старый самец тихо ударял по барабану, выбивая какой-то шуршащий звук, словно что-то в земле нашептывало ему.

Лицом к нему через костер сидел самец-выдра помоложе, однако и он был куда старше Сломанного Когтя и даже воинов, которые привели раненого товарища в эту нору. Его глаза окружали нарисованные черные кружки, а на груди висел диск из кости, с резьбой и также разрисованный — знак верховного вождя. С передней лапы спускался на пол квадрат из водорослей, сплетенных вместе, с перьями, воткнутыми в это переплетение, образывавшими яркое церемониальное одеяние.

Вождь взорвался быстрой речью на языке выдр, которую Желтая Ракушка не смог понять, а потом засунул лапу под край своего усеянного перьями одеяния и достал длинную трубку. С помощью двух когтей он умело выдернул горящую веточку из костра и вставил ее в чашеобразную часть. От нее исходил душистый запах, и он поднял трубку в направлении крыши норы, неба, снова указал ею на землю, потом на восток, север, запад и юг, и наконец предложил стебелек Желтой Ракушке.

Осторожно взяв его передними лапами, бобр сделал глубокий вдох, а потом медленно выдохнул, поворачивая голову в том же порядке, как и вождь выдр, предложивший трубку.

Передав трубку налево, в уже дожидавшиеся лапы старого жреца, который прекратил свои удары по барабану, чтобы взять ее, вождь быстро произнес на языке знаков:

«Нора Длинного Зуба — для нашего брата. Пища и питье Длинного Зуба принадлежат и нашему брату. Пусть он отдохнет, поест и напьется: след, оставшийся позади него, был длинный и трудный».

Ковер из водорослей, который служил дверью в нору, скользнул в сторону, когда самка, почти такая же старая годами, как и бьющий в барабан жрец, принесла чашу, которую поставила перед Желтой Ракушкой, и вместе с ней — тыкву, которую теперь использовали как чашку, из нее распространялся запах какого-то тушеного растения. Бобр наклонил голову к чаше и обнаружил свежую ольховую кору, приятную на вкус, вместе с луковицами водяных растений.

Пока он ел и пил, вежливо не замечаемый всеми остальными, Длинный Зуб разговаривал со Сломанным Когтем. А потом молодого самца увели его друзья, а вождь остался сидеть перед костром, пристально рассматривая его, и трубка теперь покоилась в его лапах, совсем потухшая. Старый жрец вернулся к тихому постукиванию когтем по натянутой на панцирь черепахи рыбьей шкуре.

Но вот наконец он что-то сказал вождю, и Длинный Зуб медленно кивнул. Старый самец протянул лапу к краю костра и выудил горсть серовато-белого пепла. Он разбросал

его над барабаном, добавив вторую горсть к первой, так что теперь сверху барабана лежал тонкий слой порошка.

Потом, положив каждую из лап по бокам барабана, чтобы крепче держать его, он откинул назад голову, так что его серая морда обратилась прямо к крыше над головами, и начал монотонно напевать что-то голосом, который оказался тонким, старым и дрожащим. Желтая Ракушка, прислушавшись, понял, что слышит заклинание могущественного мага, который может управлять великими силами. И поэтому бобр сидел спокойно, не смея пошевелиться.

Кори почувствовал, как крепко он зажат, став совсем крохотной частью Желтой Ракушки там, откуда нельзя сбежать, и это пугало мальчика. Но все же вместе с этим чувством пришло и понимание того, что он будет присутствовать на какой-то важной церемонии, и он устался, как и все остальные, на выдру-мага.

Дрожащее монотонное бормотание затихло, жрец сделал глубокий вдох, втянув воздух в легкие, словно собираясь нырнуть в воду и оставаться там долгое время. Задержав дыхание, он наклонился вперед над покрытым порошком барабаном. А потом выдохнул из легких воздух прямо над пеллом.

Кори ожидал увидеть, как весь он исчезнет в облаке пепла, однако этого не случилось. То, что осталось, образовало странный узор, очертания, грубые, но вполне узнаваемые, какой-то птицы. И Желтая Ракушка узнал этот силуэт: он знаком всем речным племенам, и, наверное, так обстоит дело и с племенами равнин, хотя с ними речные народы имеют мало дел. Это знак Орла, или скорее тотем Орла — Гром-птица.

Древний тотем. Длинный Зуб посмотрел на каждого, кивнул, а потом вождь выдр знаками передал Желтой Ракушке:

«Ныне на реке творятся нехорошие вещи. Тут и там появляются норки. Они совершают набеги, захватывают пленников, и всегда перед ними, шпионя, летят вороны. Передвигается кто-то еще, возможно духи; но кто видит духов, за исключением тех случаев, когда видишь сон, вызванный

колдовством? Для таких, как мы, неразумно смотреть на пути следования духов. Но все же Изменяющийся — одновременно и дух, и плоть Народа, и то, что он делает, может навлечь на всех нас большую беду. Мы не знаем, что он делает. Говорят, что через некоторое время он придет, чтобы взять власть над миром, и Народ станет рабом, если мы выживем. Хотя рабами кого — мы не знаем; возможно, злых духов. Наверное, теперь настало то время, когда он сможет выполнить это. И мы не можем сказать, найдется ли кто-нибудь, достаточно сильный, чтобы противостоять Изменяющемуся, и кого мы могли бы призвать.

Но из всех нас Орел живет и летает выше всего, он ближе всех к Миру Небес. И если он поможет нам, тогда...»

Закончить он так и не успел: в этот момент старый жрец издал резкий крик. Желтая Ракушка так был поглощен словами вождя, что пристально смотрел только на лапы выдры, и теперь вздрогнул и бросил быстрый взгляд на лицо говорившего. Потом резко повернул голову и увидел, что старый самец пристально разглядывает его, Желтую Ракушку, изучая пришлого бобра.

В этот момент зашевелились скрючившиеся лапы жреца, дрожа, не так беспокойно, как лапы Длинного Зуба, однако с той же властью, что и у вождя.

«Знак Изменяющегося на тебе! Ты присутствуешь здесь — и ты не бобр!»

Кори не знал нужного знака, однако его лапы бобра двигались в правдивом ответе.

«Я есть я, и я не совсем бобр. Однако, — поторопился добавить он, — я не враг».

«Да, не враг, — согласился выдра-маг. — Ты друг для нас, для всех, кто противостоит Изменяющемуся. Слушай внимательно: если ты обнаружишь что-то, что повергнет его, то, может, тебе удастся разделить себя из единства бобрас-другим снова на полностью бобра и полностью другого, а потому отправляйся к Орлу. Ибо это существо-дух, и Орел знает больше, чем мы... Или, может, еще Ворон знает, Во-

рон, чья танцующая музыка сотрясает воздух, который поет песни-о-могущественной-силе для племени Орла».

Кори был охвачен нетерпением.

«Вы имеете в виду Орла... он сможет вернуть меня обратно?»

Но выдра-маг покачал головой.

«Только Изменяющийся может изменять. Однако есть способы, пути, силы могущества, чтобы заставить его... порой. И от Ворона, который обладает силой духа, ты, возможно, сможешь узнать то, что явится копьем для охоты на Изменяющегося».

«Мы посылаем трубку Орлу, — теперь заговорил Длинный Зуб, и его когти сверкали в свете костра, когда лапы зашевелились. — Если хочешь, можешь отправиться вместе с несущими трубку. Мы в большом долгу у тебя за то, что ты привел Сломанного Когтя назад, однако это путь духа, и потому по нему не стоит следовать, если к тому не призывает большая необходимость. Правда, если ты считаешь, что такая необходимость есть, отправляйся вместе с нашими людьми в горы».

«Да», — ответ Желтой Ракушки был быстрым и уверенным.

«Тогда отдохни, — знаком передал выдра-маг. — Ибо путь предстоит долгий и трудный. И потребуется время для заклинания трубки. Будут песни и танцы силы, чтобы она была готова для использования».

Бобру указали на кучу травы — ложе в задней части норы вождя, чтобы он отдохнул там, и он с благодарностью свернулся там клубком, настолько уставший, что уже не мог держать глаза открытыми. Но когда он проваливался в сон, то спросил себя, что если человек грезит в своем родном мире — как это должно было происходить с Кори, — то как можно спать в собственном сне?

Его разбудил какой-то звук, и несколько мгновений он не мог вспомнить, где находится, однако сухая, приятно пахнущая трава под носом и телом, когда он шевельнулся, зашуршала, отчего мальчик тут же все вспомнил. Итак, сон все еще

продолжается, и он по-прежнему бобр Желтая Ракушка; ему не потребовалось глядеть на лапы, которые были его руками, или на мех своего тела, чтобы убедиться в этом.

Кори повернул голову. Старый самец-выдра отложил в сторону барабан и, скорчившись, присел на корточки у костра. Перед ним лежала метелка связанных вместе ремешков, на которые были нанизаны бусы срезанных водорослей и семян, а также кусочки перьев. Над всем этим выдра-маг держал поднятыми передние лапы, и Желтая Ракушка понял, что это магическая сумка, а значит, один из его хозяев обладает великой силой. Часть этой силы теперь входила в выдру-мага. Он монотонно произносил заклинания, но очень тихо и на языке выдр, который Желтая Ракушка не понимал.

Кончиками когтей старый самец-выдра разложил вокруг и над собой разукрашенную связку соединенных вместе рыбьих шкур, и над этим еще одно плетение из травы, ярко расписанное краской и знаками могущества из разноцветной глины. После чего неловко встал, будто ощущал сильную боль и затрачивал много сил, чтобы прикрепить метелку обратно к перевязи, свисающей с крыши норы.

Снова присев на корточки, жрец сидел, слегка касаясь передними лапами груди, тихо что-то напевая. Однако он ждал недолго. Дверь-занавеску откинули в сторону, и появился Длинный Зуб, неся большой сверток, раскрашенный наполовину красным, наполовину черным цветом, так что Желтая Ракушка понял, что это тоже магическая вещь.

За ним следом вошли еще два выдры-воина, каждый нес боевой щест, который вонзил в землю перед костром со своей стороны.

Вождь положил связку на разукрашенный коврик и развязал первую из оберток, в то время как все что-то бормотали нараспев. Вторая обертка оказалась желто-синей, третья — красной, а последняя — белой, и каждую Длинный Зуб развязывал с величайшей заботой. А потом на свет появилась и трубка.

Это трубка для особых церемоний, очень старая, как понял Желтая Ракушка. Ее чашечка изготовлена из красного

камня, который с потрясающим терпением выдолбили так, чтобы тот принял форму головы выдры. Длинную рукоять украшали водоросли, семена-бусы, и трубка была выкрашена в черный цвет.

Когда ее освободили ото всех оберток, старый маг наклонился вперед, чтобы взять ее в свои сморщенные лапы и передать ей силу, которая входит в него из магической связки. Кори заметил, что жрец больше не касается связки, как и никто из остальных выдр, включая Длинного Зуба. Через несколько минут вождь снова завернул трубку в обертки, которые свободно лежали под ней, — одна, две, три, четыре. Когда последняя была надежно завязана, вождь уложил все это в ящик, покрытый жирной рыбьей шкурой, — последнюю защиту для свертка. К ящику был приделан ремень для переноски, так что у того, кто его понесет, лапы останутся свободными.

Желтая Ракушка привстал, трава его ложа зашуршала, и звук этот показался очень громким в норе, где уже перестали тихо напевать. Старый маг прошел, раскачиваясь, обратно к ложу по свою сторону от костра и свернулся там клубком, словно вся эта работа истощила запасы его сил.

«Солнце и сон были у тебя здесь, брат, — знаком передал Длинный Зуб Желтой Ракушке. — Ты сейчас себя хорошо чувствуешь?»

«Да, младший брат. Я готов к путешествию по тропе».

«И тропа ждет тех, кто понесет трубку, — ответил Длинный Зуб. — Поешь из наших чаш, напейся из наших запасов, брат, а потом отправляйся с нашей благосклонностью».

Он, должно быть, сделал какой-то знак или издал звук, который Желтая Ракушка не расслышал: тут же вновь вошла старая женщина с чашей, от которой исходил пар, и новой связкой водянистых корней и ольховой коры. И Желтая Ракушка съел все, что смог запихнуть в себя, зная, что хорошо отправляться в долгое путешествие, насытившись до отвала: этим он оказывал честь хозяину норы.

Они выступили на закате. Несущими трубку оказались те самые воины, которые участвовали в церемонии в норе вож-

дя, только теперь с их меха была смыта церемониальная краска, и они шли, имея только защитные белые круги вокруг глаз и на гребне у лба. Не было у них и копий: даже норки должны уважать врагов, путешествующих с магической трубкой, чтобы, подняв лапу на таких путешественников, не вызвать гнев всех духов на себя.

Желтая Ракушка подошел к норе, где лежал Сломанный Коготь, его раны были покрыты лечебными грязью и растениями. Молодой воин, чьи глаза потускнели из-за лихорадки, с горячим желанием посмотрел на бобра.

«Я... бы... я тоже мог бы... отправиться... по этой тропе...» — просигналил он медленными движениями своей неповрежденной лапы.

«Я это знаю, брат, — ответил Желтая Ракушка. — Но если в этот раз ты и не отправляешься по этой тропе, то будет другой раз, когда ты сможешь. Знай же, между тобой и мной — кровь и клятва, и мы — как два детеныша одного помета».

«Это... правда... и мы вместе выйдем на тропу войны против норк!»

Желтая Ракушка кивнул.

«Да, брат мой, духи желают этого!»

Трое покинули болото по водному каналу, настолько заросшему водорослями и кустарниками, что Желтая Ракушка догадался, что его скрывают намеренно. Местами проход был таким узким, что тело бобра едва протискивалось между берегами, однако выдры проскальзывали без труда.

Еще до наступления зари они оказались далеко от болота и пробирались по местности, представляющей большую опасность и поросшей лесами, направляясь к ручью, который должен привести их к горам. Его спутники были так уверены в тропе, что Желтая Ракушка следовал за ними без раздумий. Однако по лесу они шли осторожно; прежде чем вступить на эту опасную территорию, поели содержимого сумок из рыбьих шкур, где находился шалфей и другие сильно пахнущие растения, вместе с маслом, чтобы скрыть их запах от хищников.

Один раз им пришлось спрятаться, тесно прижавшись друг к другу, в дупле бревна, заросшего корнями, следя за

тем, как мимо проходит пума. Она тихо рычала самой себе, и, хотя Желтая Ракушка не понимал язык больших кошек, он мог догадаться, что та, должно быть, неудачно охотилась утром и теперь намеревалась компенсировать промах. Но то ли подействовал отталкивающий запах, которым пропахли их тела, то ли оказал свою силу дух трубки, но зеленые глаза не повернулись в их сторону. И смерть на четырех лапах прошла мимо и удалилась прочь от того места, где они сидели в укрытии.

Желтая Ракушка вдруг понял, что ему трудно идти вровень с выдрами, хотя они опустили на четыре лапы. Они бежали, то сутулясь, то разгибаясь, в то время как он с трудом передвигался, неуклюже шаркая ногами. И он знал, что задерживает отряд, хотя посланцы ничего не говорили об этом.

Лес сплошь покрывал поднимающийся вверх склон, и они направились в сторону этих высот. Кори вдруг понял, что слышит крик какой-то вороны, как во время их бегства по реке. В то же самое время он осознал, что видит вокруг себя больше, чем замечал до этого. Смотреть на мир глазами Желтой Ракушки — оказалось действительно видеть новый мир. Несмотря на то что дальность видения ограничивалась близостью к уровню земли, даже при сравнительно большом размере тела бобра, острота зрения при этом была намного выше, чем у мальчика.

Они больше не останавливались, чтобы поесть; еда у них фактически кончилась. Желтая Ракушка нес только копье, которое Сломанный Коготь настоятельно посоветовал ему взять с собой, оно короче и легче тех, какими он пользовался до этого, но с очень острым острием. А у его двух спутников — только трубка в обертках, они по очереди несут ее на ремне, перекинутом через плечо.

На рассвете они вышли из леса на край ложины; ниже, в каньоне, бежал ручей, который они искали. Путники осторожно спустились по холму, и все трое с благодарностью бросились в воду, и выдры тут же начали переворачивать камни в поисках любимого лакомства — раков.

Желтая Ракушка не был так удачлив. Ему оставалось только надеяться, что впереди им попадет что-нибудь, что наполнит его пустой желудок. Или же, если выдры планируют отдыхать днем, а путешествовать ночью, может, ему удастся исследовать ручей внизу по течению и вернуться назад.

Он знаком задал вопрос, и старший из выдр ответил. Впереди их ждет заливчик с крутыми откосами, если берег там еще не разрушился. Разведчики из деревни давно сделали этот залив местом отдыха. Что же касается поиска пищи внизу по течению реки... наверное, со стороны Желтой Ракушки было бы благоразумным попытаться осуществить это. Впереди им встретится совсем немного растительной пищи, и он может остаться голодным, так как не способен разделить с ними их добычу.

Залив оказался на месте, и выдры юркнули в его тень, вылезли из воды и принялись кататься на полосе песка, вытирая мех. Желтая Ракушка осторожно огляделся, отмечая в сознании приметы этого места. После чего снова нырнул в воду, на этот раз поплыл вниз по течению ручья.

Некоторое время ничего, кроме скалистых стен, не встречалось, и голод его стал еще сильнее: бобр начал опасаться, что придется совершать долгий путь натошак. Но наконец он вышел из теснины между скалами, которые образовывали как бы врата, и за ними увидел небольшой луг.

Олень фыркнул и ударил копытами, потревоженный его появлением на берегу, когда бобр направился к густым ивам. В раннем утреннем небе не было видно черных крыльев, и Желтая Ракушка пополз от воды, надеясь найти что-нибудь себе на завтрак.

В конце концов ему удалось наесться до отвала, хотя пища оказалась похуже, чем в деревне выдр. После этого он нарезал куски коры, которые будет не очень трудно нести, и связал их крепкими корнями. Помня о предупреждении выдр, он подумал, что предусмотрительнее будет понести с собой еду в горы, и понадеялся, что этого количества окажется достаточно.

ДОГОВОР С ОРЛАМИ

Когда после наступления темноты они выступили в путь, Желтая Ракушка понял, что связка коры сильно мешает ему, однако через некоторое время, когда они прошли уже далеко вверх по течению ручья и когда дважды приходилось выбираться из воды, чтобы обойти небольшие водопады, он был рад тому, что захватил пищу: вокруг тянулась пустынная земля, голые скалы и камни, зелень почти не попадалась. Если здесь что-либо и росло, то это был только скрюченный под ветром кедр или что-нибудь подобное, что не годится в пищу для бобра.

Рассвет застал их высоко в горах, и прямо перед ними возвышался гигантский пик. Выдры — Красная Голова и Каменная Нога — знаками показали, что это и есть их цель и им придется выбраться из ручья и карабкаться вверх по стене, чтобы достичь земли племени орлов.

Снова они нашли убежище на светлое время дня. Желтая Ракушка экономно тратил еду и видел, что выдры последовали его примеру: поохотившись на раков, они поймали больше, чем съели, а оставшихся перевязали ремнями из рыбьей шкуры.

«Где находятся гнезда орлов?» — показал знаками Желтая Ракушка, когда выдры вернулись с этим запасом еды.

«Вверх, вверх и вверх...» — ответил Красная Голова.

«Пойдем по тропе?»

«Только часть пути, а потом просигналим костром, — это уже сказал Каменная Нога. — Когда орел хочет говорить с нами, он отправляет своих воинов, чтобы они пронесли нас оставшуюся часть пути».

Желтой Ракушке все это не понравилось. Когда земля или вода сулит безопасность под тобой, это одно. А когда тебя уносит в небо какой-то орел, возможно вовсе не дружелюбно настроенный, — совершенно другое. Однако он не сказал этого своим спутникам: видимо, полет был обычным способом посещения ими орлов — если они встречались с орлами до этого. Но если даже его спутники и не побывали там

сами, то кто-то из их деревни, должно быть, делал это, иначе бы они не были настолько уверены в том, как добраться в поднебесье.

Бобр снова уснул. Но проснувшись в этот раз, Желтая Ракушка приподнял голову, прислушиваясь: он не был уверен, но какое-то странное чувство говорило ему, что они трое в этой лощине между двумя скалами не единственные, кто стремится в сторону гор, что и другие животные — или твари — приходят сюда с какой-то целью. Однако, как он ни всматривался, ни прислушивался, напрягая слух, пытаюсь расслышать то, что не мог увидеть, все впустую, если не считать того, что два раза мимо пролетело какое-то насекомое да однажды птица, правда, без черных крыльев, низко промчалась над водой.

Он чувствовал себя беспокойно, как и выдры. Дважды Каменная Нога, старший из его спутников, выскользнул из расщелины в воду, но не всплывал на поверхность, выбросив вверх заднюю ногу, приказывая им тоже двигаться вперед, как это в обычае его клана. Он исчезал, ныряя с такой решимостью, словно собирался в один миг скрыться из виду. Один раз он отправился вниз по течению, другой раз — вверх, и оба раза вскоре возвращался, знаками сообщая, что в реке нет ничего, кроме рыбы. Они продолжали наблюдать за землей, но не отваживались отойти от ручья, погружаясь в короткий сон по очереди, при этом кто-то всегда оставался на страже.

С наступлением сумерек они все-таки оставили воду и начали заключительную часть своего путешествия по горам. Карабкаться по камням оказалось куда труднее и медленнее; как выдрам, так и бобру это не нравилось. Тучи закрыли остававшуюся незатемненной часть серого вечернего неба и, казалось, стягивались тугим кольцом вокруг вершины горы, на которую они взбирались. Внезапно налетел дождь, сильный, хоть и недолгий, так что им пришлось прятаться под укрытием, где они переждали его ярость, пока порывы ветра не стихли, и только тогда на бедных избитых лапах они смогли пересечь открытое пространство.

Вспышки молний были яркими и резкими.

Гром-птица. Сознание Желтой Ракушки нарисовало странную для Кори картину: гигантская птица, сидящая на вершине горы или размахивающая крыльями в облаках над ней, выбрасывает струи огня из-под широко распростертых в небе крыльев.

Во время одной такой вспышки он увидел, что Каменная Нога грязью намазал морду под глазами, и понял, что это мера предосторожности воина-выдры, которую подарила ему земля. И тогда Желтая Ракушка тоже вытянул лапу, чтобы поскрести в маленькой расщелине под валуном, захватить достаточно влажной земли и проделать с собой то же самое: земля отлично противостояла силе ветра и воды, а принять эти меры защиты для них сейчас, на этой стороне гор, где буйствуют ветер и вода, совершенно необходимо.

Через некоторое время Красная Голова, возглавлявший их шествие, на последнем утомительном подъеме свернул в сторону, и они выбрались с обдуваемого всеми ветрами склона в напоминающую чашу ложбину между двумя скалами, которую частично ограждали стена горы и сильно выступающий отрог. Через ложбину сплошным потоком бежал ручей, но когда выдры уверенно спустились в расщелину, Желтая Ракушка последовал их примеру.

Темнота так сгустилась, что даже способность бобров видеть ночью не могла тут помочь. Вскоре молнии перестали бить, буря начала утихать, поток воды превратился в тонкую струйку, а потом и вовсе исчез.

Желтая Ракушка держал лапы в этом ручейке, пока тот не иссяк. Его бедные лапы не предназначались для подобного нелегкого карабка по труднопроходимым скалистым склонам, все четыре были исцарапаны и кровоточили, но вода успокаивала боль. Он ожидал, что выдры продолжат путь, но когда этого не случилось, он начал думать, что, наверное, это то самое место, откуда подают сигнал для орлов.

Остаток ночи они проспали в этой ложине, укрытые от затихавшей бури, у ног их лежали узелки с едой, надежно завернутая трубка находилась между двумя выдрами. Но когда

наступил рассвет, они зашевелились, и Красная Голова достал точно такую же коробку-раковину с огнем, как та, что Кори использовал во время бегства от норок.

Желтая Ракушка огляделся в поисках дерева. Если Красная Голова хочет разжечь костер, то здесь должно найтись хоть немного дерева. Однако он не увидел ничего, если не считать казавшегося совсем иссохшим кустарника, каким-то образом удерживавшегося на крутом склоне.

«Это?» — знаком спросил он, показывая на кустарник.

Выдра кивнула, и Желтая Ракушка, выбравшись из ложины, отправился туда и срезал куст, что оказалось делом не таким уж легким: он боялся вызвать оползень, который потащил бы и его с собой. Однако острые зубы, терпение и усердие помогли ему справиться со стволом. За две ходки он перетащил все в расщелину.

А в это время Красная Голова доставал тлеющий уголек, чтобы запалить новое пламя. Каменная Нога же вытащил небольшую сумку и теперь держал ее в лапе, дожидаясь возвращения бобра. Первый воин-выдра взял немного веток и сучков у Желтой Ракушки и заботливо выстроил из маленьких палочек треножник. Он же маленький, слишком маленький, подумал Желтая Ракушка, чтобы гореть долго, но бобр не видел вблизи ничего подходящего.

Когда ясные лучи утреннего солнца наконец коснулись склона горы, где укрывались путники, Красная Голова положил уголек в вигвам из веточек куста, и бобр увидел клуб дыма, поднимающегося вверх. Когда первое маленькое пламя запылало, Каменная Нога вытянул вперед лапу и быстрым движением высыпал содержимое сумки на костерок. В результате пламя еще больше разгорелось, став намного более густым и темным, красноватого оттенка, подобного которому Желтая Ракушка никогда прежде не видел. Огражденный скалистыми стенами расщелины, в которой они прятались, дым поднимался вверх и вверх. Этим утром совсем не было ветра, словно буря прошлой ночью истощила его силы. И клуб дыма напоминал лестницу, словно поднимающуюся к самой Небесной Стране.

Желтая Ракушка припомнил старые легенды о таких лестницах и о том, как кто-то из Народа с земли иногда карабкался на них вверх, однако не многие находили, что Небесная Страна готова приветливо встретить непрощенных гостей. Может... может, выдры верят, что орел и в самом деле живет в мире духов?

Но его спутники не предпринимали попыток лезть вверх подобным образом. Нет, они лишь с аппетитом доели речных раков из сумок, словно не видели теперь смысла в том, чтобы оставлять что-нибудь из еды на потом. Следуя их примеру, Желтая Ракушка покончил с остатками своей высушенной коры и хрустящих листьев и обнаружил, что не вполне насытился.

У бобра не было способа измерять время в мире, где часы неизвестны. Но ему показалось, что костер очень быстро прогорел. И все же выдры не собирались куда-то уходить, даже не стали искать еще дерева для другого костра. Съев все, что было в их сумках из еды, они снова устроились, как раньше, с трубкой между собой, словно собирались проспать весь день.

Желтая Ракушка чувствовал какое-то беспокойство, ему хотелось то ли идти вперед, то ли возвращаться назад и спуститься с горы. Возвращение возможно: в лучах солнца он ясно видел оставленный ими след. Но выдры правы, пути вперед нет. Они уткнулись прямо в круглую стену утеса, словно какой-то великан однажды своим ножом вырезал эту расщелину в горе.

Тень промелькнула мимо скалы. Желтая Ракушка застыл, когда это крылатое создание начало кружиться над ними, с каждым кругом опускаясь все ближе к тому месту, где горел костер.

Из расщелины вышли выдры. Пока еще не поднимая трубку, они приподнялись во весь рост. Бобр сделал то же самое. Крылатое создание устроилось на вершине отрога, который служил стенкой их укрытия.

Это был орел, и несмотря на то, что Кори никогда не видел ни одного из них так близко от себя, ему показалось, что

он намного больше, чем птицы его родного мира — так же, как и бобры и выдры.

Орел поворачивал голову, глядя на них с высоты и продолжая держать крылья распростертыми, а не прижав их к телу. Желтой Ракушке пришлось отклониться назад и опереться о хвост, чтобы хорошенько рассмотреть огромную птицу. Теперь он заметил, что ноги орла обвязаны каким-то разноцветным материалом, с которого свисают семена и погремушки, срезанные со змеиных хвостов.

У орла не было оружия. Кори подумал, что ему оно и не нужно, достаточно собственных ужасных на вид клюва и когтей. И теперь орел раскрыл этот клюв, издав крик, который потряс Кори, и от гор с той стороны, откуда он прилетел, донеслось слабое эхо.

Выдры в свою очередь стали объясняться на языке знаков. И Желтая Ракушка легко прочитал эти знаки. Их было всего несколько, ясных, говорящих, что они несут трубку, что у них миссия мира от племени к племени.

Закончив, выдры уселись, ожидая ответа. Казалось, орел размышлял, как будто хотел убедиться в правдивости их рассказа. Затем еще раз пронзительно крикнул. И в ответ вниз перед утесом спикировали другие тени, два его товарища.

Выдры, словно это самое естественное приветствие в мире, вышли на открытое пространство, и Каменная Нога крепко привязал к себе веревку с сумой, где хранилась трубка, используя дополнительный ремень, которым до этого он связывал котомку с едой.

После чего орел, который появился первым, и Каменная Нога поднялись в небо. К Красной Голове подлетел второй орел, а третья черная тень зависла над Желтой Ракушкой. Бобру очень хотелось убежать отсюда. Слишком похоже на реальную опасность, которые он знал в прошлом, а не на дружественный акт. Однако у него не осталось времени что-нибудь предпринять. Когти обхватили бобра, и одним рывком, от которого он почувствовал тошноту, Желтая Ракушка оказался в воздухе, а безопасная земля быстро удалялась вниз.

Между путешествием на комфортабельном лайнере в его родном мире, как вскоре обнаружил Кори, и тем, когда тебя несет орел, существует огромная разница. Мальчик закрыл глаза, стараясь не чувствовать крепкой и болезненной хватки когтей и потока ветра, надеясь только, что путешествие окажется коротким.

Его скорее бросили, а не опустили, и он кувыркнулся в болезненном полупрыжке. Открыв глаза, Желтая Ракушка с трудом поднялся на ноги... и с удивлением обнаружил поразительное место на гребне этой высокой горы.

Наверное, эта башня из камня и земли была порождена каким-то вулканом, и теперь они находились там, где когда-то внутри пылал огонь: в бассейне со склонами, края которого образованы неровным камнем. В центре окружности из каменных отрогов находилось озеро. А вокруг этой воды росли деревья и трава, настоящий лесной оазис.

Перед этим озерком и стоял сейчас Желтая Ракушка, сброшенный вместе с выдрами на песочную полосу, протянувшуюся к воде. Древний кратер служил деревней орлов: на каменных скалах среди разрушенных колонн и нагромождений валунов возвышались гнезда, сложенные из кустарника.

Это была плотно заполненная деревня, повсюду наблюдалось движение — в основном взрослых птиц, несущих пищу своим пронзительно воющим птенцам. Но орлы, принесшие животных-путешественников, не остановились в этой деревне, а по спирали начали подниматься в направлении стены бассейна, где, как увидел Желтая Ракушка, влетали и вылетали из расщелины в скале другие птицы.

Выдры занялись связкой с трубкой, освобождая ее от обертки, стаскивая защитное покрытие из рыбьей шкуры. Однако когда они бережно положили трубку на песок, поверх нее по-прежнему лежали четыре слоя из раскрашенных шкур, и конец с чашечкой трубки был направлен в их сторону, а ручка — в сторону деревни за озером.

Впрочем, повелитель орлов показался не со стороны деревни, а начал спускаться со скал, совершая широкие круги, и потом уселся на огромный валун у берега, который был

весь во вмятинах — словно поколения орлов усаживались там до него.

Пучки меха ласки (ласка считается храбрым воином, умело уклоняющимся от преследования) свисали с ожерелья на его шее, вместе с зубами пумы, словно он в самом деле вел подсчет удачно нанесенных ударов по этим самым могущественным из своих четвероногих врагов. Это был гордый и проницательный вождь, больше привыкший повелевать на тропе войны, чем вести мирную жизнь, подумал Желтая Ракушка, глядя на него с благоговейным ужасом.

На скалах пониже расположились еще несколько орлов рангом поменьше, и каждый из них носил свое воинское ожерелье — висящие на нитях свидетельства прошлых побед. Но последний появившийся был вовсе не орлом.

Сначала перед Желтой Ракушкой промелькнуло мимолетное видение смертоносных черных крыльев — неужели ворона? Но потом он увидел, что это был ворон, гораздо больших размеров, чем те вороны-разведчики, которых он видел, когда они со Сломанным Когтем бежали вверх по реке.

На шее ворон не носил воинского ожерелья, однако к его ногам были привязаны погремушки гремучих змей, и он принес ремень с небольшим барабаном, размером с заднюю лапу Желтой Ракушки. У него не было нарисованных красной или желтой краской кружков вокруг глаз, как у орлов. И лишь легкий мазок белой краски, призрачно-белой, делал очевидным и ясным отметину, которая располагалась прямо над клювом.

Когда выдры задвигались в медленном церемониальном действии, разворачивая трубку, обертку за оберткой, орлы и Ворон сложили крылья. Выдры работали молча, и никаких звуков от птиц, сидевших в тишине, не доносилось, так что казалось, словно они высечены из камня, на котором сидят. Даже шум из деревни стал тише, и Желтая Ракушка увидел, что улетает и прилетает лишь несколько птиц. Многие взрослые орлы устраивались на своих гнездовьях, все повернувшись в направлении берега и собравшихся для переговоров прибывших животных и своего вождя.

Наконец трубку достали из последней обертки и положили на солнце. Она засияла, словно солнце загло красный огонь в ее чашечке. И тут впервые заговорил Каменная Нога, его голос то звучал громко, то утихал в каком-то бормочущем заклинании, которое, хотя бобр и не понимал слов, наверняка было магическим песнопением, обращенным не к орлам, но к какому-то охраняющему духу.

Закончив, Красная Голова, двигаясь с осторожностью, опустил шепотку табака в чашеобразную часть и достал свою коробочку-раковину, где хранился тлеющий уголек. Однако он пока что не зажигал трубку. Он ждал.

Последовал период долгого ожидания, или по крайней мере Кори оно показалось долгим. Но вот вождь орлов слетел со своей скалы на камень пониже, приблизившись к выдрам. Он вытянул вперед лапу, когтями обхватив рукоятку трубки. Красная Голова зажег трубку, и вождь орлов поднял ее в небо, направив в сторону земли, а потом на все четыре стороны света, точно так же, как проделывал Длинный Зуб до этого с другой трубкой, когда приветствовал Желтую Ракушку в деревне выдр.

Вождь закурил, выдохнул клуб дыма из клюва, передал трубку Ворону. И Ворон в свою очередь передал трубку Каменной Ноге, тот — Желтой Ракушке, и дальше — Красной Голове. Выдохнув последний церемониальный клуб дыма, воин-выдра выбил пепел табака из чашечки трубки и положил ее снова на обертки, по-прежнему направив рукоятку прямо на вождя.

Огромная когтистая нога поднялась так, чтобы когти могли двигаться, передавая знаками:

«Меня зовут Штормовое Облако Быстрых Богов, Могучих Крыльев».

Каменная Нога просигналил в ответ:

«А мы — Каменная Нога и Красная Голова, те, кто несет трубку. А это Желтая Ракушка, кто...»

Ворон прыгнул вниз со своего каменного насеста. Среди орлов он казался маленьким. Стоя на земле, повернувшись к бобру, он оказался почти таким же по размерам, как и Жел-

тая Ракушка. Он двигался, покачиваясь, и Кори увидел, что на его левой ноге нет когтя. Однако он твердо держался, когда просигналил:

«Это бобр, и все же не бобр».

«Это уж точно», — сказал про себя Желтая Ракушка.

«Ты несешь трубку? — орел посмотрел на него. — Ты говоришь за бобров?»

«Только за себя одного. Маг-выдра сказал, что Ворон обладает могущественной силой, которая может помочь мне стать полностью и бобром, и другим, разделившись снова».

«Но это не касается дела трубки, — широкое движение когтистой ноги выразило нетерпение. — Лишь ради трубки можно вызвать Штормовое Облако. Что говорят выдры?»

Лапы Каменной Ноги задвигались неторопливо, подавая знаки величественных церемониальных манер речи на его родном языке.

«Много бед на реке. Те, кто служит Изменяющемуся, летают и совершают набеги. Норки захватывают пленников для него, и мы не знаем, что с ними происходит. Наш жрец входил в контакт с духами, и сны его были зловещими. Мы должны узнать, кто такие Быстрые Летуны, Могущественные Крылья, которых видели на земле. Даже границы Небесной Страны — в их власти, и немного может быть скрыто от их острых глаз».

Возникла еще одна пауза, прежде чем Орел ответил:

«Верно, происходят новые события. Деревня Изменяющегося передвинулась поближе к месту Каменных Деревьев, несмотря на то, что охота там хуже. Выглядит все так, словно они дожидаются кого-то или чего-то, что должно произойти. Ночами ходят духи; возможно, вы ощущали их передвижение. Но для того, чтобы узнать больше, мы должны заняться поисками — а нас и так осталось немного».

Ворон начал энергично кивать вверх-вниз.

«Да, да, лучше не привлекать к себе внимание Изменяющегося, чтобы не напоминать ему о себе. Но разве ваш жрец не боится, что пора, о которой говорили, близка — что мир вот-вот будет захвачен?»

Кори увидел, как все орлы беспокойно зашевелились, переводя взгляды с Ворона на выдр. Он увидел, что их беспокоит один тревожный вопрос.

«Этого всегда нужно бояться», — ответил Каменная Нога.

«Да. Что ж, Гром-птица обитает дальше. Мы зажжем душистый дым, тот, что он любит ощущать под своими крыльями, и прокричим громко ветру, что мы напуганы. Но кроме того, сообщите своему вождю, — продолжил Штормовое Облако, — что мы будем вести разведку с воздуха и выводим все, что сможем. Никто из тех, кто служит Изменяющемуся, не сможет скрыться или улететь от нас, когда мы узнаем, направили ли они свои силы против наших».

Снова орлы зашевелились, горделиво вытянулись во весь рост на своих скалистых насестах, как будто уже готовые прокричать воинственный клич.

«Быстрые Летуны, Могущественные Крылья, это великие боги, не проигравшие ни одной битвы, — знаками показал Каменная Нога. — Если они это сделают, тогда все на реке узнают, что мы подготовимся к любой войне, если война — именно то, что ожидает нас».

Вместе с Красной Головой он начал заворачивать волшебную трубку, бережно завязывая каждый узел. Однако Ворон обратил теперь все свое внимание на Желтую Ракушку.

«Ты пришел к Ворону, — сказал он. — Уши Ворона открыты, чтобы услышать твою просьбу».

«Я уже говорил, за чем я пришел, — маг-выдра поведал мне, что если я хочу снова стать тем, кем был до того, как Изменяющийся посмотрел на меня, то я должен отправиться к орлу и Ворону».

Но Ворон покачал головой:

«Да, я могу вызывать духов. Это духи неба, духи ветра и несколько духов земли. Но с могуществом Изменяющегося они не могут справиться. Они могут только сообщить тебе, куда отправиться за поиском ответа, самого же ответа ты от них не получишь».

«И вы попросите их об этом за меня?»

Клюв Штормового Облака резко щелкнул, привлекая внимание Желтой Ракушки. Когда бобр взглянул на него, тот передал знаками:

«Для этого требуется мощное заклинание. Таких духов не вызывают ради пустяков. С твоим народом у нас не заключен мир с древних времен, у нас нет с тобой, Бобр-Который-Не-Совсем-Бобр, ни дружеских, ни братских отношений».

«Дружба зависит от дающего так же, как и от принимающего, — часть сознания Желтой Ракушки дала более храбрый ответ, чем мог бы это сделать Кори. — Я не прошу, чтобы мне давали там, где я сам ничего не даю. Что вы хотите от меня в качестве цены за такое заклинание?»

Ворон не ответил — казалось, он считал, что заключение сделки — дело только Желтой Ракушки и вождя. Сам он явно был рад решению Штормового Облака.

«Ты из тех, кто владеет водой, — ответил после долгой паузы орел. Может, он в это время пытался определить какого-то рода плату, что пойдет на благо его племени, подумал Кори. — Вот это наше озеро временами слишком переполняется. С утесов падают скалы и перекрывают ручей, отчего он пересыхает, и тогда приходится заниматься трудной работой по очистке. Дважды бури так наполняли его, что гнездовья, находящиеся внизу, уносило прочь. Выкопай канал, по которому стекала бы вода, чтобы мы могли пользоваться во время подобных бедствий, и тогда твоя просьба будет удовлетворена».

«Но я только один здесь бобр, — возразил Желтая Ракушка. — А для такого дела требуется целый клан бобров».

Клюв Штормового Облака снова щелкнул в нетерпении:

«Целый клан не просит вызвать духов, этого просишь ты. Поэтому это задание для тебя. И, наверное, только ты сможешь найти место для канала, который можно будет легко очищать от наносов».

«Что смогу, сделаю», — пообещал Желтая Ракушка.

Выдры, закончив заворачивать трубку, теперь готовы были уйти, и Штормовое Облако уже назначил двух из своих

воинов, чтобы они отнесли их по воздуху к подножию горы. Тем не менее у Желтой Ракушки нашлось несколько минут, чтобы переговорить с ними. Он знаками выказал желание, чтобы они нашли его народ и предупредили, что не следует отправляться на юг в те речные земли, откуда надвигается беда. И это будет сделано, согласно кивнул Красная Голова, они отправят лучших своих разведчиков на север. После этого выдр подхватили орлы, которые явно хотели сами избавиться от своих гостей как можно скорее, а Желтая Ракушка остался.

Штормовое Облако также раскрыл крылья и устремился обратно к скалам, и только какой-то молодой орел носился по воздуху над бобром, когда Ворон просигналил:

«Треснувший Ключ покажет тебе ручей». — Орел крепко схватил Желтую Ракушку, и бобр вновь оказался в воздухе, в пугающем полете.

ЗАКЛИНАНИЕ ОРЛА

Когда орел-воин опускал его у стока озера, Желтая Ракушка рассматривал местность. Через узкое ущелье вытекал ручей, и бобр видел, что упавшие сверху скалы действительно могут легко запрудить его. Однако с такой проблемой его народу еще не приходилось прежде сталкиваться: обычно они наоборот — создавали, а не расчищали запруды.

Он проплыл вдоль речного стока, обследовал оба берега, пытаясь определить, где требуется углубить ложе водяного потока. И не увидел никакого способа прорыть туннель в сплошном камне утесов.

Вдоль скал стока он вернулся к озеру и начал исследовать остальной берег у этого конца. Орлу, принесшему его, надоело это, он улетел прочь, и Желтая Ракушка остался один на один с задачей, которая казалась ему неразрешимой. Однако бобр упрямо отказывался признаваться в неудаче.

В конце концов бобр передними лапами и головой неожиданно провалился сквозь заросли кустарника в яму в склоне

кратера горы. Если все это озеро образовалось на месте действующего вулкана, тогда эта расщелина тоже появилась в давние времена, а позднее потоки застывшей лавы образовали крышу над ней. Плюхнувшись в яму, Желтая Ракушка обнаружил, что это никакая не расщелина, как он сперва предположил, а настоящий канал, который вывел бобра, когда он в кромешной темноте пробрался вдоль разлома, на открытый склон горы с противоположной стороны стены кратера.

Он вернулся назад в долину с озером и присел на корточки у края воды, с огромным аппетитом поедая свежую кору, собранную, пока он исследовал берег вблизи этой трещины. Для одного бобра здесь огромная работа, но он не видел никакой другой возможности добиться того, чтобы у озера орлов появился в случае бедствия запасной сток. К полудню он все еще был занят работой.

Берег озера требовалось подкопать и срезать так, чтобы получился открытый канал в ту трещину. Он копал передними лапами, пока они не стали кровоточить, как тогда, когда он брел по камням. Нужно было вытаскивать камни, оттаскивать и затем снова укладывать их друг к другу, чтобы соорудить что-то вроде желоба для стока.

Он упорно работал всю оставшуюся часть дня, продолжив и ночью, лишь время от времени останавливаясь, чтобы передохнуть или снова поесть зелени, которой, к счастью, кругом имелось в изобилии. И вот наконец он прорыл неровную канаву в земле, частично укрепленную стеной из камней и стволами твердых молодых деревьев, которые он смог повалить, очистить и вбить в камни для большей надежности. Потом все это основание покрыл слоем грязи, смешанной с переломанным кустарником, выровняв таким образом ложе канала. Все сооружение поднималось над нынешним уровнем озера на рост его тела, и в начале канала он построил еще одну стену из небольших камней, которые в случае необходимости легко можно будет сдвинуть сильными когтями орлов.

Когда вставало солнце, бобр лежал у берега, и воды озера омывали его кровоточащие лапы. Он так устал, что не

имел сил подняться. Впрочем, проявив все лучшее, чем владеют бобры в искусстве строить плотины, он обеспечил орлов тем, в чем они нуждались. И если река, вытекающая из озера, снова будет запружена упавшими камнями, то все, что им потребуется сделать, так это разрушить тонкую перемышку, которая закрывает новый сток, и поток воды потечет по новому каналу. Конечно, нет никакой возможности проверить, пока не случится подобное бедствие, и Желтая Ракушка мрачно спросил себя, не потребуют ли орлы такого доказательства до того, как выполнят свою часть договора.

Над ним в воздухе раздалось хлопанье крыльев, и орел, который принес его сюда, а может, другой, только похожий на него, приземлился на краю сдерживающей плотины, которую построил Желтая Ракушка. Он раскачивался, глядя на канал, выстроенный бобром.

Ракушка слишком устал, чтобы тоже поднять лапу и подать какой-то знак. Тем не менее он кивнул, сначала в сторону озера, а потом в сторону сделанного им канала, надеясь, что орел, если это посланник, поймет, что задание выполнено.

Острые глаза птицы переместились от животного к каналу, ведущему в темную расщелину, открывшуюся сбоку от озера. А потом его когти показали серию знаков:

«Это путь в скалах?»

Желтая Ракушка вытащил свои кровоточащие лапы из успокаивающей боль воды и тоже знаками ответил:

«Путь сквозь стену горы. Когда вода поднимется, нужно будет вытащить камни, на которых ты сейчас стоишь. Это откроет новый путь для стока...»

Орел наклонил голову, исследуя плотину, на которой сидел, коснулся клювом одного из находившихся на самом верху камня, как бы проверяя устойчивость, а может, оценивая возможность удаления их, когда наступит в том необходимость. По-видимому, он остался удовлетворенным, потому что, не показывая Желтой Ракушке других знаков, взмахнул несколько раз крыльями и взлетел над озером, направляясь, как заметил бобр, не к деревне, а к утесам, куда улетели на-

кануне днем Штормовое Облако и сопровождавшие его воины.

Желтая Ракушка расчесал испачканный в грязи мех, сморщившись от боли в кровоточащих ранах на лапах, однако заставил себя вычистить шкуру, дожидаясь, когда придут орлы для проверки работы. Их высокомерие было известно всем племенам, однако и бобры, разумеется, не самые худшие среди Народа. Как жаль, что у него не осталось корбочек с красками, его церемониальных бус и пояса, чтобы он мог выглядеть подобающим образом: глядя на работу, на которую он затратил множество часов, Желтая Ракушка подумал, что может гордиться ею.

Орел, прилетевший, чтобы проверить его работу, действительно оказался посланником: вскоре в небе появились другие крылатые существа, и Штормовое Облако вместе с ними. Наверное, его сопровождали помощники в управлении племенем или самые опытные воины; чуть погода все они устроились на плотине. Орлы внимательно осмотрели плотину, канал за ней, расщелину, в которую должна будет в случае необходимости устремиться вода. Желтая Ракушка знаками показал вождю орлов, для чего предназначена каждая часть стока.

И что теперь — потребуют ли орлы от него демонстрации, для чего он должен будет каким-то образом запрудить второй речной сток и направить воду в этот канал? При мысли об этом его лапы взорвались от боли, а спина заныла. Впрочем, похоже, что Штормовое Облако не настолько сомневался в искусности бобра.

Вождь орлов сам прошелся по сухому руслу, просунул голову и плечи далеко в отверстие расщелины. Наверное, он разглядел свет на другом конце, который теперь стал более заметным: Желтая Ракушка очистил также и выход, чтобы еще больше облегчить сток воды.

Затем вождь орлов вернулся обратно и стал перед бобром.

«Отлично, — показал он знаками. — Ты сделал то, что было нужно. Поэтому и мы выполним свое обещание».

Вероятно, он подал какой-то сигнал, который Желтая Ракушка не заметил: один из следивших за ним воинов вдруг схватил бобра и взлетел в воздух. Желтая Ракушка закрыл глаза, испуганный тем, что находится так далеко от безопасной земли и висит без движения в когтях несущего его орла, и холодный ветер дует вокруг.

Они не вернулись к берегу, где находилась деревня, куда перед этим были доставлены выдры, нет, они поднимались к утесам, откуда появился сам Штормовое Облако. Там оказался ровный уступ, на который и опустили бобра, и он осторожно сел как можно ближе к его середине, стараясь не выказывать своим хозяевам недоверия к этим скалам — по крайней мере он так надеялся.

Камни вокруг него покрывали трещины и разломы, и эти дыры и расщелины, похоже, служили птицам в качестве жилища. И сейчас перед Желтой Ракушкой зиял провал одного такого отверстия. И все они раскрашены рисунками, которые отмечали успехи и дела не только живых воинов, ныне населяющих их, но и предков: должно быть, орлы живут здесь уж долго-предолго. Однако отверстие в камне, к которому Желтая Ракушка сейчас стоял лицом, заметно отличалось от остальных: на всех рисунках были изображены волшебные талисманы. И когда бобр согнулся, чтобы посмотреть на них, Ворон выпрыгнул вперед из трещины у входа. Он энергично замахал крыльями, и по его призыву двое молодых орлов появились позади него, у одного был небольшой барабан, разрисованный красной и белой краской, а у другого — какая-то связка, которую он осторожно положил рядом с пятном на скале, почерневшей от многочисленных костров.

Орел, принесший связку, отошел в сторону и за три-четыре ходки принес к костру несколько небольших кучек хорошо высушенного дерева, которые сложил в форме вигвама. После этого он вместе с остальными орлами отправился к насестам, остался только один, с барабаном. Все это открытое пространство занимали скалы, где можно было сидеть. Желтая Ракушка pokrutil головой справа-налево и понял,

что все птицы спокойно расположились кольцом, хотя он не отворачивался от Ворона, чтобы посмотреть, находятся ли они также за его спиной.

И тут барабанщик начал стучать когтями правой ноги, сначала тихо, потом с большей силой, так что звуки, которые сперва казались только отзвуком далекого грома, становились все громче и громче.

Ворон взял уголек из коробочки с огнем, положил его в вигвам из деревянных веточек и бросил в пламя то, что взял из своих связок.

Появился дымок, разноцветный, сначала голубой, потом красный — и воздух наполнила смесь незнакомых запахов. Клубы дыма не расходились, а вставали ровными прямыми колоннами к облакам, как это было в случае с сигнальным костром выдр. Желтая Ракушка, запрокинув назад голову на толстой шее, чтобы следить за тем, как они уносятся ввысь, подумал, что это все больше и больше напоминает веревку, протянутую к Небесной Стране — которая отсюда, с вершины горы, не может быть слишком далекой.

Неужели Ворон собирается с помощью этого костра достичь Мира Небес и поговорить там с людьми-призраками?

Похоже, что нет. Пока дым был густым и поднимался ввысь, Ворон отвязал танцевальные погремушки со своих ног и взял черепаший панцири, наполненные камешками. После чего начал танцевать вокруг костра, и, танцуя, пел, хотя звуки, которые он издавал, не имели смысла для Желтой Ракушки.

Как ни был утомлен бобр, он попытался побороть сонливость; но все же несмотря на все его усилия, голова упала вперед на грудь, а глаза закрылись. Потом он, наверное, выпрямился, вздрогнув, торопливо оглядываясь, чтобы увидеть, не заметили ли это орлы или Ворон.

Но они следили только за Вороном. Наконец Желтая Ракушка больше не смог сражаться со сном и провалился в беспамятство.

И хотя он даже сознавал, что грезит, ему привиделся какой-то странный сон, такой, что, проснувшись, невозможно забыть.

Он плыл высоко в небе, но не на крыльях орла, испытывая страх перед падением, а словно и у него тоже есть крылья — и были всю жизнь.

А внизу простирался мир, знакомый Желтой Ракушке. Вон там озеро, от которого отправился его клан на пути к югу. И он теперь видит их, узнает любого бобра. И среди них какая-то выдра, и бобры следят за тем, как это животное делает передними лапами знаки. И Желтая Ракушка узнал этот предупреждающий знак: путь на юг заказан и им нужно теперь поворачивать назад, а может, на восток или на запад, чтобы оказаться в безопасности.

Еще он увидел реку, болотистую топь с деревяней выдр, где воины теперь готовят новые копья, а самки работают, собирая побольше еды, словно предполагают, что их островком окажется в осаде.

Увидел он и селение норок, где его и Сломанного Когтя держали пленниками, и там норки хлестали бичами рабов-бобров, изможденных, израненных, низкорослых, заставляя их рыть все новые каналы. И при виде этого Желтая Ракушка стиснул зубы, охваченный безудержной яростью.

Но это еще не все, что он увидел по желанию духов. Он скорее не сам летел, а его несло вперед, на юго-восток, и горы с гнездовьями орлов теперь остались далеко за его спиной. Так он оказался в прерии, местами переходящей в пустыню. Там расположилась какая-то деревня, и он понял, что то, что ему показывают, — твердыня Изменяющегося.

Все ниже и ниже спускался он к этой деревне, пока не испугался, что кто-то из этих существ внизу вскинет голову к небу и заметит его. Но никто не делал этого: странный спиритический сон охранял его. И бобр ступил на землю перед жилищем со стенами из шкур, расположенным поодаль от остальных. Рисунки на них изображали великую и мощную магию, так что он боялся протянуть вперед лапу и приподнять занавеску входа. И все же Желтая Ракушка должен был

сделать это: та необходимость, что привела его сюда, приказывала ему это.

Поэтому бобр вошел и понял, что это жилище великого волшебника. Духи сна направили его взгляд к шесту в центре норы и связке, висевшей на нем, и он понял, что именно это должно оказаться у него, если он собирается снова стать только Желтой Ракушкой. Однако когда он поднял переднюю лапу, чтобы взять связку, клуб темного, смердящего дыма поднялся с костра, и он отпрыгнул назад, отчего вывалился мимо занавески наружу. А потом обнаружил, что не может возвратиться, что снова несется в воздухе, направляясь прочь от этого города койотов, обратно к горам орлов. И вот наконец он очнулся среди скалистых утесов, сидя перед костром, и Ворон больше не танцевал. Стук барабана тоже прекратился, не было ни барабана, ни других следящих за Вороном орлов. И уже началась ночь.

«Теперь ты знаешь», — Ворон не показал знаками, а просто пропищал эти слова на языке бобров, которые, хотя и были произнесены с сильным акцентом, однако оказались вполне различимыми, чтобы Желтая Ракушка мог понять их.

«Да, знаю», — ответил бобр.

«Ты должен отправиться туда и взять волшебную связку, чтобы заставить Изменяющегося исправить сделанную однажды ошибку: в этой связке заключена его сила, и без нее он всего лишь половина того, чем хочет быть».

«Долгий путь, — заметил Желтая Ракушка. — На него потребуется много времени».

«Но не слишком долгий, если лететь с помощью крыльев, — живо ответил Ворон. — Да, на четырех ногах он окажется очень длинным, однако мы облегчим его тебе».

«Вы очень добры...»

Ворон открыл клюв, резко рассмеявшись:

«Я делаю это не по доброте, бобр. Я делаю это, потому что Изменяющийся и я давно уже враждуем между собой. Когда-то мы были друзьями и вместе творили магию. А потом он втайне от меня узнал кое-что и не поделился этим со мной, пошел своим путем и лишь смеялся, когда я говорил ему,

что мы должны вести себя как братья и не утаивать знания друг от друга. Поэтому усмири Изменяющегося, и я буду рад этому. Я бы попросил у тебя эту магическую вещь, однако духи предсказывают, что она должна послужить другой цели. Впрочем, лишенный ее, он будет страдать, а это как раз и есть мое желание».

Он встал, и погремушки для танцев на его ногах издали слабое дребезжание.

«Я не прошу тебя войти в мою нору, бобр: там много вещей, на которые лишь один я могу безбоязненно смотреть. Однако ты обнаружишь укрытие вон в той расщелине и еду. Отдохни некоторое время, а потом придет тот, кого ты видел в первой части своего путешествия».

Желтая Ракушка заполз с открытой площадки, обдуваемой ветром, который теперь стал совсем пронизывающим, в трещину, на которую ему указал Ворон. Там он нашел немного коры, которую, должно быть, принес один из орлов. Сам бы он выбрал себе другое, и на вкус она оказалась горькой. Но бобр съел ее с благодарностью и свернулся клубком, чтобы заснуть.

Еще в темноте когтистая лапа разбудила его. Над бобром стоял молодой орел-барабанщик. Увидев, что Желтая Ракушка открыл глаза, он быстрыми знаками показал, что они должны отправляться. Он не дал бобру времени на то, чтобы возразить или спросить что-то: едва только Желтая Ракушка выполз из расщелины, как орел подхватил его, и они унеслись в темные облака навстречу ветру. В третий раз его испугал полет в воздухе, и бобр закрыл глаза, чтобы вынести его. Но в этот раз ему пришлось труднее: полет оказался куда более долгим, чем когда его поднимали на гору или переносили к озеру. Теперь те перелеты показались только краткими мгновениями угрожавшей ему опасности.

Над ним ровно били мощные крылья, и Желтая Ракушка догадался, что, как во сне, они направляются на юго-запад, прочь от гор, и летят над пустынной прерией, в которой он

видел ту деревню койотов. Он попытался обдумать, что он будет делать, когда окажется там. Завладеть такой драгоценной вещью из норы, в которой она висит и которая находится посреди вражеской деревни, — дело опасное, трудно надеяться на успех этого предприятия. И все же спиритический сон дал ему ясно понять, что он должен это сделать.

Внезапно Желтая Ракушка почувствовал, что орел спускается, и открыл глаза. Поскольку его держали лицом вниз, он и в самом деле увидел приближающуюся землю. До наступления утра осталось совсем ничего, и свет уже стал сероватым — однако все же еще было достаточно темно, и землю покрывали тени.

Орел не стал мягко опускать его, а просто ослабил хватку, отчего Желтая Ракушка упал посреди зарослей кустарника и в следующий миг сражался с колючими ветками. Когда он освободился от пут, принесший его орел выглядел очень далекой, быстро удаляющейся в небе точкой, и у него не было возможности поблагодарить птицу, хотя сложно испытывать благодарность, когда тебя с такой бесцеремонностью бросают на незнакомую землю, возможно, совсем рядом с вражеским поселением.

Желтая Ракушка привстал на задние лапы и огляделся. Он оказался посреди прерии, где почти ничего не росло, местность совершенно открытая: он видел только низкорослый кустарник, и казалось, эти растения от зарождения жизни здесь не знали, что такое хорошая почва и обилие воды. Кое-где виднелись полоски песка, здесь вообще ничего не могло расти.

Бобр медленно повернул голову. Деревня койотов, где бы она ни пряталась, должна находиться не слишком далеко от источника: вода всегда должна быть у любых животных. Желтая Ракушка стал принюхиваться к каждому дуновению ветра, он делал глубокие вдохи во все стороны, надеясь обнаружить запах воды.

Он должен найти воду не только потому, что она приведет его к деревне, но и потому, что это источник существования. Та ссохшаяся гадость, которую добыли для него орлы нака-

нуне ночью, лишь пригасила голод, на самом деле до конца так и не удовлетворив его, и теперь бобр хотел есть, ему необходима еда, и он должен добыть ее.

Он стоял лицом к югу, когда до него донесся совсем слабый запах, который он искал. Ничего не поделаешь, придется пешком идти по местности, которая отнюдь не предназначена для передвижения неуклюжего и медленного зверя. И лишь надежда когда-либо достигнуть той воды заставляла бобра держаться настороже.

Солнце уже поднялось, когда он побрел вперед, лапы начали снова болеть, горячий и твердый суглинок ранил их. При любом удобном случае он старался придерживаться полосок с грубой травой, которая давала почве хоть какую-то мягкость. Здесь есть жизнь: он видел птиц, раз или два — ящериц, вылезших из нор на утреннее солнце, прежде чем жара загонит их обратно в укрытие. И один раз он сделал широкий круг вокруг места, где спряталась змея, о чем его предупредил ненавистный мускусный запах.

Единственное, что радовало, — что запах воды становился все сильнее и сильнее, заставляя его двигаться вперед; он страстно желал плюхнуться в какую-нибудь речку, может, даже в озеро с прохладной водой. А потом замер и низко согнулся в тени кустарника, надеясь, что вовремя спрятался. Громкие вороньи крики, от которых заболели уши, далеко разносились в этой местности.

Поворачивая голову вверх-вниз, Желтая Ракушка смог рассмотреть ворон, когда они пролетели над головой, — их три; как и он, они направлялись на юг, только под небольшим углом к востоку. Если он все же рискнет поверить, что они направляются в деревню койотов, тогда есть надежда, что он сможет добраться до воды на некотором расстоянии от врага: запах, похоже, идет с востока на запад.

Окончательно убедившись, что вороны уже далеко, Желтая Ракушка, покинув укрытие, заковылял дальше. Замечая впереди любой кустарник или островок высокой травы, где он мог бы растянуться на земле в случае необходимости,

бобр со всей скоростью, какую только мог развить, перебегал, петляя, от одного кустарника к другому.

Теперь запах воды стал таким сильным, что бобр с трудом сдерживался, чтобы не сорваться на бег. Однако сохранял осторожность и двигался от одного укрытия к другому, пережидая между переходами. Солнце уже начало припекать, и здесь летало больше птиц, но ящериц он больше не замечал. Однажды увидел двух кроликов. Они нанесли на себя окраску, говорящую, что они совершают набег, и двигались с осторожностью, как и он. Молодые самцы, подумал он, возможно, смело пытаются добиться какого-то трофея в этой стране койотов — хотя, подумал он, их смелость — это просто юношеская глупость, и любой трофей, добытый таким образом, скорее принесет стыд, а не славу.

Бобры, как и другие племена Народа, считали храбрость ценным качеством, однако глупый храбрец не получает похвалы за свою глупость. Желтая Ракушка осторожно продвигался, чтобы не быть замеченным этой парой, хотя в любое другое время он бы спросил у них, куда идти. Если они действительно взялись за койотов, что только и можно предположить, то ему не хотелось, чтобы пошли слухи о его пребывании здесь, где одинокий бобр сразу привлечет к себе внимание и вопросы.

Земля вдруг оборвалась крутым склоном, и Желтая Ракушка посмотрел вниз в пропасть. Наверное, в другое время года ручей на ее дне и мог бы считаться рекой, однако теперь он совсем пересох, превратившись в цепочку водоемов, слишком мелких, чтобы плавать в них, по крайней мере те, что он увидел. Однако это была вода, и все его существо страстно устремилось к ней.

Вот только это ущелье все на виду. Отважиться на спуск здесь, безо всяких укрытий, означает просто покрасоваться перед любой вороной или же каким-нибудь койотом-разведчиком.

Желтая Ракушка под углом стал спускаться к берегу, жадным взглядом поглядывая на озерца, на которые в любое другое время из-за грязной воды посмотрел бы с отвраще-

нием. Пока он спускался, водоемы стали больше размерами и уже соединялись друг с другом, что служило верным признаком едва текущего ручья. Наверное, поближе к источнику этой высыхающей речки воды будет побольше.

Наконец бобр увидел зеленые растения, растущие на самом дне ущелья, и со вздохом облегчения полурухнул и заскользил вниз, а потом и вообще покатился к краю ручья. Впрочем, он не настолько забыл об опасности, чтобы не обращаться и не уничтожать широкими движениями своего хвоста все остающиеся следы.

Здесь росла низкорослая ольха, и он с наслаждением отведал ее. Но он был достаточно осторожен и сдирал веточки и кору только там, где эти следы нелегко заметить. Он нарезал и небольшую связку на будущее, как раньше, когда путешествовал в горах. В этой полупустынной местности нельзя слишком полагаться на то, что сможешь что-то потом обнаружить.

Неподалеку нашлось одно озерцо, в котором удалось глубоко погрузиться в воду, смочить испачканный песком и землей мех, успокоить ноющие лапы. Он нырял и плавал, постоянно держась тени деревьев, склонившихся к поверхности воды, пока не почувствовал себя почти таким же сильным, как прежде.

Судя по солнцу, уже миновал полдень. Он отдался слабому течению воды, пытаясь решить, что делать дальше. Как и большинство племен Народа, койоты предпочитают темноту ночи яркому свету дня. И с наступлением темноты после пробуждения их лагерь будет настороже. Имеет смысл оглядеться сейчас, если деревня находится не слишком далеко отсюда. Привязав к себе ремнями из водорослей связку с едой, бобр поплыл, приближаясь к берегу лишь тогда, когда вода становилась слишком мелкой. Впрочем, теперь таких мест попадалось немного. Фактически, черед водоемов вскоре превратилась в ручей, и он смог передвигаться быстрее, чем утром.

КАМЕННЫЙ ЛЕС

Уже настал закат, солнце почти скрылось за горами на западе. Желтая Ракушка распростерся на земле в чаще, энергично натирая огрубевший мех передних лап листьями с сильным запахом. Он надеялся, что удастся заглушить мускусный запах, хотя вполне возможно, что он ошибался; однако это единственная защита, которую он смог сейчас придумать. Ему предстоит пробраться в лагерь койотов, в нору, которая расположена чуть поодаль от остальных, в ту самую, которую видел в своем спиритическом сне.

Он следил за ней долгое время. Однако занавеска входа оставалась опущенной, в то время как в других норах лагеря они были приподняты, и их удерживали в таком положении палочки. Это могло означать одну или даже две вещи: что нора действительно пуста или же что ее владелец дома и не хочет принимать посетителей. А для целей бобра узнать, что там на самом деле, очень важно.

Уже приближался конец дня, когда он обнаружил эту деревню на северном берегу обмелевшей речки. На южном же тянулись частые полосы песка, и дальше местность действительно переходила в пустыню.

У Желтой Ракушки было немного времени, чтобы исследовать или разведать лагерь: койоты уже пробудились. Молодые самки спускались к краю воды, неся с собой кожаные сумки, натертые жиром, чтобы сделать их водонепроницаемыми, и уносили воду обратно в вигвамы. Вокруг носились щенки, играя друг с другом. И бобр видел, как из нор выходили зевающие воины, потягивались, гримасничали, показывая длинные клыки, ловили мух: наступало время ночной охоты. Он спросил себя, как там те два храбрых кролика — не поймали ли их здесь прежде, чем они покинули эту территорию?

Если бы ему противостоял один койот, два или даже три, то он рискнул бы драться один. Зубы его, хвост и копые представляют собой смертоносное оружие. Однако встретиться с целым племенем — это было бы похоже на ту засаду но-

рок, в которую он угодил. Поэтому Желтая Ракушка осторожно удалился вниз по реке и спрятался, чтобы обдумать свои действия.

Он может, конечно, спрятаться и дождаться конца ночи, а затем попытаться следующим утром проникнуть в ту нору, когда деревня снова уснет. Но время — вот что важно. Он не мог сказать себе, почему это так важно, но только это действительно так.

Итак... он мог пока только наблюдать, ожидая своего шанса, и после того, как группы охотников уйдут и жизнь в деревне начнет следовать привычному распорядку, он попробует добраться до магической норы незамеченным. Ему повезло уже в том, что это не нора вождя, которая находится в середине круга вигвамов. Нужная ему нора стоит поодаль с северного края. И, наверное, хотя он и боялся выбраться из воды, ему удастся обойти ее, используя высокую траву в качестве прикрытия. Если внутри никого не окажется, он без труда сможет пробраться туда: зубами разорвет стенку из шкуры в задней части норы.

Вот так терпеливо и лежал Желтая Ракушка в воде, находясь в тени ивы, осторожно следя за происходящим в лагере. Только его голова выступала над поверхностью ручья.

Кто-то быстрыми, резкими ударами стал бить в барабан, а потом зазывающий зов зазвенел по лагерю. Бобр увидел воинов, в ответ на этот призыв трусцой направляющихся к центру деревни. Не военный отряд. Нет ни танцующих, ни поющих. Да, он, наверное, прав в своей догадке — сейчас готовится большая охота. И, судя по количеству собравшихся охотников, ее целью будет не тот, кого легко заполучить. Может, они отправляются за тем рогатым созданием, что он видел в прерии? При этой мысли Желтая Ракушка издал короткое фырканье. Какой же могущественный талисман должен быть у них, если они думают, что смогут убить бизона! И все же такое большое число охотников указывает на то, что они выходят на охоту за крупной дичью.

В следующий раз он увидел охотников, когда те покидали деревню. Спереди шагал здоровенный койот со светлым ме-

хом, который в сумерках казался почти белым в тех местах на его шкуре, где не было мазков краски. По бокам и чуть позади шли простые воины.

Следом за этим весьма представительным авангардом двигались молодые охотники, некоторые из них только-только вышли из щенячьего возраста и замыкали шествие. Они не шли с важным видом, не лаяли, а лишь робко ступали следом за старшими, словно всецело поглощенные задачей, которая стоит сейчас перед ними.

Желтая Ракушка дождался, пока они не скрылись далеко на севере среди буйной поросли травы, таким образом подтверждая его предположение, что действительно собираются охотиться на бизона. И бобр удивился смелости вождя, который замыслил эту охоту, ведь даже племя волков дважды подумало бы, прежде чем решиться на такую попытку, хотя они и старые враги тех рогатых созданий.

К тому времени, как взошла луна, лагерь был уже не так оживлен. Многие щенки спустились к реке и плескались в ней. Желтая Ракушка медленно продвигался в траве, отойдя назад, и нос его морщился, когда его настигал запах мяса из вигвамов. Углубившись в прерию, он использовал свое острое обоняние, чтобы найти листья и траву определенных видов растений, и обрадовался, оказавшись рядом с кустом шалфея, ароматно пахнущим в ночном воздухе.

Потом он хорошенько вымазался смятыми листьями, растер чешуйчатую шкуру мощного хвоста. Для прикрытия ему бы хотелось не только этого, ведь у койотов такое острое обоняние, что он нуждается во всех средствах защиты, какие только может найти. Ветер дул теперь с востока, что хоть немного, но в его пользу. Хотя ему совсем не хотелось путешествовать по земле, по которой ему всегда было трудно передвигаться.

И снова он бросался от одного куста к другому, делая широкий полукруг, чтобы добраться до лагеря с севера, это самый близкий путь к магической норе. Проникнуть прямо к ее задней стенке — на это он и надеется. Он прислушивается

к звукам у ее стены и, если не услышит никакого движения внутри, рискнет и прогрызет щель в шкуре.

Что он сделает с сумкой, когда она окажется в его лапах, Желтая Ракушка еще не знал. Спиритический сон показал ему, что он должен сделать это, и поэтому бобр следовал указаниям духов.

Когда от листьев на подушечках его лап остались только серо-зеленые пятнышки, он в последний раз провел лапами по бедрам и двинулся в путь. В деревне постоянно ощущалось какое-то движение, но оно не достигало магической норы. Наверное, койоты по каким-то серьезным причинам испытывают благоговейный страх перед Изменяющимся, хотя всем известно, что он благоволит к койотам, как к братьям, и принимает их облик намного чаще любого другого животного, часто довольно продолжительные периоды времени живет среди них — к их огромной радости.

Снова и снова Желтая Ракушка бросал беспокойные взгляды в небо. Он не забыл о воронах, которых видел летящими с той стороны, хотя за все время, пока бобр наблюдал за деревней, он их не заметил. Возможно, они принесли какое-то послание и, выполнив свое задание, улетели.

Последний рывок, и Желтая Ракушка достиг своей цели — места сразу же за задней частью норы, где хранился амулет. Он подкрался к ней насколько можно ближе, приложил ухо к поверхности шкуры, пытаясь задержать дыхание и чуть успокоить быстрый стук собственного сердца, так, чтобы слышать лучше и уловить любой, даже самый слабый звук изнутри.

Ему мешал шум лагеря — он не мог полностью оградить себя от него, чтобы понять наверняка, спит ли кто-нибудь внутри. Однако, прождав долгое время, бобр понял, что не может долго оставаться здесь бездействуя. Ему придется рискнуть до возвращения охотников. Они пройдут недалеко от того места, где он распластался на земле, и у него было мало шансов на то, что запах шалфея и других пахучих трав скроет его собственный запах от их чувствительных носов.

Желтая Ракушка начал копать передними лапами небольшую ямку, останавливаясь в страхе после одного-двух движений, чтобы прислушаться. Но никаких новых звуков не доносилось. Наконец страх, что возвратившиеся охотники обнаружат его, превзошел осторожность, и бобр разорвал шкуру стенки вигвама у основания, там, где сделал ямку в земле. Три удара наотмашь, и вот появилась щель, достаточно большая, чтобы протиснуть голову и плечи.

Прямо перед ним, щекоча нос и обеспечивая защитный экран, оказался ворох сухой травы и веточек шалфея, которые служили постелью. В кружке, образованном покрытыми пеплом камнями в центре норы, костер не горел. Там вообще никого нет.

Желтая Ракушка, извиваясь, прополз внутрь, затем уселся на постель и огляделся. Никаких сумок с запасами пищи или тыкв с водой, которые свисали бы с шестов, установленных по обе стороны норы специально для этой цели, справа и слева от двери-занавески. А постель под ним покрыта сухой пылью и заскрипела, когда он шевельнулся, указывая на то, что ею в последнее время не пользовались.

Да, он чувствовал запах койота, однако не такой сильный, как если бы кто-то жил здесь недавно. И бобр начал осторожные поиски, используя свое обоняние, чтобы понять, что же могло произойти здесь.

Запах высушенного мяса лишь слабо держался у шестов для сумок с припасами. И кроме того ощущался еще запах растений, которые могут служить частью магии. Но самым неприятным ударом для него явилось то, что, когда он выпрямился во весь рост под шестом в центре вигвама, запрокинув голову назад, чтобы посмотреть, где висит связка из его сна, там ничего не оказалось.

Конечно, Изменяющийся мог забрать эту сумку с собой, когда уходил отсюда. Однако куда... куда теперь должен отправиться Желтая Ракушка, где искать ему магическую сумку? Бобр опустил на все четыре лапы, и боль в его кровоточащих ногах и теле внезапно стала еще острее. И страдание

от того, что он не знает, что теперь делать, темной тенью легло на его разум.

Но когда он пополз обратно к вырытой земле, то увидел — и очень ясно в полумраке норы — небольшой белый кусочек, клочок орлиного пуха. И он понял, что это символ силы. Его сон... та связка... она лежала завернутой в сумке из шкуры, с которой свисали меховые кисточки и перья. И это, похоже, часть одной такой кисточки. Желтая Ракушка осторожно поднял клочок, зажав двумя когтями.

Белый Орел! Не могущественный вождь Штормовое Облако с гор, но намного более великий, чем тот: Белый Орел на самом деле правит небом, находящимся сразу под Небесной Страной, и только по его повелению можно кому-либо безбоязненно переходить из мира внизу в мир наверху. Он всегда сидит на куда более высокой горной вершине, чем любая известная Штормовому Облаку, на вершине, находящейся на севере. И всегда обращен туда, где встает солнце, а справа и слева от него сидят два более молодых орла. Справа Говорящий, повернувшись на север, а на юг смотрит Наблюдающий. Они время от времени появляются высоко над миром, для того чтобы увидеть все, что происходит в нем, и сообщить Белому Орлу, как обстоят дела на земле и воде, у зверей и растений.

Так что этот белый пух — знак Белого Орла и драгоценный символ огромной силы. И сейчас, держа его в лапе, Желтая Ракушка вновь обрел надежду, хотя еще слабую; он понял, что теперь может попытаться. Поэтому, выползая из норы, он захватил с собой этот клочок пуха.

А теперь — найти место повыше. Он приподнялся, оглядываясь. Дальше к востоку берега реки скалистые. Сейчас ничего выше их бобр не видел. И нет надежды вернуться вовремя к горам или даже к подножию холмов. Только одно ободрило его — поднявшийся и постоянно усиливавшийся ветер, который теперь треплет его мех.

Торопясь исполнить свой план и найти то место, куда отправился Изменяющийся вместе с магической сумкой, Желтая Ракушка почти утратил осторожность. И лишь громкий

лай, который донесся со стороны прерии, напомнил ему, что он не должен забывать об осторожности в этом месте, опасаться охотников, которые могут в любой момент возвратиться. И, похоже, именно это сейчас и происходит: после последнего лая от нор деревни пронеслись эхом возгласы, и бобр увидел самок и детенышей постарше, собирающихся и охваченных возбуждением; более молодые устремились в его сторону, чтобы встретить возвращающихся воинов.

Разбежавшись, что весьма трудно для его тяжелого тела, Желтая Ракушка помчался со всей скоростью, какую только мог развить, в направлении реки, скрываясь за зарослями травы и кустарника, надеясь достигнуть реки на востоке на достаточном расстоянии от деревни.

Скоро он совсем запыхался: передвигаться по земле тяжело, но страх, охвативший его, толкал на все более и более энергичные усилия. Хор лающих голосов сзади перешел во что-то напоминающее песнопение, и бобру показалось, что он слышит в нем торжество. Наверное, воины деревни возвращаются после битвы или успешного набега — во всяком случае ясно, что им есть чем гордиться.

Желтая Ракушка не останавливался, чтобы оглянуться назад, и не видел ничего, кроме земли в непосредственной близости от себя. Только бы добраться до воды... И, как это было вчера, необходимость в воде сейчас снова подхлестывала его.

Неподалеку от ручья располагался скалистый холм, который он выбрал в качестве места, чтобы попытаться использовать орлиный пух. Однако сейчас он не думал об этом: даже ночью эти охотники с равнин могут заметить его. Поэтому он заполз в первую же трещину, которую обнаружил среди этих шершавых камней, и начал карабкаться то вверх, то вниз, иногда с мучительной болью скользя по камешкам и гравию, попадая в расщелины между камнями, пока снова не выбрался к обрыву, где ниже протекал ручей.

Бережно взяв в пасть драгоценный клочок, Желтая Ракушка с благодарностью нырнул в воду, позволяя влаге омыть тело, не смея поверить даже в это мгновение, что ему удалось покинуть деревню, не вызвав тревоги. Может, могу-

шество пророческого сна каким-то образом осталось у него, и поэтому так же, как койоты не видели его, когда он посетил тогда нору, так и сейчас ему удалось уйти, уже пребывая в телесной оболочке?

Он поплыл вверх по течению, готовый в любой момент нырнуть под воду в случае необходимости. Русло реки здесь суживалось, превращаясь в канал, проложенный между вздымавшимися вверх берегами из камня и затвердевшей на солнце глины. Бобр стремился насколько возможно увеличить расстояние между собой и лагерем, боясь любого звука за собой, который свидетельствовал бы о преследовании.

Но, наверное, койоты были настолько удовлетворены своей удачной охотой, что не замечали ничего другого. И снова он спросил себя, неужели они действительно убили бизона? Но ведь именно к ним благоволит Изменяющийся, так что такой успех вполне вероятен.

Рассвет застал его на куда более высоко располагавшейся земле, ручей теперь тек быстро и с силой, постоянно увеличивавшейся, так что ему все труднее и труднее было с ней сражаться. В конце концов бобр выбрался из тисков речки. Здесь не росли ни ольха, ни ива, не было и съедобных корней, и он пожалел, что не захватил с собой припасов. Однако теперь даже голод не мог заставить его повернуть назад.

Пух, когда он бережно достал из своей пасти, был почти такой же мокрый, как если бы бобр держал его в воде. Он с величайшей осторожностью поднес его к месту, где дул ветер, и попытался высушить. И, сделав это, Желтая Ракушка начал напевать речитативом, хотя голос его звучал не громче бормотания воды за его спиной:

— О, Орел, услышь меня...
Передай мне силу свою.
Белый Орел, услышь меня.
Говорящий, услышь меня.
Смотрящий, ищущий, услышь меня.
Вот белая вещь магии твоей.
Пусть ветер, что носит
Крылья твои по небу,

Понесет и ее, что полна силы твоей,
На воссоединение со своим хозяином.
Вознесет высоко и далеко,
На воссоединение со своим хозяином!

Бобр снял с шеи остатки ожерелья и обвязал их одной лапой вокруг древка копья: это все, что он мог предложить. А потом он бросил копье с украшениями в небо изо всех сил, оставшихся в передних лапах. Копье поднималось, уносясь все дальше и дальше, и вот исчезло за каменной стеной. И Желтая Ракушка обрадовался этому: оно не упало назад на камни, насколько он мог видеть, а улетало все выше и выше. Наверное, Белого Орла заинтересовало предложенное ему, и он внимательно прислушался к пению.

По-прежнему держа в одной лапе пух, чтобы его обдушил ветер, Желтая Ракушка карабкался вверх и вверх, следуя направлению, в котором исчезло копье. Карабкаться было нелегко, и он тяжело дышал, полуоткрыв пасть, когда достиг вершины.

Предрассветное небо уже посветлело, и краски дня начали показываться на востоке. Речка здесь делала широкий изгиб, и теперь он видел, что течет она из источника, находящегося где-то на севере, а не на востоке, наверное, в тех же горах, где гнездится племя Штормового Облака.

Бобр еще раз пропел речитативом свое воззвание Белому Орлу. А из речной долины, по крайней мере так ему казалось, еле-еле дул ветерок, такой слабый, что его нельзя считать настоящим ветром, хотя он и дует непрерывно.

И в этот поток Желтая Ракушка бросил пух. Ветерок подхватил его и унес на юг в сторону безлюдной пустыни, которая тянется по другую сторону речки. С твердой верой в то, что это на самом деле настоящий проводник, бобр отправился вслед за ним.

Было уже достаточно светло, чтобы четко видеть клочок пуха и следовать за его полетом. Но какой же маленькой казалась эта вещь, чтобы довериться ей... Впервые за много часов Кори думал своей частью сознания, а не частью Жел-

той Ракушки. Конечно же, он не может полагаться только на этот символ!

Однако из-за сильной веры в нее части сознания Желтой Ракушки Кори не мог ничего поделаться. К его удивлению, этот пух вел себя так, словно он и в самом деле настоящий проводник. Дважды, устав, Желтая Ракушка останавливался и ложился на землю, тяжело дыша, не в силах продолжать путь. И тогда пух на время тоже останавливался и трепыхался среди каких-то высушенных на солнце и уже без листьев куч растительности, но тут же поднимался и уносился вперед, когда бобр был готов отправиться дальше своей шаркающей походкой. Наконец последний порыв ветра подбросил его вверх, в яркое голубое и безоблачное небо, когда бобр пошел к краю какого-то водоема.

Возможно, это двойник расположенной в кратере горы твердыни орлов. Но в то время как та зеленая и окружена водой, вокруг этой — лишь одни пески да еще странные шероховатые колонны, вздымающиеся вверх, причем некоторые из них опрокинуты и лежат во всю свою длину.

Прямо перед ним находилось небольшое укрытие из шкуры, рядом с которым на земле суетится странной формы фигура. Она деловито похлопывает и растягивает лежащий на земле кусок глины. Время от времени она брызжет водой из тыквы на эту глину, но тут же возвращается к сдавливанию и растягиванию, замесу и раскатке.

Пух теперь походил на снежинку, падающую в зимний день. И пока бобр следил за пушинкой, она снова опустилась вниз, направляясь прямо к этой фигуре. И Желтая Ракушка понял, что он нашел Изменяющегося, хотя что он делает здесь, бобр не понимал.

Осторожно и быстро он спустился вниз по стене вокруг водоема, пробежал в тень ближайшей из колонн и спрятался за нее от Изменяющегося. Дотронувшись лапой до столба, он обнаружил, что это камень, который некогда, должно быть, был каким-то деревом: на колонне кое-где остались следы коры и древесины. И если это так, то, наверное, все эти деревья были когда-то превращены в камень. Еще один

трюк Изменяющегося? Если так, то с какой целью? Как могут каменные деревья служить кому-либо... Если только Изменяющийся не использовал свое могущество просто для развлечения и чтобы посмотреть, что он в состоянии сделать.

Желтая Ракушка пополз вперед, однако даже сквозь густой мех проникало достаточно холода, чтобы он начал дрожать. И хотя солнце уже начало припекать сверху его темное тело, но чем ближе он подползал к поглощенному своей работой магу, тем больше ощущал внутри себя глубокий холодок страха.

Возможно, Изменяющийся заметил спускавшегося к деревне орла и понял, что тот принес какого-то шпиона? И какая судьба тогда ждет подобного шпиона? Превращение... может быть, тоже в камень, как эти деревья? Давай, поворачивай назад, взывал к нему страх. Однако Желтая Ракушка быстрой шаркающей походкой передвигался от одной тени к другой.

Теперь он уже мог слышать едва слышное бормотанье песенного заклинания, и бобр догадался, что маг пытается с помощью этой песни передать глине часть своего могущества. Но похоже, что ему никак не удавалось сделать то, что он хочет: маг снова и снова со всего размаха опускал передние лапы на глину, расплющивал ее в лепешку, сердито ворча при этом.

Передние лапы? Желтая Ракушка моргнул (Кори воскликнул бы громко вслух, если бы у него остались человеческие губы и голос). Эти лапы на расстоянии выглядели как желтые лапы койота. Но теперь... теперь они больше походят на человеческие пальцы, снова и снова занимавшиеся замесом, растягиванием, раскаткой...

Он увидел, что и сидевшая на корточках фигура не была полностью ни животным, ни человеком, а странным сочетанием и того и другого, словно некто начал совершать превращение зверя в человека и этот эксперимент оказался лишь наполовину успешным.

Покрытые мехом передние лапы заканчивались человеческими кистями, а голова куполообразной формы, как у человеческого черепа, несмотря на огромные уши, торчащие с обеих сторон. Задние ноги все-таки остались звериными лапами, однако плечи под желто-коричневой шкурой — плечи человека.

Для Кори—Желтой Ракушки это сочетание казалось даже хуже, чем если бы это был полностью то ли койот, то ли человек. Для Кори этот человекозверь выглядел совершенно неправдоподобным и опасным, в то время как часть сознания Желтой Ракушки находила этого зверечеловека неестественным и пугающим. Но все-таки бобр уже не мог уйти — его словно привязали какими-то узами к той колонне, за которой он находился, удерживая на этом месте. И, осознав этот факт, Желтая Ракушка вслух ахнул.

Голова заклинателя приподнялась, зеленые звериные глаза уставились прямо на то окаменевшее дерево, за которым лежал Желтая Ракушка. Изменяющийся сделал быстрый жест рукой, маня его к себе. Против воли тело бобра повиновалось этому призыву и поползло на солнце, направляясь прямо туда, где Изменяющийся лепил что-то из глины. Бобр потерял всякую надежду на бегство, ведомый могущественной силой.

Изменяющегося окружало широкое пространство вскопанной земли, усеянной ямками, из которых, наверное, он и выкопал эту глину. Огромный кусок глины лежал прямо перед ним, как раз перед этим он последним ударом снова превратил глину в бесформенный комок. Изменяющийся сидел, положив человеческие кисти на мягкую поверхность, следя за бобром. И больше не напевал, а внимательно следил за Желтой Ракушкой, словно какая-то часть того, что он формировал и которой ему не хватало, сама пришла к нему. Увидев этот взгляд, бобр почувствовал ужас, а вместе с ним в человеческой части сознания также что-то зашевелилось. Кори именно сейчас должен разорвать этот ночной кошмар, проснуться в настоящем мире, прежде чем случится что-то

ужасное. Он не мог предположить, что именно, однако его предупреждал страх бобра, и он тоже чувствовал его — такой же огромный, как тот ужас, который коснулся его, когда он наблюдал за бизоном и танцором.

ТВОРЕЦ

— Что это у нас тут такое? — произнес Изменяющийся, и Желтой Ракушке показалось, что это сказано на языке бобров, однако для ушей Кори звуки прозвучали, как человеческие слова. — Ты пришел сюда, чтобы взять дерево-которое-окаменело и наделать наконечников для копья? — он кивнул в сторону одной из упавших колонн, один бок которой был выдолблен и разрушен, а на песке валялись отбитые кусочки. — Впрочем, нет, я думаю, ты пришел по другой причине, и вот поэтому ты отлично послужишь моим целям. А теперь садись и смотри!

И с этими словами он словно привязал Желтую Ракушку к земле: бобр не мог ни пошевелиться, ни отвести взгляда от рук Изменяющегося. Еще раз Изменяющийся смешал немного воды из тыквы с куском влажной глины и стал пальцами сдавливать и растягивать ее. И вот в результате стала получаться небольшая фигурка, очень грубо напоминающая человека. У нее две ноги, две руки, приземистое тело и круглый шар-голова. Но все это сделано грубо, и ясно, что творец не удовлетворен своей работой: кулаком он в который раз нетерпеливо ударил по глине. Кори полностью захватил контроль над телом бобра и подчинил владельца глаз, взиравших на манекен, который так разочаровал творца. И заговорил вслух, хотя звуки, производимые им, исходили из гортани бобра.

— Ты создаешь человека!

Изменяющийся перестал месить глину, поднял голову, уставившись зелеными глазами на Кори, или бобра, каким сейчас был Кори. Очень равнодушный и пугающий был этот взгляд. Желтая Ракушка, бобр, не смог бы долго выдер-

жать его, однако Кори, мальчик, откуда-то нашел мужество и непоколебимо выдерживал его взгляд. Очень скоро этот пристальный взгляд, выражавший жестокую угрозу, сменился удивлением, а потом и задумчивостью.

— Итак... ты и есть он, — сказал Изменяющийся.

Кого он имел в виду, Кори не понял. Однако продолжал смотреть в лицо этого получеловека-полукойота, призвав себе на помощь всю волю. И теперь ему в голову пришла одна мысль. Он не знал, откуда она взялась, однако ухватился за нее, ободренный чем-то, словно упрямство бобра теперь дополнилось человеческим знанием. Он не ответил на этот полувопрос Изменяющегося, а лишь повторил:

— Ты пытаешься создать человека.

И снова в зеленых глазах вспыхнул холод вместе с гневом... Кори не знал почему: то ли из-за его догадки, то ли из-за неудач самого Изменяющегося. Испачканная грязью рука полуприподнялась, будто для удара.

А потом упала обратно на глину, которую снова начала вертеть и сжимать, несмотря на то что теперь его внимание было больше обращено на Кори, чем на изделие.

— Ты хочешь заключить сделку — со мной? — в этом вопросе чувствовался вызов.

— Я предлагаю тебе модель, — ответил Кори и стал ждать, не зная, что ему ответят, однако с небольшой надеждой. Может, Изменяющийся согласится и снова превратит его в человека, польстившись на модель, которую Кори ему предложит?

Но если он снова станет мальчиком, сможет ли он им остаться? Сможет ли найти путь назад в свой родной мир и время? Магическая связка — вот в чем он нуждается в качестве предмета для сделки с Изменяющимся — ворон и спиритический сон указали на это однозначно. Но ведь магическая связка не осталась в норе в деревне койотов. Изменяющийся творил или пытался творить здесь сильную магию, поэтому и нуждался в этой могущественной связке. Пока что Кори не имел возможности оглядеться, но, наверное, если он заста-

вит Изменяющегося поверить, что он желает помочь магу в его работе, то ему будет предоставлена такая возможность.

Теперь пальцы Изменяющегося не двигались. Он начал счищать грязь с них, вода одной рукой поверх другой, пока они не очистились от большей части влажной глины. Все это время он не сводил с Кори глаз, словно оценивая, взвешивая, выворачивая бобра наизнанку, чтобы понять, что же скрывается за его пушистой шкурой.

Достанет ли он ту связку? Так ли уж необходима она ему здесь, если он решится снова превратить Кори в человека? Впрочем, Изменяющийся, очевидно, никуда не торопился. Он по-прежнему растирал руки, но теперь уже с отсутствующим видом, словно мысли его были заняты чем-то совсем другим.

А потом он начал что-то тихо напевать речитативом. Кори не мог понять слов, однако тело бобра задрожало, и по позвоночнику к лапам побежали мурашки. Широкий мощный хвост дернулся, слегка приподнялся, потом опустился, вновь поднялся, глухо ударяя по земле, и Кори не мог контролировать его движения. Узы, удерживавшие Желтую Ракушку на месте, разорвались, и бобр вопреки своей воле начал танцевать. И двигался он не в знакомом ритме барабанного стука или погремушки, под звон черепашьей раковины, наполненной камешками, а в ритме песни Изменяющегося. Все быстрее и быстрее танцевал он, кружась до головокружения, и вскоре не мог уже ничего больше ни видеть, ни думать, ни дышать.

Он все кружился и кружился в этом сумасшедшем круге, пока не осталось ничего, кроме напева, громкого, как громовой раскат в горах. И по-прежнему Желтая Ракушка танцевал.

Вдруг, так же внезапно, как началась, песня прекратилась. И вот снова Желтая Ракушка... нет, не бобр, а мальчик Кори... стоит на земле ногами прямо перед кучей грязи, из которой Изменяющийся пытался создать человека. Однако у Кори нет больше густого меха Желтой Ракушки, его лап и

хвоста. Итак, он все же этого добился — он снова стал мальчиком.

Впрочем, тут же обнаружилось, что он не в состоянии сдвинуться с места. Он такой же пленник, каким был и тогда, когда бобра связали веревками норки. И когда он увидел звериную пасть Изменяющегося, раскрывшуюся в знакомой ухмылке, его охватил страх. Изменяющийся словно прочел его мысли и радовался крушению его надежд.

Наверное — Кори вздрогнул несмотря на то, что лучи солнца уже начали припекать голову и плечи — наверное, это странное существо способно и на такое.

Все так же глядя зелеными глазами на Кори, Изменяющийся снова принялся за глину, начал месить, растягивать, превращать ее в какую-то форму, смотря совсем не на то, что делает, а на тело мальчика. И, похоже, такой способ оказался удачней: манекен на этот раз был больше похож на человека. За работой маг напевал, и хотя Кори сразу осознал, что это заклинание, вызывающее могущество, слов он не понимал.

Фигурка, которую создавал Изменяющийся, вытягивалась все выше и выше. Вот она уже достигла высоты колен Кори, его груди, и по-прежнему росла, а когда пальцы Изменяющегося двигались все быстрее и быстрее, напев становился все громче и громче. Маг ни разу не взглянул на то, что создает, ни на секунду не отводил взгляда от мальчика, хотя несколько раз, наклонившись вперед, плевал в грязь, а потом бросал в глину щепотки какого-то пыльного вещества, которое доставал из небольшого мешочка на поясе.

И вот уже манекен достиг плеч Кори. Пока голова оставалась шаром, но тело уже четко просматривалось. Страх Кори еще больше усилился, и это было связано с работой Изменяющегося: чем больше фигура приобретала человеческий вид, тем больше Кори ненавидел ее, словно она должна стать злейшим его врагом; а может, просто в ней собрались все его страхи из обоих миров.

Изменяющийся опустил руки и впервые за все время отвел взгляд от Кори, так что мальчик почувствовал какое-то облегчение, словно этот пронзительный взгляд и держал его

пленником. Теперь творец переводил взгляд от Кори к созданной им фигуре и назад к образцу, оценивая созданное, хотя голова-шар еще оставалась незавершенной.

По всей видимости удовлетворенный своей работой, Изменяющийся отполз назад, не поднимая ног, отталкиваясь руками от земли. Кори почувствовал облегчение: воля, удерживавшая его, немного ослабла. Впрочем, он догадался, что лучше не проявлять эту полученную свободу, чтобы Изменяющийся снова не обратил внимание на пленника.

Потом Изменяющийся начал раскладывать между собой и своим творением палочки. Он сложил их в форме вигвама, словно собираясь разжечь костер, — подобным образом выдры вызывали сигналом орлов. Однако не зажег огонь, а достал из мешочка на поясе несколько кучек листьев, сложенных вместе и скрепленных острым шипом, так что получились тугие кипы. Отсоединив листья один за другим, он насыпал на них небольшие кучки того, что могло быть высушенными растениями или пылью.

Теперь Кори был сильно напуган, хотя пока что ему как будто ничего не угрожало. Если бы мог, он убежал бы, как сделал, когда следил за бизоном и танцором. И хотя мальчик несколько освободился от уз Изменяющегося, так загадочно наложенных на него, но скинул их не настолько, чтобы действовать самостоятельно. И он знал, хотя не мог сказать откуда — если только это не часть воспоминаний бобра Желтой Ракушки, все еще остающихся с ним, — что если он не сможет сражаться сейчас, это будет его концом: Изменяющийся направит на него всю свою магию, и она будет настолько сильна, что он не сумеет противиться ей.

Слишком сильна для животного... но не для человека? Откуда пришла в голову Кори эта мысль? Животное... человек. Человек ведь тоже животное, но он больше животного, порою только чуть-чуть, но все-таки больше. Мысли стремительно проносились в его голове. Если он даст Изменяющемуся завершить волшебство, которое тот творит здесь... может, тогда у человека не будет этого небольшого «больше». Впрочем, Кори не мог сказать, откуда ему это известно.

Внезапно, как будто увидел его перед собой, Кори представил себе образ — голову черной птицы. Ворона... вроде тех, что служили Изменяющемуся? Нет! Вокруг глаз нарисованы белые кружки, и из клюва слышится голос, напевающий заклинание... Ворон!

И Кори показалось, что когда он мысленно произнес слово «Ворон», создание в его мозгу перевело взгляд на него, и благодаря силе и могуществу Ворона возник новый образ. Еще одна птичья голова — на этот раз белая — Штормовое Облако? Нет, это куда более громадный орел. Кори вспомнил о Белом Орле, к нему взывал Желтая Ракушка, когда бросил в воздух кусочек пуха, который и привел его сюда.

Но что Белый Орел делает здесь?.. И вновь, стоило ему понять, кого он видит, как величественная птица тоже повернулась и посмотрела прямо на него, и тут же возник еще один, следующий образ. Но он был уже настолько огромным, туманным, что мальчик смог увидеть только фрагмент его, ощущая благоговейный страх: никому не дано полностью увидеть все существо, образ которого возник перед ним.

И, наверное, из остатков воспоминаний Желтой Ракушки и пришло внушающее благоговейный страх имя этого лишь частично видимого призрака: он внушает ужас даже человеку, как понял Кори. Гром-птица! И как только он мысленно назвал птицу, образ ее на мгновение стал четким. Но впоследствии Кори так никогда и не мог вспомнить, что именно он тогда увидел, а может, он и вовсе ничего не видел, а был просто ослеплен видом чего-то такого, что не дано понять человеку.

Впрочем, призрак Гром-птицы остался с ним. И к этому смутному образу в воспоминаниях Желтой Ракушки добавилось несколько слов могущественного заклинания — очень могущественного. Кори не повторил их вслух, лишь повернул голову и посмотрел на создание из грязи, которое с каждой секундой становилось все меньше и меньше похожим на глину и все больше и больше — на загоревшую кожу поверх твердой плоти и костей.

Кори пристально посмотрел на шар головы, которая так и не была завершена, и мысленно повторил слова заклинания, пытаясь отрешиться от всего, кроме этих слов и необходимости снова и снова повторять их. Почему так необходимо сделать это, сказать он не мог, но только больше ничего иного он и не мог делать: нельзя позволить Изменяющемуся прекратить работу.

Вокруг Кори тонкой струйкой клубился дым с каким-то резким запахом, его относил в сторону фигуры, и он цеплялся за грязь. Затем вытянувшиеся вперед руки обхватили глиняное тело по обе стороны от тонкой талии и приподняли. Кори, по-прежнему не отводя от него взгляда, мысленно продолжал повторять слова, прилагая все силы. Он увидел, как Изменяющийся, передвигаясь теперь на ногах, поставил человека из грязи в ослепительно пылающий и дымящий костер, так что перед ним запрыгали огоньки пламени.

Потом Изменяющийся встал, и когда выпрямился, его полузвериная фигура показалась еще более странной. Он начал напевать заклинание. Кори попытался закрыть уши, чтобы не слышать, и мысленно вызвал Гром-птицу. И хотя его ноги не могли сдвинуться с места, были словно пригвождены к земле, мальчик обнаружил, что может шевелить руками. Теперь руки движутся, производят знаки, повторяющие слова, которые он произносит мысленно.

Сперва огоньки пламени поднимались очень высоко, достигая плеч фигуры, и дым скрывал ее из виду. В этом дыме и словах напева ощущался триумф, торжество победы.

Руки Кори по-прежнему двигались, повторяя слова, возникавшие в сознании, и, наверное, Изменяющийся был настолько поглощен своей магией, что не замечал, что делает Кори.

И тут дым заструился и из ниоткуда поднялся ветер. Тучи закрыли солнце, и манера пения Изменяющегося резко изменилась. Он сделал еще несколько шагов, потом остановился, осторожно оглядываясь, словно только что очнулся от крепкого сна.

Ветер не только отнес в сторону дым, но и, набросившись на горящие веточки костра, подбросил их вверх, закрутил, рассыпая в воздухе снопы искр, и унес прочь первую, затем вторую, третью. Изменяющийся закричал, но голос его теперь больше походил на завывание койота. Он выбросил вверх руку, как будто пытаясь остановить один из этих улетающих факелов, и костер, должно быть, ответил ему болью: маг снова в ярости завыл.

Глаза его пылали желто-зеленым пламенем, он перевел взгляд с уносимого ветром костра на Кори, губы его раздвинулись, показывая клыки охотящегося зверя. Изменяющийся энергично делал руками знаки. На секунду ветер слегка утих, и разлетающиеся искорки больше не поднимались в воздух.

Но теперь тучи так заволокли небо, что создавалось впечатление низко нависающего потолка.

Кори показалось, что протяни он руку, и легко коснется их. Из туч вылетели молнии, Изменяющийся завертелся, когда его ударила сверкающая стрела, словно не мог поверить в эту так внезапно начавшуюся бурю.

Он рыкнул на эти вспышки, снова обнажая клыки, и испустил протяжный вой. Наверное, приказывал тучам разойтись, чтобы снова показалось солнце. Но только несколько секунд стоял он так, глядя на неистовство стихии. А потом повернулся, и в его стоящих торчком ушах, во вставшей дыбом шерсти на плечах, в изгибающихся губах был виден гнев.

И снова его руки задвигались, производя знаки. Сознание Желтой Ракушки, все еще остающееся в Кори, съезжилось при их виде: хотя Желтая Ракушка не был магом-бобром и не мог прочитать эти знаки, но увидел их великую силу.

Мысли Кори утратили стройность — и он не мог вспомнить слова, способные остановить Изменяющегося. Но, кажется, теперь это не имело особого значения. Наверное, он просто подготовил путь для еще одной силы, которая возьмет верх независимо от того, будет он продолжать вызывать ее или нет.

Руки Кори тяжело опустились, словно на них снова надели цепи. И он не мог пошевелиться, даже когда одна из принесенных ветром веточек обожгла ему шею, опалила волосы.

Если ветер и утих немного в ответ на действия Изменяющегося, то потом снова поднялся, как метлой, разбрасывая костер. И огоньки пламени уже почти все разлетелись, когда на землю упали огромные капли дождя, опустились на последние тлеющие угольки, на фигуру из грязи и на Кори.

Изменяющийся поднялся во весь рост, запрокинув голову койота на человеческих плечах, глядя на небо и медленно поворачиваясь. Казалось, он пытается обнаружить в небе врага, ищет там цель, чтобы направить на нее все свое могущество.

Долгое мгновение стоял он так, и угольки костра с шипением чернели и гасли под дождем, и становилось все холоднее и холоднее. Кори, который в этом безлюдном месте еще несколько минут до этого чувствовал жар солнца на плечах, теперь дрожал под ударами холода.

Наконец решившись, Изменяющийся повернулся спиной к погасшему костру и фигуре, стоящей в середине его, потом подошел к одному из погибших кустов неподалеку и, наклонившись, сунул пальцы правой руки в его ветки и рывком вырвал из земли.

Из переплетения его корней маг достал сумку. Кори, увидев ее, понял, что это именно то, за чем охотился Желтая Ракушка. Это и есть величайший магический талисман Изменяющегося; и теперь его рука держит оружие, а он готов противостоять всем духам неба, земли, воды и воздуха.

Воздев обе руки, он держал талисман, направляя против буйства бури, качая им из одной стороны в другую, словно погремушкой; может, он хотел, чтобы духи, повелевающие ветром, поняли, чем он им угрожает.

Ветер утих, дождь прекратился, тучи начали расходиться. И все это время Изменяющийся, держа высоко свой могущественный талисман, танцевал и пел. Этот напев не предназначался для человеческих ушей, он был сильнее грохота молнии или раската грома.

Изменяющийся по-прежнему танцевал и напевал, держа магическую связку, как воин держит копье, направленное на врага, и уводил прочь бурю, разрушившую все его планы. Как долго он танцевал так, Кори не мог сказать: время больше не имело никакого значения.

Впрочем, в конце концов даже Изменяющийся устал: Кори снова обрел способность видеть и слышать. И человекозверь теперь сидел на земле точно так же, как тогда, когда Желтая Ракушка впервые увидел его и наблюдал за ним из-за леса из окаменевших деревьев. Вот только в том месте, где находилось творение Изменяющегося, сейчас осталась лишь бесформенная масса глины, из которой торчало только подобие ног.

Изменяющийся поднял руку, в которой была магическая связка, и слегка ударил эту массу, и тут даже ноги снова превратились в грязь. Он долгое время смотрел на эту липкую кучу. Потом встал, запрокинув голову, и издал далеко разносящийся вопль. Затем пристально посмотрел на Кори, и в его узких звериных глазах горел такой злобный блеск, что мальчик попытался, хоть и тщетно, освободиться от удерживавших его уз.

Какое-то время Изменяющийся не двигался, хотя иногда поворачивал голову с ушами койота, наострив их и как будто прислушиваясь. Солнце уже зашло, оставив их в темноте ночи. Костер больше не горел, и человеческие глаза Кори не могли так хорошо видеть в темноте, как глаза Желтой Ракушки. Но Изменяющийся словно захотел доказать Кори, что он победил; он снова зажег костер, хотя и не на прежнем месте. Но не стал бросать в него содержимое пакетов с листьями.

Из темноты донеслось хлопанье крыльев, и в тени показались пернатые фигуры; приземляясь, они входили в круг света от костра. Вороны... десять... двадцать... еще больше... они прилетали и улетали, так что Кори не мог их сосчитать; он даже не был уверен, что это одни те же птицы. Но каждая ворона, проносясь мимо Изменяющегося, выплевывала на землю желто-коричневую глину, которую человекозверь смешивал в кучу. И эта куча становилась все выше и выше.

А потом он собрал ее и, напевая шепотом, словно опасаясь, что его услышат, смешал новую и старую глину в одну кучу.

Несколько ворон устроились на земле по другую сторону от костра. Кори заметил, что они выказывают интерес, но не к действиям своего повелителя, а к магической сумке, которая лежит рядом с ним: маг не спрятал ее после того, как использовал, чтобы увести прочь бурю. И мальчик понял, что если ему удастся убрать ее из пределов досягаемости Изменяющегося, то он положит конец всему здесь происходящему. Впрочем, пока он не видел возможности для этого.

Замес, сжатие, растягивание, придание формы... человеческие руки Изменяющегося двигались быстрее, с большей уверенностью, чем до этого, словно создав уже однажды манекен, его пальцы не забыли, как это делать. Но на этот раз фигура, которую он создавал, побольше, в рост такого человека, как дядюшка Джаспер.

Дядюшка Джаспер. Кори моргнул. Тот, другой, мир, казалось, теперь так далеко, он для него сейчас потерян. И все же, стоило ему подумать о дядюшке Джаспере... Да! Он может шевельнуть руками: дядюшка Джаспер, ранчо... отец... Как и перед этим, когда он увидел Ворона, Белого Орла и ту призрачную фигуру, так и теперь он попытался нарисовать все, что было самым важным для него в его родном мире и времени. Но хотя мальчик почувствовал, что узы ослабли, двигаться он пока еще не пытался. Он научился у Желтой Ракушки терпению и решимости сражаться ради того, чтобы выжить; что-то из упрямого желания бобра стоять лицом к опасности передалось Кори, то ли вновь привнесенное, то ли просто разгоревшееся из искорки, которая всегда была в нем, хотя он и не знал о ней.

Пусть Изменяющийся занимается этим «человеком» и забудет о Кори. Сейчас маг только изредка поглядывал на мальчика: кажется, он ему больше не требуется в качестве образца.

И эти птицы... Они смотрят только на магическую сумку. Чтобы добраться до нее, Кори пришлось бы обойти костер, но он не успеет до нее добраться, как Изменяющийся-

ся ее схватит. Мальчик мог только надеяться на то, что ему представится какой-то шанс.

И вот снова глиняное тело стоит на ногах, оно закончено, и только голова остается круглым мячом. Но на этот раз Изменяющийся продолжил работу и с ней. Он не пытался придать ей вид человеческого лица, просто под его пальцами глина принимала форму длинной узкой пасти, носа, остро-конечных ушей — головы койота, двойника той, что сидит на собственных плечах Изменяющегося. А потом самыми кончиками пальцев он стал слегка изменять облик зверя. И все равно результат намного ближе к морде животного, чем к человеческому лицу. По всей видимости, именно этого результата и желал Изменяющийся.

И только теперь, впервые за много часов, он посмотрел прямо на Кори, ухмыляясь, обнажая зубы.

— Как тебе мой человек? — пролаял он.

— Это не человек, — уверенно ответил Кори.

— Нет, — возразил Изменяющийся, — это новый человек: человек, созданный на благо Народа. И на благо Изменяющегося, — он снова рассмеялся, хотя его смех больше походил на завывание.

— Да, — продолжал он, — это тот человек, в котором нуждается Народ: для нас это будет раб, а не хозяин. Они, — маг презрительно коснулся свисающих рук из грязи, — послужат Народу так, как иногда не могут и лапы. Они, — теперь он похлопал фигуру по широким плечам из грязи, после чего, наклонившись, провел кончиком пальца по глиняным ногам, — будут таскать грузы, бегать по нашей команде. Человек, которого сотворил Изменяющийся из земли, затвердеет, и это случится очень скоро благодаря костру, и тогда он будет готов к жизни, — говоря это, он обернулся и посмотрел на Кори злобными, узкими глазами, — жизни, которую ему дашь ты!

Кори закричал; ему казалось, что он завопил. И в эту же секунду ему ответил из темноты, из неба... какой-то пронзительный крик, от которого задрожала даже земля.

ИЗМЕНЯЮЩЕМУСЯ ВРОШЕН ВЫЗОВ

И снова небо разорвалось широкими фиолетовыми вспышками молний, задул холодный ветер. Пригнувшись, рыча, Изменяющийся повернулся лицом к темноте за костром.

Там что-то двигалось. Кори не мог четко разглядеть, что именно: тучи так сгустились, что кругом воцарился ночной мрак. Однако ему показалось, что взмахнули громадные крылья, и какая-то голова, таких же огромных размеров, что и его собственное тело, изогнулась, чтобы горящие глаза смогли посмотреть на эти крылья. Мальчику захотелось броситься на землю, зарыться в песок, словно он Желтая Ракушка, ныряющая в речную воду.

Вороны закричали, но они не поднялись в воздух, а съжились, прижавшись к земле, словно ища укрытие там, где его не было. Но Изменяющийся уже стоял, выпрямившись, повернувшись спиной к костру и своему человеку из грязи, лицом к трепыханию крыльев в ночи.

— Слушай меня, — заговорил он, словно обращаясь к Кори, перекрывая шум, создаваемый воронами, и грохот грома, чтобы его могли услышать. — Я — Тот-Кто-Творит, и это мой дар. Ты не можешь отрицать это, ибо это мое!

Он говорил так, будто очень хорошо знал, кто или что находилось там, в темноте, и уверен, что может без всякой опасности для себя стоять лицом к нему.

Кто... или что... Это же тот призрак, который возник вслед за Белым Орлом в видении Желтой Ракушки... это Гром-птица!

Для Кори — память Желтой Ракушки воссоздала остальное — это Гром-птица, чье присутствие проявляется в буре, ветре, молнии, ударах грома, дуновении ветра. Гром-птица разговаривает только с одним-единственным существом — Великим Духом.

— Я — Тот-Кто-Творит, кто изменяет, — повторил Изменяющийся, по-прежнему уверенный в себе, хотя гнев его теперь утих. — Это мой дар, и я использую его против любых духов, все равно, великих или незначительных!

Вороны вдруг все вместе резко закаркали. А потом, вместо того, чтобы взлететь, бросились врассыпную из круга света, прячась под сенью дерева, лежащего на склоне. Если бы они могли зарыться в песок, подумал Кори, наблюдая за их бегством, они бы тут же сделали это.

И тут начали махать крылья, такие огромные, что можно было ощущать дрожь воздуха, затем вспыхнула новая молния. Но пока дождя не было.

— Старший Брат, послушай. Мы не в ссоре, ни копыя, ни когти, ни клыки сейчас не обнажены, чтобы проложить алую дорогу между нами. Ты приводишь в сражение штормовые облака, используя свой дар. А я делаю лишь то, что дано мне, я творю и изменяю, творю и изменяю. И теперь у меня есть творение, которое послужит Народу, которое не будет говорить: «Делай это, делай то!», «Давай, становись моей едой и корми меня», «Давай, становись моей одеждой и согревай меня»; если я не вдохну жизнь в это творение, то появится другое, похожее на него, но другой формы, и тогда оно принесет беду Народу, и все величие Народа уйдет. Он будет становиться все меньше и меньше, и последние остатки его исчезнут с матушки-Земли, чтобы никогда больше не появиться. Я, Изменяющийся, предсказываю появление этого создания, которое принесет беду. И потому что я — Изменяющийся, на меня возложена задача сделать так, чтобы этого не случилось.

— Время еще не подошло, фигура не та, что нужна. И не тебе, Младший Брат, создавать то, что есть великое-превеликое, что может создать лишь ТОТ, КТО СВЫШЕ, — слова эти громыхнули из темноты вместе с раскатом грома, словно заклинание, произносимое под бой барабана.

— Я — Изменяющийся, Старший Брат. Таков дар, данный мне в Первые Дни, таким он остается всегда. Такой дар, однажды данный, нельзя забрать. Таково Право и Закон.

— Таково Право и Закон, — согласился голос из темноты. — Но кроме того, именно по Праву и Закону тебе может быть брошен вызов, разве не так?

Изменяющийся рассмеялся резким, пронзительным хохотом.

— Это верно, Старший Брат. Но кто может сделать это? Ибо у меня одного среди земных духов есть дар творить. Ты, Старший Брат, можешь управлять ветром, облаками, молниями, громом, дождем, холодным снегом. Но можешь ли ты сотворить что-нибудь?

— Да, этот дар только у тебя — на Земле, — снова согласился призрак.

— Именно на земле мы сейчас и стоим, Старший Брат. Поэтому я заявляю, что это будет сделано — что я создам человека, который станет слугой для Народа. И ты не нашьлешь на меня снова бурю, чтобы остановить меня: сказанное, это становится моим правом.

— Это становится твоим правом, — снова эхом отозвался могучий голос. — И все же тебе может быть брошен вызов...

— Но не потому, что я сотворил это существо, — быстро перебил его Изменяющий.

— Значит, по другой причине, — ответил Гром-птица. — Ибо таково послание, которое я принес: тебе будет брошен вызов, и если ты проиграешь, своими собственными руками уничтожишь это созданное тобою существо, позабудешь об этом и больше никогда снова не станешь создавать ничего, подобного ему. И отправишься туда, куда тебя направит воля и желание бросившего тебе вызов.

— А если я возьму верх? — В Изменяющемся чувствовалась такая уверенность, что он, казалось, стал выше, больше, чтобы дотянуться до призрачного великана, присутствие которого Кори больше ощущал, чем видел.

— Если ты победишь, тогда будет так, как ты сказал. Хотя твоё создание — ошибка, но все же оно сможет жить и все свершится по твоему желанию: оно станет слугой Народа и ничем иным.

— Так тому и быть! Меня радует, что мы открыли карты. Но поскольку мне брошен вызов, я подчеркиваю, что это испытание будет проведено на матушке-Земле: я — её сын, а

не тот, кто повелевает воздухом, ветром и водой, и это мое право.

— Так тому и быть, — согласился в свою очередь Гром-Птица. — Ты имеешь право выбора, чтобы сражаться на земле. Но теперь уже я говорю, что...

В темноте ночи что-то прошелестело, словно могучие крылья расправились, и Кори почувствовал, что этот пламенный взор направлен теперь не только на Изменяющегося и создание из грязи, но также и на него. И в эту же секунду он догадался, что вскоре ему представится долгожданный шанс и он должен быть готов воспользоваться им. Те узы, которые Изменяющийся наложил на него, все еще частично удерживали мальчика, но что будет, если Изменяющегося целиком поглотит схватка, если ему придется использовать во время борьбы всю свою силу? Тогда Кори сможет освободиться. Он смотрел на магическую сумку, по-прежнему лежащую рядом с костром, прямо на свету. Гром-птица долгое время молчал, как бы мысленно рассматривая несколько различных возможностей бросить вызов. Наконец он проговорил:

— На земле, и все же при этом в каком-то смысле будет задействовано и мое небо. Посмотри на север, Младший Брат. Что ты видишь?

Ослепительная вспышка молнии разорвала темноту ночи и осталась светить, не исчезая; таких молний Кори никогда прежде не видел. И на ее фоне чернели очертания горы, не такой широкой, но более высокой, чем гора, где располагаются твердыня орлов.

— Я вижу землю в форме наконечника копья, нацеленного в небо, — ответил Изменяющийся. — Об этом творении магии следует поразмыслить, Старший Брат, возможно, оно не принесет тебе добра.

— Кусок земли, — ответил Гром-птица. — Как ты и просил, Младший Брат. Вот это и есть вызов тебе — он действительно не мой, но Того-Кто-Свыше, кто говорит через меня, — ты возьмешь это земное копье и, не меняя его формы, положишь на землю так, чтобы больше оно не было нацеле-

но острием в небо, а прямо в эту пустынную местность, на этот костер, где ты упорно трудился, пытаясь вдохнуть в свое творение жизнь.

Молния по-прежнему сияла за горой, ясно освещая ее.

И Изменяющийся глядел на нее жестким взглядом, не показывая, что считает это задание невыполнимым.

— Оно на земле, — сказал он, — и поэтому должно повиноваться мне.

И Кори его тон показался таким же уверенным, как всегда.

Стоя лицом к горе, Изменяющийся издал несколько резких завываний, словно огромный земляной и каменистый холм был живым существом, только уснувшим, и теперь должен от этих его действий пробудиться и слушать его приказы. Потом ноги мага затопали на месте, все сильнее и сильнее, он изо всех сил топал койотовыми лапами.

Топ, топ, правой лапой, левой...

Кори ногами ощутил ответную дрожь земли, словно сила его топания устремлялась под поверхность.

Топ, топ... вот уже лапы выбили ямки в земле в том месте, куда Изменяющийся прикладывал всю силу. В то же время он начал напевать заклинание, протянув руки к вершине горы; свет больше нельзя было принимать за разряды молний: он оставался неменяющимся и ясным.

И протянув так руки к горе, Изменяющийся сделал несколько движений, словно собирался что-то забросить на эту вершину, хотя в руках у него не было ничего, что мог бы увидеть Кори.

Топ, бросок, топ, бросок. Кори наблюдал за происходящим, но на вершине ничего не происходило. И мальчик спросил себя, существует ли какое-либо ограничение по времени, наложенное на это состязание.

С огромным усилием воли он отвел взгляд от Изменяющегося и посмотрел туда, где лежал магический амулет. Потом снова попробовал свою силу против заклинания Изменяющегося, которое удерживало его на месте. Кисти задвигались, повинувшись его воле, потом начали повиновать-

ся руки, затекшие и ноющие от боли, словно Кори слишком долго пролежал, скорчившись, в одном положении. Мальчик пытался не дрожать, чтобы Изменяющийся не обратил на него внимания. Однако голова койота оставалась неподвижной, повернутой лицом к горе.

Бросив взгляд вверх, Кори увидел, что броски прекратились, Изменяющийся теперь широко отвел правую руку в призывном жесте. Может быть, он ожидал, что в результате этого сигнала та далекая груда земли сама обретет ноги или крылья и упадет, повинувшись его жесту.

Если он и ожидал этого, то был обречен на разочарование. Впрочем, Кори бросил только короткий взгляд на действия Изменяющегося. Мальчик с трудом двигался, едва ли больше, чем на несколько дюймов за шаг, прочь от того места, где так долго простоял, привязанный невидимыми узами. И вот уже глиняная фигура находится между ним и магом, и ему осталось лишь несколько футов, чтобы обойти костер и протянуть руку к сумке с амулетом. Так много зависит от того, позабыл ли Изменяющийся о нем или ему сейчас потребуется эта сумка для магических заклинаний. Кори мог только попытаться: он считал, что второго шанса у него уже не будет.

Мальчик чуть наклонился и разогнул затекшие колени, потом выпрямился, оставаясь на месте: ему показалось, что голова с торчащими ушами вот-вот повернется. Вороны перестали каркать, словно боясь, что отвлекают внимание своего хозяина во время великого испытания его дара. Но они со своего места следили за тем, что происходит, и могли выдать Кори.

Впал ли маг вновь в состояние транса? Ответила ли сила на его зов, как в первый раз, когда буря помешала ему, уничтожив как костер, так и самого человека, который затвердевал в нем? Но почему-то Кори не сомневался — хотя и сам не мог понять, откуда он знает это, — что его на самом деле вовсе не должно беспокоить это топанье, а заботить его должно только то, что может произойти, когда Изменяющийся попытается вдохнуть жизнь в фигуру из грязи.

Поэтому Кори продолжил путь к цели — сумке с амулетом. Когда тот попадет в руки мальчика, сможет ли он разбить чары Изменяющегося... и вернуть себя в свой родной мир и время?

Изменяющийся по-прежнему напевал заклинание, маня к себе гору. А потом откуда-то издалека раздался треск, который перешел в настоящий рев, и Кори, вздрогнув, оглянулся. Там, где раньше находилась гора, четко видимая в свете, который вызвал Гром-птица, теперь сверкала красная колонна огня. Вулкан?

И этот огонь устремлялся в небо, словно какой-то фонтан. И как разбрызгиваются в разные стороны струи фонтана, так сейчас разлетелся сноп гигантских искр, вместе со сверкающими ручьями огня, прокладывающими каналы в земле на склонах горы. Ее вершина была полностью уничтожена. Когда склоны начали плавиться, над нею собрались тучи, темные и тяжелые. И из них хлынули потоки дождя, от чего вверх устремился пар. И Кори почувствовал, хотя и был далеко от той горы, как земля трясется и ходит ходуном, движется, словно под ее поверхностью произошел какой-то взрыв огромной силы.

Кори бросился вперед, вытянув руки, а горевшие ветки костра, который зажег Изменяющийся, с треском разбросало в разные стороны. Даже Изменяющегося бросило вниз, на четвереньки, и теперь он больше походил на животное, чем на человека. Он рычал на пылающий кусочек древесины, который опалил верхнюю часть его руки.

Его творение раскачивалось взад-вперед, хотя так и не упало. И Изменяющийся, увидев, что ему угрожает опасность, сделал внезапный прыжок, чтобы остановить раскачивание, оторваться от продолжавшей трястись земли.

В районе горы языки пламени уносились вверх в небо, словно горела не одна, а несколько вершин, или словно земля сама, как и скалы, могла гореть с такой же легкостью, как высушенное дерево. Но дождь, постоянно хлеставший с неба вниз на этот огонь, метр за метром тушил его. И хотя они на-

ходились в нескольких милях от того места, они хорошо могли слышать звуки этой могучей схватки огня и воды.

Когда Кори оперся о землю, чтобы потверже стоять на ногах, под рукой у него оказался какой-то гладкий предмет. Сумка с амулетом! Но куда ему идти... что ему делать с ней? Мальчик не сомневался, что Изменяющийся без труда отнимет сумку у него, если он останется поблизости.

Быстрый взгляд сообщил ему, что Изменяющийся по-прежнему занят спасением глиняной фигуры от разрушения. Победил он в состязании или нет, Кори не знал. Изменяющийся сделал гору ниже, но не так, как указывал Гром-птица — он не смог передвинуть вершину, не разрушая, и нацелить в сторону пустыни. И буря, которую вызвал Гром-птица, положила конец огню.

Кори крепко прижал амулет-связку к груди. А потом поднялся на ноги и побежал — без какой-либо цели, просто куда-нибудь в пустыню, к краю водоема, где находился каменный лес. Если вороны и издали предупреждающий крик, то он его не слышал: рев на земле и на небе заполнял всю ночь.

Задышавшись, он добрался до гребня провала, остановившись там на несколько секунд, чтобы оглянуться назад. В свете костра мальчик увидел небольшое кожаное укрытие Изменяющегося. С этой точки Кори не мог видеть призрачную фигуру Гром-птицы — только человекозверя, прислонявшего свое творение к одному из окаменевших деревьев. А вокруг и над ними летали, кружась, вороны. И увидев их, Кори снова побежал.

Когда он только схватил сумку с амулетом, она показалась очень легкой, словно в ней лежали одни лишь перья. Но во время бега она становилась все тяжелее и тяжелее, ее вес все больше тянул его к земле. И он бежал так, словно на ногах у него гремели цепи; бег перешел на трусцу, а потом в ходьбу. Теперь он находился в темноте, хотя сзади сияние расплавленной горы напоминало свет восходящего солнца — только это солнце поднималось не на востоке, а на севере. И это

сияние бросало тень перед ним — тень эта беспрестанно изменялась.

Когда он покидал ту лошину, она была тенью мальчика. Сейчас же у нее скрючилась спина, и она стала плотнее... Кори взглянул на свое тело. И снова увидел мех, перепончатые задние лапы, передние лапы с когтями, а позади — чешуйчатый хвост, волочащийся по земле. Теперь он двигался со скоростью едва волочащего ноги бобра. Он снова стал Желтой Ракушкой!

Сердце едва не выпрыгнуло из груди Кори. Он был уверен, что навсегда вернулся в свое тело, если и не в свой родной мир... однако теперь... Да, теперь у него есть сумка с магическим амулетом, но он снова потерял себя. И в неуклюжем теле бобра, в этом месте, где ничего не растет, у него совсем немного шансов скрыться — это земля койотов, и он не сомневался, что Изменяющийся имеет здесь преимущество.

И все же он продолжал идти вперед, волоча ноги, крепко прижимая одной лапой к груди тяжелую сумку, в то время как сам как можно быстрее передвигался на остальных трех конечностях. Вода... только бы добраться до воды! Но вокруг лишь пустыня. И никакой воды.

Если бы только буря дала немного ее этой земле, хотя бы на короткое время до того, как песок поглотит ее!

Обоняние Желтой Ракушки искало воду, он приподнял нос, откидывал далеко назад голову на мясистых плечах. И уловил запах — на юго-востоке. Нисколько не колеблясь, он повернулся, чтобы направиться на поиски воды.

Он брел со скоростью, какую только может развить тело бобра. И сумка стала еще тяжелее, она все больше и больше своей тяжестью замедляла его движение. Однако он не опускал ее на землю, чтобы хоть немного передохнуть: у него появилось чувство, что если он выпустит ее из лапы, то не сможет снова поднять.

Фальшивое солнце сверкающей горы теперь гасло. Наверное, буря, призванная Гром-птицей, чтобы погасить пламя, побеждала. Поэтому становилось все темнее. И вот он

уже в мире песчаных дюн. Желтая Ракушка даже и не пробовал карабкаться по ним с тяжелой сумкой. Перед глазами у него стояла картина: он тонет в оползне на этой предательской поверхности. Поэтому ему приходилось сворачивать в сторону и, изворачиваясь, ползти по самым низким местам. Мальчиком он не сумел бы найти дорогу и безнадежно затерялся бы. Но он был Желтой Ракушкой, и запах воды служил ему проводником.

Над головой раздалось карканье. Ему не нужно было поднимать голову, чтобы понять, что, наверное, его заметила одна из ворон; если даже он скрылся на некоторое время от Изменяющегося, теперь его снова выследили. И совсем скоро человекозверь направится за ним, Желтая Ракушка не сомневался в этом. Единственная надежда ускользнуть от мага основана на том, что запах воды теперь сильнее, а что дюны, среди которых он пробирается, все меньше и все дальше друг от друга.

Вот он обошел последнюю и оказался на полосе каменистой земли, где в небо возносились огромные скалы. Карканье над головой повторилось раз, другой. Появились другие вороны, собираясь в стаю. Он ожидал, что птицы набросятся на него, чтобы заставить бобра бросить сумку, которая сейчас так отягощала его, будто передние лапы держали огромный камень. Но птицы лишь кружили в небе и звали хозяина.

Из последних сил Желтая Ракушка потопал по этой каменистой земле и вышел к предмету своих исканий, трещине в земле, в которой бежит серебристая вода. Хоть и не настоящая река, все же это поток, который вьется среди кустов шалфея и давно высохших остатков предыдущих бурь, так что слепо броситься в воду, да еще с тяжелой сумкой, было бы опасным делом. Но не настолько опасным, подумал бобр, как оставаться на земле, где он такой неуклюжий и двигается столь медленно.

Не останавливаясь, чтобы подумать или оглянуться назад, Желтая Ракушка нырнул, и сумка тянула его вниз и вниз, как будто стараясь утянуть его на самое дно трещины и якорем

удерживать его там, пока он не задохнется в потоках этой воды или не будет задушен плавающей в ней растительностью.

И все же Желтая Ракушка не отпускал свой украденный трофей, плывя по течению, отдавая все силы, что еще оставались у него, таща сумку с собой. Она ударялась о камни на дне, цеплялась о плети водорослей, и бобр сражался с ней, словно она была каким-то живым врагом, решившим покончить с ним. Но ни разу он не ослабил когти, чтобы не выпустить ее.

А потом он неожиданно попал в водоворот. Сумка выскользнула, уносясь прочь. Бобр попытался вернуть ее себе, и для этого ему пришлось поползти, выбравшись наполовину из воды. И в тот же миг он услышал звук, от которого замер на месте.

Вой койота прозвучал так громко и резко, что казалось, горячее дыхание этого охотника способно высушить мех, вставший торчком на спине бобра. Оскалив острые зубы, Желтая Ракушка повернулся в грязи, вытаскивая сумку из-под тела, и решительность Кори усиливала упрямое желание животного предстать перед лицом врага.

Поперек течения стоял Изменяющийся. Он вновь изменился. В огромном желто-белом звере, который стоял там, не осталось ничего человеческого. Он стал зверем; желтые глаза, зубы, рычащая пасть обещали только смерть.

Желтая Ракушка зарычал в ответ. Его передние лапы крепко сжимали сумку с магическим амулетом, и он опустил голову, касаясь зубами его твердой поверхности, не скрывая своих намерений. Пусть только Изменяющийся двинется к нему, и он уничтожит то, что держит в лапах.

Койот следил за ним. Огонь на горе уже погас, но теперь первые лучи восходящего солнца озаряли светом небо. И снова в сознании Желтой Ракушки появилось смутное и призрачное видение Ворона, за которым находился Белый Орел, а еще дальше — Гром-птица. И каким-то образом от них к нему пришла новая информация.

Держись... только продержись здесь и сейчас, пока солнце еще не встало. А потом пусть солнечные лучи коснутся

этой сумки, и тогда с даром Изменяющегося будет покончено: он очень много своей силы израсходовал сегодня, слишком много, посылая ее к горе, которая не ответила на его зов и была лишь частично уничтожена. И еще много сил он растратил в сражении, но он попытается снова... если только его амулет не будет уничтожен.

Уже зная об этом, Кори—Желтая Ракушка нагнулся к сумке, укрывая ее своим телом. И успел вовремя: если до этого вороны не нападали на него, то теперь они отказались от этой тактики и ринулись к нему, ударяя крепкими клювами по голове, глазам; удары были болезненные, хотя густой мех служил некоторой защитой. Отбиваясь хвостом, Желтая Ракушка оставался на том же месте, прикрывая своим телом сумку.

Вместе с нападением птиц началась и другая атака, только нацеленная не на тело, а на сознание. С ним сражалась могучая воля, пытаясь заставить его отдать то, что он украл. Сначала это было обещание того, чего он хочет больше всего, — собственного тела и возвращения в родной мир. Однако Кори—Желтая Ракушка не сдавался. И тогда ему стали угрожать: он никогда больше не будет Кори, никогда не вернется в тот мир, а вороны бросались вниз и клевали его, пока не потекла кровь из бесчисленных мелких ранок на голове и плечах.

И вот уже первый красный луч коснулся неба, и оно прояснялось все больше и больше, а койот рыскал вверх и вниз по берегу быстро пересыхающего ручья, а вороны с ненавистью и яростью каркали над головой мальчика. Почему Изменяющийся не набросился на него сам, Кори не понимал. Кажется, река создала преграду, которую тот не мог преодолеть. Но вода быстро пересыхает, и когда она...

Словно шло состязание между восходящим солнцем и убывающей водой. Если вода исчезнет первой, у Желтой Ракушки не останется ни единой надежды. Однако бобр пригнулся к земле и терпеливо ждал.

Солнце... первый луч коснулся земли. Желтая Ракушка закричал, когда одна из ворон злобно ударила его в глаз. Он

не стал колебаться и, не пытаясь больше защитить себя, использовал все оставшиеся силы, чтобы поднять амулет и подставить под слабый луч, который становился все сильнее и сильнее.

И как луч солнца зажигает костер, от амулета начал подниматься дым, клубами уносясь в стороны...

Кори кашлянул, потом еще раз, и, шатаясь, отступил на несколько шагов. Он стоял на двух ногах, он снова мальчик. И в руках у него амулет... но амулет ли это? Предмет, который он держит, раскрошился, словно высохшая глина, просачиваясь сквозь пальцы, как песок. И вот уже остались только частички пепельного цвета пыли. Дым рассеялся, и мальчик огляделся, будто только что очнулся от сна.

Сон... сновидение... Он снова в лагере! И рядом джип, загон, лошадь и... Черный Лось.

Старик-индеец сидел с одеялом, наброшенным, несмотря на жару, на плечи. И уже не рассвет, а конец дня.

— Что... случилось? — вопрос Кори прозвучал тихо, испуганно, и мальчик устыдился этого вопроса.

— Мир перевернулся, — ответил Черный Лось.

— Изменяющийся...

— Он был. — Черный Лось секунду смотрел прямо на Кори. Промелькнул или нет (на мгновение Кори почувствовал прежний холодок страха) желтый блеск в этих глазах? Если он показался лишь для того, чтобы напомнить о самом Изменяющемся, то исчез уже через миг.

— Он был, он будет, — проговорил Черный Лось. — Магические предметы, они не для белых людей.

— Да, — охотно согласился Кори. Он энергично вытер руки о джинсы, пытаясь очистить их от прицепившейся к ним пыли, которая осталась от рассыпавшейся сумки.

— Мир снова перевернулся, — продолжал Черный Лось. — Наступает время...

— Это сон. — Кори попятился от костра и старика-индейца. — Просто сон.

— Сны временами показывают истину, — возразил Черный Лось. — Индейцы узнают из снов... белые люди смеются, но индейцы знают. Ты теперь не смеешься, мне кажется.

— Нет, — согласился Кори. Он, разумеется, не чувствовал ничего похожего на веселье. Мальчик бросил взгляд на безопасный символ своего привычного мира — джип. Но теперь почему-то ему не нужен такой символ. Лошадь заржала, и Черный Лось снова заговорил:

— Лошадь хочет пить. Возьми ее... спустись к реке... Давай!

Кори пошел без колебаний, подчиняясь приказу. Он, не вздрогнув, положил руку на изгиб шеи лошади аппалусской породы, и та дунула на него, затем фыркнула. Кори почувствовал легкость и свободу и понял, что в нем больше нет тяжелого груза страха. Нет... ему не нужен джип в качестве островка безопасности в мире, таком странном, темном и полным опасностей, теперь он больше походит на открытую дверь, которая позволяет изучать людей. Мальчик вывел лошадь из загона. Когда он проходил мимо Черного Лося, глаза старика-индейца были закрыты, словно тот спал.

Река там, где Кори видел бизона и танцора в маске. Может, они тоже были частью сна, мира, который еще не перевернулся. Он не знал этого, но с каждым сделанным шагом все больше понимал, что то, что он узнал, будучи Желтой Ракушкой, теперь стало частью Кори Олдера, частью, которая никогда-не-будет-забыта.

Что, если Изменяющийся (он на мгновение увидел мысленно его — и Ворона, и Орла, и ту смутную фигуру, которая была Гром-птицей), что, если Изменяющийся на самом деле воссоздал его? И превратил не в бобра, а в кого-то более сильного?

Лошадь подняла морду от воды. Почти не задумываясь, Кори направил ее к стволу упавшего дерева и с него, хоть и несколько неуклюже, забрался в седло. Поднял сплетенную кожаную индейскую уздечку и, потянув за нее, с растущей уверенностью повернул голову коня.

Мальчик поднимался вверх по склону, и его гордость росла. И тут он внезапно услышал топот копыт и увидел нескольких жеребят, а за ними — запыленные фигуры трех всадников.

Магия мохнатых... он не может сказать, почему она коснулась его. Однако он спокойно сидел в седле Черного Лося, лицом к дядюшке Джасперу и к солнцу на западе, ощущая себя частицей нового, прекрасного мира.

**МАГИЯ
ДРАКОНА**

Роман

СПРЯТАННАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ

Сиг Дортмунд пнул грудку листьев в канаве, наблюдая за толпой, собравшейся на школьной автобусной остановке. Взрослые вперемешку с детьми. Среди них и несколько мальчишек его возраста. Ага, их только трое. Автобус отсюда отправляется по сдвоенному маршруту — и в начальную школу, и в среднюю — так что придется уезжать рано утром, а возвращаться домой, когда уже слишком поздно выходить на улицу. Да, ему предстоит просто чудесный год! И мальчик еще сильнее пнул кучу листьев.

Он попытался искоса рассмотреть трех сверстников, чтобы те не заметили, что он разглядывает их. Так, он узнал того, что поменьше. Он в прошлом году ходил с ним на уроки по общественным наукам. Как же его имя? Арти... Арти Джоунс. А не стоит ли поздороваться: «Эй, привет, Арти»?

Арти Джоунс прикусил нижнюю губу. Что за толкотня! Вся эта малышня только и может, что толкаться и вопить. Любой оглохнет, прежде чем закончит начальную школу. И только подумайте, с кем ему придется сидеть рядом! Вон тот высокий паренек — он видел его в последнюю четверть, но тогда он, несомненно, не был таким высоким. Или взять того китайца у стены. Мама все знает о нем. Она рассказывала о его семье вчера за ужином. О том, как мистер Стивенс был во Вьетнаме и попал в Гонконг. Там он случайно натолкнулся на этого Кима в приюте для сирот и решил усыновить его. Стивенсам пришлось долго ждать, пока его не от-

дали им, и они вынуждены были даже привлечь к этому делу губернатора. Но на вид нельзя сказать, чтобы он стоил всех этих хлопот. Правда, говорят, в школе он отличник. Конечно, Стивенсы будут хвастаться им после всех этих хлопот, когда они забирали его. Ничего себе — ему, любителю по-развлечься, ехать с таким!

* * *

Ким Стивенс крепко сжимал свой портфель. Вокруг только шум и суматоха! Он сыт по горло этим шумом, его всегда, с тех пор, как помнит себя, окружали толпы людей. Гонконг настолько переполнен людьми, что там живут чуть ли на головах друг у друга. А здесь все по-другому. То был его народ, и он знал, на кого похож. Но последний год, проведенный здесь, был совсем другим. Отец отправил его в школу. Да, сначала он чувствовал себя странно, но позднее познакомился с Джеймсом Фонгом и Сэмом Льюисом. Он бросил взгляд на высокого темного мальчика, прислонившегося к стене старого дома. Тот вел себя так, словно вокруг него никого не было, даже не замечая учеников второго класса, почти наступавших ему на ноги.

Рэс не прислушивался к шуму. Он должен сосредоточиться, как учил Чака: помнить и делать все правильно. Когда спрашивают, как его зовут, он больше не отвечает: «Джордж Браун», а просто: «Рэс». Подобно своему брату, который теперь зовет себя Чака, а не Ллойд, взяв имя в честь короля племени зулусов из Африки и отвергнув имя белого человека, данное ему в былые дни. Рэс означает «принц». Чака позволил ему самому выбрать это имя из предложенного списка. У Чаки были на то основания: у него волосы африканца и все такое.

Па и ма этого не понимают. Они придерживаются старых взглядов, что все должно быть так, как этого хотят белые, и

следует держать рот на замке. Чака же живет сегодняшним днем. И Рэс не собирается позволять кому бы то ни было делать ему выговор за то, как он себя ведет. Так учит его Чака.

К углу стены прибило еще листьев, и Сиг прошелся по ним, специально вороша. Сзади располагался старый дом, который собирались вскоре снести. Ему хотелось сходить туда и взглянуть, это все-таки лучше, чем слоняться без дела в окружении ребят, которые даже не посмотрят на тебя, обречая на одиночество на весь день. Но тут подошел автобус.

* * *

День, который начался безрадостно, ничего хорошего не принес и потом — иногда такое случается. В четыре часа Рэс снова развалился на сиденье в автобусе, возвращаясь домой. Создатель проблем, так? Он слышал болтовню старого Кифера. Но во всяком случае тот ни с кем не трепался, кроме Рэса. И не его вина, что об этом заговорил Бен Крейн. Бен... Тот, кого Чака, передразнивая белых, называет «Дядей Томом». Возможно, Чаке удастся забрать Рэса из этой чертовой школы туда, где учатся африканцы. Никто не поехал рядом с ним. Он хмуро уставился на сиденье перед собой.

Ким сидел неподвижно, положив портфель на колени. Почему этот мальчик не захотел говорить учителю свое имя? И что это за имя такое — Рэс? Он просто ничего так и не понял в этой новой школе. Она слишком большая, и тебя все время подгоняют. Голова у него разболелась. Он не принадлежит этому миру. Отважится ли он сказать это папе, чтобы тот отправил его обратно?

Арти шаркал ногами по полу автобуса. Он как следует использовал сегодня глаза и уши, это точно. Грег Росс — заводила их класса, футболист, и он принял деятельное участие в выборах в школьный совет, об этом говорил классный учитель. Нужно только попасть в команду Грега — и тогда не будет никаких проблем. Плохо, что он невысок ростом и легко-

ват для футбола. Но он каким-нибудь образом еще покажет себя Грегу. Нужно приложить все усилия, чтобы сделать это и оказаться в его окружении: вне его — ты никто.

Сиг, сидевший рядом с Арти, вдруг спросил себя, о чем он сейчас думает. А думал он о трех парнях, что живут по соседству. Конечно, Арти не очень-то приветлив, но вряд ли бы он мог сказать что-либо большее и о тех двоих. Школа-то очень большая. Можно заблудиться. Арти на уроках социологии и математики стремился сесть поближе к Грегу Россу, словно хотел, чтобы Росс его заметил. А этот Рэс... умалчивает о своем настоящем имени. Да, веди себя как чужак, и тогда уж точно у тебя возникнут настоящие проблемы.

А другой паренек... откуда у него такая фамилия — Стивенс? Он же китаец или откуда-то из тех краев. На двух уроках он просидел, словно набрал в рот воды. Ведет себя так, будто боится собственной тени. И, конечно, станет обузой всем, если весь год будет избегать своих ровесников.

Когда автобус завернул за угол, чтобы высадить их на остановке, Сиг заметил кое-какие изменения. Ворота, окружавшие старый дом, исчезли, кустарники внутри были сломаны, словно по ним проехался грузовик. Он слышал, что этот дом собираются снести и сделать на его месте автостоянку.

Сиг пропустил первую группу детворы, гурьбой вывалившуюся на улицу. Ему казалось, что в доме водятся привидения. Мальчик помнил, что там долгое время жил какой-то старик. Он не продал дом, даже когда ему предложили кучу денег. Тоже какой-то чужак, как сказал отец: жил в других странах и выкапывал из земли древние кости и вещи, которые остались от людей, канувших в вечность.

В прошлом году, когда их класс, еще в той, другой школе, ходил на экскурсию в музей, мисс Коллинз показывала им экспонаты в египетском и китайском залах, которые этот старик подарил городу. И когда он умер, ему была посвящена в газете большая статья. Мама прочитала ее вслух. Ее статья заинтересовала, потому что она знала миссис Чандлер, которая одно время убирала в том доме. Однако некоторые

комнаты старик держал запертыми, и уборщица так ни разу и не увидела, что там находится.

Что же там было? Может быть, драгоценности... вещи, которые старик нашел в древних гробницах или в подобных местах? Что же случилось с ними после его смерти? Неужели их все забрали в музей?

Сиг, переминаясь с одной ноги на другую, постоял у внутренней стороны стены на въезде во двор. Ему бы не хотелось приходить сюда после наступления темноты. Но как насчет тех запертых комнат? Что, если они все еще закрыты и все забыли о них? Что, если удастся проникнуть внутрь и действительно обнаружить...

По спине Сига пробежали мурашки. Ведь можно найти клад драгоценностей! А тогда можно будет купить велосипед или настоящий бейсбольный мяч и биты... Список вещей, которые он мечтает когда-нибудь приобрести, внушительен. И если у него появится хоть что-нибудь из этого списка, то можно держать пари: ребята заметят его даже в такой огромной школе, как школа Энтони Вейна! Найти драгоценности!

Вот только это огромное темное место... Сигу не хотелось бродить там одному. Темнота теперь наступает быстро, а они возвращаются домой из школы слишком поздно. Ему нужен еще кто-нибудь, кто пошел бы с ним, однако никаких кандидатур, кроме Арти, на ум не приходило. Что, если попросить об этом соседа по улице? Рассказать о запертых комнатах и драгоценностях? Это может его встряхнуть, пробудить от спячки, заставить осознать, что в мире есть и другие люди, кроме Грега Росса. И Арти действительно прислушается к Сигу, если у него будет что сказать. Просто надо дождаться завтрашнего утра!

Однако на следующий день Сиг обнаружил, что остаться с Арти один на один хоть ненадолго — дело непростое. Сначала Арти опоздал на автобусную остановку, появившись перед самым приходом автобуса, и поэтому занял место спереди. И вышел из автобуса и покинул остановку раньше, чем

Сиг мог бы догнать его. Но в классной комнате Сиг схватил его за руку.

— Послушай, — поспешил он заинтересовать Арти, потянув его за руку, когда тот смотрел мимо него, туда, где находились Росс и его приятели, — послушай, Арти, мне нужно сказать тебе что-то важное...

Тут Росс встал, чтобы поговорить с мистером Эвансом, и Арти, расслабившись, посмотрел на Сига, словно только что заметил его.

— Что? — в его голосе звучало нетерпение.

— Ты знаешь тот большой старый дом, ну, тот, что собираются снести, на углу улицы!?

— Конечно. И что в этом такого?

Арти снова попытался посмотреть мимо Сига. Но тот твердо стоял перед невысоким мальчиком, пытаясь заинтересовать его.

— Моя мама знает одну женщину, она работала там. И утверждала, что старикан, которому принадлежал этот дом, запирает некоторые комнаты и не разрешал ей в них заглядывать. Помнишь, как в прошлом году мы ходили в музей и нам показывали древние вещицы, которые он подарил музею, — из гробниц, раскопанных в разных местах? Может быть, он отдал не все, что-то еще осталось в этих запертых комнатах. Драгоценности, Арти!

— Ты с ума сошел. Разве могут они там быть, сейчас, когда дом собираются снести? — Но Арти пристально взглянул на Сига и прислушался к его словам. — Тебе бы следовало знать это!

— Я спрашивал маму сегодня утром. И она сказала, что никто не побывал в доме после того, как старик умер. Адвокат сказал, что все вещи, что находятся там, следует передать в ведение муниципалитета и музея, но их еще не увезли оттуда. У миссис Чандлер есть ключи от дома, и никто не спрашивал их у нее. Поэтому, возможно, что-то еще там осталось.

— Если там все заперто, то как ты собираешься проникнуть внутрь?

Сиг ухмыльнулся.

— Есть способы. — Он не был до конца уверен, какие именно, но сейчас не стал говорить Арти об этом. Чем больше тот будет думать об этом, тем сильнее поверит, что там действительно есть драгоценности, которые дожидаются, когда их найдут. А в том, что их заберут они, не будет никакого вреда. У старого археолога не осталось никого из родни. И если все это должны передать музею...

— Когда ты собираешься заняться этим? — Арти теперь внимательно слушал Сига.

— Я взял фонарик. Лучше всего попытаться сегодня. Неизвестно, когда люди из муниципалитета придут за ними. Вчера снесли ворота, должно быть, уже все готово к сносу дома. У нас осталось немного времени.

— Ну хорошо, — согласился Арти как раз, когда зазвенел звонок. — После школы.

Арти торопливо пробежал к своей парте за Грегом Россом. Сиг вернулся на свое место, которое находилось дальше на ряд. Поворачиваясь, он наткнулся на взгляд Рэса. Он что, подслушал их? Сиг, насупив брови, уткнулся в учебник математики. Эти драгоценности с каждой минутой казались ему все более и более реальными. Если у этого Рэса возникла мысль примазаться к ним... что ж, Арти и он окажутся вдвоем против одного, поэтому ему лучше не пытаться что-нибудь сделать, для своего же блага!

Рэс уселся за парту. Драгоценности в старом доме? Чака всегда говорил, что им нужны деньги для Дела, много денег.

Что, если Рэс обнаружит эти драгоценности и отдаст их Чаке? Вот это будет помощь! Драгоценности в старом доме, и эти двое собираются туда сегодня вечером. Никто не может помешать Рэсу последовать за ними и посмотреть, что они станут делать и что обнаружат, абсолютно никто.

Сиг и Арти выскользнули из автобуса последними. Они сделали это специально и оставались у разлома в стене, где некогда были ворота, пока все остальные дети не ушли.

— Отлично, теперь идем, — в голосе Арти прозвучало нетерпение.

— Моя мама станет беспокоиться, почему я не дома, когда увидит, что все остальные ребята вернулись из школы.

Сиг колебался. Теперь, когда настала пора действовать по-настоящему, ему собственное предложение нравились уже меньше. Здесь растут высокие кусты, нависая над дорожкой, почти скрывая дом. Весь день было облачно, хотя дождь так и не пошел, и от всего этого двор казался очень темным.

— Ну, идем мы или нет? Или это чистая болтовня об этих драгоценностях? Ты что, боишься, а? — Арти, сделав несколько шагов по дорожке, обернулся к Сигу.

— Иду, иду, все отлично! — Сиг вытащил фонарик.

Въездная дорога привела их к боковой стороне дома и дальше, к задней его части, где располагалось еще несколько строений. Они выглядели так, словно все давным-давно обвалились. На одном даже не было крыши. Но сам дом оставался в хорошем состоянии, даже окна целы.

— Как мы проникнем в него? — нетерпеливо спросил Арти.

Сбоку нашлась дверь, оказавшаяся запертой. В задней части дома еще одна дверь, выходящая на маленькую веранду с сетчатыми окнами. Однако сетка была вся в пыли и в дырах. Сиг рванул один кусок, и тот легко оторвался. Дверь также оказалась запертой, зато там были два окна, по одному с каждой стороны.

— Держи! — Сиг бросил Арти фонарик, положил портфель на пол веранды и попытался открыть ближайшее окно. Ему не хотелось, чтобы Арти подумал, будто он боится: ведь он сам затеял это дело.

Сначала окно не поддавалось, но потом поддалось, правда, с таким трудом, что Арти пришлось помогать. Изнутри повеяло каким-то странным запахом. Сиг вдохнул и с от-

вращением сморщился. Но теперь они могут проникнуть внутрь, и это сейчас самое главное, что он и сказал Арти.

Они вскарабкались на наружный подоконник, и Сиг, включив фонарик, осветил им.

— Обычная кухня, — пробормотал Арти, увидев в луче света раковину, огромную плиту, совсем не похожую на те, что устанавливали в новых домах, и множество шкафов.

— Конечно, — ответил Сиг. — А на что, ты думал, это будет похоже? Это ведь веранда заднего входа, поэтому она и ведет на кухню.

Почему-то вид обыкновенной раковины и плиты заставили его почувствовать себя как дома.

Из кухни вели две двери. Арти открыл первую и увидел лестницу, уходившую куда-то вниз, в темноту. Он поторопился закрыть ее.

— Подвал!

— Ага. — Хоть Сиг и взбодрился, однако ему не хотелось исследовать подвал: он был уверен, что те комнаты, куда не позволялось заглядывать миссис Чандлер, находятся не там.

За следующей дверью оказалась комнатка намного меньших размеров, вся заставленная шкафами со стеклянными дверцами. На стеклах лежал толстый слой пыли. Сиг провел рукой, чтобы заглянуть внутрь, но не увидел ничего, кроме множества тарелок.

Дальше их ждала гостиная, побольше в размерах. Арти фыркнул.

— Конечно, здесь одна пыль. Ну да, это же большой дом. Только посмотри, какого размера вон тот стол. За ним могла бы в День благодарения усесться вся наша семья, все четырнадцать человек, считая бабушек и дедушек. Живя здесь, наверное, чувствуешь себя как-то странно в такой огромной комнате.

А Сиг уже зашел в следующую погруженную в полумрак комнату, где были опущены все занавеси. Это придавало комнате вид мрачной пещеры. В свете фонарика мальчики увидели столы, стулья, диван. На некоторых лежат листки бумаги и даже газеты. Из этой комнаты выходил коридор с

еще двумя дверями. Первая вела в комнату с большим столом и множеством полок, часть которых все еще занимали книги. Однако вторая дверь не поддавалась усилиям Сига, и он с волнением на лице обернулся к Арти.

— Заперта! Должно быть, это и есть одна из тех комнат, о которых говорила миссис Чандлер.

Арти в свою очередь схватил ручку и попытался открыть.

— Да, заперта. И каким же образом ты теперь собираешься открыть ее? Может, пропоешь что-нибудь, как в тех сказках, которые я читал своей младшей сестре по ночам? — Арти сделал шаг назад и вскинул вверх руки, словно собирался сотворить какой-то магический жест, а затем продекламировал глубоким басом: — Сезам, откройся!

— погоди, да погоди ты! — Сиг не мог потерпеть поражение сейчас, ну просто не мог, когда рядом с ним веселился Арти. Он бегом вернулся в предыдущую комнату и схватил кочергу, которую заметил в камине. Но когда вернулся с ней, Арти выглядел удивленным — и не просто удивленным, а перепуганным.

— Знаешь что, Сиг, послушай-ка теперь меня! Ты собираешься взломать эту дверь и тем самым вовлечь себя в серьезные неприятности. Я недавно слышал о двух парнишках, которые проникли в один дом, взломав дверь. А потом их арестовали, и их предкам пришлось явиться в полицию, чтобы забрать их. Я не хочу ничего здесь взламывать. Уже поздно, моя мама, наверное, задастся вопросом, куда это я запропастился. Я немедленно ухожу отсюда!

— Ну и проваливай! — фыркнул Сиг. — Давай, проваливай! И не получишь никаких драгоценностей.

— В любом случае здесь нет никаких драгоценностей. А ты, Сиг Дортмунд, просто хочешь напороться на неприятности!

Арти убежал. Одно мгновение Сиг был готов последовать за ним. А потом с упрямым видом повернулся к двери. Там его ждут драгоценности, это он точно знает. И теперь они достанутся ему одному. И пусть Арти уносит ноги — Арти просто цыпленок.

Сиг неуклюже поднял кочергу, но когда коснулся двери, та тут же отворилась. Она больше не была заперта, похоже, даже вообще не запиралась. Сиг опустил кочергу и осветил фонариком. В комнате было два окна с плотно закрытыми ставнями. Никогда прежде Сиг не видел запертых изнутри ставней. Обычно они навешиваются снаружи. Он вообще не знал, что их можно закрывать. Прямо посреди комнаты стол, рядом — стул, и больше вообще ничего. Кроме шкатулки на столе. Сиг подошел поближе и посмотрел на нее.

Всю шкатулку покрывал бархатный налет пыли, который он быстро смахнул на пол. Потом осветил фонариком — и ослепительно вспыхнули цвета, такие яркие, словно сверкают драгоценные камни. И на поверхности шкатулки появился рисунок, вернее, даже четыре рисунка на всех четырех больших гранях. И это... это были изображения драконов!

Дракон на крышке серебристого цвета, с крыльями. Когтистые передние лапы он поднял высоко вверх, словно кидаясь на кого-то. Прямо из пасти высовывается язык, раздвоенный, как у змеи, на конце, а зеленые глаза прямо-таки прожигают Сига насквозь.

С левой боковой стороны — красный дракон с длинным хвостом, который изгибается кверху, приподнимаясь над спиной, и заканчивается узким прямым жалом. Дракон с правой боковой стороны свернулся клубком, словно уснул, его большая голова покоится на передних лапах, глаза закрыты. Он желтого цвета. У дракона с нижней стороны самый странный вид. Тело его больше напоминает тело животного: спереди лапы, а сзади — что-то похожее на большие птичьи когти. Дракон высоко вздымает маленькую голову на длинной шее, словно змея. И он синего цвета.

Сиг открыл шкатулку и, к своему полнейшему удивлению, нашел целый ворох, до самых краев, кусочков мозаики-головоломки; все многочисленные, необычной формы частички были смешаны в полном беспорядке. Благодаря ярким цветам кажется, что это не картинки, а действительно бриллианты, изумруды и рубины. Сиг пробежал пальцами по этой путанице кусочков и резко отдернул руку в сторону.

Они даже на ощупь кажутся... странными! И тем не менее ему снова захотелось прикоснуться к ним.

Мальчик захлопнул крышку шкатулки и прижал ее к себе. Он не может взять ее с собой домой, там ему задали бы слишком много вопросов. Но шкатулка останется у него — он нашел ее после ухода Арти, и поэтому тот не может ее требовать для себя.

Однако в одном Арти прав — уже поздновато. Ему следует сейчас же спрятать ее и вернуться за ней завтра. И кроме того, он ведь еще не исследовал остальную часть дома.

Спрятать... но где? В предыдущей комнате с полками? Что, если Арти вернется сюда один или еще кто-нибудь? Это теперь драгоценность Сига, и он сохранит ее для себя!

Сиг пробежал назад по коридору и сунул шкатулку под один из больших листов бумаги. Выходя из дома, он оставил дверь во вторую комнату полуоткрытой и, торопливо пробираясь по дороге, не заметил тени, скрывавшейся под полузасохшим кустом сирени.

ФАФНИР

Сиг стоял в очереди на автобусной остановке одним из последних, не желая, чтобы Арти начал задавать вопросы. Но когда мальчик влез в автобус, а Арти там не оказалось, он, плюхнувшись на сиденье, ощутил смутное беспокойство. Что, если Арти кому-то проболтался? Сиг попытался не думать, что мог сделать или сделал Арти. Но когда того не оказалось и на первом уроке, беспокойство Сига возросло. Он сглупил, решив посвятить Арти в свою тайну. Сегодня вечером он вынесет шкатулку с драконами из дома. А потом...

Вся остальная часть дня прошла для Сига так же неудачно, как и начало. По математике была контрольная — чтобы проверить, не слишком ли ученики расслабились за время школьных каникул. И Сиг обнаружил, что даже не знает, что означают некоторые знаки. Мистер Беванс никогда не учил их этому в его прежней школе в Лейкмаунте.

А в столовой — да, не больно-то весело есть в одиночестве. Повсюду школьники сидят, сгруппировавшись кучками или по крайней мере вдвоем. Кроме некоторых чудачков, вроде этого парнишки Стивенса или Рэса. Те расположились в одиночестве, но Сиг отнюдь не был уверен, что хочет присесть к кому-нибудь из них. И Арти до сих пор не объявился, что означало, что сегодня ждать его появления в школе бессмысленно.

А день все тянулся и тянулся. Сигу казалось, что он так никогда и не кончится. Но вот наконец мальчик тяжелой походкой прошел к своей парте, сунул книги по математике и общественным наукам в портфель и отправился на автобусную остановку. Пять задач по математике — а он все еще не понимает, как решить их. Да, конечно, на уроках мистера Сэмпсона ему придется весьма туго. Сигу казалось, что все идет как надо, пока учитель не начинал писать мелом на доске что-то и при этом бормотать: «Следовательно...» и «В таком случае...». После чего оглядывался и резко бросал: «Понятно?» И по тону голоса очевидно, что он ожидает от вас ответа «да» независимо от того, поняли вы или нет. А Сиг знал, что он-то уж точно не понял.

Он не очень сообразителен, и всегда знал это. Но если только ему дать время и кого-то в помощь... Ведь он был не на самом плохом счету в школе в Лейкмаунте. Только там все гораздо меньше суетились, не то, что здесь, в школе Энтони Вейна. И Сиг хмуро уставился в окно и спросил себя, неужели весь год пройдет так же, как сегодня.

Рэс держал свой большой блокнот на колене и быстрыми взглядами время от времени украдкой наблюдал за Сигом. Что этот высокий мальчик и Арти делали в старом доме прошлым вечером? И почему Арти покинул его так стремительно, в то время как Сиг остался внутри? Рэс пока еще не говорил с Чакой об этом. Но теперь его охватило любопытство. Предположим, они сделали что-то незаконное, что требует вмешательства полиции, — кому будет предъявлено это

обвинение? Рэс кивнул. Всегда одно и то же, говорил Чака. Когда полиция начинает искать, против кого выдвинуть обвинение за что-либо, то первым делом находят чернокожего. Может, ему стоит держаться от этого дела подальше — или все же проследить за Сигом, если он сегодня вечером снова отправится в тот дом? Но почему Сиг остался там прошлой ночью, после того как Арти с такой поспешностью убежал? Рэс не знал причины. Да, он проследит за Сигом, если тот снова отправится в старый дом.

Ким сидел, уставившись неподвижным взглядом в портфель. Внутри себя он ощущал лишь пустоту и одиночество, и ему было почти так же плохо, как в Гонконге после смерти старушки, когда он всего лишился. Ким так и не знал, была ли она его родной бабушкой или нет. Иногда она отвечала «да» на этот вопрос, в следующий раз принималась кричать всякие гадкие слова, называть его пустым местом с жабьей мордой. Но по крайней мере ей было важно, что он жив. А после ее смерти у него не осталось вообще никого, и ему пришлось однажды отправиться в миссию, тащась вслед за какими-то другими ребятами и надеясь получить миску лапши.

И его накормили. А вскоре все изменилось. Первое время он оставался в приюте миссии. А потом встретил папу и отправился с ним в Америку. Но вот теперь он снова чувствует себя одиноким: всем в этой школе, похоже, наплевать на него, Кима Стивенса. Иногда ему кажется, что он невидимка, вроде тех демонов, про которых ему рассказывала старуха, пытаясь напугать малыша. Что, если ему удастся превратиться в какого-то демона, одного из тех красноликих чудовищ, которые были нарисованы на стене в часовне? И направиться напрямиком в класс? Вот тогда они узнают, кто он такой!

Должен ли он пойти сегодня вечером и забрать коробочку с рисунками драконов? Как жаль, что он не знает, что с Арти, если тот все же рассказал кому-нибудь о вчерашней про-

гулке. Но вдруг люди из музея вскоре появятся там и заберут все из дома? Да, ему лучше забрать эту коробочку сегодня же и поискать место, где бы спрятать ее понадежнее. Но почему же ему так нестерпимо хочется сделать это? Сиг испытывал легкое недоумение от охватившего его чувства. Он никогда прежде особо не интересовался картинками-загадками. Но с этой, во всяком случае, дело обстояло по-другому. И он знает, что шкатулка должна быть у него.

Он делает все, как накануне: подождет, пока ребята не уйдут подальше от автобусной остановки, а потом проникнет в дом и заберет коробочку. Хотя ему не очень-то нравилась мысль, что он окажется в пустом доме один. Там такие громадные и темные комнаты. А он не взял с собой фонарик.

И небо, как назло, застилало тучи. Ему придется поторопиться, чтобы вернуться домой прежде, чем начнется дождь. Иначе мама станет задавать ему вопросы, на которые найти ответ будет труднее, чем на сегодняшние задания по математике. К счастью, Сиг хорошо помнит, где оставил коробочку — под куском бумаги на каком-то маленьком диване.

Автобус шел долго, и на всех остановках из него выходили ребята из школы. Сиг от нетерпения шаркал ногами о пол, ему так хотелось выбраться из автобуса и побежать. Может, так он окажется там скорее.

Но когда автобус наконец-то добрался до его остановки, небо настолько затянули грозовые тучи, что Сиг понял, что не отважится на новую попытку проникнуть в дом. Арти... Мысль об Арти натолкнула его на новый план. Словно кто-то подсказал ему, что делать, шаг за шагом. И он настолько обрадовался этой новой идее, что даже и не попытался остановиться и хорошенько обдумать ее, а решил сразу действовать. И направился напрямик домой.

Но едва он прошел через парадные двери, как почувствовал укол беспокойства. То, что он собирался сказать маме, было не совсем правдой. Но лишь это даст ему единственную возможность добраться до коробочки с драконами. А она должна оказаться у него.

— Мама? — в этом слове не было вопроса. Сиг прошел на кухню.

На столе стояла тарелка с пирожными. Когда Сиг протянул руку к одному, он увидел записку, которая выглядывала из-под края тарелки. Мамы не было дома, она отправилась к тетушке Кейт. И только где-то через час, а может даже и позже, домой вернется отец. Так что ему не придется придумывать историю о том, что он пошел к Арти выполнять домашнее задание. Он без труда сможет забрать коробочку, и никто об этом не узнает.

Уминая еще одно пирожное, Сиг взял фонарик и надел плащ. Дождь уже начался. Тем лучше, никого не будет поблизости, чтобы увидеть, как он отправляется туда.

Предстоявшее приключение привело его в возбуждение, и теперь он был рад, что никого нет. Он готов был поспорить на что угодно, что Арти или даже Грег Росс испугались бы в одиночку проникнуть в темноте в тот дом. Но он-то, Сиг Дортмунд, не боится!

Еще большее количество листьев устилало дорогу к старому дому, и дождь смешивал их с крошками бетона. Сиг обошел дом и направился к веранде заднего входа. Без Арти оказалось труднее поднять окно. Он подставил под него отвалившийся от ступенек кирпич, а потом торопливо пересек кухню, кладовку, темную гостиную и вошел в кабинет, где оставил коробочку с драконами.

Только листа бумаги, прикрывавшего коробочку, не было на прежнем месте — и шкатулка тоже исчезла!

Арти! Сига охватило возбуждение, смешанное с гневом. Арти приходил сюда и унес ее. Пальцы Сига сжались в кулак. Он не позволит Арти оставить ее у себя. Это его коробочка, это он нашел ее после ухода Арти. Арти придется вернуть шкатулку ему!

Сиг остановился в коридоре. Как Арти узнал про коробочку? Может быть... может быть, Арти только сделал вид, что ушел, а на самом деле где-то спрятался и следил за ним, вынашивая мысль забрать коробочку, едва он только уйдет?

Ладно, Арти вернет ее ему, даже если Сигу придется пойти к нему домой для этого.

Вдруг Сиг замер. Раздался какой-то странный звук, какое-то царапанье. И исходил он из комнаты, где мальчик обнаружил шкатулку. Арти! Может быть, Арти все еще там, и он поймает его!

Сиг на цыпочках прокрался по коридору к полуоткрытой двери. Арти не ожидает появления Сига, иначе бы он уже давно скрылся. Так что это явится для него полной неожиданностью...

Сиг остановился у двери. В комнате было светлее, чем вчера. Одни ставни, закрывавшие окно, распахнуты. И там у стола с коробочкой стоит Арти!

— Попался! — Сиг включил фонарик и направил луч света на фигуру.

Только это вовсе не Арти. Это тот парнишка по имени Рэс. Но в руках у него действительно шкатулка. Крышка откинута, и несколько кусочков выпали на столешницу. Какая наглость!

— Отдай! — Сиг быстро приближался к нему. — Она моя! Ты что это себе позволяешь?

— Твоя? — Рэс ухмыльнулся, и Сигу не понравилась ни эта ухмылка, ни тон его голоса, когда тот добавил: — Кто же дал ее тебе?

— Она моя! — Почему-то забрать шкатулку в свои руки показалось Сигу сейчас самым важным на свете. Но прежде чем он смог схватить ее, Рэс резко отдернул руку в сторону, и поэтому множество кусочков головоломки высыпались из коробочки и упали на покрытую пылью столешницу. Их краски засверкали огненными искрами, словно это на самом деле драгоценные камни — настолько ярок был их блеск.

— Твоя? — повторил Рэс. — Я так не думаю. Я думаю, ты нашел ее здесь, а теперь хочешь украсть. Ну да, украсть! Она принадлежит владельцу дома, а не тебе. Разве это не так? Ты украл это, белый. Совсем так, как крадет множество твоих сородичей по расе. Мой брат, он прав в этом относительно белых. Ваша раса плохая.

Рэс намеренно снова встряхнул коробочку, и через край соскользнуло еще несколько кусочков. Сиг закричал и попытался выхватить коробочку из рук Рэса, однако тому без труда удалось уклониться от выпада. Поэтому Сиг отбросил фонарик и бросился на Рэса. Он был неуклюж, однако повалил соперника, и тот выронил коробочку, защищаясь.

Сигу и раньше доводилось драться, однако теперь все было совсем по-иному. Казалось, Рэс вознамерился избить его, и Сиг вдруг обнаружил, что и ему хочется того же. Но хотя они изо всех сил колошматили друг друга, лишь отдельные удары достигали цели. Однако Сиг решительно вытеснял Рэса в коридор, и это ему удалось. А потом страшный гнев, который охватил Сига, когда он обнаружил пропажу шкатулки, вспыхнул в нем с новой силой, и мальчик в слепой ярости бросился на Рэса.

Тот убежал от него, словно что-то в Сиге внезапно напугало его до умопомрачения, так что он мчался без оглядки. Они пересекли коридор, пронеслись через темные комнаты. В столовой Сиг наткнулся на стул, который Рэс отбросил со своего пути. Сиг упал, а когда снова вскочил на ноги, гнев его исчез. Но он по-прежнему продолжал преследование. Когда добрался до кухни, Рэс был уже у окна, пытаясь приподнять повыше с трудом поддающуюся раму.

Сиг прыгнул вперед и схватил Рэса за пиджак.

— Нет, не уйдешь! — он попытался оттащить Рэса назад, хотя тот вцепился в подоконник.

И тут за окном ярко полыхнула молния, настолько неожиданно, что им показалось, будто она ударила прямо в старый дом. Рэс ослабил хватку, испуганный молнией, словно она попала прямо ему в лицо. Сиг тоже отшатнулся назад, потащив Рэса за собой.

Рэс резко оттолкнул Сига, пытаясь вырваться из его хватки. Однако теперь он, как будто оглушенный ударом молнии, рванулся не назад к окну, а к двери в подвал. И скрылся за ней, прежде чем Сиг успел сделать хоть шаг.

Когда Рэс вырывался, Сиг потерял равновесие и упал на пол. Дверь с треском захлопнулась. Сиг уселся и оглядел кух-

ню. Он должен добраться до шкатулки и собрать все кусочки, которые Рэс высыпал на пол и стол. Однако если он уйдет из кухни, то Рэс сможет выбраться отсюда наружу, уйти и рассказать обо всем — или же сделать еще что-нибудь, и ему снова придется сражаться, чтобы шкатулка осталась у него.

Сиг вскочил на ноги, чувствуя боль в ноге, которой ударился о стул в гостиной. Ухватившись за стол, он потащил его по пыльному полу. Стол большой и тяжелый, двигался с трудом, тем не менее мальчику удалось приставить его к двери в подвал. Теперь Рэс просто останется там, пока он, Сиг, не будет готов выпустить его оттуда. Но сперва Рэс пообещает ему кое-что.

Сиг ощущал себя несколько странно, словно это не он, не Сиг Дортмунд, замышляет планы и осуществляет их. Словно что-то или кто-то другой управляет его телом. Но это же глупо — такого не может быть. Нет, он — Сиг Дортмунд, он пытается добраться до своей шкатулки. Это его шкатулка! А уж потом он справится и с Рэсом.

Сиг вернулся в ту комнату. Его фонарик, по-прежнему включенный, откатился к стене, освещая пол. И в этом свете искрилось множество кусочков головоломки. Шкатулка лежала на боку, из нее высыпались и остальные кусочки. Сиг торопливо схватил ее, чтобы удостовериться, что она не разбилась. Если Рэс сделал с ней что-то!..

Но она оказалась неповрежденной. Мальчик начал торопливо заталкивать внутрь кусочки, которые в ней хранились. На ощупь они были гладкие и ярко блестели. Он сгреб пригоршню красных, зеленых, серебристых... серебристые, наверное, от рисунка дракона с крышки. А этот красный кусочек — для красного дракона, вероятно... а это синий... для — желтого.

Он аккуратно собирал все кусочки с пола, помогая себе фонариком, тщательно все обыскивая, чтобы убедиться, что не пропустил ничего. Некоторые из кусочков оказались совсем маленькими, и их легко было не заметить. Он даже опустил на пол и ползал на четвереньках, подняв облако

пыли, отчего пришлось прокашляться. Но под конец не сомневался, что собрал все.

Правда, кусочки оставались еще и на столе. Но сколько уже прошло времени? Папа должен скоро прийти домой, и если его там не будет... то возникнет множество вопросов. Теперь нужно просто осторожно смахнуть эти кусочки в шкатулку.

Но когда Сиг выпрямился, чтобы сделать это, его рука сама собой замедлила движение, он не мог отвести глаз от лежащих там фрагментов. Он и прежде видел подобные головоломки, но эта была совсем другая. Три искрящихся серебристых кусочка уже соединились. Должно быть, это часть серебряного дракона. А вот еще один. Да, он как раз подходит сюда!

Сиг уселся на стул, перевернул коробочку, которую только что наполнил, и принялся выискивать серебристые кусочки, словно ничто другое на свете его больше не волновало. Хотя в комнате темно, ему больше не нужен свет, потому что, похоже, эти кусочки светятся сами по себе. И — более того — когда он подгоняет нужные фрагменты друг к другу, этот чудный свет становится все ярче и ярче. Впрочем, Сигу это совсем не кажется странным.

Он не осознавал течения времени; его пальцы рылись среди кучек картинок, отделяя серебристые, а остальные отправляя обратно в шкатулку; сейчас его занимало лишь одно — собрать из них дракона. Он должен увидеть его завершённым.

Коснувшись первого же из этих фрагментов, он понял, что эта головоломка намного массивнее тех, что он видел прежде — она сделана из дерева. На оборотной стороне кусочков странные черные отметины, которые могли быть каким-то печатным текстом, если бы при этом образовывались знакомые слова; но это словно ряды маленьких неровных веточек. И когда Сиг решил внимательней приглядеться к ним, его глаза ощутили какую-то странность, и он торопливо перевернул кусочки вверх стороной с изображением дракона.

Серебристые кусочки. Сиг снова пробежался пальцами по содержимому коробочки, чтобы убедиться, что собрал все, а потом занялся работой. В другое время он бы долго выискивал, куда вставить недостающий кусочек, чтобы потом, возможно, выяснить, что это совсем не та фигура, которую, как ему казалось, он составлял.

Снаружи по окнам и стенам старого дома били струи дождя. Блеснуло еще несколько молний, громыхал гром. Но Сиг больше не обращал внимания на разбушевавшуюся стихию. У него получились крылья дракона, его спина, вот он сложил их вместе — и наконец осталось присоединить лишь одну заднюю лапу. Да, вот последний кусочек, который свяжет все это.

Теперь голова, и под конец самое трудное. Казалось, нескольких кусочков недостает, и Сиг с растущей тревогой принялся искать их. Он снова внимательно изучил рисунок на крышке шкатулки и понял, что дракон не полностью серебристый. У него красные глаза и красный язык, и кое-где зеленые точки. Сиг снова торопливо принялся рыться в коробочке.

Красные кусочки, зеленые... Но как же много их в коробочке, этих красных и зеленых кусочков! Некоторые из них опять упали на пол, и Сигу пришлось наклониться с фонариком, чтобы поискать их. Но в результате он все-таки нашел такие, что, кажется, должны подойти.

Он вставил на место кусочек с глазами, испепеляющими взглядом, и мальчику показалось, что эти глаза следят за ним! Сиг вытер руку, которая вставила этот кусочек, о ткань пиджака. От кусочка осталось странное чувство, словно он какой-то скользкий. И ему это не понравилось. Теперь зеленый кусочек, который образует изогнутый рог на носу дракона. Да, а вот сюда — язык, или часть его. И снова пальцы сами выбрали нужные кусочки, будто ему откуда-то было известно, где они лежат.

И вот... нет, это еще не конец. Когда он сравнил получившееся с драконом, нарисованным на крышке шкатулки, то понял, что недостает еще одного кусочка — раздвоенно-

го кончика языка, приподнятого и вылетающего из открытой пасти дракона, словно копье. Почему в голове возникла такая мысль?

Сиг принялся переворачивать кусочки в коробочке. Нужен лишь кончик языка. Конечно, он не мог потеряться! Он должен найти его.

И тут он увидел какой-то кусочек, лежащий обратной стороной кверху, с рядами черных отметин непонятной надписи. Сиг перевернул его и аккуратно положил на нужное место.

Затем откинулся на спинку стула. Необходимость сложить вместе эту картинку больше не висела над ним. Дракон... огромный серебряный дракон, готовый вцепиться когтями, рвать... и убивать...

Дракон... Фафнир...

Кто... что... такое Фафнир? Какая-то часть сознания, ощущая холодный страх, от которого пробежали мурашки по телу, задала этот вопрос. Другая часть знала ответ.

Дракон изогнулся в стремительном броске. Сиг почувствовал отвратительную вонь. Извивающийся дракон начал разворачиваться, причем так быстро, что с его серебристых чешуек так и посыпались яркие искры. Сиг услышал тяжелое и громкое лязганье.

СИГ КЛЕШНЕРУКИЙ

С утеса дул холодный ветер, такой холодный, что пронизывал, словно меч, каждую косточку под испачканной копотью кожей. Сиг Клешнерукий вздрогнул, но не посмел приблизиться к жару горна, где, словно неистовый дождь, вспыхивали искры и раздавался грохот кузнечного молота, от которого глохнут уши наблюдающих за его работой. Однако сегодня никто не смотрел на наковальню, повинуюсь приказу самого мастеракузнеца Мимира. Сегодня Королевский Сын Сигурд обрабатывает металл, который он сам выбрал, чтобы выковать меч — меч, который разрубит любые доспехи Амилиара.

Сиг Клешнерукий потер худую грудь кривыми пальцами, которые и дали ему это грубое прозвище. Потом поскреб кожу под свободно свисающей накидкой из волчьей шкуры, после долгого пребывания в кузнице настолько почерневшей от древесного угля, что временами самого Сига можно было принять скорее за лесного тролля, а не за сына рода человеческого.

Все, что он слышал о доспехах Амилиара, — так это то, что любому, кто путешествует по земле и наденет их на себя, можно не бояться ни копья, ни меча, выкованного рукой смертного. И настолько широко разошлись по миру эти хвастливые рассказы, что Мимир (происходящий, как говорили люди, из древнего рода гномов, которые ковали металл для героев Асгарда) долгое время хмурил брови и кусал губу, разбрасывая направо-налево резкие слова, пока все окружающие не ощутили остроту его языка.

А потом и он поднял голос и поклялся, что воистину выкует клинок, чтобы показать Амилиару, что тот не первый кузнец в мире и, может даже, не второй! И король Бургундский побился об заклад, поставив на то, что Мимиру не добиться этого.

Однако сам Мимир не занялся ковкой: ему явилось знамение. И он возложил эту задачу на Сигурда Королевского Сына. Семь дней и ночей Сигурд трудился над металлом, а потом отнес клинок к ручью, который вытекал у подножия утеса. В него Мимир бросил сеть из шерстяных нитей, и Сигурд опустил клинок в воду так, чтобы поток воды поднес эту сеть к клинку, — и нити были перерезаны!

После этого все, кто трудился в кузнице, возликовали. Однако Сигурд Королевский Сын и Мимир посмотрели друг другу в глаза. И Сигурд забрал назад этот меч и разбил его на куски, чтобы снова размягчить металл жаром и предпринять новую попытку.

Теперь он закалял меч парным молоком. И еще добавлял овсяную муку, которая, как это известно всем кузнецам, дает, как и людям, силу металлу. Еще три дня работал он. А потом взял свое изделие и отнес к ручью, и на этот раз раз-

резал клинком клубок шерсти, не потревожив переплетение его нитей.

Но только вновь он и Мимир обменялись взглядами. И Сигурд поднял клинок высоко над скалой и бросил его вниз с силой настоящего воина так, что тот разлетелся на мелкие кусочки. Потом собрал эти кусочки и снова отправился в кузницу. Это было утром, а сейчас уже опустилась ночь. И Сигу Клешнерукому очевидно, что теперь молот Сигурда все медленнее и с меньшей силой падает вниз. Он видит, как поникли плечи Сигурда, знает, что Мимир ходит взад-вперед возле ручья с водой, которая, как поговаривают, дает огромные знания тем, кто посмеет напиться из ручья.

Снова подул холодный ветер, принесся холод зимы, а не свежесть весны, как должно бы быть. Сиг Клешнерукий сжался в комок, присев и обхватив руками колени. Ему очень хотелось туда, к жару кузницы, но он понимал, что сейчас не время для этого.

И тут перед ним появилась пара сапог из грубой кожи, как раз на уровне глаз, когда он вот так свернулся в комок. А когда Сиг Клешнерукий медленно поднял голову, то увидел камзол того же цвета, что небо в бурю, и широкий серый плащ. А еще выше — капюшон синего цвета, скрывающий смуглое лицо. И на этом лице лишь один глаз, другой прикрывала полоска льняной материи. Однако единственный глаз этот так пронзительно смотрел на Сига, что мальчику захотелось бежать прочь от него; только магия таинственной фигуры удерживала его на месте, и Сиг задрожал еще сильнее, чем когда его хлестал ледяной ветер.

— Иди к Сигурду Королевскому Сыну и передай, чтобы он вышел. Есть некто, кто хочет говорить с ним.

Хотя голос незнакомца прозвучал тихо, нельзя было не повиноваться этому приказу. Сиг быстро вскочил на ноги и скользнул в кузницу, боясь бросить взгляд в сторону от этого единственного глаза, все еще сохраняющего над ним свою власть. И лишь оказавшись в тени кузницы за ее порогом, он освободился от этой власти. Мальчик прошел к наковальне, где стоял, расправив плечи, Сигурд, и огонь бросал красно-

ватые отблики на его лицо и длинные желтые волосы, откинутые назад, пока он работал мехами.

И хотя Сигурд действительно сын короля, на нем лишь грубый камзол, кожаный передник да невзрачные сапоги, которые не надел бы не то что мастер-кузнец, а простой рабочий. И все же, глядя на него, Сиг понимал — как и любой человек, который имеет глаза, — что перед ним воин королевской крови, достойный того, чтобы за ним пошли на битву, когда призовет корона.

Сигурд положил молот на край наковальни и наклонился вперед, чтобы рассмотреть свою работу. Однако на его усталом лице появилось лишь хмурое выражение, словно то, что он увидел перед собой, совсем не обрадовало его. Сиг только теперь осмелился произнести:

— Мастер, тут у двери один человек, он хочет говорить с тобой.

Брови еще более насупились, Сигурд обернулся. Сиг отступил на шаг назад, хотя Сигурд Королевский Сын не из тех, кто бьет слуг по всякому поводу, он добрее большинства людей, с которыми Сиг был знаком за свою короткую жизнь.

— Я не буду ни с кем говорить, пока не выполню свою задачу... — ответил Сигурд Королевский Сын голосом, столь же непреклонным, как и металл, который он обрабатывал.

Но тут со стороны порога прозвучали другие слова. Хотя и не очень громко, однако их вполне можно было разобрать:

— Ты будешь говорить со мной, сын Сигмунда Волсунга!

Сигурд Королевский Сын обернулся и уставился в ту сторону. Хотя уже наступили сумерки, он и мальчик ясно видели незнакомца, словно его серая одежда и синий капюшон светились.

Сигурд опустил молот и направился к чужаку, а Сиг отважился последовать за ним, отстав на шаг. Мальчик понял, что сейчас совершает самое смелое действие в своей жизни: этот незнакомец, казалось, внушал ему больший, чем даже Мимир, страх.

Незнакомец отвернул складку ткани, в которую были завернуты кусочки тусклого металла; вернее, они казались ту-

склыми, пока на них не упал свет от горна кузницы, и тогда они засверкали, как драгоценные камни, какими Мимир инкрустирует рукояти королевских мечей.

— Сын Волсунга, возьми свое наследие и используй его как должно!

Сигурд Королевский Сын протянул обе руки вперед и принял куски металла, при этом поначалу вроде бы даже боясь коснуться того, что теперь держит в слегка дрожащих руках. Сиг увидел, что это обломки какого-то меча.

А затем незнакомец посмотрел на Сига, так что парень попытался поднять свою кривую руку, чтобы закрыть лицо. Однако не смог закончить движение. Ему пришлось застыть под немигающим взглядом этих ужасных глаз.

— Пусть кузнечными мехами займется этот парнишка, — сказал незнакомец. — Ибо в этом деле есть нечто, что лежит за пределами даже твоего разума, Сигурд Волсунг.

И с этими словами он ушел, и темнота сомкнулась вокруг кузницы. Возможно, он провалился сквозь землю или же унесся на крыльях в ночное небо. Но Сигурд уже повернулся к кузнице.

— Идем, Сиг! — Он никогда не добавлял: «Клешнерукий», а Сиг ловил каждое слово, им произнесенное. — Этой ночью нам предстоит изрядно потрудиться.

И они работали всю ночь, расплавляя не металл из запасов Мимира, но эти куски сломанного меча, принесенные незнакомцем. Однако Сиг не чувствовал усталости, наоборот, мальчик всеми силами охотно помогал Сигурду.

Утром клинок лежал, готовый для испытаний. И Сигу казалось, что в нем осталось что-то от того мерцающего света, который окружал в темноте человека в капюшоне. Рука Сигурда прикоснулась к искривленному плечу мальчика.

— Он готов, и получился, по-моему, отлично. Теперь мы испытаем его.

И Сигурд взял меч и некоторое время держал перед собой, как человек, который факелом освещает себе путь. Они вышли из темноты кузницы на свет, и там их ждал Мимир и остальные работники, а также ученики. И мастер-кузнец

громко, с присвистом, выдохнул, когда посмотрел на клинок, который нес Сигурд.

— Итак, он снова создан — Балмунг, который сначала вышел из кузницы самого Отца Всего Сущего. Обращайся с ним осторожно, Сигурд Королевский Сын, ибо однажды он уже принес людям твоего клана и крови немалое зло.

— Любой меч может принести смерть воину, — ответственвал Сигурд, — ибо для этого и предназначено его острое лезвие. Но если это действительно Балмунг, то, возможно, теперь он принесет победу в споре. Теперь испытание...

И испытание превзошло все предыдущие: они распустили целый тюк шерсти, смешав нити в струях ручья. Сигурд не размахивал клинком — нет, он стоял по пояс в воде и всего лишь опустил меч на пути шерстяных нитей. Однако шерсть четко разделялась на два потока, и все это смотрелось просто замечательно.

Сигурд прошел поперек ручья к берегу и осторожно уложил меч на кусок прекрасной материи квадратной формы, который протянул ему Мимир. А потом широко развел руки в сторону и объявил со смехом:

— Всем известно, что должно много потрудиться для того, чтобы заслужить место в памяти людской. Но, похоже, я трудился слишком долго, мастер. Позволь мне теперь отдохнуть.

Ибо хотя он и был сыном короля, однако здесь вел себя как обычный человек, который пришел, чтобы научиться искусству Мимира, и он просил для себя не большей, чем любой человек, благосклонности.

— Хорошо. — Мимир кивнул, заворачивая меч. — Иди отдохни.

После этих слов Сигурд обернулся и положил руку на плечо Сига. Мальчик попытался увернуться, хоть и несколько неуклюже из-за своей кривой правой руки, похожей на клешню, которую он никогда по доброй воле не показывал на свет.

— Здесь есть еще один, кто заслужил своей работой отдых. Идем, Сиг, отдохнем хорошенько. — Ладонь Сигурда креп-

ко обхватила руку мальчика и потащила его туда, где находилось место для сна.

— Мастер, — Сиг потянул обратно. — Это нехорошо. Я всего лишь подсобник, а там, где я сплю, лежит пепел. Ты видишь, я черный от копоти, и мне не место рядом с тобой. Мастер Велиант и остальные ученики будут разгневаны.

Однако Сигурд покачал головой и продолжил вести Сига вперед.

— Ты тот, кого незнакомец назначил на эту работу, и тебе нет нужды глядеть в рот каждому, кто начинает что-то говорить. Ну, идем же, отдохнем.

И он устроил нечто вроде гнезда у подножия собственного места для сна, поэтому спал Сиг на более мягкой подстилке, чем когда-либо на своей памяти. Вот так он стал тенью Сигурда Королевского Сына. А когда другие ученики рискнули выступить против него, Сигурд лишь рассмеялся и заявил им: разве не очевидно, что Сиг приносит удачу и им следует дорожить. Хотя остальным это не понравилось, никто не посмел поднять голос против Сигурда.

Но когда они выступили, чтобы испытать свою силу против Амилиара, Сигурд отвел Сига от всех в сторонку и сказал ему, что это путешествие слишком долгое и будет лучше, если Сиг останется в кузнице. Сиг согласился, хотя и с большой неохотой в душе.

Он считал дни, отмечая их на ровной полоске земли палкой. И пока отряд не вернулся, Сиг поставил себе новую задачу, пытаясь научиться делать настоящую работу, чтобы, возможно, однажды стать не просто мальчиком на побегушках, прислуживающим у горна, которого можно бить и посылать заниматься самой грязной работой, — ведь когда Сигурд ушел, что и должно было случиться, когда он доказал свое искусство, выковав Балмунг, Сига снова отправили на старое место на самом низу.

Каждый день мальчик поднимал тяжелые молоты, пытаясь затем аккуратно опустить их на наковальню, и каждый день познавал отчаяние от своих неудач. Но он помнил, как работал Сигурд, и после каждой неудачи снова вскидывал

голову и предпринимал новую попытку. И вот в тот самый день, когда Сиг наконец-то удачно опустил среднего веса молот на наковальню, возвратился Мимир и его люди.

Они вернулись с песнями на устах, а повозки, которые тянули волы, были полны добычей. Они снова и снова повторяли рассказ о том, как Амилиар, на котором были его замечательные доспехи, сидел на верхушке холма и кричал, чтобы Мимир попробовал на нем свой клинок. И как Мимир взобрался на холм и показался крошкой перед Амилиаром, ибо происходил от гномов. И как меч Балмунг мелькнул настолько стремительно в лучах солнца, что ослепил глаза людей. А потом клинок ринулся вниз, но Амилиар остался неподвижным. Бургундцы громко закричали, поздравляя себя с победой. Тогда Мимир слегка вытянул вперед руку и коснулся эфесом Балмунга плеча Амилиара. И тут его тело безвольно разделилось на две половинки, и все увидели, что он так ровно разрублен пополам, что казался живым, хотя был уже мертв.

И все восхваляли Сигурда за то, что он выковал такой меч. Но Королевский Сын лишь стоял перед толпой, мотая головой и повторяя, что смог сделать это благодаря искусству, которому научил его Мимир... что это величайший из всех ходивших по земле мастеров-кузнецов и что все это — его заслуга. Мимир поглаживал свою короткую бородку и выглядел довольным, отдавая приказ, чтобы был устроен пир. А потом он принялся наделять слуг добычей, захваченной у бургундцев.

Но нашлись среди старших учеников и такие, кто питал злобу к Сигурду. Они перешептывались между собой, что хотя он и сын короля, но, конечно, король не очень-то любит его, иначе бы не отправил его подальше от двора, чтобы он работал, как простолюдин, с молотом и наковальней. Поэтому в нем наверняка скрыто что-то дурное, что известно королю, и другие еще узнают об этом, к своему стыду. И пока они так перешептывались, Мимир отправился в одно из своих путешествий, взяв мечи, наконечники для копий и кое-что

из заклада бургундцев, чтобы поторговать с людьми с юга, которые приплыли на корабле.

Едва он уехал, как Велиант, который был самым старшим среди учеников, подошел к Сигурду и сказал ему:

— У нас есть древесный уголь, но его не хватит на весь долгий сезон. Настало время, когда мы должны отправиться в лес к угольщикам, чтобы возобновить наши запасы. Мигмир позволил нам бросить жребий, чтобы решить, кто совершит это путешествие. Нужно отправляться, пока мы еще можем это сделать.

И вот они все побросали камешки в чашу; один из камней был помечен знаком Одина. Чашу доверили держать Вульффу, поваренку. Только Сиг видел, как Велиант говорил отдельно с Вульффом, после чего тот казался взволнованным. Сиг внимательно следил за тем, как каждый тянул из чаши свой жребий, и ему показалось, что когда настала пора Сигурду закрыть глаза и протянуть руку за камнем, Вульфф чуть повернулся и слегка наклонил чашу. Однако мальчик не был в этом уверен.

Во всяком случае, именно Сигурд вытащил помеченный камень. И хотя остальные рассмеялись и стали говорить об удаче, Сиг был уверен, что некоторые из них кивали друг дружке и как-то странно улыбались. И это еще больше убедило Сигурда, что они с умыслом устроили ему такое замечательное путешествие.

Сиг, испытывая тревогу, подкрался поближе к старшим, подслушал разговоры, многое узнал и испугался за Сигурда. Но под конец его нога неловко подвернулась, и под ним треснула ветка. После чего его крепко схватили за плечи.

— Ах ты, мерзавец! — Велиант злобно ухмыльнулся прямо ему в лицо. — Ну, как, братишка, разве не так должно быть — верный пес всегда кончает свой путь на могиле хозяина? И поскольку сын короля отправится в путь без коня или настоящей гончей, ты составишь ему компанию и за того, и за другого! Дайте-ка ему по голове!

Это были последние слова, которые услышал Сиг: голова его разорвалась от адской боли, а потом — одна лишь тем-

нота, темнота, которую не нарушали даже сновидения. Затем снова пришла боль, и Сиг попытался позвать на помощь, шевельнуться, но лишь обнаружил, что не в состоянии этого сделать.

А потом ему на лицо плеснули водой, и только тогда он смог рассмотреть окружающее. И еще не утихла боль от движения, как он знал, что лежит на постели из мешков из-под древесного угля, а под щекой — крупный песок. Он увидел костер, и рядом — Сигурда. Мальчик попытался позвать, однако из горла вырвался лишь слабый шепот. Тем не менее Сигурд быстро повернулся и подошел к нему. С собой он принес рог для питья, а в нем жидкость, настоящую из трав, которую глоток за глотком влил ослабевшему Сигу в рот.

Вот так Сиг узнал, что они уже далеко в лесу и что Сигурд только через половину дня пути обнаружил Сига с кровотокащей головой в одном из мешков, которые были нагружены на спину осла с поклажей. Сиг поспешил предупредить сына короля о грозящей опасности: он не сомневается, что Велиант думает, будто они направились навстречу своей смерти.

— Будь уверен: мы вернемся, — ответил Сигурд. — Вот тогда мы и разберемся с Велиантом и с тем, что сделали с тобой. Какая бы опасность ни ждала нас впереди, подобное путешествие уже не раз совершали во благо кузницы Мимира!

— Но всегда до этого, мастер, — заметил Сиг, — отряд возглавлял сам Мимир, а не кто-то из его людей. А об этом лесе рассказывают ужасные истории, как и о том, кто живет здесь.

Сигурд улыбнулся, сунул руку в кучу мешков и вытащил оттуда сверток, завернутый в засалившуюся шкуру. Ножом для разделывания мяса он надрезал завязки, и перед глазами пораженного Сига предстал Балмунг.

— Я не отправляюсь в незнакомое место, не имея оружия в руках, мой товарищ по кузнице. А с Балмунгом, мне кажется, нам почти и нечего бояться.

Сиг, зачарованно глядя на меч, почувствовал, как к нему возвращается мужество: словно факел осветил им путь в темноте. Мальчику уже хотелось стать лицом к лицу с тем, что

ждет их впереди, он убеждал себя, что едва ли теперь может быть что-то хуже тех ужасных дней, что он уже пережил.

Хотя дорога, на которую они ступили, была узкой и темной, путников ни на миг не покидало ощущение, что за ними из теней следят странные и ужасные существа, что они крадутся по их следам; тем не менее они так и не увидели ничего по-настоящему опасного. Через некоторое время они достигли середины леса, где и нашли угольщиков.

На опушке поляны стояли хижины лесных жителей. И сами эти люди с потемневшей от пепла кожей сразу же выскочили из молодой поросли деревьев прямо перед ними с оружием наготове, чтобы покончить с путешественниками, словно те были созданиями ночи. И хотя Сигурд, не таясь, нес Балмунг, он не вытащил клинок, а лишь выкрикнул:

— Мир между нами, лесные жители. Я из владений Мимира и пришел к вам купить уголь согласно договору, заключенному между вашим и моим повелителями.

Но возглавлявший этих людей человек ухмыльнулся, словно огромный волк, обнажил зубы, казавшиеся почти звериными клыками, и ответил:

— Ты лжешь, незнакомец. Когда Мимир приходит к нам за углем, то приходит лично. Это наша земля, и никто не приходит сюда без нашего приглашения. Иначе он отправляется под дерево Отца Всего Сущего, чтобы никогда больше не увидеть его зеленых ветвей мертвыми глазами.

Люди чуть колыхнулись, как стая волков, окружающая свою жертву. Но прежде чем было брошено первое копьё и нанесен первый удар мечом, раздался еще один голос:

— Не торопитесь проливать кровь, мои темнокожие. Этот человек храбр, как я вижу.

Голос исходил из огромного зала, находящегося в самом центре скопления хижин. И угольщики расступились, освобождая путь Сигурду. А Сиг замер на месте в нерешительности, поглядывая на лес. Он спрашивал себя, может, им попытаться обратиться в бегство. Однако Сигурд шагнул вперед, а Сиг решил исполнять обязанности оруженосца, сопровождающего своего повелителя до самой смерти, если таковая

судьба будет им уготована. Пытаясь держаться так же прямо и с тем же достоинством, как Сигурд, мальчик последовал за своим господином.

Они вошли к повелителю леса и обнаружили на удивление изысканное помещение. В конце зала возвышался причудливо вырезанный из дерева трон, а стены украшали вышивки, сделанные южанами. Этот зал был прекраснее, чем зал самого Мимира, поэтому Сиг пялился по сторонам округлившимися глазами, дивясь такому великолепию. Ему подумалось, что, наверное, здесь не хуже, чем у самого короля, отца Сигурда. Но Сигурд не бросал взглядов ни вправо, ни влево — наоборот, он шел прямо, чтобы предстать перед высоким тронном, где ждал его повелитель леса. Это был невысокого роста человек, трон казался просто огромным по сравнению с ним. Его камзол скрывала спускавшаяся до самого живота густая борода, с которой смешивались тугие завитки длинных волос с головы. И борода, и завитки были седыми, однако глаза, внимательно наблюдавшие за путешественниками из-под густых бровей, отнюдь не походили на глаза старика.

— Кто вы, столь храбро явившиеся в землю Регина? — спросил властелин.

Сигурд ответил вежливо, но сделал это с гордостью сына короля:

— Меня зовут Сигурд, я сын Сигмунда из рода Волсунгов. И я пришел сюда, служа Мимиру, мастеру-кузнецу, за древесным углем, который добываете вы.

— Ха, как может быть, чтобы твои слова были правдой? Я никогда прежде не слышал, чтобы кто-то крови Волсунга служил какому-то кузнецу, мастер он или нет. Ты бы лучше придумал сказку поправдивее, мнимый герой!

— Нет истории правдивее, чем сама правда! — ответил властелин ему Сигурд с прежней учтивостью, хотя его щеки вспыхнули румянцем человека, в чьих словах сомневаются. — Так решил мой отец, ибо когда-нибудь мне предстоит стать правителем. Поэтому, чтобы лучше узнать, кем я буду править, меня послали на некоторое время жить вместе с простыми

людьми, работать руками, зарабатывая на кусок хлеба, как и они.

Регин почесал бороду пальцами и кивнул.

— Мудрый человек король Сигмунд. Ну и как, узнал ты, Сигурд Королевский Сын, что значит зарабатывать себе на хлеб одними лишь двумя руками?

— Уже в течение года я это делаю, и Мимир, мастер-кузнец, еще не выставил меня за дверь как бестолкового.

— Что говорит в твою пользу, Королевский Сын. Вполне достаточно, я поверил твоему рассказу. Ты проведешь эту ночь под моей крышей, а тем временем мои подданные готовят для тебя древесный уголь.

Регин как будто не замечал Сига, и мальчик был только рад этому. Сиг решил, что его вовсе не беспокоит, что властелин леса не бросает на него пристальные взгляды. Мальчик присел на корточки в тени за Сигурдом, устроившимся в кресле для гостей. Однако его повелитель не забывал о нем: время от времени он бросал ему кусок хлеба или кость, где было много мяса, так что Сиг наелся так же хорошо, как и высокий гость.

Регин внезапно наклонил вперед голову и спросил:

— Ты что, Королевский Сын, путешествуешь с гончей, которая должна есть самое лучшее с моего стола?

— Не гончая, лорд Регин, но отличный попутчик и товарищ в пути, хотя он еще так юн.

— Скажи ему, пусть выйдет вперед, я взгляну на него, — приказал Регин.

Уклониться от приказа было невозможно. Сиг вышел из тени и предстал перед Регином. Хотя он и Сигурд хорошенько умылись в лесном ручье и он по мере возможности заштопал свою бедную одежку, мальчик все же отлично понимал, что он просто бедный нищий. Но одновременно он и оруженосец сына короля, вот почему он держался и стоял прямо.

— Товарищ, говоришь ты, Сигурд Королевский Сын? Ха! Дурной выбор! Да это просто ошипанная ворона, голодная, хныкающая ради куска хлеба, каких во множестве мо-

жет найти любой властелин, стоит ему только выйти за двери своего дворца!

Но Сигурд Королевский Сын встал с кресла для гостей. Отвечая, он положил руку на плечо Сига:

— В час испытания этому человеку я доверю стоять за моей спиной. Можно ли просить чего-либо другого, чем это, лорд Регин?

— Похоже, он более на вид кажется щенком. Вполне достаточно, забирай своего героя, Королевский Сын. — Регин рассмеялся так, что Сиг вспыхнул, а пальцы его сжались в кулак. Но рука Сигурда все еще лежала на его плече, а потом Сигурд протасил его вперед, и вот Сиг больше не скрывался где-то в тени, а сидел на ступеньке у кресла для гостей на виду у всех, пользуясь очевидным расположением своего повелителя.

Они съели оленину, выпили мед с белым хлебом, подобного которому Сиг никогда прежде не видел, закусили одновременно и кислым, и сладким на вкус фруктом. После чего их провели в небольшую боковую комнату для сна, где находилось ложе из ветвей мирта и болиголова, настолько хитроумно сплетенных между собой, что образовывали мягкую постель. Сиг устроился у подножия, завернувшись в свой плащ, тогда как Сигурд развалился во весь рост на ветвях и уснул.

Когда они проснулись, солнце уже давно взошло; Сигурд, привстав, как-то странно поглядел на Сига.

— Этой ночью я видел сон, — сказал он тихим голосом, словно обращался больше к самому себе, чем к мальчику. — И это был сон, посланный Силой, однако у меня не хватает знаний, чтобы понять его.

Они прошли в огромный зал, где снова сидел Регин на своем высоком троне, словно и не покидал его всю долгую ночь. А на его коленях лежала арфа менестреля. Время от времени он с отсутствующим видом дергал струну, издавая какую-то ноту. Перед креслом для гостей стоял накрытый стол с хлебом и сыром, медом и рогами, наполненными ячменным пивом. Регин пригласил присаживаться и отведать эти яства, и Сиг снова занял свое место на ступеньке перед креслом.

— Хорошо спалось этой ночью? — спросил Регин, как вежливый хозяин.

— Мне снился сон, — ответил Сигурд.

— И что же тебе снилось, Королевский Сын?

— Что я стою на вершине горы, окруженной другими горными пиками, хотя и не такими высокими. А вокруг летают орлы, у ног лежит белый снег. И там были норны — Урд, Повелительница Прошлого, находилась на востоке, на восходе, и в ее пальцах крутилась нить, которая мерцала, словно образованная лучами самого солнца. Верданда, Повелительница Настоящего, была подальше, в море, где встречаются небо и вода. Она подхватывала эту нить и плела фиолетовую с золотом ткань, прекраснее любой, что я видел на королях. Но уже сплетенную ткань Скульд, Повелительница ужасного Будущего, выхватывала из рук ткачихи и разрывала на кусочки, которые отшвыривала от себя так, что они падали у холодных белых ног еще одной норны, которая наблюдала за всеми ними. И это была Хел, королева мертвых. И мне показалось, что это был сон, который хорошо начался, но очень плохо кончился.

— В этой жизни многие вещи хорошо начинаются и плохо кончаются, — заметил Регин. — Вот послушай одну историю... — И Регин, человек уже в годах, запел.

Голос его зазвучал во всю силу, и это был голос великого менестреля. Они слушали его, словно зачарованные каким-то колдовством. Более того, пока Регин пел, он изменился, его седые волосы и борода исчезли, и они видели не Регина Повелителя леса на высоком троне, а скорее Мимира, мастера-кузнеца.

А потом он отложил арфу и рассмеялся.

— Эй, я — Мимир, который был Регином. Но это другая история, и еще не настала пора рассказывать об этом. Но это верно, что тебе, Сигурд Королевский Сын, предстоят великие дела. И меч, что ты носишь, выкован из обломков другого — дара Отца Всего Сущего. Хотя он и не был добрым для одного твоего предка. А теперь ты должен достать себе коня,

который так же хорошо послужит тебе, как оружие, возможно, даже лучше.

— И где же я найду такого коня, мастер?

— Ты отправишься на север, к великану Грифу, и попросишь у него коня. На его пастбищах пасутся самые лучшие кони в мире.

— Хорошо, — кивнул Сигурд. — И это я должен сделать немедленно?

— А чего ждать?

И когда Сигурд Королевский Сын собрался в путь, он повернулся к Сигу, который стоял, дожидаясь его приказа, и за поясом его не было меча, лишь крепкий посох в руке.

— Это поиск не для тебя, паренек.

— Господин, я не останусь брошенным тобой. Даже если ты не позволишь мне пойти, я все равно последую за тобой.

Сигурд долго-предолго разглядывал его. А потом снова кивнул.

— Хорошо, — повторил он, как Мимиру-Регину. — Я помню, что мы каким-то образом связаны судьбой, хотя почему, не вполне для меня ясно.

Путь был долгим, и прошли ночь, день, еще ночь и день... Иногда путники пробирались через леса, иногда через мрачные болота или шли по крутым горным тропам. Потом выходили на прекрасные, замечательные земли, где в их честь устраивали пиры во дворцах, повелители просили их остаться там на некоторое время, однако Сигурд не соглашался.

Путь действительно был нелегким, Сиг с трудом выдерживал напряжение. Больше он не мог скрывать свою клешнеобразную руку: он должен был хвататься за скалы и кусты там, где требовала дорога. И он уже так привык к этому, что временами забывал, насколько уродливой выглядит его рука.

Через некоторое время они добрались до заваленного снегом дворца, выстроенного из огромных валунов, двигать которые не под силу людям. Стены дворца были белые, а внутри возвышались зеленые колонны, холодные на ощупь, словно вырубленные изо льда. Там располагался высокий трон, сделанный из мощных зубов морских коней, а

над ним смыкался каменный свод. Тот, кто сидел на троне, в руках держал посох, высеченный из слоновой кости, плечи его прикрывала фиолетовая мантия, а седая борода свисала почти до самого зеленого пола.

Он был огромен, и Сигурд казался рядом с ним просто маленьким мальчиком. Но властелин улыбнулся и приветствовал их. И они сели и поужинали, а тем временем хозяин и Сигурд говорили о Срединном мире, откуда они прибыли, о небе над их головой и о морях, окаймляющих землю. Сиг, отдохнувший и хорошо наевшийся, слушал их. Он и не заметил, сколько длилась эта замечательная беседа. Но вот наконец Гриф ударил острием посоха по столешнице и воскликнул:

— Хватит, Сигурд Королевский Сын. Мой слух с наслаждением внимал музыке твоего голоса: слишком много времени прошло с тех пор, как смертный искал меня, чтобы сообщить последние новости из Срединного мира. Но, как мне думается, ты прибыл по какой-то причине, и эта причина скачет на четырех ногах на моих пастбищах. Разве не так?

— Лорд Гриф, воистину так.

— Так тому и быть. Отправляйся на мои пастбища, Королевский Сын, и сделай мудрый выбор: от правильности этого выбора будет зависеть твоя жизнь.

Вот они и направились на пастбища. И там паслись такие кони, подобных которым Сиг никогда прежде не видел. И все они были прекраснее самых лучших, что имелись в конюшне любого короля в Срединном мире. Мальчик спросил себя, как же Сигурд сделает выбор. Не успел он подумать об этом, тень упала на землю, где они стояли. Тень какого-то человека.

Камзол и плащ у него был серого цвета, капюшон — синего, и на одном глазу — повязка. Однако второй глядит вдвое пронизательнее, чем глаз любого смертного, подумал Сиг.

— Итак, Сигурд Волсунг, ты пришел сюда, чтобы выбрать коня под стать мечу, что носишь ты?

— Да, Великий.

— Тогда слушай. Выбор нужно делать очень тщательно. Отгони этот табун к реке. Тот конь, что переплывет поток, а потом вернется к тебе, Грейкелл, и нет равных ему.

— Благодарю тебя, Великий.

Но единственный глаз не улыбался.

— Позднее поблагодаришь меня, Сигурд, когда вся нить будет спрядена, вся ткань соткана, а Скальда завершит свою роль в этом деле. А до этого еще не скоро, все это тебе еще предстоит сделать.

Сигурд слегка наклонил голову.

— Разве может человек изменить волю Скульд? Я лишь делаю то, что должно быть сделано, стараясь изо всех сил.

— Так говорят все люди. А теперь иди и возьми Грейкелла.

И снова он исчез, будто его никогда здесь и не бывало. Но теперь Сиг был умнее, чем тогда, в кузнице. Конечно же, перед ними предстал Один, Отец Всего Сущего, чтобы принять участие в их судьбе, и поэтому мальчик был больше чем испуган.

Все случилось так, как и предсказывал незнакомец. Сиг и Сигурд направили лошадей к берегу реки. Все кони, кроме одного, отказались от попыток переплыть через реку; на противоположном берегу этот конь встал на дыбы и с вызовом заржал. А потом вернулся и замер перед Сигурдом, тычась мордой в его ладони, когда тот протянул к нему руки.

Грейкелл оказался силен, достаточно силен, чтобы нести на своей спине их обоих во время долгого обратного путешествия к залу Регина в лесу. Еще раз они наелись до отвала, а когда покончили с едой и напились, Регин-Мимир взял в руки свою арфу. На этот раз он пропел им историю, которая притягивала к себе каким-то мощным чуждым колдовством: но только ее мелодия совершенно отличалась от тех, что передаются из поколения в поколение родом человеческим, — какая-то странная, темная история.

Началась она в давние-предавние времена, когда племя богов-асов чаще посещало Срединный мир, принимая облик людей. Так приходил Один, Отец Всего Сущего, чтобы

дать людям знания и силу, а вместе с ним и Хенир, который принес веселье и смех. Однако вслед на земле появился и Локи, окутанный темным облаком хитрости, обмана и лживых мыслей.

И вот в те давние времена коварный Локи шутки ради убил Оддара, который принял облик выдры, чтобы исследовать глубины озера. А потом — отвратительная насмешка — он подарил шкурку отцу Оддара, Храйдмару. После чего Храйдмар созвал своих остальных сыновей, Фафнира и Регина, и они все вместе потребовали родового выкупа в золоте, достаточном, чтобы покрыть всю шкуру выдры.

Боги-асы бросили жребий, и Локи выпало отправляться за золотом, а Один и Хенир остались заложниками. Локи торговал у морской королевы Рэн ее замечательную сеть, с помощью которой сумел поймать короля гномов Андвари, который скрывался в чешуйчатой шкурке лосося. От Андвари, в обмен на свободу, Локи получил огромное количество драгоценностей гномов. Вдобавок ко всему он еще сорвал с пальца Андвари кольцо, имевшее форму змеи, которая зажала в своей пасти собственный хвост. Чешуйками в шкуре этой змеи были бриллианты, а глазами — рубины.

Но потом Андвари сотворил мощное заклинание и проклял драгоценности и кольцо. Однако Локи рассмеялся и унес их в зал Храйдмара. Там они развернули шкуру выдры, и она становилась все больше и больше, пока не покрыла большую часть пола. На нее Локи высыпал кучу добытых драгоценностей и принялся ровнять поверхность. Но одна шерстинка осталась непокрытой, поэтому Локи вынужден был бросить на нее кольцо; сделав это, он передал вместе с кольцом и проклятие.

Боги-асы, выплатив свой родовой долг, ушли восвояси. А Храйдмар, глядя на такое огромное количество драгоценностей, возжелал их. Но стоило ему коснуться кольца, созерцая его, как сам он превратился в такую же змею. Регин закричал, увидев это, и убежал. А брат его Фафнир вытащил меч и убил змею, некогда бывшего его отцом.

А потом в свою очередь Фафнир посмотрел на золото и тоже возжелал его с такой силой, что важнее ничего на свете

для него не осталось. Он отнес золото в далекую пустынную землю и там разложил по земле, чтобы наслаждаться его видом. Среди прочих вещей нашелся замечательный золотой шлем, выполненный в форме головы дракона. Фафнир надел его, и так же, как кольцо превратило его родителя в змею, так и шлем превратил его в дракона.

Вот уже много лет лежат драгоценности в пустыне, охраняемые драконом по имени Фафнир, который давным-давно позабыл, что был когда-то человеком. И до тех пор, пока его не убьют, зло не покинет землю. Много людей пытались добраться до этих драгоценностей, но лишь находили свою смерть. И теперь Сигурд выбран судьбой, чтобы привести к концу правление Фафнира.

Сигурд Королевский Сын выслушал этот рассказ, и когда Регин закончил песню, сказал:

— Так тому и быть, Регин, кто был Мимиром и некогда гостеприимно принимал у себя асов-богов. Я встречу с этим твоим братцем-драконом.

— Но не один! — Регин снова стал кем-то другим, не Мимиром, снова появились седины и морщинистая кожа, отмечающие преклонный возраст. Лишь глаза его ничем не напоминали глаза смертного, вот почему Сиг и страшился их взгляда и был рад, что они не смотрят в его сторону. — Я покачу вместе с тобой.

— И я, — добавил Сиг; он знал, что должен. Возможно, Регину это не понравилось: он бросил быстрый беспокойный взгляд на Сига. Но не стал открыто выступать против предложения оруженосца.

Они ехали семь дней, пока не достигли земли, изрезанной огромными ущельями. Кругом валялось множество высоченных черных валунов, а расти — ничего не росло. Дорога тянулась, изгибаясь, к вершине горы, и им пришлось карабкаться вверх, хотя и дышать теперь стало труднее, и силы покидали их. Сигурд, как самый сильный, вел их вперед.

По другую сторону горы расстилалась равнина, на которую они взглянули уже с наступлением темноты. Вокруг россыпи мерцающих огоньков двигалась какая-то огромная тень, с которой Сиг отнюдь не жаждал познакомиться

поближе. Они спустились к берегу реки, которая барьером протянулась между ними и долиной. Вода оказалась густой и темной, словно и не вода вовсе, а какая-то ужасная слизь. И по ее поверхности иногда пробегала рябь, как будто от скрывавшихся там безымянных чудовищ.

Когда они достигли берега этого темного и внушающего угрозу потока, уже наступил день, но солнце никак не появлялось на небе. Не могли они рассмотреть и облаков, все вокруг окутывал серый сумрак, едва ли светлее ночной тьмы; сквозь туман с трудом пробивалось сияние проклятых драгоценностей. Ведь там находилось то, что притягивало к себе, заставляло любого человека бросаться вперед и хватать пригоршню за пригоршней.

Там лежали самоцветы, вставленные в короны давно забытых королей, браслеты, ожерелья, кольца, мечи с рукоятками, изукрашенными драгоценными камнями, ослепительно сверкающие щиты, и все они свалены были вместе. И от одной кучи к другой ползал страж, совершая свой бесконечный обход.

Смутные отблески волновали странный туман, поднимавшийся от драгоценностей, а потому невозможно было ясно рассмотреть Фафнира. И в то, что он до сих пор сохранил сознание человека, верилось с трудом. Это создание было таким же громадным, как и великан Гриф, тем не менее оно ползало на животе, чуть-чуть приподняв рогатую голову над землей. За телом волочился длинный хвост, и обрубки маленьких крылышек топорщились на плечах.

Еще на противоположном берегу они увидели проложенный в глине ров, который обрывался у воды. Возможно, он отмечал путь Фафнира к водопою.

— Умеете плавать? — Регин-Мимир присел на корточки на берегу, задумчиво глядя на реку. Потом взял в руки посох и ударил им по воде, будто в поисках брода. Возникло волнение и водоворот. Регин вскрикнул и отпрянул. Но то, что он теперь держал в руках, было лишь половинкой посоха. Остальную часть словно отрезало гигантскими клешнями.

— Похоже, — начал Сигурд, глядя на печальное доказательство скрывающейся под поверхностью воды опасности, — переплыть не удастся.

Регин-Мимир хитро посмотрел на сына короля; Сигу все меньше и меньше нравилось то, что, как он полагал, скрывается за этими вовсе не человеческими глазами.

— Как же тогда, по-вашему, нам добраться до цели, которую мы пришли уничтожить?

И не успел он это сказать, как на реке появилась лодка. Откуда она взялась и почему они раньше ее не заметили, Сиг не понимал. Она напоминала одну из тех лодок, какими пользуются на озерах в осенний сезон охотники на диких уток, и в ней плыл какой-то человек, без видимых усилий работая веслами. И всякий раз, когда весла погружались в воду, Сиг ожидал, что они сломаются, однако они оставались целыми и невредимыми.

Гребец так низко склонил голову, что в полумраке они никак не могли рассмотреть его лицо под синим капюшоном. Но Сиг не сомневался, что один глаз на этом лице закрывает повязка. Он слегка вздрогнул и крепче сжал свой посох.

— Здравствуй, Сигурд Волсунг! — незнакомец подвел лодку к берегу и, выпрыгнув из нее, предстал перед ними. И хотя он ни к чему не привязал лодку, ее не сносило потоком воды — она просто застыла на месте.

— Здравствуй, Отец Всего Сущего! — на этот раз и Сигурд посмел назвать его по имени. — Будучи тем, кто ты есть, ты знаешь причину, по которой мы прибыли сюда.

Казалось, единственный глаз смотрит не только на Сигурда, но и на его спутника. И Сиг не мог отвести свой взгляд в сторону. Что могут они сделать, кроме того, что предрешено было нормами, — когда сам Один, Отец Всего Сущего, принимает участие в их судьбе?

— Причина известна, — ответил незнакомец. — Ни человеку, ни асам-богам не повернуть и не изменить ткань судьбы или удачи. С самого начала в этом рискованном предприятии была доля моего участия, вот поэтому я теперь должен

помочь и в его окончании. Ни смертные, ни асы-боги не могут встретиться с Фафниром на поле битвы в открытой схватке. Поэтому вот что вы должны сделать: раз в день, ближе к вечеру, Фафнир приходит к реке напиться — вы видите ров, который он проложил к воде. Выкопайте яму, прикройте ее землей и сами скройтесь в ней. А потом, когда Фафнир будет проползать над вами, нанеси кинжальный удар вверх, в мягкую плоть брюха, единственное место, которое Балмунгу под силу поразить.

— Отец Всего Сушего, мы благодарим тебя за помощь.

Незнакомец медленно покачал головой.

— Погоди благодарить, пока ты жив, Сигурд Королевский Сын. Благие намерения не всегда приводят к добру. Иногда — ко злу. Однако такова твоя судьба, и поэтому так и должно быть. И это лучший план, что я могу предложить вам.

Потом он повернулся, сделал шаг прочь от них и исчез. Тут же Регин-Мимир бросился вперед и, ухватившись рукой за лодку и оглядевшись, с пылом бросил:

— Совсем мало времени у нас, чтобы устроить ловушку. Идем, Сигурд Королевский Сын, который вскоре будет зваться Сигурдом Проклятием Фафнира.

Так образом они переплыли реку — Сигурд правил одним веслом, а Сиг — другим. Регин-Мимир не помогал им, только неотрывно смотрел на противоположный берег, словно одно его страстное желание могло ускорить их продвижение вперед. И совсем скоро они добрались до рва, проложенного драконом, и он оказался глубоким, в рост Сигурда, и вдобавок стенки его были покрыты слизью, отдававшей такой отвратительной вонью, от которой человека могло стошнить. И сразу они получили предупреждение о том, что случилось с предыдущими смельчаками, отважившимися проникнуть на землю Фафнира. Когда Сиг сделал неосторожней шаг, из-под ног его выкатился череп. А рядом валялся меч с оплавленным клинком.

Сигурд спрыгнул вниз прямо в середину этого отвратительного рва и Балмунгом начал разрыхлять землю, плотно утрамбовавшуюся под чудовищным весом дракона. Затем он

передавал ее вместе со слизью вверх, Сигу, который относил ее подальше в суме, сделанной из плаща. И снова Регин-Мир не принимал никакого участия в деле. Он сидел, скрючившись, словно огромный серый паук, застывшим взглядом окидывая долину, где вспыхивали яркими огнями драгоценности, между которыми ползал Фафнир, чтобы удостовериться в том, что ни одна, даже самая крохотная их часть, не исчезла.

Наконец они закончили работу: Сигурд уже мог полностью поместиться в выкопанной яме. Затем Сиг тоже спустился вниз и развернул свой испачканный в земле плащ над Сигурдом, подсыпал земли и разровнял ее, пока на его взгляд все не стало выглядеть так, как было до их прихода. После чего он подошел к Регину-Мимиру и коснулся его руки. Мастеркузнец, казалось, пробудился от какого-то сна: еле поднявшись, он на негнущихся ногах пошел к лодке. В этот раз старик помогал мальчику, работая веслом, и они вернулись туда, где оставили Грейкелла и остальных коней. Лошади стояли, настороженно наклонив головы.

Теперь оставалось только ждать, и Сиг обнаружил, что это хуже всего. Наконец сумрак, который царствовал здесь весь день, сгустился еще больше, так что блеск драгоценностей на равнине усилился. И когда чудовищная тень Фафнира повернула от драгоценностей ко рву, Сиг с такой силой сжал свой посох, что ногти вонзились в дерево и руки заныли от боли. Это было жуткое зрелище — огромная чешуйчатая тварь ползла, извиваясь, в земляном рву. И Сиг знал теперь, что в его жилах течет отнюдь не кровь героя, как у Сигурда, и мучительно ждал, когда произойдет нападение на дракона.

А чудовище все ползло и ползло вперед, и вот рогатая голова показалась уже совсем близко от реки. Что, если Сигурд задохнулся или раздавлен? Но конечно, он бы до этого успел напасть!..

И когда сердце Сига переполнилось страхом, передняя лапа дракона взметнулась вверх, а из горла вырвался крик, от которого задрожала земля. Хвост начал хлестать по земле, глубоко вбивая в ее поверхность камни, случайно попавшие

под удар. Из открывшейся в брюхе дыры забила темная струя отвратительно пахнущей жидкости. Извиваясь всем телом, Фафнир свалился к реке, а затем голова его упала вниз, и он ударил ею по собственной ране, словно в наказание за мучения, которые та причиняла ему.

Изворачиваясь, крутясь, дракон пытался побороть смерть, его огромное тело еще раз приподнялось, а потом он рухнул в воду, и фонтаном бившая темная жидкость окутывала воюющей пеной его крылья, лапы с огромными когтями, чудовищный хвост. Вся вода вокруг забурлила, словно те, кто жил в ее глубинах, собрались здесь на пиршество, которого совсем не ожидали. Так началась вторая битва. Сиг понял, что не может следить за ней, и спрятал лицо в ладонях, пытаясь не слышать ужасных звуков сражения.

Благосклонная судьба не допустила, чтобы битва в реке нанесла какой-нибудь ущерб их лодке или унесла ее вниз по течению. Когда Сиг рискнул посмотреть, вода больше не волновалась, и мальчик помчался к лодке и приготовил весла.

— Мастер! — позвал он Регина-Мимира, который сидел неподвижно на скале, внимательно наблюдая за рекой со странной улыбкой на устах. — Мастер, мы должны отправиться за лордом Сигурдом!

— Ага. — Мастер-кузнец встал и, подойдя к лодке, взял одно из весел. Потом подстроился под ритм движений Сига, и они поплыли через реку.

Едва они коснулись берега, совершенно разбитого последними отчаянными усилиями дракона, Сиг выпрыгнул из лодки и побежал по рву, проложенному Фафниром: Сигурд до сих пор не выбрался из ловушки, и мальчик боялся, что случилось самое худшее — убив дракона, Сигурд сам погиб.

Ров наполовину заполняла темная кровь, вытекающая из тела Фафнира, и от нее исходила невыносимая вонь. Сиг уже приготовился нырнуть в нее, несмотря ни на что. Однако когда он добрался до места, где, по его расчетам, должна была находиться яма, там что-то зашевелилось. И из вонючего месива поднялся тот, кого он искал, настолько вымазанный грязью, что не походил на человека. И он шел, спотыкаясь и покачиваясь, словно раненый.

Каким-то образом Сиг вытащил своего господина из рва и сорвал с себя куртку, чтобы вытереть кровь дракона и очистить Сигурда от слизи; тот тяжело дышал, будто его легким не хватало воздуха.

— Господин, куда ты ранен? — Сиг отчаянно принялся счищать с него эту грязь, чтобы посмотреть, насколько серьезные раны, приносящие такие страдания.

Но постепенно Сигурд выпрямился и задышал более свободно.

— Я не ранен, — выдохнул он. — Это все из-за вони этой твари и того, что вытекло из нее. Балмунг отлично выполнил свою работу. Фафнир мертв, драгоценности освобождены.

Он несколько раз вонзил огромный клинок глубоко в землю, чтобы очистить его лезвие. А потом с помощью Сига повернулся и бросил взгляд на долину, где лежали груды драгоценностей. И хотя уже совсем стемнело, свет, исходящий от сокровищ дракона, позволял им видеть не только то, что лежало там, но и всю землю вокруг.

И от одной кучи к другой бегала какая-то маленькая съжившаяся фигурка. Вот она схватила какую-то корону и высоко подняла ее, но лишь затем, чтобы снова со звоном бросить обратно. А вон там она закрутила сверкающее ожерелье, словно метатель пращу, вложив в свое оружие камень. И снова она со звоном отбросила ожерелье, попав в какой-то щит. А потом распростерла перед собой руки, по-видимому, желая прижать к морщинистой груди все то, что лежало там, — и держать так вечно.

Регин-Мимир! Но куда же делся тот мудрый мастер-кузнец, которого знал Сиг большую часть своей такой еще короткой жизни? Это... ведь это создание — не он. Регин-Мимир вновь изменил свой облик, он стал, наверное, не драконом, а...

Внезапно эта фигура, метавшаяся среди груд драгоценностей, повернулась к ним лицом. И Сиг увидел оскалившиеся в ухмылке клыки, ничем не напоминавшие человеческие. Фигура наклонилась к сверкающей груди, вверх взметнулась рука, в которой засияла какая-то вещь. Потом помчалась в их сторону со скоростью, превышающей галоп Грейкелла.

— Мои! Мои! — пронзительно кричал Регин-Мимир, приближаясь к ним. — Мои драгоценности! Смерть тому, кто коснется их!

Он не принимал никаких мер защиты, с безумным взглядом бросившись на Сигурда. Сиг увидел кинжал с длинным клинком, сверкающий и острый. Но взметнулся вверх Балмунг, и Сигурд нанес удар.

Скрюченное тело, стареющее прямо на глазах, упало. И тем не менее голова все-таки приподнялась вверх от сгорбленных плеч, и из сморщившихся уст слетело последнее слово, брошенное, словно вызов:

— Мои!

Сиг отшатнулся. А Сигурд расстегнул свой испачканный и порванный плащ и, наклонившись, набросил его на скорчившееся тело.

— Он был мастером-кузнецом и человеком чести, — проговорил он тихим голосом. — Но он не смог убить своего дракона и поэтому был убит сам.

— Своего дракона?

— Да. Алчность — вот чем был его дракон, и он по-прежнему властвует здесь. Вот поэтому Фафнир и стал здесь стражем, хотя и сам был мертв. На эти драгоценности было наложено сильное проклятие. И оно достигало любого, кто решался поднять их. Поэтому лучше оставить их, пусть лежат здесь, пока не настанет конец мира.

И Сиг, глядя на озаренные призрачным светом драгоценности, горящие, словно адский огонь, понял, что это правда.

Поэтому они и поскакали подальше от этой пустыни, оставив все позади. Они продолжали выполнять узор норн, проживая свои жизни так, как было им уготовано.

СИРРУШ-ЛО

— Пусть лежат, как и сказал Сигурд. Проклятие Фафнира, пусть лежат...

Слова эти эхом отдались в пыльной и темной комнате. Сиг поднял голову. Он держал руки перед собой, ухватив-

шись за край стола с такой силой, что они ныли от боли. Он ведь должен держать посох... и куда делась река... горы... Грейкелл и остальные кони? Мальчик потрянул головой, пытаясь избавиться от иллюзий сна. Неужели это был сон? Такой реальный... такой реальный! Во сне же нельзя есть, уставать или чувствовать. Сигурд был по-настоящему реален, как и Мимир, и Фафнир...

А перед ним по-прежнему красовался Фафнир, серебристый, яркий. Сиг поднял руку, чтобы ударить по картинке-головоломке, которую он с таким трудом собрал, — по серебряному дракону. Но почему-то мальчик не смог коснуться его. Он же... он же почувствует... НЕТ!»

Он так торопливо рванул назад стул, что тот с грохотом упал на пол. Снаружи сверкнула молния, и Сиг окончательно понял, в каком месте находится, хотя еще не был до конца уверен, что же произошло с ним. Он только знал, что ему нужно выбираться отсюда... идти домой...

Сиг пробежал из комнаты обратно в старую кухню. Капли дождя проникали через открытое окно. Но он не забыл, что нужно сделать еще одно дело... тот стол... Рэс...

Мальчик постоял в нерешительности несколько секунд у окна. Меньше всего ему хотелось еще одной драки. Однако он не мог, никак не мог оставить Рэса запертым в подвале. Сиг бросился к столу, приваленному к двери, и яростными толчками, прилагая все силы, оттащил его от двери. А потом не стал ждать и бросился к окну, в дождь и темноту.

Кусты неухоженного сада буквально схватили Сига, когда он ринулся сквозь них по самому кратчайшему пути к выходу во внешний мир, в который он верил. Но еще один, другой мир по-прежнему оставался какой-то его частью. Он видел мысленно кузницу с Сигурдом Королевским Сыном, выковывающим могущественный меч, лесной дворец Мимира-Регина и то долгое путешествие к ужасной, истерзанной земле Фафнира.

Драгоценности! Это слово, всегда такое волнующее, теперь означало для него нечто совершенно иное. Фафнир завладел ими и превратился из человека в чудовище, погло-

щенное своей алчностью. Мимир, который был учителем Сигурда и хорошим другом, тоже превратился в чудовище, когда драгоценности предстали перед ним, хотя и несколько другим способом. А потом Сигурд сделал свой выбор, и оставил то зло, и поэтому вернулся героем.

Сиг снова и снова прокручивал в памяти все эти воспоминания, когда бежал домой. Должно быть, уже очень поздно. Папа вернулся домой, и он захочет знать, куда это сын запропастился. Но если он расскажет эту историю, ему никто не поверит! И в то же время мальчик не мог придумать ничего более подходящего. Сиг Клешнерукий не лгал, чтобы выпутаться из затруднительной ситуации. Если папа все же задаст вопрос, придется рассказать часть правды — что он проник в дом и нашел ту головоломку. Но рассказать об остальном... нет уж, увольте!

А дома-то никого и не оказалось. Сиг бросил взгляд на часы на полке у кухонной двери и недоверчиво уставился на них, а потом подошел поближе и встряхнул. Половина шестого! Его не было дома всего полчаса!

С трудом признав этот факт, Сиг стянул с себя мокрый плащ. В конце концов, он пришел домой раньше папы, и ему теперь не придется ничего рассказывать. Но мысли его постоянно возвращались к Рэсу.

Он не слышал никаких звуков из подвала, когда оттаскивал от двери стол, которым перегородил выход. Что, если там, в темноте, Рэс разбился или поранился? Никто ведь не знает, что он там, никто, кроме него, Сига. И он будет виноват, если Рэс лежит сейчас там, у подножия лестницы в темноте, возможно, со сломанной ногой, и никто не знает...

Сиг снова посмотрел на часы, думая о поступке, который ему меньше всего хочется совершать, — вернуться в тот дом, чтобы убедиться, что с Рэсом все в порядке. Папа, конечно, скоро придет домой, и если Сиг сейчас уйдет, ему точно придется потом все объяснять.

Рэс — крепкий парень, он, вероятно, уже выбрался из подвала и на пути к дому. Но что, если нет? Сиг вновь надел плащ. Потом поднял записку, которую оставила его мать, до-

стал авторучку и добавил несколько слов. По крайней мере папа будет знать, что он был дома и скоро вернется назад.

Не смея больше задерживаться (на случай, если он не сможет заставить себя вернуться туда, к тому дому, в этот дождь и в темноте), мальчик вышел на улицу.

Рэс сидел в темноте. Он уже обшарил руками все вокруг и знал, что находится на лестнице. А что внизу, ему вовсе не хочется знать. Сначала он сердито кричал, а потом гнев прошел, словно холод, поднимавшийся снизу, вытряхнул из мальчика злобу и остался только страх. После этого Рэс просто звал и стучал по двери. Но вокруг по-прежнему стояла тишина, и он понял, что Сиг, наверное, ушел из дома и оставил его одного!

Что же было в той коробочке такого, что так изменило Сига?

Странно, но почему-то Рэсу без труда удалось найти ее, словно Сиг оставил какой-то знак для него, совершенно четкий на этом пыльном полу, ведущий к тому листку бумаги, слегка выгнувшемуся кверху над шкатулкой.

В коробочке не оказалось ничего такого особенного — просто картинка-загадка. После всех рассказней Сига насчет спрятанных драгоценностей Рэс ожидал обнаружить что-то по-настоящему ценное. Он попытался избавиться от страха, поразмыслив о чем-нибудь другом. Рассуждай логически, всегда говорит Чака. Жаль, конечно, что он ничего не рассказал ему прошлой ночью. Брат ушел на собрание, а когда вернулся домой, они с отцом сильно повздорили. Мама плакала. Неприятности! Одни неприятности в последние дни, когда Чака говорит одно, а отец — другое.

Никто не знает, что он здесь, никто не станет здесь его искать. Он действовал по собственной инициативе, и теперь ему придется выбираться отсюда тоже самостоятельно. Рэс упрямо вернулся к двери, хотя, похоже, в этом не было никакого толку. Однако он не отказался от попыток открыть ее, и в любом случае маленькая полоска света, пробивавшаяся с краев, лучше темноты, окутывающей все вокруг.

А затем он услышал топот ног человека, бегущего по старым половицам. Мальчик напряженно вслушивался в эти звуки. Сиг... Сиг возвращался — и в страшной спешке — из передней части дома. Что он делал все это время? Рэсу в сплошной темноте казалось, что он находится в доме по меньшей мере несколько часов.

Он прижался к двери. Сиг должен выпустить его! Он не может просто так взять и уйти, оставив Рэса запертым здесь... или может? Это всего лишь еще одна уловка белых. Чака велел никогда им не верить... Рэс открыл рот, чтобы закричать. Но вот шаги приблизились к двери. Сиг не должен узнать, что он готов воззвать к нему о помощи, — никогда не должен! Ничего не говорить, просто навалиться на него, когда он откроет дверь.

Рэс услышал скрежет двери по полу и, затаившись, стал ждать, пока та не откроется. Но вместо этого раздался какой-то новый звук, заглушенный грохотом грома, звук удаляющихся шагов. Рэс бросился к двери. Она открылась больше, чем до этого, потом снова натолкнулась на стол, но в этот раз щель оказалась достаточно широкой, чтобы Рэс смог протиснуться в нее. А секундой спустя он уже был в кухне.

Что же делал Сиг все это время в доме? Окно все еще открыто, и через него на веранду проникают капли дождя. Уже поздно, Рэс понимал, что лучше бы вернуться домой. Но он никак не мог преодолеть любопытство: он должен узнать, что же задержало здесь Сига. У него с собой собственный фонарик, поменьше, чем у Сига, но его света вполне достаточно. Эта коробочка с кусочками составной картинки-загадки, почему она так важна для Сига? Что, если Сиг провел все это время, пытаясь спрятать ее в другое потайное место?

Рэс направился в переднюю комнату. Чехлы с мебели никто не снимал, казалось, что большей ее части никто не касался уже долгое время. Мальчик прошел по коридору к двери в следующую комнату, и там луч фонарика осветил стул, опрокинутый на бок. А на столешнице яркими красками что-то сверкало...

Он быстро пересек комнату и направил луч фонарика прямо на стол. Тот казался подозрительно ярким. Но там находились только кусочки составной картинки-загадки, и часть из них была сложена вместе, так что получился серебристый дракон. Неужели именно этим и занимался здесь Сиг? Какого черта ему понадобилось сидеть в этой темной комнате и пытаться сложить части старой картинки-загадки, заперев тем временем Рэса, словно это какая-то запретная тайна?

Картина действительно выглядит странно — Рэс видел множество картинок-загадок, но ни одна из них не была настолько красочной. И этот дракон, когда смотришь прямо на него, казалось, шевелится. Но только нельзя быть уверенным, что ты видишь это в действительности, нет, просто чувствуешь это.

И ради этой головоломки Сиг подрался с ним. Однако потом он ушел отсюда, оставив дракона лежать. Рэс протянул руку с намерением смахнуть все картинки в пустую шкатулку. Так Сигу и надо, он сам возьмет ее с собой домой.

Только мальчик вдруг понял, что почему-то не может коснуться этих кусочков и сдвинуть их с места. Внезапно он повернулся и вышел из комнаты. Пусть останется здесь. Кому нужна эта старая картинка-загадка? Она ничего не стоит.

Рэс торопливо пробрался по дому и наконец вылез в окно. Он преодолел уже полпути, когда заметил освещенного уличными огнями Сига, возвращающегося назад. Рэс нырнул в кусты. Неужели Сиг возвращается за своей драгоценной картинкой-загадкой?

Когда Сиг направился прямо к окну и пролез через него внутрь, Рэс, петляя, бросился за Сигом, и, когда тот спрыгнул на пол, он уже был на крыльце и увидел, как тот освещает фонариком дверь в подвал. Потом он исчез за этой дверью. Должно быть, он спускался по лестнице в подвал. Но того, что ищет, он там не обнаружит.

Рэс побежал домой. Пусть белый остается там и охотится — ему это только на пользу. Но почему Сиг вернулся — чтобы снова драться с ним? Рэс был сбит с толку.

Удача была на его стороне, ему удалось пробраться в дом и в свою комнату так, что никто этого не заметил. Из передней части дома доносились голоса Чаки и мамы. Мама казалась рассерженной, что с нею случалось часто в последнее время, когда Чака заводил разговор о действиях его и таких же, как он, борцов за права черных. После того как Чака бросил колледж, мама с трудом выносит их. Как и когда Чака перестал ходить в церковь и начал говорить плохие вещи о том, что проповедник пытается сделать с учениками начальных классов.

Рэс уселся на край кровати и посмотрел на афиши, которые ему дал Чака, чтобы он наклеил их на стену. На одной — огромный черный кулак на красном фоне и множество непонятных иностранных слов под ним. Чака сказал, что это суахили, их собственный язык, и им следовало бы научиться разговаривать на нем. Его теперь преподают в школах африканцев, которые Чака помогает открывать.

Но сейчас Рэс вряд ли видел эту красно-черную привычную афишу, и голоса, доносившиеся снизу, стали для него бессмысленным бормотанием. Он теперь думал лишь о картинке-загадке, оставшейся лежать на столе, о том серебристом драконе, который, казалось, шевелится, когда прямо не смотришь на него, но стоит лишь задержать на нем свой взгляд, как он застывает.

На стенках шкапулки изображены четыре дракона. Красный дракон, желтый и синий. Синий дракон... едва Рэс подумал об этом драконе, как больше не мог выкинуть мысли о нем из головы. Хотя сейчас он вообще не мог четко представить его мысленный образ — просто ярко-синее пятно.

Сиг, вернувшись, спустился в подвал, чтобы посмотреть, там ли Рэс, мальчик в этом не сомневался. Но заберет ли он оттуда и картинку-загадку? Внезапно Рэс почувствовал беспокойство. В чем дело? Эта головоломка, в ней нет никакой ценности. Но... он не хотел, чтобы Сиг забирал ее! Ему, Рэсу, тоже необходимо снова увидеть ее!

Завтра — пятница, и после занятий мама хочет зайти за ним и отправиться покупать ему какие-то новые ботинки.

И отвертеться от этого нет никакой возможности. Утром в субботу... но мальчик был уверен — это слишком долго.

Его мысли прервал громкий хлопок двери — пришел Чака. Он всегда хлопал дверью, когда был в гневе. Теперь мама будет весь вечер раздраженна, а отец, когда придет домой, будет еще в худшем настроении, чем мама: он по-настоящему злится на Чаку. Рэс покачал головой и встал, чтобы снять пиджак. Ему так не хотелось, чтобы начинались снова эти споры, однако в словах Чаки есть какой-то смысл. Посмотрите на папу, он всю свою жизнь вкалывал, но никогда у него не было приличной работы — и все только потому, что он черный. В нынешнее время людям и не нужно работать непременно на приличной работе — нет, в самом деле не нужно. Однако все же отец говорит, что неправильно пытаться предпринимать что-то против закона. Чака же утверждает, что существуют два закона: один — для белых, а другой — для черных, и чернокожим нужно что-то делать с этим.

— Джордж? — раздался голос мамы от подножия лестницы.

— Да, я здесь, — торопливо ответил он. Бесплезно было пытаться просить родителей, чтобы они называли его Рэсом.

— У тебя есть полчаса перед ужином, чтобы выполнить домашнее задание. — Она всегда таким вот образом считала время. А когда папа придет домой и поднимется по лестнице в столовую на ужин, он заглянет к нему в комнату, чтобы посмотреть, какие книги Рэс принес домой.

Они хотят, чтобы он был в числе лучших учеников класса, а затем поступил в колледж. Однако Чака говорил... Рэс подвигал лежавшие на столе школьные учебники, которые дал ему папа. Да, конечно, в теперешние времена трудно уживаться внутри одной семьи. Когда он слушает отца, его слова кажутся разумными, но то же самое — и когда он слушает Чаку. Различие лишь в том, что они говорят совершенно противоположные вещи.

Мальчик пролистал страницы в дневнике, на самом деле не занимаясь поисками домашнего задания, а снова размыш-

ляя над складной картинкой-загадкой и серебристым драконом, которого сложил Сиг. Почему Сиг сделал это прямо там? Любой бы решил заняться этим дома.

Рэс вздохнул. Слишком много вопросов, и он редко находил ответы, которые устраивают всех, в том числе и его самого. Интересно, что скажет или сделает Сиг завтра утром на автобусной остановке. Если Сиг попытается сделать что-нибудь... пусть побережется! Рэс еще должен поблагодарить его за темноту и холод, в которых он ждал его возвращения на лестнице в подвале — этого он вовсе не собирался быстро забывать.

И Рэса настолько занимал вопрос о непонятных действиях Сига, что на следующее утро он даже пришел на автобусную остановку раньше обычного. Парнишка-китаец, Ким Стивенс, снова прижимался к стене, словно не мог обойтись без опоры. Между ног у него портфель, и он читает книжку в мягком переплете. У этого парнишки нос всегда уткнут в книгу. А у Арти Джоунса в руках новый футбольный мяч, и он похлопывает по нему, насвистывая и не обращая на Кима никакого внимания. Однако Сига не видно. Ага — вот и он идет сюда, почти бегом, в распахнутой ветровке, нахлобучив кепку на самый затылок, так что она едва не падает.

Сиг уставился прямо на Рэса с каким-то странным выражением на лице. Он пошел помедленнее, а потом бросил быстрый взгляд в сторону. Когда Сиг остановился рядом с Арти и принялся что-то быстро болтать, подошел автобус и их унесла толпа ребятишек. Ким держал палец между страницами книги, отмечая место, где читал. И едва они сели, продолжил чтение, словно Рэс, сидевший рядом с ним, был для него невидимкой. Арти, сидевший напротив, говорил о футболе. Рэс считал Арти болтуном. Он бегаёт за бандой Росса, но им он не нужен.

Рэс еще больше съехал вниз на сиденье и задумался. У него свои планы на субботу. Конечно, обычная работа по дому. Ага, ему нужно побывать в прачечной. Он может оставить одежду стирать, а сам тем временем удерет оттуда. Пра-

чечная находится лишь в двух кварталах от того старого дома, а там уж он разберется с этой картинкой-загадкой.

Мальчик не знал, почему ему так хочется посмотреть на нее, однако почему-то был убежден в необходимости этого. Хотя, конечно, если Сиг уже забрал головоломку оттуда, то, разумеется, он никогда снова не увидит ее.

На следующий день все складывалось как нельзя лучше. Рэс отправился в прачечную. И вот у него в запасе двадцать пять минут, так что если он будет бежать, то времени вполне хватит, чтобы добраться до старого дома и вернуться назад. Торопясь по улице, Рэс искал взглядом Сига. Чуть дальше, в квартале от него, Арти бил футбольным мячом о стену. Никого поблизости не было. И Рэс скользнул за кусты, чтобы как можно быстрее добраться до таинственного дома.

Он остановился и подождал целую минуту, наблюдая, прежде чем поднялся на крыльцо и, приподняв окно, подставил под него тот же самый кирпич, что и Сиг. Оказавшись внутри дома, он встал и прислушался. Снаружи доносился какой-то шум, однако в доме царила тишина.

Стараясь производить как можно меньше шума, Рэс начал пробираться по комнатам, двигаясь к той, где находился тот стол. Полоска света, проникавшего через открытые внутренние ставни, падала на стол и стул.

Картинка-загадка все еще находилась там, Сиг не забрал ее с собой. И она в том же самом состоянии, как и в последний раз, когда Рэс ее видел: серебристый дракон, свернувшийся клубком и вставший на задние ноги так, что кажется живым.

Неожиданно Рэс понял, что сидит и внимательно рассматривает частично собранную картинку-загадку. Он видел, что нужно сделать — сложить воедино еще одну ее часть. Мальчик поднял шкатулку, провел кончиком пальца по разделяющим ее на четыре части линиям — серебристый дракон сверху на крышке, красный — с левой стороны, золотисто-желтый — с правой, и странный, синего цвета, совершенно не похожий на остальных трех, еще более непреклонный и незнакомый, в нижней части. Потом мальчик отложил в сто-

рону все красные и желтые картинки, сосредоточившись на собирании в одну кучу всех синих.

И торопливо занимаясь сортировкой, он совсем забыл о времени и месте, где находится, лишь одно владело его мыслями — подогнуть один кусочек картинки к другому, потом следующий, и так далее. И вот у дракона уже выстроилась синяя нога, оба бедра, а теперь — и две передние лапы с когтями, как у птиц, хвост, длинный и тонкий, вздымающийся под углом к длинной, похожей на змеиную, шее. А теперь — вот этот кусочек лапы... зачем этому созданию иметь лапы, как у льва, спереди и птичьи когти сзади? Ага, вот и вторая нога! Нет — это скорее часть шеи. Рэс остановился на несколько секунд, чтобы более внимательно присмотреться к рисунку на шкатулке.

Голова дракона слегка откинута назад, как у лошади, и со лба к носу спускается конусообразный рог. Голова уже почти вся сложена. Вот еще несколько кусочков от верхней части шеи...

Хватая кусочки, выбирая, складывая их друг с другом, отбрасывая неподходящие, Рэс чувствовал растущее возбуждение. Что-то в этом странном образе было такое, что он уже знал, видел прежде — только не мог вспомнить, когда и где. Мальчик нахмурил брови, когда искал кусочек, чтобы соединить голову с телом. Внезапно он закрыл глаза и попытался представить весь облик этого существа, а не думать о нем как о головоломке. Где же он видел его? Что-то такое, что показывал ему Чака? Рисунок в книге? Что-то слегка шевельнулось в памяти.

И вот сложено все, кроме одного кусочка когтистой лапы. Рэс остановился на несколько секунд в нерешительности, снова пытаясь припомнить, каким образом... когда... где... Должно быть, вот нужный кусочек, но он лежит перевернутый другой стороной. И странные отметины на пластинке кажутся мелкой клинописью в теперь уже разрушившемся узоре.

Он вспомнил! Письмена! Он видел такие письма в учебнике по истории — записи шумеров! Та клинопись была вы-

давлена палочкой на глине, которую потом обожгли, чтобы глиняные таблички стали книгами! Рэс был удивлен ясностью, с какой в нем поднялись эти воспоминания. Он осторожно взял два кусочка, которые сложил перед этим, и перевернул их. Каждый пересекала какая-то клинопись, однако письмена были разными. Шумеры жили очень-очень давно. Зачем эти письмена здесь, с обратной стороны кусочков головоломки?

Нужно что-то сделать с этим драконом, мальчик был уверен в этом. Кирпичи! Да, кирпичи! Он вдруг увидел в своем мозгу картину, которую искал, — стену и на ней — странную фигуру, сложенную из разноцветных кирпичей.

— Сирруш-ло!

Рэс вздрогнул, оглядел эту затемненную комнату. Кто произнес это? Он... он сам, наверное! Но каким образом... и почему?

Сирруш-ло. Мальчик посмотрел вниз на свое произведение, теперь законченное. Это его имя. И дракон пронзительно сверлил его глазами, словно ослепительными лучами горячего солнца.

ПРИНЦ ШЕРКАРЕР

Солнце так ослепительно сверкало, что кирпичная кладка пристани была горячая, как жаровня. И все же внутренне Шеркарер дрожал от холода. Но позволить этим бледнолицым варварам узнать, что и он способен испытывать страх!.. Он смотрел прямо перед собой, горделиво приподняв голову, как и должно ему — толгу, в ком течет кровь нубийского Пианхея, Властелина Двух Земель, фараона Египта, хоть он и раб в этом месте вздымающихся стен и странных бородастых людей.

Ему достаточно одного короткого взгляда на свое запястье, чтобы увидеть синюю татуировку на темной загорелой коже руки — сложившуюся кольцами Змею со львиной головой великого бога Апедемека — и вспомнить, что это такое. Сколько времени назад? Один день сплетается с другим, ко-

торый в свою очередь переходит в следующий. Сначала смутное ощущение боли, терзавшее его мозг после удара боевого топора о череп при взятии Напаты, города повелителей. А позднее, когда к нему возвратилась память, он обнаружил себя пленником, который продан как раб. Ах, эта мучительная горечь!

Нет лекарства, чтобы излечиться от ненависти, и он горячо ненавидит и тех, кто схватил его, но не убил в Напате, и купившего его торговца, и тех, кто столпился сейчас вокруг него. Может, он еще и не носит на щеках шрамы львиных когтей, однако он сражался, защищая себя, пока не осталось стрел и египтяне не захватили его, египтяне, которые ненавидят всех нубийцев с тех пор, как Пианхей показал, что они лишь тень воинов, и захватил их трон.

И нубийцы удерживали этот трон, пока наконец через поколение весы Судьбы не качнулись в другую сторону, и фараон Танветамани был изгнан на юг, но не египтянами! Нет, его изгнало войско ассирийцев. В этот раз наряду с египтянами Напату штурмовала орда варваров — белокожие морские бродяги, люди без роду без племени, наемники с севера.

Но они обнаружили, что люди Напаты, или Мерое, не легкая добыча. Губы Шеркарера открыли зубы в молчаливой ухмылке. Да, они сполна заплатили за опустошение города. Однако эти воспоминания не успокаивают сейчас его сердце: его не было среди тех, кому удалось отступить дальше на юг, в сердце страны Мерое.

У него теперь нет ни лука, ни меча, висящего на перевязи через плечо, готового взлететь для удара, ни топора в руке. Он, как и остальные на пристани, одет в одну лишь набедренную повязку. И они занимаются погрузкой тяжелого груза на корабль, который прибыл по реке еще на заре. Этот груз... Шеркарер вздрогнул.

Он знал диких охотников с болот к югу от Мерое. Знал еще с тех времен, когда малышом бегал во дворе матери и слышал странные истории о них. Ибо его матерью была Барбара, принцесса Мерое, внучка Кандасы, королевы-матери. При ее дворе собирались все, кто приходил и уходил в даль-

ние края, так что она могла слушать их рассказы и докладывать об этом в Напату.

В те дни купцы из караванов, следовавших к портам в заливе, и люди с юга, где водится много странных и почти невероятных существ, охотно рассказывали свои истории, и писари записывали их. Вот так охотники из болот и рассказали о демоне-чудовище с болот — ло, и тогда Кандаса приказала изловить эту тварь и доставить к ней, чтобы она смогла предложить ее Апедемеку. И фараон Асоплета, ее сын милостью великого бога Амона, поставил свою печать под этим приказом.

Когда раздается Великий Голос, люди повинуются. Но понадобился целый год и еще двадцать дней. Люди умирали столь ужасной смертью, что выжившие говорили об этом только шепотом, бросая косые взгляды по сторонам. Наконец ло был доставлен в клетке в Мерое. И те, кто видел его, понимали, что он не может быть ничем иным, кроме как демоном: его облик не походил ни на какое обычное животное. И все же его поймали в ловушку люди, посадили в клетку и отправили на север. Так что разве можно сомневаться в мужестве нубийцев?

Шеркарер, глядя сейчас на эту клетку, поставленную на повозку и завешенную циновкой, спросил себя, о чем бы подумали те, кто находится вокруг него, если бы эта циновка вокруг клетки внезапно упала и они увидели, какого рода тварь они перевозят. Ему очень хотелось, чтобы это случилось: он не сомневался, что тогда все люди поблизости обратятся в бегство.

Он снова унесся мыслями в прошлое, к дням, проведенным при королевском дворе, до того, как стал рабом. Он хорошо помнит, как ло был отправлен из Мерое во дворец Кандасы в Напате. И Шеркарер отправился вместе с отрядом, охранявшим тварь. Его мать хотела таким образом привлечь к нему внимание Великой, чтобы он сделал первый шаг на пути к будущему успеху. Он понравился Кандасе, а вот ло — нет: Великая, едва взглянув на тварь, отдала приказ накрыть клетку циновкой и увезти ее в обитель Апедеме-

мека. Однако жрецы там не убили ло, а бережно ухаживали за ним, планируя принести его в жертву во время ежегодной великой церемонии в храме. Однако египтяне и варвары нанесли удар раньше.

После падения Напаты — конца этого сражения он не помнит — Шеркарер обнаружил, что сам он, наряду с ло, тоже часть захваченной добычи. Почему чудовище не убили, он не знает. Эта тварь оказалась дурным предзнаменованием — достаточно посмотреть, что случилось с Напатай после того, как ее доставили в этот город, и как мучаются рожденные в этом городе. Шеркарер стал пленником, а остальные, как он считал, погибли. И снова Шеркарер зарычал.

И ло, и Шеркарера купил один торговец по имени Ча-паз, и теперь они оба находятся в городе людей с белой кожей и крокодильей душой. Что, если богу-льву Апедемеку настолько не понравилось это чудовище, что он сам устроил нападение на свой народ, чтобы это помогло избавить от него храм?

А если так, не пало ли на Шеркарера проклятие, потому что он помогал доставить это чудовище в Напату? Но ведь он все-таки действовал по приказам, и это были приказы Великой, Дочери Апедемека, Львицы Земли.

Его губы тихо зашевелились, хотя он не произносил вслух молитву, которую слышал каждое утро при восходе солнца:

О, Апедемек, Напаты властитель,
Лев Юга, великий, могучий и сильный.
О прекрасный Бог, для нубийцев ты —
Самый лучший защитник,
И ни на Небе, ни на Земле ты не будешь лишним.

— Эй ты, черный, вниз!

Всегда готовый к удару бич хлестнул по плечам Шеркарера, возвращая его к безрадостному настоящему. Рабы, которые тянули завешенную циновкой клетку с ло, лежали лицом вниз на пристани. Другие, рожденные свободными, упали на колени, скрестив руки на груди и склонив головы. Послышался звук рожков. Приближалась какая-то процессия.

Бич болезненно ударил по плечам Шеркарера.

— Вниз, раб. Не тебе смотреть на казначея великого повелителя!

Шеркарер опустился на колени. Иначе его избьют до потери сознания; так уже было с ним, когда захватившие его люди в первый раз показали ему свою волю.

У крестьян есть поговорка: крыса ни по какому делу не может обратиться к коту. Однако верно также и то, что хоть луна движется очень медленно, она все же пересечет небо. Тот, кто сегодня держит в руках кнут, завтра может тщетно шарить пальцами в поисках кнотовища.

Он встанет на колени, однако им не заставить его опустить тело на кирпичи, как эти изнуренные от тяжелого труда рабы. И, наверное, они не решились наказывать его в присутствии повелителя: больше ударов кнута не последовало.

Во время этого долгого путешествия из Напаты нубиец уже неплохо узнал новый для него язык, чтобы понимать большую часть того, что ему говорили. Однако быстрая речь из произносимых нараспев слов, которую он сейчас слышал, оказалась для него ничего не значащей болтовней. Сначала твердой походкой подошли стражники, одетые в чешуйчатые доспехи; их длинные выющиеся бороды образовали на груди как бы еще один нагрудник.

Вслед за ними приблизилась колесница с возницей и пасажиром; сбоку от колесницы шли молодые люди в роскошных одеждах. Шеркарер искоса бросил взгляд на колесницу: он все же склонил голову. Человека, ехавшего в колеснице, обмахивали двумя опахалами из перьев.

Этот человек отнюдь не походил на воина. Он был невысокого роста и толстоват, так что живот немного выдавался вперед, холмиком выпирая из-под богатого одеяния. Борода его тщательно расчесана и сверкает от масла, как и длинные локоны, ниспадающие на плечи, их удерживает широкий золотой обруч. Одеяние его желтого цвета, поверх него — похожий на шаль красный плащ, закрепленный на одном плече брошью со вставленным в нее сверкающим самоцветом.

— Сто жизней возлюбленному повелителя! — эти слова Шеркарер смог разобрать. — Долгой жизни Асфезаа, любимцу Мардука!

Когда колесница замедлила ход, стражники выстроились одной линией, а молодые люди, шагавшие пешком сбоку от нее, собрались в одну группу. Асфезаа, Казначей, даже не пошевелился, однако возница поднял хлыст и величественно поманил.

Торговец Ча-паз на корточках, не поднимаясь на ноги, направился вперед. Молодые люди расступились перед ним, и он таким вот раболепствующим образом подполз к колеснице; возница отдал какой-то приказ.

Ча-паз точно так же неуклюже попятился назад и махнул рукой своему человеку, который следил за рабами. Этот надсмотрщик тоже на четвереньках подполз к завешенной клетке и одновременно с помощниками, находившимися у противоположной стороны клетки, начал поднимать края циновки.

Циновка закрипела, смялась складками. От ло волнами расходился сильный смрад, а когда лучи солнца проникли в клетку, раздался странный звук: ло создание ночи и ненавидит свет и жару.

Темная фигура задвигалась, начала биться о клетку, ударя головой с рогом о тройные прутья. Рабы встревоженно закричали, оторвав лица от земли, на которой они распростерлись перед церемонией. И стражники подняли вверх острые копыя, приготовившись пустить их в действие, словно боялись, что чудовище вырвется на свободу.

Даже их господин отодвинулся чуть дальше, не сводя глаз с плененного существа. А потом, после второго знака возницы, циновка упала на прежнее место, и ее тщательно привязали снизу. Ча-паза снова подозвали ближе.

В этот раз говорил Асфезаа, хотя он и не повернул голову, чтобы посмотреть на человека, с таким раболепием ожидавшего его слов. А тот торопливо отскочил на корточках назад, чтобы не быть раздавленным и растоптанным колесницей, стражниками и остальной процессией, которая направлялась отсюда в сторону города: Шеркарер уже знал, что находится на пристани, обслуживающей крепость. В этом краю кре-

пость защищает торгующих здесь купцов, и их домов столь же много, как и в любом другом большом нубийском городе.

Тотчас бичи надсмотрщиков снова зашелкали, и клетка на повозке медленно тронулась в путь. Шеркарер вскочил на ноги. Между его лодыжками проходил бронзовый стержень, чтобы он мог идти, лишь ковыляя, а кисти стягивала веревка.

— Эй, ты, отродье развопившегося шакала! — хлыст, направленный опытной рукой, скользнул по плечам, уже ослабевшим от такого обращения. — Шевелись!

Понукаемый таким образом, Шеркарер присоединился к процессии, шагая перед громоздкой клеткой. В жару вонь стала еще сильнее, вокруг клетки распространялось облако смрада. Ча-паз, уже поднявшийся на ноги, шел горделиво и с важностью, словно никогда перед этим не раболепствовал перед господином. Другие рабы несли деревянные и металлические сундуки, некоторые из них, как знал Шеркарер, часть добычи из Напаты. Позолоченная статуя с бараньей головой Амона-Ра и инкрустированный сундук — их могли забрать только из дворца фараона.

Рабы, несшие добычу, не нубийцы. Шеркарер лишь один здесь из Нубии, и это унижает его так, словно он ползает на животе перед этими белокожими. Он, королевского рода, украшенный символом змеи, он такой же раб, как и эти! Он — вроде одного из львов в замке Апедемека, захваченных торжествующим врагом.

Шеркарер вздрогнул от этой мысли. Как смеет он, тот, кто потерпел неудачу перед великим богом, кто не умер доблестно в сражении, но лишь стал рабом, сравнивать себя со слугами Апедемека? Подобные мысли могут вызвать еще более сильный гнев бога-льва! Шеркареру на память пришли другие слова из утреннего гимна:

Бог, опаляющий недругов горячим дыханием

Одного лишь упоминания своего имени.

Бог, карающий за совершенные против него

преступления...

Люди Напаты, наверное, в чем-то немилосердно провинились, иначе бы Апедемек не отвернул от них своего лика.

Ослепительно сияло солнце, плечи юноши ныли от боли в тех местах, где опускался хлыст, да к тому же еще ощущение безнадежности — от всего этого Шеркарер ослаб и чувствовал головокружение, такое, что время от времени спотыкался. Но все-таки продолжал идти, стараясь не терять гордого вида принца Нубии, даже став пленником этих варваров.

Он все меньше и меньше обращал внимание на обстановку вокруг, пока наконец его не впихнули в какую-то комнату, такую темную, что, когда дверь захлопнулась, он не смог ничего разглядеть. Больше не выказывая чувства собственного достоинства, пленник упал на колени и улегся на полу, глядя вверх на давящую темноту. Стены, наверное, толстые: здесь очень прохладно.

Шеркарер тупо спрашивал себя, что теперь будет с ними, не кончится ли все тем, что его отправят на галеры. Рабы в Мерое, Напате... он никогда не считал их за людей. Они трудятся на полях, пасут скот, прислуживают в домах. И больше ничего — их владельцы относятся к ним с той же заинтересованностью, как и к хорошей охотничьей собаке или же породистой лошади.

Что, если эти рабы, которых египтяне захватывали во время предыдущих войн, — дикие чернокожие люди с юга и несколько плененных торговцев (странно выглядящих, со светлыми волосами и глазами) — что, если они так же ненавидят его народ, как он сам ненавидит своих пленителей?

Напата теперь далеко, а Мерое — еще дальше. Возможно, ему никогда больше не доведется увидеть их снова, и он много лет проведет в этой жаркой пустынной земле. Шеркарер закрыл глаза и заставил себя не чувствовать собравшихся в них слез. Он — Шеркарер, старший сын принцессы Бартары, в нем течет кровь великого завоевателя Пианкхея, фараона двух земель, властелина Нубии. Но теперь все это не имеет никакого значения. Он не взрослый человек, он юноша, ко-

торому еще не доводилось сразиться со львом — он должен убить льва копьём — и он очень-очень напуган.

Когда дверь распахнулась и на пол комнаты хлынул яркий солнечный свет, Шеркарер очнулся от полудремотного состояния самоистязания. На пороге стоял молодой человек, и юноше пришлось поднести руку к лицу, чтобы защититься от яркого ослепительного света, от которого заболели глаза. Это не стражник, у него за мягким поясом нет даже ножа.

На щеках пришедшего уже начала пробиваться мягкая вьющаяся борода, а волосы падали на плечи в манере этих людей — нечистоплотный обычай: всем известно, что лучше брить голову и тело — так чувствуешь себя лучше во время жары. У посетителя светлая кожа, светлее, чем у египтян. На руках, между плечами и локтями, широкие серебряные браслеты. Сандалии на носках украшены разноцветными шипами, одеяние синее, а пояс вышит полосками синего, зеленого и желтого цветов, с бахромой по центру.

Шеркарер потерял ладонью татуировку змеи на запястье, единственный оставшийся у него признак того, кем он раньше был: теперь он облачен в одежду рабов.

Юноша с вызовом смотрел на молодого человека в роскошном одеянии. Что он здесь делает?

— Меня зовут Даниил, — молодой человек говорил медленно, но громко, словно таким образом он мог заставить глупого чужеземца понять его. Шеркарер не обиделся на этот тон — его занимали другие мысли: неужели это на самом деле его имя или же просто какой-то варварский титул. Неужели этот тип думает, что он бросится на пол и поползет к нему?

Молодой человек повернулся, взял чашу и кувшин у кого-то, стоявшего за ним — этого человека мешало рассмотреть ослепительное сияние солнца. Потом Даниил прошел внутрь комнаты и протянул Шеркареру.

— Хорошая еда, — снова проговорил он медленно, отчетливо. — Поешь и выпей, брат.

Нубиец не сделал никакого движения, чтобы принять предложенное.

— Я не брат тебе, — юноша осторожно произносил эти слова, они совершенно не походили на речь, что использовалась во дворе египтян, или на кушитский язык простолюдинов. — Я Шеркарер, из рода Пианкхей!

— О Пианкхее я слышал, — сказал молодой человек. — Он некогда был королем в Египте...

— Фараоном двух земель! — перебил его юноша. — И его родичи теперь в Напате, в Мерое, в Нубии, — но тут он вспомнил: ему слишком хорошо известно, что теперь в Напате царит одна лишь смерть.

— В Вавилоне есть только один великий повелитель — Небучаднезар, — ответил Даниил. — Хотя раньше в Иерусалиме правил Иехоаким Иуда, а потом Зедекия, который попал сюда слепым пленником и над которым насмеялся великий повелитель. Иегова не всегда благословляет королей на счастливую жизнь. Но почему это мы, брат, говорим об умерших королях? Ты, должно быть, голоден и страдаешь от жажды, а эта еда хорошая. Я, как и ты, тоже сидел в заточении в темноте, но до сих пор, как видишь, жив. Клянусь милостью богаповелителя, мне не причинили большого зла, и я даже получил кое-какую власть.

Шеркарер прислушивался к этим словам. Поверит ли он в них или нет — другой вопрос. Похоже, этот Даниил желает ему добра, а его уже так терзал голод, что он едва сдерживался, когда смотрел на пищу. И все же он не протянул руку к чаше, а лишь испытующе посмотрел на Даниила.

— Почему ты пришел ко мне?

— Потому что тебя, как и меня, унесла от родного дома война. И... — он остановился на несколько секунд в нерешительности, а затем сказал то, что, как показалось Шеркареру, было правдой: — Говорят, что ты прибыл вместе с драконом, которого передали жрецам Бела, и тебе многое известно о нем.

Шеркарер наконец-то принялся за еду. Он скорее поверил, что это плата за информацию, а не проявление доброй воли незнакомца.

— Я знаю ло, — коротко ответил он, решив, что то, чего не знает, просто выдумает — это его единственное оружие против этого города и его обитателей.

— Ло... — повторил Даниил. — Так вот как ты называешь его на своем языке? Здесь его называют «сирруш» — дракон. Людям он напоминает демонов, которые снятся только в дурных снах. Хотя есть старая-престарая сказка, что некогда такое существо действительно обитало в речных болотах и о нем знали жрецы Бела, однако все это было в далеком прошлом.

И вот теперь Ча-паз доставил этого сирруш-ло в крепость, и это серьезный аргумент в пользу Бела. Это даст жрецам бога еще большее могущество...

Шеркарер теперь был занят тем, что ложкой выуживал куски жареного мяса из чаши и отправлял их в рот. Хорошее мясо, намного лучше всего того, что он ел с тех пор, как пала Напата. Однако он продолжал слушать Даниила: ведь благодаря глазам и ушам узнают новое.

Тонкая паутинка фактов выстраивается в клубок действий — незнание плохо, а не пытаться узнать — вообще глупость.

— Вскоре настанет время, — продолжал Даниил, — когда великий царь Небучаднезар должен будет передать на один день всю полноту власти Мардуку-Белу и получит ее обратно, только если того пожелает бог. А то, что жрецы во время этой церемонии выставят напоказ сурруша-ло, даст им еще больше власти.

— Ты говоришь об этих жрецах и их боге, — прервал его Шеркарер, — так, словно они не твои жрецы и это не твой бог.

Молодой человек улыбнулся.

— На твоих запястьях могут быть цепи рабства, брат, однако узы не связывают твой разум. Да, клянусь всеми своими знаниями о Вавилоне, я не поклоняюсь Мардуку-Белу, но служу настоящему Богу.

— Апедемеку? — Шеркарер не верил ему. Даниил отрицательно покачал головой.

— Богу-повелителю Иегове, который заключил с моим народом соглашение. Мы не бьем поклоны в храмах идолов или фальшивых богов. И даже здесь великий повелитель прислушивается к нашим словами и начинает искать более яркий свет, чем тот, что он может найти в этих проклятых алтарях. Но с прибытием этого чудовища влияние жрецов Мардука-Бела усилится.

— На губах улыбка, но что скрывается в сердце? — заметил в свою очередь Шеркарер. — Я ем благодаря твоей милости, незнакомец, однако древесина может плавать десять лет в реке и все равно не станет крокодилем. Я не вижу причин, зачем мне поднимать меч в твоей войне. Какое мне дело до того, к какому из богов взывает твой король?

Но Даниил по-прежнему улыбался.

— Ты устал, и все это тебе в диковинку, как и тогда, когда нас доставили в Вавилон из Иудеи. Наверное, я слишком поторопился с этим вопросом. Однако ты знаешь о природе этого сирруша побольше Ча-паза. И жрецы, — теперь с его лица пропала улыбка — осталось только хмурое выражение воина, — говорили о том, что нужно будет принести в жертву ему какого-нибудь человека. А ты не думал, что первым, кого они предложат, можешь стать ты?

— Гроза еще не началась, — Шеркарер пытался говорить твердым голосом. Кое-что он действительно знал о ло, и ведь может получиться так, что эти жрецы осуществят свое жертвоприношение, хотя, возможно, и не так, как думают. Он устал, и страх его не так уж мал. Ему трудно играть роль воина. Пусть только этот незнакомец уйдет и даст ему отдохнуть!

Даниил словно прочитал эти мысли в ноющей от боли голове нубийца: он поднял пустую чашу, однако кувшин не трогал.

— Поразмысли над моими словами, брат. Времени все меньше и меньше. Если тебе что-либо известно о сирруше, что могло бы помочь в минуту опасности, ты поступишь мудро, рассказав об этом. Жрецы — враги всех, кого они не принимают за истинных сыновей Бела. Не раз они уже пытались покончить со мной, однако благодаря могу-

ществу Йеговы эти попытки не завершились успешно. Нет, это ясно показывает, что Бел — более слабое божество. Вот поэтому теперь жрецы устремили свой взор вдаль — на то, что они могут призвать, чтобы произвести здесь впечатление на людей, показав величие своего бога. И они думают, что этот дракон поможет им в этом. Сейчас я пользуюсь благосклонностью великого повелителя, однако подобная милость недолга, и нужно добиться как можно больше, пока она длится.

Молодой человек вышел, оставив дверь слегка приоткрытой. Шеркарер видел тень стражника, стоявшего за ней. Он и не надеялся сбежать отсюда с путами на ногах. Подняв кувшин, он принялся пить кислое ячменное пиво, потом выплеснул остатки себе в лицо, хотя хорошо бы оставить что-то, чем можно промочить пересохшее горло. Он коснулся пальцем татуировки знака Апедемека на запястье. Этот Даниил со всеми своими разговорами о незнакомых богах... Ясно, что хоть он свободно передвигается по храму, но не относится к числу властителей, он тоже пленник из другой страны, невзирая на то, что заслужил какую-то благосклонность повелителя.

И о том, что эта милость может внезапно прекратиться, он мог и не предупреждать Шеркарера. В Нубии все обстоит точно так же. Люди поднимались на самый верх, когда им улыбались фараон и Кандаса, или же падали, когда брови повелителей хмурились. Этот Даниил, наверное, храбрый человек, раз поступает так: придя в дом своих врагов, находит в нем пленника и просит его не помогать тем же самым врагам; Шеркарер не сомневался теперь, что это и есть истинная цель Даниила.

Человек слишком амбициозный не спит спокойно... разве не так? Неужели Даниилом движут амбиции? Шеркарер закрыл глаза. Когда он отправился в Напату, он был мальчиком и на теле его не было еще ни одного шрама, а теперь ему кажется, что те дни остались далеко-далеко позади. И хотя на его лице так и не появились отметины когтей льва, теперь

он мужчина, и ему нужно призвать себе на помощь все мужество, чтобы выжить.

Но стоит ли этих усилий жизнь раба? Может, лучше в конце концов сразиться лицом к лицу с ло — если только ло еще жив. Ча-пазу с трудом удалось сохранить этому созданию жизнь во время путешествия. Нужна была вода, зелень, чтобы наполнить его желудок: хотя это существо и выглядит пожирателем людей и зверей, оно не ест мяса. Однако оно легко убило бы — и ужасной смертью — даже бегемота или льва, если бы его привели в ярость.

Сильные задние ноги ло заканчиваются когтями, похожими на птичьи, а более короткие передние лапы могут резать и разрывать. Удар хвоста без труда собьет с ног человека, лошадь или льва. Длинная шея поддерживает змееподобную голову, чешуйчатую, как у ящерицы, но с рогом на кончике носа; этим рогом ло выкапывает растения на болотах. Если слишком много солнца или слишком жарко, ло становится слабым и может умереть. Когда его отправили в Напату, конвоирам приходилось все время смачивать циновки, которыми обвешана клетка. Так что передвигался отряд только ночами, а во время дневной жары все запасали воду.

Ча-паз появился в Напате еще до нападения египтян. Шеркарер подозревал, что когда этот торговец вылез из какого-то убежища, чтобы выкупить добычу, награбленную наемниками, он заодно промышлял и шпионажем. Не в первый раз повелитель повелителей, властелин Вавилона, протягивает свои грязные руки к Нубии. Но раньше, когда его армия преодолевала этот долгий путь, лишь жалкие остатки ее пускались в обратный путь через пустыню Куш.

И именно Ча-паз предотвратил убийство ло лучниками, которые уже готовы были выстрелить в этого демона. И, наверное, ему и дальше везло. Потому что он разыскал Шеркарера среди пленников, когда узнал, кто из людей Мерое доставил это чудовище в Напату, и юноша оказался единственным оставшимся в живых из всего отряда.

Так нубиец прослеживал свой путь в прошлом, когда появился еще один посетитель. На этот раз вместе с двумя стражниками пришел сам Ча-паз.

Шеркарера вытолкнули из комнаты и повели по двору к еще одному зданию, не дав никаких объяснений. Там им занялись другие рабы. С него сорвали набедренную повязку, поставили на вымощенный кафелем квадрат и начали поливать худое тело водой из кувшина, растирая маслом и песком. А потом одели в простое короткое платье, стянутое посередине полоской ярко-красной ткани.

Во время путешествия из Нубии бритая голова Шеркарера обросла волосами, которые выглядели как короткая спутавшаяся щетина, однако юноше не доставили удовольствия и не сбрили ее. И разумеется, у него не было церемониального парика.

Потом его провели дальше и показали Ча-пазу, который обошел юношу кругом, окинув взглядом с ног до головы, словно это не живой человек, а какая-то вещь, созданная самим торговцем. Пальцы нубийца сжались в кулак, однако он заставил себя сдержаться и вести осмотрительно, чтобы не выказать никаких признаков клокотавшей внутри ненависти.

— Слушай, ты! — торговец остановился прямо перед Шеркарером. — Сказано, что сердце бога так же далеко, как центр небес. Ты быстро обнаружишь, что если не будешь повиноваться, то его милость, которую ты еще должен заслужить, еще больше отдалится от тебя. Я мог бы оставить тебя на съедение стервятникам, пировавшим в Напате: если ты думаешь, что солдаты истинного фараона позволили бы тому, кто носит этот знак, — он указал на татуировку, — прожить долго, ты просто глупец. Ты жив, потому что таков был мой выбор, и продолжаешь жить, потому что такова моя воля. И жив ты по одной причине: ты помог доставить сирруша в Напату и ты знаешь о нем больше любого живущего здесь. Свои знания ты сообщишь нам, и хранители сирруша будут служить тебе.

Вот так Шеркарер и стал частицей храма Мардука-Бела, присоединившись к трем жрецам, которые были отобраны для ухода за чудовищем. И юноша использовал свое новое положение, как только мог.

Храм сам по себе напоминал город, с многочисленными дворами и строениями. В самом сердце святилища располагалась молельня, богато украшенная золотом, и там стоят изображения Мардука и его жены Сапаратумы (вместе с меньшими по размерам статуями свиты), и на них не жалеют ни золота, ни драгоценных камней. Но в эту комнату могут входить только великий повелитель и священники самого высочайшего ранга.

В одном из дворов обслуживающие сирруша люди устроили над бассейном частично закрывавший его навес из циновки, сплетенной из только что сорванных лиан. Там-то и разместили дракона, которого заманили во двор веточками растений. Но само существо оказалось ленивым и выказывало лишь слабый интерес к происходящему вокруг. Шеркарер, чтобы соответствовать образу единственного специалиста в драконьих делах, часами просиживал на корточках у края бассейна, хотя его тошнило от ужасной вони. Он хотел показать, что крайне важно, чтобы он лично дежурил рядом с драконом.

Дважды еще он видел того молодого человека по имени Даниил, хотя больше им так и не довелось разговаривать. Однако он узнал от рабов, сколь сильно тот ненавидит жрецов. Он так же, как и Шеркарер, стал пленником после войны, проигранной его небольшой страной на западе. Тогда по распоряжению Асфезаа, визиря, было отобрано несколько самых красивых детей плененных людей; они должны были прислуживать визирю. И среди них Даниил был лучшим.

Странные истории рассказывают о нем: будто его бросали в логово голодных королевских львов, а те даже не прикоснулись к нему. Он бросил вызов жрецам и доказал, что не бог является ночью, чтобы завладеть своей жертвой, возложенной на алтарь, а на самом деле ее уносят люди, оставившие четкие следы в пепле, который он незаметно от всех рассыпал перед алтарем.

И теперь Небучаднеззар, великий повелитель, прислушивается к Даниилу и его словам о единственном Боге, в руках

которого сосредоточено все могущество. И поэтому жрецы ищут способ покончить с ним.

Несколько раз сам верховный жрец, которому во время отсутствия в этом храме-городе повелителя принадлежит вся полнота власти, посылал своего главного писаря, чтобы тот взглянул на сирруша и в частном порядке побеседовал с его хранителями. Шеркарер не сомневался, что они разработали какой-то план, в котором определенная роль отведена дракону. Однако он теперь слишком хорошо знал, что от сирруша зависит и его собственная жизнь. Он не представлял для этих людей никакой ценности, если бы не его знания, большей частью выдуманные, относительно чудовища.

И он по-прежнему остается пленником в этом ограниченном районе храма: рядом с воротами всегда дежурят стражники. Никто не может войти или выйти без дощечки, на которой стоит печать верховного жреца.

На десятый день после прибытия Шеркарера в храм во дворе с драконом появился один из рабов, чтобы убрать с сетки над бассейном засохшую растительность и сменить ее новой. Рядом с Шеркарером он сделал вид, что споткнулся, и упал на одно колено. Из его руки что-то выпало и подкатилось к сандалии нубийца. Видя, что этот человек не поднимает свою вещицу, Шеркарер наступил на нее ногой. После ухода раба он наклонился, словно хотел затянуть посылнее ремешок на сандалию, и схватил пальцами оброненное.

Сердце его чуть не выпрыгнуло из груди, когда он увидел, что у него на ладони, однако юноша испугался, что может выдать себя. И все-таки он торопливо оглянулся: никого поблизости нет, кроме рабов-прислуги, и лишь один надсмотрщик следит за ними.

Драгоценная вещь из прошлого, часть того, что должно было быть добычей из Напаты — лазурный скарабей, который носит имя самого Пианкхея. Зачем? Могут ли здесь, в Вавилоне, оказаться и другие нубийцы? Люди, которые слышали о Шеркарере, однако он о них не слышал? Если это так, то, наверное, они тоже рабы... и все же они пошли на риск, пытаясь связаться с ним.

Вскоре он увидел, что тот же раб, что уронил скарабея, возвращается. И нет никакой возможности задать ему вопрос. Мужчина сгреб руками охапку сгнивших ветвей и, проходя мимо Шеркарера, выронил несколько веточек на землю.

Нубиец пнул рассыпанный мусор, спрашивая себя, как же понять это послание. И тут заметил, что одна из веточек посвежее и позеленее остальных, на ней даже нацарапаны какие-то знаки. Он снова пнул ее, отбросив от края бассейна в тень, а затем прошел туда же и уселся, скрестив ноги и наблюдая за работающими рабами, как делал это уже много раз. Руки его будто машинально схватили стебелек, и он начал лениво крутить его из стороны в сторону.

Некоторое время он пытался прочитать отметины. Наконец разобрал несколько знаков. Они были нацарапаны очень грубо, но наверняка написаны кем-то, хорошо знающим маленький двор египтян. Хотя из этого вовсе не следовало, что их написал придворный-нубиец. Мало кто, кроме писарей двора, умеет писать.

— Полдень... западная стена... водный канал... — вот что, по его мнению, было начертано в послании.

У подножия левой стены действительно проходит водный канал, и по проложенной трубе в случае необходимости можно откачать воду из бассейна. В полдень дворы в храме становятся почти безлюдными: все ищут прохлады и тени внутри толстых стен храма. Шеркарер вдруг поймал себя на том, что судорожно глотнул. Капельки пота выступили на лбу, а ладони стали влажными.

Бегство... конечно же, это должно означать бегство! И хотя он не видел для этого никакой возможности, но, наверное, те люди более удачливы. Кто же это может быть? Кто-то из стражников, уцелевших во время битвы за дворец Кандасы, может, даже кто-то из знати? Те, кто знает о его высоком происхождении, вполне могут рискнуть ради него. Это могло также означать, что фараон не захватил Мерое и семья Шеркарера сейчас правит Нубией. Эти мысли взбудоражили юношу, он не мог просто спокойно сидеть и ждать, а встал и начал расхаживать вокруг края бассейна. Вода была мутная,

как всегда, она дурно пахла, а сирруш-ло скрывался на дне в поисках укромного места от света, который проникает даже сквозь недавно замененную циновку.

Нубиец попытался по длине тени оценить, сколько осталось времени до назначенной встречи. Он старался подавить возбуждение, и как удачно, что в это время не дежурил ни один из младших жрецов. Остальные рабы и надсмотрщики настолько привыкли к его ежедневным бдениям у бассейна, которые он старается с многозначительным видом продлевать как можно дольше, что за ним больше не следят.

Ел он в одиночестве, как всегда: он не раб-слуга, но и не свободный человек. Получив свою порцию ячменной каши, редиску, несколько ягод смоковницы и луковицу, он быстро проглотил все это, не в состоянии прожевать пищу.

Полдень... и вот он, пустой двор. Шеркарер приблизился к бассейну, притворившись, что проверяет новую крышу. За стеной он услышал топот рассерженного слона. Этот звук слышен хорошо, так как обычные шумы храма и города стихли. Подойдя к трубе, он быстро оглянулся и убедился, что за ним никто не наблюдает. Там юноша присел на корточки и посмотрел вниз, словно подозревая, что что-то случилось со снабжением водой.

— Ты здесь? — донесся из-под земли глухой голос.

Этих двух слов было достаточно, чтобы вызвать разочарование у нубийца. Ни один человек из его окружения так не говорит — с превеликим трудом изучая чужой язык, сам он может говорить на нем только с акцентом, и юноша не сомневался, что то же самое будет и у любого другого нубийца.

— Я здесь, — ответил он, страстно желая разрешить загадку и узнать, кто же послал ему скарабея и начертал для него послание на стебле.

Раздался шум, словно лежащий там человек пытался переменить положение в тесном проходе. А потом незнакомец снова заговорил:

— Нубиец, ты подумал над словами Даниила?

Даниил! Неужели по какой-то дворцовой интриге его до сих пор пытаются вовлечь в заговор против жрецов?

— Тот, кому задают вопросы, не может удержаться, чтобы самому не спросить, — Шеркарер повторил крестьянскую поговорку, поспешно пытаясь сообразить, что ему делать. — Кто ты, кто скрывается в земле и говорит о Данииле?

— Тот, у кого есть уши, а иногда и уста, когда возникает в этом нужда, нубиец, — но теперь в интонации слов слышалось нетерпение. — Я снова повторяю: ты подумал над его словами?

— А с какой стати я должен был это делать? Беглеца-одиночку вряд ли кто сможет обогнать. Я жив, потому что жив сирруш, и считается, что в этом моя заслуга.

— Значит, ты решил навсегда остаться рабом у этого воющего чудовища, когда можешь стать свободным и отправиться на родину?

— Ноги, не знающие отдыха, могут попасть в змеиную яму...

— У меня нет времени выслушивать твои мудрые пословицы, нубиец! Тебе сделали предложение, так что или соглашайся на него, или отказывайся. Поддержи Даниила в деле, которое может дать ему благосклонность повелителя, или же оставайся здесь, пока твое чудовище не содохнет и ты окажешься бесполезным в этом дворце. Даниил не забывает тех, кто стоит с ним плечом к плечу, а о могуществе печати великого повелителя известно во всем мире. Даниил может добиться твоего освобождения, и тогда ты спокойно отправишься в родную землю.

— Если он способен на это, — возразил Шеркарер, — тогда почему он не сделает этого для себя самого? Ведь он же сам признался мне, что он здесь пленник? Одна ложь может перевесить тысячу прав!

— На Даниила возложена задача — богом-повелителем Иеговой, вот потому-то он и находится здесь — чтобы смягчить сердце великого повелителя к нашему народу. Он выбрал Вавилон для своего служения. — Теперь в этом голосе прозвучала такая страстность, что сомнения нубийца серьезно поколебались.

— Человек может обещать все на свете, но когда приходит пора, он не соберет даже горсти пыли. Вы маните меня надеждой на свободу и возвращение в Мерое, словно ослика пригоршней замечательной травы, — и тем не менее отведать этой травы ему так никогда и не доведется.

— Как долго, по-твоему, проживет твое чудовище, нубиец? Отмеряй по его жизни длительность своей! Если оно умрет здесь, разве на них падет вина за это? Нет, этого не случится: ведь есть раб, которого могут обвинить во всем.

Да, это суровая правда, которая ударила как обух по голове. Это существо, и так медлительное, в последнее время проявляет все меньше и меньше активности. И не исключено, что оно не протянет здесь долго. Ну и, конечно же, в смерти зверя обвинят его, Шеркарера. И тогда все его попытки выдать себя за опытного знатока по уходу за сиррушем окажутся лишь еще большей уликой против него.

— Что Даниилу нужно от меня? — спросил юноша. В знании особого вреда нет.

— Ты должен сказать ему, что это создание ест наиболее охотно. Даниил бросил вызов жрецам, заявив, что сможет убить дракона одной лишь своей волей, не пользуясь ни мечом, ни копьем, ни стрелами... И у него остается только два дня на подготовку. Это существо кидается на людей?

— Да, но только когда сильно разгневается. И оно может убивать без особых стараний, зато приносит ужасную смерть. Всего два дня назад ему не понравились истошные вопли осла, на котором привезли пиво для стражи. Так сирруш разорвал бедное животное на куски.

— Могут ли жрецы довести его до такого же состояния?

— Возможно. — Шеркарер не знал, каким образом они могут это сделать, но считал, что жрецы вполне могут использовать вызов Даниила в качестве предлога и сделают все возможное, чтобы представить его смерть как результат его собственной глупости.

— Тогда... какую все-таки пищу больше всего предпочитает сирруш? Ты знаешь хоть что-то?

— Кажется, первым, к чему оно потянулось, когда ему предложили на выбор, были стебли с его крыши. Я не знаю названия, однако...

— Возьми пригоршню этой зелени. Приготовь ее на завтра и положи на циновку, которую ежедневно уносят. На следующий день поутру, когда принесут корм, в нем найдешь клубок с теми же стеблями, он будет спрятан у самой поверхности. Ты проследишь, чтобы он оказался у самого верха кучи растительности, приготовленной на еду для сирруша.

— И что тогда? — Но ответа не последовало, хотя Шеркарер лег на живот, будто проверяя воду, и тихо позвал сквозь решетку стока. Кто бы там ни находился, теперь он ушел. Юноша вернулся на прежнее место и предался размышлениям.

Этот невидимый собеседник обещает многое. Но все зависит от множества разных «если»: если он сможет достать образец травы с крыши... если Даниил сможет это каким-то образом применить... если Шеркареру удастся спастись от ярости жрецов, когда Даниил действительно покончит со зверем... если Даниил сдержит свое обещание и, заслужив благосклонность повелителя, не забудет о нубийце. Сплошные если, если, если...

С другой стороны, сирруш когда-нибудь все равно погибнет, тогда его наверняка ждет только смерть, и, наверное, мучительная. Шеркарер подумал, что с какой стороны ни посмотри, везде его ждет беспросветное будущее. Почему бы не попытаться исполнить просьбу посланца Даниила. На что бы человек ни надеялся, это всегда лучше того, что у него есть.

Поэтому он решил последовать данным указаниям и проследил, чтобы пригоршня стеблей с крыши оказалась на унесенной рабами циновке. И обрадовался, что так поступил, потому что ночью сирруш лишь слегка прикоснулся к предложенной ему пище.

— Зверь болен, — главный жрец обернулся к Шеркареру, и в его голосе прозвучали резкие нотки. — Что с ним случилось?

— Он просто все еще не пришел в себя после долгого путешествия, когда был лишен подходящей пищи и воды, — поторопился ответить Шеркарер. — Но теперь, здесь и с надлежащим уходом, он очень скоро снова придет в норму.

— В твоих же интересах, чтобы ему стало лучше, иначе ты, чернолицый, узнаешь, что происходит с плохими слугами Мардука-Бела. А завтра... — жрец остановился на несколько секунд в нерешительности, но затем продолжил: — Завтра он должен отомстить врагу нашего бога. Он должен покинуть воду, нанести удар и покончить с тем, кто не верит в благоволение Мардука. Как можно это сделать?

— Если с противоположного края бассейна встанут люди, — Шеркарер уже размышлял над этим: какой бы ни придумал план Даниил, он обречен на неудачу, если зверь останется лежать мертвым грузом под водой, — и начнут бить шестью по воде, это существо всплывет вон там. Это нужно делать вечером: оно ненавидит день, как вы знаете. И еще: нужно побольше факелов.

Юноша попытался припомнить рассказ о том, как это чудовище было захвачено в первый раз в плен. Он не сомневался, что его подобным же образом заманили в яму, где стояла клетка.

— Мы последуем твоим указаниям, — жрец кивнул писарю, который записывал его приказы.

На следующее утро Шеркарер обнаружил клубок из стеблей в одной из корзинок с растительной пищей. От него исходила сильная вонь, и среди стебельков торчало несколько маленьких волосинок, так что юноша скатал клубок побольше, добавив еще стеблей, и положил его в кучу еды, приготовленной для сирруша. Всю оставшуюся часть дня он призывал к себе на помощь терпение, сотни раз готовый вскочить и выбросить этот клубок вон, уверенный, что нельзя верить ни Даниилу, ни его планам, — и так ни разу и не сдвинулся с места, потому что у него оставалась только эта крохотная ниточка надежды.

Когда наступили сумерки, пришли те, кто должен был участвовать в этом испытании, среди них и сам великий по-

велитель. Для него приготовили трон, так что он высоко возвышался над стражей и свитой. Верховному Жрецу тоже установили трон, поменьше, справа, а между ними и бассейном стеной расположился ряд стражников. Шеркарера толпа оттеснила к стене, однако он собрал в кучу ворох соломы и вытянулся на дрожащих ногах так, чтобы ему было все видно.

Крышу-циновку сорвали, а потом жрец, который отвечал за сирруша, махнул рукой. Раздался стук барабанов и звуки рожков, и рабы начали бить по воде бассейна; за ними пылали два ряда факелов.

Благодаря их усилиям вода покрылась темной пеной. Но вот из нее появилась голова сирруша на змеиной шее. Чудовище издало воющий вопль, самый громкий из всех на памяти Шеркарера, голова его начала раскачиваться взад-вперед, словно змея, приготовившаяся к броску. Затем сирруш отвернулся от своих мучителей, взбаламутив воду; противоположный конец бассейна был невысок, и чудовище приподнялось на мощных задних лапах, чуть прижав передние к животу и наклонив вперед голову.

По ступенькам трона великого повелителя поднялся человек, и, хотя там светило всего несколько факелов, Шеркарер увидел, что это Даниил. Когда он появился, рука повелителя поднялась, подавая сигнал, и в тот же миг весь шум, производимый рожками, барабанами и ударами по воде, утих, так что появилась возможность хорошо расслышать голос Даниила, четко разносившийся по всему двору.

— Да здравствует повелитель! Я пришел на суд вашего бога. Как я уже говорил, у меня с собой нет оружия, — он широко развел в стороны руки, чтобы все смогли увидеть, что они пусты. — Но тем не менее я убью этого зверя, как если бы пронзил его клинком самого повелителя. И убью я его с помощью могущества бога-повелителя Иеговы, чью волю я исполняю, придя сюда, в это место ложных богов.

Среди жрецов возникло шевеление, какое-то бормотание, но снова по мановению руки повелителя наступила тишина.

Даниил повернулся и направился к бассейну. Встав на задние лапы, зверь ростом оказался в два раза выше его. Но

теперь гнев, заставлявший его качать головой, остыл. Шеркарер сделал глубокий вдох, не сводя глаз с хвоста существа, ожидая дрожи: это означало бы, что спустя мгновение чешуйчатый ужасный бич ринется вниз на беззащитного человека.

Тем не менее Даниил шел бесстрашно, вытянув руки ладонями вперед. И с губ его сходили слова, которых нубиец не понимал. Однако юноша догадался, что он призывает на помощь своего бога на своем собственном языке. Слова раздавались, словно произносимая нараспев молитва. Услышав их, жрецы Мардука-Бела зашевелились, словно еще чуть-чуть — и они набросятся на этого чужака, который осмелился осквернить их храм.

На этот раз верховный жрец поднял руку, чтобы успокоить их. Шеркарер напрягся: ему показалось, что он заметил дрожь, пробежавшую по хвосту бестии.

Тем не менее тварь не двигалась, и нубиец уже подумал было, что как раз напев этого заклинания и удерживает чудовище на месте. Но тут, все еще напевая, Даниил вырвал из кучи корма пригоршню стеблей. Затем он скомкал их в шарик и подбросил в воздух. Челюсти чудовища раздвинулись, схватили этот комок растительности, и оно принялось жевать его.

Шеркарер замер от удивления. Он едва мог поверить в то, что этот монстр принял пищу из рук Даниила, хотя и видел все это собственными глазами.

И во второй раз Даниил скормил сиррушу подброшенный вверх комок из стеблей. Никто вокруг не шевелился и не делал никаких знаков. И настолько все замерло вокруг, что нубиец слышал дыхание находившихся рядом с ним людей.

В третий раз Даниил скатал шарик из зелени. Но теперь Шеркарер не сомневался, что это тот самый комок, который он спрятал по просьбе Даниила. И в третий раз чудовище схватило дар человека, сжевало его и проглотило.

Однако в этот раз шарик из стеблей содержал в себе яд, приготовленный людьми Даниила, поэтому то, что потом произошло, выглядело так, словно ло проглотил один из фа-

келов. Его спина выгнулась дугой, из глотки вырвался жуткий рев. Хвост стал бить в разные стороны и по воде, снова вспенивая ее, но так и не достав никого из его врагов: все люди быстро отскочили подальше от края бассейна. Под конец последним усилием чудовище попыталось схватить Даниила, отступившего всего на один-два шага. Однако оно лишь рухнуло вниз и начало извиваться и бить лапами, а змеиная голова с рогом откинулась к стенке бассейна. Ло умер.

И тогда Даниил повернулся лицом к великому повелителю.

— Да здравствует повелитель! — приветствовал он его с церемониальным поклоном. — Разве все случилось не так, как я обещал? С помощью бога-повелителя Иеговы это злобное чудовище, слуга жрецов тьмы, погибло. Но я не использовал оружия из стали, только накормил его природной пищей.

И великий повелитель протянул вперед свой скипетр так, чтобы Даниил мог дотронуться до него кончиками пальцев. Это был сигнал для всех, и люди вокруг с благоговением и удивлением стали обсуждать увиденное. Однако жрецы собрались вместе одной кучкой вокруг трона своего господина, и лица их пылали от гнева.

Шеркарер прижался к стене, пытаясь спрятаться за людьми из свиты Повелителя. Он сделал свою работу для Даниила, и теперь... вспомнит ли тот о каком-то пленнике-нубийце? Пусть им займутся жрецы, и они, несомненно, выплеснут на него всю ненависть к чужеземцу, который так обесчестил их бога.

Но тут чья-то рука упала на его плечо. Юноша повернулся, готовый сражаться, даже если не будет никакого шанса, кем бы ни был человек, который схватил его. Однако над его ухом раздался тихий голос, который он уже слышал раньше, в водосточной трубе.

— Выбрось все из головы, шагай рядом со мной, но не топись. — У этого человека была богато украшенная накидка, их местная знать использовала в качестве плащей, и он быстро набросил ее на плечи Шеркарера.

Вот так, ведомый одним из приближенных великого повелителя, нубиец и покинул этот тщательно охраняемый двор, да и сам храм. И проследовал вместе с другими придворными обратно к реке, протекавшей с западной стороны города-храма; там, в только что построенном дворце, он затерялся в лабиринте помещений для слуг.

Прошел день и ночь, прежде чем к нему явился Даниил. В его руке была хорошо затвердевшая глиняная табличка, которую он передал нубийцу.

— Осторожнее: на ней стоит печать самого великого повелителя. А теперь — скорее на пристань, где стоит корабль торговца Бальзара. И вот еще... — он достал из складок своего пояса мешочек. — Здесь горсть серебра для торговли; надеюсь, этого тебе хватит, чтобы добраться домой.

Шеркарер взвесил мешочек в одной руке, держа в другой пропуск повелителя — свой ключ к свободе. Он задал последний вопрос:

— Почему ты был уверен, что ло съест предложенную тобой пищу?

— А разве я не говорил, что сам являюсь свидетельством могущества бога-повелителя Иеговы? Именно по Его воле эта bestия и съела ее.

Нубиец засунул мешочек с серебром под широкую чистую одежду, которую ему дал проводник.

— Твой Бог могуществен, и он сделал еще одно. Он заставил меня стать твоим слугой, когда у меня не было никакого желания быть им. И в этом его волеизъявлении я тоже вижу свидетельство Его могущества. Желая тебе всего наилучшего, Даниил, но я рад, что покидаю тебя. Ты и твой Бог вместе вполне можете ниспровергнуть власть повелителя, если таково твое желание.

— Не мое, но Его, — поправил Даниил. — И, наверное, ждать этого не так уж долго.

И позднее, уже в городе Мерое на юге, Шеркарер услышал рассказ о взятии могущественного Вавилона, о том, как пали башня, дворец и храм под ударом персов, и не раз спрашивал себя, не приложили ли к этому руку Даниил и его Бог.

ПЕНДРАГОН

Перед глазами Рэса был не сирруш-ло, скорчившийся на краю бассейна. Нет, он смотрел на плоское изображение удивительного существа, смотрел в то самое время, когда его вытаскивали со двора люди, которые до сих пор лишь слышали о чудовище, так и не показавшем себя во всей своей ужасающей мощи. Рука мальчика лежала так, что он пальцами касался края картинка-загадки, однако он больше не видел на своем запястье татуировки в форме браслета. Глубоко вздохнув, Рэс отошел от стола.

Неужто это был только сон? Но до чего же реальный! Да, он на самом деле чувствовал голод, усталость, страх... мальчик мог припомнить каждую деталь своего приключения, словно все это происходило на самом деле. Он был Шеркаре-ром из Мерое, а не Джорджем Брауном из Седвик Мейнора!

А что было бы, если бы он не послушался Даниила и не помог ему нанести поражение жрецам Мардука-Бела? Что, если сирруш-ло умер бы естественной смертью и в этом обвинили бы его? Рэс вздрогнул. Он знал, что сделал верный выбор — как для себя, так и для Даниила. Он помнил, что Даниил упоминался в Библии, однако не мог припомнить рассказа о драконе.

Рэс в последний раз взглянул на синего дракона из сложенных вместе кусочков. Однако заканчивать остальные части головоломки у него не было ни малейшего желания. Отчего-то он даже не мог заставить себя даже прикоснуться к ней.

Время! Он совсем забыл о времени! Одежда в прачечной... мама ждет его! Сколько же он пробыл тут? В своем сне — дни... много дней! Но только в действительности это невозможно...

И, охваченный испугом, мальчик промчался по покрытым пылью комнатам, по старым половицам, скрипевшим под его весом. Через секунду он стрелой выскочил из окна, с грохотом захлопнувшегося за его спиной, и побежал по покрытой бороздами и усыпанной листьями дороге. Рэс мигом добежал до прачечной и, задыхаясь, направился прямо к нужной стиральной машине.

— Лучше следите за ней, сынок, — возле машины стоял мистер Риз. — Твоя стирка закончилась минут десять назад. Эту стиральную машину ожидают и другие, тебе не следовало отлучаться.

— Извините, — еле выговорил запыхавшийся Рэс. Он достал корзину и переложил одежду в сушилку с другой стороны, пытаясь сосредоточиться на своих действиях.

Мистер Риз следил за ним сзади.

— Но теперь, мальчик, не убегай никуда. Присматривай за машиной и вытаскивай белье, как только все будет сделано, ладно? Слишком много людей ждет субботы, чтобы она простаивала без пользы.

— Да, сэр, — пробормотал Рэс, заталкивая мокрое белье как можно быстрее, а потом стал искать переключатель, чтобы направить белье в сушилку. В прачечной действительно толпилось много людей, и не только женщины, но и мужчины и дети.

Рэс увидел знакомое лицо — Сиг Дортмунд. Сиг прислонился к стене, держа в руках какую-то книгу, и это книга не в мягком переплете и не комикс — настоящая. Она из библиотеки, решил Рэс, — книга была обернута в пластиковую обложку. И когда Сиг немного повернулся, давая проход женщине с двумя сумками с бельем, Рэсу удалось хорошо рассмотреть обложку. На ней нарисован человек с длинными желтыми волосами, косичками свисающими вниз. Одной рукой он поднимает огромный молот, а в другой держит меч, положенный на узкую наковальню, словно вот-вот ударит по мечу молотом.

Внимание Сига было настолько поглощено книгой, что он не заметил, как Рэс подошел ближе.

«Сказание о Сигурде», — прочитал Рэс название.

Он не произнес этих слов вслух, но Сиг внезапно посмотрел на него, словно услышал что-то. И вдруг покраснел.

— Привет! — его голос прозвучал так, словно он не был уверен, следует ли ему говорить с Рэсом. Но потом Сиг быстро затараторил: — Я вернулся тогда назад, чтобы выпустить

тебя. Я не хотел, чтобы ты остался там, внизу. Только тебя уже не было.

Рэс кивнул.

— Я знаю, я видел, как ты приходил... Послушай... — Рэс придвинулся поближе к однокашнику, чтобы говорить так тихо, что никто не сможет их подслушать. — Это ведь ты сложил серебристого дракона, точно? Ладно, а когда ты сделал это... произошло что-то странное, да?

Секунду ему казалось, что Сиг не ответит. Собеседник посмотрел на сушилку, словно должен был проверить ее, потом на книгу. Рэс, ощущая беспокойство, уже готов был отойти, когда Сиг ответил:

— Точно. Кое-что действительно случилось.

— Ты... Ты оказался в Вавилоне... и там был Даниил? — спросил Рэс.

Сиг с неподдельным удивлением уставился на него.

— Вавилон? Даниил? Ты что, сошел с ума? Я отправился вместе с Сигурдом, чтобы помочь убить Фафнира... за драгоценностями. И Сигурд убил его. Однако потом он не взял эти драгоценности, он сказал, что они не принесут никому добра. Это сделал Мимир, хотя до этого он был другом Сигурда. И все было так, словно происходит на самом деле, в действительности.

Теперь настала очередь Рэса уставиться на него в замешательстве.

— Сигурд, — повторил он. — Но ведь... это в книге, которую ты читаешь.

— Я даже не знал, что есть книга об этом... пока не увидел ее вчера в библиотеке. Но в нескольких подробностях здесь ошибки: Сиг Клешнерукий вообще отсутствует в рассказе. А он был! Я знаю это, потому что им был я... был! — Сиг посмотрел на Рэса, словно ожидая возражений.

— Ты сложил того серебристого дракона, — медленно проговорил Рэс. — Так что у тебя одна история. Я же сложил синего дракона — и получил другую; они совершенно не похожи друг на друга.

— Синего! — Сиг больше не держал книгу раскрытой, держа между страницами палец. Все свое внимание он обра-

тил на Рэса. — Так ты сложил синего... и потом тебя отправило в приключение. Куда? — резко и с непонятной страстью прозвучал его вопрос.

Рэс колебался. Приключение было таким реальным, он так хорошо помнил его, что не хотел ни с кем делиться. Но во всем том, что произошло с ними обоими, какая-то загадка. Наверное, если они сравнят свои рассказы, то обнаружат, что же такое — эта складная картинка-загадка, что же заставляло их видеть и чувствовать... Если Сиг видел и чувствовал так же, как и он, Рэс.

— Я оказался во время войны... в Африке, мне кажется. — Рэс произнес это как можно небрежней. — И там поймали одну большую тварь с болот. Мой народ называл ее «ло», а жрецы Вавилона — «сиррушем». Торговец доставил ее и меня в Вавилон. И там жрецы из крепости заставили меня ухаживать за чудовищем. — Рэс быстро и в общих чертах поведал свое приключение.

Когда он закончил, Сиг задумался.

— Даниил упоминается в Библии, так что он реальное лицо и существовал некогда на Земле. Однако я не могу вспомнить никакой истории об этом драконе. Послушай, почему бы тебе, как мне, не сходить в понедельник в библиотеку и не попробовать отыскать какую-нибудь книгу о нем? Я знаю про Египет — черт побери, мы ведь изучали все это: пирамиды, мумии — в прошлом году. Однако я никогда не слышал об этом городе Мерое или Нап... Напате... — Сиг запнулся, произнося это странное слово.

— Но если ты сможешь найти записи об этом, то они докажут, что все это было на самом деле. Вот тут, в начале, — Сиг торопливо прошелестел страницами, — говорится, что, возможно, существовал какой-то настоящий Сигурд. Только после его смерти люди добавили много всякого разного к этому рассказу, потому что он был из тех героев, о которых любят говорить. Поэтому теперь он больше похож на выдуманного персонажа. Но только это не так! Я знаю это! — Сиг вскинул голову вверх. И посмотрел на Рэса, словно тот мог поставить его слова под сомнение.

— Даниил был настоящим, как и Шеркарер. Даже если мне не удастся обнаружить упоминание о нем ни в одной книге, — заметил Рэс. — Однако я схожу и поищу...

— Это твое белье, мальчик? — какая-то женщина с шарфом, повязанным поверх локонов курчавых волос, направилась к Сигу.

— Да, мэ. — Сиг сунул книгу за пояс и поторопился выгрузить белье из сушилки, а женщина тем временем нетерпеливыми короткими замечаниями подгоняла его. Рэс подошел к своей стиральной машине и проверил ее, не желая, чтобы с ним снова заговорил мистер Риз. Когда Рэс отходил, Сиг посмотрел на него.

— Ты ведь понимаешь...

— Конечно, — ответил Рэс.

Сушилка должна работать еще десять минут. Он увидел, как Сиг сложил в сумку свое белье и вышел из прачечной. Но перед уходом еще раз посмотрел на Рэса и помахал ему. Рэс нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Сиг обнаружил книгу, где описывались его приключения. Но так ли обстоит дело с его, Рэса, приключением? Придя домой, он выпишет все имена, какие только сможет вспомнить. Возьмет Библию и прочитает ту ее часть, где говорится о Данииле. Хотя он уверен, что если там и упоминается где-нибудь дракон, то он бы помнил об этом из уроков в воскресной школе. «Даниил в логовище львов», эту историю он слышал несколько раз, еще совсем маленьким мальчиком. И Шеркарер слышал, как об этом говорили рабы в Вавилоне.

А если Напаты и Мерое нет в Библии, тогда, может, он найдет упоминание о них в учебнике по истории. До сих пор он ничего не читал помимо того, что задавали в школе. Но в данном случае все обстоит по-другому, более волнующе, потому что он сам стал частью истории. Чака постоянно говорит об Африке и о том, что существует мнение, что у черных нет никакой настоящей истории, однако она у них есть. Может, в этих бумагах и книгах, которые постоянно таскает домой Чака, найдется что-нибудь о Мерое и чернокожих фараонах, наподобие Пианкхея и... Рэс почувствовал нетерпение, ему захотелось побыстрее оказаться дома и просмо-

треть библиотеку брата. Вдруг ему показалось, что сушка белья длится уже целую вечность.

И тут в голову Рэсу пришла новая мысль. Сиг сложил серебристого дракона, а он — синего. Но ведь там остались еще два: красный и золотистый. Какие приключения связаны с ними?

Когда Рэс возвратился домой, мама была не на кухне и не занималась обычной субботней стряпней (маме нравится самой готовить пироги; обычно она не пользуется даже миксерами, если только не очень торопится). Нет, она сидела в гостиной и плакала. У окна спиной к ним стоял папа, сунув руки в карманы. Его сгорбившиеся плечи показывали, что он рассержен.

— Он уже взрослый, — говорил отец, когда вошел Рэс. — И он сейчас настолько охвачен этим безумием, что тебе нельзя даже спорить с ним! Однако я запрещаю подобные противозаконные разговоры в этом доме... ты понимаешь, Луиза?

Мама не ответила, а лишь продолжала плакать. И Рэс почувствовал, как в желудке у него все сжалось; так бывает всегда, когда мама расстраивается. Когда мальчик вошел с чистым бельем, никто из родителей не посмотрел на него, и Рэс почувствовал еще большее беспокойство, чем обычно. Они словно совершенно забыли о нем. Не выдержав, он решил как-то напомнить о себе:

— Вот одежда, мама.

Но отец лишь повернулся и посмотрел на него.

— Джордж! — тон его голоса показал, что он действительно сердится, и, казалось, причиной этого является именно он, Рэс. Мальчик попытался понять, в чем же он виноват. Старый дом... картинка-загадка... Ага, вот в чем дело! И у него не было оправданий. Он почувствовал слабость, большую, чем обычно.

— Я так понимаю, ты отказываешься отвечать, когда в школе тебя вызывают по твоему собственному имени. — Папа прошел через всю комнату и остановился перед сыном.

Рэс был настолько удивлен этим обвинением, совсем не похожим на то, что он ожидал, что не сразу нашелся, что ответить.

— Твой брат и упрям, и глуп, — продолжил папа. — Я не хочу, чтобы ты стал его копией, понятно?! Тебя зовут Джордж Браун — и точка, никаких там африканских мумбо-юмбо! А его — Ллойд Браун. Если услышу, что ты повторишь одно из его дурацких замечаний, то прослежу, чтобы ты больше этого не делал. Твой брат просто разбивает сердце твоей матери. Только посмотри на нее — и посмотри повнимательнее, парень! Ты хочешь, чтобы она и из-за тебя так же плакала? Хочешь? — голос отца возвысился почти до крика.

— Нет... нет, сэр, — пролепетал в ответ Рэс. Что же Чака... Ллойд... сделал?

— Хорошенько запомни мои слова! Твой брат выбрал свой путь. Он оставил этот дом, и он не вернется сюда, пока не забудет всю ту чушь собачью, о которой он разглагольствовал сегодня утром! Я отдал свой долг нашей стране, — папа провел пальцами по лицу, а потом потер лоб, словно в том месте он вдруг почувствовал сильную боль, — я не хотел служить в армии, этого хотят очень немногие. Но тогда была война, и я верил в цели, за которые мы сражались. Я не африканец — я американец, и горжусь этим — горжусь, ты понимаешь это?! И не собираюсь терпеть эти предательские разговоры в своем доме! Я лишь надеюсь, что со временем у Ллойда появится здравый смысл. У него неплохие мозги, так почему бы ему не напрячь их?

Отец отошел обратно к окну. Мама вытерла слезы бумажным носовым платком, который вытащила из кармашка передника.

— Он неплохой мальчик — если отбросить всю эту его глупость, Эван. Он вернется, я знаю, он вернется. Я... что ж, они так удивили меня, эти его слова, что он собирается жить с этим ужасным человеком Али. Я думаю, что была потрясена. Но я знаю: все кончится хорошо... Ллойд — хороший мальчик.

Отец произнес что-то неразборчивое, и мама, встав, подошла и остановилась рядом с ним, положив руку на его плечо. Рэс проглотил комок в горле и поднял сумку с бельем. Итак, Чака ушел, осуществив свои угрозы. Рэс видел однаж-

ды Али: худой мужчина с небольшой остренькой бородкой и быстрой и яростной манерой вести разговор. Именно у него Чака брал первые африканские книги.

Книги! Что, если Чака забрал их с собой? Рэс оставил одежду в коридоре и проскользнул по лестнице наверх. Комната Чаки совершенно пуста, если не считать распахнутой двери платяного шкафа и висящего внутри еще неплохо сохранившегося костюма, который Чака вряд ли когда-нибудь наденет. Из стола выдвинут ящик, тоже пустой. И на стене заметны более светлые места там, где раньше висели его афиши. И, разумеется, книжная полка тоже опустела.

Рэс присел на край кровати. Тошнотворное чувство, которое он ощутил, увидев слезы матери, еще более усилилось. Чака ушел. Папа сказал, что он ошибается и что он глупец. Но когда брат начинает говорить, он может заставить поверить в свои слова любого. Или почти поверить — потому что папины аргументы такие же сильные. Его вера ничуть не слабее веры Шеркарера в Апедемека или веры Даниила — в бога-повелителя Иегову.

Однако Рэс знает одно: Шеркарер добился свободы, потому что доверился человеку другой веры и расы. Они вместе действовали, чтобы покончить с сиррушем-ло, — и ни один из них не смог бы добиться этого самостоятельно. Действовать сообща... Как Сиг и он. Тогда, в старом доме, они подрались, и Сиг запер его в подвале. Но сегодня у них уже появилось кое-что общее.

И теперь он хотел снова увидеть Сига — чтобы поговорить с ним о тех двух оставшихся драконах. И гораздо легче думать об этом, чем о Чаке и о том, что случилось сегодня дома.

Арти Джоунс пинал футбольный мяч, тот ударялся о бордюры дороги и отпрыгивал обратно. Мальчик поднял мяч и увидел, что новая коричневая поверхность уже пообтерлась. И в этом виноват лишь он один, он просто дурачится с мячом. Да и на кой черт нужен этот футбольный мяч, если нет

никого из ребят поблизости, кто поиграл бы с ним? Поблизости живут только этот чудак Ким Стивенс, Сиг Дортмунд и Рэс. Он не хочет водиться с ними, когда есть такие клевые парни, как Грег Росс и его компания. Он так надеялся, что они предложат ему сыграть с ними, когда взял с собой мяч вчера в школу. Однако они были слишком заняты разговорами о том, как все вместе отправятся на игру со старшеклассниками после полудня, и даже не слышали, когда он сказал, что у него есть новый мяч, и не посмотрели в его сторону, когда он достал его из сумки и показал его им.

Папаша Грега усадил всю компанию в лимузин, и они, несомненно, отлично провели время. Арти стоял поблизости, надеясь, правда, чуть-чуть, что Грег обернется и позовет его присоединиться к ним.

А здесь, возле дома, делать особо нечего — как всегда. Он мог бы отправиться в кино. Но он уже видел фильм, который идет в кинотеатре на этой неделе. А телевизор сдали в ремонтную мастерскую. Если же он продолжит слоняться рядом с домом, мама спросит его насчет домашнего задания. А он, разумеется, не собирается убивать субботу на это!

И тут он увидел Сига, торопливо приближающегося к повороту. Может, если они сыграют здесь в футбол, то Сиг будет держаться рядом с ним и в школе. Ведь Арти, возможно, так никогда и не представится случай войти в компанию Грега. Ох, ну и какая же вокруг тоска!

Без особой надежды Арти двинулся вслед за Сигом, держась в квартале от него.

Сиг вообще не смотрел в его сторону. Он что, направляется к тому старому дому? Похоже, что так. Там обитают привидения, но в этом есть нечто волнующее. Что, если Сиг обнаружил что-то там, в одной из запертых комнат? Арти не спрашивал его об этом, и теперь ему стало интересно. Но вот Сиг остановился на углу, кого-то поджидая. Но не Арти, он так ни разу и не обернулся в его сторону, не заметил его. Ага, он замахал кому-то на противоположной стороне улицы. Э, да это же тот малый, который не желает открывать своего настоящего имени. Какие такие дела связывают Сига с ним?

Арти шел следом за ними, теперь встретившимися, держась от мальчиков на расстоянии в полквартиры. Да, они направляются в тот старый дом. Вот они остановились у стены и огляделись. Движимый каким-то импульсом, которого сам не сознавал, Арти пригнулся за первым попавшимся мусорным ящиком. Тот не слишком хорошо скрывал его, но мальчик посчитал, что они его не заметили, поскольку продолжили свой путь. Внезапно Арти решил последовать за ними. Если Сиг обнаружил там что-то, ему следовало бы рассказать об этом Арти, а не тому наркоману! В конце концов, ведь первым-то с ним ходил Арти. Возможно, Сиг посчитал Арти за труса, раз он не остался. Ладно, он еще раз сходит туда за ними и посмотрит, что они там обнаружили, а потом даст им знать, что следил за ними. Он еще покажет себя этому Сигу!

Арти проследил, как Сиг пролез в окно и как потом Рэс проскользнул вслед за ним. А за ними последовал и сам Арти, все еще держа в руке футбольный мяч. У первых двух мальчиков оказался фонарик, которого не было у него. Однако сегодня вполне хватало света, чтобы все видеть. Он слышал бормотание их голосов, но не мог разобрать слова.

Они направлялись прямо к комнате, которую в тот первый раз Сиг только намеревался открыть. Арти скользил вдоль стены коридора насколько можно тихо, пытаясь слышать их разговор.

— Головы — из красных... так будет красивее? — спрашивал Сиг.

— Правильно!

Потом несколько секунд тишины, которую вновь прервал Сиг, пробормотав с разочарованием в голосе:

— Хвосты. Ладно, что мы попробуем сложить?

Последовало еще несколько секунд молчания, а потом Арти услышал, как Рэс возбужденно воскликнул:

— Ты видел это, а? Оно... оно шевельнулось прямо под моими пальцами!

— Дай-ка я попробую! — бросил нетерпеливо Сиг.

— Видишь? Он тоже, похоже, твой!

— Давай попробую теперь вот этот желтый.

Что красное? И что желтое? Арти стало так любопытно, что ноги сами собой понесли мальчика к двери, чтобы он смог заглянуть в комнату.

— Не получается, — вздохнул Сиг. — В тот первый раз кусочки складывались друг с другом словно по собственному желанию, а я будто бы даже и не принимал в этом участия. А как у тебя, так же?

— Угу. Но сейчас по-другому. Видишь, я не могу схватить даже одного кусочка, они выскользывают из пальцев. Сиг, а ты не думаешь, что это означает, что мы так и не сможем закончить его?

— Почему же не закончим? Разве хорошо останавливаться только на половине? И нет причины...

— Нет, есть, только мы ее не знаем. Я... Я думаю, нам следует оставить ее теперь в покое, Сиг, мне в самом деле так кажется.

— Все это чертовски странно. Может, сегодня просто не тот день, может, если мы придем когда-нибудь в другой раз...

— Может быть, Сиг, но почему-то я так не думаю. И разве ты не чувствуешь себя как-то странно, словно нам вообще не следует находиться здесь? У меня раньше никогда не было подобного чувства.

Наступила долгая пауза, а потом Сиг ответил:

— Угу. Я не хотел тебе этого говорить, ты мог бы подумать, что я какой-то помешанный или еще что-нибудь. Но... пошли отсюда — и немедленно!

Арти был совершенно сбит с толку. Почему-то ему не захотелось в этот момент сталкиваться с ними лицом к лицу. Он в некоторой растерянности огляделся, рывком распахнул ближайшую дверь и нырнул в шкаф, держась рукой за ручку и оставив небольшую щелку. Он даже не увидел, как они прошли мимо, но слышал их шаги, гулко раздававшиеся по комнатам. Когда снова наступила тишина, мальчик выбрался из шкафа, полный решимости посмотреть, что же находится в той комнате, что это за красно-желтая вещь осталась там.

Бросив первый взгляд, он не увидел ничего вообще, кроме стола и стула. И только потом в свете, падавшем из ок-

на, разглядел разноцветные картинки на столешнице и пошел поближе.

Футбольный мяч выпал из его ослабевших пальцев, но он даже не заметил этого. Складная картинка-загадка... какая-то головоломка! Почему же Сига и Рэса так захватила эта глупая старая головоломка? Здесь же валяется и шкатулка, вместе с находящимися в ней кусочками головоломки. Некоторые перевернуты, показывая ярко-красную или ослепительно золотую поверхность. К одному краю скатилось несколько красных кусочков, лежащих отдельно. Но как же они блестят!

Он увидел рисунок на крышке коробки, огромного серебристого дракона, а на дне — синего, и оба таких же дракона сложены на столе. Но там осталось еще два несобранных рисунка: красного дракона справа и золотистого слева. Мальчик мельком бросил взгляд на золотистого. Все его внимание привлек красный дракон.

Он... он кажется таким настоящим! Арти вытянул палец и прикоснулся к одному красному кусочку. Тот слегка шевельнулся и... ух ты, он, похоже, на самом деле самостоятельно скользнул на место рядом с другим и соединился с ним. Но Сиг и Рэс, они говорили так, будто у них не получалось вообще ничего с этими кусочками! Что же они имели в виду... ведь это так просто!

Один из кусочков лежал лицевой поверхностью вниз, и на нем черная надпись, буквы толстые и какие-то увесистые.

— Р-е-к-с... Рекс, — по буквам проговорил Арти.

У дяди Джима одно время была собака по имени Рекс, и дядя сказал ему, что по латыни это означает «король».

Арти перевернул этот кусочек. Да, его место вот здесь. Э, да он гладкий. Мальчик начал отбирать остальные красные кусочки. Ха, он сделает это, даже если Рэсу и Сигу это оказалось не под силу. Этот отправится вот сюда, а тот — туда... Забыв обо всем на свете, Арти уселся на стуле.

Красный дракон... красный дракон, взмывающий в голубое небо... Пендрагон! Это он, Арти знает абсолютно точно, как если бы кто-то, стоя рядом с ним, сообщил ему имя... Пендрагон!

АРТОС, СЫН МАРИЯ

Наступила пора уборки урожая, и войска были разбросаны по полям, где высоко вздымались уже созревшие колосья ячменя, и сияли они такими же золотистыми бликами, как знойное солнце. Хороший будет урожай, надеялись все: перед этим случился неудачный год, холодный, и немного было собрано в прошлое, слишком дождливое лето. Люди умирали с пустыми желудками в последние морозные дни зимы, хотя с радостью набили бы рот зернышками и сжевали бы их сырыми, однако их нужно было бросить в распаханную почву.

Но не только в Британии свирепствовал голод — повсюду. Появились известия о набегах людей в крылатых шлемах, и на побережье пришлось выставить дозорных, хотя каждый человек был на счету и требовался для работы на полях.

Тыльная сторона ладони Артоса покрылась грязью, когда он провел ею поперек лба, и он, выпрямляясь, пытался не морщиться от боли в спине. Работать на полях труднее, чем проходить подготовку в военном лагере; хотя он еще не очень много тренировался, этого вполне достаточно, чтобы понять, что ему еще многому нужно обучиться. Он бросил быстрый взгляд туда, где его боевые товарищи растянулись в линию на поле. Не имеет значения, что его отца зовут Мари-ем и он командует отрядом под началом самого Дракона. Человек славен своими делами, а не тем, кто его отец или дед.

Артоса называли так в честь верховного короля, цезаря Британии, но он все равно отправился на поля, как и все остальные. Тело ныло не меньше, чем от болезненных ударов деревянного меча, когда он неуклюже или неудачно пытался отбивать атаки Друса. Теперь Друс стар, но он еще может припомнить уход с побережья легионов, забравших вместе с собой мощь Рима и оставивших Британию беззащитной перед набегами морских хищников.

Пять дней назад верховный король ускакал на север, чтобы проверить посты, выставленные против шотландцев и раскрашенных северян. А с ним и большая часть воинов. Здесь же, в Венте, правит Модред.

Артос нахмурил брови и пнул комок земли, рассыпавшийся под подошвой сапога. Именно верховный король (хотя отец всегда называет его цезарем) удерживает Британию единой. Сперва он был простым военачальником, но он был верен Аврелиану, которого настоящий цезарь с материка сделал графом Британии. Они называли короля Артоса «Пендрагоном» и «Dux Bellorum» — Командующим Битвами. Артос про себя повторил эти слова, хотя и не произнес их вслух — в них какое-то особое звучание. Люди больше не говорят на настоящем латинском языке империи, а постоянно добавляют в свою речь британские словечки. Марий, как и верховный король, верит, что им нельзя забывать прошлое, и единственный способ для этого — говорить на языке людей, которые жили в городах и помнили прежние утерянные дни мира.

Потому что теперь почти вся жизнь проходит в сражениях. Люди не выпускают мечей из рук и постоянно готовы услышать звуки рожков, зовущих на битву. Выбирать не приходится: или жить постоянно с оружием в руках, или же умереть под топором саксов... или еще хуже — стать их рабом. Большая часть городов, построенных римлянами, разрушена. Саксы ненавидят города и, если это в их силах, превращают их в руины.

Но Вента, где некогда жил римский управляющий, все еще стоит, а рядом, на холмах, еще с древних времен располагаются крепости, которые строили люди короля, крепости, в которых когда-то, задолго до прихода римских легионов, скрывались от нападений окрестные люди.

Модред не верит, что следует держаться прежнего образа жизни. Он насмешливо улыбается за спинами — да, и даже в лицо Марию и другим людям цезаря, с коротко подстриженными волосами, бритыми щеками и подбородками, носящими древние римские щиты и доспехи. Теперь его люди не таясь говорят, что лучше забыть про Рим, заключить мир с крылатыми шлемами и, может, даже отдать им часть побережья и скрепить клятву о нерушимости договора братской кровью, а не сражаться вечно.

Модред говорит только на британском языке, делая вид, что не понимает латыни. Он чувствует мелких королей и вождей кланов с севера. Он нравится Марию и другим, однако Марий настороженно следит за ним. Но многие молодые люди относятся к Модреду по-другому и прислушиваются к его словам.

Артос снова нагнулся, возобновив работу. С каждым часом он все больше и больше ненавидит это поле, на котором ему приказали работать. Разве не мог он поскакать на север вместе с охраной цезаря, со своим отцом? Он взмахнул ножом, словно это меч, небрежно срезав стебель. Борозды тянутся бесконечно, а солнце печет, и день долг.

Один из домашних рабов принес кожаную бутылку с уксусом и водой, и Артос выпил свою долю. И как раз в этот момент он увидел всадников, скакавших по дороге к морю. Их разноцветные плащи, брошенные на плечи, ярко блестели; в такую жару их можно надевать только для вида. Конечно, это принц Модред, их вождь.

Артос, прищурясь, следил за приближением всадников. И вздрогнул, разглядев, что надето на руку принца ниже края коротко обрезанного рукава летней туники. Он мог бы поклясться, что это драконья нарукавная повязка верховного короля! Но ведь только цезарь, Артос Пендрагон, имеет право на это, и король лично надел ее на свою руку, когда уезжал из Венты.

А Модред не имеет даже прав наследника верховного короля, хотя люди шепчутся, что, возможно, он действительно сын самого короля. Впрочем, он совсем не похож на цезаря.

Потому что Артос Пендрагон выделяется среди людей, как столетний дуб в молодом лесу. И его волосы, хотя он сейчас старик, все еще блестят золотом, что свидетельствует об его происхождении с Западного Острова. У него короткие волосы, и он бреется, подобно римлянам, что делает его моложе.

А Модред ниже ростом, темноволос, и курчавые пряди волнами ниспадают на плечи. Кроме того, он носит усы, выщипанные с обеих сторон узкого рта, так что выглядит он как

любой из мелких племенных вождей. Подобно им, он одевается в красочные одежды: плащи, вышитые узорами в форме клеток зеленого, красного и желтого цветов, что-то вроде туники и брюк, широкие пояса из мягкой кожи, расшитые золотом, кинжал с драгоценными камнями и длинный меч.

Артос следил за продвижением отряда, пока всадники не скрылись в пыльном облаке. Ему очень хотелось вскочить на коня и поскакать к ним. Никто не отрицает, что Модред — хороший воин, а теперь сам цезарь выбрал его защитником Венты. Модред командует всеми военными силами, за исключением королевских стражников, часть которых остались здесь, и школы, где обучаются их сыновья, — ученики подчиняются Каю.

При мысли о Кае Артос снова принялся за работу, сгорбив плечи, словно уже ощутив жалящий удар ивового прута. Кай воин, один из тех, к кому Марий относится одобрительно. От Кая никогда не добьешься большего, чем полуудовлетворенного ворчания. Но услышать этот знак одобрения старого воина, исполосованного полученными в сражениях шрамами, для любого ученика, наверное, все равно что испытать восторг императора во время триумфального шествия. Артос ухмыльнулся. Однако он никак не мог забыть нарукавную повязку, сверкавшую на загорелой руке Модреда, и это бросало семя беспокойства в его разум.

В этот вечер была его очередь обслуживать стол военачальников — принести рога для питья, разложить ложки и столовые ножи. Стул Модреда оставался пустым, как и два других, где должны сидеть его ближайшие офицеры. За столом сидели только Кай, Арчаис (который родился за морем и сведущ в лечении ран) и Паулюс, жрец.

Артос прислушался к их разговору, однако почти ничего нового не услышал. Паулюс стар и мало думает, но он священник церкви, и он не любит Арчаиса, что выказывает совершенно ясно, потому что врачеватель не верит тому, чему учит Паулюс. Однако жрец не может заявить об этом открыто, ибо верховный король задолго до этого дал ясно понять, что выбор человеком бога, которому он станет поклонять-

ся, — личное дело каждого. И это привело жрецов в ярость, и они много ворчали по этому поводу, однако ничего не могли поделать. Впрочем, позднее они все же решили признать, что мир необходим, да и среди жрецов были сторонники Модреда, соглашавшиеся с ним. Даже слишком много, признавался Марий.

Когда слабое пиво прошлого года было выпито, а тарелки убраны со стола, Арчаис сказал:

— Наш господин Модред ускакал в такую даль, что не сможет возвратиться к ужину?

Кай пожал плечами.

— Это его дело, — коротко ответил он. Но тон его голоса заставил Артоса прислушаться более внимательно.

— Крылатые шлемы замечены на побережье. Рыбак из Дипдина сообщил, что видел по меньшей мере десять кораблей. Такой флот может собрать только какой-нибудь известный завоеватель. Кое-кто думает о Торкиле...

— Нет, нет, — Паулюс отрицательно покачал головой. — Торкиль не осмелится. Разве не наказал его жестоко король-повелитель в прошлом году, когда обратил в поспешное бегство?

— Эти крылатые шлемы, — проворчал Кай хмуро, — словно муравьи, отец. Можно давить их тут и там, но они лезут и лезут, эти муравьи, и нет им конца! Покой возможен лишь тогда, когда они все станут мертвы, но для этого придется серьезно потрудиться. Они хорошие воины, со своими берсекерами и стенами из щитов. Наш король-повелитель знает, как справиться с ними. Вначале люди порой смеялись прямо ему в лицо, однако, несмотря ни на что, он отправился на борьбу с благоволения Аврелиана, привел лошадей, огромных лошадей — потому что в основном тогда у нас были одни только невысокие пони и ничего настоящего для рослого воина. И он знал, как изготовить доспехи для них и их всадников. Он не собирал огромной армии: ее трудно было бы прокормить и она легко могла бы угодить в засаду — даже легионеры признали, что этот новый способ

ведения войны — лучше прежних и так же хорош, как и применяемые в их времена.

Так что он отправился в свою кампанию на лошадях, и он вовремя появлялся и здесь и там, всюду успевая. И мы столько времени проводили в те дни в седлах, что кожа у нас на задницах огрубела, как мозоли на руках. И стоило где-нибудь высадиться саксам, там оказывались и мы — еще до того, как они догадывались об этом. Да, лошади и стража очистили этот край и поддерживали в нем спокойствие.

Я помню тот день, когда ему передали знамя Дракона. Это была новая, подозрительно странная вещь. Только дай ветру поймать его полотнище — и оно вырывается из рук, словно огромный красный червь, который тянется к тебе когтями. И когда знамя зардело над головой, дракон полюбил нас. Да, у нас был Дракон — пока его не порезали на кусочки. Его вид, похоже, вызывал у язычников бешенство, и они всякий раз направляли к нему свои копья. Однако мы просто передавали его цепочкой между собой. Когда взывает рог войны, Дракон отвечает ему!

Артос знал это знамя. Похожее, но меньших размеров развевается над дозорной башней, когда здесь находится верховный король, и вместе с ним отправляется в поход. Впрочем, большой Дракон хранится в безопасном месте до начала большой битвы. Цезаря называют «Пендрагоном» — почти как «Дракон». И кое-кто из простолюдинов действительно верит, что у него есть всамделишный дракон, который помогает ему в сражениях.

— Но несмотря на все ваши доблестные усилия, крылатые шлемы по-прежнему приходят, — заметил Арчаис.

— Приходят и умирают, — Кай отодвинулся от стола. — Они всегда приходят — таков их образ жизни.

— Но есть ли в этом необходимость? — после баса Кая голос Паулюса прозвучал слабым шепотом. — Можно же найти возможность поддерживать мир, чтобы все люди жили в дружбе и согласии.

Кай рассмеялся.

— Кричать о мире крылатому шлему, когда он ломится в твою дверь, отец, с поднятым топором, чтобы зарубить тебя? У таких людей существует только одно понятие о мире. — Он повернул голову к притихшему Артосу, о котором, казалось, все забыли. — Эй, юноша, отправляйся-ка ты в кровать. Прежде чем пропоют петухи, ты снова понадобишься на поле. При удаче мы сможем собрать оставшуюся часть ячменя еще до наступления ночи.

— С божьей милостью, — поправил его Паулюс. Однако Кай не обратил внимания на жреца, широко разведя мускулистые руки.

Но Артосу так никогда и не довелось снова поработать на ячменном поле. И все потому, что он решил напиться воды.

Молодой воин настолько устал, что тут же крепко уснул, однако вскоре очнулся, стряхнув следы сна, которого не мог потом припомнить, — осталось лишь ощущение страха. Он привстал на соломенном тюфяке, служившем ему постелью, ощущая сильную жажду. Вокруг раздавалось тяжелое и ровное дыхание спящих. Коридор освещал тонкий луч лунного света.

Еще раз прошел он по лабиринту комнат, коридоров и дворов, где некогда жил римский наместник. Но теперь этот дворец в ужасном состоянии, потому что полностью его никто не использует.

Ближайший источник воды находился в главном зале, и Артос задумался, идти ли ему туда. Он провел пересохшим языком по треснувшим губам и решил, что придется. Спал он прямо в брюках и обуви — настолько устал, и теперь ему не хотелось возвращаться обратно за туникой с риском наткнуться на чей-либо тюфяк.

Лунный свет проникал в коридор через окно. Но был и еще один источник света — тусклое сияние из какой-то другой комнаты. Это вызвало любопытство Артоса. Кто бы это мог быть? Стража дежурит гораздо дальше. Именно из-за любопытства он и отправился туда, едва передвигая ногами, — к полуотпахнутой в коридор двери.

Юноша тихо прошел мимо закрытой комнаты Кая. Дальше располагались две пустые комнаты, которые обычно занимали люди короля, сейчас ускакавшие вместе с ним на север. Так что остается только оружейная комната. Но почему?..

Артос, прижимаясь к стене, осторожно двинулся вперед. Он слышал едва уловимое бормотание спящих, шорох, когда они шевелятся. Добравшись до того места, где дверь поворачивается на петлях, юноша, никем не замеченный, заглянул в щель.

Модред... нельзя не узнать этого молодого человека, сидящего за столом, где оружейник хранит свои списки снаряжения. Но дальше стояли еще трое, одетые в чешуйчатые доспехи стражи, — тоже молодые. Артос знает двух из них по имени — это члены кланов, призванные на военную службу два года назад. Третий — Аргвейн, который гордится своим кровным родством с Модредом, благодаря каким-то непонятным внутриклановым отношениям.

Артос не верил своим глазам. Они открыли сундук Дракона. Его замок сломан: ведь ключ хранится у Кая. И теперь вытаскивают аккуратно свернутого Красного Дракона, обращаясь с ним скорее нетерпеливо, чем почтительно; затем знамя сунули в суму Аргвейна, которую тот держал наготове. Свет факела блеснул на руке Модреда, когда тот чуть пошевелился. Артос понял, что его догадка верна: это королевское кольцо, копия того, что носит цезарь.

Дракон, нарукавная повязка, Модред... Как все это сложить одно к другому, юноша не знал. Но здесь совершалось зло, вроде черного дыма, клубами валившего от костра.

— ...на запад. Покажи ему это и отправь туда, где четыре факела будут качаться справа налево перед полным восходом луны, — приказал Модред.

— А ты, — принц обернулся к Аргвейну, — дай сигнал Мегвину, в Калдор. Таким образом мы расколем эту землю на части, прежде чем они успеют покинуть свои поля и поднять мечи против нас. А вот с этим, — он кивнул в сторону находившегося в суме знамени Дракона, — и теми вестями,

которые мы распространим, у них останется лишь несколько мечей. Люди не будут уверены, где истина, а где ложь, пока не станет слишком поздно!

— Нельзя не отметить, что ваш план просто превосходен, король-повелитель, — кивнул Аргвейн.

— План этот долго вынашивался, но теперь начинает претворяться в жизнь. Пошли.

Артос едва успел отпрянуть от двери и нырнуть в одну из пустых комнат. Он стоял там, в темноте, сердце гулко стучало в груди, он тер вспотевшие ладони о брюки, пытаясь осознать услышанное.

Модред надел нарукавную повязку и похитил знамя, а Аргвейн назвал его королем. Он говорил, что факелы послужат сигналами для высадки. И эти речи о заключении мира с крылатыми шлемами... о том, что их корабли видели на побережье... Все это выстраивается в уродливый узор, в который Артос не может поверить, настолько он был ужасен. Он должен скорее рассказать обо всем Каю!

Эти люди, конечно, уже вышли из оружейной. Юноша промчался по коридору к закрытой двери в комнату командира и чуть приоткрыл ее, так, чтобы можно было проскользнуть в образовавшуюся щель. Через окно проникали лунные лучи, освещая низкое ложе; слышался храп спящего. Артос положил руку на его обнаженное плечо.

Кай обладал привычкой воина мгновенно просыпаться, и спал настороженно, и когда он приподнялся на локтях, Артос наклонился к постели и шепотом рассказал о том, что видел и слышал. С ложа донеслось приглушенное восклицание, воин выпрямился, с глухим стуком ударив ступнями о пол.

— Что бы все это ни значило, — начал он, — не нужно делать поспешных выводов. Но бесспорно, верховный король должен узнать об этом. — Он потер кулаки друг о дружку, и при свете луны Артос увидел, что командир мрачно насупил брови.

— Послушай-ка, — обратился Кай к юноше. — Это нужно сделать втайне: отправить известного всем посыльного — все

равно что сообщить этим людям, что об их планах проведали, и тогда за ним отправят погоню и убьют.

— Я неплохо скачу на коне, этому меня научил Марий, — отважился заметить Артос.

— Да, а верховный король разбил лагерь на холмах возле Фентерс Холд. Римская дорога тянется на север к стене, и ее пересекает торговая тропа, ведущая к морю. С этой дороги трудно сбиться.

— Я уже скакал однажды по небольшой ее части, — с гордостью сообщил Артос. — Я ездил к стене два лета назад, когда мой отец отправился на встречу с торговым народом для заключения перемирия.

— Значит, ты уже скакал по ней. Что можно счесть еще одним подарком судьбы. — Кай вытянул большой палец и повернул кольцо, чтобы снять его. Огромное кольцо, широкое и тяжелое, со вставленным в него камнем странной формы, похожим на голову человека с рогами. Паулюс говорил, что это зло, но Кай ответил, что кольцо принадлежало еще его отцу, а его отец, как и кольцо, пришел сюда из заморских стран, в давние-предавние времена, еще до того, как на землю Британии ступила нога римского legionera.

Кай с трудом снял кольцо.

— Это известная вещь, мальчик. Не бери коня из нашей конюшни, это будет замечено, и тебе станут задавать вопросы. Лучше проберись через весь город к посту на холмах, где несут вахту дозорные. Они держат коней для посыльных. Покажи им это кольцо и выезжай на дорогу, что ведет на север. Меняй лошадей в каждой крепости, когда заметишь признаки усталости скакуна: время не союзник нам в этом деле. А теперь... отправляйся!

Артос скользил от одной тени к другой, пробираясь по улицам Венты. На нем теперь туника и плащ, и меч отягощал его пояс. Марий выменял этот меч на одной из встреч с торговым народом. Это меч римского legionera. Марий говорил, это добыча с какой-то давней битвы, возможно даже возле стены. Однако клинок хорош, и отец Артоса долгое время безуспешно пытался выторговать его для сына. Меч

этот короче клинков стражи, но по длине как раз подходит для Артоса. Еще у него сумка с припасами. А на шее — для безопасности — ремешок с кольцом Кая.

Если бы у него не было этого кольца, то его непременно бы допросили, когда он достиг дозора на холмах. Ради скорости ему дали коня с легким седлом — намного меньше тех, которыми пользуется стража, и конь был тщательно выбран, юноша понимал это, чтобы миля за милей преодолевать путь с неизменной скоростью. Он направил коня по дороге, радуясь ровному покрытию, выложенному еще легионерами.

Дорога тянулась на север, и хотя со времени ее последнего ремонта прошло больше лет, чем самому Артосу, она все еще находится в хорошем состоянии. Встало солнце, прошла середина утра. В крепостях по пути он менял лошадей одну на другую, люди здесь все из одного племени, о чем ясно свидетельствуют их туники. Они обрушивали на Артоса град вопросов, когда он прислонялся к деревянной стене крепости, торопливо набивая рот хлебом и прихлебывая ровно столько ячменного пива, сколько требовалось, чтобы проглотить еду. Но он лишь качал головой и отвечал, что выполняет поручение верховного короля и то послание, которое он несет, выше его разумения.

Зато сразу после полудня, когда солнце все еще палило горячими лучами и ему приходилось прилагать немалые усилия, чтобы удержаться в седле, он поменял коней на посту весьма необычных дозорных, расположившихся в разрушившейся башне римлян. На них не было ни доспехов, ни даже сверкающих одеяний племен; лишь загорелая кожа на маленьких, смуглых телах, испещренная синими татуировками. У них были луки и стрелы, и друг с другом они переговаривались мягкой звонкой речью. Однако их вождь — который, несмотря на жару, носил плащ из волчьей кожи, на голове — волчью голову с разинутой пастью, а на шее — ожерелье из нескольких дюжин белых клыков, — говорил на латыни, хотя и с необычным акцентом.

Хотя юноша никогда прежде не видел так близко таких людей, он знал, что это пикты, живущие за стеной, и служат

они не Британии, а одному лишь человеку — верховному королю; Артос Пендрагон каким-то образом заслужил их любовь, и они пришли на его зов.

Эти язычники, пикты, и небольшой отряд людей, которые, подобно Марию, до сих пор с нескрываемой гордостью называют себя «римлянами», вот они-то и составляют армию Верховного Короля. Будь они предоставлены самим себе, меч поднялся бы против меча, нож против стрелы. Однако под началом Артоса Пендрагона они составляют единое целое. Величайшим даром короля было умение создавать победоносную армию из таких вот разношерстных сил.

Вскоре после того, как он покинул эту дозорную башню, Артос свернул на дорогу, ведущую на запад. Здесь ему пришлось замедлить ход коня: новая дорога уже не мощеная, всего лишь тропа для путников, она часто поворачивает и изгибается, и поверхность ее неровная и трудная для ходьбы. Нигде не видно полей с зерном, а стычки здесь происходят гораздо чаще.

Когда наконец юноша увидел ярко-красные огоньки лагерь, на небе уже появилась луна. Он соскочил с коня, все тело его одеревенело, так что он мог идти, только прислонившись для поддержки к плечу спотыкающегося коня. Горло его пересохло, переполнившись пылью, когда он со стоном прохрипел ответ часовому. И он не помнил, как именно добрался до комнаты верховного короля.

— Да это юный Артос! Но что ты делаешь здесь? Позовите Мария.

— Король-повелитель, — в этот раз Артос выдал из себя звук получше, чем стон, потом с удивлением обнаружил в руке рог, после чего отпил немного горького пива и лишь затем продолжил: — Король-повелитель, — юноша принялся рыть в одежде в поисках кольца Кая, — легат Кай послал меня.

— Чтобы привезти нам какое-то неприятное известие. Что же случилось? Крылатые шлемы... Но тогда бы факелы тревоги вспыхнули по всей стране, чтобы предупредить нас. Так в чем же дело?

И когда эти большие, сильные руки мягко легли на его плечи, подтащили к себе поближе, поддерживая его, Артос слово за слово поведал о том, что видел и слышал. Вокруг него раздались удивленные голоса, но в них для него было мало смысла. А потом он оказался лежащим на соломенном тюфяке в лагере, и рядом появилось гладко выбритое смуглое лицо отца, увенчанное шлемом с перьями. Юноша понял, что сделал то, ради чего прибыл сюда.

Вот так и началось темное время, и впоследствии Артос не раз задавался вопросом, что случилось бы, если бы они выбрали другой путь.

Он не просто передал послание от Кая — его сведения дали верховному королю несколько драгоценных часов, которыми тот отлично воспользовался. С предупреждениями были отправлены другие всадники. Пора урожая... Модред выбрал подходящее время для предательства.

И когда здесь появились созванные люди, немного отсюда, немного — более дисциплинированных — оттуда, то они узнали, что Модред действительно поднял знамя Красного Дракона и заключил с крылатыми шлемами договор, скрепленный кровью. На побережье, как сообщали, сначала видели десять кораблей, но теперь приходили сообщения о двадцати, приближающихся с моря. Эта тщательно подготовленная кровавая резня вполне сможет уничтожить все, ради чего сражался верховный король, если только ему не удастся удержать завоевателей на побережье.

— Но Модред просто безумец!.. — Артос услышал громкий возглас отца и увидел, как бронзового отлива кулак опустился на стол, отчего подпрыгнули рога для питья.

— Нет, далеко не безумец, — ответил верховный король. — Ты не забыл Вортигена? Модред его крови, и потому считает, что он истинный король Британии, а не я. И так же считает половина племен, утверждая, что у меня нет на это права, — его рука дернулась в сторону складки фиолетового плаща, наброшенного на спинку его сиденья. — Пока Аврелиан не дал мне власть, я был просто человек, который что-то планирует и о чем-то мечтает. Однако сейчас все это

кажется давно ушедшим в прошлое. Тем не менее, — теперь он заговорил более оживленно, — независимо от того, каким бы королем себя Модред ни считал и как бы ни приветствовали его обманутые им люди, веря, что в этот раз они смогут сыграть с саксами в игру Вортигена и победить, я не собираюсь позволить топорам крылатых шлемов разрушить то, что осталось еще на этой земле. Поэтому...

И король начал быстро говорить о передвижениях людей и армии, и собравшиеся вокруг внимательно слушали. Артос видел, как отец раз-другой кивнул, потом услышал одобрителное ворчание Гавэйна, который командует левым крылом, когда стражи начинают атаку.

В самом конце верховный король сделал короткий жест рукой, и прислуживающие рабы поторопились наполнить рога для питья, но не привычным слабым пивом, а медом с сильным запахом северных земель. Артос Пендрагон высоко поднял свой рог, встал, и остальные повторили его движение.

— Друзья, возможно, нам пришла пора пуститься темными тропами. Но если это и так, то я говорю: мы не могли бы идти в лучшем обществе! И если Модред все-таки захватит королевство, а крылатые шлемы — нашу землю, то пусть цена за это будет высока!

Ответом послужил грохот: выпив, все побросали рога, и те, пустые, покатались по столу.

Когда Артос с отцом вернулись в свою комнату, Марий постоял несколько секунд, внимательно глядя на сына.

— Мне бы хотелось, чтобы теперь ты уехал в Глендоуэр.

— Нет! — впервые в своей жизни Артос набрался смелости, чтобы сказать это слово отцу, и несмотря на то, что брови отца еще более насупились, он поспешил продолжить: — Разве будет в этой армии лишним еще один меч?

— Меч мальчика? Ты не мужчина, чтобы скакать...

— А что, если... что, если люди Модреда придут в Глендоуэр? И как насчет нашего соседа Искара? Он уже давно зарится на наши земли. Ты можешь выслать меня отсюда только связанным, с кляпом во рту и под стражей!

Марий, должно быть, прочел на лице сына непреклонную решимость: он как-то внезапно показался очень усталым и слегка пожал плечами:

— Пусть так и будет. Но если ты останешься, то будешь выполнять все мои приказы.

Артос сделал глубокий вдох.

— Это я знаю.

Так он стал солдатом армии, направившейся на юг и запад. Армии? Вначале это была всего лишь кучка людей, которую и отрядом-то назвать трудно. Но на марше люди продолжали прибывать, увеличивая численность армии. Вскоре прискакали еще несколько посыльных с плохими известиями: саксы высадились и Модред разбил лагерь, в котором собирались люди племен, поклявшихся кровью верно служить украденному Красному Дракону.

Верховный Король резко рассмеялся, когда ему сообщили об этом.

— Клятва кровью, так? А разве не помнят они, что в прошлом такой же клятвой они присягали и мне?

— Но жрецы говорят, что они теперь свободны от клятв: они давали их тому, кто не почитает истинную церковь, — заметил Гавэйн, скривив губы. Все знали, что он верит в старых богов и что жрецы поэтому неоднократно принуждали верховного короля отвернуться.

— Предательство так просто оправдать, — только и ответил Пендрагон.

Был ли Модред предателем или нет, но войско у него собралось большое. И лишь половина воинов шла под сакскими штандартами с лошадиными хвостами.

Артос действовал как трубач и посыльный Мария, но всегда, стоило ему оказаться в одиночестве впереди отряда, пускал лошадь легким галопом, чтобы вернуться к отцу. Большая часть воинов — потомки римлян. Они вооружены короткими мечами легионеров, и их лица, затемненные старыми шлемами, увенчанными гребнями, отличались от облика местных племен. Их символ — орел с распростертыми крыльями, водруженный на шест.

Несет орла Кайус, и место его тоже позади командира. Артос завидовал оказанной тому чести. Рог, который юноша прикладывает к губам, увы, отнюдь не такой замечательный символ, как этот орел.

Наступило время, когда они увидели костры вражеского лагеря. Но между ними болотистая, разбитая земля, непригодная для конницы.

— Модред выбрал отличное место, — услышал Артос замечание отца, высказанное первому центуриону Ремусу, когда они смотрели вниз с вершины холма.

— Он хоть и предатель, но неплохой воин. Хотя все же еще не сражался с цезарем в Битве, — таким был ободрительный ответ Ремуса.

К их войску присоединились последние дополнительные силы. Из Венты пришел Кай с отрядом, что оставался там для защиты города. Артос видел среди воинов и молодую поросль, своих бывших товарищей по военной подготовке, так что и старые, и юные сомкнули ряды. Вот только Красного Дракона не было сейчас в первых рядах.

Верховный король не позволил им использовать птичьи перья, символизирующие его власть, нет, наоборот, он отдал приказ, чтобы каждый воин сорвал на ходу пригоршню ячменных колосьев со стеблями (сколько же полей остались теперь без сборщиков урожая!) и прикрепил их к своему шлему в знак того, что сражается не ради чести какого-либо короля, а за свою родную землю. Так же поступили и с огромным гребнем на древке копья, которое несли позади верховного короля, и с петлей вокруг орла, которого нес Кайус.

Ночь наступила со звуками рогов, возвестивших о начале переговоров посреди этой опустошенной земли, теперь хорошо освещенной светом факелов. А потом появилась группа не воинов, но жрецов; они начали переговоры с королем. Их возглавлял Имфри, один из тех, кто в прошлом часто осуждал Пендрагона, потому что тот не дал церкви большей власти. Однако верховный король даже к нему отнесся с подобающей учтивостью.

Об этой встрече Артос слышал только то, что рассказал позже отец: церковники настаивали на перемирии, во время которого Модред и верховный король могли бы встретиться лицом к лицу; возможно, тогда эта земля избежала бы пролития моря крови.

— А как же саксы? — спросил Артос.

Марий резко рассмеялся.

— Ах да, саксы. Впрочем, жрецы никогда не теряют надежды, что обратят к себе их души. Их вождь — Обнаженный Клинок — похоже, прислушивается к Имфри. Ладно, цезарь позволит им участвовать в этой встрече. Зато переговоры дадут нам запас времени, в чем мы сейчас больше всего нуждаемся. Нельзя доверять обещаниям ни Модреда, ни саксов. С каждой стороны выйдет по десять вооруженных человек, но отдан приказ, который необходимо неукоснительно выполнять, — не вытаскивать клинков, что бы ни случилось. Показать оружие означает нарушить перемирие.

— Ты пойдешь? — Тут, к облегчению Артоса, Марий отрицательно покачал головой:

— Цезарь берет с собой только двух своих капитанов, Кая и Гавэйна. Если будет устроена ловушка, тогда он не потеряет всех. Да и в любом случае, есть перемирие или нет, когда они отправятся на встречу, мы будем ждать на конях, готовые к сражению.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда верховный король и отобранные им люди отъехали от рядов своего войска. А от армии, находившейся напротив них, где на штандартах были небрежно нарисованы лошадиные хвосты крылатых шлемов и в центре возвышалось древко Дракона, отошли другие воины.

— Их Дракон мрачен, — пробормотал Кайус Артосу.

И это верно. Красное знамя не развевалось горделиво по ветру, но вяло свисало, словно разорванный лоскут на штандарте. Возможно, это зловещее предзнаменование — оно оживает только в руках верховного короля.

Когда два небольших отряда встретились на равнине, жрецы с одной стороны пропели речитативом гимн, кото-

рый донесся до зрителей лишь как едва слышное бормотание. Пока ждали, стало еще жарче. Время от времени кто-то тихо шептал о чем-то соседу. Лошади, которым досаждали мухи, переступали с ноги на ногу; слышалось лязганье доспехов, когда кто-то менял положение.

Земля перед ними была болотистая, поросшая вереском, в отдельных местах трясина, вовсе не годящаяся для того, чтобы по ней скакали всадники. Там и тут несколько разбросанных групп карликовых пихт, но в основном на равнине росла грубая трава, выгоревшая на солнце и принявшая цвет созревшего зерна.

Вдруг Артос увидел вспышку света. Один из людей Модреда, вытащив меч, нанес рубящий удар в землю. Его сталь в нарушение договора теперь была обнажена.

— Перемирие нарушено! Перемирие нарушено! — сначала этот крик был тихим, но затем он превратился в рев, когда его подхватили другие.

А там, внизу, уже переплелись между собой люди, выхватывая мечи, лязгая ими...

— Сигнал!

Артосу не нужен этот приказ, рог уже у его губ. Резкий призыв затерялся среди других шумов. И сразу началась атака, которую запланировал верховный король; люди из его отряда кричали на скаку: «Аве, цезарь!»

Артос не мог впоследствии припомнить все это безумие, вспоминались лишь отдельные сцены: сражение поглотило его целиком, и он, как и все, размахивал римским мечом. Он видел искаженные лица, которые затем исчезали, раз-другой появлялась полоса свободного пространства, когда люди из отрядов собирались вместе и перегруппировывались, чтобы снова пойти в атаку.

В какой-то момент Артос увидел, как Кайус рухнул под ударом сакского топора, и еле успел схватить орла прежде, чем тот затерялся; он воспользовался шестом, чтобы ударить по голове человека, который убил его прежнего хозяина, и сбить врага с ног так, чтобы лошадь наскочила прямо на него. С каждым разом перестраивавшиеся ряды станови-

лись все реже и реже, все больше среди сражающихся появилось раненых, некоторые держались в седле только благодаря силе воли.

Небо потемнело, но было еще достаточно светло, чтобы видеть все вокруг. Вот верховный король в своем фиолетовом плаще цезаря с порванной бахромой; щит, от которого уже почти оторвалась голова дракона с ярко-красными глазами, по-прежнему у него в руке; а великий меч, о котором столько ужасных историй, покраснел в другой руке — руке верховного короля, Артоса Британского!

Прямо перед ним появился принц Модред, все его королевское убранство было изрядно испачкано грязной работой этого дня.

— Нет! — голос принца перешел в громкий страстный крик, словно он не мог вынести вида живого короля перед собой. Модред стремительно бросился вперед, поднимая меч. Король приготовился отразить атаку.

Модред нанес первый удар по коню, и тот с пронзительным ржаньем встал на дыбы, а принц тем временем уклонялся от бьющих воздух копыт. Артос Пендрагон выпрыгнул из седла, однако приземлился он неудачно, споткнувшись, так что Модред, низкорослый, похожий на змею, обрушил свой меч на его щит. Но клинок угодил в трещину в щите, и нападающий не сумел быстро вытащить его для повторного удара. Верховный король в свою очередь нанес ему мощный удар в то место, где шея соединяется с плечом. Модред пошатнулся; он умер еще до того, как тело его рухнуло на землю.

Однако и верховный король сделал, пошатываясь, только два шага; умирающий конь ногой ударил его, и король тоже упал.

— Ах-х-х... — раздался стон окровавленных, сражающихся неподалеку от короля людей. Артос соскочил с седла и побежал, спотыкаясь, к верховному королю, стремясь оттащить его от коня, но другие воины оттолкнули юношу локтями в сторону, не обращая внимания на врагов, стараясь освободить своего предводителя.

Потом чей-то крик предупредил их, они подняли головы и увидели, что к ним бегут саксы. Вокруг Пендрагона закипела безумная, отчаянная схватка. И столь сильна была печаль и ярость сражающихся, что никто не обращал внимания на раны. Они набросились на воинов в крылатых шлемах, словно выкованные из железа.

Когда водоворот битвы стал утихать, на ногах держалось только пять стражников. Артос пригнулся к земле рядом с королем в попытке защитить его разрубленным и расщепленным шестом орла и собственным телом. Со значка срубили крыло, а из руки юноши капала теплая кровь. Пальцы онемели, не способные больше удерживать рукоять меча.

Король шевельнулся и застонал. Каким-то образом оставшимся в живых воинам удалось вынести его из груды мертвых туда, где его смогли положить прямо на землю. Артос огляделся, чувствуя сильное головокружение. Кай лежал, глубоко вонзив свой меч в плоть сакса, но на его обветренном лице уже не было следов жизни. Марий? Где же отец? Один из склонившихся над павшим королем посмотрел на него.

— Артос?

Юноша не смог ответить вслух. Опираясь на древко орла как посох, он поковылял туда, где лежал король. Кажется, именно Марий сказал: «Рана ужасная, но мы должны доставить его в укромное место. Еще нельзя сказать, как закончится этот день. А их силы заметно возрастут, если они водрузят его голову на одно из своих копий».

И они унесли раненого. Сделать это было непросто: король был огромен и очень тяжел, а все воины чрезвычайно устали, и среди них не было никого без раны.

Артос еле шел, спотыкаясь, вслед за ними, все еще наклонив вперед свой шест. Однако когда он однажды повернул влево, чтобы обойти лежащих грудой мертвых людей и лошадей, то внезапно оказался у королевского штандарта. Шест был твердо воткнут в землю, а на нем — красный дракон, безвольно и безжизненно свисающий, словно он не будет никому служить, кроме своего настоящего хозяина. Артос

едва смог разглядеть его в сумерках. Он воткнул сломанный конец древка орла в землю, чтобы тот стоял вертикально, и попытался вытащить шест дракона. Но тот слишком хорошо был вбит в землю, чтобы поддаться его слабым усилиям. Наконец юноша опустился на колени и принялся подкапывать землю ножом, пока не смог вытащить знамя.

Дракон оказался на удивление тяжелым, и Артосу пришлось положить его на здоровое плечо. Складки знамени, пахнувшие деревом, мягко спускались вокруг его головы. Он нес знамя за теми, кто уносил короля.

В окрестных холмах они обнаружили грубо сложенную небольшую лачугу, наверное, служившую когда-то укрытием для какого-нибудь святого, который решил провести остаток жизни в одиночестве среди дикой природы, как поступают некоторые люди в эти дни. Кто-то разжег костер, и в его ярком свете с Короля стащили доспехи и осмотрели рану.

Среди них не нашлось никого, кто по-настоящему бы разбирался во врачевании. Но все они достаточно долго сражались на войнах, чтобы знать, как выглядят раны, которые могут получить в сражении воины. Марий присел на корточки, его лицо превратилось в темную маску. Артос отвел взгляд в сторону.

— Марий?

— Цезарь! — офицер снова наклонился над своим господином.

— Моя рана смертельна...

— Я видел людей с куда более опасными ранами, эти люди выжили.

— Рассказывай это ребенку, Марий. В конце концов дорога привела в темноту. Но сделайте все, что только можете. Я буду цепляться за жизнь, пока не узнаю... не узнаю, что станет с Британией. Дай мне знать, как закончится битва...

— Не сомневайся, ты узнаешь! — Марий повернулся к остальным; все ранены. — Секст, Калин, Гондор... посмотрите, как обстоят сейчас дела.

В их группе у этих воинов было меньше всего ран. Они быстро ушли.

— По крайней мере этот предатель Модред мертв! — Марий сплюнул на землю.

— Всем... их дела... воздаются... по заслугам, — пробормотал верховный король. — Здесь... можно... что-нибудь... выпить?

— Только там, дальше, — Марий поднялся на ноги. — Хотя она вся покрылась пеной, но все же это вода.

Офицер снял шлем, с которого во время битвы кто-то ударом меча срезал гребень с пером, и вышел. Артос приклонил тяжелый шест знамени к стене, скользнул по ней вниз и сел, привалившись спиной к неровной поверхности. Его рана перестала кровоточить, однако онемевшая рука по-прежнему ничего не чувствовала.

Это была долгая ночь, но время от времени король говорил. Иногда Артос ясно различал слова, порою доносилось только бормотание, едва слышное и далекое. Марий занялся раной сына и перевязал ее полоской ткани, оторванной от плаща, а затем приказал Артосу поспать, если тот сможет.

Время от времени приходили люди, чтобы бросить короткий взгляд внутрь лачуги и на короля. Некоторых тот приветствовал по имени, а один или два, подойдя к раненому, опустили на колени и простояли так некоторое время. Но никто из них не остался охранять лачугу. Известия тоже приходили медленно. Войска Модреда разбежались, когда рассказ о гибели принца распространился по их рядам. Свежие, только что подошедшие отряды оттеснили саксов обратно к берегу, но они пришли слишком поздно для настоящего сражения. Впрочем, войско, которое вступило в бой вместе с цезарем Британии и стражами красного дракона, тоже настолько пострадало, что никогда больше не соберется ему в целую армию.

Когда наступил рассвет, вместе с ним пришло и известие, что остатки войск саксов грузятся на корабли, и пример в этом показывают новобранцы. Король выслушал это сообщение с жадностью. Потом повернулся к Марию и сказал голосом более громким, чем до сих пор, словно он приберегал силы к этому моменту:

— Я создал войско, но теперь его нет. Однако имя мое еще может некоторое время удерживать людей вместе, тем самым дав вам время. Это была мечта, хорошая мечта: объединить Британию против темной орды язычников. Мы почти осуществили ее, но только на некоторое время, и теперь эта мечта погибает. Делайте все от себя зависящее: Гавэйн, Марий и остальные; не забывайте об этой мечте, когда наступит ночь. А теперь дайте мне послужить мертвым так же, как я это делал живым, — никто, кроме находящихся в этой лачуге, не должен знать о моей смерти. Скажите лишь, что меня отправили на излечение раны, которая, хоть и глубока, но не смертельна.

Мы находимся недалеко от реки. Перенесите меня на лодку, если удастся, и оставьте лежать на каком-нибудь из островков, убедившись, что никто не увидит моей могилы. Поклянитесь, прошу я вас, что сделаете это со мной, последней клятвой верности.

И они все вместе поклялись. Король больше не говорил, но чуть позже Марий, склонившись к нему, коснулся рукой лба короля и, встав, кивнул. А затем быстро подошел к знаменитому знамени дракона и рассек шнур, который привязывал стяг к шесту, потом, положив знамя плашмя на землю, аккуратно обрезаю рваные края полотнища. На него и положили верховного короля. Унося его, ожидающим неподалеку стражникам сказали, что его относят к отшельникам, которые живут ниже по реке и которым известно знахарство.

Марий и Гавэйн нашли какую-то лодку и уложили в нее Короля. Артос уселся за спиной отца. Секст начал грести, и лодка хорошо подчинялась ему. Тут их подхватило течение и понесло вниз. И наконец они наткнулись на островок, поросший кустарником и невысокими деревьями, на некоторых росли маленькие, еще не созревшие яблоки. Кто выращивает их в этом диком краю, Артос не мог и предположить.

Продравшись сквозь заросли камыша и кустарника, Марий, Гавэйн и Секст, несшие Короля, вышли на открытое пространство, где обнаружили небольшое строение из грубого камня. У входа стояла высеченная из камня статуя женщи-

ны, а рядом — еще две, поменьше. Это храм, оставшийся с давних времен, догадался Артос, но вот в честь какой богини его соорудили, британской или римской, он не знал.

И перед этим храмом, который как бы охраняли три статуи, они начали копать землю мечами. Клинок Мария сломался о камень, когда он попытался расшатать его. Тогда воин протянул руку к свернутому знамени дракона и вытащил более старое и тяжелое оружие короля, чтобы разбивать им твердую глину. А тем временем Артос относил подальше в сторону землю, выкопанную остальными.

Копание заняло много времени: мечи — не лопаты, а Марию и его товарищам нужна была глубокая яма. Потом они нарвали на берегу камыша и листьев и долго мяли их в своих испачканных землей руках, чтобы избавиться от дурного запаха. Артос нашел возле храма грядку мелких цветов и нарвал их, чтобы выложить ими ложе для того, кто был последним цезарем Британии. А потом, аккуратно завернутый в боевое знамя, Артос Пендрагон, верховный король, лег в свою тайную могилу.

Долго еще они забрасывали могилу землей и усердно маскировали. Когда же со всем было покончено и они уже готовы были отправляться в путь, Артос вдруг заметил королевский меч, лежащий совсем рядом, куда его отбросил отец. Его тоже следовало бы захоронить, вместе с его владельцем.

Юноша молча вопросительно указал рукой на меч. Марий со вздохом поднял клинок и провел рукой по покрытому трещинами и зазубринами лезвию.

— Он слишком известен. Поэтому тоже должен исчезнуть: никто не поверит, что цезарь добровольно согласился расстаться с ним.

И Марий, подойдя к берегу реки, широко отвел руку назад, изо всех сил, какие у него еще оставались, метнул меч вперед над водой, и тот с плеском упал в темную воду. Так исчезла последняя связь с Артосом Пендрагоном, *Dux Bellorum*, цезарем, верховным королем Британии. И солнце зашло за горизонт.

ШУИ МИН ЛУНЬ — ДРЕМЛЮЩИЙ ДРАКОН

Арти протер глаза одной рукой. Веки чесались от выступивших слез, щеки тоже влажные. Но вокруг него больше нет ни реки, ни деревьев, ни храма с тремя богинями, оставленными для охраны тайной могилы. Мальчик моргнул, потом еще раз. Он же не Артос... нет, он Арти, Арти Джоунс. И он сидит на стуле рядом со столом. Солнечный луч бьет прямо в блестящего красного дракона, которого он сложил рядом с серебристым и синим. Этот же дракон гордо смотрел со знамени, с того самого знамени, в которое завернули короля. Арти еще раз провел рукой по лицу и громко чихнул.

Он плакал! Словно маленький ребенок! Но... это сновидение... оно было такое реальное! Мальчику казалось, что он все еще находится там, на берегу, вот-вот он заберется в лодку, чтобы возвратиться в лагерь к остаткам армии. Что же случилось после этого?

Король Артур... они читали о короле Артуре в школе. Но то были рассказы о рыцарях и Круглом Столе, и... совсем ничего похожего на этого Артоса! Ему ужасно захотелось узнать, что же случилось на самом деле с Артосом, Марием и остальными. Узнал ли кто-нибудь, что верховный король умер? И продолжали ли они сражаться, надеясь на его возвращение, на то, что он снова возглавит их? В глубине души Арти непоколебимо верил в то, что все это происходило на самом деле — предательство Модреда, смерть Пендрагона, тайное захоронение.

Но когда мальчик подумал о Модреде, то почувствовал какой-то смутный стыд, но не за принца, а за себя. Юный Артос завидовал людям Модреда, хотел войти в его военный отряд, однако Модред был готов отбросить все, во имя чего сражался Пендрагон, только чтобы самому стать королем.

Арти нахмурился — он размышлял о Модреде и Артосе... как же легко порою выбрать не ту сторону — и только потому, что ты хочешь стать частью того, что казалось... казалось... Он все же никак не мог понять, каким образом стал Артосом. Но его не покидала уверенность, что все это когда-то случилось на самом деле.

Мальчик соскользнул со стула, коснулся ногой футбольного мяча, и тот выкатился в коридор. Арти поспешил вслед за ним. Он больше не оглядывался на красного дракона (ему и не надо было этого делать — мальчик и так запомнил его навсегда). Подняв мяч, он прошел обратно через весь дом.

И пока не оказался в заросшем саду, Арти ни о чем другом не думал. Те два других дракона, сложенных на столе... у них ведь тоже была своя история, не так ли? Может, именно поэтому Сиг и Рэс ходили туда? Может, им известно больше об Артосе: что потом случилось с ним!

Арти перешел на бег трусцой. Он выследит этих двух мальчишек и узнает все, что им известно.

Арти снизил скорость, только когда приблизился к дому Сига, в какой-то мере надеясь увидеть его здесь. Но мальчика нигде не было видно. С явной неохотой Арти продолжил путь дальше. Завтра он с родителями пойдет к бабушке и дедушке на обед, и возможности повидать Сига не будет. Хотя в понедельник утром, на автобусной остановке... если он придет туда чуть пораньше, как и Сиг, может, ему удастся закинуть удочку и разузнать, участвовал ли Сиг в каком-либо приключении с другими драконами. Его прямо-таки снесло нетерпение.

Никогда раньше выходные не тянулись для мальчика так медленно. Он несколько раз попадал впросак, когда задумывался о Пендрагоне и остальном: ему задавали вопросы, а он не отвечал на них. Он еле дождался наступления ночи с воскресенья на понедельник, когда они вернулись домой. Арти сразу ушел в свою комнату, сказав, что еще не доделал домашнее задание. (Он даже попытался решить несколько задач по математике и почитал книгу по истории.) Только между ним и страницами постоянно вставляли отдельные фрагменты сновидения. Он снова чувствовал боль в руке, когда следил за Марием и его товарищами, разрыхлявшими землю мечами.

Арти вздохнул. Единственное, чего он хотел, так это узнать побольше об Артуре — его Артуре, а не легендарном, воспетом в сказаниях. В библиотеке может найтись книга о

нем. Арти немного было известно о библиотеке. Он ходил туда, когда приходилось подбирать книгу для доклада, но тогда он просто выбирал самую тонкую из предложенных. В компании Грега Росса имелся список таких тонких книг, которыми они по очереди пользовались.

Грег Росс... Арти с удивлением обнаружил, что впервые за все время с самого утра субботы он подумал о Грее. Почему-то мальчика больше нисколько не волновало, что его не замечает компания Грега. Что значит Грег Росс для того, кому доверял Кай, который погиб в сражении, кто... Еще раз Арти пережил волнующие сцены своего сновидения. Теперь, когда мальчик думал о нем, Грег Росс казался совсем незначительным. Для Арти более важной стала завтрашняя встреча с Сигом.

Но на следующее утро на автобусной остановке оказался только один мальчик из старших школьников — Ким Стивенс. Увидев его, Арти разочарованно побрел к остановке и только там еще раз посмотрел на мальчика. Тот снова читал, держа книгу прямо под носом. Он всегда читает. Возможно, именно поэтому ему и приходится носить очки, нельзя так много читать. И Ким не оторвал взгляда от книги и вообще ничего не говорил, когда Арти замер рядом и стал всматриваться вдоль улицы, не видно ли там Сига.

Но когда он наконец увидел Сига, то рядом с ним шел Рэс. Арти заколебался. Хотя ему и хотелось поговорить только с Сигом, он знал, что и Сиг, и Рэс были вместе в том доме и вместе пытались сложить картинку-загадку. Поэтому, собрав все свое мужество, он намеренно встал у них на пути.

— Привет, — сказал он, но приветствие прозвучало во все не с той самоуверенностью, какую он намеревался выказать, — скорее, в нем можно было обнаружить страх, что они не ответят ему.

Сиг лишь на мгновение взглянул на него, а Рэс нахмурился. Арти уже готов был отказаться от своих попыток, и только отчаянная необходимость узнать заставила его разразиться быстрой пулеметной речью:

— Пожалуйста, ребята, об этих драконах... — он совсем не хотел начинать таким образом, но слова, казалось, сами слетели с языка.

Зато теперь они посмотрели на него так, словно действительно нуждались в информации, которая у него имелась.

— Что еще за драконы? — потребовал ответа Рэс.

— Серебристый... синий...

Сиг схватил Арти за руку.

— Ты что? Шпионил за нами?

— погоди! — Рэс встал между Сигом и Арти. Он пристально посмотрел на Арти.

— Какого же ты сложил? — спросил он тихим голосом, почти что шепотом.

Арти с готовностью ответил правду:

— Красного, Пендрагона.

— Пендрагона? — повторил Сиг. Он ослабил свою хватку, однако больше смотрел на Рэса, когда задал ему вопрос: — Ты знаешь о Пендрагоне?

— О Пендрагоне? Никогда не слышал о нем раньше. Но ведь я не слышал до этого и о Фафнире. Все в порядке, Арти, итак, ты сложил красного дракона, этого Пендрагона. И что потом случилось? Говори, парень!

Арти с волнением рассказал им, что произошло с ним, запутывая от этого свою историю, отчего слушатели постоянно перебивали его вопросами, на которые он нетерпеливо отвечал. Однако мальчик очень детально рассказал им о захоронении верховного короля и о том, что его меч был брошен в реку.

— А вам... вам тоже привиделось о нем? — Арти закончил свой рассказ вопросом.

— Не о нем... — начал было отвечать Сиг, но тут подошел автобус, и мальчики забрались в него, торопясь занять места сзади, где они могли бы продолжить беседу.

— Я видел сон о Фафнире и Сигурде, — заговорил Сиг сквозь гул других голосов. — А Рэс — о сирруше-ло и Даниле. Расскажи ему, Рэс.

История Рэса оказалась совсем короткой, однако ему удалось заставить Арти поверить в реальность его приключения. Они продолжали сравнивать свои впечатления, и каждый добавлял еще детали к рассказу другого, а порою они вообще говорили одновременно.

— Но еще остается желтый дракон, — сказал Сиг, — интересно...

Рэс покачал головой.

— Нам бесполезно пытаться сложить его, ты ведь знаешь, что случилось перед этим. Но мне бы, конечно, хотелось узнать, что же это за дракон. Однако теперь нам этого не узнать. На следующей неделе дом будут сносить — людям из муниципалитета нужно, чтобы это было сделано поскорее. И эта картинка-загадка погибнет вместе со всем остальным хламом.

— А мне так хотелось бы, чтобы она была закончена. Должна быть! — Сиг ударил кулаком по своей огромной записной книжке. — Мне хочется знать, что же это за последний дракон.

Слово «дракон» донеслось до сиденья впереди. Несмотря на всю свою углубленность в чтение книги, Ким уловил часть их разговора, да и до этого слышал их взволнованные слова на автобусной остановке. Теперь он по-прежнему держал книгу раскрытой, но вместо чтения прислушивался к их беседе, желая узнать побольше.

Удивительно уже одно то, что эти трое, никогда прежде не обращавшие друг на друга внимания, теперь выглядят закадычными друзьями. Они, по всей видимости, стали просто не разлей вода. Драконы... мальчик подумал о драконах.

Ким еще в Китае узнал много о драконах. Существовал зеленый дракон Востока; драконы, которые возносились в небо весной и ныряли в воды водопада; Лунь, дракон с пятью пальцами, дракон, изображение которого в древности имелось лишь в королевском дворце или на одеяниях императора; небесные драконы, которые сторожат местопребывание древних богов; драконы-призраки, которые управляют ветрами и дождями; драконы Земли, которые прочищают

реки, углубляют моря; драконы, которые охраняют спрятанные сокровища.

А еще говорили о драконах, которые могли принимать облик людей и при желании появляться среди них. Ким знал древние легенды о таких драконах, о дарах, которые они преподносили тем, к кому благоволили, и о зле, которое причиняли плохим людям. Да, в Китае ходит множество историй о драконах. Но это просто истории — и ничего другого. Что же этим троим, болтающим там, сзади, известно о драконах? Да столько же, сколько и ему. Но они не останутся даже для того, чтобы выслушать его. А что, если он обернется прямо сейчас и скажет...

Но такой поступок — последнее, что он когда-либо сделает! Ким ненавидит поездки на автобусе, ненавидит эту школу! Ему хочется вернуться в старую, где он знал всех. Книга, которую он держал в руках, слегка дрожала, но он продолжал использовать ее в качестве прикрытия. По крайней мере пока он притворяется, что читает, никто не догадывается, насколько он одинок. Чтение служит отличным прикрытием, чтобы скрыть то, что он в любом случае не скажет никому.

Книга в качестве прикрытия. Экраны... Люди в древнем Китае использовали экраны, чтобы защититься от демонов. Иногда на них вырезались или рисовались драконы, чтобы пугать демонов. Ему очень хотелось вызвать настоящего китайского дракона — их племя было лучше всех. Что скажут люди, если он, как даосский колдун, поскачет на драконе в школу?

Драконы... но как могли попасть драконы в тот старый дом? Ким размышлял над теми несколькими словами, что уловил, но они сбивали его с толку. Зато вскоре ему в голову пришла одна мысль. Что, если он сам сходит туда и посмотрит? Но ведь никому не разрешается входить в пустой дом, это противозаконно.

Но только этот дом собираются скоро снести, может быть, уже на этой неделе. Так что это не будет незаконным проникновением... или нет? Дракон... драконы... эти ребята говорили не об одном драконе, а о нескольких. Наверное,

рисунки или высеченные фигурки, а может быть, экраны. Он слышал, что человек, который жил там, путешествовал по всему миру. Вполне могло случиться так, что он привез с Востока рисунки драконов. И Киму страшно захотелось узнать... он должен узнать!

Ким заметил, что, когда автобус отъехал, высадив на остановке у школы ребят, Арти не бросился торопливо, как обычно, в сторону Грега Росса и его дружков, болтающих о субботней игре. Нет, он остался вместе с Сигом и мальчиком, который называет себя Рэсом; и все они продолжали что-то взволнованно обсуждать. И кроме того, когда спросили, кому нужен пропуск в библиотеку на время приготовления домашнего задания, Ким оказался не единственным, кто поднял руку. Эти трое сделали то же самое — впервые за все время, которое он может припомнить.

Мальчик осторожно следил за ними в библиотеке, и ему показалось, что они об этом и не подозревают. Сиг и Рэс, похоже, знают, что им нужно искать. Но вот Арти колебался, а потом задал вопрос библиотекарше. Та слегка удивилась и сначала отправилась к картотеке и принялась переворачивать карточки, и только потом пошла к полкам, чтобы взять какую-то книгу, оставив ящик слегка выдвинутым.

Ким подошел к картотеке и выдвинул этот ящик, потом посмотрел внутрь. Между карточками было свободное пространство, и он прочитал название книги в том месте. «Вестники», книга о Британии времен правления Рима. Он ее читал в прежней школе. Вполне неплохая — о том времени, когда легионам пришлось оставить Британию, а жителям острова — в одиночку сражаться с сакскими завоевателями. Там много страниц посвящено человеку, который, как считалось, был настоящим королем Артуром, а не тем, кто возглавлял рыцарей Круглого Стола.

Но что общего это имеет с драконами? И почему это так заинтересовало Сига и Рэса? Совершенно сбитый с толку, Ким сумел встать в очередь прямо за ними и попытался посмотреть, какие книги мальчишки держат в руках.

Сиг взял книгу скандинавских легенд о героическом прошлом, а Рэс — о Древнем Египте. Арти тут же занял очередь прямо за Кимом, тоже выбрав какую-то книгу. Когда перешли в следующую классную комнату, трое мальчиков снова собрались вместе и принялись показывать друг другу свои книги. Но что общего у героев Древнего Египта, Скандинавии и Римской Британии? Ким сунул в портфель свою книгу, названия которой он даже не помнил; ему все больше и больше хотелось разгадать тайну внезапного союза.

Он думал над этим весь день, пока наконец не решился. Разгадка тайны, конечно, в том старом доме, и она как-то связана с драконами.

Так же, как что-то заставляло его держаться в стороне от ребят в новой школе (они смотрели на него, ну как... и они называли его «чудаком», он слышал это слово несколько раз), так и теперь тайна каким-то образом влекла мальчика к себе и заставляла желать немедленно разрешить ее. Даже если для этого придется следить за ними или совать нос в их дела без спроса.

К тому же у него не очень-то много времени, наверное, только до завтра. Поэтому он попытается разгадать тайну после школы, хотя во всем том, что происходит вокруг этого дома, ощущается какая-то странность. Если ребята сами вернутся туда, то он пойдет вслед за ними.

Но они не бросили даже короткого взгляда на старый дом, когда вышли из автобуса после полудня. Нет, они тут же направились вверх по улице. Сиг живет ближе всего к остановке. Ким брел за ними очень медленно, пытаясь принять решение. Когда мальчики достигли дома Сига, они все вместе зашли внутрь, по-прежнему переговариваясь между собой.

Теперь Ким еще больше замедлил свое движение. Парадная дверь дома Сига открылась, а затем со стуком захлопнулась. Они за пределами его досягаемости. Что ему делать? Он должен побыстрее принять решение, у него совсем немного времени. Мама будет нервничать, если он задержится слишком долго.

И мальчик принял решение и поторопился обратно к дороге, которая вела к старому дому. Однако он по-прежнему сохранял осторожность и остановился у дороги, чтобы убедиться, что никто не следит за ним. Там растет много кустов, и можно подкрасться к дому, пользуясь ими как прикрытием.

Передняя дверь старого особняка заколочена огромной доской. Как же Сиг и остальные проникали в дом? Наверное, откуда-то с задней стороны. Ким с трудом пробрался через огромные кучи листьев к задней части дома. Там он увидел крыльцо и поперек его — грязные следы, ведущие к окну. Вот он, вход. Мальчик снова остановился. Что же ему делать? Он может еще отступить и вернуться назад. Но спустя мгновение он понял, что не сможет этого сделать. Он должен пройти это приключение до самого конца.

Киму с трудом удалось поднять окно, затем он забрался внутрь и оказался в огромной темной комнате. Глупо приходить сюда без фонарика. Но чтобы взять его, придется сходить домой, а тогда, возможно, он не сможет вернуться сюда. Впрочем, света достаточно, чтобы рассмотреть огромную кухню, и, наверное, света хватит, чтобы исследовать и остальную часть дома. Ведь все они побывали здесь до него. И если Арти, Сигу и Рэсу удалось это сделать, то сможет и он, Ким Стивенс.

Однако он все же снял очки и протер их еще раз носовым платком, словно это могло помочь ему лучше видеть в полумраке коридоров. Кругом раздавались странные звуки, едва слышимые скрипы, вздохи, и это наполняло мальчика беспокойством, хотя он и понимал, что исходят они от старых досок и, может, от крыс или мышей, всего того, что можно обнаружить в старых домах, где уже некоторое время никто не живет.

Ким медленно пробрался через кладовку в гостиную и остановился, чтобы осмотреться. Ничего, что напоминало бы хотя бы самого маленького дракончика. Крупная старая мебель показалась ему унылой и уродливой, на всем лежал толстый слой пыли.

К тому же в гостиной, мебель которой укрывают листы бумаги и газет, не видно ничего, что могло бы навести на мысль, что кто-то побывал тут раньше. Нет ни картин с драконами, ни высеченных фигурок, хотя Ким смахнул рукой пыль с двух стеклянных шкафов, чтобы рассмотреть несколько чашек, блюдца и маленькие фигурки людей и животных внутри.

Дальше тянется коридор, и вот здесь-то он и увидел следы, которые привели его к двери в еще одну комнату. Дверь приоткрыта, и он, остановившись, прислушался. Ким почти ожидал услышать движение в комнате. У мальчика появилось странное чувство, словно что-то стоит с другой стороны двери, дожидаясь его. Однако через несколько секунд он понял, что это нечто безопасно для него, только слегка возбуждает.

Он еще шире приоткрыл дверь и проскользнул внутрь. Там нет ничего, кроме стола и стула, чтобы сидеть рядом со столом, словно кто-то только что вышел из этой комнаты. Однако из неприкрытого ставнями окна внутрь проникает свет, и на столе переливаются яркие цвета, очень-очень яркие, сияющие, почти как небольшие лампы.

Мальчик осторожно подошел поближе к этому сверкающему, будто драгоценные камни, столу. Картинка-загадка! Одну такую ему подарили на прошлое Рождество. Но та была круглая, и на ней были нарисованы все виды диких животных. Родители помогали ему сложить головоломку. Мама даже перенесла стол в комнату, чтобы разложить на нем головоломку. И им понадобилось много времени для этого, почти неделя.

Ким поднял шкатулку за крышку и посмотрел на картинку, которую нужно сложить. Драконы! Четыре, и все не похожи друг на друга. И три из них уже сложены. Вот только кусочки золотистого все еще лежат на столешнице. Мальчик внимательно осмотрел рисунок снизу: да, это настоящий императорский дракон — Лунь с пятью пальцами! Потом, посмотрев на остальных трех драконов, он увидел, что те не были китайскими — особенно необычным казался синий.

Однако золотистый дракон чрезвычайно похож на тех, которых он столько раз видел в Гонконге.

Многие кусочки на столе лежат оборотной стороной вверх, и на них краснеют какие-то закорючки, похожие на древние письмена. Ким провел пальцем по нескольким, и они как бы сами по себе соединились, так что стали заметны очертания красного дракона, легендарного существа. Он знает несколько древних иероглифов — но только несколько — он просто не сможет прочитать всю надпись. Однако, хотя она и показалась ему сперва странной, в ней есть смысл.

Вот один иероглиф — красного цвета. В голове мальчика мелькнула мысль, однако он не понимал, откуда она взялась. В древности всегда считалось, что император делает свои записи только алым цветом, а разве этот цвет не красный? Ким спросил себя, откуда он об этом знает.

И этот иероглиф, конечно, переводится не одним, а двумя словами: Шуи Мин. Что означает: «спящий». Однако как он узнал это? Он ведь, разумеется, никогда прежде не видел этот иероглиф.

Шуи Мин Лунь — к непонятно откуда взявшемуся воспоминанию добавился еще один штрих. Ким вздрогнул, испугавшись чуть сильнее. Шуи Мин Лунь! Словно кто-то невидимый в этой пыльной сумрачной комнате повторил слова имени для него. Тем не менее он не услышал ничего; он услышал это как бы в мозгу! Но как можно слышать в мозгу?

Шуи Мин Лунь — спящий дракон. Но нет, снова странный голос в голове поправил: «Дремлющий дракон!»

Что — или скорее кто — это за дремлющий дракон?

Ким опустил на стул и, ничего не пытаясь придумать, начал отбирать кусочки золотистого дракона, быстро переверачивая те из них, где на обратной стороне краснели части этого беспокоящего его слова: он не мог больше смотреть на него. Ага, этот вот сюда, а тот — туда, вот уже готова ступня императорского дракона с пятью когтями. А после — и почти вся голова, не хватает только одного кусочка — глаза. Но глаз этот закрыт: дракон спит. Неужели? Разве вот это веко не приподнимается чуть-чуть? Может, дракон только притворяется, что спит?

ЧИН МУТИ

Света четырех ламп недостаточно, чтобы осветить углы комнаты, откуда постепенно выползают дрожащие тени. Чин Мути несколько раз моргнул, пытаясь заснуть. Похоже, министр совершенно забыл о нем, и на эту ночь его не отпустят спать на привычный соломенный тюфяк в зале стражи. Однако это великая честь — носить меч и быть слугой у Чуко Яня, дарующего жизнь: величайший почти никогда не отдыхает и, похоже, никогда не чувствует усталости.

Хозяин перевел взгляд от окна к далеким темным холмам. Где-то там Ссума — генерал, командующий войсками Вей, — ведет двадцать вражеских полков. Размышляя об этом, Мути почувствовал, как по телу пробежали мурашки, сотрясая его до самой глубины души. Да, совсем не просто будет отогнать людей Ссумы, враги не исчезнут, как мартовский снег под лучами солнца или как осенние листья, унесенные порывами ветра.

Он еще раз сонно моргнул, таращась усталыми глазами прямо в спину Чуко Яня. В этих комнатах первый министр не носит доспехов, а только просторную одежду, как и положено должностному лицу; черный головной убор крепко сидит на его голове. Это худощавый человек, почти такой же тощий, какими становятся от недоедания в голодное время, высокий, как одно из деревьев, растущих в тех далеких холмах.

И еще он один из тех, чьи мысли невозможно прочесть на лице. Однако сейчас всем и так ясно, что на них надвигается. И хотя голова Чуко Яня — кладезь премудрости, также верно и то, что никому не удастся сбежать от этой темной силы, как бы быстро он ни бегал — будь даже он одним из трех величайших героев, которые поклялись кровью служить императору Лю Пею.

Несмотря на то что для империи Хань наступили смутные времена и она разделена на три части, все знают, что именно Лю Пей — истинный Сын Неба, из Дома Хань, любимец богов. На небе не может гореть сразу два солнца, тем более три — как не могут три повелителя править людьми.

Мути, изо всех сил стараясь не заснуть, принялся размышлять. Что восхваляют в героях? Их добродетели: мужество, справедливость, верность, взаимное доверие, искренность, великодушие, презрение к богатству — мысленно перечислял мальчик одно их качество за другим. И, как он вспомнил, мужество бывает трех видов. Мужество в крови: лицо приобретает красный цвет — от гнева. Мужество в венах: лицо становится синим. Однако сильнее всего мужество духа: лицо человека не меняет своего цвета, только голос приобретает силу, а взгляд становится пронзительнее и...

Одна из ламп, исчерпав запасы тыквенного масла, замерцала. И в то же самое время во внешнем коридоре раздался глухой топающий звук. Мути выпрямился, чтобы принять вид полнейшего внимания, когда Чуко Янь отошел от окна. У министра было лицо не воина — худощавое и бледное, с длинными, опускающимися вниз кончиками усов, затемнявшими его губы. Он больше походил на ученого, чем на человека действия. Однако для Сына Неба он служит и головой, дающей советы, и сражающейся рукой.

Дракон лежит на мече — когда вытаскивается клинок, дракон объявляет войну.

В ответ на полночный призыв их командующего пришли генералы Ма Су и Вень Пинь. Они явились в доспехах, их драконьи шлемы бросали демоноподобные тени на стены, а бронза, полускрывавшая лица, имела форму тигриных голов. У Ма Су полные щеки и короткая борода; глаза его так сверкают, что он кажется богом войны, явившимся из какого-то храма, чтобы воевать вместе с людьми.

И идет он, гулко топая, впереди своего спутника, как обычно, когда за ним следуют офицеры, положив руку на рукоять меча. Он многое знает об искусстве ведения войн и никому не позволяет забывать об этом: он всегда первым выступает на военных советах, словно и живет ради того, чтобы его слова разносились как можно дальше и кто-нибудь на вершине холма должен был ударить в гонг. Но все же это удачливый полководец с определенным умением, который

одерживал победы, хотя, наверное, слишком много жизней было уплачено за подобную репутацию генерала.

Мути с неприязнью наблюдал за ним. Как хорошо, что мысли, появляющиеся в голове, невозможно читать — иначе бы он оказался в опасности. Его отец Чин Фань заплатил своей жизнью за безрассудную вылазку, которую приказал совершить Ма Су и которая на самом деле ничего не дала войску, но это на всю жизнь запечатлелось в сердце мальчика. Об этом Ма Су, конечно же, не знает, да и ему наверняка наплевать на это. Кто такой капитан отряда конных лучников для генерала императора? Но именно в этом и проявляется у них разное отношение к цене человеческой жизни: Чуко Янь никогда не рискует людьми ради эффекта и впоследствии не забывает погибших.

— Вызывали, ваше превосходительство? — Ма Су даже не стал ждать, когда заговорит министр, демонстрируя бесцеремонные манеры солдата, с такой пылкостью служащего императору, что бегом является по приказу министра, с одной ногой в стремях, готовый вскочить на коня. Неужели он никогда не слышал, что уста порою служат дверью, ведущей к беде?

Чуко Янь двумя длинными шагами подошел к столу, на котором все еще лежало послание, полученное меньше часа назад, и карта, которую он все это время внимательно изучал.

— Ссума совершил марш-бросок через долину Хсай. Если ему повезет, он может легко вонзиться в самое сердце Ву. Этого он не должен сделать никоим образом. И самое главное: он не должен захватить проход Яньпинь... — сообщая эти новости, министр ткнул длинным указательным пальцем в карту. Он говорил отрывисто, что было весьма необычно — резко, словно таким образом может быстрее дать слушателям понять всю степень угрожающей им опасности.

— Если враг достигнет Чихтьеня, он отрежет нас от всех необходимых источников. И после этого весь Шэнси станет открытым для него. Мы будем вынуждены отступить в Хан-

чунь. Враг перережет дорогу, и через месяц голода... — тут министр сделал руками какой-то странный жест, словно он хотел схватить пишущее перо, а не рукоять меча, который Мути держал обеими руками, вынув из ножен и направив острием прямо в пол.

— Ссума не глуп: он знает, что мы должны во что бы то ни стало не допустить этого, иначе погибнет все наше дело. Самое важное — удержать Чихтьень. Но никто не должен знать, что наши шансы на это — мизерны и что смерть ждет...

— Мы командуем армией воинов, а не актеров, готовых показать свое искусство обращения с мечами на каком-нибудь празднике, ваше превосходительство. — К Ма Су вернулась самоуверенность, в которую он кутался, как в толстый плащ, чтобы защититься от зимнего ветра. — Ведь пока еще стаи птиц Ву не пойманы в сети и рыба не брошена в кастрюли поваров. Дайте мне отряды воинов, и Чихтьень будет в такой же безопасности, как и десять драконов, чьи тела украшают его стены!

Одна из худых рук министра приподнялась — гибкими пальцами он коснулся свисающего кончика усов и стал наматывать длинные волоски на указательный палец. Чуко Янь не смотрел на генерала, нет, он по-прежнему неотрывно взирал на карту.

— Дракон порождает дракона; битва — битву. Смерть и жизнь predeterminedены, богатство и честь зависят от воли неба. Этот город небольшой, но его ценность для нас сейчас сродни жемчужине в морской раковине. Вы многое знаете о правилах ведения войн, но точная защита заметно отличается от лязганья мечей и ударов копий во время открытой схватки с врагом. В Чихтьене нет ни каких-либо стоящих защитных стен, ни естественных укрытий.

Ма Су пожал плечами.

— Ваше превосходительство, еще будучи мальчишкой, я начал изучать искусство войны. И я отлично разбираюсь в нем, как примерный школьник, отвечающий досточтимым учителям. Почему вы, кто отлично помнит о наших деяниях

в прошлом, считаете, что эта защита окажется такой трудной?

— Главным образом потому, что Ссума — не обычный генерал. Как пальцы на руках у нас не одинаковой длины и силы, так и Ссума лучше восьми из десяти полководцев. И кроме того, Чань Хо, который командует его войском, — человек, вид знамен которого заставляет трепетать других, и для этого есть веские основания.

— Я сражался раньше, ваше превосходительство, и с другими великими полководцами. Стойкие воины, а не крепкие стены — лучшая защита для города. Вот поэтому я и убежден в том, что мне все удастся в Чихтьене, — и готов добавить торжественную клятву к моей присяге: если я не удержу город, то пусть моя голова слетит с плеч!

Вот теперь Чуко Янь действительно бросил взгляд на него. А Вень Пинь лишь негромко свистнул, но так ничего и не сказал.

— Сейчас не время для шуток. Попридержи такие слова для времени, когда в руке будет кубок с вином, а не меч...

— Я не шучу, ваше превосходительство. И пусть мою клятву запишут пером и чернилами, а Вень, присутствующий здесь, станет свидетелем.

— И нефрит, и мужчины вытесываются грубыми инструментами — стоит опасаться глубоких перемен в судьбе.

— Пусть будет так, ваше превосходительство, — Ма Су удержит Чихтьень, или же его голова покатится по земле! — горячо воскликнул генерал, и его полные щеки зарумянились.

— На все воля всевышнего. А теперь я даю тебе легион и половину всех наших людей, и Вень Пинь отправится в поход вместе с тобой. Он будет полезен благодаря своей осторожности и внимательности, которыми прославился, и когда нужно разбить лагерь в таком выгодном месте, чтобы враг не смог подобраться к нему. Не стоит недооценивать Ссуму, он намного умнее ложного императора, которому служит.

Когда расставите свои силы и возьмете под контроль дорогу, по которой должен будет пойти враг, нарисуете для ме-

ня план обороны и всех высот поблизости, а потом отправите бумагу мне. Но самое главное — ничего не меняйте, не добавляйте и не убирайте, таков мой приказ. И может случиться так, что, когда начнется битва, у вас не найдется ни одного лишнего бойца, а здесь у меня есть слуга, Чин Мути, поэтому пусть он отправится вместе с вами, и, когда у вас будет готова для передачи карта, мальчик доставит ее мне.

— Как вы приказали, так и будет сделано... — начал было Ма Су, однако Чуко Янь поднял руку, призывая к тишине и показывая, что принял официальное подтверждение приказа, и завершил разговор:

— На самом севере Чихтьеня расположен город Лихлючень и поблизости от него проложена горная тропа. Там стоит лагерем Као Хсянь со своим легионом. Если угроза для Чихтьеня станет слишком велика, он отправится к вам на помощь. Ву Ен приведет отряд в дальнюю часть Чихтьеня, это послужит еще одним подкреплением. Помните: вы должны любой ценой удержать свой пост на этой самой опасной дороге к проходу Яньпинь. Не считайте, что все это пустые разговоры, и не предпринимайте никаких шагов, чтобы провалить весь план.

— Ваше превосходительство, мы поняли. — Ма Су отдал салют, тяжело громыхая сапогами, вышел из комнаты; Вень Пинь снова шел за ним. У Мути только и было времени, чтобы осторожно положить меч министра на стол и поторопиться за генералами. Он делал это неохотно. Хотя Ма Су и не стал его начальником, тем не менее мальчика беспокоила мысль, что некоторое время ему придется служить генералу, и он лишь надеялся, что это не продлится долго. Выходя, мальчик заметил, что Чуко Янь снова склонился над картой, озабоченно и внимательно изучая нанесенные на ней линии.

Вей, Ву и Шу на юге: три королевства некогда великой империи Хань, теперь разделенной. В темные дни конца династии Лю Пей, хотя и происходил из Дома Неба, но был так беден, что делал и продавал сандалии, чтобы заработать на еду для своей матери. А потом три великих героя: Куан Ю, Чень Фей и Чуко Янь — клятвой крови поклялись слу-

жить ему. В это время Тц'ао Тц'ао носил драконовы одежды в Вей, а Сан Ч'юан — на юге. Много крови пролилось, многие города были захвачены и сожжены, и много людей погибло в беспощадной войне, а женщины и дети голодали летом и мерзли зимой; тем не менее ни одно из трех королевств все еще не сдалось другому на милость победителя. Действительно, наступило время, когда горя больше, чем счастья, а стыда больше, чем чести, и это управляет поступками людей в мире.

Теперь, во время скачки вместе с Ма Су и его людьми в прохладе ночи, Мути уже меньше хотелось спать. Он, самая мелкая сошка среди людей генерала, скакал в конце отряда, и поэтому ему хорошо слышно ворчание солдат, которые жалуются на ночной переход.

А однажды, когда они проезжали мимо рядов мрачных пеших солдат, оттуда донеслись слова:

— Ха, что знают конные о ноющих от боли ногах? Разве есть им дело до грязи, которая пачкает плащи?

Стражник сбоку от Мути угрожающе щелкнул хлыстом в сторону невидимого оратора.

— Три дюйма никогда не останавливающегося языка могут вдруг оказаться укороченными на два, — бросил он, уже проскочив мимо солдата, который таким образом высказал свою жалобу.

Они двигались целый день, прежде чем достигли цели. Ма Су и Вень Пинь со своими людьми спешили, поели остывших пирожков с овсянкой и выпили из седельных фляг. Насытившись, Ма Су немного отошел в сторону, критически оглядывая маячившие перед ним холмы и дорогу. Мути, держа за уздечку своего коня, готовый вскочить в седло по первому приказу, старался держаться ближе к двум генералам, чем к остальным солдатам. То, что он носит значок первого министра, дает ему, как он решил, некоторую свободу от обычных военных условностей в этой компании, и ему почему-то хотелось понаблюдать за Ма Су, хотя он и пытался подавить драконье дыхание ненависти всякий раз, когда бросал взгляд на генерала. Неужели он желает военачальни-

ку неудачи? Тысячу раз — да, если бы только это не означало беду для всех.

— Не понимаю, почему предполагается, что Вей рискнет прийти прямо сюда, — сказал наконец Ма Су.

— Так сообщают его превосходительству разведчики; они заметили, что враг вышел в поход. А он из тех людей, кто дважды подумает, прежде чем отдаст приказ.

— Осторожность и предвидение его превосходительства отлично известны, — но что-то в интонации Ма Су говорило, что сказал он это отнюдь не в качестве комплимента. — Посмотри только на этот холм — посмотри повнимательнее, Вень Пинь. Он густо зарос лесом, да это место создано самим небом для того, чтобы дать преимущество над любым, кто движется по дороге. словно место для лагеря здесь выбрано самим богом войны.

Вень Пинь внимательно осмотрел холм. Мути увидел, что перед тем, как ответить, он провел языком по нижней губе. Быть помощником таких людей, как Ма Су, означает, что даже на самой быстрой лошади нельзя догнать слово, уже однажды произнесенное.

— Старший брат, — наконец сказал он, — если мы оставим эту дорогу ради того холма и силы Ссумы решат окружить его, мы погибли. И кроме того, мне отданы указания, что я должен послать людей и вырубить лес, чтобы выстроить укрепленную крепость прямо здесь, на дороге.

Ма Су рассмеялся.

— Младший брат, легко увидеть, что ты не познал высшую мудрость военного искусства. Одно из главных правил — на врага следует смотреть, занимая более высокую позицию. Если вражеское войско попытается пройти здесь, клянусь, обратно не вернется ни один из нагрудников его солдат! Те, кто поступает таким образом, по своему усмотрению, становятся великими людьми; те же, кто поступает по-другому, — мелкими и незначительными.

Теперь покраснел Вень Пинь: в голосе Ма Су прозвучало явное презрение. Но он все-таки ответил, не выказывая никакого волнения:

— Наверное, это действительно так, старший брат. Но вы заметили, что на холме нет ни одного ручья, а дни наступили жаркие? Если появится враг и перекроет дорогу к ручью, который протекает ниже вон тех высот, что тогда? Я поклоняюсь высшему знанию подобных дел, но я также знаю, что такое жажда и что она делает с людьми. И что самое главное, это противоречит отданным нам приказам. Что, если нас сбросят на восток или запад, тогда как нам приказано делать вот это и не делать того?

— Его превосходительства Чуко Яня здесь нет. Что он знает об этой земле, кроме того, что ему сообщили разведчики, без сомнения, невежественные люди, которые не знают самого главного в военном деле? Будь он здесь, он бы тут же согласился со мной. А что касается вопроса о воде — отчаявшиеся люди и сражаются с отчаянием. Голодные варвары опустошили город, когда запах процветания достиг их ноздрей. Если солдаты будут испытывать жажду и должны будут добраться до воды, то каждый станет сражаться, как сто человек. Почему вы, младший брат, противостоите сейчас мне? Или я здесь не ваш начальник, тот, кто клятвенно обещал вернуться победителем? Неужели вы думаете, что я буду рисковать своей головой, не будучи уверен, что я прав?

— Тогда дайте мне часть воинов, чтобы разбить лагерь на западе внизу, и тогда я смогу поддержать вас, если возникнут проблемы.

— Вы как лис, лающий, предвещающий дурное. — Ма Су изогнул губы в насмешливой ухмылке. — Почему это я должен так глупо расточать своих людей?

Но когда генерал резким тоном отказался разделить отряд, среди людей, отстоявших от них на расстоянии полета стрелы, возникло замешательство. Их ряды разошлись, пропуская какого-то человека, который бежал, шатаясь и спотыкаясь. На нем была грубая деревенская одежда, в грязи и пятнах, словно он часто падал на мягкую, влажную землю. Он опустился на колени перед Ма Су, ударяясь головой о землю в глубоком поклоне.

— Что ищешь ты здесь, парень? — требовательно спросил генерал.

— О, простите ничтожного человека, который принес послание его превосходительству, досточтимому генералу. Приближается армия, предводительствуемая демоном людей Вей. И приближаются они так быстро, словно их несут летящие по воздуху драконы! Уже среди ближайших холмов крадутся их разведчики, а за ними — и армия, такая же многочисленная, как саранча, собирающаяся, чтобы сожрать урожай тех, кого выбрало небо, чтобы познали они тяжкий груз голода.

— Тогда пришла пора подготовиться к встрече с ними. Ценна не нога клячи, ценен выигранный ей миг времени, — генерал сказал это окружавшим его людям, но он не поблагодарил того, кто принес ему предупреждение. Он лишь обратился холодным тоном прямо к Вень Пиню:

— Поскольку, как вы заметили, нужно соответствовать правилам ведения войны, вы получите половину легиона и делайте с ним, что хотите. Но в час победы вы ответите за это.

— Старший брат, тогда я не буду искать способов уклониться от любых вопросов, которые могут быть мне заданы, — ответил Вень Пинь.

Он созвал своих офицеров и посельных, приказывая тем, кого Ма Су отдал ему, приготовиться к походу. И кроме того он подозвал к себе жестом Мути и сказал:

— Не забыто и желание его превосходительства получить карту. И ты выполнишь это.

Мути отошел к посельному и положил руку на его плечо. Тот, все еще глубоко дыша, посмотрел на него, и Мути узнал его. Это оказался вовсе не местный житель — он видел разведчика во дворце, одетого в доспехи лучника, он был «глазами и ушами» императорских сил. Мути достал из седла тыкву и передал сосуд в руки воина, проговорив:

— Пей, старший брат.

Но, поднеся ее к губам, тот проговорил:

— Пустой идет чистая дорога в Рай и заполненной — темная дорога в Ад. Когда богомол охотится за саранчой, он забывает, что за ним самим охотится сорокопут.

— В Лихлючене рядом с легионом разбит лагерь Као Хсяня. — Мути вроде бы и не отдавал приказ, однако разведчик был умным человеком. И в этом утверждении для него нашелся смысл.

Он вернул тыкву, кивнул и исчез.

Отряды Ма Су уже вышли в поход, направляясь в сторону холма. Но Мути, снова прыгнув в седло, последовал за Вень Пинем.

Его куда меньших размеров отряд отошел на некоторое расстояние от холма, где люди Ма Су сейчас трудились, срезая деревья и наспех строя укрепления. Достигнув уровня дороги, Вень Пинь отдал приказ сделать то же самое. И пока его люди были заняты этим делом, Вень Пинь собственноручно на длинных бамбуковых планках (это означало, что послание имеет первостепенную важность) нарисовал карту местности, отметив положение своего отряда и отряда Ма Су. Он также составил короткий рапорт о том, что старший генерал решил относительно места сражения. Затем вложил связку планок в конверт и запечатал его печаткой кольца со своего большого пальца.

Потом Вень Пинь призвал к себе разведчиков и отослал их следить за продвижением войска Ссумы и за тем, что происходит у Ма Су на холме. Однако Мути уехал еще до этого, забравшись на коня, выбранного из-за его силы и скорости, и помчавшись, как ветер, обратно к форту, где базировались основные части армии.

Дважды он менял коней, но и время тоже шло, и только поздно ночью он, шатаясь от усталости, предстал перед Чуко Янем. Министр взял пакет с посланием у Мути, но не распечатывал его, пока не отдал приказ принести еду и питье и устроил так, что мальчика усадили и накормили. А потом он быстро прочитал послание Вень Пиня и сравнил эту карту с той, больших размеров, что до сих пор лежала на столе.

Затем министр бросил взгляд на Мути, который жевал пирог с маслом, пытаясь утолить чувство голода, пожирившее все внутри него, но не слишком при этом забывая о приличных манерах.

Дыня может скатиться с остроконечной крыши в двух направлениях, однако оба они ведут к падению. Высказанное даже шепотом дурное слово эхом отдается на сотню миль. То, что ты видел и слышал, не следует повторять.

Мути отложил в сторону наполовину съеденный пирог.

— Этот человек, властелин, и слеп, и туп.

Но если Чуко Янь не пожелал говорить с Мути, то он и не притворялся, что пытается оградить своих высших офицеров от знания всех последствий возможной катастрофы. Потому что находившиеся в комнате люди стали свидетелями никогда ранее не виденной картины — вид разгневанного Чуко Яня: он с такой силой ударил по поверхности стола, что могучее дерево гулко отозвалось. И такой страстный вопль вырвался из его горла, словно пламя изрыгалось из пасти дракона:

— И вот теперь невежество Ма Су и его бессмысленная гордыня уничтожат армию! Легко набрать тысячу солдат-новобранцев, но где найти хорошего генерала?

Офицеры, находившиеся в комнате, переводили взгляды друг с друга и подходили поближе к своему начальнику. И Янь Ай, самый высокий по рангу, рискнул спросить:

— Что же такое ужасное случилось, ваше превосходительство?

— Из-за глупого неподчинения совершенно ясно отданному приказу мы, может быть, уже потеряли Чихтьень, а может, и больше. Ма Су рискнул поставить на кон в этом деле свою голову. Ладно, если он не умрет в сражении, то скоро узнает, что трещину в нефрите скипетра можно отполировать, но с трещиной в голове ничего нельзя поделывать!

После этого Чуко Янь снова стал спокойным. Его рука вновь коснулась усов и принялась теребить волосинки в разные стороны, что всегда служило признаком глубокой задумчивости.

И тогда Янь Ай сказал:

— Я не слишком умен и не учился искусству войны. Но поставьте меня на место Ма Су, и тогда, возможно, не все еще окончательно погибнет.

Однако, когда министр согласно, с почти отсутствующим видом, кивнул и Янь Ай уже готов был отдать приказы своим подчиненным, вошел еще один посольный, первый из многих других.

Но Мути, отпущенный наконец спать на свое удобное твердое ложе, не слышал новостей, с каждым разом все более ужасных, сообщаемых сперва министру, а уж затем, из уст в ухо, и так далее распространяемых по всей крепости. И когда мальчик поднялся, чтобы прийти к своему властелину, он услышал сразу обо всем. Можно приказать проглотить язык одному, другому, но не шести или семи.

Как и предупреждал Вень Пинь, отряды Ссумы окружили холм, который Ма Су выбрал для строительства форта. Сам Ссума в маске вышел вперед осмотреть пост, который построили воины Ву. Однако яркий свет луны выдал его, и люди в крепости его узнали. И тогда, как сообщалось разведчиками, Ма Су рассмеялся и выкрикнул:

— Если он прислушается к совету фортуны, то не нападет на нас. Неосторожная крыса, которая вцепилась в кошачий хвост, должна быть готова к ударам.

После чего Ма Су отдал приказ своим людям проследить за тем, чтобы над холмом взвился красный флаг. Между тем отряды Ссумы подошли совсем близко, и теперь ручей с водой оказался в руках врага. А потом другой полк, пришедший из Вей, двинулся к отряду Вень Пиня.

Солнце снова встало, и людей на холме охватила жажда, которая становилась все более мучительной, когда наступили самые жаркие часы дня. Но пока что Ссума не начинал нападение, просто предоставил все дело жаре. И когда наконец Ма Су потерял терпение и поднял флаг, его люди не смогли двинуться вперед. Солдаты, облаченные в доспехи, так были изнурены жарой, что многие совсем ослабли и падали, задыхаясь.

Ма Су, охваченный сильным гневом, приказал, чтобы офицеры возглавили атаку, а кто откажется, того тут же, на месте, обезглавили бы. И когда трое или четверо погибли такой страшной смертью, люди действительно встали для решительной атаки вниз по склону холма. Но солдаты Ссумы уклонялись от встречи с ними лицом к лицу, приветствуя их издали дождем точно выпущенных стрел из луков. А вскоре Ма Су приказал солдатам отойти в крепость под ее защиту, пока не придет помощь. Однако Вень Пинь был отрезан от них, так что оттуда не могло прийти к ним спасение?

И тут вспыхнули беспорядки. Кое-кто из солдат пришел в ярость из-за того, что погибли офицеры, другие же сходили с ума от отсутствия воды. Некоторые даже сдавались врагу, чтобы напиться, а позже люди из Рей подожгли на склоне холма лес и кустарник. После чего отчаявшийся Ма Су был вынужден стремительно броситься на запад, а Чань Хо, возглавлявший передовой отряд Ссумы, загнал его в лагерь Ву Ена, далеко от края Чихтьеня. Грохот сигнальных барабанов остановил это преследование, когда солдаты Ву Ена в свою очередь ударили по врагу, заставив его отступить в сторону города.

Однако именно там Ссума и его сын приготовили для Ву Ена засаду, и Вень Пинь выступил им на помощь, чтобы вытащить своих товарищей из ловушки. И пока они сражались в поле, быстро передвигающиеся войска Ссумы, разделив их лагерь, опустошили их, и императорские отряды были отогнаны обратно к городу Лихлючению, где Као Хсянь пришел к ним на помощь. Была предпринята ночная атака, и вот так на данное время и обстояли дела.

Ву Ен и другие командующие, которые были назначены для защиты Чихтьеня, отправились туда тремя разными дорогами. Но когда они добрались до этого города, перед ними была взорвана бомба, ослепительно осветив все вокруг, загремели барабаны, и враг показался им каким-то демоном. А потом, когда и Вень Пинь добрался до места встречи, им пришлось оставить надежду на возвращение себе города.

Они смогли только отступить назад в Лихлючень, и то лишь для того, чтобы обнаружить перед собой войска Ссумы.

Осознав, что их превзошли и числом и военным умением, Ву Ен продолжил отступление, чтобы постараться удержать проход в Яньпинь. Часть армии Ссумы преследовала их до самой долины Чи, в то время как другая половина вражеского войска, под командованием самого Ссумы, направилась к Хсиху, чтобы захватить там главную базу снабжения и вещевой обоз. Таким образом они вскоре подошли к Хсиченю, городу, в котором располагались другие важные склады и который также оставался единственной защитой на пути, ведущем к важным городам Нанан, Т'ьеншин и Айттини.

Тем временем Мути, проснувшись, вернулся в комнату министра. Там всюду толпились офицеры, приходили и уходили посыльные, однако мальчик пробился сквозь плотную толпу и снова взял меч Чуко Яня, готовый дожидаться своего повелителя.

Министр выслушивал этот поток дурных известий, и теперь его лицо не искажалось от гнева. Он не колебался, а отдавал быстрые приказы то одному человеку, то другому. И другой его слуга принес хозяину доспехи и, пока он отдавал приказы, помог ему облачиться в них.

В руках Мути снова покоился могущественный меч, побывавший во многих сражениях. Это был подарок самого Сына Неба, что каждый мог увидеть по выгравированной надписи на клинке, когда он извлекался из ножен, — поднявшийся на ноги с пятью когтями Лунь-Император. Этот дракон отличался от остальных: по какой-то прихоти художника на рисунке его огромные глаза прикрыты веками, так что этот чешуйчатый защитник кажется уснувшим или же, наоборот, только что пробудившимся от сна. Вот поэтому этот клинок и известен как «Дремлющий Дракон».

Когда Мути подал его министру Чуко Яню, тот лишь слегка выдвинул его из ножен, не сводя глаз с дракона, лицо его было сосредоточенным и решительным.

— Вот так все обращается в ничто, — заметил он. — Это моя ошибка. И когда о том, что ошибка совершена, стано-

вится известно, ее необходимо скорее исправить, если это возможно. Каждый человек следует тропю своей собственной судьбы, и нет двух похожих. Похоже, что моя теперь ведет в царство зла, где утрачена мудрость и сохранилась одна лишь глупость.

Потом он вызвал двух капитанов, чьи способности были хорошо известны, — Киана и Чаня.

— Возьмите трех человек, — приказал им министр, — и скачите по дороге в Вукуньшан. Если увидите врага, избегайте сражения, но бейте в свои барабаны и трубите в рог, кричите так громко, словно это кричит огромная армия.

Если они отступят, не преследуйте их, а скачите прямо к проходу Яньпинь.

И он послал командующего Яня подготовить все в городе Чьенко к отступлению, собрав припасы, солдат и местный люд, который боится прихода врага. Ма Таи и Чань Вей должны были прикрывать отступление, устраивая хитроумные засады по всей долине.

Все эти приказы министр отдавал спокойным голосом, как тот, у кого есть целый год в запасе и кто не стоит на самом деле перед лицом смерти, когда всем его планам угрожает гибель. Не пренебрег он и отправкой других всадников в Нанан, Т'ьеншин и Айнтини с мрачными известиями, которые могли бы оказаться полезными для живущих там людей, чтобы захватить дорогу на Ханчунь.

Он казался таким спокойным, что все, кто слышал его, приободрялись и укреплялись в свою очередь мужеством, словно захмелели из источника, в который сам бог войны пролил вино храбрости. А потом с пятью спутниками Чуко Янь оседлал коня, и они поскакали в Хсичень, чтобы переместить оттуда склады: если их захватят или уничтожат, то это уж действительно будет смертельный удар для всех защитников Ву.

Во время всей скачки Мути находился прямо позади властелина, но не с мечом, который Чуко Янь теперь держал в своей руке, а с гордостью размахивая знаменем главнокомандующего, чтобы все знали, что Чуко Янь — военачальник,

который не страшится опасности, не убегает от нее. Прибывали другие посыльные, и всегда новости, которые они приносили, были малоутешительными: отряды Ссумы двигались к ним, принося опустошения везде, где проходили.

Никого из начальников высшего ранга не осталось в этом маленьком отряде, за исключением самого Чуко Яня и нескольких гражданских официальных лиц, которые не являлись воинами. И когда они достигли города после стремительного марш-броска, министр резким тоном отдал несколько приказов, направо и налево, так что его подчиненные разбежались и помчались выполнять его приказания. Их и без того небольшая группа уменьшилась наполовину, так что тем, кто остался, чтобы заняться перемещением складов, пришлось попотеть и поднапрячься, нагружая повозки, запряженные волами, чтобы увезти их из обреченного города.

Сам Чуко Янь взобрался на крепостной вал возле западных ворот, чтобы взглянуть на картину военных действий, которая расстилалась перед ним. Огромными желтыми облаками вздымалась пыль в такого же цвета небо. И эта пыль зависла над двумя дорогами, словно раздвинутые режущие кромки огромных ножниц, вот-вот готовые сойтись; для этих ножниц город в Хсичене — всего лишь орешек, который легко можно расколоть.

Министр наблюдал только несколько секунд, а потом снова начал торопливо отдавать приказания, используя даже Мути в качестве посыльного. Все знамена, которые указывали на присутствие в Хсичене защитников Ву, были спущены. С бастioned убрали копья, чтобы их не было видно. И по всему городу прокатился слух, что ни один из офицеров не должен появляться в нем, и быстрая смерть будет наказанием за неподчинение этому приказу.

Солдаты снимали доспехи, откладывали в сторону мечи, копья и луки и надевали синюю одежду крестьян, становились простыми людьми. С метлами и корзинами для мусора они появлялись на улицах, похожие на тех, чьим делом было лишь поддерживать чистоту и порядок. К тому же с пе-

редних ворот были сняты засовы и их широко распахнули, позволяя любому пришедшему беспрепятственно глазеть на улицы города.

Между тем министр направился к сторожевой башне у ворот, где Мути помог ему избавиться от доспехов, отстегивая пряжки и ремни. Он отложил в сторону тяжелый драконий шлем и меч, вложенный в красные покрытые глазурью ножны. В укреплении, где обычно люди носят одежду воинов, он облачился в простой серый халат, наподобие тех, что надевают даосские жрецы, а на голову надел черную шляпу.

Потом министр призвал к себе одного из юных писарей и передал ему шест со знаменем, на котором красовался хвост яка, вроде того, что возвышался над зданием магистратуры. Мути, сняв по приказу командующего собственную легкую амуницию, поднял меч в ножнах, поскольку это входило в его обязанности.

И наконец министр протянул руку к лютне, на поиски которой он ранее отправлял в город мальчика. Чуко Янь нежно пробежался по струнам, проверяя звук, слегка нахмурился и стал настраивать инструмент. Затем, держа лютню в одной руке, он взошел на парапет над воротами, где двое солдат уже установили скамью. И там он уселся, держа лютню на коленях, а писарь и Мути заняли свои места по обе стороны от него, словно они находились в деревенском саду и пришли насладиться тишиной летнего полудня, а шум и опасности войны остались где-то далеко.

Чуко Янь, настроив лютню, начал играть и спел одну из песен Чи Каня:

Я отбрасываю мудрость и отрекаюсь от учения,
Мысли бродят в огромной пустоте...
Постоянно сожалея о неправильно сделанном...

Пропев эту песню, он начал другую. Но ни разу не спел он песни о войне — нет, только о людях, которые живут в мире, и стихи эти были написаны в местах спокойствия.

Он не выказывал ни малейшего интереса к тому, что происходит на дорогах, ведущих к городу. Мути и юный писарь

пытались сохранять такое же спокойствие и отсутствие интереса к происходящему вокруг. Что чувствовал писарь, Мути не знал. Но что касается его самого, то внутри у мальчика все сжалось, он с ужасом ожидал первого выстрела из лука, а ждать этого уже недолго: разведчики вражеского передового отряда уже скачут вниз, хотя и с осторожностью людей, ожидающих засады.

Долгое время разглядывали они открытые ворота города и группу из трех человек на крепостном валу, потом повернулись и, гулко стуча копытами, галопом ускакали тем же путем, каким пришли. Мути крепче сжал меч, словно то, что он держит его так, может послужить какой-то защитой. Однако Чуко Янь лишь слегка улыбнулся, закончив песню, и начал другую, в которой на этот раз прозвучали слова восхваления гонимых ветром облаков.

Вскоре вместо разведчиков показался отряд, состоящий из офицеров. Судя по богатым доспехам, они занимали высокое положение, хотя у них нет именного знамени какого-нибудь рода. Неподалеку от стены они повернулись и остановились, не покидая седел некоторое время, которое показалось Мути очень-очень долгим. Они слушали Чуко Яня, словно приятные слова, которые он пел, несли в себе какой-то ужасный смысл, хотя теперь он восхвалял опавшие листья, гонимые осенним ветерком, не обращая никакого внимания на воинов, расположившихся внизу, остановив взгляд где-то далеко вверх их голов, словно они для него невидимые призраки.

Мути увидел, как они начали переговариваться между собой. Один даже подъехал поближе, чтобы бросить взгляд за ворота на улицу, по которой ходили люди, не выказывающие никакого видимого беспокойства.

Потом солдат Вей поскакал назад к своим спутникам, и теперь он, похоже, направлялся к человеку в этом отряде, облаченному в самые роскошные доспехи. Но тут этот офицер выбросил вверх руку в приказном жесте, резко скомандовал, и все они, развернувшись, галопом поскакали прочь. Министр продолжал петь, когда над дорогой снова подня-

лась пыль. Только в этот раз она сигнализировала об отходе войска Вей. Мути глубоко вздохнул, несказанно удивленный.

И тут Чуко Янь громко рассмеялся и отложил в сторону лютню, и к нему из башни пришли несколько одетых в гражданские одежды людей, которые прискакали сюда вместе с ним.

— Ваше превосходительство, каким волшебством вы воспользовались? — рискнул спросить самый старший. — Вы пропели какое-то заклинание, написанное мудрецом для этой цели?

И снова министр рассмеялся.

— Я не использовал никакого волшебства, младший брат. Если только ты подразумеваешь то, что люди понимают под магией. Есть одна старая пословица: берегись дремлющего дракона, не буди его. Ссума подумал, что он видит здесь дремлющего дракона, и те меры предосторожности, которые я предпринял, удержали его от пробуждения дракона. Он отлично знает о моей репутации, что я никогда не делаю ничего, не просчитав всего десять раз, что я не бросаюсь безрассудно в опасность. Поэтому, когда он увидел открытые ворота, приглашающие его в город, то его, естественно, охватили подозрения, что здесь устроена хитроумная засада. Когда он увидел меня, спокойно играющего на лютне, и рука моя перебирала струны, а не держалась за рукоять меча, он поверил, что я чувствую себя здесь в полной безопасности и не нуждаюсь в дополнительной защите. И вот теперь он уходит, чтобы потом встретиться с войсками Киана и Чаня, уже занявшими боевую позицию, и получить отличный урок. Но... будь я на его месте, я не свернул бы в сторону. И он еще долго будет сожалеть о сегодняшнем дне.

И вот вновь министр стал человеком быстрых действий, отдающим приказы, чтобы остатки запасов продовольствия и оружия немедленно переправили в Хуньчунь: он знал, что Ссума не замедлит с возвращением.

Впрочем, слова, сказанные им, уже передавались среди солдат, а потом и среди горожан. Поэтому, когда он приска-

кал на коне к ним, они приветствовали его криками: «Дремлющий Дракон!»

И только позднее Ма Су привели к министру. Увидев главнокомандующего, приказ которого он отказался выполнять, генерал бросился на колени и принялся биться головой о землю, прося пощады. Однако, хотя Чуко Янь и смотрел с жалостью на униженного, он сказал:

— Когда Небо посылает несчастья, их можно избежать; но когда их вызывает сам человек, он лишает себя права на жизнь. Верно сказано: уста — это дверь, ведущая к беде, как не менее истинно и то, что великие планы рушатся из-за нетерпения и глупости. Если первые слова какого-либо приказа не выполняются, то даже последующие десять тысяч не способны предотвратить неудачу. И ни один человек не может называть себя солдатом, если не подчиняется приказам своего полководца.

Ты слишком поспешно поклялся своей головой, что добьешься победы, а победа ускользнула от тебя, уведенная демоном гордыни, чтобы подвергнуть испытанию весь наш тщательно разработанный план. И теперь твою голову ждет та судьба, о которой ты сам просил.

Вот так и поступили с Ма Су, именно так, как он в своем безмерном тщеславии и предложил сделать. Однако Чуко Янь знал, что генерал был храбрым человеком, не предателем, только глупым из-за собственной гордыни. Поэтому он не позволил наказывать всю семью Ма Су, только доставил его родичей в свое владение.

И едва только выдалась первая же передышка, министр собрал вместе своих старших офицеров и показал им рапорт обо всем случившемся, который он написал для Сына Неба. К этому рапорту, который заканчивался упоминанием о казни Ма Су, он добавил следующие слова:

— Тот, кто ошибается при выборе человека на важный пост, сам совершает смертельную ошибку. И он больше не достоин быть тем, кому можно доверить охранять трон. Именно поэтому этот недостойный слуга должен быть по праву лишен не заслуженных им почестей и наград, кото-

рые получил в прошлом, равно как и поста, занимаемого им. И кроме того его следует должным образом наказать за ошибки, совершенные им при неправильном использовании власти.

И хотя его офицеры и начали громко протестовать, Чуко Янь не изменил ни одного из этих своих высказываний, добавленных к рапорту, который он подписал «первый министр» и отправил затем императору.

Сначала император возразил. Однако Чуко Янь был непоколебим в своем решении и настаивал, что он больше не соответствует своему посту, так как совершил фатальную ошибку, избрав Ма Су своим главнокомандующим. Император почтил такую искренность, которая, как говорят, чаще встречалась в былые дни, когда люди имели более чистые души, поэтому, хотя он и принял отставку Чуко Яня с поста первого министра, тем не менее оставил его во главе армии, со всеми прежними правами и обязанностями. И все продолжали высоко отзываться о Чуко Яне как о мудром и уважаемом человеке.

И вот тогда-то Дремлющему Дракону и посвятили песню, где было сказано о нем:

Полностью для врага этот город открыт,
Но лютия Чуко чудеса творит.
Отвернет она прочь легионов марш:
Оба полководца разгадали планы врага.

ПЫЛЬ НА СТОЛЕ

«Дремлющий дракон» — эти слова прозвучали в темной комнате с таким шипением, словно сам дракон произнес их.

Однако дракон мирно спал на столе, полузакрыв глаза. Он был точно таким, как на мече Чуко Яня. Хотя цветом тот скорее походил на серебристого, потому что был выгравирован на стальном клинке, в то время как этот дракон сверкал солнечными бликами не хуже императорского Желтого Дракона, как на знамени Сына Неба.

Сын Неба! Как же много времени прошло с тех пор, как в Китае правил последний император. Ким, едва касаясь, провёл пальцем по телу желтого дракона. Кусочки сошлись так плотно, что он едва мог видеть места, где те соединялись. Картинка-загадка завершена.

Драконы... мальчик внимательно осмотрел свернувшегося кольцами серебристого дракона на крышке коробочки, синего на ее дне, красного и желтого по краям. Что, если они — Сиг, Рэс, Арти — тоже видели в сновидениях драконов?

Но больше всего его притягивал к себе Шуи Мин Лунь. Ким снова ощутил ту слабость, которая охватила все тело, когда он скакал вместе с Ма Су и Вень Пенем, а потом возвращался с картой и рапортом. Он снова познал страх, от которого сохло во рту, когда руки становились потными, держась за рукоять вложенного в ножны меча, когда он стоял рядом с министром и наблюдал за Ссумой и его офицерами, скакавшими к городской стене.

Не оправдывайтесь, смело принимайте на себя вину за ошибки сделанных вами выбора и действий — этому он научился у Чуко Яня. И вся та длинная фраза, сказанная министром, слово за слово пришла ему на память.

А что делал Ким все эти дни после переезда сюда, когда начал ходить в новую школу? Чувствуя себя потерянными и одинокими, он винил во всем этом школу — она оказалась слишком большой, здесь училось слишком много незнакомых ему людей, а также родителей — за то, что они переехали... винил всех, кроме самого себя. Никто не станет ходить за ним, просить его, Кима Стивенса, стать другом. Он может продолжать упорствовать в этой ошибке, думая, что он прав, как думал и Ма Су, — или же постараться последовать тропой Дремлющего Дракона.

Чуко Янь использовал силу своего ума и одержал вместо поражения триумфальную победу. Перед будущим можно предстать разными путями: как Чуко или как Ма Су. И теперь мальчик точно знал, какой путь он выберет для себя. Внезапно, всего на несколько мгновений, он снова стал Му-ти; сложив руки вместе, что показалось правильным и со-

ответствующим этому моменту, он почтительно поклонился желтому дракону.

— Тысяча, тысяча благодарностей, великий и уважаемый бог, — произнес он на гонконгском наречии, которым не пользовался уже долгое время. — То, что ты милостиво указал своему недостойному слуге правильную дорогу, — великая честь. И теперь он продолжит идти по верному пути. — И во второй раз мальчик поклонился дракону, как это бы сделал Мути.

А потом Ким взял портфель и вышел из темной комнаты. Сколько же времени он провел в этом странном сновидении? Час... два? Мама, наверное, уже тревожится. Ким вспомнил, как незадолго перед этим приключением она следила за ним с унынием в глазах. Она и отец спрашивали его о школе, понравилась ли она ему. И несколько раз мама предлагала, чтобы он пригласил кого-нибудь из своих школьных приятелей к себе домой, как в старой школе приходил с Джеймсом Фонгом и Сэмом Льюисом. А он не знал, что ответить ей, чтобы она не догадалась, как это все ему ненавистно. Ну, а теперь, после того, как он увидел Чуко Яня, он посмотрит прямо в глаза любому страху. И хотя он не играет на лютне и не поет перед лицом врага, он сделает то, что должен сделать.

Ким пробежал по темным комнатам и, выбравшись наружу из окна кухни, закрыл его за собой. Потом остановился на крыльце. Эта картинка-загадка! Если кто-нибудь явится, чтобы снести дом, что же станет с головоломкой? Ее нужно убрать отсюда!

Но ему не хотелось возвращаться за ней одному. Сиг, Рэс и Арти — они все собирали по одной из ее картинок. Ему следует сперва поговорить с ними, спросить, что нужно сделать. Так что давай двигай к дому Сига, сказал он себе, возможно, они все еще там...

Ким бросил взгляд на наручные часы, подарок ко дню рождения, сделанный ему два месяца назад. Без двадцати пять! Но ведь он вышел из автобуса только в четыре пятнадцать... он пробыл в доме лишь около получаса!

Но ведь в его сновидении прошли дни, а в реальном времени — только полчаса. Все равно, без двадцати пять — тоже

позже обычного. И теперь, ради всего на свете, он не хочет тревожить мать.

С мальчиками он увидится и позже. Ведь так будет лучше, подумал Ким, он позвонит им и спросит, что делать. Если они подойдут к трубке, вот тогда и решат насчет головоломки, может, даже заберут ее все вместе после школы завтра. Ким быстро побежал по улице, и портфель глухо бился о его ногу, а мальчику больше всего хотелось схватить телефонную трубку и сделать эти звонки. В каком-то отношении это будет первой битвой в его личной войне, первой для него возможностью доказать, что он следует примеру Чуко Яня.

Но когда Ким пришел домой, мать сама разговаривала по телефону. Она сидела на краю дивана, прислушиваясь, потом улыбнулась и махнула рукой в сторону кухни, где, как он знал, его дожидаются пирожные и молоко. Мальчик повесил пиджак и шапку в платяной шкаф, а на нижнюю ступеньку лестничного марша поставил портфель, чтобы забрать его позже в свою комнату. Однако в этот раз он не взял с собой на кухню библиотечную книгу, чтобы читать ее во время еды. Ему предстояло поразмыслить над кое-чем, что было намного более волнующим, чем все то, что он мог бы прочитать, в этом он не сомневался.

На тарелке лежали два шоколадных пирожных с орехами, да и остальное на кухне пахло вкусно. Потом он вспомнил о распродаже печенья в церкви. Мама, наверное, пообещала сделать для этой акции много разных штучек. Он увидел две коробки с пирожками и две огромные кастрюли, накрытые фольгой. Никто не умеет печь так, как мама. Мальчик надкусил край первого пирожного, решив, что больше не будет его есть.

— Ну, — в дверях кухни появилась мама, — как дела в школе, Ким?

— Все в порядке. Могу я пригласить нескольких мальчиков, чтобы они пришли ко мне после ужина? Они живут поблизости... Сиг, он на Эшфорде, а Рэс и Арти еще ближе...

— Школьная вечеринка, будете вместе выполнять домашнее задание, так?

Он кивнул со ртом, полным пирожного, отчего и не смог со всей вежливостью ответить, как должен был. А потом торопливо проглотил остатки.

— Это особенное задание. И мы не будем заняты долго. — Мальчик остановился на несколько секунд в нерешительности, понимая, что мама удивляется, что же может быть этим особенным заданием и почему он не рассказывает ей о нем.

Но она не задала ни одного вопроса, что было одним из ее лучших качеств.

— Если их родители разрешат, тогда да, Ким. Возможно, на полчаса или около того. Но такая поздняя учеба...

— Да, — согласился он. Правила есть правила, и он никогда не просил изменить их до этого. Но это так важно. Что, если строители придут уже завтра и снесут этот старый дом, и тогда головоломка погибнет! А что, если он уйдет завтра утром в школу пораньше, никому не говоря почему, и забрет эту картинку-загадку по пути к остановке? Или, если он не сможет, это сделает кто-нибудь из ребят?

Одним глотком он съел оставшуюся часть пирожного и пошел посмотреть телефонный справочник, начав искать номера по алфавиту, так что Рэс — Джордж Браун — оказался первым. И удача: ему ответил сам Рэс.

Ким заранее не обдумывал, что скажет, и теперь пытался найти нужные слова. В конце концов, ведь Рэс не знает, не может знать, что он тоже складывал эту головоломку.

И кроме того не очень-то помогает такое начало, когда он бросает в трубку: «Говорит Ким», а Рэс отвечает: «Какой еще Ким?»

— Ким Стивенс. Я жду автобус в школу вместе с тобой.

— А, ну да, конечно, — но прозвучавшее в его голосе зашатавшее еще больше смутило Кима. Он смог только торопливо продолжить, надеясь на лучшее, хотя он слегка боялся, что мальчик не станет его слушать.

— Я знаю... о драконах. Я... я сложил сегодня днем желтого!

Долгую минуту вообще не было никакого ответа. Ким уже чувствовал, как внутри него все заледенело, словно он опять

находился на стене существовавшего века назад города. Рэс рассердился на него, может, даже повесил трубку? Молчание действительно затянулось на очень долгий срок, пока наконец не раздалось:

— И с тобой что-то приключилось, разве не так?

— Да! И, Рэс, как насчет этого — ты сам знаешь чего, — если завтра придут сносить дом? Не можешь... не можешь ли ты прийти ко мне после ужина и мы поговорим об этом? Возможно даже, если мы промедлим до завтрашнего дня, станет уже слишком поздно.

— Я должен спросить. А как насчет Сига... Арти?

— Я собираюсь позвонить им.

Рэс отошел от телефона, а затем вернулся, пообещав: «После ужина, точно». Затем Ким нашел в справочнике номер Сига и подвел к нему палец, готовясь сделать второй звонок. И ему повезло, когда он дозвонился до Сига: там все еще находился Арти, так что он поймал сразу обоих, и они тоже пообещали ему прийти.

Ким с нетерпением ожидал их прибытия. Отец по телевизору слушал новости, а мама вернулась к телефону и принялась болтать о распродаже печенья, поэтому он провел ребят прямо в свою комнату. Сиг и Арти сели на кровать, с нескрываемым любопытством оглядываясь. А Рэс занял стул за письменным столом, и лишь Ким остался стоять, очень желая начать беседу.

— Занятная комнатка. — Сиг стал изучать полки на стене, потом взял в руки какую-то из вещиц, которые Стивенс-старший привез из Гонконга, Японии и Кореи. — Эй... смотрите — да это же дракон!

Он указал на вырезанную из дерева фигурку.

— Это из Тайваня, — нетерпеливо ответил Ким.

— Очень похоже на того желтого дракона на крышке шкапулки. — Сиг встал и подошел ближе, чтобы внимательнее осмотреть статуэтку.

Ким покачал головой.

— Желтого дракона зовут Лунь, и он принадлежал императору.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Арти.

— Прежде всего, потому что он желтого цвета, а этот цвет носить или использовать мог только император. А потом, у него пять когтей на ногах, поэтому это и есть Лунь. Но тот, что был на картинке-загадке, — Шуи Мин Лунь, что означает «Дремлющий Дракон», и это был не настоящий дракон, а человек — человек, который много веков назад жил в Китае. Он был первым министром и главнокомандующим у императора Лю Пей, и у него был меч, подаренный ему императором, на котором был выгравирован дракон с закрытыми глазами. Он совершил один очень важный и храбрый поступок, и люди прозвали его Дремлющим Драконом — про него даже сложили песню... — Ким говорил все быстрее и быстрее, с радостью замечая, что полностью овладел вниманием ребят и что они, похоже, верят всему тому, что он им рассказывает.

— Человек, а не дракон, — кивнул Арти. — И у меня тоже... Артос Пендрагон — он был королем, и у него тоже был особенный меч. Но его дракон был не на мече, а на огромном красном знамени. И когда ветер раздувал его, оно напоминало летящего дракона.

— А у меня был настоящий дракон — или, может, когда-то он был человеком, а потом превратился в дракона — но в плохого. И его называли Фафниром. Сигурд Королевский Сын убил его мечом Балмунгом. Ему помогал Один... — добавил от себя Сиг.

— И сирруш-ло тоже был настоящим, — перебил его Рэс. — Он был ужасен — словно помесь огромной змеи и крокодила или же одно из тех доисторических чудовищ. Жрецы Мардука-Бела держали его в бассейне в храме и собирались убить с его помощью Даниила, только тот узнал способ первым уничтожить его.

Ким вертел головой, внимательно прислушиваясь к словам ребят. И так, он прав в своих догадках: что у каждого свой дракон, отличный от остальных, как те четыре рисунка на коробочке. И ему захотелось узнать побольше обо всем том, что произошло с каждым из них. Пендрагон, Фафнир,

сирруш-ло... странные имена. Но, вероятно, для Сига, Арти и Рэса «Шуи Мин Лунь» звучит не менее странно.

— Головоломка... — вернул он их к проблеме, которую требовалось незамедлительно решить. — Что случится со шкатулкой, если в тот дом явятся люди из муниципалитета и заберут все из дома, может, уже завтра?

— Ты сложил желтого дракона, полностью завершил его сегодня днем? — спросил Рэс.

Ким кивнул.

— И тогда ты оставил его там, на столе?

— Да, я подумал, что уже поздно и мама начнет беспокоиться. А потом... потом я вдруг понял, что никогда и не думал разделять картинки. Вы ведь знаете, они так крепко соединены, что я не смог разглядеть даже щелочек между ними и нащупать их.

— Мы не можем пойти за ней ночью. — Сиг принялся расхаживать по комнате от кровати к двери и обратно, словно ему лучше думалось, когда он шагает. — Не сегодня ночью. По крайней мере я не могу уйти и даже попытаться сделать это. Я не могу даже оставаться здесь долгое время, потому что, уходя из дому, сказал предкам, что пошел делать домашнее задание.

Рэс и Арти кивали в полном согласии.

— Поэтому нам придется оставить это дело до окончания школьных занятий завтра и только надеяться на то, что за вещами не придут до этого времени. Но мы пойдем туда все вместе — после школы — согласны, ребята?

Они ответили «да» почти одновременно. А потом Сиг повернулся к Киму.

— Мы хотим услышать твою историю, всю. Возможно, у нас сегодня вечером не слишком много времени, но расскажи нам то, что сможешь.

И Ким начал свой рассказ, стараясь как можно красочнее описать им ошибку Ма Су, ум и мужество Чуко Яня. Однако в повести нашлось много такого, что, как он боялся, они не могли понять. Когда он закончил, Рэс, наклонившись вперед, пристально посмотрел на Кима, словно видел перед

собой не мальчика, а того человека, которого он описывал. А Сиг, возвратившийся к кровати, зачарованно сидел рядом с Арти.

— Этот Ма Су, — первым начал Рэс, — неужели он был так глуп! Покаяться своей головой, что он прав, а потом вышло так, что ошибся именно он!

— А я не понимаю — на самом деле — не понимаю, почему Чуко Янь подумал, что он ошибся, и почему ему захотелось отказаться от всего, — медленно пробормотал Арти. — Он... он на самом деле победил этого Ссуму, разве не так? И он сделал это, даже не сражаясь. Почему же тогда он сказал, что проиграл? Ох, я знаю, вы повторите то, что он говорил, что он совершил ошибку, назначив не того человека на важный пост, поэтому-то он и в ответе за это. Но он был слишком суров к себе — по крайней мере, я так думаю.

— Таким был их образ мышления, этих древних китайцев, — Ким попытался объяснить это получше. — У них существовали принципы морального кодекса, которому они следовали, хотя, конечно, отнюдь не все, а только герои — и они пытались следовать самым суровым из этих принципов, — и иногда у них это получалось.

— Точно, — перебил его Сиг. — Вроде того, как Сигурд отказался прикоснуться к драгоценностям, хотя у него были все права сделать это, после того как он убил Фафнира! Он знал, что эти драгоценности меняют человека, прикоснувшегося к ним, как это случилось с Мимиром, вот поэтому он и не взял их.

— А что потом случилось с Сигурдом? — спросил Ким.

— Многое, однако у меня нет времени рассказать об этом сегодня вечером, — ответил Сиг. — Вот завтра — послушайте, сегодня мы ходили в библиотеку и взяли оттуда несколько книг. Я взял вторую книгу о Сигурде, описывающую не совсем то, что случилось со мной, — там не было вообще Сига Клешнерукого. Но я был им — Сигом Клешнеруким — я шел вместе с Сигурдом, когда он отправился убивать Фафнира, как и перед тем помогал ковать меч. И Рэс, он взял книгу о Египте, но в ней ничего не нашлось о Мерое, поэтому ему

пришлось взять другую, и он сейчас просматривает ее. Арти — вот у него была отличная история — о настоящем Артуре, а не о короле и его рыцарях Круглого Стола и все такое. И теперь — может, тебе удастся разузнать что-то об этом Чуко Яне. Если наши герои существовали на самом деле, то и твои тоже должны были быть!

— И когда мы вернемся завтра домой, мы все вместе сходим туда и заберем головоломку, — Рэс встал.

На том и порешили, после чего трое мальчиков ушли домой. Ким, вернувшись к себе, сел за стол и раскрыл книгу. Его ждало домашнее задание. Но как же трудно было сейчас сосредоточиться на содержании учебника. Ему хотелось знать все, что Сиг мог рассказать ему о Фафнире, а Арти — о Пендрагоне, как и Рэс — о чудовище сирруш-ло... и ждать было так трудно. Он не был уверен, что, захлопнув последний учебник, хоть что-нибудь выучил сегодня вечером.

— А эти ребята кажутся очень приятными, — прокомментировала мама за завтраком. — Я так рада, что ты нашел новых друзей, Ким. Начинать учиться в новой школе, причем такой огромной, как школа Энтони Вейн, довольно трудно, но оставаться одиноким еще труднее. Я знаю миссис Дортмунд, и я уже встречалась с миссис Джоунс и миссис Браун на собрании в школе. Они все живут совсем близко... — она не закончила фразу, но Ким догадывался, что она имеет в виду. Теперь ей не придется больше беспокоиться о нелюбви Кима к их новому дому и к соседям.

Но мальчика снедало нетерпение побыстрее добраться до автобусной остановки, поэтому он раньше обычного постарался покинуть дом и выйти на улицу.

— Эй! Подожди, приятель! — раздался громкий крик Арти, и Ким замедлил шаг, когда одноклассник стал догонять его на дорожке, на ходу застегивая пиджак. За углом они наткнулись на Рэса, а еще через полквартала — и на Сига, так что на остановку прибыли все вместе.

Вокруг старого дома ничто не подавало признаков жизни. Но было еще рано, только половина восьмого, и если люди

из муниципалитета и явятся, чтобы забрать вещи из дома, то, вероятно, это случится позднее.

— Как жаль, что сегодня не суббота! — воскликнул Арти.

— Да уж! — ответил ему Рэс. — Нам остается лишь надеяться на то, что здесь их сегодня не будет.

— У нас, наверное, есть еще десять минут, — сказал Арти. — Почему бы нам не слазить туда сейчас?

— Чтобы все эти увидели нас там? — Сиг указал на маленьких ребятишек и на двух матерей, сопровождавших своих чад и ожидавших автобуса, чтобы благополучно посадить детей в него.

Они хмуро согласились, что он прав. Поэтому они использовали свободное время, чтобы Ким повторил им свое приключение, которое вчера рассказал довольно путано, но и теперь его постоянно перебивали все подряд, внезапно припоминая что-то, что он должен был обязательно в ту же секунду добавить, прерывая на середине чей-нибудь рассказ.

Этот вторник оказался самым длинным школьным днем на памяти Кима — почти таким же длинным, как и день накануне, когда ему хотелось разузнать, что же делали мальчики в том доме. Часы как будто остановились, каждый урок, казалось, растягивался на целых четыре долгих утомительных часа. И когда он наконец залез в автобус, направлявшийся к дому, он чувствовал себя так, словно провел неделю в этих классных комнатах и коридорах.

Три урока вся компания отучилась вместе. А с Рэсом к тому же у них оказался перерыв на обед в одно время, так что им даже удалось сесть за один стол. Но они не рискнули говорить о том, что занимало все их мысли, боясь, что кто-то их подслушает. Какое облегчение думать, что они уже едут домой, как хорошо знать, что вскоре они разгадают всю загадку.

Но чем ближе они подъезжали к своей остановке, тем больше беспокоились о том, что могло случиться за время их отсутствия. Что, если люди из муниципалитета пришли и забрали все из дома? Ким уже по-настоящему чувствовал

себя в полном отчаянии, когда автобус свернул за угол и они вышли из автобуса.

Как один они одновременно повернулись лицом к заросшему саду.

— Во всяком случае, никаких самосвалов. — Арти издал вздох облегчения.

— Но это ничего не значит, — подчеркнул Рэс. — Они могли уже уехать. И мы не узнаем, пока не проверим внутри.

— Спокойнее, — предупредил Сиг, — нам лучше пробираться под прикрытием кустов, чтобы никто ничего не увидел, не стоит, чтобы кто-нибудь заметил нас и начал задавать вопросы. Пошли быстрее в дом!

И они побежали, подчиняясь его указаниям, стараясь держаться так, чтобы между ними и распахнутыми воротами постоянно были какие-нибудь деревья. Вскоре они достигли крыльца с задней стороны дома, и Сиг оказался впереди всех. Он приподнял оконную раму, чтобы проскользнуть внутрь, и Арти поддержал ее створку, чтобы он поскорее проделал это.

— Не думаю, что они уже побывали здесь, — обрадовал друзей Сиг, когда мальчики проникли в дом вслед за ним. — Кухонная утварь никем не тронута.

Так же обстояло дело и со столовой и гостиной. Им не понадобилось много времени, чтобы добраться до комнаты с головоломкой. Однако на самом пороге Сиг внезапно остановился, и следовавшие за ним по пятам Арти, Рэс и Ким наскочили на него и кучей ввалились в комнату. А секунду спустя они тоже увидели, что остановило первого. В комнате по-прежнему стояли только стол и стул. Но столешница оказалась пустой. На ней не было собранной из сверкающих деталек картинки-загадки, не сверкали яркие цвета. Не осталось даже самой шкатулки. Ничего, кроме стула и стола, пыли и огромного числа паутинок.

— Я... я же оставил ее вот здесь. — Ким постучал пальцем о столешницу. А затем пристально посмотрел вниз в полном изумлении, как только что перед этим застыл Сиг на пороге комнаты.

— Но теперь ее здесь нет, — растерянно пробормотал Сиг. Вдруг Рэс подошел к Киму и остановился, внимательно разглядывая его.

— В чем дело, парень? Что это ты там раскопал?

— Пыль! — Ким показал рукой. — Посмотрите только на эту пыль! Видите, вот я касаюсь этого места — и делаю отметину. Но везде на столе — толстый слой пыли! Как... как могла лежать здесь головоломка? Как мы могли складывать все те кусочки и не стряхнуть пыль?

Рэс наклонился поближе.

— Эй, ребята, взгляните-ка сюда — он прав! Действительно, сплошной толстый слой пыли. И столько пыли не соберется в этом старом доме всего за одну лишь ночь. Даже если кто-то и унес отсюда головоломку, то откуда на этом столе взялось столько пыли? Вот, смотрите, я могу даже написать здесь свое имя!

И кончиком пальца он вывел на поверхности стола «Д-ЖО-Р-Д-Ж».

— Но ведь, — возразил Арти пронзительным голосом, — я точно знаю, что она была именно здесь — на этом столе! Я видел ее тут — а вот здесь был серебристый дракон, которого я сложил, рядом с синим и красным, а еще оставалось множество желтых кусочков — и шкатулка — и все именно здесь! — он в свою очередь опустил вниз палец, еще больше растревожив пыль.

— И я видел ее, — Сиг медленно кивнул, — как и ты, Рэс. Как и Ким после нас, ведь он сложил последнего дракона. Я знаю, что он не придумал свою историю, — все сходится. Другой дракон, но его история похожа на наши. И мы все знаем, что уж наши-то — правдивы. Однако — головоломки-то нет — как и шкатулки... да еще и вся эта пыль... Во всем этом нет никакого смысла!

— Возможно, — согласился Ким. С той самой минуты, как он оказался возле пустого стола, он пытался начать здраво мыслить. — Возможно, и не предполагалось, что мы будем владеть этой головоломкой. Возможно, она предназначалась лишь для того, чтобы ее сложить один раз.

— Но почему? — задал Арти вопрос, на который никто из мальчиков не смог ответить.

— Кто знает? — ничего лучше Рэс не мог сказать. — Только это... я знаю, что я видел, хотя теперь этой вещи нет. И я знаю, что я делал, когда был Шеркарером из Мерое. Даже если картинка-загадка больше не существует, я всегда буду помнить о ней.

— Да, возможно, Ким прав, — подтвердил Сиг. — Скорее всего, у каждого из нас была только одна-единственная возможность сложить эту головоломку, и мы этим вовремя воспользовались.

— Но эта пыль... откуда же она взялась?

— Откуда нам знать? Этот старик — тот, что когда-то жил здесь — у него были разные странные штуковины, собранные со всего света. Может быть, в этой головоломке есть что-то еще, куда более странное...

— Ты имеешь в виду магию? — спросил Арти. — Магия... какая чепуха, никто не верит в нее, кроме маленьких детей.

— Что-то вроде магии, — твердо возразил Ким. — Вы ведь слышали о чтении мыслей и тому подобных вещах. Как раз в прошлом месяце по телевизору показывали одну программу о людях, которые узнают о том, что случится, задолго до того, как эти вещи происходят. Даже не нужно, чтобы это было волшебство, которое описывается в сказках, это может быть какой-то особой магией, даже нечто вроде какой-то науки, о которой мы еще не знаем. И смотрите: я китаец, поэтому мое приключение происходило в прошлом Китае. А ты, Сиг, — из какой страны прибыли твои предки?

— Мой прадед был немцем.

— Вот поэтому-то ты и попал в Германию. И Рэс... его предки некогда, давным-давно, жили в Африке, ну, а ты, Арти... разве твой род не происходит из Англии?

— Из Уэльса.

— Точно, Уэльс — ведь это часть Британии. Так что мы просто пережили разные события, которые случались с нашими пра-пра-пра... и еще тысячи раз прадедушками. Вот в этом-то есть смысл, не так ли? Во всяком случае, голово-

ломка исчезла... однако Рэс прав, мы не забудем ничего из того, что с нами приключилось. Может быть, именно это и должно было с нами случиться — чтобы мы запомнили это!

Арти уже направился к двери.

— Бессмысленно больше оставаться здесь, — сказал он громко. — Мне как-то не по себе от этого места.

Он только облек в слова то, что ощущали другие. Комната, которая когда-то радостно приглашала к себе, теперь изгоняла их, дом хотел избавиться от ребят. Они торопливо пересекли комнаты, повинувшись этому странному приказу, который ощущали, хотя и не слышали.

— И все-таки интересно, куда она делась — эта головоломка? — задумался Сиг.

— Мы никогда не узнаем это, — ответил Рэс. — Впрочем, я думаю, Ким в чем-то прав — возможно, и в самом деле все эти знаменитые предки, которые совершали свои великие деяния, когда-то действительно жили, и мы вовремя оказались рядом с ними. И... Я-то, во всяком случае, рад, что у меня была возможность сложить сирруша-ло.

Арти мог в ответ на это только утвердительно кивнуть. Он не сомневался в словах Кима. Впрочем — ему очень хотелось, чтобы это было так, — ему очень хотелось верить, что Артос, сын Мария, названный так в честь верховного короля, в самом деле был его предком, некогда жившим на Земле. Артос был настоящим!

Сиг сжал руку в кулак. Его пальцы не похожи на клешни. Но он не мог забыть, какой она была некогда — рукой Сига Клешнерукого — Сига Дортмунда — и между ними существует связь, он знает это.

А Ким слушал шуршание сорванных ветром листьев, по которым они шли. Но он шагал маршем и в другой ситуации — под барабаны солдат маленькой, попавшей в окружение армии Чуко Яня. Он принялся размахивать своим портфелем и на какое-то мгновение почти поверил, что в руках у него не кожаная сумка, а меч в красных ножнах.

**МАГИЯ
ЛАВАНДОВОЙ
ЗЕЛЕНИ**

Роман

ДИМСДЕЙЛ

Дождь бил в стекла автобуса так часто, что невозможно было что-то увидеть. А ветер такой сильный, что от его порывов весь большой автобус трясся.

Внутри окна запотели. И было душно. Пахло бананами, которые ел маленький мальчик, сидевший перед Холли, пахло мокрой одеждой тех, кто вошел на последних остановках. И просто пахло людьми.

Холли тошнило, но она не позволяла себе распуститься. Только маленьких детей рвет в пути. Она держала рот плотно закрытым и все время глотала, глотала. Крепко прижимала руки к животу и мрачно смотрела на мир.

Легко мрачно хмуриться: все вокруг такое ненавистное. Не только буря снаружи, но и сам автобус, в котором они едут, все в мире — сам мир разлетелся на части, и нет больше ничего счастливого, безопасного, такого, каким должно быть. Она снова глотнула. Нет, ее не вырвет, и она не будет плакать, как делает Джуди — плачет, казалось, целые дни, недели, месяцы.

Крок — Крокетт Уэйд — старался что-то разглядеть в запотевшее окно, нетерпеливо вытирая стекло, которое почти сразу снова запотевало. Но вот он снова откинулся на спинку и посмотрел на свою сестру Холли.

— Что с тобой? — спросил он.

Она толкнула его локтем в ребра, ударившись при этом рукой о разделявшую их ручку сиденья.

— Ничего! — Она предупреждающе показала назад, туда, где сидели мама и Джуди. — Совсем ничего.

Он смотрел на нее; потом, по-видимому, понял.

— Конечно, — сказал он тише. — Остановка Сассекс уже близко.

Холли не знала, кого он пытается подбодрить: ее или себя. И в тот момент ей было все равно. Важно было только сдержаться. Холли Уэйд не ребенок!

Потом она услышала сзади мамин голос, но не повернула голову, боясь, что та поймет, что она чувствует. У мамы хватает своих забот, она не должна беспокоиться о девочке, которая учится уже в шестом классе и способна сама о себе позаботиться.

— Следующая остановка, Холли, Крок. Хоть бы дождь немного стих.

И неожиданно Холли захотелось, чтобы следующей остановки не было, как ни плохо она себя чувствует; хотелось ехать дальше, потому что если они выйдут, они приедут. И не домой — приедут к незнакомым людям, в место, в котором придется остаться, нравится им это или нет.

С тех пор как пришла телеграмма...

Холли крепко закрыла глаза. Она не будет плакать. Но забыть о телеграмме не смогла. Мама... мама, держа ее в руках, села так быстро, как будто боялась распечатать. А когда распечатала... нет, Холли не хочет вспоминать, как выглядела мама, когда читала ее.

«Сержант Джоэл Уэйд пропал в ходе боевых действий» — вот что было в этой телеграмме. Мама съехала на стуле, словно внутри ее поселились «несчастья», как говорит старая тетя Ада. Потом она снова распрямилась, и начались звонки в Красный Крест и к тем, кто может хоть что-нибудь знать. Но никто ничего не знал.

Наконец мама сказала, что им придется составить план. Она снова начнет работать медсестрой, и ей предложили место в санатории «Пайн Маунт». Но это не в Бостоне, где они жили с тех пор, как папа отправился во Вьетнам, а в сельской местности на севере штата.

Вопрос, который был у всех в сознании, задала Джуди:

— Мы будем жить там с тобой, мама? — Мама улыбалась. Она как будто хотела дать им понять, что получить работу — это очень хорошо, этому надо радоваться. И не перестала улыбаться, когда покачала головой и сообщила остальную часть этого ужасного, ненавистного плана.

— Нет, это место только для престарелых, Банни. (Банни — так шутливо называл Джуди папа, потому что она родилась в Пасху, и он говорил, что Банни, должно быть, забыл свою корзиночку с яйцами и принес вместе нее Джуди)¹.

— Тогда... тогда куда же поедет мы? — спросил Крок. А Холли просто стояла, и ужасный холод внутри заставлял ее чувствовать, будто сейчас зима и она на улице без одежды.

— Вы будете жить с дедушкой и бабушкой Уэйдами в Сас-сексе. Это близко к «Пайн Маунт», и я смогу в свободные дни приезжать к вам.

— Нет! — взорвалась Холли. Теперь ей было уже все равно. — Нет...

Мама не улыбалась, когда посмотрела на Холли, на лице у нее появилось странное выражение, какое всегда бывает, если она сильно разочарована. Но Холли, испытывавшей странный холод внутри, даже это было все равно. Она... мама должна быть здесь, с ними! Если уедет — может тоже «пропасть».

— Да, Холли, — продолжала мама. — Для всех нас это лучший план. У меня будет хорошая работа, в «Пайн Маунт» трудно найти хорошую медицинскую сестру. Для молодых девушек, которые в свободное время хотят повеселиться, там слишком тихо и спокойно. Но платят там больше, чем в городе. Я знаю, что вам будет хорошо у дедушки и бабушки. Они так рады вашему приезду.

Холли хотела снова сказать «нет», но не посмела. Она проглотила это «нет», как глотала комок в горле. Все произошло так быстро. Они сдали дом Эландам (Уэйды даже не

¹ Традиционный пасхальный персонаж — кролик Банни, который приносит крашенные яйца. — *Прим. перев.*

взяли мебель, только одежду и некоторые вещи, вроде коллекции марок Крока, коробку с кукольными платьями Джуди и любимые книги самой Холли). И теперь они в пути — почти уже добрались — в ненавистное место, а дождь плачет и ветер воет, как отчаянно хочется плакать и выть Холли.

Она даже не может вспомнить, как выглядят дедушка и бабушка. Пока папа не уехал во Вьетнам, Уэйды всегда жили вблизи армейских лагерей, а эти лагеря слишком далеко от Сассекса, чтобы поехать туда в гости. Папа сказал, что дедушка и бабушка не привыкли к поездкам. Как раз в прошлое лето он хотел отвезти семью в Сассекс. Но его отправили за море, и они так и не поехали. И теперь Холли могла только вспомнить снимок, который показывал ей папа, — снимок двух незнакомых людей.

Дедушка никогда им не писал. Но бабушка присылала письма почти еженедельно. Крупным почерком на разлинованной бумаге, похожей на школьную доску. Она не писала много, только что шьет лоскутное одеяло, или готовит консервы, или еще что-нибудь такое же.

На Рождество бабушка и дедушка всегда присылали посылку с очень странными вещами. Например, набор кукольной посуды для Джуди, причем посуда вся из дерева, или маленькую-маленькую корзиночку, которая, как сказала мама, изготовлена из скорлупы ореха. Для Крока были солдатик и вырезанная из дерева собака. А сама она в прошлом году получила сумку, сшитую из ярких лоскутков. Сумка оказалась Холли глупой, и она попыталась ее спрятать. Но мама заставила взять ее в школу. И все девочки в классе захотели узнать, где она ее взяла, и вообще оказалось, что это все-таки очень хороший подарок. Мама получила много маленьких бутылочек, заполненных сухими листьями и цветочными лепестками. Некоторые она использовала, когда готовила, а другие — чтобы одежда хорошо пахла.

И все это были не такие подарки, какие Холли видела в магазинах Бостона. Она была уверена, что Сассекс — совсем особое место. И она не хочет там жить!

Автобус тормозил. Холли очень хотелось, чтобы это была не их остановка. Но когда мир вокруг тебя распадается, желания ничего тебе не дадут. Когда мама предупредила их, девочка накинула дождевик; теперь она застегнула его, набросила на голову пластиковый капюшон и крепко связала его под подбородком.

Когда они выходили, порыв ветра ударил с такой силой, что все едва не задохнулись. Как можно быстрее побежали к входу в магазин, возле которого остановился автобус. К счастью, не пришлось тащить с собой багаж (мама заранее отослала его), но Холли показалось, что кто-то вылил ей чашку воды на спину, а вторую — спереди, и теперь вода текла ей в туфли.

— Входите. — Увидев их, женщина открыла дверь магазина и теперь качала головой; седые волосы развевались, и она стала похожа на одуванчик, готовый разбросать семена.

Женщина была чуть пониже мамы, в свитере. А всю ее одежду прикрывал большой белый передник. Как только они вошли, женщина захлопнула дверь и покачала головой, так что ее белые волосы разлетелись еще сильнее. Она посмотрела на улицу, где с ревом отходил автобус.

— В такой день и утки утонут, — объявила она, поворачиваясь и глядя на них так, словно они и есть утки. — Да вы совсем промокли, а пробежали немного... Нет, мэм, — обратилась она к маме, которая оставалась у двери и знаками показывала Джуди и Кроку, чтобы они тоже не уходили, — даже не думайте об этих нескольких каплях. В такой день каждый, кто ни зайдет, приносит целое озерце. И ваши несколько брызг ничего не меняют.

Женщина скрылась за столбом, на котором висело несколько щеток с длинными ручками, две связки сушеного лука и календарь, и появилась со шваброй. Она принялась энергично подтирать пол, по которому из-под двери бежали ручейки.

Работая, женщина говорила:

— Так чем могу вам помочь? Вас кто-то должен встретить? Или хотите, чтобы Джим Бакус отвез вас на такси?

Не думаю, что это получится. Сегодня у Джима много вызовов — видите?

Держа швабру в одной руке, другой женщина указала на настенный телефон. Рядом была прикреплена полоска бумаги, сплошь исписанная словами и числами.

— Все, ну просто все вызывают Джима, и он сам давно не звонил. Так что вряд ли скоро вернется.

Холли разглядывала магазин. Эта забитая вещами комната совсем не похожа на тот супермаркет, куда она ходила по поручениям мамы. Но тут лежит, висит, стоит, навалено горами несчетное количество предметов. Так что невозможно сказать, то ли это бакалейный магазин: на полках банки консервов, упаковки продуктов, маленькие, со стеклянной крышкой, баночки с мясом и сыром, с бобами и картошкой, — то ли что-то совершенно другое. Потому что по другую сторону на вешалках ряды платьев; они свисают так уныло, словно жалеют, что оказались здесь; дальше стол с грудой фланелевых рубашек; ряд обуви (не красивые туфельки, как у нее — это подарок на последний день рождения, а грубые резиновые сапоги, в каждый из которых она или по крайней мере Джуди может поместить обе ноги). На полках сбоку ткани. А в маленьком ящике булавки и молнии, как в портняжной мастерской.

К тому же множество запахов. Некоторые, как запахи сыра и кофе, Холли узнавала. А в глубине помещения стояло что-то вроде клетки с надписью над квадратным окошком: «Почта США»!

В большой комнате было тепло после ледяного дождя, но не душно и не влажно, как в автобусе. Женщина последний раз взмахнула шваброй, снова спрятала ее и повторила:

— Вам нужен Джим, мэм?

— Я думаю, нас встретит мой свекор. Мистер Уэйд. Мистер Лютер Уэйд... — Мама улыбалась своей вежливой — «для компании» — улыбкой, но Холли чувствовала, что что-то не так. Мама выглядела как обычно. На ней красный блестящий дождевик, который купил ей папа (он сказал, что от него в серые дни будет веселей), и красные туфли, как у

Холли. Она сняла капюшон, и ее черные волосы снова стали красивыми. Мама красивая, с гладкой коричневой кожей и красивой прической. Женщина в парикмахерской называла такую прическу «модифицированным афро». Холли вздохнула. Наверно, пройдет немало лет, прежде чем она тоже сможет носить такую прическу.

Нет, мама выглядит хорошо. И Крок — на нем хорошие брюки и теплое полупальто. И Джуди — Джуди, с ямочками на щеках, тщательно причесанная, — в коричневом пальто и в туфлях. А на самой Холли желтый плащ, и она тоже аккуратно причесана. У всех у них, как говорил папа, «правильная и привлекательная внешность».

— Так вы родственники старого Лютера! — говорила женщина. — Нам было ужасно жаль, когда мы узнали, что его сын пропал. Я ведь еще не представилась? Меня зовут Пигот, миссис Марта Пигот. Джетро, мой покойный муж, унаследовал этот эмпориум (так называли магазин пятьдесят лет назад) от своего отца. А когда Джетро умер, мне пришлось его вести. Для женщины тут очень много работы.

— Я Перл Уэйд. — У мамы, как всегда, улыбка теплая и дружелюбная. — Это Холли, она наша старшая.

Холли с трудом улыбнулась, зная, что мама ждет от нее хороших манер. И набралась откуда-то сил, чтобы сказать «Здравствуйте», как всегда учила ее мама.

— Крокетт, — кивнула мама в сторону Крока. И он последовал примеру Холли, — и Джуди, они близнецы.

Она всегда объясняла это, потому что, думала Холли, они совсем не похожи друг на друга. Крок высокий, на целый дюйм выше Холли, и часто напоминает ей об этом, потому что она на год старше. А Джуди маленькая и полная, выглядит моложе своего возраста. Однако она тоже знает правила поведения, и, хотя Холли видела, что Джуди стесняется, она поздоровалась с миссис Пигот.

— Вот это я называю хорошей семьей, — улыбнулась им миссис Пигот. — А у нас детей нет. Но почему-то мы по ним никогда не скучали. Соседские дети, они постоянно здесь толкуются, так что я их вижу, наверно, чаще, чем собствен-

ные родители. Идите сюда — я включила обогреватель. В такую погоду можно промерзнуть до костей.

У меня есть кофе и добрая тарелка имбирного хлеба Мэйм Симмс; она принесла его сегодня утром, еще до того, как начался дождь. Мэйм гордится своим имбирным хлебом, да, гордится. Всегда приносит большой лист на церковный ужин или к пожарным на благотворительную ярмарку.

И вот несколько мгновений спустя три Уэйда сидели рядышком на скамейке, мама — на стуле в маленькой комнатке в глубине забитого вещами магазина, у каждого в одной руке огромный кусок свежего имбирного хлеба, в другой чашка. Мама пила кофе, но детям в чашки миссис Пигот налила молоко.

Крокетт локтем толкнул Холли в бок.

— Совсем неплохо, — пробормотал он с набитым ртом.

Но Холли оставалась настороженной. Конечно, миссис Пигот настроена дружески и приняла их гостеприимно. Но... как насчет города? В Бостоне были и другие, такие же, как они, и они никогда не чувствовали себя чужими, потому что принадлежали к другой расе. Здесь — здесь может быть совсем по-другому. И миссис Пигот назвала дедушку «старым Лютом», а не «мистером Уэйдом». Почему-то эта деталь тревожила Холли. И... мама ведет себя с самого начала как-то по-другому, как будто ждет от миссис Пигот враждебного отношения. Холли хотелось, чтобы дедушка поторопился, скорее пришел, и они смогли бы пойти — нет, нет, она не будет думать об этом, как о доме! Имбирный хлеб потерял всякий вкус, и Холли с трудом глотала его, преодолевая комок в горле.

— До старого дома Димсдейлов далеко ехать. — Миссис Пигот не села с ними, а прислонилась к двери и продолжала болтать. — В такую погоду Люту приходится ехать медленно. Этот его старый грузовик нуждается в уходе. Долго будете жить на мусорном дворе?

Мусорный двор? Холли перестала жевать и посмотрела на миссис Пигот. «Старый Лют» и мусорный двор!

— Я буду работать в «Пайн Маунт», — оживленно рассказывала мама. — Дети поживут у дедушки с бабушкой.

Миссис Пигот кивнула.

— Остальные дети им будут завидовать. Не знаю ни одного мальчика, который не хотел бы что-нибудь там ухватить. Для детей этот хлам — сокровище, так им кажется. Я сама такой была в их возрасте. Конечно, тогда свалка только начиналась. Лют и Мерси — они были тогда молодой парой. Старая мисс Элвери Димсдейл, она умерла через год, как они начали у нее работать. Потом был большой спор — юридический, — кто наследник, хотя она оставила немного.

Большой дом сгорел перед смертью мисс Элвери. Она немного тронулась и бродила по ночам. Электричество никогда не проводила, так что приходилось ей брать лампы или свечу. Ну вот и упала, а Лют ее вынес. Но лампа разбилась, и весь дом — а ему было двести лет — сразу превратился в дым. Тогда снова заговорили о проклятье Димсдейлов. Мисс Элвери получила тяжелые ожоги и умерла спустя четыре месяца, а дом так и пропал. Она была последней из Димсдейлов, насколько могли установить адвокаты. Только где-то в Калифорнии или в каком-то таком месте нашелся дальний родственник.

Продать землю не могли, потому что не были правильно оформлены документы, а городу земля не была нужна. Так и началась свалка..

— А что за проклятие? — вмешался Крокетт, как только миссис Пигот остановилась, чтобы перевести дыхание.

— Проклятие ведьмы, сынок, и наложено оно было на Димсдейлов почти столько же лет назад, сколько стоял старый дом. История такая древняя, что никто тебе о ней не расскажет. Может, только мисс Сара из библиотеки. У нее хобби — история города. Может, она что-то и узнала. У нас тут были ведьмы. Конечно, их не вешали, как в Салеме. Но была ведьма, которая поссорилась с Димсдейлами и наложила на них проклятие. Говорят, семью преследовали всякие неудачи. Так бывает с некоторыми семьями. Но сейчас все они умерли, как и этот их дом. А Лют — он хороший чело-

век. Его Мерси — хорошая женщина. Их не тревожит то, что кончилось задолго до того, как все мы родились.

— Ведьма — с имбирным домиком? — Джуди посмотрела на маленький кусочек, который еще оставался у нее в руке, как будто его отломали от такого ужасного жилища: такая картинка была в ее любимой книге сказок.

— Это всего лишь выдумка, — быстро сказала Холли, чтобы показать, что хорошо знает: ведьм и колдунов не бывает. — Люди верили в такое давно, сейчас не верят.

Миссис Пигот снова кивнула.

— Это правда — просто болтают. Могли невзлюбить какую-нибудь одинокую женщину, у которой есть только кот, с которым она может поговорить. Называли ее ведьмой и причиняли всякие неприятности. Но не волнуйся, милая, никаких ведьм в Димсдейле нет, там много интересного, и вам понравится..

И словно ее последние слова прозвучали сигналом, отворилась дверь магазина. Ветер и дождь ворвались с неожиданной силой, и вместе с ними вошел маленький человек в мокром плаще и сапогах, точно таких, как стояли напротив него, на полке магазина.

На человеке была большая желтая шляпа — Холли видела такие у рыбаков, шляпа была подвязана под подбородком куском ткани, как будто для того, чтобы ее не унесло ветром. Человек долго возился с этой тканью, пока не развязал, снял шляпу, и тогда стало видно его лицо.

— Папа Уэйд! — Мама встала и пошла ему навстречу. Их отец был рослым и большим, а бабушка не выше мамы. Он улыбался, демонстрируя отсутствие некоторой части зубов, но голос его прозвучал очень гулко:

— Перл, ты так же хороша, как твое имя. У Мерси на стене твоя карточка, но ты вдвое красивей!

Он как будто удивился, когда мама поцеловала его в щеку. Потом обхватил руками за плечи и полюбнял, словно боялся прижать покрепче.

— А вы, молодежь. — Он повернулся к детям, не выпуская маму, как будто боялся, что она исчезнет. — Как хорошо вас увидеть!

— Дедушка! — Джуди не колебалась. Она побежала к нему, как побежала бы к отцу, вытянув руки, и он обхватил ее. Но с Крокеттом поздоровался за руку, наверно, понимая, что объятия — это для женщин и девушек, а с мужчинами все по-другому. Холли осторожно подошла.

Этот маленький человек, в свитере с заплатами и в комбинезоне под плащом... она не может радоваться ему от всего сердца, как Джуди. Для нее он еще незнакомец. Но Холли поцеловала его в щеку, как мама, а когда он обнял ее, не противилась. Хотя сморщила нос, ощутив странный запах его одежды, и почувствовала себя еще более далекой от привычного комфорта и безопасности.

Снаружи стоял маленький грузовик. Мама и Джуди смогли втиснуться в кабину рядом с дедушкой. Но Холли и Крокетту пришлось сидеть в кузове, под грязным брезентом. Когда они уезжали, Холли смотрела на исчезающие окна магазина, как на последний оплот цивилизации.

— Как ты думаешь, где мы будем жить? — спросила она Крока. — Миссис Пигот сказала, что дом сторел...

— Наверно, был еще один, — беззаботно ответил брат. — Или дедушка построил новый. Он здесь живет, дедушка. Папа здесь родился...

— На мусорном дворе! — взорвалась Холли. — Мы будем жить на старом грязном мусорном дворе. Крок, я не могу в это поверить! Мама не знала об этом... она не позволила бы... не позволила бы остаться... не здесь!

— Подожди, пока сама не увидишь. — Очевидно, Крокетта это не тревожило, но мальчики вообще о таком не думают.

— Нам придется здесь ходить в школу, — напомнила она. — Ты хочешь, чтобы все узнали, что ты живешь на мусорном дворе?

— Но миссис Пигот сказала, что городским детям нравится туда приходиться. Они считают это интересным.

— Может, и интересно, — впрочем, Холли и в этом сомневалась, — если не приходится здесь жить. Мама должна забрать нас отсюда, должна... — Она говорила все громче, но замолчала, когда Крок схватил ее за руку и крепко сжал.

Он сердито смотрел на нее.

— Холли Уэйд, оставь маму в покое. Не смей плакать при ней — слышишь?

Холли вспомнила все беды, которые преследовали ее с того проклятого момента, когда пришла телеграмма. Изо всех сил она выдернула руку.

— А ты не говори, что мне делать, Крокетт Уэйд!

— Буду говорить, если ты станешь тревожить маму. Думаешь, ты умная, потому что у тебя хорошие отметки в школе и ты на год старше нас с Джуди? Но ты глупая, Холли Уэйд, глупая, когда нужно помочь маме. Ты ничего не делала, только говорила злые вещи и действовала еще злее! Папа стыдился бы тебя!

Холли хотелось закричать, ударить Крокетта прямо по губам. Но это было бы по-детски — как тогда, когда ее тошнило в автобусе. Она не даст ему понять, как ей плохо. Никому не даст понять. В глубине души она понимала, что мама не возьмет их с собой, как бы они ни упрашивали. Ей придется стать новой Холли Уэйд, которая живет на мусорном дворе, ездит в старом грузовике под старым грязным брезентом и живет в таком месте, где когда-то ведьма прокляла семью...

Прокляла семью — каково быть ведьмой, как в волшебной сказке, и чтобы твои желания исполнялись? Холли прекрасно знала, каким было бы ее первое желание: чтобы та телеграмма никогда не приходила, чтобы они оказались в Бостоне и жизнь продолжалась так же, как раньше. Если бы она была ведьмой, она бы так сделала своим волшебством.

Она все еще мечтала об этом, когда грузовик свернул с шоссе на боковую дорогу, по бокам показались деревья и кусты, и день стал еще темней.

СОКРОВИЩНИЦА

Да, в Димсдейле оказался дом, но очень странный. Уэйдам не удалось разглядеть его снаружи, потому что из грузовика их провели прямо в боковую дверь. Внутри Холли откинула капюшон от дождя, который превращал ее лицо в маску из красных цветов, и смогла видеть лучше.

Одна большая комната с темными углами, потому что горит только одна лампа на столе. С одной стороны вверх уходит крутая лестница, но сама комната разделена на части перегородками, доходящими Холли до подбородка, если она чуть наклонит голову. Перегородки разделяют комнату на узкие секции и напоминают широкие шкафы без дверей. И они завалены разными вещами, как будто кто-то плотно забил их чем попало и всякими коробками. На двух перегородках полки, а на них что-то похожее на груды посуды и ряд электрических тостеров. Чем-то эта забитая комната напоминала магазин миссис Пигот, только здесь гораздо теснее.

Сбоку от стола с лампой большой камин, такого большого Холли не видела никогда в жизни. Пещера такая огромная, что по боковым стенам устроены даже сиденья, как будто люди забираются туда, чтобы согреть руки и ноги у горящего в центре огня.

Запахи — очень странные запахи — острые, и похожие на запах выпечки, и такие, которые Холли не могла бы назвать. Но запахи хорошие, решила она, вопреки своему стремлению найти в этом доме — мусорном дворе одни недостатки. В комнате никого не было. Дедушка, наверно, отводил грузовик в гараж, но где бабушка?

Стол поверх красно-белой полосатой скатерти накрыт газетами. А на газетах разбитая посуда: чашки без ручек, треснувшие тарелки.

Неужели бабушка и дедушка такие бедные, что у них нет другой посуды? Эта мысль заставила Холли перестать думать о собственных несчастьях. Прежде чем она успела шепотом задать этот вопрос маме, дверь в конце очень длинной комнаты открылась и вошла бабушка.

Если дедушка оказался гораздо ниже, чем представляла себе Холли, бабушка была гораздо выше. Она худая и ходит чуть согнувшись, будто очень торопится туда, куда идет, и голова у нее всегда впереди тела. Волосы лежат на голове плотным узлом, и из этого узла торчат два гребня с блестящими камнями — красным и зеленым. На носу очки, в красной оправе, круто загнутой по углам. И сидят они на месте не очень надежно: бабушка постоянно поднимает руку и поправляет их. На ней свитер, хотя в комнате от огня очень тепло (по другую сторону от стола есть еще большая печь). Уэйды уже сняли свои плащи и пальто. Поверх свитера и яркой юбки-шотландки на бабушке большой передник со множеством разноцветных пятен и полос, так что можно только догадаться, что первоначально передник был белым.

— Слава Господу за его милосердие. Вот и вы, целые и невредимые. И как приятно видеть тебя, доченька! — Она протянула к маме руки, и мама оказалась в ее объятиях, как будто только к этому и стремилась.

— Он добр к нам, дитя. — Теперь мама спрятала лицо на плече бабушки. И Холли с непривычным страхом поняла, что мама плачет. — Он милосерден. Все будет со временем хорошо. Так было и с нами. Много черных дней было у нас в прошлом, у Лютера и меня. Но Господь всегда посылает в утешение что-нибудь хорошее. И я не верю, что Джоэл мертв. Никогда так не думай! Джоэл, он боец — он не утонет, не таков Джоэл!

— Садись сюда. — Бабушка отвела маму к креслу с высокой спинкой у огня. — В такой день словно сам дьявол насылает свою чуму. Отдыхай, доченька, и успокойся. Ты теперь дома и в безопасности — и Джоэл тоже будет здесь. Все со временем, как пожелает Господь.

Теперь мама слегка улыбалась, хотя щеки ее еще были влажные.

— Вы заставляете меня в это верить, мама Уэйд.

— Мерси... зови меня Мерси, дочь. Так лучше. Ну а теперь — вы, молодежь... — Она потрепала маму по плечу и повернулась к детям. Дважды поправила очки, как будто они

нужны ей, чтобы в следующий раз, когда увидит внуков, обязательно узнать их.

— Холли, — кивнула она, — и Крокетт, и Джуди...

— Папа зовет меня Банни, — заговорила Джуди. Лицо бабушки сморщилось в улыбке.

— Правда? Ну, он всегда всех называл по-своему. Но всегда эти имена подходили. Посмотрите на часы! Лютер хочет есть, вы, наверно, тоже. Подкрепиться не хотите?

Крок принялся.

— Пахнет ужасно вкусно. — Он улыбнулся бабушке. — Вы делаете имбирный хлеб? Эта миссис Пигот, из магазина, нам давала.

— Печет миссис Симмс, — кивнула бабушка. — Имбирного хлеба нет. Но если вы похожи на своего папу, вам понравится мой свежий хлеб — с медом, чтобы легче есть.

— А теперь, — она подошла к столу, — уберу свою работу и накрою стол на целую семью. — Хотя вся посуда на столе была разбитой, она убирала ее осторожно, переносила на полку в одном из странных шкафов так, словно это настоящее сокровище.

— Они все разбиты, — откровенно заявила Джуди.

— Конечно — поэтому и оказались здесь. — Бабушка широким жестом обвела забитое вещами пространство между деревянными перегородками. — Но все это еще можно починить. А я — я неплохо справляюсь с такими вещами, если можно так сказать. Понимаете, все это выброшено. Поразительно, как много выбрасывают люди, просто поразительно! То, что один считает мусором, другой может превратить в сокровище. Лютер, у него золотые руки — так их можно называть, он все может починить, все, что к нам попадает.

Продолжая говорить, она быстро работала, свернула газеты и сложила их стопкой на шкаф, потом подошла к высокому сундуку у стены и достала из него другую посуду, на этот раз целую.

— Возьми, Холли. — Резким кивком, от которого снова свалились очки, она подозвала старшую внучку. — Ты и Джуди, накройте стол. Тарелки для супа, все остальное...

Холли принялась действовать, не задавая вопросов. Все тарелки для супа оказались друг на друга не похожими, от разных сервизов. Но они по крайней мере не были разбиты, а одна или две даже красивые, с цветами и птицами. Мелкие тарелки тоже все разные, и ножи, вилки и ложки, которые выкладывала Джуди, тоже. Странное собрание посуды и столовых приборов. Мама подошла посмотреть, взяла в руки одну тарелку, перевернула, чтобы посмотреть на клеймо на обратной стороне, и ахнула.

— Ма... Мерси, да ведь это Минтон!

Бабушка рассмеялась. Она суежилась у плиты, снимая крышки с котелков и принюхиваясь к пару, как будто таким образом могла определить готовность содержимого.

— Это как раз одна из тех, что я собрала по кусочкам. Даже если присмотришься, не увидишь, что она была разломана пополам. Но на это нужно много времени и терпения. Времени у меня достаточно, а терпению приходится учиться, так что я стараюсь. Вот и Лютер, теперь мы можем поесть. А это можно делать и без терпения, только с хорошим аппетитом.

Пока ели бабушкино тушеное мясо (она сама называла это супом, но Холли решила, что больше похоже на тушеное мясо) со свежеспеченным хлебом (индейский хлеб — объяснила она маме: рожь и кукуруза, всю ночь пеклись в старой печи, с небольшой добавкой патоки — «для вкуса»), хлеб щедро мазали травяным желе или медом, — пока ели, бабушка рассказывала, и они многое узнали о Димсдейле.

Бабушка всегда называла его так и ни разу не упомянула мусорный двор. Рассказывала, что лежит снаружи, а что — в самом здании, которое когда-то было амбаром, а теперь это их дом. Рассказывала так, словно они с дедушкой — хранители сокровищницы. Все, что приносят на свалку, тщательно сортируется. Металлический лом отправляется в город, к дилеру, который вывозит его трижды в год. А все остальное достается бабушке и дедушке. Все то, чем набиты прежние стойла конюшни, все это вещи, которые можно починить.

— Лем Грейнджер, он вернулся из Кореи без одной ноги. Но Лем никогда не сдавался, нет! — Бабушка шлепнула на блюдо новый круглый хлеб вместо быстро исчезнувшего. — Он отправился в школу для ветеранов и научился чинить электроприборы. Он приходит сюда и смотрит. Вот эти тостеры, — руки ее были заняты, и она указала на полку подбородком, — он считает их хорошими. Наверно, сможет починить и продать в своей мастерской.

Летние отдыхающие не любят возиться, когда что-то ломается, просто выбрасывают. Вы бы удивились, узнав, что остается в больших пластиковых мешках, когда они уезжают осенью. А с тех пор как построили новые дома за Раном — мешки привозят три-четыре раза в неделю.

А еще старые семейства. Их мало осталось; когда умирает последний, все распродают. А что не продается, попадает сюда — и иногда мы получаем очень странные вещи. Есть один приятный молодой человек — его зовут Корри — он и его жена открыли в старой кузнице антикварный магазин. Он приходит сюда рыться. Мы ему показываем много вещей из старых домов. Он смотрел мою посуду: говорит, что я делаю лучше, чем та женщина, что учила его.

Попадают к нам и книги, и мы зовем мисс Сару Нойес из библиотеки. Скауты — эти приходят из-за магазина игрушек. Вам тоже будет интересно посмотреть. Это самое дальнее стойло. Чинят игрушки и раскрашивают их. А потом отправляют на ферму Блейздейл, где живут дети без родителей. Лютеру немного платят за то, что он тут присматривает. Но на одном этом мы бы не прожили. У нас есть сад, и травы, и то, что продаем, когда починим. Это дает нам возможность хорошо жить. Нам повезло. Я знаю, в мире много настоящих бедняков, особенно сейчас!

Дедушка опустил ложку в тарелку, такую чистую, словно вымытую.

— Мерси любит читать, у нее настоящая библиотека из книг, которые она нашла и отреставрировала. И всегда узнает что-нибудь новое и полезное, как вот эта починка посуды.

— Ну, Лютер, я знаю не больше тебя. Разве не ты починил столы и стулья, а мистер Корри забрал их и продал? За стол он дал нам сто долларов и по десять за каждый стул. Лютер хорошо для него поработал. А родственники старого Эпплби выкинули их, будто они годились только на растопку!

Кажется, мусорный двор — не совсем то, что представляла себе Холли. Она уже собиралась сказать это, как мама взяла в руки тарелку, которую назвала «Минтон», и принялась разглядывать.

— Не вижу никакой трещины, Мерси. Это как волшебство.

— Волшебство, как у ведьм, — сразу вмешалась Джуди. — Бабушка, а ты когда-нибудь видела ведьму — миссис Пигот говорила, что тут жила одна когда-то.

Бабушка подняла было руку, чтобы снова поправить очки, но так и не завершила этот жест.

— Ведьма! — повторила она почти сердито. — Пустая болтовня. Здесь нет никаких ведьм! Мы с Лютером прожили тут сорок лет и никогда их не видели. Ведьмы жили в злые старые времена — теперь они не тревожат людей. Говорили кое-что о мисс Элвери, потому что она жила одна и неласково встречала тех, кто приходил посмотреть, как она живет. (О всяком, кто не распахивает двери перед каждым Томом, Диком и Гарри, будут говорить то же самое.) Мисс Элвери была добрая богобоязненная женщина, ей очень не везло в жизни, но она не была ведьмой!

То, с какой силой произнесла это бабушка, заставило Джуди замолчать. Но миссис Пигот не говорила, что мисс Элвери была ведьмой, сказала только, что она — и ее семья — были прокляты ведьмой. Однако Холли решила, что сейчас не время уточнять. Очевидно, бабушка не хочет об этом говорить.

После ужина бабушка занялась делами, как будто хотела, чтобы дети как можно быстрее не путались под ногами и легли спать. И действительно, повела их наверх. Она объяснила, что раньше здесь жили конюхи и был сеновал, но теперь здесь разделено на маленькие комнаты; в каждую

можно поставить кровать, стул и высокий шкаф. Мама объяснила, что такой шкаф называется гардероб и что раньше, до того, как в домах появились стенные шкафы, люди держали в них одежду. В каждой комнате есть умывальник — ванной нет. Холли, чувствуя, как к ней возвращается скверное настроение, разглядывала тазик и кувшин на своем умывальнике и умывальнике Джуди. Дом без ванной. Мыться придется в воде, которую таскаешь наверх, а потом, вероятно, снова вниз. Она почти готова была взорваться, когда увидела усталое лицо мамы, вспомнила предупреждение Крока и сдержала свой гнев.

Они с Джуди делили одну комнату, которая когда-то была больше. Было ужасно холодно, поэтому они торопливо разделались и натянули теплые пижамы — бабушка их распаковала и положила на кровати. На комодѣ стояла лампа, и мама предупредила, чтобы они ее не трогали: она сама зайдет позже.

— Мне нравится мусорный двор, — сказала Джуди, когда они помолились и улеглись под старыми, но мягкими одеялами. — Нравятся дедушка и бабушка, и я рада, что мы сюда приехали.

Холли ничего не ответила. Она прислушивалась, но не к голосу Джуди, а к ветру, вой которого здесь был гораздо ближе, чем внизу, у огня. Слышались также странные трески и шорохи. Наверно, решила Холли, это потому, что дом — амбар — очень старый, ему больше ста лет, сказал дедушка. Она не хочет спать в старом амбаре, хочет домой, в свою кровать... и тут, несмотря на ветер, шорохи и все остальное, Холли уснула.

Утром мама принесла большой медный кувшин с горячей водой и присмотрела, чтобы они вымылись, но сказала Холли, что с завтрашнего дня это будет ее обязанность. Потому что мама утренним автобусом уезжает в «Пайн Маунт». Холли старалась не думать об этом. Она с самого начала знала, что мама уедет. Но раньше это было «когда-то потом», не нужно было смотреть этому факту в лицо. Теперь это время настало. Холли надела джинсы и свитер поверх футболки,

заправила постель и помогла Джуди сделать то же самое, надеясь, что, если будет занята, сможет забыть о мамином отъезде.

Нужно было расправлять лоскутные одеяла, и Холли, поправляя свое, подумала, что днем эти одеяла освещают комнату, как лампа вечером. Снаружи за окном все выглядело серым и холодным, как будто Холли пропустила два месяца и уже наступила зима — хотя снега нет.

Внизу у печи стояла бабушка, искусно переворачивая оладьи.

— Ничто не сравнится со сковородой из мыльного камня, — говорила она маме. — Эти новые электрические штуки, они все время ломаются. А с такой сковородой никаких проблем нет!

Оладьи подрумяненные, так как надо. Рядом с тарелками бабушка поставила большую стеклянную бутылку с тонкой ручкой с одной стороны и такой сверкающей пробкой, словно она бриллиантовая.

— Это настоящий кленовый сироп, — сказала она. — Не купленный в магазине, где вас дурачат вкусовыми добавками. Получаем его прямо от Хокинса. Когда приходится всю ночь кипятить сироп, Лютер ему помогает.

Никаких сухих завтраков и апельсинового сока, чем обычно завтракала Холли, — бекон, и оладьи, и большой стакан молока. И хотя мысль о мамином отъезде преследовала ее, Холли поела.

— Вам незачем ходить в школу до понедельника. Пропустите два последних дня в неделе, это вам не помешает, — продолжала бабушка. — Утром в понедельник вас подберет автобус в конце этой дороги. Джим Баскин — водитель автобуса — сказал Лютеру, чтобы вы там были. У Лютера есть в городе работа сегодня, после того как он отвезет вашу маму, и, может, вы поедете с ним и поможете. В прошлую субботу в доме Элкинсов была распродажа. Старые семейства быстро уходят. Эти Элкинсы, вместе с Димсдейлами, и Пиготами, и Нойесами, и Оуксами, они основали этот город. Еще хорошо, что не снесли их дом. Его купили какие-то пришлые

люди — хотят сделать его таким, как раньше. Считают, что это часть истории.

Все, что не захотели сохранить из обстановки, продали, а Лютеру сказали, чтобы приезжал за оставшимся, и он как раз сегодня может это сделать.

Она улыбнулась детям так, словно предлагала угощение. Холли хотелось нахмуриться, но она не решилась. Несмотря на все, что говорила вчера бабушка о починке вещей, это все-таки свалка, мусорный двор. И дедушка разъезжает в старом грузовике, собирает выброшенные вещи, как мусорщик дома в городе. Теперь придется ехать с ним — помогать. И их могут увидеть дети из школы. Холли съежилась, глядя на свою вымазанную сиропом тарелку. Ее немного мутило, и она пожалела, что съела все это.

— Вот это еда! — Крок проглотил последний кусок и потом оживленно согласился с бабушкой: она понимает, как нужно проводить время.

Джуди схватила маму за рукав.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала! — Голос ее дрожал, и Холли тоже готова была заплакать. Мама снова села, обняла Джуди за плечи и прижала к себе.

— Неделя пройдет очень быстро. Не успеешь опомниться, как я вернусь. У меня многое найдется тебе рассказать, а ты многое должна будешь рассказать мне. Помни, все записывай в дневник, и тогда ничего не забудешь! И можешь писать мне письма. А я буду тебе отвечать. Возьми мою красную ручку и бумагу, которую Люси подарила на день рождения, — с котенком.

— Кстати, о котятках... — Дедушка вышел, но теперь вернулся и снова стоял в дверях. На руках у него был котенок, почти взрослый, с мокрой шерстью, как будто много времени провел под дождем. Он лежал неподвижно, полузакрыв глаза. Но когда его поднесли ближе к огню, слабо мяукнул.

— Опять нам подкинули! — Дедушка обращался с котенком осторожно, как будто у того рана или перелом. Котенок дрожал, но не царапался.

— Принесу корзину, Лютер. Подержи его немного перед огнем, пусть просохнет. Я понимаю, многие люди злятся, у них бывают для этого причины. Но плохо обращаться с животными — я этого не переношу. Лютер тоже.

Она порылась в одном из стоил с поломанной посудой и извлекла большую корзину, с отломанной верхней ручкой. В корзину положила газеты из груды на своем рабочем столе, а поверх — выцветшую подушку, придавив ее.

— Люди! — сердито говорила она, дважды поправляя очки с такой силой, что Холли опасалась, как бы не сломалась красная оправа. — Они бывают злее чертей старого Сатаны. У нас здесь свалка, и некоторые просто приносят сюда бедных животных и оставляют! Мы... — она взглянула на детей, которые собрались у огня и смотрели, как дедушка укладывает котенка в корзину, — нет, не стану при детях рассказывать все, что мы видели. Лютер, поставь его сюда, а я налью немного теплого молока, и оставим его в покое. Если не сможет пить сам, налью в кукольную бутылочку.

— Можно его погладить? — Джуди всегда хотелось иметь котенка, но мама говорила, что в городе, с движением на улицах, лучше не заводить.

— Пока не нужно. — Дедушка укладывал свою находку на подушку. — Он, наверно, думает, весь мир против него. Имеет право после такого обращения. Пусть привыкает постепенно. Оставим его здесь, Мерси за ним приглядит. Позже он начнет нам доверять.

К тому времени как они выехали в город, дождь прекратился, но все еще было серо и пасмурно. Холли и Крок снова сидели на мешке в кузове старого грузовика. Мама и Джуди — в кабине, два маминых чемодана сзади, так что она могла их видеть. Теперь Холли лучше видна была дорога, ведущая к шоссе; сквозь щели в кустах она видела груды, действительно похожие на свалку или мусорный двор. И чем больше смотрела, тем меньше ей нравилось.

Но вот с грязи гравия они свернули на асфальт, и по сторонам стало показываться все больше домов. В некоторых

домах горел свет — день очень пасмурный. Ярко горели огни магазина миссис Пигот, перед которым они остановились.

У мамы уже был билет, и автобус должен был скоро подойти. Холли ужасно не хотелось ждать. Нельзя бесконечно говорить «до свиданья» и «не забудь то и это». Слова кончаются, и начинается жечь в горле, и хочется изо всех сил закричать, чтобы мама осталась, что тебе хочется домой и чтобы все было, как раньше... Она даже не могла смотреть на маму.

Хорошо, что не пришлось долго ждать. Подошел и остановился автобус. Дедушка и Крок занесли мамины чемоданы. Мама поцеловала Холли и Джуди, ступила на дорогу и быстро поднялась по ступенькам, как будто тоже не знала, что еще сказать. Автобус фыркнул и пошел. Холли помахала рукой, хотя была уверена, что мама ее не видит. Потом опустила руку.

— Холодает. — Дедушка повел детей назад к грузовику. — Можете теперь садиться вперед. Не хочу, чтобы вы превратились в ледышки до возвращения.

Крок втиснулся рядом с дедушкой, Джуди сидела у Холли на коленях. Теперь она закрывала ей весь внешний мир, и Холли была рада этому. Она не плакала, но ей это давалось с трудом.

Грузовик покачивался, сворачивая с одной улицы на другую, потом свернул на подъездную дорогу и остановился за большим темным домом. Дедушка заглушил мотор, и они выбрались. Это была конюшня, но не такая большая, как в Димсдейле. Двери ее были закрыты, а окна забраны ставнями. Но у большой двери лежала груда ящиков и бочек, а с ними несколько старых очень больших чемоданов со сломанными петлями и многочисленными вмятинами.

— Приехали, — весело сказал дедушка. — К счастью, ничего тяжелого не придется грузить.

Крок готов был помогать, но Холли и Джуди стояли в стороне. Холли откровенно не хотелось прикоснуться к грязным, дурно пахнущим вещам, и Джуди, наверно, чувствовала то же самое. Но когда дедушка взглянул на них, словно ожидая помощи, девочки подошли.

Именно Холли нашла маленький чемодан за большим, и он сломался у нее в руках (его было так неловко нести), и на землю выпала подушка. Маленькая (скорее подушка для ребенка или, может, для большой куклы), и наволочка вся в линиях, которые даже не образовывали рисунок, а бежали разорванными кругами. Холли торопливо подняла ее и почувствовала сильный странный запах, который... Нет, Холли не могла бы сказать, о чем заставил ее подумать этот запах. Она спрятала подушку под плащ, и при каждом движении к ней поднималась волна запаха. Такая странная вещь... но, может, важная. Но почему, Холли не могла бы сказать.

ТОМКИТ И ПОДУШКА СНОВ

Ящики и два чемодана сложили под навесом — дедушка сказал, что содержимое их можно будет разобрать позже. Судя по тому, что она видела, Холли думала, что там не найдется ничего пригодного к использованию. Но Крок и Джуди, которым по пути назад дедушка рассказывал о том, что он находит время от времени, казалось, верили, что в этой груде мусора таится сокровище.

— Люди иногда сами не знают, что у них есть, — говорил дедушка. — Они хотят побыстрее очистить чердак или погреб и выбрасывают все не глядя: говорят, что все равно ничего хорошего сюда не положат. Вот, к примеру, этот чемодан...

— Он весь поломан, — сказала Холли. Сейчас, когда к ней прижималась сидевшая у нее на коленях Джуди, запах от подушки казался еще сильнее. Холли по-прежнему не могла бы сказать, нравится он ей или нет. И начала жалеть, что не бросила подушку назад в один из ящиков, прежде чем они уехали.

— Да, конечно. — Дедушку, казалось, ее вмешательствонисколько не рассердило. — Но его можно починить. А сегодня кое-кто платит хорошие деньги за старые чемоданы — красит их заново — мистер Корри продал три таких чемодана, которые я нашел, и два из них выглядели еще хуже, чем

этот. Элкинсы — старинная семья, они здесь с основания города, они и Димсдейлы. Поэтому мы внимательно смотрим мусор — кто знает, что там может отыскаться?

— А мы сможем помочь, дедушка? — спросил Крок.

— Конечно. Мне не мешает молодое острое зрение. Даже Холли ощутила легкое любопытство.

А дедушка продолжал:

— Но сегодня мы этим не сможем заняться. Миссис Дейл сегодня днем приведет каб-скаутов¹. Хотят посмотреть игрушки, починить то, что смогут продать на ярмарке в следующем месяце. На ярмарке все всегда хорошо продается; они берут игрушки, которые можно починить, и люди их раскупают для своих малышей.

Поэтому мусор, или сокровища, из дома Элкинсов был сложен под навесом, и все пошли в амбар, где бабушка уже ставила на стол обед. Бабушка открыла боковую дверцу огромного камина и с помощью лопаты с длинной ручкой достала большой коричневый горшок.

— Понюхаешь здесь — и такой аппетит появится, Мерси. — Дедушка разматывал длинный красный шарф, который несколько раз обвивал его шею, а концы скрывались под пальто.

— Бобы со свиной, — ответила бабушка. — Очень питательно. Все забрали за раз?

— Да. Мне ведь хорошо помогли. — Дедушка кивнул в сторону детей.

— Вода и мыло ждут там. — Бабушка в очередной раз усадила очки на место и кивком указала на скамью сбоку. Там стояли три тазика и лежал кусок странного мыла. А в конце скамьи — большая канистра с водой.

Дедушка разлил воду по тазикам и поманил.

— Умойтесь, прежде чем садиться за стол, Мерси.

Крок сразу пошел. Джуди поглядела с сомнением, но послушно направилась к скамье. Это так не похоже на то, как

¹ Одно из подразделений организации «Бойскауты Америки», в которое входят мальчики в возрасте от 7 до 10 лет. — *Прим. перев.*

они по просьбе мамы бежали мыться в ванную. Холли снова ощутила потребность оказаться дома, где все упорядоченное — и правильное! Она расстегнула змейку своей куртки и медленно сняла ее. При этом маленькая подушка выпала на пол перед самой бабушкой, которая как раз шла к столу с тарелкой нарезанного хлеба.

Холли подняла подушку. Теперь ее запах ощущался слишком сильно. И она казалась не обычной подушкой, а была как будто набита листьями или травой.

— Она выпала из маленького чемодана, когда мы грузили, — быстро объяснила Холли. — Это подушка... мне кажется... — Теперь, видя ее при свете, она почти усомнилась в своем первом впечатлении. Для постели подушка слишком маленькая, а для дивана — слишком некрасивая.

Сделана она была из жесткой желтой ткани. С обеих сторон поверхность покрывали вышитые линии, которые шли кругами, время от времени прерываясь, как будто кто-то распустил здесь вышивку. Но даже если бы линии были целыми, рисунок все равно получался некрасивый, совсем не похожий на подушки с вышитыми листьями папоротника и цветами, которые в прошлом году делала мама.

Делала мама... Холли крепче сжала уродливую маленькую подушку. Горло у нее снова сжалось. Мама... она ушла, и с ней ушла вся прошлая жизнь, такая счастливая и безопасная.

Бабушка поставила тарелку с хлебом на стол. Потом протянула руку, и Холли отдала ей подушку. Она была рада избавиться от этой старой грязной тряпки. Бабушка переворачивала подушку, внимательно разглядывая рисунок из кругов с обеих сторон, провела ногтем по одному из мест, где круги прерывались. Потом поднесла к лицу и глубоко вдохнула.

— Лимонная мелисса, пижма. — Она снова вдохнула. — Лепестки розы, мята... и клевер... и что-то еще, что я не могу назвать. — Она еще три раза глубоко вдохнула. — Нет, последнее не могу назвать. Но все остальное — да ведь это травяная подушка, Холли, их делали, чтобы лучше спать по ночам. Мисс Элвери, она всегда пользовалась такой, когда у нее болела голова, она мне показывала. Туда кладут мяту, и

монарду, и немного фиалкового корня. Но рисунок тут очень интересный. Очень старый и, судя по виду, вышито вручную. Но хорош, как в тот день, когда был сделан. — Она энергично сжала подушку. — Внутри все, наверно, превратилось в порошок. Но это, — она провела по рисунку пальцем, — это мне кое-что напоминает. Сейчас не могу точно сказать, что именно. Бобы остывают! Положи ее в стойло с фарфором, который нужно чинить, Холли. Хочу потом немного подумать. Никак не могу понять, что мне это напоминает.

Холли положила подушку на свободное место на одной из полок с разбитым фарфором и умылась из тазика. Мыло, несмотря на свой необычный вид, пахло хорошо — приятно и остро. А когда она подошла к столу, Джуди указывала на необычный предмет из металлических трубок, срезанных с одного конца и закрепленных с другого, так что открытые концы торчали вверх.

— Что это, бабушка?

— Это приносит мне немного карманных денег, Джуди. Мистер Корри разрешает забрать кое-что из своего магазина. В этом я делаю травяные свечи. Людям нравится их запах. Это форма для отливки. И она такая же старая, как наш город. А теперь, Лютер, прочти молитву.

Холли послушно закрыла глаза и слушала, как дедушка благодарит Господа за пищу, которую тот дал. Он добавил кое-что о маме и папе. Холли попыталась не слушать, потому что боялась по-детски расплакаться.

Как можно быстрее она набила рот бобами. Вкусно, так же вкусно, как вчерашнее тушеное мясо. Оказывается, Холли сильно проголодалась.

— Бабушка... — Джуди проглотила последний кусочек того, что бабушка назвала торопливым пудингом и полила толстым слоем кленового сиропа. — А почему здесь нет настоящего света, как у нас дома?

— Ну, когда проводили электричество, у мисс Элвери не было денег, чтобы провести сюда линию. А когда она умерла и все взял на себя город, тоже не захотели платить. Там не станут платить лишний цент, если могут не платить. Но

мы с Лютером привыкли к лампам. Нам это кажется естественным. Как колодезная вода и кое-что другое, что современным горожанам кажется странным. Моя мама, она была очень бедная, Джуди. Но хотела, чтобы мы жили лучше, и мы старались. Мой брат, Джек, пошел работать на железную дорогу и очень хорошо жил. Мисси и Элли Мэй ушли в большой город, у них хорошо получалась работа в семьях.

Мы с Лютером тоже справились. Мы не просим ни у кого помощи, и у нас есть свой дом. У Лютера здесь хороший бизнес. Ваш папа, он тоже всегда хотел чего-то добиться. Хорошо окончил школу. Потом пошел в армию — говорил, что там многому можно научиться. Тот, кто набирал рекрутов, сказал ему, что в армии можно научиться ремеслу во время службы. То, что он делал, у него получалось хорошо. Умел обращаться с радио. Так хорошо, — бабушка на мгновение замолчала, собирая тарелки от пудинга, — что полковник захотел взять его с собой во Вьетнам, сказал, что на Джоэла можно положиться. Мне кажется, сам Джоэл тоже хотел туда. Ему всегда хотелось повидать мир. Мы собирали старые номера «Нэшнл джиографик»¹, которые люди выбрасывали, и он их читал. И меня и Лютера заставлял читать тоже.

Понимаете, мы с Лютером никогда не учились в школе. Потому что нам нужно было работать. Папа Лютера умер, когда он был такой, как сейчас Холли, и он сразу пошел работать на лесопилку в Ривертоне. Мама уже, конечно, могла использовать то, что он приносил домой. Но он умеет читать, и считать, и писать — всегда можно научиться, если не ленишься. Посмотрите...

Она отошла от стола, поманив так настойчиво, что не только Джуди, но и Крок и Холли из теплой освещенной части амбара перешли в дальний, гораздо более холодный конец. Здесь к последнему стойлу с противоположной стороны были прибиты полки. И все полки забиты книгами. Некото-

¹ Ежемесячный иллюстрированный научно-популярный журнал, посвященный географии, путешествиям и открытиям. Известен качеством фотографий. — *Прим перев.*

рые очень потрепанные, даже без обложки. Но все были аккуратно расставлены, и бабушка притрагивалась к ним бережно.

— Библиотека — у нас здесь своя библиотека. Мы с Лютером прочли все эти книги. Грузовик из библиотеки приходит к Форksam, ниже по дороге, дважды в месяц.

Но туда не всегда легко добраться, особенно зимой. Люди из округа, они главную дорогу расчищают, но зимой проселочные часто заносит снегом. Но даже если мы не можем дойти до грузовика, без книг не остаемся. Крок разглядывал полки.

— Они ведь очень старые?

— Наверно. Мисс Сара забирает то, что может пригодиться библиотеке, а это — что остается. И журналы тоже. Так что у нас есть своя библиотека, и это хорошее средство провести время, особенно зимой, когда у нас мало дел с мусором. Я нашла несколько книг о травах. Их я держу под рукой, потому что пробую то, что в них описано. В наши дни об этом забывают. Есть и детские книги. Но берегите их. Книги — это настоящее сокровище, так я всегда считала. Чтобы написать книгу, нужно много думать и тяжело работать.

Ну, вот. — Она вернулась к столу. — После уроков миссис Дейл приведет своих кабов, так что нам надо прибраться. Лютер, почему бы тебе с Кроком не отправится в магазин игрушек и посмотреть, чтобы там все было видно и доступно, когда они придут? А мы уберем посуду...

К собственному удивлению, Холли через некоторое время обнаружила, что держит в одной руке посудное полотенце, сделанное из старого мешка, и вытирает теплые тарелки, миски и чашки, появляющиеся из большого оловянного таза, куда бабушка их энергично погружала; Джуди брала сухую посуду и ставила на нужную полку.

— Чем больше рук, тем легче работа, — сказала бабушка. — Пословица старая, но правильная. Я рада, что придет миссис Дейл, сможете познакомиться с ней. Она учит пятый класс в большой школе...

— Я в пятом классе, — оживленно подхватила Джуди. — Она будет моей учительницей?

— Да. А у тебя, Холли, вероятно, будет миссис Финн. Она намного старше миссис Дейл. Некоторые считают ее слишком строгой. Но она справедлива и будет хорошо к тебе относиться. Ведь от тебя ожидают, что ты будешь стараться...

— Холли в последнем классе получила приз за хорошую учебу, — подсказала Джуди. — Мама разрешила ей выбирать приз, и она выбрала поход в кино — для всех нас. Мы смотрели про Бэмби. Старое кино, но мы его раньше не видели, только кусочки по телевизору. Хорошее, про олененка.

— Правда? Ну, может, немного позже увидите настоящего оленя. Лютер любит животных. Зимой, когда им трудно прокормиться, он выставляет сено. В прошлом году приходил олень...

— Бабушка, — Джуди повернулась к камину, — а где котенок? Что с ним стало?

— Хорошо поел, а потом просох. И отправился осматриваться. Сейчас может быть где угодно. Кошки такие, они любопытные, все хотят знать о месте, где живут. А вот и он — должно быть, услышал, что мы о нем говорим.

Серый кот возник так, словно был тенью, способной отделиться от других теней, и сел перед пустой, вылизанной, как будто отполированной миской перед камином. Увидев, что на него смотрят, он открыл пасть, словно собираясь мяукнуть, но Холли не услышала ни звука. Теперь он не выглядел таким истощенным и заброшенным, как когда его принес дедушка. Однако он был все еще худым, и ребра отчетливо выделялись под шкурой.

— Снова поесть? — Бабушка покачала головой, но налила в миску молока и накрошила темного хлеба. — Кажется, ему нравится хлеб. У кошек бывают странные вкусы.

— Вы оставите его у себя? — спросила Холли. Кот не очень походил на рисунки кошек в книжках, которые она брала в библиотеке. Холли всегда надеялась, что когда-нибудь у нее будет сиамская или персидская кошка. А этот

кот похож на бродячих кошек, которых она иногда видела на городских помойках.

— Если захочет остаться, добро пожаловать, — сказала бабушка. — Кот сам выбирает себе дом и не останется там, где ему не нравится. Посмотрим, что он решит.

— А как вы его назовете? — спросила Джуди.

— Томкит! — Холли сама удивилась своему быстрому ответу. Томкит — какое глупое имя! Никогда не слышала его раньше. Почему она так сказала?

— Томкит, — повторила Джуди. — А, ты имеешь в виду котенка, о котором нам читала мама, из книги о пудинге Роли-Поли. Я о нем почти забыла. Нам читали эту книгу, когда мы были совсем маленькими.

— Томкит, — задумчиво повторила бабушка. — Хорошо, пусть будет Томкит.

Серый кот перестал есть и поднял голову — Холли была уверена, что он посмотрел прямо на нее, словно узнал свое имя. Может быть, она действительно запомнила его из давней детской книги. Но почему-то она в этом сомневалась. Однако имя вполне подходило для этого бродяги.

Они с Джуди помогли бабушке прибраться в амбаре. Потом пошли посмотреть, что достают дедушка и Крок в конце амбара. Здесь оказались два велосипеда, оба основательно поломанные, фургон без колес, несколько мягких игрушек, часть набора железной дороги. Большинство поломано, так что Холли не понимала, как это можно использовать. И ей не хотелось рыться в этом мусоре. Наконец она вернулась к бабушке и сказала, что должна написать маме письмо, потом поднялась наверх за бумагой и ручкой.

Держа бумагу и ручку в руках, она готова была снова спуститься к теплу, когда услышала какой-то шум. И догадалась, что это появились миссис Дейл и ее каб-скауты. Похоже, что говорили одновременно примерно сто человек или по меньшей мере десять. Холли села на кровать. Она не хотела спускаться, встречаться с незнакомыми людьми. Свалка — они все думают, что Уэйды живут на свалке и даже помогают со-

бирать весь этот мусор, как сегодня утром. Это мусорный двор, и они живут в старом амбаре, полном хлама, и... и...

Она упала лицом вниз и прикусила стеганое одеяло, лежавшее поверх подушки. Нет, она не будет плакать! Но мама! Теперь ей не хотелось писать маме, хотелось только увидеть ее прямо здесь, в комнате — чтобы мама сказала, что все это ошибка, они возвращаются домой и все будет, как раньше.

— Холли?

Это Джуди. Она даже не хочет на нее смотреть. Но тогда Джуди спустится и расскажет бабушке, что Холли плачет.

— Чего тебе? — сердито спросила она.

— Холли, ты не пойдешь вниз? Бабушка всем дает пончики, а миссис Дейл такая хорошая. Идем, Холли...

Наверно, придется идти. Но неужели Джуди уже забыла маму? Не хочет вернуться домой? Холли подняла голову.

Если до ланча Джуди умылась, то теперь она совсем не была чистой. Ее платье покрывала пыль и пятна чего-то похожего на масло. Одна из прядей расплелась и упала на глаза. Нетерпеливо откидывая волосы, Джуди оставила на лбу темную полоску.

— Хорошо. — Холли хотелось оставаться на месте. Только страх, что бабушка заметит ее отсутствие (теперь Холли уже знала, что бабушка ничего не пропускает), заставил ее встать и спуститься. Джуди шла за ней и возбужденно рассказывала о том, что они нашли и что можно с этим сделать.

Миссис Дейл оказалась приятной женщиной, Холли вынуждена была это признать, хотя этого ей не хотелось делать. Мальчишки, рывшиеся в горах хлама, с отвлеченным видом поздоровались, словно на самом деле не видели ее. Но мальчишки всегда так себя ведут. Холли обратила внимание на одно обстоятельство — они все белые.

Неужели в этой новой школе нет черных? И что это значит? С кем она и Джуди будут дружить? Она не собирается напрашиваться. И позаботится, чтобы и Джуди вела себя так же. Все время, вежливо разговаривая с миссис Дейл, как ее учила мама, Холли тревожилась и гадала. Она не могла спросить об этом прямо. Но хотела бы как-то узнать.

Весь уикэнд Холли думала о новой школе. В воскресенье они с дедушкой и бабушкой пошли в церковь, но это была не городская церковь. Пришлось долго ехать, переправляться через реку. Церковь располагалась в старом однокомнатном школьном здании. Здесь были старые друзья бабушки и дедушки, и все они тоже были старые. Их было немного, а священник, которого звали брат Уильям, вообще глубокий старик. И никаких детей — только несколько младенцев и подростки, уже почти взрослые. Холли церковь показалась очень странной, тем более что рядом не было мамы...

Днем в поисках занятия они обследовали бабушкину библиотеку. Да, есть несколько детских книг. Джуди нашла детский детектив Нэнси Дрю без обложки и со склеенными скотчем страницами, а Крок — стопку «Нэшнл джиографик». Холли, чувствуя себя очень несчастной, безучастно листала книги, просматривала и снова ставила на полку. Наконец она отыскала шесть очень потрепанных и сшитых вместе журналов. Название из поблекших красных букв читалось с трудом, но она разобрала слова «Святой Николай». Внутри страницы в пятнах и заплатках, а картинки очень странные. Но книжка очень старая: на титульном листе дата — 1895 год. Холли до ужина аккуратно перелистывала страницы, стараясь не разорвать их.

Утром в понедельник встали еще в темноте, прошли по холоду по дороге до того места, где остановится автобус. Ждали так долго, что Холли начала надеяться, что шофер забыл о них и у них будет еще один свободный день.

Но автобус наконец пришел, и они сели в него. Сиденья были заняты, пришлось идти назад, глядя на незнакомые лица, а все сидящие смотрели на них. Крок увидел одного из каб-скаутов, тот поздоровался с ним, и Крок сел с ним рядом. Но Джуди и Холли пришлось идти в самый конец. Холли была уверена, что оправдываются ее самые худшие страхи. В автобусе не было ни одного черного ребенка.

— Джуди. — Она взяла сестру за локоть и сильно сжала, чтобы Джуди прислушалась. — Будь осторожна...

— А чего опасаться, Холли?

— Разве не видишь? Они все белые, и мы им можем не понравиться. Не навязывайся, Джуди, прежде чем дружить, убедись, что с тобой хотят дружить. Веди себя хорошо и осторожно. Они... они могут говорить...

— Что говорить?

— Ну, что мы живем на свалке и что мы другие, все такое.

Лицо Джуди слегка помрачнело. Она выглядела встревоженной.

— Но мальчик — он пригласил Крока сесть рядом.

— У мальчиков по-другому, — ответила Холли. — Не давай этим белым девочкам повода думать, что они лучше нас, что они могут над нами смеяться. Будь осторожна и сначала посмотри, как они себя ведут.

— Холли, ты боишься?

В этом Холли ни за что не признается Джуди: ведь она на год моложе и во многом еще ребенок.

— Нет. Просто хочу быть осторожной. И ты будь осторожна.

— Хорошо, Холли. — Джуди говорила очень тихо. Она смотрела вниз, на ранец, лежавший на коленях. В середине выдавался бугор: это ланч, приготовленный бабушкой.

Холли была осторожна, очень осторожна. Говорила, только когда к ней обращались, но ни к кому сама не обращалась. Не поднимала руку, даже если знала ответ. И на переменах и во время ланча не пыталась присоединиться к другим девочкам, но отыскивала Джуди и оставалась с ней. И все время ждала, что кто-нибудь скажет «свалка», «черная» или что-нибудь другое. Другие девочки вначале разговаривали с ней, но, когда она не делала попыток подружиться, оставили ее в покое. Это ее устраивало — очень хорошо. Она не собирается никому навязываться.

Во всей школе было еще только три черных ученика, и все в младших классах. Когда во вторник Холли за ланчем отыскала Джуди, та выглядела несчастной.

— Дебби пригласила меня поесть с ней сегодня, — сказала она. — Дебби хорошая. Почему я не могу пойти с Дебби, Холли?

— Иди. — Холли встала, сжимая сверток с ланчем. — Будь с ней, пусть она исподтишка смеется над тобой, Джуди Уэйд! А я этого не хочу!

— Нет, Холли. — Джуди ухватила ее за платье. — Оставайся. Дебби ест с Руфью и Бетти, и, наверно, я им совсем не нужна.

Но сидя рядом с сестрой, Холли понимала, что та несчастна. Может, эта Дебби действительно другая — как девочки дома. Только.. Холли обнаружила, что не может доест мясной пирог, и отдала его Джуди.

Вернувшись домой, они обнаружили Томкита на его любимом месте у камина, но он рвал когтями подушечку, о которой Холли совсем забыла. Она отобрала подушку (хотя кот ворчал, как будто его лишают чего-то очень понравившегося) и слегка сжала. Запах казался таким же сильным, как всегда. Бабушка сказала, что ее сделали для тех, кто не может уснуть. А как же сны?

Сны! Прошлой ночью ей приснился такой дурной сон, что она проснулась с плачем и так испугала Джуди, что та тоже едва не заплакала. Тогда Джуди тоже призналась, что видела во сне маму и папу, но они где-то потерялись, и она никак не могла их найти.

— Послушай, Джуди, — сказала сейчас Холли, — помнишь, бабушка говорила об этой подушке — что ее делают, чтобы люди засыпали? Может, она не пропустит плохие сны. Попробуем...

— Мы не сможем вдвоем спать на такой маленькой подушке, — возразила Джуди.

— Конечно. — Сзади подошел Крок. — Можно бросить жребий.

Холли крепко прижимала к себе подушку. Она нужна ей самой. Так нужна, что ей хотелось сразу сказать, что это ее подушка. Ведь она ее нашла. Но Крок прав, папа всегда говорил, что нужно бросать жребий.

Ожидая, пока Крок повернется спиной, сжимая в пальцах два неодинаковых клочка бумаги, Холли пыталась понять, почему ей так отчаянно нужна эта подушка. Это странно, но

не страшно — как будто подушка не только принадлежит ей, но совершенно ей необходима. Точно как много лет назад, когда она не могла лечь спать без плюшевого медвежонка.

— Хорошо, ты первая, Джуди. — Крок повернулся.

— Но у тебя три куска, — удивилась Холли.

— Конечно, я тоже хочу посмотреть, из-за чего весь этот шум. Ты первая, Джуди, — повторил он.

Она долго колебалась и наконец выдернула средний кусочек. Холли взяла правый, оставив левый Кроку. И когда измерили их, выиграла Джуди.

Холли неохотно отдала ей подушку, в глубине души думая, что это еще одна несправедливость жизни.

ВХОД В ЛАВИРИНТ

В эту ночь дурных снов не было, но Холли проснулась рано. В комнате, где спали они с Джуди, было только одно маленькое окно, которое почти не пропускало свет. Сев в постели и посмотрев на Джуди, Холли увидела длинное пушистое тело Томкита, который вытянул во всю длину лапы и хвост. Мордой он был обращен к лицу Джуди, так, будто они спали на одной подушке снов. Холли почувствовала, что запах трав заполнил всю комнату.

— Джуди! — Холли вздрогнула, вылезая из-под одеяла и суя ноги в меховые тапки у кровати.

Но Джуди не пошевелилась. Холли подошла к ее кровати. Джуди, должно быть, еще спит. Но Холли удивилась, услышав негромкие звуки. Губы ее сестры шевелились, как будто она что-то говорила, но так тихо, что Холли не могла разобрать слов, даже когда наклонилась.

В этом глубоком сне и шепоте было что-то пугающее.

— Джуди! — На этот раз она позвала громче и коснулась щеки сестры. Той, что не лежала на подушке.

В ответ она услышала резкое шипение. Кот вытянул лапу, выпустив когти, готовые к действию. Холли посмотрела на Томкита. Он по крайней мере не спал. Но хотя и сел, глаза

его были полузакрыты, а уши прижаты к маленькому черепу. Он снова предупреждающе зашипел.

— Ты, противный кот! — взорвалась Холли. — Убирайся! — Она не решалась столкнуть его с кровати при виде такой явной угрозы мести, но схватила старую подушку, выдернула из-под щеки Джуди и отбросила в сторону.

Джуди повернула голову, открыла глаза. И когда посмотрела на Холли, в ее взгляде было что-то странное. Словно она не видит сестру, а рядом с ней стоит кто-то другой.

— Мисс Тамара, — сонно сказала она. Потом села, отбросив одеяла, стеганое и простое. — Подушка... где подушка? — Увидев, что подушка лежит возле кровати, она выбралась из теплого гнезда.

— Джуди Уэйд! — Холли была встревожена. — Что с тобой?

Сестра поворачивала подушку в руках, разглядывая разорванные круги с одной стороны. Она ответила не сразу; казалось, была полностью поглощена своим занятием: вела пальцем по вышитым кругам, пока не добралась до центра.

— Вот здесь! — Она кивнула, словно убедившись в чем-то. — Найдем прямо здесь!

— Что найдем? — спросила Холли. — Что-то в подушке? — Она хотела взять у сестры подушку, чтобы получше ее разглядеть, но та отдернула руку.

— Я! Я должна найти! Потому что мисс Тамара, она мне сказала как...

— Что найти? — Раздражение Холли усиливалось. — И кто такая эта мисс Тамара?

— Найти сокровище в лабиринте, — сразу ответила Джуди, как будто Холли слишком маленькая и глупая, чтобы понять, о чем идет речь. — А мисс Тамара... она... она... — Джуди начала хмуриться. — Холли, я не знаю, кто такая мисс Тамара. Но она хочет, чтобы мы пришли в лабиринт.

— Какой лабиринт? — Холли была в полном замешательстве. Что такое лабиринт? У нее было очень смутное представление, что это что-то вроде головоломки-пазла. Неожиданно

данно она почувствовала, что у нее есть ключ к странному поведению Джуди.

— Тебе приснился сон, Джуди. Ты ведь знаешь, что во сне могут происходить всякие глупости.

Джуди медленно покачала головой. Теперь она крепко прижимала к себе подушку.

— Это не сон, Холли. Это все на самом деле. Есть лабиринт, и мисс Тамара хочет, чтобы мы пришли и повидались с ней. Она показала мне путь — каждую его часть. Можем пойти сегодня. Сегодня ведь суббота! Мама сегодня не приедет из-за какого-то собрания, так что у нас есть время.

Очевидно, Джуди верит в реальность своего сна. Холли пожалала плечами и начала одеваться. Она знала, что когда сестра в таком настроении, лучше с ней не спорить. Обычно Джуди прислушивалась к предложениям Холли (которые временами превращались просто в приказы). Но время от времени ее лицо принимало особое выражение. И когда оно появлялось, Холли знала, что Джуди не уговорить, не переубедить и не заставить: она поступит по-своему.

Лабиринт — это явно часть какого-то необычайно яркого сна. Со временем Джуди и сама это поймет. Надевая джинсы, Холли поглядывала на сестру. Джуди, тоже одеваясь, все время держала подушку рядом с собой. Томкит подошел к подушке и долго энергично принюхивался, как будто она набита кошачьей мятой, хотя не вытягивал лапу, чтобы прикоснуться к ней.

Холли хотелось, чтобы вчера вечером именно она вытянула самый длинный листок и спала на подушке. Джуди пришла в такое возбуждение от своего сна. Неужели травяная подушка может сделать сон таким живым, что он покажется настоящим?

Теперь Холли не пыталась разуверить Джуди, что они отправятся во что-то, именуемое «лабиринтом». Когда Джуди не найдет такое место, она сама поймет, что все это только сон. Аккуратно заправляя постель, Холли решила, что единственный способ образумить Джуди — дать ей самой обнаружить, что никакого лабиринта, никакого сокровища и ника-

кой Тамары просто не существует. Тамара — какое странное имя, она его раньше никогда не слышала. Где могла Джуди подобрать его и вставить в свой сон?

— Спустишь вниз и помогу бабушке с завтраком, — резко сказала Холли, надев футболку с большой красной звездой спереди.

— Хорошо. — Джуди даже не посмотрела на нее, не помнила, что постели они всегда убирают вместе. Единственное, что ее теперь интересовало, это проклятая старая подушка! Хорошо, пусть подушка ей и помогает! Холли сердито спустилась по ступенькам.

Хотя было рано, бабушка уже суетилась у печи. Она смешала яйца и выливала их на сковородку, быстро помешивая одной рукой.

— Доброе утро, Холли. Суббота у нас занятой день. В субботу все, как сговорившись, выбрасывают старье! И Лютеру приходится выезжать очень рано, чтобы ничего не упустить. Можете помочь.

Холли поставила на стол разномастные тарелки для омлета. Бабушка не просто разбавляла яйца молоком, как делала мама. Нет, она добавляла щепотку того и щепотку другого из длинного ряда бутылочек и баночек, в которых были сухие листья и что-то еще. Однако Холли думала о сне сестры и очень хотела сразу убедиться, что это всего лишь сон.

— Ты когда-нибудь слышала о лабиринте, бабушка?

Бабушка как раз взяла в руки очередную бутылку. Но не стала ее открывать, а повернулась и посмотрела на Холли, как будто девочка сказала, что кто-то ведет на свалку слона.

— А где ты услышала о лабиринте, Холли?

Можно ли сказать, что Джуди увидела его во сне? Но бабушка, наверно, ей не поверит. А она не может солгать. Что же ответить?

— А что такое лабиринт? — решила она на компромисс, ответив вопросом на вопрос. Больше ничего ей не пришло в голову.

— Это такой сад, который разбивали в старину, — сказала бабушка, словно углубляясь в прошлое. — Делали живую

изгородь в виде разных рисунков со входом. А внутри между живыми изгородями петляют тропинки. Но в каждом лабиринте есть секрет. Если сделаешь все повороты правильно, окажешься в середине. Говорят, иногда люди там терялись и звали на помощь, чтобы им показали выход. Здесь тоже был когда-то лабиринт. Но кусты так разрослись и сплелись, что больше туда никто не ходит. Разве что на бульдозере можно проехать. Большинство уже много лет назад забыло о лабиринте. Ты слышала о нем в школе?

И снова Холли уклонилась от ответа.

— Джуди слышала.

Но не сказала, что это было во сне. И хотя стояла у большой печи, Холли вздрогнула. Почему Джуди приснился лабиринт, который действительно когда-то существовал? Это все подушка виновата! Надо было оставить ее лежать во дворе Элкинсов!

— Вы, молодежь, не ходите туда. Там все заросло. И не стала бы клясться, что в кустах нет змей. Место такое отвратительное, как раз для змей.

Змеи! Холли снова вздрогнула. А Джуди хочет туда идти. Что ж, она, Холли, заручится поддержкой Крока, и они позаботятся, чтобы она туда не ходила.

Ей хотелось спросить и о мисс Тамаре. Если лабиринт существовал в действительности, может, и мисс Тамара тоже? Нет, это должен быть сон, потому что мисс Тамара велела Джуди идти в лабиринт. Холли принесла вилки для омлета. Если лабиринт действительно зарос, как сказала бабушка, можно не беспокоиться, что Джуди туда пойдет — она просто не сумеет пройти. Но Холли дала себе слово, что не разрешит сестре даже попробовать — особенно после упоминания о змеях!

Спустившись, Джуди не прихватила с собой подушку. Бабушке пришлось ее специально звать, потому что вернулись дедушка и Крок; как выразился дедушка, они «делали круг». На самом деле они смотрели, как получше убрать старые вещи, прежде чем бульдозер, присланный из города, покроет их тоннами другого мусора. И готовились вывезти то, от че-

го избавились «субботние выбрасыватели». Самые большие предметы размещались там, где когда-то был подвал давным-давно сгоревшего дома.

Конечно, все находки следовало рассортировать, все пригодное поместить под навесом или в самом амбаре. Даже бутылки, даже тарелки от «телеужина»¹ превращались в наличные. Так что, с гордостью объяснил Крок сестрам, нужно смотреть очень внимательно, чтобы не пропустить ничего, что может принести хорошие деньги. Как только кончили завтракать, Крок снова вышел вместе с дедушкой. Снаружи прозвучал автомобильный сигнал, и дедушка сказал, что это, должно быть, Лаверсоны. Иногда дедушке приходится нанимать грузовик, чтобы тот привез мусор с двух улиц в новом микрорайоне.

Бабушка, наливая горячую воду для мытья посуды из такого большого чайника, что ей приходилось держать его обеими руками, принялась.

— Действительно мусор. Ничего хорошего.

— Да, конечно, — согласился дедушка, снова обматывая шею шарфом. — Но иногда попадают и хорошие вещи. Мы всегда смотрим.

Когда посуда была перемыта и девочки прибрались в своей комнате, бабушка махнула рукой туда, где на колышках висели их куртки.

— Можете погулять, а я займусь своими кусочками. — Улыбаясь, она пододвинула очки и принялась застилать стол газетами. — В вещах Элкинсов попадают настоящие головоломки. Если сумею все правильно сложить, мистер Корри будет очень доволен. — Она сняла с полки старую наволочку и осторожно разворачивала ее. Внутри была белая статуэтка, но разбитая на кусочки. Холли, глядя на нее, не понимала, как можно ее снова собрать.

¹ Полуфабрикат мясного или рыбного блюда с гарниром в упаковке из алюминиевой фольги или пластика, готовый к употреблению после быстрого подогрева в микроволновой печи. Приготовление такого ужина позволяет не отрываться от вечерней телевизионной передачи. — *Прим. перев.*

Она подобрала кусочек — часть головы с лицом. Из-под чепца, как тот, что надевает мама на работе, торчат волосы. Впрочем, мама надевает чепец глубже.

— Что это? — спросила она, осторожно укладывая кусочек на ткань.

— Женщина, — уверенно ответила бабушка. — Может, даже статуэтка Роджерса. Такие в наши дни дорого стоят. Они как люди из рассказов, и их делал художник по имени Роджерс. Подождем и посмотрим, стоит ли из-за нее возиться.

— Холли, идешь? — Джуди уже стояла у двери в куртке и шапке. О ее ноги терся Томкит, как будто ему так же, как девочке, не терпелось выйти.

Холли хотелось остаться и посмотреть на это волшебство: как под руками бабушки из обломков возникает статуэтка. Но судя по словам бабушки, она поняла, что такая работа требует тишины и спокойствия. Как только выйдут, она расскажет Джуди о лабиринте и змеях...

— Пошли! — Джуди вышла, не дав Холли даже надеть шапку. Утро было холодное. Дыхание выходило с белым паром. Дыхание Джуди вырывалось со взрывом, так ей не терпелось.

— Куда?

— Конечно, в лабиринт! — ответила Джуди, как будто никакого другого назначения у них не может быть.

Холли остановилась и схватила Джуди за руку.

— А теперь послушай. Мы туда не пойдем. Мы не сможем туда попасть, что бы ты ни видела во сне. Я расспросила бабушку. И та сказала, что все срослось и одичало. К тому же там есть змеи. Так сказала бабушка.

— Нет, если знаешь правильный путь!

— Что значит правильный путь?

— Путь, который показала мне мисс Тамара. Там нет ничего вредного. А сокровище ждет...

— Джуди Уэйд. — Холли крепче взяла сестру за руку; Джуди пыталась вырваться. — Теперь ты знаешь, что все это сон. Никакой мисс Тамары нет...

— Да? — Джуди явно была настроена спорить. — Ты не верила и в лабиринт, но он есть, и мисс Тамара тоже есть. И я иду туда!

Она рванулась и высвободила руку. И побежала к коричнево-серой массе кустов, лишившихся листвы, которые стеной стояли за амбаром. Томкит, задрав хвост, как знамя победы, поскакал за ней. Холли ничего не оставалось, как следовать за ними и надеяться, что Джуди образумится, когда убедится, что войти невозможно.

— Эй, ты куда? — Показался Крок.

— За Джуди, — на бегу ответила Холли. — Она сошла с ума.

Крок догнал Джуди и побежал рядом.

— Как это сошла с ума?

— Она... она думает, что там спрятано сокровище. — Холли указала на стену из кустов. — Бабушка сказала, что там не пройти и в кустах живут змеи. Мы должны остановить ее, Крок.

— Змеи не любят холод, — ответил он. — Но почему она считает, что ее сон правдив? Джуди не маленькая.

— Спроси ее! — гневно взорвалась Холли. — Она просто ничего не слушает. Это все проклятая подушка. Она спала на ней и теперь считает, что какая-то «мисс Тамара» сказала ей, как пройти в лабиринт... Крок!

Холли остановилась, глядя вперед. Конечно, это похоже на глупый сон. Но она это видит. Неужели зрение может так обмануть?

Там впереди Джуди. Она не бежит; стоит неподвижно, повернувшись к ним лицом. Улыбается и взмахами рук просит их поторопиться. Но удивительно не поведение Джуди, а эти... эти существа по обе стороны от нее, как столбы ворот, у которых нет верха.

Кусты, которые от амбара казались тусклыми, коричнево-серыми, теперь, когда дети подошли близко, были совсем другими. На ветках у них блестящие темно-зеленые листья. А два куста, гораздо выше Джуди, вырезаны в форме — ко-

шек! Огромные зеленые кошки сидят, обернув хвосты вокруг лап, и морды у них точно как у Томкита.

Томкит сидит у ног Джуди в такой же позе. Глаза у него огромные и желто-зеленые; кто-то мог использовать его как модель для кошек изгороди. Но вот он встал, потянулся и прошел мимо Джуди, мимо котов прямо в проход в живой изгороди, который эти коты караулят.

— Пошли! — Джуди снова энергично махнула рукой Холли и Крокетту и исчезла, прежде чем Холли смогла ее остановить или даже окликнуть. А когда она миновала котов-стражников, они ее больше не видели.

— Крок, мы должны вывести ее оттуда! — Холли снова побежала. Она помнила слова бабушки о том, что в лабиринте можно заблудиться. Что, если они не найдут Джуди? Она так испугалась, что у нее сильно забилося сердце.

И вот зеленые коты по обе стороны от нее, она минует их, рядом с ней — Крок. Они оказались в зеленом туннеле, потому что кусты такие высокие, что их верхние ветви встречаются, образуя редкую плетеную крышу. А у их корней другие растения, не такие высокие, но ярко-зеленые. Как будто здесь не осень, а лето. Маленькие пурпурные цветы издают сильный запах.

Под ногами кладка из очень старых серых камней. А между щелями маленькие растения; когда дети наступали на них, от них исходил очень острый запах. Они снова немного впереди увидели Джуди, она стояла на развилке туннелей. Переступала с ноги на ногу и махала им.

— Быстрее! Вы должны идти за мной, — выкрикнула она, как только они к ней подошли. — Я знаю дорогу — верную дорогу! Точно как мне ее показала мисс Тамара. Вот она...

На перекрестке Джуди повернула направо и вошла в новый туннель. Становилось все теплей. Холли расстегнула молнию на куртке, сняла шапку и сунула ее в карман. Да здесь просто лето. Появились и другие растения, цветущие и с листьями очень разнообразной формы. И когда дети проходили мимо, каждое растение при легчайшем прикосновении издавало свой особый аромат.

Они втроем оказались на новой развилке, и здесь опять сидел большой кот, вырезанный из куста. Но Томкита не было видно. Должно быть, он двигался быстрее их, потому что они теперь не бежали, а шли. В лабиринте туннелей было очень тихо, но тепло и ароматы цветов развеяли страхи Холли. Она внимательно разглядывала растения: все незнакомые. Хотя однажды ей показалось, что она видит розу, необычно выглядящую, маленькую, с плотно сжатыми лепестками. В одном месте эта роза переплеталась с кустами изгороди.

Джуди уверенно шла вперед, всегда на развилках сворачивая направо. Холли утратила всякое представление о направлении; ей казалось, что они следуют по кругам на рисунке подушки, но она не была в этом уверена.

Дважды миновали они крупных котов из изгороди, каждый кот смотрел на дорогу. Но в них не было ничего пугающего. Крок подошел к последнему коту, ему хотелось понять, сам ли куст так вырос или его подрезали.

Теперь они все сняли куртки и повесили через плечо. И хотя небо вверху не видно, над головой, несомненно, висело летнее солнце. Холли остановилась, чтобы закатать длинные рукава своей рубашки. А Джуди продолжала идти вперед, словно выполняя важное поручение.

Туннель резко повернул, и они вышли на открытое пространство. Холли замигала. Где... как?.. Она смотрела перед собой и думала, что все-таки это сон, но такой реальный, со всеми утренними событиями, что превратился в волшебную сказку.

Перед ними был искусно разбитый сад. Таких садов Холли никогда не видела, даже на картинке в книге. Непосредственно перед ними тропа ведет в центр сада. Цветы и растения растут на тщательно обработанных клумбах, некоторые клумбы круглые, другие узкие, а есть и в виде полукруга. И на каждой разные растения. Тропа идет прямо и только в середине огибает бассейн.

За садом (похожим на бабушкино лоскутное одеяло из разноцветных кусочков) стоит дом.

Он гораздо меньше амбара. И выглядит странно, словно не построен людьми, а каким-то образом вырос из земли. Крыша крыта широкой плиткой, посеревшей, но обросшей зеленым мхом. Доски, покрывающие снаружи стены, не покрашены и тоже поросли мхом. И прибиты прямо, а не крест-накрест, как в большинстве каркасных домов, которые видела Холли.

Посреди дома очень большая печная труба из грубых камней. Между ее камнями растут мелкие папоротники. Окна маленькие и высоко в стенах, но разбиты на еще меньшие восьмиугольные участки в металлических рамах. С одной стороны дома круглая крышка колодца. А за ней скамья, на которой стоят покрытые соломой конические ульи; все время влетают и вылетают пчелы.

Большая передняя дверь открыта, а на пороге сидит либо Томкит, либо его брат-близнец, лижет лапу и выглядит так, будто он дома.

Джуди пошла по тропе, которая мимо бассейна вела к дому. Холли показалось, что она видит слабую струйку дыма из большой трубы. Очевидно, здесь кто-то живет. Сад ухоженный, есть пчелы, но кто... И почему бабушка ничего не сказала о таком близком соседе?

— Не понимаю. — Крок бросил куртку на землю. — Просто не понимаю! Здесь лето, а не октябрь! И кто...

Крок прав. Лето, но Холли отказывалась признавать это. Она даже думать не осмеливалась, что это может значить. Это сон, должно быть сном! Она закрыла глаза — сейчас откроет и проснется в амбаре.

Но когда открыла глаза, увидела, что Джуди уже рядом с дверью. Неожиданно Холли показалось, что дверь ждет — может быть, чтобы поймать их, как ловушка.

— Джуди! — закричала она изо всех сил и снова побежала. — Джуди, не надо!

Джуди не оборачивалась, не смотрела, не останавливалась. Она сейчас войдет! Если Холли ее не остановит, она окажется в доме.

— Джуди!

Холли обогнула бассейн. Здесь, в лоскутном саду, ароматы цветов были еще сильнее. Но ей некогда смотреть, она должна остановить Джуди, или что-нибудь произойдет. Что именно, она не могла сказать, но боялась этого, так боялась...

Томкит сидел в той же позе, что и коты у входа в изгородь. У него серьезный вид, словно он ждет...

Холли из последних сил побежала быстрее. И схватила Джуди за плечо.

— Нет, Джуди!

— Тебе нечего бояться, дитя.

Эти необычно звучащие слова произнесла не Джуди. Голос доносился изнутри дома.

ТАМАРА

Холли продолжала крепко держать Джуди.

— Не ходи туда, не смей! — отчаянно кричала она.

Джуди повернулась.

— Что с тобой, Холли? Все время говоришь, не делай то, не делай это. Мне надоело слушать, как ты говоришь, что мне делать. Отпусти меня, слышишь? — Спокойная, миролюбивая Джуди никогда так не вспыхивала. Она рывком высвободилась и пошла прямо в темные внутренности необычного дома, как будто здесь так же безопасно, как в амбаре, и внутри их ждет бабушка.

На мгновение Холли так удивилась упрямству Джуди, что не могла пошевелиться. Потом увидела, что Крок тоже направляется внутрь.

— Крок!

— Что? — Он даже не повернул головы. — Знаешь, Холли, Джуди права. Ты думаешь, что все знаешь, но это не так. Нет, не так! — И с этим прощальным выкриком он исчез вслед за Джуди.

Вокруг Холли дули мягкие летние ветерки, из сада доносились летние ароматы. Гудели пчелы. Все так мирно, так привлекательно — но внутри Холли не стихала тревога. Это просто ненастоящее! Она знает, что начало октября — это

осень, и на улице холодно. За высокими стенами живой изгороди, через которые их провела Джуди, нет никаких цветов. И этот дом — бабушка, дедушка о нем ни словом не обмолвились. Старый дом Димсдейлов сгорел давным-давно. Так что это не может быть он. Кто здесь живет? И почему Джуди приснился путь сюда?

Холли не могла больше уверять себя, что видит сон. Нет, это что-то другое, но странное и неправильное, и ей было очень страшно. Джуди и Крок вошли — ей тоже придется войти, ничего больше не остается.

Она неохотно, шаг за шагом, пошла вперед. Из двери доносился приятный запах, он ударил ей в лицо, когда она вошла.

Внутри оказалась одна комната с огромным камином, почти таким же большим, как в доме-амбаре. В камине два огня — по каждую сторону. Над ними на цепях, которые как будто спускаются прямо из трубы, подвешены котлы. У одного из котлов стоит женщина и медленно мешает содержимое ложкой с длинной ручкой. Она посмотрела на Холли и улыбнулась, потом снова принялась наблюдать за кипящей жидкостью, как будто это дело требует полного внимания и заботы.

В большой комнате полутемно, хотя сквозь окна в дальней стене пробивается солнечный свет. В комнате множество вещей, которые Холли сначала не смогла распознать. Ее внимание привлекла сама женщина.

Незнакомка выше мамы, но не похожа ни на маму, ни на какую другую знакомую женщину — нет! Холли покачала головой, отказываясь верить глазам. Потому что женщина, мешающая варево в котле, она не может быть реальной. Если только не оделась так специально, по какой-то причине.

В прошлом году, когда мама возила их в Уильямсбург, женщины-экскурсоводы показывали им старинные дома. И сами эти женщины были в старомодных платьях, под стать домам, которые они демонстрировали. Возможно, эта женщина тоже играет какую-то роль из старины.

Ее темные волосы гладко причесаны и убраны под белую шапочку, похожую на мамин сестринский чепец, только этот надевается на голову глубже и скрывает почти все волосы. Ее юбки (их две; верхняя приподнята с боков, так что видна нижняя) очень длинные и широкие. Нижняя желто-белая, а верхняя темно-синяя. Поверх длинный передник того же желто-белого цвета, что и нижняя юбка, корсет на шнурках плотно затянут впереди. На плечах белая ткань в виде очень широкого воротника, плотно прилегающего к горлу.

Холли вспомнила, что видела такое платье — в учебнике истории. Женщина одета как пилигримы¹ в сцене первого благодарения. Но женщина как будто не замечает необычности своего наряда, словно он для нее совершенно естественный.

До сих пор она не произнесла ни слова, кроме приветствия Холли, и вообще никак не показала, что видит детей. Холли разглядывала комнату. Она была тесно уставлена разными предметами. Теперь, когда глаза приспособились к слабому освещению, Холли могла разглядеть подробности.

У стен сундуки, тяжелые и очень прочные. Над ними полки. В центре комнаты длинный стол, к нему прислонились спинами Джуди и Крок и внимательно смотрят, как женщина медленно и осторожно мешает в котле. На столе чашки и кастрюли, много и в полном беспорядке. А вдоль стола со стороны двери скамья. Есть также один стул с высокой спинкой, на нем, полузакрыв глаза, словно собираясь вздремнуть, сидит Томкит.

У камина растянута длинная скамья с высокой спинкой, а также два стула, на которых стоят кувшин, несколько

¹ Пилигримами или отцами-пилигримами называют пассажиров английского судна «Мэйфлауэр», основателей Плимутской колонии в Северной Америке. День благодарения — национальный праздник, ежегодно отмечаемый в США в четвертый четверг ноября. Посвящен первому урожаю, собранному пилигримами из Плимутской колонии в 1621 году после голодной зимы в Новом Свете. Пилигримы, выжившие во многом благодаря помощи индейцев, устроили для себя и них трехдневный праздник с благодарственными молитвами и пиршеством. — *Прим перев.*

кастрюль, лежат ложки с длинными ручками и разливаемые ложки-половники из блестящей меди. А с больших балок наверху свисают пучки сушеных трав, перевязанных за стебли.

Холли не успела закончить осмотр комнаты, как женщина запела, негромко, словно про себя:

Лавандовая синева, дилли, дилли!
Лавандовая зелень.
Если я король, дилли, дилли!
Ты моя королева.
Кто тебе это сказал, дилли, дилли!
Кто тебе это сказал;
Сказало мое сердце, дилли, дилли!
Это оно так сказало.

От этой старинной песенки она перешла к другой:

Олень любит густой лес,
Заяц любит холмы;
Рыцарь любит яркий меч.
А леди — леди любит его!

Тут она счастливо рассмеялась. И Холли неожиданно поняла, что тоже улыбается. Она не понимала почему, но с этой минуты перестала чувствовать себя несчастной, как чувствовала с прихода телеграммы. Томкит свернулся и спал в большом кресле. А Джуди и Крок тоже улыбались.

— Теперь... — женщина быстро двинулась, взяла щипцами ручку котла, сняла котел с цепи и поставила на плоский камень в очаге.

— Хорошо сделано, правильно, — она заглянула в котел, в глубину все еще пузырящейся жидкости. — Нужно охладить, тогда увидишь... но я должна извиниться за такой невежливый прием. Будьте благословенны!

Она подняла руки и сделала едва заметный жест, как будто считала: один, два, три. Станный взгляд на каждого, подумала Холли: она словно смотрит не на них, а в них. Кроку и Джуди она просто улыбнулась, но когда дело дошло до Холли, улыбка женщины чуть поблекла и Холли отступила на шаг. Она чувствовала себя так, словно что-то сделала

неверно. Однако тревога длилась лишь секунду. Женщина — вернее, девушка — снова улыбалась...

Странное платье и чепец на голове делают ее старше, чем на самом деле, подумала Холли. Кожа у нее загорелая, как будто она много времени проводит на солнце, и она не красива. Подбородок слишком острый, а нос длинный. Но когда она улыбается, забываешь об этом.

— Вы мисс Тамара, — заговорила Джуди.

— Да, я Тамара, — кивнула девушка. — Хотя меня называют и другими именами. А ты?

— Я Джуди Уэйд, — сразу ответила Джуди. — Это мой брат Крок — Крокетт. Мы с ним близнецы, но этого никто не замечает, пока мы не скажем. А это моя сестра Холли. Мы только что приехали, чтобы жить в Димсдейле.

— Димсдейл, — повторила Тамара. Улыбка ее исчезла. — Я снова забыла. Не тот Димсдейл, который был, а тот, что ты знаешь. Но тень все еще лежит. — Она с сожалением покачала головой. — Такая жестокая тень...

Теперь Холли набралась храбрости, чтобы заговорить.

— А где этот... этот дом? Бабушка и дедушка не говорили нам о нем или о вас! — Она подумала, не грубо ли сказала: Крок сердито посмотрел на нее.

— Дом там, где всегда был, — ответила Тамара, но это было не то, что отчаянно хотела узнать Холли. — Был и будет — пока есть земля и дары земли.

Теперь она снова улыбалась.

— Ах, хорошо снова видеть юные лица и гостей под этой крышей. Верно, Томкит? — Она обратилась к коту, как будто ждала его ответа. Но кот только приоткрыл глаза и сонно посмотрел на нее.

— Томкит ваш? — спросила Джуди. — Дедушка нашел его на свалке, он подумал, что кто-то бросил его туда.

— Томкит свой, он ходит, куда хочет, и делает то, что считает нужным, — ответила Тамара. — Да, дитя, никто не может владеть котом. И это он выбирает, жить ли под твоей крышей или под другой. Томкита я знаю, и он знает меня. Но я никогда не говорю, что Томкит мой, потому что у него

своя жизнь, и любой мужчина, женщина или ребенок может владеть только собственной жизнью, а не чужой. Таков Закон.

Разве в законе не сказано ясно: «Люби все в природе. Никакому созданию не причиняй вреда ни своими руками, ни своим умом. Ты скромно идешь путем людей и путем богов. И должен получать удовлетворение от знаний, полученных в страданиях, от долгих лет терпения, от благородства ума и службы. Ибо мудрые никогда не стареют». — Она произнесла эти слова торжественно, как молитву, которую дедушка читает перед едой.

Немного погодя она добавила:

— Да будет так.

Последние три слова странно прозвучали в комнате; их как будто негромко повторили другие люди. Но Уэйды этого не делали, и Тамара тоже.

— Должна быть правда в сердце, — сказала Тамара, снова взяв остывающий котел и ставя его на трехногий низкий столик, — иначе все усилия приведут к поражениям. А в этом напитке есть правда — готова поклясться на книге.

Она работала быстро, достала с полдюжины небольших глиняных кувшинчиков и в каждый разливной ложкой налила немного жидкости из котла. А густеющая жидкость издавала сладкий аромат.

— Что это? — спросила Джуди. — Пахнет, как духи или как что-то вкусное, что хочется съесть.

Тамара ответила не сразу; казалось, она была полностью занята отмериванием точных количеств жидкости в кувшинчиках. Потом со звоном опустила ложку в опустевший котел и облегченно вздохнула.

— Дело сделано, и сделано хорошо! Ты спрашиваешь, что это, дитя? Это розовый сироп, который можно использовать по-разному: подслащивать еду, при выпечке и для лечения. В нем есть также дудник, а он полезен при болезнях души. Иногда болезни души для людей тяжелее болезней плоти.

Холли внимательно слушала, но не была уверена, что все понимает. Тамара произносила слова странно, как будто это не знакомый Холли язык, а какой-то чужой.

— Все эти травы... — Джуди показала на пучки, свисающие с потолка. — У бабушки тоже так висят под навесом, но у нее их не так много.

— Твоя бабушка обладает знаниями? — спросила Тамара. — Значит, она мудрая женщина, поэтому перед тобой и открылся путь. Да, это все травы, которые земля дает для лечения и для нашего мастерства. — Голос ее зазвучал напевно, хотя это была не песня. — Мята, монарда, пижма, лаванда, календула от растяжений и ран и для их затягивания; болотная мята, которая делает затхлую воду свежей, за что и ценят ее моряки; первоцвет для вина, чтобы согреть внутренности; базилик, тимьян и розмарин, рута, таволга, желтый тысячелистник и белый, шалфей, портулак, очный цвет — да все они и еще многие другие, которые я не назову, даже если буду перечислять полдня.

Их нужно измельчить или прокипятить, и они сделают еду и вино вкусными... Ах, — она протянула руки, словно собираясь обнять все травы, лицо ее светилось, как у бабушки, когда та говорила о починке своих фарфоровых обломков, — в этом широком мире так много всего, что никогда не кончишь учиться. И доброта земли дает так много, что человек и подумать не может. А человек берет и не благодарит. Он не верит в истину — что человек должен быть един со всем, что растет и что бегаёт, даже с четвероногими, и с тем, что управляет крылья и живет в небе. Люди убивают, не думая, копают и рвут без чувства, не ценят великие дары. Но пусть берегутся, или все это обратится против них.

Однако это слишком серьезные мысли и не для приема гостей. Пора пировать и веселиться. Идите сюда, садитесь, и разделим хлеб и вино, как подобает добрым друзьям и родственникам.

Говоря, Тамара убирала со стола, ставила вещи в другие места, освобождая пространство. Джуди захотела ей помочь и взяла в руки коробку. Но прежде чем поставить, наклонилась и вдохнула.

— Пожалуйста... что это за бусы? Они так хорошо пахнут. Посмотри, Холли...

Она протянула коробочку Холли, и та увидела, что коробочка действительно наполовину заполнена красно-коричневыми бусинками. Некоторые были нанизаны на нить, другие лежали отдельно. От коробочки исходил аромат роз.

— Ах, это, — сказала Тамара. — Это приятный подарок — для девушки, чтобы носила. Есть такие, кто отворачивает нос от подобных вещей, говорит, что это грех и нарушение правил. Это бусы из роз. Надо собрать лепестки, когда роза полностью распускается, положить в ступку и хорошо размять, чтобы получилась паста. Потом скатать бусинки и высушить. А есть бусинки, которые кладут в белье, чтобы был приятный запах. — Она достала еще одну коробочку, а из нее круглый коричневый шар, который пах приправами — запах более сильный, чем тонкий аромат роз.

— Для такого берут твердое яблоко или, если есть, апельсин из Испании. Обкладывают гвоздикой, так, чтобы фрукт совсем не был виден. Тогда он не портится, но долгое время издает приятный запах.

Холли была очарована. Она сжимала шар в руках, подносила к носу. А Джуди продолжала вдыхать аромат розовых бус. Но Крок медленно продвигался вдоль стола, с любопытством глядя на все эти кувшинчики, коробки, маленькие весы, кастрюли и прочее, теперь тесно стоявшие с одного конца стола Тамары.

— Вы делаете это на продажу? — спросил он.

— Некоторые. А другие — для собственного удовольствия. — Она поставила на стол три тарелки из тусклого металла, похожего на серебро, которое давно не натирали. — То, что растет в моем саду, полезней лекарств докторов.

— Бабушка делает травяные свечи, — сообщил Крок. — И продает в антикварном магазине. А дедушке захотелось бы посмотреть на это. — Он разглядывал ряд маленьких коробочек, вырезанных из дерева. Все с крышками, но ручка-сучок на крышке вырезана в виде листа или цветка. — Здорово! Дедушка тоже вырезает.

Тамара прошла в дальний конец комнаты и вернулась с большой коричневой кастрюлей. Она посмотрела на коро-

бочки и тут же отвела взгляд, как будто что-то ей не понравилось. А может, Крок слишком навязчив...

— Да, мальчик, человек многое может сделать ножом из куска дерева. Можно сделать полезные вещи, которые одновременно будут приятны для глаза. Но здесь немногие так думают.

— Мне нравится, — продолжал Крок, гораздо более разговорчивый, чем дома. — Ваши слова о том, что надо любить природу, не вредить ей ни руками, ни мыслями... Дедушка тоже так считает. Он хочет прикрыть мусор на свалке, правда. И собирается посадить деревья...

— Деревья! — Тамара внимательно посмотрела на мальчика. — Какие деревья?

— Ну, маленькие сосны и ивы, все, что можно перевезти. На другом конце города бульдозерами расчищают землю для шоссе. Он мне показывал. И еще он сажает желуди. — Крок улыбнулся. — Конечно, он говорит, что они будут расти долго...

— Да, дубы, — кивнула Тамара. — Старый дуб обладает большой силой. Но он должен сажать и ясень, и бузину. Бузина — самый надежный щит против тьмы... А ваша бабушка? — Она посмотрела Джуди и говорила теперь резко. — Она тоже сажает растения?

— Да, наверно. У нее много трав, должно быть, откуда-то с огорода.

— Ага, сажает. Тогда и ты должна. Чтобы добро было сильным и могло прогнать зло. Я дам тебе полезные растения: базилик, мальву, боярышник, чемерицу...

— Но сейчас мы не можем сажать... там, — заговорила Холли. Она теперь даже не знает, где амбар. — Сейчас холодно, осень. Они не вырастут.

Тамара посмотрела ей в глаза и долго удерживала взгляд. Холли хотела опустить глаза, отвернуться, но она обнаружила, что не может. И снова на лице Тамары появилось странное выражение: она будто смотрела не на девочку, а сквозь нее. Это была такая необычная мысль, что Холли испугалась,

ей захотелось убежать из этого старого дома, вернуться через лабиринт к безопасности.

Тамара снова медленно кивнула.

— Значит, есть выход отсюда... — Теперь — Холли была в этом уверена — она разговаривала с собой, а не с ними. — Время извивается и поворачивает, виток на виток, как змея в логове. — Должно быть, она цитировала какое-то древнее высказывание. Но вот этот странный, сквозь Холли, взгляд исчез. — Ну, вы получите семена и корни... Есть способы... спросите добрую бабушку. Мудрая женщина знает. А теперь садитесь и ешьте. Немного: кукурузная лепешка с медом и сидр.

Дети сели за стол и попробовали рассыпчатые круглые хлебцы, которые Тамара щедро помазала медом. Разлила питье из большого кувшина в маленькие кружки и стояла, с улыбкой глядя на них.

— А что вы еще делаете, кроме розовых бус? — спросила Джуди.

— Что я делаю? О, половины дня не хватит, чтобы рассказать! — Тамара рассмеялась. — Целительные порошки и мази, и еще такие маленькие штуки, которые делают пищу вкусной. Тасси-масси, которые парень дает своей девушке...

— Тасси-масси? — прервала Джуди. — Какое странное слово.

— Это подарок. Каждый цветок и листок, они имеют значение для понимающих, а еще запах цветов. Берут девять видов трав, веточек или листьев и крепко связывают. Нужно продумать, что ты хочешь этим сообщить. Парень оставляет утром на крыльце, и, если девушке понравится, она носит его на своем платке. Но есть такие, которым это не нравится. Они говорят, что это только для лентяев и слабоумных.

Тамара неожиданно вздохнула.

— Да, тех, кто ищет темные мысли и тяжелые пути, нетрудно найти. Они осуждают даже солнце: слишком ярко светит. И не верят, что в свете и смехе есть добро. И...

— Лавандовая синева, дилли, дилли!
Лавандовая зелень...

Песня, которую пела Тамара, но голос мужской и доносится снаружи. Тамара на несколько мгновений застыла. Холли показалось, что она испугалась или во всяком случае встревожилась. Потом она как будто подготовилась к какому-то трудному испытанию. Холли помнила: так выглядела мама, когда показывала их дом людям, которые собирались его снять.

Тамара посмотрела на детей и поднесла палец к губам. Они поняли и кивнули. А она быстро пошла к выходу.

Холли встала со скамьи. Она не знала, кто там снаружи, но решила узнать. Когда она проходила мимо Джуди, та попыталась схватить ее за рукав. Но Холли увернулась и подошла к окну; здесь она могла заглянуть поверх подоконника.

Теперь Тамара уже вышла из дома. А по дорожке травяного огорода к ней шел человек — молодой мужчина.

На нем были кожаные брюки до колен, чулки и туфли с большими пряжками. Рубашка белая, рукава собраны складками и стянуты на запястье, широкий открытый воротник. Волосы длинные, до плеч. Волосы черные, а лицо загорелое. В руках у него пучок листьев, перевязанных травой. Он улыбается, но улыбка исчезла, когда он увидел Тамару.

— Доброе утро, госпожа Тамара.

— Доброе утро, мастер Элкинс. — Голос Тамары звучал неприветливо, и она не улыбалась. Он тоже больше не улыбался. Продолжал заглядывать через плечо Тамары, как будто надеялся увидеть кого-то еще.

— Мастер Элкинс, ты хорошо знаешь, что между нами не может быть ни дружбы, ни вражды. Неужели принесешь несчастье тому, кто никогда не желал тебе зла?

— Неужели мужчина приносит несчастье, если приходит с дружбой, госпожа? У меня с собой... — Он возился с листьями.

— Ты приносишь несчастье самим своим вниманием, мастер Элкинс. Не нужно свидетельствовать у чужих дверей...

Теперь он рассердился, лицо его покраснело, черные брови сдвинулись.

— Ложь! Я не свидетельствую.

— Скажи это мастеру Димсдейлу, который объявил, что его Пэйшенс готовит постельное белье.

— Отец может обещать от моего имени, но я этого не сделаю! — взорвался он.

— Ты хорошо знаешь закон. Непокорный сын должен биться веревки на шее. Мне все равно, какие неприятности ты причинишь себе...

— Ты слишком много болтаешь, госпожа. И понятно почему. К тебе никто не сватается, и ты не хочешь...

— Я никому не позволю говорить о колдовстве — моем и моих близких, — резко прервала она его. — И если ты желаешь добра, то не приведешь по своему следу зла.

— Колдовство! — Он сделал шаг назад.

— Да! Мудрой женщине всегда есть чего бояться. Многие готовы сказать, что ты околдован. Подумай об этом, Сет Элкинс! Хорошо подумай!

Продолжая хмуриться, он бросил свой пакет, так что тот упал возле нее.

— Сплетни болтливых женщин!

— Вполне возможно, если будет по-твоему. Оставь этот дом в покое...

— Сет!

Услышав свое имя, человек быстро повернулся. Показалась еще одна женщина, но не из травяного огорода, а из-за дома. Она стояла, переводя взгляд с Тамары на Сета и обратно, и улыбалась. Но Холли почувствовала холодок на спине: не хотела бы она встретить такую улыбку.

Одета она была так же, как Тамара, только юбки из более дорого материала, передник ослепительно-белый, а чепец и воротник оторочены кружевами. Лицо у нее узкое, с поджатым неодобряюще ртом и длинным острым носом, а волосы, убранные под чепец, песочно-рыжие. Ресницы и брови такие светлые, что их как будто совсем нет, а глаза маленькие и злые. Холли с первого взгляда возненавидела ее.

— Доброе утро, Гуди, — обратилась она к Тамаре. — Вижу, ты занята. Зайду позже.

— Лучшего времени не будет, госпожа Пэйшенс. — Тамара казалась спокойной, и голос ее звучал ровно. — Мастеру Элкинсу пора идти по своим делам.

— По своим делам? — повторила Пэйшенс. — Похоже, у него много дел. И некоторые из них тайные. — Она сухо рассмеялась.

— Ааахх! — гневно выдохнул Элкинс. Развернулся и пошел через травяной огород. Руки у него были сжаты в кулаки, и он, казалось, готов был пустить их в ход против всего мира.

Глядя ему вслед, Пэйшенс сказала:

— Ты играешь в опасные игры, Гуди.

— Ни в какие игры я не играю, госпожа. Я не приглашаю всех, кто приходит к моим дверям. Это хорошо известно...

— Правда? Много рассказывают о делах с силами тьмы, Гуди, и о том, кто может помочь женщине, которая хочет привязать к себе мужчину...

— Да, таких рассказов много, госпожа, — ответила Тамара, когда ее собеседница замолчала. — Но обычно это пустые сплетни. А я только лечу людей и животных и не причиняю им зла. Это было доказано много раз.

— Верно, — кивнула Пэйшенс. Но выражение лица ее было угрожающим, Холли была в этом уверена. — И я пришла к тебе за такой твоей работой. Ты приготовила мяту? Отцу она очень нравится, он говорит, что после сытного обеда она помогает снять боль в желудке.

— Приготовила. — Тамара повернулась к дому, но остановилась в нерешительности. Холли видела, что она встревожена. Из-за них?

Холли посмотрела в сторону стола. Оттуда за ней следили Джуди и Крок. Она руками сделала знак: нужно спрятаться. Джуди удивилась. Но Крок согласно кивнул, схватил сеестру и потащил в дальний угол, где у стены стояла кровать. Он подтолкнул Джуди и вслед за ней сам залез под кровать. Холли побежала туда, но на бегу задела за стол, и несколько липких тарелок со звоном упало на пол.

Она собиралась схватить куртку Джуди, которую та оставила на скамье, но сейчас для этого уже не было времени. Она тоже заползла под кровать и прижалась к Кроку.

— Дура! — прошипел он ей на ухо.

— И кто же еще нашел сюда путь сегодня утром, Гуди? — ясно услышали они голос Пэйшенс.

— Никто.

— Никто, говоришь? Значит, эта зеленое одеяние никому не принадлежит? Зеленое. Да, и разве мы не знаем, какие странные существа носят зеленое? Много рассказов о них ходит.

— За морем, может быть, но здесь... сюда они не приходят, — возразила Тамара.

— Тогда кто оставил эту зеленую одежду? И какая странная ткань. Ручаюсь, не ручной вязки или пряжи. Посмотри, Гуди, сама увидишь. И не для человека она сделана: слишком маленькая. Возьму показать...

— Не возьмешь! — Прежде чем Холли или Крок успели ее схватить, Джуди вылетела из-под кровати, проехавшись на животе, прежде чем смогла встать на ноги. И побежала вперед. Холли выбралась за ней. Джуди яростно вырывала куртку из рук Пэйшенс.

— Не ты мне ее дала! Она моя! Мама мне ее купила...

— Джуди! — в отчаянии воскликнула Холли.

Пэйшенс попятилась к стене, глядя на Джуди так, словно это какое-то дикое животное. Когда Холли присоединилась к сестре, Пэйшенс вскрикнула и выпустила куртку. Джуди прижала ее к себе, сердито глядя на Пэйшенс.

— Воровка! — пронзительно кричала она.

— Черти — чертенята Сатаны! — Прижимаясь к стене, Пэйшенс пробиралась к выходу. — Я... оставь меня! Я христианка. Ты не можешь забрать меня...

По-прежнему не поворачиваясь к ним спиной, она добралась до двери и выбежала.

— Нет! — по-прежнему яростно кричала Джуди. — Я не чертенок Сатаны!

Холли обняла сестру.

— Конечно, нет. Она просто глупая сплетница. Мы... думаю, нам лучше уходить отсюда.

Подошел Крок.

— От нее будут неприятности, большие неприятности, — сказал он. — Что вы будете делать? — обратился он к Тамаре.

— Мы... мы принесли вам много неприятностей? — в свою очередь спросила Холли. — Если быстро уйдем, вы можете сказать, что она все про нас выдумала.

Теперь, когда все уже произошло, на лице Тамары не было ни следа тревоги.

— Сделаю то, что должна сделать, и сделаю хорошо, — ответила она. Голос ее звучал уверенно. Но Холли чувствовала себя несчастной. Она не была убеждена.

— Нам лучше уйти, — настаивал Крок. — Если эта Пэйшенс приведет кого-нибудь еще — нам здесь не место, и они это сразу поймут.

— Да, лучше сделать так, как ты говоришь, — согласилась Тамара. — Но не уходите без того, за чем пришли.

Она повернулась к шкафу с полками.

— Мы на самом деле ни за чем не пришли, — возразила Холли. — Просто Джуди видела сон и сказала, что должна идти, и мы пошли за ней...

— Да, но сны имеют значение, моя маленькая девочка. Ты пришла, потому что это было предопределено. Возьми эти растения, посади их и ухаживай, как тебе скажет бабушка. — Она заполняла небольшой мешочек из грубого материала маленькими пакетиками и связками того, что выглядело как высохшие корни. — Вас привело свернувшееся время, оно же выведет вас отсюда. Тяжело ждать... — Сейчас она выглядела усталой и несчастной. Но вот тень с лица исчезла, и Тамара снова стала решительной и невозмутимой. — Даже у времени есть конец. Томкит, вставай и тоже возвращайся.

Томкит легко спрыгнул со стула, потянулся и направился к выходу. Тамара стояла улыбаясь.

— Мы вас еще увидим? — Джуди сопротивлялась попыткам Холли увести ее.

— Что будет, то будет. У всего свое время. Веселая встреча, веселое расставание, и будьте благословенны.

Она подняла руку и сделала в воздухе жест. Холли видела, что это не прощальный взмах, у этого жеста должен быть какой-то смысл. И они вышли вслед за Томкитом. Ни слова не говоря друг другу, дошли до лабиринта и здесь оглянулись. Все выглядело так мирно под солнцем. Тамары не было видно. Но Холли испытывала дурное предчувствие. Они позволили Пэйшенс увидеть себя и... и...

Крок потащил ее за руку.

— Пойдем. Надо уйти, пока еще кто-нибудь не пришел.

Когда вокруг них сомкнулись зеленые стены лабиринта, Холли попыталась привести в порядок мысли и страхи.

— Мы... мы не в том же мире, — неуверенно сказала она.

— Не в том же времени, — поправил ее Крок. — Один парень в прошлом году выступал на научном собрании. Он говорил о времени... как некоторые верят, что можно вернуться во времени...

— А мы... мы сможем вернуться? — спросила Джуди. В голосе ее звучал страх. — Сможем вернуться в амбар, к маме, бабушке и бабушке?

Она побежала. Пришлось догонять. Впереди легкой серой тенью скользил Томкит. Внутрь и наружу, вперед и назад — казалось, дорога гораздо более запутана, чем когда они шли вперед.

Холли порвала на боку петлю, Джуди впереди плакала. С ужасом она закричала: «Мама! Мама!» Старшая сестра готова была присоединиться к ней, если бы думала, что такой призыв поможет.

Зеленые стены вокруг них начали терять цвет. Дети тяжело дышали, пришлось перейти на шаг. Становилось холоднее. Холли надела куртку, заставила Джуди остановиться и сделать то же самое. Теперь листва совершенно исчезла, они выбежали в пустое пространство и увидели впереди крышу амбара.

И только увидев дом-амбар, Холли перестала бояться. Они вернулись. Она обернулась и посмотрела назад. Не вид-

но никаких котов и высоких ворот. Просто сплошная масса ветвей, сквозь которую не пробраться даже Томкиту.

— Как будто... как будто ничего не было, — сказала она.

— Пусть так и будет, — объявил Крок. — Слышите, Джуди, Холли, держите рты на замке об этом. Никто нам не поверит и...

— Но у нас есть это. — Холли указала на мешок, который держала Джуди. — То, что нужно посадить.

— Брось это! — приказал Крок.

— Нет! — вернулась к жизни Джуди. — Тамара сказала, что это нужно посадить. И мы посадим — хоть это мы можем сделать. — Крепко прижимая к себе мешок, она пошла дальше.

Холли поглядела на Крока и пожала плечами. Они оба знали, что сейчас с Джуди спорить невозможно. Лучше подумать, как они будут объяснять появление этого мешка и его содержимого, когда вернутся домой, — нужно правдоподобное объяснение, которое не раскроет всю невероятную правду.

ПЕРВАЯ ПОСАДКА

Холли посмотрела на Крока.

— Что мы скажем бабушке — если Джуди отдаст ей это? Он пнул комок полузамерзшей почвы.

— Не знаю.

— И Тамара — что будет с нею? Этот Сет Элкинс, он говорил так, будто тоже сердит на нее. — Холли быстро пере-сказала, что слышала и видела у окна. — Тамару могут назвать ведьмой. Пэйшенс видела нас, и поэтому...

Крок с любопытством посмотрел на нее.

— Ты знаешь, это ведь другое время. То, что там произошло, произошло много лет назад. — Однако было видно, что эта мысль его не успокаивает. Тамара слишком реальна. Она не может быть всего лишь сном или человеком, существовавшим когда-то.

— Вспомни, что сказала миссис Пигот, — подхватила его мысли Холли. — Она сказала, что Димсдейл когда-то давно был проклят ведьмой. Но Тамара...

Что-то в ее мыслях не совпадало. Холли знала, что в Тамаре нет никакого зла.

— Она не может быть ведьмой, не может насылать проклятия на людей! Хотя эта Пэйшенс, она ведь из Димсдейлов...

— Откуда ты это знаешь? — спросил Крок.

Холли ответила, что услышанное ими подтверждает это.

— Значит, этот Сет Элкинс, он обручен с Пэйшенс Димсдейл, но пришел повидаться с Тамарой и принес ей подарок, — медленно сказал Крок.

Холли покачала головой.

— Не думаю, чтобы было так, не на самом деле. И он был сердит на Тамару. Как будто она мешает ему что-то сделать, как будто он пришел повидаться не с Тамарой.

— Но там была только она, — заметил Крок. — И не говорила, что с ней кто-нибудь живет.

— Да. Но все равно... похоже, Тамара ему совсем не нравится. О, у меня все смешалось! Крок, как ты думаешь, мы когда-нибудь узнаем, что произошло? Не хочу, чтобы с Тамарой случилось что-нибудь плохое...

— Если и случилось, — сказал Крок, — то это было в старые дни, и, наверно, можно найти в книгах или где-нибудь. В понедельник твой класс идет в библиотеку, верно? Попробуй что-нибудь там найти. Помнишь, что сказала бабушка о мисс Нойес? Та забирает старые книги.

Слова Крока были разумны, хотя Холли не хотелось этого признавать. И она спросила, знает ли он, как заставить Джуди молчать.

— И не пытайся ей говорить, — ответил он. — Холли, когда велишь людям что-нибудь не делать, только заставляешь их хотеть сделать это. Дай-ка подумать...

Он пошел быстрее, чтобы догнать Джуди. Холли в последний раз оглянулась и посмотрела на спутанные кусты, где когда-то был лабиринт. Ничего похожего на зеленые во-

рота, с котами, охраняющими путь, который ведет к Тамаре. «Неужели там всегда лето?» — подумала Холли. Можно ли застрять во времени, словно вошел в комнату и повернул дверной ключ? И если это так, почему Тамара не может выйти, как они? И какое к этому отношение имеет подушка?

От звона она едва не подпрыгнула. Домашний колокольчик бабушки! Значит, время обеда! Бабушка в первый же день предупредила их. Холли, повернувшись спиной к загадочной массе переплетенной растительности, заторопилась в дом.

Крока она догнала уже внутри. Он снял плащ, повесил на колышек и направился к тазику для умывания. Джуди не было видно, а бабушка возилась у печи, очень удачно повернувшись к детям спиной.

— Джуди? — неслышно, одними губами, произнесла Холли.

Крок энергично кивнул, и Холли поняла, что он уговорил сестру не рассказывать об утренних происшествиях — по крайней мере пока не рассказывать. Но удержать ее неожиданный вопрос за столом не смог.

— Бабушка, а зимой — где ты держишь живые травы? — Холли пожалела, что сидит недостаточно близко, чтобы пнуть Джуди, но между ними находился Крок.

Она сердито посмотрела на сестру. Джуди либо не видела ее, либо не желала видеть.

— Ну... большинство сами о себе заботятся на грядках. Некоторые более нежные и могут пострадать от мороза. Их я переносу в большой сарай, где Лютер работает по дереву. Там горит огонь в печи и не дает им замерзнуть. Там у меня маленький огород. Посмотришь, когда поедите.

Джуди со ртом, набитым тушеным мясом, поблагодарила. Холли облегченно вздохнула: Крок действительно предупредил сестру. Наверно, Джуди где-то спрятала свой мешок, а бабушка его не заметила. А весной они смогут посадить то, что дала им Тамара. Холли успокоилась и впервые получила возможность насладиться едой.

— Дедушка, — заговорил Крок, и Холли снова учуяла опасность, — эти Димсдейлы, которые владели этим местом, они ведь были здесь очень давно?

— Насколько я слышал, еще до основания города Сассекса. — Дедушка щедро мазал кусок хлеба джемом. — Лучше спроси бабушку. Она часто слушала рассказы старой мисс Элвери. Она более жила в прошлом, старая мисс Элвери, чем в настоящем. Помню, однажды пришла в этот самый амбар, одетая, и спросила, когда я выведу карету и отвезу ее на прием в город. Карета тогда уже много лет была сломана, а две лошади давно сдохли. А люди, о которых она говорила, давно лежат на кладбище. Но она была уверена, что они ее ждут, и хотела к ним поехать. Бабушка целый час уговаривала ее вернуться домой. Но вернуть ее в наше время было невозможно. Во всем доме не было ни одних идущих часов. Она говорила, что часы заставляют время проходить, а если на них целый день не смотреть, победишь время, а не будешь побежден им.

Он откусил большой кусок и кивнул.

— Не знаю, но в ее словах что-то было. Время — странная вещь. Когда делаешь то, что хочешь, оно летит, как реактивный самолет, который может за день облететь вокруг земли. А если делаешь что-нибудь скучное, а хочешь заняться чем-то другим, время тянется и тянется.

Но ты спрашиваешь, давно ли здесь Димсдейлы. Да, давно. Мерси, разве твоя бабушка не рассказывала полный книжный шкаф об их неудачах?

— А почему им так не везло? — спросила Холли.

— Хороший вопрос. — Бабушка откинулась на стуле, словно собралась снова отправиться к печи и дать всем добавку, но так и не встала. — Мисс Элвери... более добрая леди не ставила ногу на эту землю. Готова была все сделать для любого бедняги в нужде. Но каждый раз, когда хотела помочь себе, — ну, все оборачивалось для нее хуже. В последний раз этот скользкий мошенник уговорил её заложить железнодорожные акции, и она была разорена. Говорила, что все это проклятие ведьмы. Оно переходит от одного Димсдейла к другому, ко всем, в ком есть кровь Димсдейлов. Но

тогда она уже начинала сдавать, бедная старая леди, слишком много думала о несчастьях, с которыми не могла справиться.

— А что это было за проклятие? — Холли решила, что бабушка не будет отвечать, что она недовольна вопросом.

— Это глупые разговоры, дитя. Люди в городе, когда не знают, что сказать, болтают. А мисс Элвери, ее занимали ее собственные беды, и она верила, что Господь от нее отвернулся. Но, конечно, это глупость. Лучше тебе услышать правду — потому что если в городе еще говорят об этом, ты услышишь то, чего никогда не было.

Однажды мисс Элвери показала мне старую книгу, она с трудом могла ее читать. Рукопись, и почерк очень странный. Буквы выцвели, и нужно было брать увеличительное стекло, чтобы их рассмотреть. Это было что-то вроде дневника, его вел человек, который здесь жил. Он все записывал: сколько заплатил за то, что купил, как заседал поля, какой был урожай. И еще о своей семье и о себе. Кто родился, кто умер и тому подобное.

Это был строгий человек — звали его Секстон Димсдейл, он очень плохо обращался с теми, кто подчинялся ему. В те дни хозяин дома, ну, он мог делать все, что угодно, и никто не смел ему перечить, особенно женщины. Потому что в те дни с женщинами совершенно не считались, они только должны были кормить и одевать всех в доме, и чтобы все шло хорошо. А мужчины, такие как Секстон Димсдейл, никогда не думали, хорошо ли в его доме женщинам.

Этот Секстон, он всегда хотел получить больше, чем у него было. Построил большой дом — этот амбар был его первым домом. Но он был для него слишком мал. Нет, он хотел большой дом, чтобы все в Сассексе удивлялись. Нанял человека в Англии, который приехал, чтобы построить ему дом и разбить сад. Не в том дело, что он любил растения, — нет, это он все для хвастовства.

А этот человек привез с собой женщину, родственницу. У него было соглашение с мистером Димсдейлом, что в качестве платы он получит часть земли. Все было записано и

законно оформлено. Но он умер, не успев закончить работы в саду. И тогда мистер Димсдейл постарался по закону отобрать то, что дал тому человеку. Но судья принял решение не в пользу мистера Димсдейла. Звали того человека Пигот, и они никогда не были друзьями. И мистеру Димсдейлу пришлось отдать часть земли — с маленьким домиком, который построил тот человек, и его семья с тех пор там жила. У него была дочь, которая очень любила работать в саду, и у нее был дар целителя, она все знала о травах и тому подобном.

Тогда было мало врачей, а те, что были, мало что знали. Люди в Сассексе, они сначала шли к целительнице, а уже потом к врачу. А она не очень задавалась, жила спокойно, и люди ее любили.

Но каждый раз как мистер Димсдейл вспоминал, что она живет на земле, которую он считал своей, он все больше разъярялся. У него была дочь, не отличающаяся красотой. Сыновья его умерли от лихорадки, так что у него осталась только она. И он стал искать ей мужа, который был бы выгоден Димсдейлам. Потому что он был таким гордым, что вел себя так, будто его семья лорды, как в их прежней стране.

Элкинсы — это была другая известная семья в Сассексе. Владели почти таким же количеством земли, торговали с индейцами и очень хорошо зарабатывали. У Элкинса был сын, и именно его старый Димсдейл выбрал для своей дочери. В старину многое делалось по-другому. Сын или дочь, даже взрослые, даже имеющие собственных детей, должны были поступать, как велит отец. Мисс Нойес как-то показала мне старую книгу законов, и там говорилось для судьи, что если парень не делает то, чего хочет его отец, его можно повесить! Только подумайте!

Ну так вот, сыну Элкинса не понравилась мысль о браке с дочерью старого Секстона, но ему нечего было сказать, потому что отец за него дал слово. Но он тайком продолжал навещать целительницу, и старый Димсдейл узнал об этом.

В те дни легко было назвать ведьмой женщину, которая разбирается в травах и держится особняком. А у целительницы не нашлось никого, кто бы за нее заступился.

Бабушка замолчала. Холли наклонилась вперед.

— И что случилось, бабушка?

— Эту часть книги мисс Элвери не могла разобрать. Хэллоуин — тогда это была ночь ведьм, и люди в то время боялись. И вот Димсдейл собрал своих людей, и они решили в Хэллоуин схватить эту ведьму (так он ее называл), когда она будет занята своим колдовством, и сжечь вместе с домом.

— Нет! — Все вздрогнули, услышав этот крик — почти плач — Джуди.

Бабушка забеспокоилась.

— Да, я сама увлеклась своим рассказом, а нужно было давно все забыть. Не стоит об этом рассказывать в любое время.

— Бабушка, они ведь не сожгли ведьму? — спрашивала Джуди.

— Нет, не сожгли. Тут очень странный рассказ. Они хотели это сделать, да. И тут произошло что-то необычное. Из ниоткуда появились какие-то дьявольские существа — и все мужчины убежали. А когда набрались храбрости и на следующий день вернулись, ничего не нашли, ни дома, ни ведьмы. Но до того, как ее спасли дьяволы, ведьма прокляла старого Секстона Димсдейла. И сказала, что проклятие будет действовать, пока жив он и его семья. Она сказала, что проклятие мало-помалу уничтожит то, что он больше всего ценит, — его поля, они станут бесплодными, и никто не сможет пользоваться ими.

— И так случилось? — спросил Крок.

— Да, похоже на то. Несчастья стали происходить с Димсдейлами не сразу, а постепенно, мало-помалу, но они пришли. Только это старая история. Мисс Элвери, она хотела отнести книгу, в которой это все записано, преподобному Бернсу. Сказала, что в этом ясно видна рука Господа, что ненависть, которую посеял старый Секстон, его алчность — за эти годы все это созрело и принесло плоды. Но так и не отнесла. Книга сгорела в огне. Мисс Элвери своей добротой к другим хотела немного загладить...

Умирая, она сказала мне кое-что, чего я никогда не забуду. То, что было уничтожено, можно восстановить. Но для этого нужно много времени. И если Димсдейлы — земля Димсдейлов — смогут вернуть то, что с нее исчезло, все снова будет хорошо. Бедняжка, она сама пыталась это сделать.

— Но ведьму они не поймали? — настаивала Джуди.

— Нет, если в старой книге правда. Но куда могут исчезнуть женщина и дом? Это самое неправдоподобное во всей истории. Похоже на то, что старому Секстону было что скрывать. Не знаю. Кстати о времени. Смотрите, сегодня нельзя быть копушами. Ваша мама приедет на двухчасовом автобусе, и Лютеру пора выезжать за ней.

— Я везу вещи для мистера Корри, — сказал дедушка. Видно было, что ему неловко. — В грузовике не останется места...

Холли знала, что это значит: нет места для них. Сначала она хотела протестовать, потребовать, чтобы было место. Но увидела, как бабушка посмотрела на нее, и поняла, что не должна вести себя по-детски.

— Может, Джуди втиснется, — сказала она. Хотя ей ужасно не хотелось об этом говорить. — А Крок поедет сзади...

— Нет, — решительно сказала — к крайнему удивлению Холли — Джуди. — Мама устала. Если я поеду, мне придется сидеть у нее на коленях. Не хочу прыгать на ней всю дорогу. Мы остаемся.

Бабушка улыбнулась.

— Хорошо. Поможете мне здесь. Сегодня утром я хорошо поработала над статуэткой. Если вымоете посуду и прочее, я смогу закончить.

И вот Холли принялась мыть посуду, да так осторожно, как никогда не делала дома. Она хотела так хорошо справиться с делом, чтобы бабушка увидела разницу. А сама бабушка тем временем поставила разбитую статуэтку на стол и так энергично отправила очки на место, что Холли подумала: теперь они долго не решатся сползать вниз.

Ей хотелось посмотреть, как работает бабушка, но это мешало бы ей. Так обычно бывает, когда сосредоточишься

на трудной работе. И вот наконец Джуди, повесив последнее посудное полотенце, кивком указала на дверь.

— Мы пойдем погуляем, бабушка, — сказала Холли.

— Хорошо. Но не потеряйтесь...

Томкит встал со своего места на ковре перед камином и пошел с ними. И когда вышли, Холли увидела, что Джуди несет мешок Тамары, крепко прижимая его к себе.

— Бабушка говорила — в мастерской. Это там, — сказала Джуди.

Мастерская на самом деле была частью амбара, пристроенной позже, и в нее вела только дверь снаружи, а входа из амбара не было. Внутри пахло клеем, краской и маслом, один конец целиком занимал верстак, а над ним на стене аккуратно висели инструменты. Перегородка, сделанная из трех сбитых старых дверей, отделяла часть помещения. За этой перегородкой находился зимний сад бабушки. На полу, на полках, на столе — из еще одной двери, поставленной на ножки, — везде стояли горшочки с растениями. Маленькие мешочки, плотно завязанные, висели на веревке вдоль одной из полок вдоль стены.

Джуди опустилась на четвереньки и заглянула в темную пещеру под столом.

— Горшки, много, и все пустые, — сообщила она и начала вытаскивать те, до которых могла дотянуться.

Холли вспомнила, как мама пересаживала африканские фиалки.

— У нас нет специальной почвы, как у мамы, — заметила она.

Джуди сидела на корточках.

— Это должно расти в обычной земле — в земле Димсдейла. Мы накопаем, чтобы заполнить горшки. Возьми вон там маленькую лопату и ведро.

Спокойная уверенность Джуди в том, что это обязательно нужно сделать, подействовала на Холли: та покорно взяла лопату и ведро. Конечно, они только накопают обычной земли, положат ее в горшки, а потом посадят семена и корни

в надежде, что те прорастут. Но ни она, ни Джуди не знают, что из этого получится.

Холли осмотрелась, прежде чем начать копать. По другую сторону от амбара, по-видимому, были цветочные клумбы. Там она собиралась брать почву, и не из одного места, а лопатку здесь, лопатку там — чтобы не было заметно. Трижды наполняла она ведро и относила его Джуди, которая горстями перекадывала землю в горшки.

Работая, Холли думала о рассказе бабушки — как Димсдейлы пытались уничтожить Тамару и ее дом. Холли не сомневалась, что Тамара и была женщиной, которую Секстон Димсдейл называл ведьмой. Но ей трудно было поверить в то, что Тамара — настоящая ведьма или что ее проклятие могло так тяжело отразиться на Димсдейлах. Что касается самой Холли, то для нее ведьмы существовали только в волшебных сказках.

Конечно, их сегодняшние приключения — это тоже не часть реальной жизни. Неужели Тамара и ее дом скрылись в странном завитке времени и находились здесь все эти годы? Но почему тогда здесь же оказались Сет Элкинс и Пэйшенс Димсдейл? Они враги, и Тамара добровольно не взяла бы их с собой.

Предположим... предположим, то, где они были сегодня, это время до того, как Секстон Димсдейл попытался выдать Тамару за ведьму. Тогда — если они смогут вернуться, предупредить Тамару... Да! Холли, чуть сгибаясь от тяжести ведра с почвой, остановилась перед входом в мастерскую. Если они смогут предупредить Тамару о том, что приближается... они должны предупредить ее!

Утром они попытаются снова пройти в лабиринт. Нет, не смогут. Здесь будет мама. Холли распахнула дверь мастерской. Придется ждать, может быть, до конца недели. И подушка. Джуди спала на подушке и узнала, как пройти в лабиринт. Может, это необходимо, чтобы снова найти Тамару. Если это так, то на этот раз на подушке будет спать Холли.

Она приняла твердое решение. В конце концов, она ведь старшая, она знает, что нужно делать, чтобы помочь Тама-

ре. Это... это даже ее долг — вернуться в дом Тамары и помочь ей.

Но помогая Джуди сажать семена и корни и принося воду, чтобы полить комковатую землю, Холли ничего не сказала о своем плане.

— Куда ты их поставишь? — спросила она наконец, разглядывая ряд горшочков. — Если оставишь их здесь, бабушка увидит и, конечно, начнет расспрашивать.

— Знаю. Я об этом думала. Поставим их на полки вдоль стены, среди бабушкиных. Вот так. — Джуди взяла ближайший горшок, передвинула два со свежей зеленью на одной из полок, поставила свой и эти два использовала как ширму.

— Хорошо! — согласилась Холли и принялась ставить так же.

Когда они закончили, их горшки так смешались с бабушкиными, что если не знаешь, что что-то прибавилось, ни за что не заметишь, — Холли, во всяком случае, на это надеялась.

Они с Джуди подмели просыпавшуюся землю, вытерли лопату и поставили на место ведро. Свежий запах зелени напомнил Холли лабиринт с солнечным огородом за ним.

Она пыталась припомнить подробности, когда заговорила Джуди:

— Холли, а куда, по-твоему, исчезла Тамара со своим домом, когда пришли злые люди, чтобы обидеть ее? Неужели... неужели она настоящая ведьма, она улетела и взяла дом с собой?

— Это только сказка, Джуди. Ты уже большая для таких сказок. Не знаю, куда ушла Тамара.

— Может, спряталась во времени.

Холли удивилась.

— Как это?

— Помнишь, дедушка говорил, что время бывает разное. Когда болят зубы, как у меня прошлой зимой — мы тогда два дня не могли попасть к доктору Уильямсу, время все тянулось и тянулось. А в тот последний день, когда папа был с нами и мы пошли в зоопарк, а потом обедали, этот день промелькнул, как будто он не настоящий, а просто приснился.

Я всегда думала, что время — это просто часы: смотришь на стрелки, и они говорят тебе, что нужно сделать то или это, пока не стало слишком поздно. А теперь я задумываюсь, что такое время на самом деле. Может быть, если знаешь как, можно выбрать самый счастливый день и остаться в нем навсегда...

Джуди смотрела на Холли так, словно ждала от нее подтверждения этой мысли, фантастической, как сказка. Не услышав ответа, Джуди продолжила:

— Люди полетели на Луну и ходили по ней, а мы сидели у себя дома и видели это. В старину, конечно, решили бы, что это сказка и что на самом деле такое невозможно. Но, может, в прошлые дни такие, как Тамара, знали другое — например, как прятаться во времени. Я хочу знать, что Тамара в безопасности, Холли, так хочу!

— Я тоже. Может, позже и узнаем, — начала Холли, и в этот момент они услышали автомобильный гудок.

— Мама! — Хлопнув дверью, Джуди побежала к дороге по другую сторону амбара. И Холли, на время забыв о втором путешествии в лабиринт, побежала за ней.

Мама выскочила из кабины грузовика, словно не могла подождать, пока он полностью остановится, раскрыла объятия и прижала к себе Холли и Джуди, которые добежали одновременно. Мама вернулась — вот что самое важное сейчас. Все остальное было забыто. Этот отрезок времени нужно тянуть как можно дольше.

ВЕДЬМЫ И ПРОКЛЯТИЯ

Как и говорил дедушка, хорошее время промелькнуло так быстро, что Уэйды не успели насладиться им. Когда после полудня мама снова садилась в автобус, казалось, не успели они поздороваться, как снова нужно прощаться. Автобус отошел, и мама помахала им в окно.

Впереди не одна длинная неделя, а целых четыре, прежде чем она приедет снова, потому что она пообещала работать

сверхурочно, чтобы получить три свободных дня в Благодарение. Но День благодарения кажется сейчас таким далеким, словно до него еще целый год.

Когда девочки вернулись в свою комнату, Холли вспомнила — подушка. Но они не могут — она не может — спать на ней сегодня. Ведь завтра в школу. Однако нужно убедиться, что подушка цела и что ею можно будет воспользоваться.

— Куда ты дела подушку, Джуди?

Джуди почесывала Томкита под подбородком — он это особенно любил. Кот громко мурлыкал, полузакрыв глаза. Не поднимая головы, Джуди ответила:

— В коробке, в моей коробке с лоскутками, в гардеробе.

Холли хотела в этом убедиться. Теперь, когда мама уехала, она снова думала о Тамаре и о том, что нужно вернуться к ней и предупредить. Холли вздохнула: до вечера пятницы нечего даже пытаться. И, подобно Дню благодарения, это время тоже казалось очень далеким.

В эту неделю понедельник особый. По расписанию класс Холли идет в библиотеку. Миссис Финч объявила об «индивидуальном докладе». Вопреки своему решению оставаться незаметной, Холли обнаружила, что «индивидуальный доклад» может быть очень интересным. «Индивидуальный доклад» означал вот что: каждый выбирает тему, касающуюся истории города, находит факты и пишет сочинение. А если у тебя хорошие руки, можешь смастерить что-нибудь, показать, что было у людей в домах в старом Сассексе, что они надевали, что использовали.

Сегодняшнее посещение библиотеки как раз было началом «индивидуального доклада», потому что сама библиотека размещается в очень старом доме, одном из старейших в городе. А также здесь находится музей, а в нем много вещей из прошлого.

— Вы сами увидите, чем там можно будет воспользоваться, — сказала миссис Финч. — А когда вернемся, каждый выберет тему и напишет на листочке с указанием вашего имени и класса.

Пройдя по усыпанным листвою улицам, они добрались до библиотеки. Холли внимательно разглядывала ее. Она намного больше дома Тамары, но посредине тоже торчит труба, а окна высоко в стенах. Только стены кирпичные, крыша не заросла лишайником, а крыта новой черепицей.

Перед входом миссис Финч остановила детей и сказала, что кирпич делался из глины, которую раньше копали за рекой. Потом рассказала об окнах.

— Они были маленькие, из небольших кусочков в свинцовых рамах, — сообщила она. Холли, не замечая этого, кивнула: она сравнивала с тем, что видела в доме Тамары.

— Но во время войны за независимость, — продолжала миссис Финч, — свинец пошел на изготовление пуль. И приходилось затягивать окна тонкой промасленной оленьей шкурой. А после войны привезли большие листы стекла.

— Не забудьте, это библиотека, — продолжала она, когда пошли дальше. — Ведите себя с должным вниманием...

Миссис Финч всегда говорит так, строгим, все-немедленно-успокоиться-и-привести-себя-в-порядок-голосом. И голос этот каким-то образом действовал. Она из тех, кто не терпит непослушания, и все это знали.

Для Холли, привыкшей к библиотекам большого города, помещение показалось очень маленьким и тесным. Всего две комнаты, отапливаемые одним камином. На полках тесно расставлены книги. И почти не осталось места для скамей и стульев, которые поставили в меньшей комнате, чтобы дети могли сесть.

В этой комнате на верхних полках стояли не только книги. Одна полка полностью была отведена птичьим гнездам — птичьим гнездам! — и к каждому спереди прикреплена белая этикетка. Были также картины из семян и раковин, а также несколько рамок с чем-то похожим на коричневую бумагу. Были и живые растения, и большой стеклянный сосуд, в котором росли крошечные растения, как будто кто-то зачерпнул их совком несколько раз из очень маленькой страны и поместил в огромный аквариум.

Но тут заговорила мисс Нойес, библиотекарь, и Холли стала внимательно слушать. Говорила она об их докладах и о годовщине основания города. То, что она говорила, совсем не походило на школьную историю — сплошные даты и далекие происшествия; это все было о людях. Рассказывая, мисс Нойес показала вышивку и объяснила, что ее сделала девочка моложе даже Джуди, потом показала пистолет, который принадлежал солдату, бывшему в Вэлли-Фордж¹, а потом нить бус — настоящие индейские деньги, вампум, как в рассказах о пилигримах. У Холли появилось ощущение, что ее сюда притягивает и она становится частью того, что существовало когда-то. История — это длинный ряд людей, некоторые из них очень далеко, другие поближе, но такие, как она сама, как дедушка, бабушка, мама — папа... Неожиданно Холли поняла, что история — это не просто страницы книги, это люди!

Теперь мисс Нойес говорила о книгах. Не об учебниках истории, как в школе, но о книгах, которые читали люди в прошлом — и не только читали, но и писали!

И снова Холли удивилась. Старая книга, которую показывала мисс Нойес, написана от руки, а не напечатана, и рукопись такая старая и выцветшая, что буквы с трудом различимы. Такая же книга, как та, о которой рассказывала бабушка? Которая была у старой мисс Элвери?

— ...дневник Сета Элкинса, — продолжала мисс Нойес.

Сет Элкинс! Тот самый Сет, который приходил к Тамаре? Записал ли он в дневнике, что случилось с Тамарой? Можно ли спросить, не объясняя, зачем ей это? Но мисс Нойес уже осторожно закрыла книгу и спрятала в коробку; теперь она говорила о музее и о том, что они увидят прялку и ткацкий станок...

К разочарованию Холли, миссис Финч повела всех дальше, и класс направился в музей. Здесь тоже многое можно было увидеть, и Холли шла медленно. Но почти не слушала

¹ Поселок в штате Пенсильвания. Здесь во время войны за независимость в 1777 году стояла армия Вашингтона. — *Прим перев.*

объяснений миссис Финч. Она думала о дневнике Сета Элкинса. Прочитала ли его мисс Нойес? Может ли рассказать о том, что произошло в Димсдейле в Хэллоуин много лет назад? В этот момент Холли поняла, чему будет посвящен ее доклад, — самому Димсдейлу.

Если миссис Финч согласится, то Холли сможет задавать вопросы. Может, даже узнает, что написано в дневнике и что случилось с Тамарой. Конечно, она не расскажет, что знает сама. Но сможет использовать эти свои знания понемногу, как будто где-то прочла. Например, описание дома Тамары, и лабиринта, и травяного огорода-сада...

Она так задумалась, что наткнулась на девочку, которая с подружкой стояла перед висящей на стене вышивкой в рамке.

— Смотри... вот здесь... это мое имя... Ребекка Имс. Бабушка подарила это музею. Потому что сделала ее моя прапра... не знаю, сколько раз — бабушка. И... чего ты толкаешься? — Бекки Имс повернулась к Холли. — Приехала из Бостона и думаешь, что все знаешь? Ну, не все ты знаешь. Здесь ведь не висит вышивка твоей прапрапрабабушки?

Холли застыла. Вот оно наконец, то, чего она ожидала с того момента, когда в первый день вошла в школьный автобус. Теперь ей скажут, что она живет на свалке, что она черная и все остальное, что рано или поздно должны будут сказать ей и о ней.

Подруга Бекки (это Марта Торри, увидела Холли, еще одна из них) потянула Бекки за рукав.

— Бекки! Помни, что сказала миссис Финч... — Холли представляла себе, что могла та сказать, и от этого рассердилась еще больше. Она не хочет, чтобы миссис Финч предупреждала, что не нужно ей говорить, что она черная и живет на свалке.

— И что сказала миссис Финч? — сердито спросила она. — Да, я живу на свалке среди мусора! И я черная! Боишься, что запачкаешься? Не запачкаешься. Я черная, но не грязная! А ты и твоя миссис Финч, вы можете заниматься своими делами.

Холли повернулась, слыша за собой, как Марта быстро говорит:

— Нет, Холли, ты все не так поняла, на самом деле ты...

Холли мрачно оглянулась.

— Я все поняла правильно. Поняла с самого начала, как оказалась в этой глупой старой школе.

Она пошла к выходу и нетерпеливо ждала, пока миссис Финч не скажет, что нужно уходить. Ее гнев все усиливался. Она собиралась для своего доклада взять Димсдейл, но у нее появилась лучшая мысль. Она напишет о ведьмах, о том, как старый Секстон Димсдейл преследовал людей из-за своей жадности и невежества и как он получил по заслугам. Вот таким будет ее доклад! Теперь она наделась, что легенда правдива — что Тамара была настоящей ведьмой и прокляла Секстона Димсдейла, как говорила мисс Элвери. Он этого заслуживал! Все в этом городе должны быть прокляты...

Только в полдень они вернулись в школу. Холли увидела Джуди; та разговаривала с той самой Дебби, с которой хотела есть ланч. Холли мрачно подошла. Джуди должна понимать: Холли много раз говорила ей, чего ожидать. Но теперь казалось, Джуди ее не слушается, не пойдет, когда Холли поманила ее к себе.

— Не понимаю, почему ты ни с кем не хочешь дружить! — выпалила она. — Мне нравится Дебби...

— Дружить! — взорвалась Холли. — Они не хотят с нами дружить! Как сегодня утром — эта Бекки Имс сразу сказала, что мне не место в Сассексе, нам всем здесь не место!

— Она так сказала? — Джуди встревожилась. — Но — почему, Холли?

— Сама знаешь, — сердито ответила Холли. Конечно, Бекки именно так не сказала, но именно это имела в виду. Чем скорей Джуди поймет правду, тем лучше для нее. — Мы живем на мусорном дворе, и мы черные.

— Но Джимми Литтл и сестры Вудз, — Джуди остановилась и показала на другой конец комнаты, — они черные, и никто этого не замечает. Джимми дружит с Ральфом Бингли и Джадом Торри. А Салли и Бетси Вудз поют в младшем хо-

ре и... посмотри на Крока, он с Филом Нойесом и Байфилдами, и он им нравится!

— Он тоже поймет, — мрачно сказала Холли. — А Джими и Вудзы — они здесь давно живут, может, все и забыли. И они не живут на свалке.

Джуди выглядела недовольной, но со вздохом села рядом с Холли и открыла свою коробку с ланчем.

— Ты решила, что возьмешь для своего индивидуального доклада? — спросила она, разворачивая верхний сэндвич. — Я уже выбрала. Рассказала миссис Дейл, и она подумала, что моя тема очень хорошая, и написала ее на доске — первой из всех.

— А что это за тема? — Холли не решилась ответить на вопрос и задала свой.

— Травяные сады, как у Тамары..

— Джуди, ты ведь не сказала ей? — спросила Холли.

— Конечно нет! Но бабушка пользуется травами, и многие другие тоже. У бабушки есть несколько старых, очень старых книг о том, как пользовались травами в старину. Я хочу сделать розовые бусы, когда будут розы, и оклеенный апельсин, который так хорошо пахнет, и, может, еще засахаренные листья мяты. И хочу научиться использовать травы, чтобы лечить людей, как Тамара. — Она уже опять улыбалась, забыв о своем несогласии с Холли. — Я могу написать о саде Тамары, если не скажу, где он...

Холли была удивлена и слегка встревожена. Джуди кажется такой уверенной в себе. В Бостоне она слушалась Холли, она сначала спросила бы ее, а потом уже рассказала миссис Дейл о своей теме. В последнее время она становится все самостоятельней. Она приняла на себя руководство и решила, как посадить подарок Тамары, решила правильно — Холли это признавала. Джуди всегда следовала за Холли; кажется, теперь она решила сама находить новые пути.

— Будь осторожней с тем, что говоришь, — подчеркнуто сказала Холли.

Улыбка Джуди завяла.

— Вот ты опять, Холли Уэйд. Всегда говоришь, что мне делать! Я устала от тебя...

Раздражение Холли превратилось в тревогу. Если Джуди будет упрячиться... Они всегда все делали вместе, делали то, что планировала Холли. И Джуди всегда соглашалась. Холли знала, что бывают случаи, когда Джуди нельзя заставить, но это бывало редко и длилось недолго. Неужели Джуди теперь всегда будет такой? Холли постаралась побыстрее исправить положение.

— Я просто боюсь, что ты скажешь что-нибудь не подумав.

— По тому, как ты говоришь, можно подумать, что я не старше Лисси Джонс, у нас дома. А она на целых три года младше меня. Я не выбалтываю все, что знаю, Холли Уэйд.

— Знаю, — ответила Холли. Может, удастся все-таки вернуть прежнюю Джуди. — Но даже если мы втроем расскажем о Тамаре, нам никто не поверит.

— Наверно. Но она настоящая, я знаю это, Холли. И хочу узнать то, что знает она. Миссис Дейл сказала, что есть много книг о травах, и я хочу еще расспросить бабушку. А какая у тебя будет тема?

Холли поколебалась. Она была уверена, что у нее очень хороший план — рассказать о старом Секстоне Димсдейле и показать живущим сегодня, что значило называть людей несправедливыми словами. Хотя, конечно, Бекки не называла ее такими словами. Тем не менее Холли представляла себе, какие слова могли бы прозвучать, и каждый раз как думала об этом, сердилась все больше.

— Какая тема? Или это такая большая тайна, что... — Джуди снова становилась колючей.

— Я буду писать про ведьм, — выпалила Холли. — Как в старину люди причиняли неприятности таким, как Тамара, и называли их ведьмами, и как Димсдейлы были прокляты из-за того, что сделали...

— Ты сама сказала, что не нужно рассказывать о Тамаре. А сама собираешься рассказать! — обвинительным тоном заявила Джуди.

— Я никому не скажу, что видела ее, ничего подобного. Посмотрю в старых книгах и пораспрашиваю. Мисс Нойес сегодня утром в библиотеке, она показывала нам дневник и сказала, что он написан Сетом Элкинсом...

— Тем самым Сетом, который приходил к Тамаре? — прервала Джуди с широко раскрытыми глазами.

— Наверно. Может, он рассказывает о том, что случилось. Странную историю о Тамаре, исчезновении дома и прочем.

— А миссис Финч разрешит тебе рассказывать о ведьмах?

— Я ей не скажу, что буду писать о ведьмах. Скажу, что хочу написать о людях, которые жили в Димсдейле, о том человеке, который построил большой дом. Тот, который потом сгорел.

— Я бы хотела знать, что случилось с Тамарой, — медленно сказала Джуди.

— Я знаю, что нам делать, — с прежней уверенностью заговорила Холли. — Мы вернемся и предупредим Тамару, расскажем ей о том, что Секстон Димсдейл собирается сделать в Хэллоуин.

— Но это было давно, — возразила Джуди. — Он уже сделал это, и ты ничего не сможешь изменить.

— Может, мы сможем. Послушай, Джуди, мы там были в день до Хэллоуина — тогда ведь было лето, верно? А если вернемся в тот день и скажем Тамаре, чтобы она береглась...

— О! — Джуди энергично закивала. — Да. В пятницу вечером я возьму подушку и мы вернемся туда и скажем ей.

«На этот раз я возьму подушку» — заверила себя Холли. Джуди ее уже брала. И к тому же это ведь ее идея, а не Джуди. Да, если в эту неделю кто-нибудь будет спать на травяной подушке, так это Холли Уэйд.

Она передала описание своего доклада — историю Димсдейла, и миссис Финч одобрительно кивнула и записала к себе в тетрадь, куда записывала все темы.

— Жаль, что семейные бумаги мисс Димсдейл погибли в этом несчастном пожаре, — заметила она. — Совет исторического музея несколько раз просил ее поместить их в библиотеке, но она как будто не хотела, чтобы их кто-нибудь

увидел. Но Димсдейлы были очень важной частью Сассекса. Ты ведь знаешь, что Сассекс по указу короля Чарльза основали Димсдейлы. Посоветуйся с мисс Нойес: она расскажет тебе, какой литературой воспользоваться.

Интересно, сохранились ли эти старые сады. Знаешь, местный сад здесь был самым первым тщательно спланированным настоящим садом. Существует легенда, что в нем даже был устроен лабиринт!

— Бабушка сказала, что он так зарос, что в него нельзя зайти, — торопливо ответила Холли. Миссис Финч так заинтересовалась ее идеей, что Холли начала опасаться: слишком уж заинтересовалась. Может начать задавать вопросы, на которые Холли не готова отвечать и вообще не хотела бы их услышать.

Миссис Финч смотрела куда-то мимо Холли, как будто перед ней не стена класса, а дикие заросли Димсдейла.

— Наверно. Но, Холли, если ты сможешь показать нам Димсдейл, каким он был когда-то, это будет отличным дополнением к картине Сассекса времен его начала. Отличный получится доклад.

Она немного помолчала и, слегка изменив тон, спросила:

— Холли, что ты думаешь о Сассексе? — Теперь она смотрела прямо на Холли, словно могла проникнуть ей в голову и прочесть мысли.

— Он... не такой... не такой, как Бостон, я хочу сказать. — Холли старалась найти слова, которые не выдали бы ее истинные чувства, то, что она испытывала с тех пор, как пришла телеграмма. Она подумала, что ее чувства не дело миссис Финч. Как будто той на самом деле не все равно!

— Могу себе представить. — Миссис Финч говорила чуть резко, так, словно Холли самая глупая в классе. — Ты предложила интересный доклад, Холли; покажи, что ты можешь с ним сделать.

Идя к автобусу, Холли думала, что сказала бы миссис Финч, если бы знала о ее настоящем докладе — о проклятии Димсдейлов. Она посмотрела на детей, ждущих отъезда домой. Бабушка сказала, что жители города говорят о про-

клятии, рассказывают разные истории. А что, если она начнет задавать вопросы? Нет, дети, наверно, ничего не знают. Но старшие... Например, миссис Пигот, которая говорила об этом при первой же встрече, она должна кое-что знать. И должны быть старики, которые многое помнят. Но спрашивать нужно будет очень осторожно.

— Холли! — Она едва не подпрыгнула, услышав голос Джуди. — Холли, ты что, меня не слышишь? Я спрашивала о празднике Хэллоуин. Дебби сказала, что все будут в костюмах. Как по-твоему, что я смогу надеть?

Холли пришлось забыть о планах выяснения прошлого.

— Какой праздник?

— Большой школьный. Он здесь бывает каждый год, и все наряжаются. От четырех до семи в Хэллоуин. Дебби сказала, что мы можем поехать с ней. Так что видишь, Холли, ты не всегда права. Я нравлюсь Дебби, и ты ей тоже нравишься. Знаешь, кем бы я хотела быть... Я думаю об этом все время, как она мне рассказала... Хочу быть кошкой, как Томкит, серой с большими зелеными глазами и длинным хвостом. Это будет так весело!

— Это будет вечером в городе, бабушка и дедушка не разрешат нам идти, — выпалила Холли первый пришедший ей в голову довод.

Джуди состроила озорную гримасу.

— И опять ты ошибаешься, Холли. Бабушка сама туда приходит каждый год, приезжает с мамой Дебби и гадает, как в старину. И готовит особые пончики. Вот! Как ты думаешь, бабушка сможет сделать костюм кошки, Холли?

Бабушка ходит на школьные праздники! Холли была удивлена. Удивлена и огорчена. В последнее время бабушка часто спрашивала ее, знает ли она ту или иную девочку, и удивлялась, когда Холли отвечала, что видела их только в школе. Как будто ожидала, что Холли станет самой популярной в классе. Ей не хотелось расстраивать бабушку, говоря ей правду: что с ними просто не хотят иметь дела. Потому что бабушка как будто уверена в обратном. Холли приходилось уклоняться от многих расспросов. Но если то, что говорит

Джуди, правда, не стоит надеяться, что бабушка разрешит остаться дома и не ходить на праздник.

— Костюм кошки трудно сделать, — в отчаянии продолжала Джуди. Если бабушка настоит и они пойдут на праздник, а она пойдет с ними и увидит...

— У бабушки очень хорошие руки — так сказал мистер Корри, когда мы вчера были у него. И это правда. Она сможет сделать настоящий костюм кошки.

Холли старалась забыть о предстоящем празднике Хэллоуин. И делала это, думая о другом Хэллоуине, когда Димсдейлы отправились на охоту за ведьмами. Это, разумеется, снова напомнило ей о Тамаре и о необходимости предупредить ее. К тому же, если она снова увидит Тамару, сможет расспросить ее и узнать правду. На самом ли деле Тамара ведьма, исчезла ли она с помощью волшебства, после того как прокляла Димсдейл...

Ведьма... но если ты ведьма, то можешь сделать так, чтобы твои желания исполнялись. Сейчас Холли хотела, чтобы Джуди забыла о празднике, бабушка тоже, и они туда вообще не пошли бы. Если бы иметь ведьмовские возможности...

Вечером, за ужином, Джуди без устали болтала о своем докладе, и бабушка так воодушевилась, что каждую минуту должна была поправлять очки; они, не задерживаясь, в тот же момент начинали сползать на кончик носа. Крок рассказал о своем докладе — какая мебель была в старину в домах Сассекса. В последнее время он часто ходил в мастерскую, смотрел, как работает дедушка, и был полон сведениями (которые совсем не интересовали Холли), как починить то и исправить это.

Сама Холли сидела молча. Пусть сегодня говорят Джуди и Крок. Холли хотела обдумать вопросы, которые задаст. Начнет с бабушки и дедушки, что они помнят о Димсдейле до того, как тут возникла свалка, и о мисс Элвери и ее рассказах. Хорошо бы записать вопросы, прежде чем задавать их. Тогда она будет уверена, что составила вопросы правильно и они не выдадут ее истинный план.

Когда Джуди уже лежала в постели и, судя по дыханию, спала, Холли соскользнула с кровати и направилась к гардеробу. Дюйм за дюймом она осторожно открыла дверцу, пока не смогла нащупать внутри коробку с лоскутками. Открыла ее и ощупью нашла подушку. Больше всего на свете ей хотелось взять подушку, сегодня спать на ней и найти возможность вернуться в дом в лабиринте, к Тамаре.

Но сейчас бесполезно пробовать. Завтра в школу, и по-слезавтра, и на следующий день...

Но получилось не совсем так. Потому что в пятницу учителя проводили собрание, и занятия заканчивались в полдень. Услышав об этом, Холли сразу отвела в сторону Джуди и Крока.

— В пятницу во второй половине дня, — оживленно заговорила она. — Мы можем пойти в лабиринт в пятницу, понятно?

Крок охотно согласился.

— Хорошо, но лучше в субботу. В пятницу к нам придет Джим, поможет на дворе. Хочет найти что-нибудь, чтобы починить свой велосипед.

Бесполезно напоминать Кроку, что опасно слишком сближаться. Холли знала это с самого начала. Что ж, если хочет нарваться на драку — а он будет драться, если его назовут нехорошими словами, — это его вина.

И снова время стало ее врагом до вечера четверга. Она уже знала, что Джуди и Крок не собираются разрешить ей просто так взять подушку. Нет, снова должен быть жребий. И Холли решилась на то, чего никогда раньше не делала. Она должна быть уверена, что выиграет. Должна!

Крок снова держал бумажки, но Холли незаметно подогнула ту, которую вытянула. Остальные слишком были заняты собственным выбором, чтобы увидеть это. И если ее бумажка не была самой короткой вначале, то стала ею. Действительно, она короче бумажки Крока. Холли торжествующе забрала подушку.

Ложась, он сунула подушку под голову. Запах странный и не такой приятный, как раньше. Сейчас от этого запаха

Холли хотелось чихать. Если бы она не была уверена, что это единственный способ попасть в лабиринт, наверно, откинула бы от себя подушку. Но несмотря на неприятный запах, который становился все сильнее, Холли оставалась тверда — она должна увидеть во сне путь в лабиринт!

ПУТЬ ПРОТИВ СОЛНЦА¹

Утром она не могла вспомнить, что ей снилось. Но знала, что теперь путь в лабиринт ей известен. Остальное — она пыталась вспомнить, и от этих попыток у нее разболелась голова. Тамара... Видела ли она Тамару? У Холли было странное полувоспоминание о ком-то другом, не похожем на Тамару. О ком-то улыбающемся и манящем, кого она должна увидеть снова. Но, конечно, это должна быть Тамара, и она, Холли, предупредит ее о приближающихся неприятностях.

— Ты видела сон, — говорила Джуди, обуваясь. — Но, наверно, это был дурной сон.

— Почему? — спросила Холли.

— Потому что ты звала маму и говорила, что хочешь выйти... — Джуди сидела на краю кровати и внимательно смотрела на сестру. — Ты говорила так, словно тебя где-то заперли.

Холли покачала головой.

— Не помню. Но путь в лабиринт я теперь знаю. Мы пойдем туда сегодня и увидим Тамару. Ты ведь тоже хочешь этого?

К ее удивлению, Джуди ответила не сразу.

— Не знаю. Хочу подождать и посмотреть...

— Чего ждать? — взорвалась Холли. — В тот раз ты очень хотела идти, торопила нас. Но теперь я увидела сон, и поэтому ты говоришь, что нужно подождать и посмотреть! Что с тобой, Джуди Уэйд?

Джуди по-прежнему не мигая смотрела на сестру. Холли неловко поерзала. Как будто Джуди знает... знает, что про-

¹ Согласно народной примете, идти против солнца — к несчастью. — *Прим перев.*

делала Холли накануне. Но Холли должна была так сделать. Кроку на самом деле все равно, а они должны предупредить Тамару — она должна — предупредить о неприятностях.

— Наверно, ничего, — медленно продолжала Джуди. — Только мне не нравится твой дурной сон.

— Но ты ведь не знаешь, что это был за сон, — сразу возразила Холли.

— Знаю, что ты звала маму и просила вывести тебя. И этот Томкит... он встал и принялся к подушке, а потом отпрыгнул, зашипел, заплевался, словно он ее возненавидел.

— Но... — Джуди пожала плечами. — Наверно, все в порядке.

Конечно, все в порядке, заверяла себя Холли не только за завтраком, но и все утро. И когда после неполного дня занятий ждали автобус, она хотела побыстрее вернуться в Димсдейл, проглотить ланч и пойти в лабиринт. День был сумрачный, небо закрыли густые облака, но дождя пока не было. На пути домой Холли держала пальцы скрещенными и надеялась, что бури не будет.

Она так была занята своими мыслями, что не очень прислушивалась к происходящему вокруг, пока не услышала слова Джуди, перекрывшие шум в автобусе:

— Бабушка считает, что сможет сделать для меня костюм кошки. У нее есть большое серое пушистое одеяло, такого же цвета, как Томкит.

— В Хэллоуин нужны черные коты. — Это сказала Сандра Хокинс.

— Может быть... но я хочу быть серым, — ответила Джуди. — Томкит особый кот, и на него забавно смотреть. А ты кем будешь?

Сандра хихикнула.

— Еще не знаю. Обычно я ношу то, что в прошлом году надевала Мэри, а она получает новый костюм. В прошлом году она была балетной танцовщицей. Но вчера я попробовала ее костюм, и он мне мал. Я показала маме, и она сказала, что посмотрит...

Разве это так важно, какие у них будут костюмы для Хэллоуина, нетерпеливо думала Холли. Но если они пойдут на праздник — а похоже, что пойдут, потому что туда пойдет бабушка, — придется ей что-нибудь придумывать. Может, она будет цыганкой. Это легко: юбка одного цвета, блузка другого, кольца в ушах и шарф поверх головы. Но впереди еще много времени, чтобы подумать об этом. Гораздо важнее то, что произойдет сегодня чуть позже.

Сегодня им везло. Бабушка сразу после ланча ушла в кружок вышивки. Она заставила их пообещать не уходить далеко от дома (лабиринт — это совсем недалеко, убеждала себя Холли) и быть осторожными. Дедушка работал в мастерской, и Крок, казалось, больше интересовался тем, что он делает, чем лабиринтом, пока Холли не напомнила ему, что он обещал пойти с ней и Джуди.

К тому времени как бабушка уехала в машине миссис Уилсон, Холли готова была прыгать от нетерпения, но ни Джуди, ни Крок ее нетерпения не разделяли. И когда машина исчезла вдаль, Холли повернулась к ним и увидела, что они смотрят не на нее, а — с сомнением — друг на друга. А Томкит куда-то исчез, словно экспедиция совсем не его дело.

— Нам пора идти, — сказала Холли.

— Я обещал дедушке... — начал Крок; потом, наткнувшись на ее сердитый взгляд, пожал плечами. — Ну, ладно. Идемте, и покончим с этим.

— Я не понимаю вас, — взорвалась Холли. — Раньше вы хотели идти — почему не хотите сейчас?

Джуди заметно вздрогнула, хотя день не холодный, а на ней куртка, застегнутая на все пуговицы, шарф на голове и вокруг шеи.

— Это не то же самое, — сказала она мрачно.

— Почему? — Холли все больше сердилась. — Мы пошли с тобой, и тогда было все в порядке. А теперь нет, потому что я видела сон, это ты хочешь сказать? — Она не позволит себе отвлекаться на мысли, что вчера вечером поступила нечест-

но. Потому что она права, им нужно предупредить Тамару о том, что произойдет.

— Разве вас совсем не волнует, что будет с Тамарой? — быстро продолжала она. — Мы можем предупредить ее...

— Но плохие люди не причинили вреда Тамаре. — Джуди не сделала ни шага в сторону пустыря, который когда-то был лабиринтом. — Она и ее дом — они исчезли...

— Да, — медленно подтвердил Крок. — А куда они делись? Как ты думаешь, знала Тамара что-нибудь — что-нибудь о времени? Знаете, люди все больше думают о возможностях мозга... я видел по телику...

— Понимаете, — подхватила Холли рассуждения Крока, независимо от того, поверила ли в них, — Тамара должна была знать, поэтому она и ее дом исчезли! Значит, ее предупредили. И мы должны предупредить ее прямо сегодня, немедленно!

— Но если все это уже произошло, — не сдавалась Джуди, — как мы можем предупредить ее сейчас?

— Потому что мы вернемся назад во времени — мы должны вернуться. — Холли сама много раз задавала себе этот вопрос, и это единственное найденное ею объяснение. — Мы вернемся из сейчас в тогда. Расскажем ей, и она будет готова что-то сделать, чтобы спасти себя и свой дом, когда придет старый Секстон Димсдейл.

— Может быть, — согласился Крок. — Ладно, пойдем. Холли ничего другого не было нужно, она тут же устремилась вперед от дома-амбара к спутанной массе уже потерявших листву ветвей. Когдаходишь к лабиринту, он выглядит почти таким же сплошным и непроницаемым, как стены амбара. И к тому же он мертв, серо-коричневого цвета, словно на этих ветвях никогда не было листьев. Во всяком случае, не было уже много лет.

Она ожидала увидеть высоких котов — стражников ворот, но до сих пор не заметила ни следа того, что когда-то эти создания были вырезаны из кустов. Отчаяние Холли начало переходить в разочарование; вначале она шла быстро, потом все медленней приближалась к мертвой стене.

— Ворот нет, — услышала она протест Джуди. — И я не верю, что здесь есть проход.

Холли все с большим отчаянием понимала, что они миновали то место, куда в первый раз привели их Джуди и Томкит. Но что-то в ней продолжало упрямо утверждать, что вход есть и что она его найдет. Она не стала отвечать Джуди, просто миновала выступ, за которым стена слегка изгибалась.

И мгновение спустя сомнения ее сменились торжеством.

— Смотрите! — она широко развела руки, указывая на проход в сплошной массивной стене.

— Это... это не кошки, — сказала Джуди тихо и неуверенно.

Холли разглядывала двух стражников по обе стороны от темного отверстия. Существа сидели в той же позе, что и кошки, но совсем не напоминали Томкита или его родичей.

На голову выше даже Крока, с четырьмя лапами, причем задние поджаты, и существа на них сидят. Но головы очень необычной формы, с длинными острыми мордами, а уши огромные и тоже с острыми концами. Серо-коричневый куст, из которого они вырезаны, придает им неприятный вид, и это впечатление усиливают местами высохшие листья: похоже на то, что существа покрыты чешуей.

— Крокодилы, — заметил Крок, потом неуверенно добавил: — Мне кажется.

Джуди резко остановилась.

— Я туда не пойду! — Она снова вздрогнула. — Это — это совсем неправильное место.

— Правильное, — решительно заявила Холли. — Говорю тебе — я знаю. Точно как ты знала.

Но ей самой не очень понравилась внешность крокодилов, если Крок правильно их назвал. Кошки — совсем другое дело. А эти не просто ждут, пока кто-то пройдет, они словно готовы схватить — но ведь это глупость! Просто старые мертвые кусты; чем ближе она подходила, тем это лучше становилось видно.

— Пошли! — приказала она близнецам.

У Джуди было очень встревоженное лицо.

— Я не хочу. Пожалуйста, Холли, не заставляй меня идти туда. Там плохо...

— Не хуже твоих ворот. — Теперь Холли рассердилась и защищала свои действия. — Просто глупые старые кусты.

Крок взял Джуди за руку. Выглядел он очень серьезным и смотрел не на Холли, а на свою сестру-близнеца.

— Мы должны идти...

Джуди всхлипнула, но с несчастным видом кивнула. И Холли, доказывая, что она знает дорогу, пошла вперед. Но не побежала, как Джуди в той первой экспедиции в лабиринт. Шла и старалась не обращать внимания на то, каким мрачным и закрытым стал лабиринт, как кусты словно протягивали лапы, готовые схватить всякого, кто осмелится пройти по узкой тропе между темными холодными стенами.

— Мы идем неправильно. Правильно — всегда сворачивать направо! — сказала Джуди, когда Холли повернула в первый раз.

Уверенная, что она не забыла эту часть своего сна, Холли покачала головой.

— Нет, налево, я помню...

— Против солнца, — заговорил Крок, и его слова отозвались в темном туннеле, как будто несколько человек, спрятавшись в кустах, вторили ему.

— Что это значит? — спросила Джуди. Теперь она крепко держала Крока за руку, и, казалось, это ее успокаивает.

— Это из старых времен, — объяснил он. — Против хода часов, против того, как восходит и заходит солнце. Не знаю, почему я сейчас это вспомнил. Было что-то еще... — Он слегка нахмурился. — Нет. Не могу вспомнить.

Туннель не становился более зеленым, листья не появились, хотя Холли этого ожидала. Каждый раз, поворачивая налево, она надеялась, что сейчас вид кустов изменится. Однако стены оставались мертвыми и безлиственными; появились и другие растения, и их становилось все больше.

Поганки, сначала мелкие, потом все крупнее; выглядели они зловеще. Некоторые грязно-серые, другие алые или

пятнистые. Были грибы ярко-желтые, похожие на толстый палец. Когда Холли ногой задела такой гриб, он лопнул, и запахло очень плохо. Видны были и другие растения, каких Холли никогда раньше не видела, — странные сероватые, с толстыми листьями и с длинными стеблями, растущими из центра. На стеблях чашеобразные головки, которые начинали раскачиваться в направлении проходящих детей, словно растения чувствовали их присутствие.

Камни тропинки покрылись слизью, и в щелях между ними росли отвратительного вида грибы. Они издавали резкое зловоние. Дети словно оказались в мусорной яме.

Холли все больше и больше хотелось сдаться, повернуть назад. Но она ни за что не призналась бы в этом Джуди и Кроку. Что-то в ней заставляло не признаваться, что она ошиблась, что они должны немедленно остановиться. И даже когда она попыталась, язык не поворачивался, чтобы произнести нужные слова.

И здесь не становилось теплее. Напротив, стало холодно и промозгло, и дети не сбрасывали куртки, как в первый раз в лабиринте, а кутались в них. Холли остановилась, увидев, как впереди что-то шевельнулось. Серое, как эти странные цветы (конечно, если это цветы), и двигается беззвучно. У нее перехватило дыхание. Конечно... это не змея! Но оно исчезло, и Холли так и не поняла, что это такое.

Ей было уже не стыдно признаваться, что она ошиблась, что они должны как можно быстрее вернуться. Холли пыталась остановиться, повернуть назад. Но, к своему ужасу, обнаружила, что не может это сделать. Ее словно что-то тянуло вперед.

Они подошли к еще одной развилке, более широкой. Здесь камни под ногами глубже погрузились в землю, и углубление заполнила грязная вода. Над этой лужей возвышалось еще одно существо из куста. Оно не похоже на стражей ворот, но морда у него такая же страшная. Она четко выделялась даже без листьев, которые обозначали щеки и подбородок.

— Я хочу домой! — неожиданно закричала Холли. — Крок, идем домой!

Холли оглянулась. Хотя Джуди явно расстроена, она не повернула и даже не остановилась. Должно быть, то, что тащило Холли вперед, держало и ее сестру.

Холли услышала, как Крок уныло сказал:

— Кажется, мы не можем, Джуди.

— Почему? — Голос Джуди звучал резко. — Не тащи меня вперед, Крок! Отпусти. Я возвращаюсь, немедленно.

— Я не тащу! — Теперь в голосе Крока звучал страх. — Джуди... я не могу тебя выпустить, честно, не могу. Попробуй сама...

Должно быть, она попробовала — безрезультатно. И еще громче заплакала:

— Я не могу выпустить руку Крока! Холли, ты должна вывести нас отсюда, должна! Я не верю, что это дорога к Тамаре. У нее все хорошее, а это плохое. Холли, выведи нас!

Холли попыталась остановиться, повернуться. Но не смогла.

— Не... не могу, Джуди, что-то меня не отпускает. Заставляет идти вперед...

— Мама! Я хочу к маме! — закричала Джуди и заплакала.

Холли и в прошлом приходилось пугаться, но она знала, что никогда ей не было так страшно, как сейчас. Это дурной сон. О, пусть это будет дурным сном! Если бы она могла проснуться...

Еще одна развилка, и опять на них смотрят ужасные животные. Холли видела только большие блестящие пятна на месте глаз. Они похожи на зеркала. И когда Холли вопреки своему желанию посмотрела в них, то увидела отражение их троих: Джуди плачет, у Крока очень напряженное лицо, и она сама — но маленькая, очень маленькая. Ужасное существо из куста такое огромное, что может протянуть поднятую лапу (да, у него есть лапа с длинными когтями-шипамми, толщиной с палец Холли) и втоптать их в грязь и слизь под ногами.

И вот, пока Холли продолжала смотреть прямо в эти тумские глаза-зеркала, произошло нечто странное. Прежде всего, она перестала бояться. А чего здесь бояться? Кусты и поганки можно увидеть всегда и повсюду. И почему Джуди плачет? Это глупо. Но Джуди вообще глупая. Она плакса и всегда завидует ей. Хотела быть единственной, кто побывает в лабиринте и найдет Тамару. Теперь, когда Холли доказала, что она ошибается, Джуди делает вид, что плачет и хочет вернуться. И, конечно, Крок на ее стороне. Еще бы, они ведь близнецы и всегда выступают против нее, Холли.

Только посмотрите на них в этом глазе-зеркале! Она большая и видна отчетливо, а они маленькие и затянuty туманом. Она была права с самого начала, это она придумала, что Тамару нужно предупредить и сделать так, чтобы ведьму не поймали.

Но в одном она тоже сглупила. Конечно, в лабиринте жила ведьма — ведьма, обладающая возможностью исполнять свои желания. Только подождите, пока у Холли тоже не появится такая сила. А она появится. Холли кивнула большому отражению в зеркале-глазе. Она, Холли, может все — если очень сильно захочет. Всякий сможет, если будет очень стараться и никому не позволит себя отговорить. Как пытались ее отговорить Джуди и Крок.

Нет, она права, а они ошибаются!

И не посмотрев на близнецов, Холли отвернулась от глаз-зеркал. Она улыбнулась. О, они пойдут за ней, конечно, пойдут. Об этом позаботится ведьмовское желание. И как они будут удивлены! А она не удивится. Она Холли, и у нее будут ведьмовские желания. Она многое может пожелать прямо сейчас — пожелать так, чтобы Бекки Имс и Марта Торри пожалели, что говорили о ней. Холли рассмеялась, представив себе несколько небольших неприятностей, которые может причинить ведьма.

— Холли, пожалуйста, не смейся так! — Голос Джуди слышался слабо, словно приходил с большого расстояния. Незачем обращать на нее внимание. Джуди ничего не знает, она глупая маленькая девочка, не больше своего отражения

в зеркале-глазе. Глупая маленькая девочка, она совершенно ничего не может сделать. Холли ничего не ответила.

Теперь она пошла быстрее. Стены наконец изменились, на них появилась зелень. Почему эти поганки и призрачные цветы казались ей такими ужасными? На самом деле это не так. У них больше характера (Холли выбрала слово, которое слышала от миссис Финч; она его именно так использовала), чем у простых цветов, которые можно увидеть повсюду. Эти поганки такие большие, наверно, самые большие в мире.

Тропа снова повернула, но здесь поворот обозначали не животные из кустов, а высокий каменный столб, а на его вершине — череп какого-то животного с большими ветвистыми рогами. Череп наполовину зарос зеленоватым мхом, но Холли чувствовала, что череп узнаёт ее, что он знал, что она придет, и теперь приветствует каким-то странным образом, прямо у нее в голове, так что ушами она ничего не слышит.

И сразу они вышли на открытое пространство. Вот и дом Тамары — точно, как она и знала. Конечно, сейчас не лето, но теперь, когда цветы и растения завяли, все видно еще отчетливей. И из трубы поднимается дым. Но дверь не открыта — напротив, она крепко закрыта.

Что ж, и это правильно. Кто будет оставлять дверь открытой холодным осенним днем? Холли про себя кивнула. Видите, стоит о чем-то правильно подумать, и ответ прямо перед вами.

Сад перед ними, как и в первый раз. Но теперь он мертвый, тут и там торчат увядшие стебли, на земле лежат почерневшие растения. И пахнет мертвым, запах отвратительный. Но каким еще может быть запах, если все умерло? Нужно думать четко и не сравнивать с тем другим разом, когда она видела этот сад. Тогда было лето, а сейчас осень. Бабушка говорила, что растения быстро гибнут, когда их коснется первый осенний заморозок.

В центре сада по-прежнему бассейн, в нем тусклая зеленоватая вода. На краю бассейна лежит мертвая птица, другая плавает в воде. Какая разница, ведь это всего лишь птицы.

Важны не птицы, а люди. Животные и птицы — они существуют лишь для того, чтобы люди могли их использовать.

Холли уверенно пошла по дорожке, направляясь к закрытой двери дома, и в этот момент что-то, что она приняла за большой кусок замерзшей грязи, ожило, запрыгало к бассейну и шлепнулось в грязную воду. Змея? Нет, она не знает, что это, и на мгновение Холли дрогнула. Потом вспомнила, что она та большая, уверенная в себе Холли, которую она видела в зеркале.

Ничего с ней не случится. Она идет по желанию ведьмы, и ее ждут. Какое ей дело до мертвых птиц или ползающих тварей в мертвом саду?

И в сознании вспыхнула не принадлежащая ей мысль:

«Отлично, моя смелая малышка!»

Но как можно говорить «в голове»? Тем не менее взрослая Холли, какой она стала, не находила это тревожным.

«Все лучше и лучше, моя малышка! — одобрил тот, кого нельзя было ни увидеть, ни услышать. — Ты мне подходишь, я сделала правильный выбор!»

Она уже почти у двери, но тут кто-то схватил ее за руку и оттащил назад на шаг-два. Гневно вспыхнув, Холли оглянулась.

С одной стороны ее держал Крок, с другой Джуди, и оба пытались оттащить ее от двери. Что это с ними? Они злые, ревнивые! Они не хотят, чтобы она получила ведьмовские желания. Что ж, она их все равно получит — и когда получит, эти двое пожалеют!

Жаба — она пожелает, чтобы за Джуди всюду следовала жаба. Чтобы забиралась к ней в постель...

«Великолепно, малышка! — согласился мысленный голос. — А что для этого надоедливого парня, который лишает тебя удовольствия?»

Она... она что-нибудь придумает.

— Отпустите меня! — диким гневным голосом закричала Холли. — Вы не можете помешать мне получить желания, не можете!

— Но, Холли, посмотри! — Джуди плакала, и слезы бежали по ее круглым щекам. — Это не дом Тамары. Посмотри на крышу! У Тамары на крыше не могут быть такие! Ты только посмотри!

Холли неохотно посмотрела, куда показывала пальцем Джуди. На самом краю крыши над дверью был прикреплен ряд маленьких бело-серых черепов. Холли подумала, что среди них есть птичьи черепа, другие принадлежат животным. Но какое значение имеют эти старые кости? Всего лишь знаки силы...

«Именно так, малышка, именно так», — согласился голос в голове.

— Отпустите меня! — И она изо всех сил начала вырываться. Она должна освободиться, открыть эту дверь, встретиться лицом к лицу с той, что ее позвала, получить свои ведьмовские желания, и тогда она сделает все, что захочет.

Холли не знала, что будет делать, но это было очень важно, а времени мало. Только бы уйти от близнецов! Вдвоем они сильнее ее. Холли пиналась и вырывалась. А они тащили ее назад, подальше от дома. Она должна освободиться.

«Да, время игры кончается». — Голос в голове звучал теперь громче, он как будто тоже рассердился. И тут Холли увидела, что дверь дома открывается — медленно и с усилием, как будто кто-то этому мешает.

Теперь голос прозвучал не в голове, а в ушах, а Крок и Джуди застыли. Холли знала, что они тоже услышали.

— Именем Гекаты, прошу тебя заходить...

АГАРЬ

Холли уверенно, не оглядываясь, чтобы посмотреть, идут ли за ней, двинулась вперед. На первый взгляд, это тот же дом, в котором они побывали в первый раз. Но женщина, стоящая у очага в такой же позе, — это не Тамара!

Она ласково улыбается, не глядя на котел, хотя продолжает мешать его содержимое ложкой с длинной ручкой. У Тамары простое лицо и одежда, а эта девушка (выглядит она

гораздо моложе Тамары) очень красива. У нее такой же чепец, но он сдвинут на затылок. Лицо обрамлено завитками волос, почти серебряными. Широкая верхняя юбка зеленая, под ней нижняя юбка, тоже зеленая, но потемнее, а длинный передник и шарф на корсаже украшены зеленой вышивкой.

Светлая зелень юбки соответствует зелени ее глаз. И глаза эти кажутся огромными — под ресницами, очень черными, несмотря на светлые волосы. Девушка широко улыбнулась, и на щеках ее появились ямочки.

— Доброе утро тебе, моя малышка, — обратилась она непосредственно к Холли. — И хорошего дня твоим родственникам. Ты быстро послушалась моей просьбы, и это в твою пользу, маленькая сестра.

Холли потеряла дар речи. Это не Тамара. Но кто стоит у очага Тамары, пользуется ее котелком, как будто она у себя дома?

И словно прочитав эту мысль, девушка в зеленом рассмеялась, негромко и радостно.

— Да, я тебя знаю, а ты меня нет. Меня зовут Агарь... — Ее прервали, но сделала это не Холли, а Крок.

— Где Тамара? — спросил он. Голос его показался в этой комнате грубым и слишком громким.

Агарь перестала улыбаться. Глаза ее сузились, и на мгновение она напомнила Холли Томкита, когда тот раздраженно прижимает уши к голове и предупреждающе шипит. Но так она выглядела только мгновение.

Но вот она снова улыбнулась и мягким голосом ответила:

— Да, молодой сэр, моей сестры нет. Сегодня я поддерживаю огонь в очаге, как видишь. И очень рада обществу, потому что место это одинокое...

— Вы сестра Тамары? — Холли мигнула. Она так не похожа на Тамару. Но ведь Крок и Джуди близнецы, а они тоже совсем не похожи.

— Да, ее сестра, малышка. Но ты ведь пришла повидаться со мной, верно?

Холли медленно кивнула. До сих пор она этого не знала, но сейчас кое-что вспомнила из своего сна. Во сне с ней говорила не Тамара, а Агарь, она показала ей дорогу.

— Тогда больше не будем говорить о Тамаре. У нее свои заботы, и мы сегодня не будем ими заниматься, но будем получать удовольствие. — Агарь рассмеялась. — А удовольствий множество, малышки, — теперь она как будто говорила со всеми, говорила возбужденно, словно начиная какую-то интересную игру, — вы таких еще не знали! Позвольте мне закончить работу, и вы увидите!

Она повернулась и заглянула в котел, держа ложку на весу и позволяя жидкости из нее капать в то, что кипит под ней. Капли темно-зеленые и стекали медленно, как очень густые. Агарь запела, негромко и мягко, но Холли слышала каждое слово:

Королева неба, королева ада,
Помоги создать это зелье.
Рогатый ночной охотник,
Поработай здесь со своими волшебными обрядами.

Всеми силами земли и моря,
Как я говорю, пусть так и будет.
Всей мощью луны и солнца,
Как я хочу, да будет сделано!

С последним словом она наклонила котел, поставив перед ним тазик. Из котла в тазик неторопливо полилась густая зеленая жидкость. Ее было немного, и Агарь тщательно собрала всю, даже стряхнула последние капли с ложки.

К ароматам трав и пряностей в комнате добавился странный запах. Холли не могла решить, хороший он или плохой. Но она никогда такого не встречала.

Осторожно держа тазик, Агарь отнесла его к столу и поставила рядом с бутылкой, в которую уже была вставлена воронка. И с такой же осторожностью начала переливать жидкость из тазика в бутылку. Она была вся поглощена этим занятием, и Холли, не сознавая этого, придвинулась, чтобы все видеть.

Последняя капля прошла через воронку. Агарь быстро извлекла воронку и закрыла бутылку пробкой, а поверх обвязала зеленой ниткой. Потом поставила на стол и с улыбкой подняла голову.

— Сделано, и сделано хорошо! А когда работа кончена, приходит время игры. Чего хочешь, малышка? — обратилась она прямо к Холли. — Хочешь узнать, что сможешь сделать, если пожелаешь?..

— Холли! — Впервые заговорила Джуди. — Не слушай ее! Не смей ее слушать!

Снова красивое лицо Агари мгновенно гневно вспыхнуло.

— Малышка, — она посмотрела мимо Холли, — у тебя язык без костей. Не пользуйся им слишком часто, он тебя подведет!

— Перестаньте! — Это Крок. — Перестаньте пугать Джуди!

Агарь полуприкрыла свои сверкающие глаза. Она снова улыбнулась, но в ее улыбке было что-то таинственное. Холли неуверенно поерзала. Где-то в глубине души она ощутила страх. Но вот Агарь посмотрела на нее, и снова Холли увидела открытую теплую улыбку.

— Нет, мальчик, не надо меня бояться. Я не причиню вреда тебе и твоей сестре. Чего ты больше всего хочешь? Хорошенько подумай...

— Нет!

Агарь пожала плечами.

— Да будет так. Я не предлагаю дважды, мальчик. Но ты не можешь представить, от чего отказался.

И она посмотрела на Холли так, словно Джуди и Крок перестали существовать, осталась одна Холли.

— Но ты, малышка, ты хорошо знаешь пути мира. Когда будешь обладать силой, бери, что захочешь. А у тебя будет сила — я тебе обещаю. Но у каждой сделки есть две стороны. Я свободно отдаю, и ты должна свободно делать.

— Что делать? — спросила Холли, когда Агарь замолчала. Та весело рассмеялась.

— О, немного, совсем немного — для тебя. Но для меня это означает безопасность от тех, кто придет охотиться. Я немного вижу будущее, но этого немногого достаточно. Ты принесешь мне безопасность, малышка; но я приветствую тебя не только поэтому, но и из-за тебя самой. Потому что ты — плодородная почва для посадки...

— Я не понимаю, о чем вы говорите. — Холли была удивлена. Она поняла, что Агарь хочет, чтобы она каким-то образом помогла ей. Но остальное...

— Узнаешь. Это будет в тебе, жди и будь готова. А что не хочешь отдать другим... — Агарь снова помолчала. Кончиком языка облизала губы. Еще раз улыбнулась и поманила к себе.

— Смотри... — она широким жестом обвела стол и все вокруг него, — это школа, в которой многое можно узнать. Но узнать могут только те, у кого есть потребность. И в тебе я ее вижу. Я научу тебя, и ты узнаешь, и мы обе будем в безопасности. Но ты должна обеспечить эту безопасность, моя милая.

— Но как... — начала Холли, и тут же снаружи послышался голос, слабый, потому что дверь была заперта. Голос пел:

Лавандовая синева, дилли, дилли!
Лавандовая зелень.
Если я король, дилли, дилли!
Ты моя королева.

— Я буду королевой! — Агарь схватила бутылку, которую крепко заткнула. — Да, я буду королевой!

Она легко миновала стол и подбежала к двери. Холли посмотрела ей вслед и увидела у стены Джуди и Крока, глаза у них были широко раскрыты, а на лице страх. Но они не шевелились, не посмотрели на Холли, когда она подошла к окну и выглянула.

Холли раздвинула листья растения, которое росло на подоконнике в горшке. Пальцы ее коснулись маленькой рамы, и та повернулась на петлях, давая возможность не только видеть, но и слышать, что происходит снаружи.

По тропе увядшего сада быстро шел Сет Элкинс. На нем был длинный плащ и шляпа с широкими полями и высоким верхом. Но его лицо она не скрывала, и было видно, что он улыбается.

— Ах, дорогая, ты вышла ко мне так же радостно, как радостно я жду тебя! — Он развел руки, собираясь обнять Агарь. Но та, смеясь, отступила и ускользнула.

— Не так быстро, смельчак, — сказала она. — Неужели хочешь пролить все, что я так тщательно готовила для нашего будущего?

Она держала обеими руками бутылку, и он, увидев это, остановился.

— Значит, ты сделала, как грозились, — медленно сказал Сет Элкинс. Счастливое выражение покинуло его лицо.

Агарь сделала еще шаг назад и нахмурилась.

— Почему ты говоришь «грозились»? Я пообещала сделать то, что будет хорошо для нас обоих. И ты согласился на это. Почему так говоришь со мной, твоей единственной и верной возлюбленной? Или ты согласился с отцом и теперь будешь ухаживать за той, за которой он велит?

— Ты знаешь, что это не так! — сердито ответил он. — Ты поистине моя единственная и верная любовь. Ни за кем больше я не ухаживаю. Отец не заставит меня идти по дороге, по которой я не хочу идти. Но...

— Но? — повторила Агарь с резкостью, которую раньше Холли в ее ласковом голосе не слышала. — Значит, есть «но». Объясни мне его.

— Ты сама сказала — это ведьмовство.

— Ведьмовство? Что такое ведьмовство? — Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. — Ты называешь меня ведьмой? Тогда скажи это всем — преподобному Имсу и всем ему подобным. Пошли меня на смерть и смотри, как меня будут вешать. Меня обязательно повесят. Я никому не причинила зла, я целительница и желаю всем добра. Если хочешь склонить отца в мою пользу, я смогу тебе помочь. Я это обещала и смогу это сделать, если ты позволишь. Я не желаю ему зла — неужели я настолько глупа? О Тамаре уже ходят слухи.

Она дура, и я много раз говорила ей это. Неужели теперь будут говорить и обо мне?

Говоря, она медленно приближалась, глядя ему в глаза. На лице молодого человека появилось странное выражение, которого Холли не поняла: он как будто во всем мире видел одну Агарь и слышал только ее голос.

Теперь Агарь держала бутылочку в левой руке. Правую она вытянула вперед, распахнула плащ Сета и прижала ладонь к его груди.

— Неужели я дура, Сет? Неужели дам тем, кто желает нам зла, доказательство, что их злые мысли — это правда? Неужели, Сет?

— Нет! — Он схватил ее руку и крепко сжал. — Нет, Агарь, ты мое сердце и весь мой мир. В тебе не может быть зла!

— Помни это, — сказала она. — Теперь, если такова твоя воля, я с готовностью вылью это на землю. Хотя оно может принести нам счастье, я не хочу, чтобы ты верил, будто я желаю зла хоть одной живой душе!

Она высвободилась и отодвинулась, держа пробку правой рукой, готовая выдернуть ее и сделать, как пообещала.

Несколько мгновений он переводил взгляд с бутылочки на Агарь и назад.

— Что в ней?

— Только травы, — сразу ответила она.

— Как же это склонит моего отца к нашим желаниям?

— Оно смягчит его характер, и он готов будет прислушаться к тебе. Послушай, разве я сделала бы это, если бы в этом было зло?

Теперь Агарь достала пробку из бутылки. Держа ее большим и указательным пальцами, мизинец другой руки просунула в горлышко и окунула в зеленую жидкость. И когда извлекла, на ее пальце висела маслянистая зеленоватая капля. Агарь облизала палец. Потом снова закрыла бутылку.

— Видишь, что я сделала? Теперь ты мне веришь?

— Да. — Он медленно протянул руки и взял бутылочку.

— Когда... как это использовать? — неуверенно спросил он.

— Три капли в поссет¹, который он выпивает перед сном. Этот поссет изготовила для него моя добрая сестра, чтобы облегчить боли в животе. Сделай так три вечера подряд, потом пропусти один вечер и снова три подряд. Увидишь, что он станет к тебе добр, каким не был с тех пор, как мастер Димсдейл предложил женить тебя на своей косоглазой дочери-наследнице. Три плюс три, говорю тебе, и мы станем мужем и женой!

— Пусть побыстрее наступит этот день! — Сет снова смеялся. Он спрятал бутылочку в карман, потом схватил Агарь в объятия и со смехом поднял. Она тоже смеялась. Потом он поцеловал ее.

Но вот она высвободилась из его объятий.

— Уходи, смельчак! Тамара не должна видеть тебя: она ревнует из-за того, что за мной ухаживают, а за ней нет. И может причинить нам неприятности. А Пэйшенс² Димсдейл вполне оправдывает свое имя: вечно всюду подглядывает и подслушивает. И пока сердце твоего отца не повернется к нам, нам не нужны крики мастера Димсдейла. Он давно уже не любит меня, и глупо было бы подбрасывать дрова в костер его гнева. Скоро, дорогой, мы навсегда будем вместе...

— Пусть это будет побыстрее!

Сет ушел, а Агарь стояла, улыбаясь, и дважды махала ему рукой, когда он оборачивался. Когда он ушел, она сразу вернулась в дом, и Холли, чувствуя беспокойство, отошла от окна.

— Чему следовало быть сделано, сделано, и сделано хорошо, — сказала Агарь словно самой себе. — И если возникнут вопросы — моя дорогая сестра должна будет ответить! Дура! Трижды дурой она была и всегда будет!

Она посмотрела на Холли и кивнула.

¹ Традиционный напиток из молока, сахара, вина и пряностей. — *Прим. перев.*

² Patience (англ.) — терпение, настойчивость, упорство. — *Прим. перев.*

— Новый урок для тебя, малышка, хотя ты еще не понимаешь всего его значения. Теперь давай веселиться, как добрые товарищи по оружию, — потому что такими мы должны стать.

Как сделала и Тамара, Агарь очистила конец стола; действуя быстро и уверенно, она поставила тарелки, принесла кубки, свежий хлеб и мед. Но на этот раз Холли несколько не хотела есть. К тому же она увидела, что Агарь поставила только две тарелки и два кубка.

Холли оглянулась на Джуди и Крока. К ее удивлению, они не пошевелились с того момента, как она смотрела на них в последний раз, стояли у стены с тем же застывшим выражением удивления и страха. И Холли снова сама ощутила страх.

— Что... что вы с ними сделали? — с ужасом спросила она.

Агарь разрезала хлеб, раскладывая его по двум тарелкам.

— Ты боишься, малышка! — Голос ее прозвучал озабоченно. — Не надо. Страх ослабляет решимость и замедляет мысль. Я не причиню вреда твоей крови. Но они видят во мне зло и будут видеть его в тебе, потому что не понимают того, что заключено в нас. Теперь они словно во сне. Не будут помнить ничего, только сон, очень неопределенный и бессмысленный. Но ты будешь помнить все, что было, и все, что должна сделать. Теперь давай поедим, потому что мы друзья, а друзья делятся доброй едой и выпивкой.

Холли очень медленно подошла к столу. Иногда, мигнув, она словно видела другую комнату и другого человека: не Тамару, нет... но и не Агарь. И когда это случалось, ее на мгновение охватывал страх. Потом видение исчезало, и все снова было в порядке, и она знала, что Агарь сказала правду и все будет хорошо.

Холли села на скамью, а Агарь придвинула стул и тоже села по другую сторону. Подняла руки и начертила в воздухе, над тарелками с хлебом и кубками с напитком, знак.

Холли взяла хлеб. Она не была голодна, но, как и Агарь, отломала кусочек и положила в рот. Она считала, что под

внимательным взглядом Агари было бы невежливо поступить иначе.

В отличие от хлеба Тамары, этот был сухим, безвкусным и застревал в горле. Пришлось отпить из кубка, чтобы проглотить. И напиток тоже не имел вкуса сидра, он оказался вязким и чуть жгучим.

— Я не очень проголодалась, — сказала Холли, которая не могла больше есть или пить: то, что она проглотила, вызвало у нее жжение.

— Нет? Но мне казалось, тебя привел сюда голод, моя малышка. Разве ты не жаждешь того, что победит твоих врагов и позволит тебе повелевать? — Агарь взглянула Холли в глаза с той же силой и вниманием, как раньше она смотрела на Сета.

Это было почти так же, как посмотреть в глаза странных животных из кустов в лабиринте. Холли показалось, что она видит свое отражение в зеленых глазах Агари, и сразу ее тревога рассеялась. Конечно, Агарь права! Она хочет овладеть ведьмовскими желаниями, быть способной постоять за себя, заставить их всех пожалеть... Она еще не поняла сама, кто такие «они», кто должен будет пожалеть, если она получит свои желания. Но она узнает это, когда придет время, обязательно узнает!

— Да, малышка, узнаешь! — кивнула Агарь. — Но не забудь, что такое знание не приходит сразу. Оно растет, как растет семя, посаженное в нужную почву.

— Вы на самом деле сестра Тамары? — Холли сама не понимала, почему спросила это или почему ответ Агари кажется ей таким важным. Она это только чувствовала.

— Ты сомневаешься в этом? Почему? Потому что у нее простое лицо, а я красива? — Агарь поправила завитки на лбу. — Потому что она старше, а я моложе? Но это правда: мы одной крови. И одних знаний — мы обладаем силой. А теперь сообщу тебе небольшую тайну, малышка. — Агарь улыбалась, и ее зеленые глаза сверкали, как бриллианты. — Да, тайну. Она совсем не такая мудрая и сильная, как считает, моя дорогая сестра. То, что может сделать она, я могу

сломать так же легко, как ломаю это. — Она взяла со стола длинный тонкий прут. И с треском, который громко прозвучал в комнате, сломала его пальцами. — То, что она построила, я уничтожу. Нет, мы с тобой уничтожим, малышка.

— Тамара... она добрая... — И снова Холли не поняла, почему сказала это. Но эти слова разбудили ее память. Тамара... она пришла предупредить Тамару о плане Секстона Димсдейла! Но если эти люди придут сжигать дом ведьмы, они враги и Агари.

— Послушайте... — Холли наклонилась над столом. Теперь, вспомнив, она еще сильнее хотела предупредить. — Там, где я... откуда я... мы пришли, говорят, что на Хэллоуин мастер Димсдейл и другие люди пришли, чтобы сжечь этот дом, убить Тамару... вас...

В рассказе бабушки Агарь не упоминалась, но, очевидно, ей тоже грозит опасность, потому что она здесь живет.

— Там, откуда ты пришла... — медленно повторила Агарь. Она либо не поверила Холли, либо ей пришла в голову какая-то другая, более важная мысль. — А откуда ты пришла, малышка? Да, я нашла тебя в лабиринте сна. Но я не знаю, откуда ты пришла туда, знаю только, что ты воспользовалась заклинанием и раскрыла ворота между нами. А теперь — расскажи мне о твоём мире!

Она снова внимательно посмотрела на Холли — словно смотрела прямо в сознание, таким прямым и ищущим был этот взгляд.

— Это... это другое время... мне кажется. — Последние два слова Холли добавила, потому что действительно не была уверена. — В моём мире сейчас тысяча девятьсот семидесятые годы.

— Тысяча девятьсот семидесятые, — повторила Агарь. Она отодвинула тарелку, погрузила пальцы в кубок с напитком и начала чертить линии на деревянной поверхности стола. Причем, слегка наклонив голову, всматривалась в эти линии с таким же вниманием, с каким только что смотрела на Холли. — Вот оно что! — сказала она наконец. — Другое время. Но расскажи больше — гораздо больше!

Холли попыталась, но как рассказать о том Димсдейле, который сейчас, о современном мире? На это нужны дни...

— Димсдейл разрушен, и в нем живут отбросы, — рассмеялась Агарь. — Что сказал бы об этом мастер Секстон? Неплохой конец для исполненного гордости человека! Этот твой мир — я вижу, он сильно переменялся. Но люди в нем — не меняются. И я буду иметь с ними дело — с твоей помощью, малышка. Ты предупредила меня о неприятностях, и я у тебя в долгу. Но когда эти неприятности придут — Агари здесь уже не будет! Как хорошо я поступила, вызвав тебя!

— Но Тамара... — попыталась вставить Холли.

— Тамара? — Агарь снова рассмеялась. — Разве я не сказала, что она тоже обладает силой — своего рода? Бледной тенью той силы, которой обладала бы, будь у нее храброе сердце. Пусть защищается сама, как буду делать и я. С нетерпением жду, когда смогу собственными глазами увидеть твой необычный мир, малышка.

— Вы... уйдете с нами? — Холли удивилась и слегка встревожилась. Она не понимала, как сможет объяснить присутствие Агари, если та решит уйти с ними. И почему-то ей не хотелось, чтобы это произошло. Агарь... Тамара... они часть того, что нельзя смешивать с настоящим миром, безопасным миром дома-амбара, мамы, бабушки и дедушки, школы — миром всего, что знает Холли.

— Пока я не могу это сделать, малышка. Нужно собрать силы. Но с твоей помощью я и здесь в безопасности. И ты меня предупредила — это хорошо сделано. Но можешь сделать еще лучше. Можешь защитить все это, — и она широким жестом охватила все окружение.

— Как?

— Легко, малышка. Я тебе покажу. И в твоей природе есть то, что тебе поможет.

Она грациозно встала.

— Посиди, а я соберу то, что должно вернуться с тобой. И внимательно слушай, что я говорю. Раз ты пришла предупредить, конечно, ты захочешь и спасти.

Агарь прошла к шкафу в дальнем темном конце комнаты и открыла тяжелую задвижку. Внутри на полках Холли увидела множество кувшинчиков и мешочков. Агарь как будто сама еще не решила, что ей потребуется: она притрагивалась к кувшинчикам и пакетам, иногда снимала их с полки и взвешивала в руке, словно хотела убедиться, что выбрала верно.

Наконец она вернулась с несколькими пакетами. Один из них был гораздо больше остальных, но все плотно завернуты, так что Холли не видела их содержимого. Агарь укладывала их один за другим на стол, вслух произнося названия. Пальцем она по очереди касалась каждого пакета, чтобы Холли запомнила, что в нем.

— Переступень, конопля, вербена, полынь, гроздовник, коровяк и — самое главное — она коснулась самого большого пакета — корень мандрагоры. Их нужно посадить, и в таком месте, где они какое-то время смогут расти незаметно. Ты поняла?

Холли кивнула. Бабушкина часть мастерской. Но спросила:

— А для чего они?

— Для нашей выгоды, моя малышка. Чем больше они растут, тем сильнее время привязывается ко времени. И будет расти твоя сила. Гроздовник — когда вырастет — чтобы ты видела сны. Подлинные сны, такие, как тот, что привел тебя сюда. И когда ты увидишь такие сны, я буду в них говорить с тобой, подсказывать, что делать дальше, чтобы опасность, о которой ты рассказала, никогда не пришла. Понимаешь?

— Да. — Холли понимала, что Агарь нуждается в ее помощи, чтобы спастись от Секстона Димсдейла. И если спасется Агарь, то спасется и Тамара, уговаривала Холли свою встревоженную совесть. Потому что именно поэтому дом и ведьма исчезли на второй день после того, как разбежались испуганные люди.

Агарь наклонилась к ней, протянула руку.

— Закрой глаза, малышка! — приказала она.

Холли смущенно повиновалась и почувствовала легкое прикосновение к векам.

— Теперь рот.

Не открывая глаз, Холли крепко сжала губы.

— Как я говорю — так и будет! — услышала она слова Агари. — Достаточно, малышка. Твои глаза будут тебе служить, а губы — молчать, пока мы не встретимся снова. Теперь бери то, что должна вырастить, и возвращайся к себе.

Она сложила все пакеты в зеленый мешок — зелень травы или свежей листы — и протянула Холли.

— А Джуди и Крок? — нерешительно спросила Холли.

— Они ничего не будут помнить, только что вы заблудились в лабиринте. Веди их за руку, и вы благополучно выйдете. Ты хорошо поступила, малышка, очень хорошо.

Холли сунула зеленый мешок под куртку. Но когда она уже повернулась, чтобы уходить, Агарь снова заговорила:

— Твои родственники, малышка... ты привела их с собой, и они слышали и видели... то, что им не предназначено. Они не поймут. Я сказала, что они не будут помнить. Так и будет, если...

— Что если? — Холли застыла; что-то в этом «если» было такое, от чего она почувствовала озноб.

— Если ты сделаешь то, что должна сделать, с ними все будет хорошо, и пробел в их памяти благополучно зарастет. Но если ты не сделаешь... — Агарь медленно покачала головой. — Не могу сказать, какие страхи будут их преследовать. Потому что ты, малышка, видела все таким, каково оно на самом деле. Но у твоих родственников нет такого ясного зренья, и то, что они увидели, будет преследовать их во снах.

Холли перевела взгляд от Агари на Джуди и Крока, на их встревоженные, напряженные лица. Да, она видит в них страх. Агарь права. Ее вина, что они сюда пришли, и она будет виновата, если их будут преследовать дурные сны и воспоминания.

— Я не позволю, чтобы это произошло! — Конечно, отчасти это и их вина, вдруг подумала она. Но она позаботится, чтобы все было в порядке, докажет, что именно она права.

— Правильно, малышка. Помни, что я сказала тебе и что нужно сделать, и все у тебя будет хорошо. — Агарь снова подняла руку и начертила в воздухе знак.

Холли мигнула. Видела ли она необычное сияние вокруг пальца или ей показалось? Но сияние исчезло, и она не была уверена, что вообще его видела. Она прошла по комнате, взяла Крока за безжизненно свисавшую руку. Рука холодная, словно Холли держит кусок льда, и у Джуди такая же.

Дверь перед ними медленно раскрылась сама собой. Ведя близнецов, Холли прошла в нее. Снаружи было темно, облака низко висели над головами, и дул такой сильный холодный ветер, что, когда он ударил в лицо, Холли ахнула. Домой — пусть они скорее вернуться домой, в дом-амбар, где тепло и все такое, каким должно быть! Крок и Джуди шли за ней, по-прежнему неподвижно глядя прямо перед собой. Но по крайней мере шли, и вести их было легко.

Они миновали мертвый сад. Холли остановилась и оглянулась — почему, сама не знала. Дверь снова была закрыта, и даже дым из трубы не шел. Ничего не свидетельствовало, что здесь кто-то живет. Но сам дом — в глазах Холли картина начала расплываться, и в этой дымке она увидела что-то совсем не похожее на дом. Ей показалось, что там скорчилось чудовище и смотрит на нее глазами-зеркалами.

Это впечатление так ее испугало, что она бросилась прямо к входу в лабиринт, чувствуя, как сильно бьется сердце. Поскользнулась на одной из покрытых слизью плит и едва не упала. Иди медленно, сзади никого нет...

По туннелю из кустов, поворот, снова по туннелю, по-прежнему ведя Крока и Джуди. Вот опять чудовище с глазами-зеркалами — Холли уверена, что это именно оно. Но в голове нет блестящих дисков, просто большие черные дыры. Холли вздрогнула, торопливо проводя близнецов.

Холодно, так холодно! И темно. Внизу, в сплетении ветвей, среди чудовищных поганок и призрачных растений, мелькают крошечные огоньки. Холли видит, как они движутся, смотрят на нее — это глаза! Глаза каких-то тварей!

Она не хочет их видеть, хочет убраться отсюда, вернуться в мир, который может понять.

Поворот, еще поворот и снова поворот. Легко ошибиться, свернуть не туда, но что-то в глубине Холли знает. Ее взгляд становится все смелее, и она видит отвратительные головы — крысы! Холли едва не закричала. Она ненавидит крыс. Но пока на тропу они не выходят.

— Холли... Холли, где мы? — Крок неожиданно выдернул руку. — Где...

Глаза его больше не смотрят неподвижным взглядом. Он поворачивает голову из стороны в сторону, и Холли видит на его лице страх.

— Мы в лабиринте, — коротко ответила она.

— Нужно выходить отсюда! — с ужасом сказал он, глядя на край тропы. Холли посмотрела вниз и быстро отвела взгляд. Она уверена, что там не только крысы. Но Агарь обещала...

И как будто воспоминание об Агари заставило страх отступить. Крок — ему нечего бояться, подумала с легким презрением Холли. Да он никогда не зашел бы так далеко, если бы она его не привела. И им вообще нечего бояться, Агарь ведь обещала...

— Пошли, — резко сказала Холли. — Мы легко выйдем. Но Крок повернулся к сестре.

— Что с Джуди? — И он обвиняюще посмотрел на Холли.

— С ней все в порядке! Она... вроде как спит. Пошли!

Крок вздрогнул, но пошел вперед. Теперь он взял Джуди за вторую руку, и вдвоем они повели ее за собой.

— Тамара... — еле слышным шепотом произнесла Джуди.

Агарь сказала, что они ничего не будут помнить, будут считать, что заблудились в лабиринте. Если это так, то ей, Холли, нужно постараться никак не выдать себя, не показать, что она знает больше. Потому что... Агарь сказала, что будет очень плохо, если они вспомнят. Холли старательно подбирала слова, успокаивая Джуди.

— Мы не нашли Тамару... просто заблудились.

— Мне не нравится это место! — воскликнула Джуди. — Я хочу домой. Не хочу быть здесь!

— Мы идем, — ответила Холли. — Идем как можем быстро.

— Но мы заблудились... ты повела нас неверным путем, Холли; ты знала, что это неправильный путь! — Джуди упрямо сжала рот. — Я не пойду туда, куда ты говоришь. Мы только еще больше заблудимся...

— Нет... послушай, Джуди... я это помню. — Крок торопливо двинулся к следующей развилке. — Конечно, это правильный путь.

Джуди вырвала руку и пошла вслед за ним. Холли посмотрела им вслед. Ей было холодно снаружи и изнутри. Джуди и Крок ведут себя так, словно больше не хотят быть с ней.

«Ну и что с того?» — произнес кто-то в ее сознании. Агарь... она сказала, что у тебя есть сила, а у них нет. Холли не понимала, что это за сила. Но сама мысль о ней подкрепила ее, и она почувствовала свою значительность. Она обеими руками прижала к себе пакет под курткой. Делай то, что велела Агарь, и будешь знать еще больше... и пусть тогда Крок и Джуди только попробуют сказать, что она ошибается! Увидите, что с ними случится!

ВТОРАЯ ПОСАДКА

— И что вы об этом думаете? — Бабушка, должно быть, услышала, что они идут, но не оторвала взгляд от стола. Откинувшись в кресле, она изучала то, что стояло перед ней.

Статуэтка женщины была целой. И это была...

Холли покачала головой, отказываясь от своего первого впечатления. Конечно, это не может быть статуэтка Тамары! Но женщина одета так же, верхняя широкая юбка, изпод которой видна нижняя, передник, воротник, корсет на шнурках и чепец, почти совсем скрывающий волосы. Но фигура совершенно белая, ее не оживляет никакой цвет.

— Это Тамара! — Прежде чем Холли успела остановить ее, Джуди подбежала к столу и принялась зачарованно разглядывать фигуру. — Это Тамара.

Теперь бабушка оглянулась.

— Тамара... И кто такая Тамара? Странное имя. Где ты его услышала?

Холли была в отчаянии. Ответил Крок:

— Она слышала старинный рассказ о Димсдейле. Там когда-то жила Тамара.

— Вот как? — Бабушка заинтересовалась. — Наверно, мисс Сара рассказала вам в библиотеке. Но тут не написано, что это Тамара... посмотрим... — Она указала на слова, написанные на основании восстановленной статуэтки. — Здесь написано... — Она слегка наклонилась, чтобы лучше видеть, и, не касаясь статуэтки, поставила на место очки. — Вот как!

— Что там написано? — Джуди придвинулась, протянула руку. — О, смотрите, здесь и Томкит. Прямо у ее ног. Тут написано... — Джуди медленно вслух прочла: — «Молодая ведьма». Это ложь! — закричала она. — Тамара не ведьма! Она хорошая!

— Джуди! — Никогда раньше бабушка не говорила так резко. — Я нехорошо поступила, рассказав тебе все эти истории старой мисс Элвери, это ясно. Никаких ведьм на самом деле нет, только в историях. Мисс Элвери была очень старая. И у нее в жизни было много бед... ну, она не всегда думала связно. И очень много читала о старых днях. Она жила больше в прошлом, чем в настоящем. Не знаю ничего об этой Тамаре, но не нужно говорить о ведьмах.

— В Салеме ведьм вешали, — вмешался Крок — Мы видели ведьмин дом, в котором был суд. Тогда люди в это верили.

Бабушка перевела взгляд на брата-близнеца Джуди. Нотка недовольства в ее тоне стала еще заметней.

— Здесь никогда ведьм не вешали. — Она снова посмотрела на восстановленную статуэтку, но теперь на ее лице не было ни следа прежней удовлетворенности или удовольствия. — А эта фигура — просто кто-то ее придумал. — Она взяла старую порванную наволочку (ту самую, в которой дер-

жала осколки) и быстро завернула в нее статуэтку. — Это на отдачу. Если мистер Корри заинтересуется, пусть берет.

Заворачивая статуэтку, она продолжала хмуриться. Потом встала, отнесла туда, где лежал отреставрированный фарфор, и поставила в глубину полки. Теперь она как будто даже жалела, что взялась ее чинить, что эта статуэтка вообще оказалась в доме-амбаре.

— Это была Тамара, — тихо, но уверенно сказала Джуди, по-прежнему глядя на то место, где только что стояла статуэтка. — И там написано, что это ведьма! Что-то плохое случится с Тамарой — я знаю!

— Нет, не случится! — Холли не снимала куртку; руку держала прижатой к груди, чувствуя мешок, который дала ей Агарь. Джуди очень глупая, она просто ребенок. Агарь — сестра Тамары, хотя, кажется, не очень ее любит. Но это дом и Агари. И она не позволит старому Секстону Димсдейлу сжечь его. Агарь знает, как его остановить...

Но Агарь очень ясно дала понять, что нуждается в помощи Холли. Холли должна посадить то, что ей было дано. Она не понимала, чем может помочь посадка растений в горшки, но уверена, что Агарь это знает, иначе она бы не велела Холли это делать.

Джуди не оборачивалась и не отвечала сестре. И снова у Холли появилось странное ощущение, как будто Джуди за стеклянной стеной. Она видит сестру, слышит ее, может прикоснуться к ней, но теперь Джуди далеко от нее.

Да кому она нужна? Странное ощущение уверенности нарастало в Холли, сметало замешательство и недоумение. Джуди никому не нужна, а вот она, Холли, нужна Агари. И то, что она делает, очень важно. И она должна сделать это побыстрее.

Бабушка разглядывала обломки на полке. Наверно, выбирала, на чем в следующий раз проявить свое мастерство. Джуди отвернулась от стола и направилась к лестнице. А Крок пошел к выходу. Никто за ней не подглядывает, никто не заметит, если она займется прямо сейчас.

С легкой дрожью возбуждения Холли выскользнула вслед за братом. Только одно может смешать ее планы. Если в мастерской работает дедушка. Но Крок идет не туда, он обходит дом с противоположной стороны, где подъездная дорога.

Холли шла мимо голых клумб, на которых еще торчало несколько стеблей, темных и сухих, напоминая сад в лабиринте. Тучи почти такие же низкие и темные, как те, что нависли над домом Агари.

Холли уже положила руку на задвижку мастерской, когда раздался громкий звук. От неожиданности она подпрыгнула. Кто-то сигналил, это автомобильный сигнал, с другой стороны амбара. Значит ли это, что дедушка в мастерской и его вызывают? Холли осторожно открыла дверь.

Нет. На верстаке лежат инструменты, на полу чемодан с закрытой крышкой, тот самый, который они привезли из дома Элкинсов. Может, дедушка чинил его. Но сейчас в мастерской никого нет.

Холли скользнула туда, где стоят горшки с бабушкиными растениями. Вытащила пакет из-под куртки, опустилась на четвереньки и заглянула под стол. Да, ей везет, там еще много пустых горшков. Придется заползть под стол, чтобы достать их, но она это сделает.

Тьфу — паутина! Холли вытерла руки о джинсы. Она ненавидела пауков, при виде их у нее мурашки ползли по телу. Но бабушка считает, что и их нельзя убивать. Она сказала, что они ловят вредных насекомых, которым не место в домах.

Холли вспомнила, что придется выходить и копать землю, как она делала раньше. Это рискованно. Окно ее и Джуди спальни выходит в эту сторону. Что, если Джуди увидит ее и захочет узнать, что она делает? Но Холли не видела другой возможности заполнить горшки землей.

Взяв ведро и лопату, она быстро пошла. Никого не видно. Взгляд в сторону окна — занавеска задернута. Лучше больше не брать землю из клумб. Еще рискованней открыто идти в сторону лабиринта, но Холли была уверена, что со временем сумеет накопать больше.

Работала она как могла быстро, но земля была жесткая, в ней попадалось много крепких травяных корней и камней. Холли энергично копала, в то же время настороженно прислушиваясь. Автомобильный сигнал больше не звучал, но время от времени она слышала голоса. Казалось, они доносятся со стороны старого погребца, который дедушка заполняет ненужным мусором. Он хотел убрать туда как можно больше мусора, потом покрыть камнями, чтобы выглядело красиво. Все равно что его посадки деревьев: дедушка хочет, чтобы Димсдейл выглядел как можно лучше.

Но разве можно сделать свалку чем-то другим? Холли острием лопаты разбивала большие комья. Кажется, земля не очень подходящая, но пока она больше ничего не может сделать. Может, достанет удобрения, которые продают в «центовке»¹. Мама подкармливала ими свои африканские фиалки. Это заменит хорошую почву. Главное — посадить растения, которые ей дала Агарь, посадить и спрятать как можно быстрее. И чтобы никто о них не знал.

Потому что Холли знала — знала так, словно Агарь открыто предупредила ее об этом, — что никто не должен знать, что она принесла из лабиринта эти семена и так странно выглядящий корень. И если Крок и Джуди не вспомнят, что произошло в доме Агари, только тогда она в безопасности.

Холли теперь думала об этом месте в лабиринте как о доме Агари, хотя они там видели и Тамару. Только ей все трудней становилось вспоминать Тамару. В то же время стоило ей закрыть глаза, как она видела Агарь так же отчетливо, как если бы та стояла прямо здесь и смотрела, как она копает ужасно твердую землю.

Результаты копания были обескураживающими. Почва в ведре вся состояла из жестких комков. Может, внутри она

¹ Магазин товаров повседневного спроса типа «тысячи мелочей». Создан Ф. У. Вулвортом. Любой товар в нем продавали за пять или десять центов, отсюда и название «центовка». Хотя сегодня в таких магазинах товары стоят уже доллары и даже десятки долларов, название сохранилось. — *Прим. перев.*

сможет разбить их, взяв дедушкин молоток. Вдобавок Холли постоянно оглядывалась, чтобы убедиться, что ее никто не видит, и это тоже не облегчало работу.

Наконец ведро почти наполнилось, и когда Холли его подняла, то поняла, что едва удерживает. Но потащила его к мастерской. Здесь в углу лежала груда старых газет. Дедушка застилает ими пол, когда красит.

Холли разложила несколько газет, поставила на них ведро и принялась лопатой перекаладывать комки в горшки. Может, в тепле они станут мягче. Самые большие из них начали крошиться, и несколько энергичных ударов лопатой разбили их. В последних двух горшках земли было маловато, но Холли боялась рисковать и выходить второй раз.

Она быстро посадила семена. Самый большой горшок предназначался для корня, и она посадила корень как можно тщательней, а потом руками пригребла к нему землю.

Ну вот... Холли откинулась, сидя на корточках, и осмотрела полки. Они с Джуди спрятали горшки в первый раз, сейчас нужно сделать то же самое. Но места осталось мало. Вытянувшись во весь рост, она принялась передвигать горшки на полках, втискивая свои, как только образовалось место. Наконец остался только горшок с корнем. Холли не видела другого выхода, как только засунуть его поглубже под стол, надеясь, что он будет расти и в темноте. Или хоть прорастет.

Передвигая горшки, она удивилась, обнаружив, что по крайней мере в двух, куда сажала Джуди, показались крошечные зеленые листочки. Невозможно было сказать, что это за растения. Девочки не подумали как-то обозначить на горшках, что посадили. Теперь Холли даже не могла вспомнить названия, которые перечисляла Тамара. Но ей было все равно. Главное — те растения, которые принесла она, хотя Агарь так и не объяснила, зачем они нужны.

Холли старательно прибралась в мастерской. Джуди может прийти, чтобы посмотреть свои посадки. И, конечно, бабушка заходит в свой зимний сад. Никто не должен догадаться — по крайней мере пока, что Холли что-то добавила.

Наконец она со вздохом облегчения осмотрелась. Она выполнила свое обещание и при первой же возможности раздобудет удобрения. Это должно помочь.

Выходя из мастерской, Холли опять старательно осмотрелась, чтобы убедиться, что Крок или Джуди за ней не подсматривают. Они не имеют права вмешиваться в ее дела — ее и Агари. Она осторожно открыла дверь дома-амбара, стараясь заранее придумать ответы на возможные вопросы.

— ...ты понимаешь, о чем они думают, Лют. Конечно, никто не может сказать, что вы не старались держать все в порядке. Но только это ведь свалка, а мистер Рейтер, он говорит, что очень хорошо заплатит. Судья Таннер ведет дело этого мистера Портера Димсдейла с запада. И, кажется, вообще готов закрыть дело. Слишком долго оно тянется. Я просто заглянул, чтобы рассказать тебе, как обстоят дела, Лют. Мы бы ничего не стали делать, но эти новые жители, они шумят, что свалка слишком близко к ним и что ее нужно ликвидировать, чтобы город лучше выглядел к празднику.

И не думай, Лют, чтобы кто-нибудь из нас не сказал, что ты тут хорошо работаешь. Ты действительно работаешь хорошо. Но что ты можешь сделать со свалкой? А если мистер Рейтер настроен серьезно...

— Тогда, — слышался резкий голос бабушки, — здесь будет еще несколько улиц с одинаковыми домиками и совершенно без деревьев, голая земля.

— Наверно. Сейчас многие хотят жить в стороне от больших городов. И им ведь нужно где-то жить.

— Они не хотят уезжать из больших городов, — возразила бабушка. — Нет, сэр. Хотят прихватить с собой свои города, когда переезжают. Сколько у нас времени, мистер Билл, прежде чем эти новые горожане нас выселят?

— Не могу сказать, Мерси. Вопрос поднимут на городском собрании. А эти, из-за реки, они много говорят. Просто я хотел вас предупредить, что неприятности уже за углом. Не хочу иметь ничего общего с этим Рейтером. Он хорошо говорит, но я хотел бы посмотреть, что выйдет из его разговоров. Димсдейл когда-то был большим красивым поме-

ством. Жаль, что он сгорел. Если бы он уцелел, его можно было бы использовать для туристов, как сделали со старым домом Пиготов. Или с домом Элкинсов, который купили и сейчас восстанавливают. Но здесь — эти как будто просто хотят избавиться от всего старого, плохого или хорошего, им все равно. Ну, мне пора. Спасибо за угощение, Мерси. Вкусный у тебя пирог с изюмом. У тебя получается лучше, чем у женщин, которые постоянно хвастаются своими блюдами.

— Вы очень добры, мистер Билл. — Голос бабушки звучал совсем невесело. Она явно была расстроена и огорчена.

— Вы знаете, что они собираются сказать на городском собрании, мистер Билл? — Это сказал дедушка.

— Кое-что слышал. Говорят многое. Некоторые — Джим Хукер и Айра Батчлер, они прислушиваются к тому, что говорят эти новые. Потому что у Джима гараж, а у Айры починка и ремонт. И они на этих новых участках хорошо зарабатывают. Похоже, их дома постоянно нуждаются в починке. Вы ведь знаете, Айра и его парень берутся за разную работу: тут столярничают, там трубы прокладывают. И в гараже вдвое больше работы с тех пор, как открылся новый микрорайон. Думаю, не в том дело, что Джим и Айра недовольны прошлым, просто не хотят упустить выгоду.

А главная трудность — миссис Стенли Диверс и ее банда всезнаек из-за реки. Она приходит в женский клуб при церкви и убеждает всех, что нужно заняться чем-то современным. А когда миссис Пигот ей возразила, она рассердилась. И еще пришла в школьный совет, и мы услышали много разговоров о том, что у нас отсталая школа и дети получают плохое образование. — Холли услышала искренний смех. — Ну и в глупом же положении она оказалась, когда доктор Пибоди достал свою книгу записей и начал читать, сколько стипендий и призов выиграла наша молодежь.

Миссис Диверс говорила, что у нас отсталая школа и мы не учим детей жить в современном мире. Но эта глупость у нее не прошла. Люди гордятся нашей школой и рассердились, услышав ее слова. Поэтому она замолчала, и больше мы о школе от нее не слышим. Теперь у нее новая идея —

сделать Сассекс красивым к годовщине. И беда в том, Лют, Мерси, что тут она нашла такое, что людей не тревожит. Они не станут защищать городскую свалку от миссис Диверс. А тут еще мистер Рейтер подвернулся, как он благоустроит и разовьет этот участок. Что ж, к деньгам все прислушиваются, хотя на самом деле он собирается настроить много одинаковых домишек, которые покупают только горожане, а они дальше своего носа не видят. Но я — у меня есть несколько хороших вопросов, которые я задам на собрании (оно будет десятого ноября). Я встану и спрошу: ну, хорошо, они закрывают свалку в Димсдейле и начинают тут строительство, но куда они денут мусор? Будут разбрасывать вдоль дорог? Что это за усовершенствование? Так случилось в Норфолке — и так будет и у нас. Скажу достаточно, чтобы они задумались. Если эти глупцы могут думать. Мы с ними еще поборемся. Я похожу, поговорю со старожилками, посмотрим, что можно сделать. Я только хотел предупредить вас, Лют, Мерси, но мы еще не сдались, а я — я буду драться!

Холли слышала, как хлопнула входная дверь, и сама скользнула в тепло дома. Бабушка сидела за столом, положив на него руки, и смотрела на дедушку поверх очков. Очки сползли на самый кончик носа, но она этого не замечала.

— Лютер, что нам делать? — Голос совсем не похож на бабушкин, он тонкий и дрожащий, словно у старой, очень старой женщины.

Дедушка стоял у двери, он только что проводил гостя.

— Что делать, Мерси? — Он повернулся, и голос его не был дрожащим и слабым, он прозвучал жестко. — То, что сказал мистер Билл Нойес. Мы будем драться!

— Но он сказал — и он прав, — что никому нет дела до свалки. Она может быть где угодно...

— Никому нет дела до свалки? — Голос дедушки по-прежнему звучал сердито. — Мистер Корри — откуда он будет брать свой антиквариат? И Лем — он здесь много находит деталей для ремонта. И миссис Дейл — скауты, им нужна свалка для их докладов. Мисс Сара из библиотеки, где она возьмет старые книги? Разве мы не находили дважды такие,

о каких она могла только мечтать? — Дневник Сета Элкинса она показывает всем, кто приходит в музей, а кто его нашел? Ты нашла, Мерси, нашла прямо на свалке!

И не всё же здесь только свалка. Разве мы с тобой не сажаем деревья, — дедушка энергично показал на стену за Холли, не глядя на нее, — чтобы здесь было красиво? А твои травы? Женщины из клуба садоводов такого и не видели. Разве не так они сказали, когда в прошлом году мисс Сара попросила тебя рассказать в библиотеке об этом? Нет, Мерси, я тебе скажу, им не удастся так легко уничтожить Димсдейл. И застроить все маленькими домиками, из которых придется выезжать, как только семья начинает расти...

Лицо дедушки покраснелось, он махал в воздухе кулаком, как будто, подумала Холли, он грозит одному из этих маленьких домиков, выросшему прямо посреди амбара, как большой гриб, один из тех, что она видела в лабиринте.

Один из больших грибов. Холли глотнула. Что пообещала ей Агарь? Что научит Холли, как осуществлять свои желания! Она ведь сделала то, что хотела от нее Агарь. Теперь она должна выполнить свою часть договора. Холли пожелает, и эта миссис Диверс, кто бы она ни была, перестанет вмешиваться...

В этот момент Холли забыла о своей ненависти к свалке. Это ее свалка — вернее, она принадлежит дедушке и бабушке, и она живет здесь. Теперь она была так же сердита, как дедушка. Никто не посмеет снести Димсдейл бульдозерами и... и уничтожить лабиринт...

Уничтожить лабиринт! Но если это произойдет, как она сможет увидеться с Агарью и потребовать свои желания? Нет, нельзя этого допустить!

— А когда городское собрание? — спросила Холли. Бабушка и дедушка вздрогнули и оглянулись, когда девочка вышла из тени за стойлами и подошла к столу.

— Откуда ты взялась, Холли? — нахмурилась бабушка. — Ты слушала так, что мы не знали?

— Да. Я слышала, как говорил этот человек. — Холли была слишком взволнована, чтобы заметить неодобрительное

выражение бабушки. — Когда мы узнаем, что они собираются делать?

— Это не дело молодежи. — Теперь Холли уловила непривычную резкость в голосе дедушки.

Но бабушка медленно покачала головой. Затем подняла руку и подтолкнула вверх очки, но сделала это не так энергично, как всегда.

— Нельзя держать молодежь в неведении, Лютер. Рано или поздно они услышат разговоры в городе. Мы ведь ничего точно не знаем, Холли. И пока не узнаем, ты ничего не должна говорить, если тебя спросят. Поняла? — Она посмотрела на Холли так, что та не могла не обратить внимания, что это предупреждение.

— Хорошо, — ответила Холли. Ей ужасно хотелось сказать, чтобы бабушка и дедушка не волновались, ей нужно только снова увидеться с Агарью. Но когда она сможет ее увидеть?

Если попробует снова спать ночью на подушке, подействует ли это? Должно подействовать! Она должна как можно скорее пойти к Агари. Или, может быть... Холли вздрогнула, — может быть, Агарь ничего не может сделать, пока растения в мастерской не вырастут. А требуются дни на то, чтобы они проросли. Надо купить удобрения. Вот что она сделает; у нее осталось достаточно карманных денег, чтобы купить один пакет.

Ей хотелось уйти в свою комнату, достать кошелек и пересчитать, сколько у нее осталось денег, потому что вчера она купила блокнот для своего доклада и теперь не знает точно. И сейчас она думала об этом, а не о бабушке.

Дедушка протянул руку за шарфом, который висел на одном из стоек.

— Заведу грузовик под навес, — сказал он. — Насколько я понимаю, по всем признакам сегодня будет мороз.

Бабушка вскочила.

— Мороз... мои растения в мастерской! Где мое пальто и шарф?

— Не беспокойся, Мерси. Я растоплю печь. Тебе незачем этим заниматься. Ты никогда не умела растапливать старую печь.

Холли, застывшая при упоминании растений, успокоилась, видя, что бабушка не настаивает. И когда дедушка ушел, пошла наверх по лестнице, собираясь сделать две вещи. Нужно найти подушку и знать, где она лежит, чтобы при первой возможности повидаться с Агарью. Ибо теперь Холли была убеждена, что подушка — это и есть ключ к лабиринту. И потом достать деньги, купить удобрения и постараться, чтобы растения поскорее выросли.

Идя в спальню, она ждала, что увидит там Джуди, но младшей сестры не было видно. Холли сразу достала из гардероба коробку Джуди с лоскутками. Несколько секунд спустя, выбросив содержимое коробки на пол и перевернув ее вверх дном, она поняла: подушка исчезла. И причина может быть только одна — ее забрала Джуди!

А это означает, что если она не сумеет вернуть подушку, то не сможет увидаться с Агарью, не сможет получить ведьмовские желания!

— Она должна ее вернуть! — Холли гневно пнула разбросанные по полу сокровища Джуди, все лоскутки, которые сестра собирала, дожидаясь, пока у мамы найдется время показать ей, как делать лоскутное одеяло.

Беда в том, что, если Джуди что-то возьмет в голову, эта идея у нее остается на века. Ее нельзя отговорить. Она готовит свое одеяло уже год и ни разу о нем не забыла.

Но все эти лоскутки под ногами Холли не имеют никакого значения. А имеет то, что у Джуди возникли свои собственные планы насчет подушки. Может, она даже уничтожила ее?

Холли подошла к своей кровати и в отчаянии плюхнулась на нее. Если Джуди это сделала — как она сможет добраться до Агари и потребовать свои желания? А если она этого не сделает, что будет с Димсдейлом?

ДИМСДЕЙЛ ПОД СОМНЕНИЕМ

— Мои лоскутки! Холли Уэйд, ты это сделала? — В дверях комнаты с горящими от гнева глазами стояла Джуди.

— Что ты сделала с подушкой? — Холли не обратила внимания на признаки приближающейся бури.

— Мои лоскутки! — повторила Джуди. Она присела и принялась собирать и разглаживать лоскутки. — Холли, ничего злее никто не смог бы придумать! Ты злая!

Но Холли могла думать только об одном. Она схватила Джуди за плечи и яростно затрясла.

— Ты должна сказать! Что ты сделала с подушкой? Ее здесь нигде нет, я искала.

Джуди с силой дернулась и вырвалась. Выпятив нижнюю губу, она бросила на Холли такой враждебный взгляд, что старшая девочка на мгновение отступила.

— Не скажу! Все идет неправильно с тех пор, как ты нашла эту подушку, Холли. Я нашла твою бумажку. Ты обманщица, Холли! На самом деле была очередь Крока, а ты ее отняла. И что ты сделала? Отвела нас туда, и мы заблудились. Ты больше не сделаешь этого, Холли, мы с Кроком тебе не позволим. Ты не имеешь права выбрасывать мои лоскутки. Я все расскажу бабушке и попрошу, чтобы у меня была своя комната, а ты не сможешь больше брать мои вещи. Вот!

— Ты не понимаешь... — начала Холли, и тут что-то застряло у нее в горле. Она обнаружила, что не может сказать то, что хочет: рассказать Джуди о желаниях, об обещании Агари, о необходимости спасти Димсдейл.

— Я понимаю, какая ты злая! — взорвалась Джуди. — И я тебя больше не люблю, Холли. С тех пор как мы сюда приехали, ты становишься все злее и злее. Ты теперь сама как старая ведьма! Вот!

У Джуди явно начался приступ самого сильного упрямства. Холли постаралась сдержаться. Что-то вскипало в ней: ей хотелось ударить Джуди, причинить ей боль, заставить ее рассказать, где подушка. Но... Холли села на кровать. Почему она хочет сделать Джуди больно? За всю жизнь она раньше

никогда такого не испытывала. Конечно, временами Джуди бывает упряма, и с ней невозможно спорить, но никогда раньше Холли не испытывала желания ударить ее, заставить сделать так, как велит она, Холли. Что происходит? Холли ощутила растущий страх, который сама не могла объяснить. Да она и не понимает, чего боится. Но какая-то дикая часть ее хотела бить и причинять боль...

С несчастным видом Холли сжалась на кровати. Она словно стала одновременно двумя людьми. Один человек — Холли, какой она была всегда, другой... другого она боится. И она действительно поступила плохо, выбросив лоскутки Джуди на пол...

Холли подобрала ближайший лоскуток, но Джуди тут же вырвала его у нее из рук.

— Оставь их в покое! Оставь в покое все мои вещи. И меня оставь в покое, Холли Уэйд!

Холли снова села. Может, если бы Джуди знала, что происходит в Димсдейле... Она облизала губы. Сможет ли она рассказать об этом или обнаружит, что не может, как не смогла говорить об Агари?

— Послушай, Джуди... — начала она.

Джуди повернулась к сестре спиной. Она деловито складывала лоскутки в коробку.

— Не буду!

— Джуди, это не о подушке, а о Димсдейле, о доме-амбаре, обо всем... Ты должна выслушать, потому что это важно, — говорила Холли, обращаясь к спине Джуди. Но по крайней мере Джуди не уходит, а уши ее не закрыты — так что ей приходится слушать.

Холли повторила все, что слышала и что бабушка и дедушка сказали потом. Джуди перестала перекидывать лоскутки. Повернулась, и гневное выражение исчезло с ее круглого лица.

— Что же нам делать, Холли? — медленно спросила она.

— Будет собрание, и многие не хотят, чтобы это произошло. Но эта старая миссис Диверс, кто бы она ни была, она

хочет покончить со свалкой. И кто-то по имени мистер Рейтер хочет купить эту землю и построить много новых домов.

— Он не сможет, — уверенно ответила Джуди. — Тамара ему не позволит! Тамара не позволит отобрать у дедушки и бабушки Димсдейл.

— Джуди, ты знаешь, что Тамары здесь нет. Она жила давным-давно.

— Она здесь, и ты сама ее видела, — заявила Джуди. — И она... она любит Димсдейл.

Холли смотрела на сестру. Ее удивило спокойствие Джуди.

— Тамара... она не настоящая, — снова начала Холли, не вполне понимая, какими словами убеждать Джуди. Как можно сказать, что человек ненастоящий, если был в его доме, ел его пищу, разговаривал с ним?

— Я не хочу сказать, что когда-то она не была настоящей, — поправилась она. — Но сейчас она ненастоящая. Мы должны вернуться назад во времени, чтобы увидеть ее, Джуди.

— А я говорю, что она настоящая и она нам поможет! — упрямо ответила Джуди. — Ты так говоришь потому, что когда ты вела нас к Тамаре, не сумела ее найти! Тамара просто не хочет тебя видеть!

Желание доказать Джуди, что та ошибается, что они и во второй раз добрались до сердца лабиринта, было таким сильным, что Холли чуть не задохнулась. Однако она снова не смогла сказать ни слова, что-то ей помешало. Теперь Холли верила, что Агарь сильнее Тамары. Агарь... она поможет. Но она не может вернуться к Агари без подушки, и ей ясно, что прямо от Джуди она не добьется, куда та ее спрятала.

— Да, — осторожно заговорила Холли, — мы не добрались до Тамары. Но мы должны пойти к ней, должны предупредить ее о Секстоне Димсдейле... до Хэллоуина. И должны рассказать о том, что может произойти сейчас. Попросить ее помочь нам.

Джуди задумчиво смотрела на сестру.

— Может быть... — Но говорила она не очень уверенно. — Я об этом подумаю. Но когда пойдем в следующий раз, никаких обманов с подушкой!

— Хорошо. — Холли готова была пообещать что угодно. Но знала, что когда найдет подушку — теперь она уверена, что в комнате ее нет, — никакие обещания ее не свяжут. Она попытается увидеться с Агарью!

Когда они спустились к ужину, дедушка и бабушка ни словом не упомянули о дневном госте. Они говорили о будущем так, словно всегда будут жить в этом доме-амбаре и с ним ничего не случится.

— Вы, молодежь, уже подумали о своих костюмах на праздник? — спросил дедушка, когда бабушка начала собирать посуду. — Там будут призы. Те, кто придумает самый необычный костюм, получают призы.

— Я знаю, кем буду, — заявил Крок, не успев дедушка кончить. — Я буду роботом. Возьму толстую фольгу и сделаю настоящий костюм робота. У меня есть рисунок — вот смотрите! — Он достал бумажник, подаренный ему на Рождество, и извлек оттуда картинку, вырезанную из журнала. Картинку он передал дедушке, который поднес ее к глазам, как будто не хотел упустить ни одной подробности.

— Хм, робот, — заметил он. — Одна из тех ходячих, говорящих машин, которые, как считают, будут выполнять всю работу в будущем. Какой урод...

— Но я смогу сделать такой костюм из фольги? — спросил Крок.

— По-моему, нужно что-нибудь попрочнее, — ответил дедушка. — Ну, если поломаем головы, что-нибудь придумаем. Посмотрим завтра... А как насчет вас? — он посмотрел на Джуди и Холли.

Какое значение может иметь костюм для Хэллоуина? — думала Холли. Она вообще не хочет идти на праздник, но, наверно, придется. Найти что-нибудь ненужное для костюма...

Если Холли еще не решила, в чем пойдет, то Джуди уже твердо это знала.

— Я буду кошкой, как Томкит, не черной, а серой, — сказала она с уверенностью человека, чей выбор не подлежит обсуждению.

— Кошка... хммм... — Бабушка посмотрела сначала на Джуди, потом на Томкита, который сидел у камина и очень тщательно вылизывал заднюю лапу. — Обычно на Хэллоуин черные кошки...

— Как Томкит, — настаивала Джуди. — Холли говорит, что такой костюм трудно сделать, но я уверена, что ты справишься, бабушка...

— Серый... — Бабушка задумалась. — Я вспомнила, что у меня есть старое одеяло... ворсистое. Думаю, его можно выкрасить в серый цвет. А в «центовке» продают кошачьи маски. В последний раз я их там видела. Хотя маски не серые, а черные.

— Может, маску тоже можно выкрасить, — с надеждой сказала Джуди.

— Ну, не знаю. Но можно попробовать. Не забудьте, что в Хэллоуин будет холодно. Нужно, чтобы под костюмом было место для свитера и джинсов. Иначе замерзнете до смерти. Итак, у нас есть кошка и робот. А что у тебя, Холли?

У Холли неожиданно появилась идея. Откуда она пришла, Холли не знала.

— Я буду африканской принцессой. — Это должно получиться, ведь у нее есть джеллаба¹, которую мама ей сшила из разноцветных кусков ткани. Куски они подобрали из остатков в магазине. Джеллаба выглядит так, словно только что из Африки или из какого-нибудь другого далекого места. Прическа — да, она знает, что делать с волосами. Она давно этого хотела, но мама говорила, что она недостаточно взрослая. Это ее волосы. Верно, и она может делать с ними, что захочет. Она часто смотрела дома, как Ева Ли Паттерсон делает такую прическу. И она сможет купить в центовке большие кольца для ушей и надеть еще пару длинных ниток бус.

¹ Просторное длинное платье с капюшоном, которое носят преимущественно в Марокко. — *Прим. перев.*

— У меня уже есть костюм, — продолжала она. — Мама сшила его в прошлом году.

Бабушка кивнула.

— Это хорошо, Холли, потому что времени осталось немного, а мне придется подумать, как сделать костюм для Джуди. Ну, Лютер, завтра мне все равно нужно в город. Миссис Джеффрис заказала травяные свечи для своей дочери, и кое-что мне нужно подкупить. Когда повезешь столик мистеру Корри, можешь прихватить и нас. Столик маленький, много места не займет, все поместимся. А в полдень подберешь нас в Эмпориуме. Как тебе это?

— Ты уверена, Мерси, что все купишь до полудня? — рассмеялся дедушка. — Хорошо, мне кажется, что это можно сделать.

После того как посуда была вымыта, бабушка взяла старые газеты и начала прикладывать их к Джуди, разрезая большими ножницами. Она готовила выкройки для костюма кошки. Дедушка и Крок рылись в стойлах, отыскивая нужные материалы. Холли сидела у огня и смотрела. Она попыталась уговорить Томкита посидеть у нее на коленях, но тот не захотел, сидел на полу, глядя в огонь, словно увидел в пламени что-то чрезвычайно интересное.

Наконец бабушка отложила вырезки в сторону, подошла к старому сундуку у стены и вытащила оттуда необычное одеяло (если это вообще было одеяло), с которого свисала длинная шерсть; похоже на шкуры, которые в старину использовались как ковры.

— Мохер, — сказала бабушка. Она расстелила одеяло и начала прикладывать к нему вырезки, меняя их местами, чтобы использовать каждый кусочек одеяла. Оно было желтовато-белое, с большим желтым пятном посередине.

— Придется делать темно-серым, — сказала бабушка Джуди, — видишь, нужно будет закрыть это пятно. Нужна будет еще проволока для хвоста, чтобы он не свисал, а стоял торчком.

— Я знала, что ты сделаешь! — Глаза Джуди сверкали. Она горячо обняла бабушку.

— Еще не сделано, дитя, — улыбнулась бабушка. — Но если только можно сделать, мы сделаем.

Холли почувствовала себя одинокой и несчастной. Как могут бабушка и дедушка думать о костюмах для Хэллоуина, словно это так уж важно? Важно спасти дом и осадить таких людей, как миссис Диверс, которая всем причиняет неприятности. Когда она получит свои ведьмовские желания — уж она позаботится об этой миссис Диверс!

Словно какая-то стена выросла между нею и остальными. Неужели ей одной не все равно, неужели только она хочет сделать что-то? Если бы только Джуди поняла, как важно вернуться к Агари! Но если она не может говорить об Агари, можно использовать Тамару — настаивать, что ее нужно предупредить о беде накануне Хэллоуина. И тогда Джуди покажет, где подушка.

Обдумав все это, Холли почувствовала облегчение. Почему ей это не приходило в голову раньше? Джуди прислушается, если она скажет, что боится за Тамару.

Но сейчас ничего сделать нельзя, нужно остаться с Джуди наедине. Холли наскучило следить за бабушкой и Джуди, дедушкой и Кроком. Они так заняты. А на нее даже Том-кит не обращает внимания, она одна. Можно подумать о завтрашнем походе в «центовку». Ей там многое нужно было бы купить, если бы были деньги. Холли неожиданно вспомнила, что из-за сцены с Джуди так и не проверила содержимое своего кошелька. И не знает, сколько у нее осталось из карманных денег.

Наверху было холодно. Бабушка по вечерам клала им в постель нагретые мыльные камни и обещала, что скоро они переберутся вниз. Нужно очистить несколько стойл и превратить их в спальни. Холли не зажигала свечу, которую держала у постели на крайний случай: бабушка предупредила ее об опасности пожара.

— Ну, это все, что мы можем сделать сегодня, дитя, — сказала бабушка Джуди, вырезая последний кусок кошачьего костюма. — Когда завтра вернемся домой, вскипячу воды, размешаю краску, и окунем в нее одеяло. Потом его нужно

будет просушить, и оно немного сбежится. Но мы получим то, что нам нужно, я в этом уверена. Уже поздно, пора ложиться.

Джуди была полна мыслями о костюме и о необходимости кошачьей маски. Она была уверена, что сможет купить маску в «центовке». Холли сдерживала нетерпение, слушая болтовню сестры. Если снова настроить Джуди против себя, та никогда ей не поможет. И Холли в поисках джеллабы принялась копаться в сумках, куда мама сложила летние вещи. В свете лампы джеллаба казалась еще ярче. И Холли впервые захотелось примерить платье, хотя она по-прежнему не хотела идти на праздник.

Холли так и не решила, как начать разговор о Тамаре, в этот вечер у нее не было такой возможности. Потому что, ложась, она неожиданно почувствовала такую усталость, словно все несчастья дня собрались и потянули ее в сон.

На следующее утро было много дел: вслед за завтраком последовало то, что бабушка назвала «немного прибраться». Что означало сделать жилую часть дома-амбара как можно более чистой и аккуратной. Потом бабушка достала восстановленную статуэтку.

— У меня странное чувство, — сказала она, укладывая статуэтку в картонную коробку и плотно обкладывая старыми тряпками и сухой травой. — Сначала, когда я над ней работала, мне она нравилась, мне хотелось оставить ее у себя. Теперь не хочу. Отвезу мистеру Корри, пусть пристроит ее... так будет гораздо лучше! — Она закрыла коробку. — Посмотрим. Свечи, кувшины с пресервами и маринадами, которые я отвезу миссис Пигот для Эмпориума, — кажется, это все.

Дети были уже в перчатках, куртках и шапках. Бабушка надела пальто с меховым воротником, который очень плотно охватывал ее горло, и вязаную шапочку, почти такую же, как у детей.

— Это немодно, я знаю, — сказала она, глубоко натягивая шапочку на голову и завязывая ее под подбородком. — Но мои уши не переносят холода. Лучше быть в тепле, чем на холоде весь день.

Холли и Крок вызвались ехать в кузове: Холли должна была присматривать за коробкой со статуэткой, а Крок — за остальными коробками с джемом и маринадами. День был ясный и солнечный, но дул сильный ветер. Они сидели спиной к столу, который дедушка привязал веревкой, и закрылись от ветра брезентом.

Холли обрадовалась, когда приехали в город. Они не остановились у миссис Пигот (бабушка сделает это на обратном пути, чтобы оставить коробки), а двинулись по главной улице к небольшому зданию. Из уроков по истории Холли знала, что в этом доме когда-то размещались кузница и конюшня. Теперь это антикварный магазин мистера Корри, и не успел грузовик остановиться, как вышел сам мистер Корри.

Это был рослый человек, гораздо выше дедушки, и вообще, по мнению Холли, он несколько не походил на торговца древностями. Скорее фермер или лесоруб. Лесорубы часто проезжали через город, и Холли их видела.

— Рад видеть вас, Лютер, Мерси! — прогремел он голосом, таким громким, ему под стать. — Вы избавили меня от необходимости приезжать к вам. Хотел передать заказ. Я его записал. Полный набор свечей для Ливингстонов. Они взяли такой летом и написали, что хотят еще. Входите, входите.

Пока они с дедушкой разгружали стол — Крок держался поблизости, чтобы помочь в случае необходимости, — бабушка и девочки прошли внутрь. Холли боялась двигаться внутри. Комната была загромождена вещами, и Холли решила, что эти вещи легко ломаются, а стоят дорого. Вещами были уставлены столы, полки шкафов — везде статуэтки, чашки и блюда, вазы. Невозможно разглядеть все это; тесно, как в доме Тамары.

Бабушка сама взяла коробку со статуэткой и теперь снимала с нее крышку. В это время вошел мистер Корри и направился к большому столу, заваленному журналами и газетами.

— Какое сокровище вы принесли на этот раз, миссис Уэйд? — спросил он.

— Это из дома Элкинсов, из мусора, — ответила бабушка, вытаскивая тряпки и доставая статуэтку. — Может, одна из статуэток Роджерса, о которых вы говорили. Но точно не знаю. Была сильно разбита, но я все собрала.

— Даже восстановленная — если ее вы восстанавливали, Мерси, — она стоит того, чтобы взглянуть, — сказал он. — Сюда... — Он собрал бумаги в стопку и освободил место для «Молодой ведьмы».

— Вот она. — Бабушка сняла последний клочок соломы с юбки статуэтки.

Мистер Корри разглядывал статуэтку, слегка сузив глаза.

— Если это Роджерс, — медленно сказал он, — то для меня совершенно новый. Может, кто-нибудь еще пытался делать такие народные скульптуры. «Молодая ведьма». А знаете, Мерси, лицо выглядит так, словно это чей-то портрет.

Он осторожно взял статуэтку и провел по ней руками.

— Замечательная работа, Мерси, как всегда у вас. Вот что я вам скажу. Приближается Хэллоуин. Мы оформим новую витрину, и в центре ее будет ваша молодая ведьма. Оставляете, как всегда, на комиссию?

Бабушка кивнула.

— Вы делаете свою часть бизнеса, мистер Корри. По правде сказать, я бы ее больше не хотела видеть.

— Почему? — с любопытством спросил он.

— Не могу сказать. Просто у меня от нее дрожь. У меня такое чувство, будто какая-то древняя печаль проникает в сознание, заставляет вспомнить что-то такое, что лучше бы забыть. Ну, мне надо спешить. Давайте ваш список свечей, и мы поедем. Нам еще кое-что нужно купить.

— Вот он... — Мистер Корри порывлся в бумагах. — Да, вот. Она пишет, что хотела бы получить до Дня благодарения.

— Получит, если все будет хорошо. — Бабушка поколебалась. — Вы слышали о собрании, мистер Корри? Как говорят, Димсдейл словно соринка в глазу, от которой нужно избавиться?

Он нахмурился.

— Слышал. И они кое-кто услышат с противоположной стороны, не сомневайтесь в этом, Мерси. Мы готовим контрпетицию, которая заставит эту Диверс призадуматься.

— Приятно это слышать, мистер Корри. Конечно, пока ветер не подует, мы не тревожимся. Но свечи вы получите в любом случае.

«Центовка» располагалась гораздо дальше по Мэйн-стрит, в новом районе, где были аптека, ресторан и несколько других магазинов. Здесь везде были большие новые вывески, которые казались слишком яркими и слегка низкопробными. На улицу одной стороной выходил парк с двумя статуями: солдата времен войны за независимость и еще одного — из армии северян — рядом с грудой ядер и пушкой, которая когда-то стреляла этими ядрами. Остальные три стороны парка были застроены большими старинными домами, выкрашенными в белую краску, с белыми деревянными оградами перед фасадом. На двух углах стояли церкви, а на третьем — большое здание, куда сначала и направилась бабушка. В нем была старинная, почти двухсотлетняя, гостиница и почта, и отсюда нужно было отправить коробку со свечами, которую нес Крок.

РАСТЕНИЯ ЗАБОЛЕЛИ

Холли сидела с блокнотом для своего доклада. Но уже минут десять ничего не добавляла к записанному. Она записала все, что могли вспомнить бабушка и дедушка о Димсдейле того времени, когда еще была жива мисс Элвери и они стали заботиться о ней и присматривать за ее разрушающейся собственностью.

— Все было в таком беспорядке, что не поверишь, если сам не увидишь, — говорила бабушка. — Мисс Элвери была леди, она не привыкла к тяжелой работе. У нее было несколько девушек. Девушек? Да они все уже были старухами, когда я с ними познакомилась, но им некуда было идти, и мисс Элвери оставила их у себя. Эмма Уоткинс не вставала

ла с постели, и мисс Элвери ухаживала за ней, как за близкой родственницей.

Лиза Пибоди, она кое-что еще делала, но очень немного, могу вам сказать. А снаружи — нужно было прорубать тропу, как в джунглях на картинках в «Джиографик». Все заросло. После смерти отца мисс Элвери и ухода Сайласа Хокинса никто сюда руку не прикладывал.

Мы, Лютер и я, тогда только поженились, и нам нужен был свой дом. Но жить нам было негде. В те дни черных, как мы, не очень пускали в город. Лучше было держаться своих. Но мисс Элвери, она услышала о нас и приехала в своей разбитой коляске, в которую была впряжена старая лошадь. Предложила нам бесплатно жить в амбаре и дала землю, чтобы мы могли выращивать что-нибудь.

Лютер тогда работал на строительстве дорог и хорошо зарабатывал, и с тем, что нам будет давать сад у амбара, мы решили, что проживем хорошо. А потом я увидела беспорядок в доме... мисс Элвери, она никогда не жаловалась, ну а я принялась за работу и стала делать, что могу.

И она начала меня учить — тому, что знала о травах. У нее был травяной сад, она сама за ним ухаживала. И сказала, что никто не может научиться, если сам не попробует. Она дала мне и Лютеру книги, показывала разные виды вышивки. Обращалась с нами, как с друзьями или соседями. Эмма умерла в первую нашу зиму там. Для бедной старушки это было освобождение. А у Лизы случился удар. Упала прямо на кухне и после этого прожила только день и ночь.

И я взяла на себя дом. Для мисс Элвери он был слишком велик, поэтому большинство комнат мы закрыли. У нее осталась спальня и кухня. И кухню она использовала как гостиную и столовую и не заглядывала в остальную часть дома — кроме библиотеки. Мисс Элвери любила читать. Некоторые книги перечитывала по многу раз. Рассказывала мне о людях так, словно они тут же в комнате говорят с ней о своих бедах и прочем.

Время от времени она ходила по дому, показывала мне разные вещи и рассказывала их историю — словно книгу чи-

тала. Жаль, что все это сгорело. У нее вещи были лучше, чем в музее, который завела мисс Сара при библиотеке. Потом она заболела ревматизмом и в холода все время лежала в постели. Но ум у нее сохранился светлый, и она читала или шила из лоскутков. Все ее работы из лоскутков, они тоже сгорели. А они были как картины, очень красивые. Никогда такого не видела.

Лютер, в те дни когда не работал на дороге и не помогал на фермах, занимался садом. Большую часть того, что ели, мы сами выращивали. Кроме мяса. Когда приходило время забивать скот, Лютер помогал и получал за это мясо. А мисс Элвери — у нее совсем не было денег, раз или два она послала меня продать что-нибудь из дома. Она знала, что старые вещи интересуют летних людей. Но делала это с большой неохотой. А деньги использовала на то, чтобы помочь другим.

Налоги ее всегда беспокоили, но она каким-то образом их платила. Мы с Лютером добавляли, что могли. Потому что у нас был дом-амбар, понимаете? А в конце мисс Элвери... она запуталась во времени, можно сказать. Ревматизм ее стал сильнее, и она считала, что сейчас старые времена и что ее ждут на приеме или еще где-нибудь. По ночам она принималась бродить по дому. Все искала что-то. Но мне так и не сказала, что ищет. Потом... она была в старой гостиной, должно быть, потеряла сознание и уронила свечу. К счастью, я как раз шла ее проведать и увидела огонь. Лютер услышал мой крик, разбил окно и вытащил мисс Элвери.

Мы принесли ее сюда. Дом спасти было невозможно, потому что пожарные находились слишком далеко. И телефона у нас не было, чтобы их позвать. Лютер побежал на развилку, где живет Уилсон. Они вызвали врача и пришли с ним. К этому времени дом уже сгорел. А мисс Элвери... врач сказал, что у нее слабое сердце. Она еще немного прожила, но ничего не помнила и наконец умерла. Она была хорошая леди.

Бабушка долго сидела молча, потом встала и добавила:

— Обязательно расскажи о ней, Холли. Она была очень хорошая женщина и беспокоилась о других. Может, люди о ней забыли. Я — нет. И никогда не забуду.

Потом пришел адвокат. Кажется, она не оставила завещания, а если и оставила, оно сгорело в доме. Но у него была бумага, которую она давно дала ему, а в ней имена ее родственников, которые уехали на запад много лет назад — после гражданской войны. Он сказал, что постарается найти их. А у Лютера была бумага, которую мисс Элвери дала ему, когда мы здесь поселились. И он показал ее адвокату и шерифу Хейнсу. В бумаге говорилось, что мисс Элвери нанимает нас как хранителей.

И тогда они сказали, что мы можем тут жить, и так возникла идея свалки. Лютера поставили смотрителем свалки. Но что-то в старых документах на землю было неправильно, и пока эта неправильность не разъяснится, никто не мог покупать или продавать эту землю. И кажется... — бабушка помолчала... — до сих пор никто и не пытался.

Холли расспросила бабушку, как выглядел дом Димсдейлов, и попыталась его нарисовать, а бабушка подсказывала ей, правильно она рисует или нет. И еще она узнавала о большом саде.

Но когда Холли упомянула лабиринт, бабушка решительно покачала головой.

— Не нужно о нем, — сказала она. — Мисс Элвери, когда мы впервые пришли, предупредила Лютера, чтобы он не пытался его очистить. Конечно, мы удивились: он такой старый и запущенный, и, может, в нем полно змей. Но она боялась лабиринта — я это знаю, потому что она часто говорила, что его нужно оставить в покое. Видимо, она считала, что все ее неудачи от него. Я тебе говорила, мисс Элвери, она верила, что ее семья проклята и что зло в этом лабиринте...

— Может, там жила ведьма. — Слова вырвались прежде, чем Холли сумела их остановить.

Бабушка сердито посмотрела на нее.

— Никаких ведьм не было! Была девушка, от которой хотел избавиться старый Секстон Димсдейл, чтобы отобрать ее землю и дом. В те дни легко было назвать женщину ведьмой и причинить ей большие неприятности. Я читала книгу о том, что произошло в Салеме. Там оболгали добрых лю-

дей, которые никогда ничего плохого не делали, и повесили их. Легко говорить ложь о людях, которые от тебя отличаются, которые не похожи на остальных. Мы, с черной кожей, это знаем. Мисс Элвери, она слишком погрузилась в старые книги и вещи в этом своем доме. Она верила, хотя никаких причин для этого не было. Несчастья — они бывают с кем угодно, и никакие ведьмы их не насылают. Мы сами приносим много зла, потому что у нас в голове злые мысли, а в сердцах ненависть.

Холли поежилась. Ведьма была — по крайней мере была Тамара. И Агарь, мысленно добавила она. Они на самом деле жили в лабиринте. Но она не может объяснить это бабушке. И вот теперь она записала все, что рассказала ей бабушка, и все, что показал дедушка в бывшем саду Димсдейлов, и все равно этого мало. Теперь нужно пойти в городскую библиотеку, повидаться с мисс Нойес и расспросить о дневнике Элкинса, который она им показывала. Но как это сделать? С той субботы, две недели назад, когда они ходили за покупками, они никуда не ездили, и у Холли нет времени идти в библиотеку. Она не может даже пойти после уроков, потому что пропустит автобус домой. Она пожевала конец ручки и перечитала написанное.

О ведьмах почти ничего, если не считать рассказа мисс Элвери. Если только рассказать о собственном походе в лабиринт. Если она это сделает, никто не поверит, что она рассказывает правду. И ей до сих пор не удалось уговорить Джуди рассказать, куда она спрятала подушку. Большую часть времени Джуди теперь проводит с бабушкой, спрашивает о травах, как они растут и для чего служат. Ее блокнот уже заполнен. А Крок все с дедушкой. Иногда Холли хотелось швырнуть все на пол, затопать и закричать. Но она знала, что это не даст ей возможность найти подушку; такие действия могут привлечь внимание к тому, что она хочет скрыть. И она неохотно решила, что должна дать Джуди время подумать. А может, Джуди просто проговорится.

Холли никогда не была особенно терпеливой. Обычно, когда она чего-нибудь хотела, это нужно было делать немед-

ленно. Но на этот раз так у нее не получалось. Она достала книгу, которую взяла в школьной библиотеке. Это роман, не настоящая история, но в нем говорится о салемиках ведьмах, и она его внимательно читала. Там были девушки, как она и Джуди, и они все начали с того, что обвинили людей в том, что их околдовали. Холли было неприятно читать эту книгу, но она прочла ее до конца.

То было в Салеме. А это Сассекс. Но и здесь была ведьма, прямо здесь, в Димсдейле. Если бы только она могла больше узнать о ней!

Она все еще смотрела на страницу, когда поняла, что рядом стоит Джуди.

— Холли. — Джуди больше не обращалась с ней как с врагом. Но и не рассказывала, что делает, как раньше. — Холли, что-то неправильно...

Джуди выглядела встревоженной и огорченной. Она была в куртке и шапке, и Холли поняла, что она пришла со двора.

— Что неправильно? — Холли захлопнула блокнот.

— Там, где бабушкины растения. Холли, это... это плохо!

Холли застыла. Она купила удобрение, насыпала в горшки, куда посадила семена и корни, которые дала ей Агарь. И время от времени поливала их. Но пока никаких признаков жизни не видела. И начала бояться, что, если они не вырастут, она не сможет договориться с Агарью.

Она не решилась спросить, что имеет в виду Джуди. Надо посмотреть самой. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы одеться, и она побежала за Джуди.

— Бабушка сказала, что позволит мне поливать растения, — объясняла Джуди по дороге, когда они вышли на холм. — Так я могу больше узнать о растениях. Но, Холли, я, наверно, что-то сделала неправильно! — Джуди готова была расплакаться. — Они все умирают! Пожелтели и выглядят как больные. Растения могут болеть, Холли?

Теперь Холли испугалась. Если растения Агари умрут, как с ней договариваться? Что Джуди с ними сделала?

Когда она спросила, Джуди покачала головой. По щекам ее покатались слезы, и она не пыталась вытереть их перчаткой.

— Я ничего не делала. Только поливала из маленькой лейки, как показала бабушка. Это правда, Холли.

Когда они пошли в тот конец мастерской, где располагались растения, Холли поморщилась от тяжелого запаха. Пахло как из мусорного бака в жаркий день. Холли увидела растения, поникшие, пожелтевшие, действительно больные.

— Растения Тамары, они только начали хорошо подниматься, — всхлипнула Джуди. — И они тоже умирают. Бабушка подумает, что я сделала что-нибудь плохое, но я ничего не делала. Только поливала, как она сказала. Холли, что с ними случилось?

Но Холли ее не слушала. Она отодвигала горшки с поникшими всходами, утратившими зеленый цвет, искала свою посадку. Да, есть всходы. И они не выглядят больными, напротив, стоят прямо и кажутся вполне здоровыми. Она облегченно вздохнула. Пока она в безопасности...

— Что это? — Джуди придвинулась. — На что ты смотришь, Холли?

Не раздумывая, Холли ответила:

— Это одно из тех, что я посадила. С ним все в порядке. А как остальные? — Она плечом отодвинула Джуди, нашла следующий спрятанный горшок и еще. В каждом заметные ростки, большие и здоровые.

— Ты посадила? Холли, что это значит? Те, что дала нам Тамара, посадила я. И они все были в красных горшках. Я помню, потому что нарочно так выбирала. Где же ты взяла то, что посадила?

Холли сидела на корточках под столом, вглядываясь под него в поисках большого горшка, куда посадила корень. Вот он. И росток высотой почти с ее безымянный палец.

— Холли! — Джуди потянула ее за плечо так, что потерявшая равновесие Холли села на пол. — Я тебя спрашиваю: где ты взяла эти растения? Кто их тебе дал?

И снова Холли ответила, не подумав. И на этот раз она смогла произнести имя:

— Мне их дала Агарь. И, Джуди, с ними все в порядке. Она сказала, что если они прорастут и с ними все будет в порядке, мы с ней... у меня будут ведьмовские желания! Я смогу избавиться от миссис Диверс и от тех, кто хочет отобрать Димсдейл...

Джуди больше не плакала. Лицо у нее стало напряженное и строгое; в этот момент она стала похожа на маму, когда та сердится.

— Кто такая Агарь?

Только тут Холли поняла, что сделала. Но почему раньше она не могла об этом говорить, а теперь может? Эта мысль только промелькнула. Сейчас это неважно. Важно, чтобы Джуди поняла, какой у нее хороший план и как необходимо, чтобы он осуществился.

— Она родная сестра Тамары. Только знает гораздо больше, чем Тамара... — начала она, но Джуди ее прервала.

Теперь на ее лице появилось выражение страха.

— Мы... значит, мы нашли дом... но Тамары там не было. Была другая. Она... она плохая, Холли... плохая!

— Нет, не плохая! — Давно сдерживаемое нетерпение Холли лопнуло. — Ты просто глупая маленькая девочка, младенец, Джуди Уэйд. Вот кто ты такая!

Джуди отступала, не отрывая взгляда от Холли. Она смотрела на нее... Холли отказывалась верить, что Джуди смотрит на нее, как на чудовище из куста в лабиринте.

— Она плохая, — повторила Джуди, — и как-то... как-то она и тебя делает плохой, Холли.

— Джуди! — Холли вскочила, но недостаточно быстро. Ибо ее сестра Джуди бросилась к полкам, хватала зеленые горшки и с силой швыряла их на пол, так что земля летела во все стороны.

Холли попыталась остановить ее. Но ее нога скользнула по растению, и она упала снова и ударилось головой о ножку стола, так что голова у нее закружилась. Холли хотела снова подняться, но Джуди остановить не успела. Один за другим

горшки падали на пол. Теперь Джуди яростно топтала выпавшую из них землю, топтала снова и снова, давила растения, которые и так уже превратились в месиво.

Держась за стол, Холли с трудом встала. Чувствовала она себя странно, должно быть, из-за удара головой. И неожиданно, когда она посмотрела на растения на полу, ей показалось, что там лежит что-то совсем другое — какие-то отвратительные существа, теперь раздавленные и беспомощные. Джуди плакала, но пробралась под стол и достала оттуда последний горшок. Перевернула посередине мастерской и всей тяжестью прыгнула на кривой корень и выросший из него стебель. Сделав это, она остановилась, тяжело дыша.

— Плохие, — повторила она. — Все плохие. Они убивали растения бабушки и Тамары тоже!

Голова у Холли была легкой, чувствовала она себя странно. Ее охватила слабость, как после простуды. Когда она тогда впервые встала и попыталась ходить, ноги подгибались, словно в них нет костей. И — она чувствовала пустоту. Не такую пустоту, когда хочется есть, но другую. Она плакала и сама не помнила, когда начала плакать; просто слезы текли, и все. А горло болело, в нем застревал комок.

— Ты помогала ведьме, — медленно заговорила Джуди. — На самом деле, Холли. Теперь я помню. Мы не заблудились в лабиринте, мы нашли дом Тамары. Только Тамары там не было. Была другая, та. Она... она ведьма, Холли. Разве ты не понимаешь, что эти люди — Секстон Димсдейл и остальные — они считали Тамару ведьмой. Эта другая заставила их так думать. И тебя тоже!

Холли дрожала. Ее тошнило, и голова продолжала кружиться. И когда она попыталась пристальней посмотреть на Джуди, комната тоже закружилась.

— Эй, что вы здесь делаете? Какая грязь! И что с Холли? — Откуда-то появился Крок.

— Ведьма добралась до нее, — серьезно ответила Джуди. — Мы прошли через лабиринт, Крок, теперь я все помню. А ты? И эта другая, она ведьма, настоящая. Она захватила Холли и...

— Меня сейчас вытошнит, — сказала Холли.

— Пошли! — Крок схватил ее за руку. — Пошли отсюда. Отведу тебя к бабушке. Джуди, а ты постарайся тут прибраться, прежде чем бабушка увидит.

Прямо за дверью мастерской Холли вырвало. Голова продолжала кружиться. Она почти не чувствовала, как Крок ведет ее в дом-амбар.

Когда она проснулась, то поняла, что лежит на кушетке у огня. Ее бросало то в жар, то в холод, горло болело, но голова больше не кружилась. Бабушка принесла чашку какого-то напитка, который пах травами, и заставила все выпить. Потом Холли снова уснула.

Она видела сны. Однажды ей показалось, что она видит Агарь, но та не улыбалась и выглядела старой и уродливой, и Холли ее испугалась. Потом появилась Тамара. Она кивнула Холли, словно все снова хорошо. Потом снов не было, по крайней мере Холли ничего не могла вспомнить.

Бабушка сказала, что она простудилась, но Холли в это не поверила. Хотя, конечно, она была больна, а теперь ей лучше, гораздо лучше. В глубине души она считала, что заболела с тех пор, как обманом взяла подушку: с тех пор все и пошло неправильно.

Как только она осталась наедине с Джуди, сразу спросила:

— Как растения?

— Я все прибрала. — Джуди говорила быстро, опасаясь, что бабушка придет и услышит — Позже мне помог Крок. Мы избавились от плохих. Теперь остальные растут хорошо. Я думаю, те, что ты посадила, были ядовитые.

Холли беспокойно поерзала в своем гнезде из простыней и одеял.

— Она сказала, что я такая же, как она, — ведьма, — негромко говорила она. — Наверно, я и вела себя как ведьма. Но я все время думала, что могу сделать много хорошего своими ведьмовскими желаниями — помочь дедушке, и бабушке, и Димсдейлу. Но больше думала о том, как эти желания смогут повредить людям. — Признавать это было нелегко. — Джуди, а как же Тамара.. и Хэллоуин?

— Мы об этом думали, Крок и я, — ответила Джуди. — Ручаюсь, эта Агарь, она не сказала Тамаре о том, что будут неприятности. Нам нужно вернуться и...

— Я не могу, пока болею, — сказала Холли, испытывая глубочайшее разочарование.

— Хэллоуин в субботу, — сказала Джуди то, что Холли и так знала. — Праздник начнется не раньше четырех часов дня. Мама в этот уикэнд снова не придет. Если накануне ты будешь спать на подушке...

Холли покачала головой.

— Нет, я все испортила, когда смошенничала. Ты и Крок, вы это сделаете.

Она была уверена, что к Хэллоуину выздоровеет: ведь до него целая неделя и еще два дня. И решительно принялась выздоравливать. Но она не согласится снова взять подушку. Даже если получит ее честно и справедливо, она боится... боится, что Агарь сказала правду и что в ней есть что-то такое, что снова поведет ее по неправильному пути.

В следующие несколько дней у Холли было много времени, чтобы думать. Дважды Джуди приносила домой открытки с пожеланиями, подписанные всеми учениками. Холли разглядывала открытки, представляя себе человека за каждой подписью. Они не послали бы открытки, если бы не хотели, чтобы она вернулась в класс. Трудно менять представление о людях. Но насчет Агари она ведь ошиблась. Холли все сильнее и сильнее удивлялась, как она могла так ошибиться. И что случилось бы, если бы Джуди не нашла и не уничтожила эти растения? Да, у нее было о чем подумать.

Вернувшись в школу, Холли вначале стеснялась. Трудно сразу измениться и начать разговаривать. Однако она должна была поблагодарить за открытки. И поскольку все говорили только о Хэллоуине, она могла с интересом прислушаться. И еще миссис Финч повторно отвела их в библиотеку, чтобы они поработали над своими докладами. На этот раз у Холли была возможность расспросить о дневнике Сета Элкинса. Она сказала, что живет в Димсдейле и пишет о нем, и мисс Нойес разрешила ей прочесть машинописную копию

той части дневника, где говорилось об отношениях Сета Элкинса с Димсдейлом. И здесь Холли нашла строки, которые заставили ее вздрогнуть.

«Эта женщина дала моему дорогому отцу средство и поклялась, что оно облегчит ему боли в животе. Какое-то время ему действительно было лучше, он встал с постели и занялся делами. Но когда она дала ему вторую порцию зелья, боль не облегчилась, но стала сильнее, и он сильно страдал. Однажды вечером его навестил мастер Димсдейл и принялся расспрашивать. Когда мой отец рассказал, что взял зелье у женщины-целительницы, мастер Димсдейл разгневался и сказал отцу, что тот общается с ведьмой. Он взял бутылочку с зельем, полил зельем кусок мяса и бросил нашему старому мастифу. Собака съела мясо, и вскоре у нее случился припадок, она словно обезумела. Тогда мастер Димсдейл взял пистолет моего отца и пристрелил собаку. Он сказал, что это доказательство: так ведьма поступает с теми, кого она ненавидит. Потом созвал самых значительных людей Сассекса, рассказал им все и показал мертвую собаку. Он сказал им, что завтра канун Дня всех святых и это самое подходящее время для того, чтобы сжечь ведьму, уничтожить с ней все ее вещи, чтобы ничего не смогло сеять у нас болезни и несчастья. И старейшины решили, что он прав и что так и надо поступить для спасения всех нас.

И вот на следующий вечер мы собрались, у каждого был горящий факел, и пошли к дому, в котором она жила. Но я, зная, что предстоит, послал предупреждения А., потому что она не должна была страдать за то, что сделала не она. В доме была Т., она смело нас встретила, несомненно, потому, что надеялась на силу своего хозяина дьявола. Мы собирались схватить ее, связать, поместить в тюрьму, а дом поджечь. Но тут из дома выскочили демоны, такие страшные, что человеку лучше этого не вспоминать. Мы все испугались и разбежались.

Мастер Димсдейл не хотел поддаваться страху и позже вернулся, на этот раз хорошо вооружившись. Он зарядил пи-

столет серебряными пулями, которых боятся все дьявольские создания. Но когда он и те, кто был с ним, пришли, дома не было. Но они говорят, что откуда-то послышался голос, проклинаящий Димсдейлов и все их потомство и говорящий, что их будут преследовать несчастья, пока они не вернут то, что отобрали. Но смысла этих последних слов никто не понял.

Я много дней ждал, что А. придет ко мне, как обещала, но она не пришла. Теперь я верю, что эта подлая ведьма, которая не была ей настоящей сестрой, отобрала ее у меня. И потому я заболел тяжелой болезнью, с которой доктор Эшби ничего не мог сделать. С тех пор я совсем другой человек. А. исчезла, и я подчинился желанию отца и женился на Пэйшенс, хотя это не принесло мне радости. И никогда не принесет в этом мире, я уверен».

Холли переписала этот отрывок слово в слово. Но здесь все неверно. Может, Тамара и давала средство, но Агарь в него что-то добавила. И Сет Элкинс это знал, но ни словом не упомянул. Может, просто не мог — как не могла Холли рассказать Джуди об Агари и своих планах? И что случилось с Тамарой и ее домом? Хэллоуин — это случилось на Хэллоуин. Если бы они могли добраться туда раньше — предупредить ее! Они должны! Но на этот раз они пойдут правильным путем и найдут Тамару, а не Агарь.

КАНУН ДНЯ ВСЕХ СВЯТЫХ

Всю пятницу бабушка пекла. Она делала пончики и печенье с помощью формочек, которые ей дала миссис Пигот. Печенье было в форме летучих мышей с распростертыми крыльями, в форме тыквы и кошачьих голов. Вернувшись из школы, Холли и Джуди помогли ей закончить, они втыкали изюминки как кошачьи глаза и покрывали тыквы желтой глазурью.

Костюм кошки для Джуди был готов. Дедушка вставил в хвост проволоку, и теперь хвост не свисал вяло, а торчал вверх, как у Томкита, когда тот отправляется по своим делам. Костюм Крока был еще более необычным. Когда Крок его надел и посадил поверх квадратную голову робота, он стал похож на героя телевизионных сериалов о космосе. Ему приходилось ходить неуклюже, рывками, потому что вокруг ног были обернуты жесткие куски, и это делало его еще больше похожим на робота. Из головы торчали провода, а вместо глаз были огоньки (красные; а сам он смотрел через отверстия за этими огоньками). Огоньки загорались от батарейки. Мистер Лем Грейнджер, который приходил на свалку в поисках электрического оборудования, заинтересовался костюмом и сделал эти глаза, показав Кроку, как их включать.

Холли очень хотелось коротко срезать волосы и сделать себе настоящую прическу афро, но она не посмела. Но она расплела волосы, расчесала их, используя бутылочку спрея, так что в конце концов волосы встали дыбом. Платье у нее было очень яркое и многоцветное: красное, оранжевое, зеленое. В уши она вдела большие кольца, а на шею навесила множество нитей бус. Бусы были сделаны из раскрашенных кусочков макарон и из обычных бусинок. Но в Сассексе никто никогда не видел настоящую африканскую принцессу, и Холли решила, что она похожа на настоящую принцессу.

Она гладила свою джеллабу, когда вошла Джуди. Увидев, что держит в руках сестра, Холли торопливо села на кровать. Джуди несла подушку, а за ней шел Томкит, он подпрыгивал и негромко мяукал.

— Крок и я, мы хотим, чтобы ты взяла это... — Джуди протянула подушку.

Холли отпрянула.

— Нет! Не хочу. Может, Агарь была права, может, я похожа на ведьму. Если я ее возьму, мы снова пойдем неправильным путем. Ты и Крок, вы возьмите...

— Крок говорит «нет», — медленно ответила Джуди. — Он говорит, что чувствует: он не должен ее брать. Она была

у него все время, и когда я спросила, не хочет ли он попробовать, он ответил «нет». Так что... наверно, придется мне.

Она пригладила верхнюю сторону подушки.

— Я кое-что заметила, Холли. Эти забавные линии, они словно дорожки в лабиринте, а разрывы в них — это там, где нужно поворачивать. Они разные — с той стороны и с другой. На этой стороне, — она провела кончиком пальца, — все повороты направо, как в тот раз, когда мы нашли Тамару. Но здесь, — она перевернула подушку, — видишь? Здесь все ведет налево, как когда ты нашла Агарь. Может, ты спала не на той стороне подушки.

Холли неохотно взяла в руки подушку, чтобы рассмотреть вышитые линии. И верно, она сама это видит, поворачивая подушку из стороны в сторону. Два пути через лабиринт. Но она не верила, что дело в том, на какой стороне спишь. А в том... Холли долго об этом думала и теперь была уверена... в том, что ты чувствуешь в себе самой. А себе она не могла доверять, как доверяет сейчас Джуди.

— Она твоя. — И она торопливо бросила подушку на кровать Джуди. — Ты.. ты не боишься, Джуди?

— Может, немного. Но нам нужно идти, нужно помочь Тамаре. Я знаю, что это правда, Холли. Не знаю, как мы ей поможем, но верю, что поможем. — Она взяла подушку, старательно перевернула вверх той стороной, где все тропки ведут направо, и положила поверх своей обычной подушки.

Томкит мурлыкал так громко, что девочки его слышали. Он прыгнул на кровать, долго принюхивался к подушке, потом свернулся рядом, едва не касаясь черным носом очень старой пожелтевшей ткани.

Бабушка пришла за лампой, и девочки легли.

— Завтра большой день, — сказала бабушка. — Сегодня вам нужно хорошенько выспаться.

Может быть, Джуди сразу уснула. Но Холли ворочалась под одеялами и большим головным шарфом. Завтра утром они очистят три больших стойла, сказала бабушка, и перенесут туда свои кровати. Становится слишком холодно, чтобы спать в комнатах наверху. Холли слушала странные шорохи

и звуки, которые всегда ночами звучат в старом доме-амбаре, и ей казалось, что она различает и мурлыканье Томкита. Но Джуди не издавала ни звука, а Холли не хотела ее будить, если она действительно уснула.

Может быть, из-за того, что Холли долго не могла уснуть, на следующее утро она проспала. Разбудил ее колокольчик бабушки. Постель Джуди была пуста и аккуратно застелена. Холли торопливо оделась и заправила свою постель. Подушки она не видела. Сработала ли она?

Могут ли они идти в лабиринт до праздника? Время... хватит ли времени?

— Холли, ты хорошо себя чувствуешь, дитя? — встретила ее бабушка. Сегодня она жарила на завтрак сосиски. Их вкусный запах заставил Холли почувствовать, как она проголодалась.

— Хорошо, бабушка. И пахнет так вкусно! — Она принялась. Когда бабушка повернулась к сосискам, Холли смогла поймать взгляд Джуди. Та кивнула. Значит, подушка сработала! Но когда они смогут пойти в лабиринт? Не утром: бабушка уже говорила, что делать каждому. Прежде всего помочь в расчистке стоил.

На протяжении недели они с бабушкой постепенно сделали уже много. Но остаются еще дела на целое утро. Дедушке несколько раз приходилось выходить: звучали автомобильные сигналы, это люди приезжали на свалку.

В последний раз он вернулся и сказал бабушке:

— Похоже, нужно ехать в город немного раньше, Мерси...

Когда Холли услышала это, у нее упало сердце. У них совсем не будет времени на лабиринт!

— Миссис Уинтон прислала своего мальчика Алекса, — продолжал дедушка. — Им нужна дополнительная помощь. Миссис Пигот и миссис Имс больны. Миссис Уинтон заедет в час тридцать и прихватит тебя...

— Но для молодежи это слишком рано, — сказала бабушка. — Конечно, я помогу. Но им незачем там болтаться.

— Они могут поехать с Хокинсами. Миссис Уинтон, она об этом подумала. Хокинсы заедут без четверти четыре и заберут их.

— Хорошо. Будьте готовы, не заставляйте Хокинсов ждать. Думаю, вы и не заставите. Ведь такой праздник.

Холли не могла есть. Бабушка удивилась, что дети могут так волноваться из-за праздника. Однако, говоря это, она смеялась. Что бы она сказала, подумала Холли, если бы узнала, что волнуются они совсем не из-за праздника, а из-за возможности пойти в лабиринт. Сама Холли чувствовала, что сидит не на стуле, а на иголках и булавках.

Бабушка с коробками пончиков и печенья уехала без четверти два. Как только машина отошла, Холли повернулась к близнецам.

— У нас потом будет мало времени, а на то, чтобы одеть костюмы, его нужно много. Давайте сейчас оденемся, а потом пойдем в лабиринт.

Крок кивнул.

— Хорошая мысль. Мне нужно долго прилаживать свой костюм робота.

Дедушка работал в мастерской, до приезда Хокинсов они были свободны. Джуди согласилась с предложением Холли. Ей потребовалась помощь, чтобы застегнуть костюм кошки. Поверх шла кошачья голова с острыми ушами, а лицо плотно покрывала кошачья маска. Черная маска, но Джуди решила не перекрашивать ее. Ей казалось, что получилась помесь Томкита и сиамской кошки. Хвост живо покачивался сзади, руки она сунула в перчатки с коготками; их легко сбросить, если ей понадобятся собственные десять пальцев.

Холли свой костюм надела поверх джинсов и свитера. Рукава свитера пришлось закатать и заколоть булавками, чтобы они не высывались из-под цветастых рукавов платья. Волосы она причесала раньше, оставалось только надеть на уши кольца и бусы. Но Холли решила нанести последний мазок: она сделала губы ярко-красными, воспользовавшись маминной помадой, а на лоб и щеки нанесла фломастером синие точки — это татуировка. Отражение в зеркале совсем не бы-

ло похоже на Холли Уэйд, даже если это и не настоящая африканская принцесса.

Надевать квадратный шлем робота на Крока девочкам пришлось вдвоем. Он пожаловался, что видит только прямо перед собой. Холли решительно ответила, что больше ему ничего и не нужно. И все направились к лабиринту.

На этот раз Томкит пошел с ними. Его очень заинтересовал хвост Джуди, и он все время прыгал на него. Но когда подошли к лабиринту, он перестал играть и целеустремленно пошел впереди, как будто хорошо понимал, куда они идут и зачем.

Холли знала, что масса спутанных ветвей прямо перед ними, но боялась взглянуть. Что, если их ждут не кошки, а те чудовища, которых она видела, когда сама вела? Девочки обнаружили, что приходится соизмерять свой шаг с движениями Крока: костюм робота делал его походку медленной и неуклюжей.

Наконец, почти вызывающе, Холли подняла голову. И испытала огромное облегчение. Коты из кустов не были такими зелеными, как в первый раз, но это были они, а не длинномордые угрожающие чудовища. Это лабиринт Тамары, а не Агари.

Время поджимало, и нужно было идти быстрее. Томкит уже углубился в первый туннель, Джуди — ее кошачий костюм здесь стал еще более реальным, словно она превратилась в огромного Томкита, — шла за ним. Затем со скрипом шагала Крок, а замыкала Холли, готовая освободить неуклюжий костюм брата, если он зацепится за выступающие ветки.

Стены не становились зеленее, а воздух теплее, как происходило в первый раз. В лабиринте сейчас, должно быть, не лето, а октябрь. Цветы и мелкие растения, которые издавали такой сладкий запах, когда дети в первый раз шли по каменным плитам, теперь завяли, и только сухие стебли кое-где указывали на присутствие буйной растительности.

Не было ни злых поганок, ни серых призрачных растений, которые делали путь против солнца таким ужасным и угрожающим.

— Ты можешь идти быстрее, Крок? — Холли едва не наступала ему на пятки.

— Послушай, я иду как могу быстро. — Его раздраженный голос звучал в шлеме гулко. — Этот костюм не предназначен для бега.

Холли старалась сдерживать нетерпение. Если они не вернутся к приезду Хокинсов — что тогда? Джуди уже скрылась из виду. Но нужно только помнить, что каждый раз надо сворачивать направо. И все равно, Холли казалось, что они идут уже несколько часов, прежде чем они наконец увидели сад и дом.

Сад тоже завял и был побит заморозками, но бассейн посередине чистый. И клумбы вскопаны и готовы к новым посадкам. И виднелось несколько растений, которые устояли и сохранили зеленую листву. У ульев ни признака жизни, и все они укутаны в солому. Да и дом выглядит уютно, он готов к зиме.

Дверь была закрыта, но из трубы шел дым. Джуди уже бежала к двери. Кто за ней: Тамара — или Агарь? Зайдя так далеко, Холли боялась узнать, права она или ошибается!

Пока она вела Крока через сад, Джуди уже протянула руку в кошачьей перчатке-лапе и постучала с уверенностью, которой Холли не ощущала. Дверь сразу отворилась в ответ на стук, и перед детьми была Тамара.

На ней было красно-коричневое платье цвета осенней листвы. На плечах шаль того же цвета, как будто Тамара собиралась уходить. Увидев детей, она удивленно застыла. И Холли неожиданно поняла, что, конечно, Тамара не ожидала увидеть такие костюмы, даже если их самих и ждала. У Джуди и Крока на лицах маски, но, может, Тамара узнает ее.

— Тамара! — крикнула Джуди, а Томкит громко мяукнул. Холли опередила Крока...

— Тамара, это мы! Джуди, Крок и Холли... — Она пальцем указывала по очереди. — Это правда мы!

Тамара улыбнулась.

— Значит, есть правда под этой маскировкой. Входите! Будьте благословенны!

В доме было тепло и пахло пряностями. Томкит прыгнул на стол и принялся к стоящей там миске. Холли испытывала нетерпение. Тамара должна знать, понять как можно быстрее...

— Тамара... — начала она, но Джуди, которая приподняла маску, чтобы показать лицо, прервала ее:

— Тамара... Секстон Димсдейл, он идет со своими людьми. Они считают вас ведьмой. Они хотят сжечь ваш дом, причинить вам боль! Тамара, вам нужно уходить! Это Хэллоуин, а они пришли на Хэллоуин... — Джуди готова была расплакаться.

Тамара посмотрела на Джуди, потом на Крока и наконец на Холли.

— Ведьма... — медленно повторила она.

— Это Агарь виновата! — выпалила Холли. — Она что-то дала Сету Элкинсу, чтобы он добавил в лекарство, которые вы приготовили для его отца. Она сказала Сету, что это заставит отца согласиться на их брак. Но оно плохое. Оно причинило вред собаке, и Секстон Димсдейл видел это. Это все есть в старой книге в библиотеке. Я сама читала. Тамара... вам нужно...

Теперь Тамара смотрела только на Холли.

— Что ты знаешь об Агари? — Голос ее звучал резко и строго.

Холли покраснела.

— Мы приходили сюда и встретились с Агарью. Она сказала мне, что я похожа на нее, что я должна ей помочь. — Холли глотнула. Под спокойным взглядом Тамары ей стыдно было признаваться, как сильно она хотела получить ведьмовские желания. Она готова была сделать все, о чем попросит Агарь.

— И как ты должна была ей помочь? — Лицо Тамары по-прежнему оставалось строгим.

— Она дала мне семена и корни, чтобы я посадила их — в нашем времени.

— И ты это сделала?

— Да. Только... только Джуди увидела, что они убивают бабушкины растения и те, что вы ей дали, тоже. Джуди разбила все горшки и растоптала то, что там росло.

Все увидели, как глубоко и с облегчением вздохнула Тамара. Потом она сделала шаг вперед, взяла рукой Холли за подбородок и подняла ее голову. Тамара посмотрела Холли в глаза, смотрела долго-долго немигающим взглядом, и Холли показалось, что Тамара видит все зло, весь обман, всю мятежность, которые привели ее однажды к Агари.

— Да, у тебя есть дар, дитя. Это больше обуза, чем дар, потому что искушает идти темными путями — как у тебя и получилось. Будь благодарна сестре: она разорвала наложенное на тебя заклятие. В нашем мире трудно жить тем, у кого есть склонность к овладению магией. Эту силу нужно использовать осторожно и только на благо других, а не для себя.

Выслушай же слова закона, маленькая сестра: «Люби все в природе. Никакому созданию не причиняй вреда ни своими руками, ни своим умом. Ты скромно идешь путем людей и путем богов. И должен получать удовлетворение от знаний, полученных в страданиях, от долгих лет терпения, от благородства ума и сердца. Ибо мудрые никогда не стареют».

— Вы уже говорили это раньше, — гулко сказал Крок из глубины своего шлема. — Похоже... на церковную проповедь.

— Не из той церкви, что знакома тебе, маленький брат, — ответила Тамара. — Это мудрость людей, поклоняющихся силе, которая древнее любой церкви. Но ты, младшая сестра, — она снова обратилась непосредственно к Холли, — не пытайся достичь того, что лежит впереди. Со временем оно тебе само откроется. И поблагодари силы, которые повели тебя по Правому Пути, что ты не настолько далеко углубилась в Левый, чтобы не вернуться.

— Но Тамара, — Джуди высвободила руку из перчатки-лапы, ухватила Тамару за край плаща и потянула. — Пожалуйста, вы должны уходить. Люди идут.

— А что говорят записи твоего времени? Что случилось, когда они пришли?

— Что... что появились какие-то демоны, когда вы разговаривали с Секстоном Димсдейлом, и что люди испугались и разбежались. А когда вернулись, дом... все... исчезло! — быстро подсказала Холли.

— Действительно, в Хэллоуин время может идти в противоположную сторону, если сила велика, — медленно сказала Тамара. И Холли показалось, что она говорит не с ними, а сама с собой. — Малышка, — обратилась она к Джуди, — как растут семена, которые ты посадила?

— Они все проросли, — оживленно ответила Джуди. — Некоторые уже такие! — И она показала пальцем.

— Значит, будет связь. — И снова дети не поняли, но Тамара откинула тяжелый плащ, так что его складки лежали на плечах, и высвободила руки. Она повернулась лицом к столу.

Поверхность стола была уставлена меньше, чем в первый раз. Квадратом горели четыре красные свечи, а за ними две черные. Внутри квадрата, образованного свечами, лежал веночек из разноцветных листьев, переплетенных мелкими цветами: золотарником; мелкими пурпурными цветками, которые бабушка называла веронией, и другими, ржаво-красными, она их называла вербянкой. В центре венка металлическая чашка, и в ней несколько кусков коричневого вещества.

Тамара долго стояла, разглядывая это, держа руки по бокам. Она была похожа на дедушку, который решает, какой инструмент взять, чтобы закончить тонкую работу.

— Достаточно ли у меня силы? Откуда мне знать? Доказательство — в действии. Но когда наступает час открытия врат, проход может быть двусторонним — из нашего мира и в наш мир. И если...

Холли осмелилась прервать ее.

— Мы должны скорее возвращаться... в наше время. Нам будут искать...

Но она опоздала.

— Эй, ведьма! Покажи свое уродливое лицо!

Все вздрогнули, услышав снаружи этот крик. Джуди была ближе всех к окну. Она выглянула поверх высокого подоконника: он доходил ей до глаз.

— Люди... с факелами! — воскликнула она.

Тамара отвернулась от стола.

— Однако я предупреждена, — спокойно сказала она. — Не показывайтесь. Не знаю, можно ли вам причинить вред по эту сторону времени, но проверять не будем.

По-прежнему спокойно она подошла к двери, открыла ее и вышла, а Холли и Крок теснились за Джуди у окна. Почему-то за то недолгое время, что они провели в доме, стало заметно темней; снаружи были уже сумерки. Свет факелов заливал весь замерзший травяной сад. Люди топтали клумбы, давили растения, еще проявлявшие признаки жизни.

Холли вздрогнула. Она никогда не видела таких лиц. Тот, что стоял немного впереди, держал в руке саблю. Ее обнаженное лезвие в свете факелов казалось кроваво-красным.

— Что вам нужно, соседи? — Тамара стояла лицом к ним. Трое у окна не видели ее лица. Но Холли вспомнила, что раму можно открыть, и толкнула ближайшую. Теперь им все было хорошо слышно.

— Тебя, ведьма! Смерть варится в твоих горшках, смерть для нашего доброго друга Инкриза Элкинса!

— А где сам мастер Элкинс? Пусть скажет об этом прямо мне в лицо, мы все имеем право на справедливость.

— Святое писание даст тебе справедливость, ведьма. Разве не сказано в писании ясно: «Не позволяй жить ведьме»?

Люди вокруг Секстона Димсдейла заревели. Джуди с легким криком закрыла лицо руками, Холли задрожала. Этот звук испугал ее так, как никогда в жизни.

— Ты хочешь мою землю, мастер Димсдейл. Сможешь ли отрицать это перед лицом тех, кто много раз слышал от тебя об этом? А как лучше получить ее, чем обвинит женщину в колдовстве? Подумайте об этом, вы, те, кто пришел с яркими факелами. Да, я вижу тебя, Рюбен Фенестер. Как жила бы твоя добрая жена, если бы я не помогла ей? А вот и ты стоишь, Майкл Хокинс, ты, кто пришел ко мне с злой раной, которая никак не заживала. Посмотри на свою руку,

в которой держишь факел. Ты видишь только чистый шрам, и больше ничего.

А ты, Руперт Бриггс, твой сын живет, а не лежит в могиле. И ты, ты, ты... — Тамара указывала на одного за другим. — Все вы у меня в долгу за спасенные жизни и залеченные раны. Но вы пошли за человеком, который хочет завладеть тем, что принадлежит мне, и потому кричит «ведьма». Подумайте о прошлом, соседи...

— Не слушайте ее! — Голос Секстона Димсдейла заглушил слова Тамары. — Разве дьявол не помогает своим любимцам уродовать мысли честных людей, как они уродуют их тела своим злым ядом? Прислушайтесь к ней — и углубитесь в пути дьявола, как погрузилась в них она! Разве вы все не видели мастифа, умершего от яда, который она дала Элкинсу? Он словно взбесился, из пасти побежала пена, и я вынужден был его пристрелить, чтобы он не напал на собственного хозяина. А что, если бы Элкинс выпил все зелье? Может, смерть тогда показалась бы ему слаще жизни? Вы знаете священное писание: можем ли мы молиться справедливому господу, если среди нас живет в мире ведьма? Какие очистительные удары пошлет он нам за такую слабость и глупость?

Люди загудели и начали приближаться. Холли обнаружила, что не может смотреть на их лица. Они так ее пугали, что она почувствовала себя больной. Кто-то резко потянул ее за пышный рукав — это Крок!

Он схватил за хвост Джуди и подтащил к себе.

— Выходим! — Голос его звучал в шлеме робота гулко и непривычно. Холли увидела, что он включил глаза и они ярко горят. — Выходим!

Холли, спотыкаясь, направилась к двери. Джуди попыталась вырваться, но Крок толкнул ее перед собой.

— Открывай дверь! — прошипел он. — Мы выходим!

Туда?.. Крок, должно быть, сошел с ума. Тамара велела им не показываться. Эти люди... они их схватят...

— Идите! — яростно подгонял их Крок. Холли неуверенно взялась за ручку двери. — Теперь слушайте, — гулко гремел

его голос. — Когда Холли откроет дверь, мы выйдем. Кричите, как сумасшедшие, просто кричите! Понятно?

И только тут Холли поняла. В своих костюмах, кричащие... они будут демонами! Значит, они те самые демоны, которые испугали нападавших на Тамару? Но это случилось так давно... мысли в голове Холли мешались, и она не могла в них разобраться.

Она дернула дверь и широко раскрыла ее. Следуя приказу Крока, выскочила наружу, крича изо всех сил. Как эхо, прозвучал крик Крока: тот медленно и неуклюже направился к Тамаре. Джуди испустила вопль, очень похожий на мяуканье Томкита, но гораздо более громкий.

Люди неподвижно смотрели на три привидения. Холли подпрыгивала, размахивала руками и кричала, подражая африканскому шаману, которого видела по телевизору в программе о путешествиях. Крок шагал с негибкостью робота, которому старался подражать, и гулко гудел. Джуди, словно позабыв о страхе, прыгала взад и вперед, вытянув когтистые лапы к Секстону Димсдейлу.

А мастер Димсдейл пятился. Люди за ним в панике поворачивались и бежали, бросая факелы. Секстон Димсдейл что-то кричал им вслед. Но прежде чем Крок успел к нему подойти, он тоже повернулся и убежал.

— Хватайте факелы! — закричал Крок. — Бросайте на них землю. От них может начаться пожар!

В течение нескольких следующих минут Холли и Джуди были заняты: Крок в своем неуклюжем костюме мало чем мог им помочь. Убедившись, что последняя чадающая искра погашена, они вернулись в дом.

Внутри была Тамара, а с ней... Холли отпрянула. Ей хотелось повернуться и убежать, но она чувствовала, что если так поступит, окончательно заблудится.

По другую сторону стола, улыбаясь и кивая, стояла Агарь.

— Так и должно быть, сестра!

— Должно быть? — повторила Тамара. — Значит, ты предвидела это и все остальное?

— Что Секстон Димсдейл будет молиться своему богу, пока не изотрет колени до крови, но мое проклятие с себя не снимет. И что я, дорогая сестра, пройду по залам времени в ожидании лучшего дня, более подходящего для моих целей. Что я, а не ты буду обладать силой. И воспользуюсь ею, сестра, о как я ею воспользуюсь!

— Ты многое видела...

— И видела, и делала, сестра. Та, кто берет силу твердой рукой и с уверенной целью (а у тебя нет ни того ни другого), будет королевой и правительницей! Будущее царство мое! — Глаза Агари сверкали, словно в них горели маленькие огоньки. — Да, я подвела тебя к этому — потому что только соединенная сила может унести меня туда, куда я хочу: твоя сила вместе с моей. Ты используешь заклинание искажения времени, потому что, если не сделаешь это, умрешь. И будешь жить в своем забытом кармане времени. Да, ты получишь мир. Поскольку мы кровные родственницы, это я должна тебе позволить. Но я буду свободна, а Димсдейл будет проклят. И пока лабиринт времени, который станет нашей клеткой, не будет уничтожен, я буду жить только половиной жизни.

— Ты очень уверена в своей силе, если так говоришь со мной, — медленно сказала Тамара.

— Разве Левый Путь не оказывался всегда сильнее Правого в делах людских? В их мире появится огромный океан тьмы, ибо потомки Адама по самой своей природе склонны к страху и тьме. И из их страхов мы извлечем силу. Адская Геката всегда будет победителем в битве...

— Верь во что хочешь, но ты нарушила Закон. И боюсь, что это не мелочь, которую легко забыть.

— Закон? Существует не один закон, сестра. И в Хэллоуин мертвые вольны снова быть среди друзей и родичей, когда Левый набирает силу. И это время, когда мы обе должны использовать всю свою силу или погибнуть от злобы тех, кто ничего не понимает.

Медленно, неохотно Тамара склонила голову.

— Да будет так.

Агарь рассмеялась.

— Как тебе не хочется это говорить, сестра. Но ты всегда была недалекой. Я предвидела этот час, я готовилась к нему... — Она бросила взгляд на Холли, и девочка поняла, что Агарь с самого начала знала об их присутствии.

— Старая кровь не умирает, даже в будущем, — продолжала Агарь. — Будут такие, кто ответит на призыв силы, кто готов повиноваться.

Тамара совсем не смотрела на детей.

— Мы сделаем то, что должны. Хотя что из этого выйдет...

Агарь прервала ее:

— Что из этого выйдет? Мир для тебя, сестра, и вечная жизнь в твоём кармане времени. Может, тебе покажется скучной жизнь, когда никого, кроме тебя, не будет. И тогда ты пожелаешь стать свободной, как буду свободной я.

— Я не желаю ничего, — ответила Тамара, — кроме своей судьбы. И никто не может получить большего.

— Да, но я предвидела и подготовилась. И моя судьба будет соответствовать моим желаниям. Но песок в часах времени течет: займемся делом, сестра?

Тамара только кивнула. Агарь наклонилась к пламени очага, щипцами взяла уголь и бросила в чашу на столе, из которой шел пар. Потом, проворно подхватив другой уголь, поменьше, зажгла свечи.

Из чаши теперь поднимался столб пара, пар становился все гуще. Холли ощутила сильный запах. Ей хотелось уйти из этого дома, вернуться в знакомый мир. Но она не могла пошевелиться, могла только стоять и смотреть. Пар становился все гуще, и Холли наконец не могла видеть ни Тамару, ни Агарь, которые стояли у стола друг против друга.

Однако из облака по-прежнему доносилось пение, хотя слов Холли не понимала. Или понимала? На мгновение ей показалось, что она все понимает, хотя впоследствии она никогда не могла вспомнить, что же было сказано. Тело ее странно дрожало, она чувствовала, как ее тянет вперед, как будто она должна погрузиться в это облако. Но страх удержал ее на месте.

Пение вздымалось высоко в воздух. Теперь казалось, что, кроме Тамары и Агари, здесь есть еще кто-то. К пению присоединялись другие, странные, голоса. Холли посмотрела на Крока, на Джуди. Но они рядом с ней, а не в облаке. Откуда же взялись эти другие?

В облаке Холли видела свечи, их слабые огоньки. Потом — неожиданно — внешние, черные, погасли. Из облака донесся крик, стонущий вопль. Вначале громкий, он становился все тише и слабее, пока не осталось ничего, только тишина.

Облако начало втягиваться внутрь самого себя, как раньше вытекало, середина его становилась все гуще, а сама комната все виднее. Вот облако превратилось в шар, который упал в чашу и исчез.

У стола стояла Тамара. Глаза ее были закрыты, руки вытянуты ладонями вниз над чашей. Но... Агарь исчезла!

Тамара заговорила, и слова ее звучали как молитва:

Дорогой Господь, ты, одной рукой дающий жизнь, а другой — мир смерти, открой широко врата, через которые в назначенный день должны пройти все. Дай мир и покой той, что идет к тебе сейчас против своей воли. Пусть в предначертанное время родится снова, пусть сделанное будет отменено, а неправильное станет правильным. И пусть она будет так же светла душой, как была прекрасна лицом и фигурой.

*Всеми силами земли и моря
Я говорю: да будет так.
Всей мощью луны и солнца,
Как я хочу, да будет сделано.*

Наконец она открыла глаза, наклонилась над столом и задула свечи в направлении с запада на восток. А когда повернулась к детям, лицо ее было очень бледным. Она покачнулась и рукой ухватилась за спинку стула.

— Да будет так, — повторила Тамара. — Будь благословенна, Агарь, ты, что когда-то была красивой веселой девочкой. Стань снова такой.

— Агарь... умерла? — спросила Холли, не в силах поверить в то, что видела и слышала.

Тамара вздрогнула, как будто совершенно забыла о них. Теперь она посмотрела на Холли — прямо и очень серьезно.

— То, что невежественные люди называют смертью, маленькая сестра, есть только врата в иное где, иное когда. Агарь верила, что с помощью тех растений, которые дала тебе, она установит связь с твоим миром и достигнет его. Может, растения и помогли бы ей... не знаю, потому что я не иду дорогами ее познаний. Но растения не выросли, и она утратила связь с вашим миром, и в нашем ее ничто не удерживало. И она вернулась туда, откуда исходит всякая искра жизни. А я... я тоже свободна...

— Вы... а где мы? — с растущим страхом спросила Холли. Если Тамара исчезла с домом и всем остальным, как говорится в старинном рассказе, они исчезли вместе с ней! Они не смогут вернуться! Ей хотелось закричать от ужаса.

— Ты крепко привязана к своему времени, маленькая сестра. Не бойся. Когда выйдешь через эту дверь, ты тоже будешь свободна. Только те узы, которые ты сама выберешь, будут тебя удерживать. А я, как и Агарь, буду свободна от времени, только по-другому. И Димсдейл освободится от проклятия, которое она сегодня наложила на него.

Джуди подобралась ближе.

— Вы... мы больше вас не увидим?

Тамара улыбнулась. Усталость, тень боли исчезли с ее лица. Некрасивая? Теперь Тамара была прекрасна, как Агарь, но иной красотой. Она широко развела руки и рассмеялась, не как Агарь, презрительно и гневно, а весело.

— Со временем нелегко играть, дитя. Нет, мы больше не встретимся. Но, — Тамара наклонилась и концом пальца коснулась лба Джуди, — но тебе я оставляю свое мастерство, какое ты захочешь взять. Ты будешь целительницей в своем времени, хотя работать будешь по-другому, не так, как я. Береги растения, которые получила от меня, и заботься о них. И по мере того как они будут расти и крепнуть, то, что человек в своем эгоизме отнял у этой земли, начнет возвращать-

ся. Ибо все это благословенные средства, они не вредят, а восстанавливают. В их росте жизнь, если они укоренились в земле, а не в воспаленном воображении людей, считающих, что на них не действуют древние законы.

— Тебе, храброе сердце, — она повернулась к Кроку, — я скажу, что храбрость — великий дар, которого даже я не могла бы дать. — Она повернулась и взяла со стола каплю воска от свечи. — Но твои руки обретут мастерство и смогут делать вещи, которые не только послужат людям, но и будут прекрасны. Возьми это, и этот амулет принесет тебе многое, но только если ты приложишь к этому усилия.

— Тебе, сестра, — обратилась она к Холли, — я дам то, чему возрадуется твое сердце. И то, что ты найдешь — если действительно этого желаешь, — и будет то, чего ты ищешь.

Она взяла что-то со стола — маленькую книгу, в переплете из дерева, с металлической застежкой. Холли почти неохотно взяла книгу в руки. У нее появилось странное ощущение, что если она ее откроет... что когда откроет (потому что она знала, что обязательно сделает это), — жизнь никогда больше не будет прежней.

— Весело встретились, весело расстаемся. — Тамара плотнее закуталась в плащ. — Время кончается. Будьте благословенны во все ваши дни...

Дверь за ними открылась, хотя дети ее не трогали. Они хотели попрощаться, но не находили слов. И вышли наружу... и тут...

Дом, сад, они исчезли. Вокруг сомкнулись живые изгороди лабиринта. Но в них был проход, у которого ждал Том-кит. Увидев детей, он громко мяукнул и пошел.словно во сне, подумала Холли. Ей не хотелось говорить, Крок и Джуди тоже молчали.

Неожиданно Крок сказал:

— А интересно, который час.

— Хокинсы... наверно, они уже приехали! — Джуди побежала, размахивая хвостом.

Холли совсем забыла о празднике. А вспомнив, заволновалась. Они не должны опоздать! Она схватила Крока за руку

и потащила за собой. И как только они сделали последний поворот и выбежали из лабиринта, послышался автомобильный сигнал.

Хокинсы! Холли подхватила платье, сунула книгу за пояс джинсов и обогнула дом; Крок поспешал за ней настолько быстро, насколько позволял его костюм.

**ЛАВАНДОВАЯ ЗЕЛЕНЬ,
БУДЬ БЛАГОСЛОВЕННА!**

Они словно очнулись от сна. Праздник заставил их почти забыть о случившемся. И когда Крок получил первый приз за самый необычный костюм, все пришли в крайнее возбуждение. Когда за ними на грузовике приехал дедушка, все так устали, что попадали в кузов. Но по дороге Джуди неожиданно запела:

Лавандовая синева, дилли, дилли!
Лавандовая зелень.
Если я король, дилли, дилли!
Ты моя королева.

— Тамара королева, — негромко сказала она. — Сейчас, в своем мире, она королева. И я сделаю то, что она сказала. Я стану целительницей, настоящим врачом.

— Тебе придется долго этому учиться, — заметил Крок. — Она сказала, что проклятие спало с Димсдейла. Интересно, поможет ли это дедушке со свалкой.

Холли прижала руки к животу. Она чувствовала книгу под одеждой. Слова Крока заставили ее вспомнить, что они закончили с неприятностями этого странного лабиринта, но теперь им предстоит столкнуться с трудностями своего собственного мира. Она очень устала и теперь, когда праздничное возбуждение схлынуло, снова начала тревожиться.

— Мы должны что-то сделать. — Вернулось нетерпеливое желание действий.

— Но что? — разумно спросил Крок. Джуди, погрузившись в мечты о будущем, напевала мелодию песенки.

— Ну... — Холли еще не придумала, что они будут делать. Но Крок прав: что они могут сделать?

— Мы должны что-нибудь придумать, — сказала она, зная, что такой ответ не очень убедителен.

— Хорошо, подумаем. — Крок перед этим попросил помочь снять шлем и теперь держал его на коленях. — Дедушка, бабушка — они вели себя так, словно ничего не случилось. Но если им придется уехать, где они будут жить?

Этот вопрос вырвал Джуди из мечтаний.

— Уехать? Мы никуда не можем уехать, Крок. Надо вырастить растения Тамары и сделать сад, как у нее. Мы пообещали!

— Да? Тогда и ты подумай, — ответил Крок.

Больше не было ни песен, ни разговоров. Думать — что еще могут они сделать, если Сассексу все равно? Если город проголосует за закрытие свалки и отдаст землю мистеру Рейтеру? Все молодые деревья дедушки, все бабушкины травы, лабиринт... Холли застыла. Лабиринт! Ведь он очень необычен. А что, если снова его открыть, сделать таким, каким он был много лет назад, с травяным садом-огородом в центре? Бабушка знакома со всеми женщинами, которые ходят в клуб садоводов. Она сама ходит на их собрания, и они приходят к ней, когда у них возникают вопросы о травах. Холли знала все это от Джуди, которая записывала мысли в свой блокнот для доклада.

Заинтересуются ли эти женщины настолько, чтобы спасти лабиринт Димсдейла? А каб-скауты и старшие ребята? Они часто приходят сюда за игрушками. И еще мистер Корри и мистер Лем — сколько еще человек будет на их стороне?

Однако она не стала сразу требовать внимания близнецов, как поступила бы раньше. Сначала составь план, реальный план, потом показывай. Пока же у нее только зародыш плана.

Вернувшись домой, они поднялись наверх, чтобы снять костюмы. Томкит лежал на постели Джуди, головой на травяной подушке. Он спал и негромко урчал во сне.

— Ему тоже что-то снится, — рассмеялась Джуди, — и сон хороший. Но ему придется подвинуться и дать мне место,

чтобы сесть. — Она подняла кота так осторожно, что он не проснулся, и положила с краю кровати. А когда подняла подушку, та почему-то выпала у нее из рук, покатилась и остановилась у ног Холли.

Холли наклонилась, чтобы поднять ее. На подушке четко выделялись линии лабиринта. Но когда она с отсутствующим видом перевернула подушку, то увидела, что рисунок на противоположной стороне, который ведет к Агари, исчез! Вместо него появились вышитые поблекшие цветы, которые выглядят так, словно всегда тут были.

— Джуди... — Холли была так поражена, что не верила собственным глазам, — ты это видишь? — И она протянула подушку сестре.

Джуди с интересом осмотрела вышивку.

— Это лаванда, — показала она на самый высокий стебель. — А это пчелиная мелисса, а вот старинный вид роз, которых раньше многие выращивали. Они называются дамасскими. Это укроп — вот этот зеленый кусочек, а вот паслен с оранжевыми ягодами. Остальных не знаю. Но посмотрю в книге про травы. Они все хорошие, Холли, такие, какие хотела Тамара выращивать в своем саду.

— Но рисунок лабиринта Агари, он исчез! — Холли не понимала, почему Джуди так спокойна. Вышивка не меняется за несколько часов, это просто невозможно! А эти цветы так выцвели, они выглядят так, словно их вышили одновременно с рисунком лабиринта на другой стороне.

— Он и должен был исчезнуть, верно? — спокойно спросила Джуди. — Это была часть магии Агари. И когда Агарь исчезла, ее рисунок оказался не нужен. — Джуди провела пальцами по центральному стеблю, который она назвала лавандой. — Лаванда синяя или лавандово-голубая, а до появления цветов она зеленая. У бабушки она растет. Она мне рассказывала, что мисс Элвери когда-то показывала ей, как делать лавандовый веер на лето. Берешь тонкий материал цвета лаванды и укладываешь между слоями стебельки сухой лаванды, как ребра. Летом попробую. И еще я сделаю розовые бусы, как у Тамары, и тасси-масси, — мечтательно

говорила она. — Так много нужно узнать, Холли, так много узнать в мире! Хотела бы я знать все, что знает Тамара.

Холли вымыла лицо, теперь она пыталась привести в порядок волосы. Она хочет быть Холли Уэйд из Димсдейла, в Сассексе, а вовсе не африканской принцессой.

— Никто не может знать все, — сказала она чуть резко. — Даже Тамара.

— Конечно, — согласилась Джуди. — Но она знала такое, чего сегодня, может быть, не знает никто. Холли, она дала тебе книгу, может, в ней...

Холли взглянула на ящик шкафа, куда несколько минут назад положила книгу, положила на самое дно и прикрыла одеждой. Эта книга вызывала у нее странное чувство. По большей части волнение, но иногда и страх. Она боялась, что если откроет книгу, то станет другим человеком, не Холли Уэйд, какой была всегда.

— Посмотри, — продолжала Джуди. Она протопала по полу в меховых пушистых тапках и уложила подушку в коробку с лоскутками. — Просто посмотреть — от этого ничего плохого не будет...

Придется посмотреть. Под взглядом Джуди Холли не может признаться, что боится открыть старую книгу. Чтобы Джуди так не подумала, Холли решительно подошла к ящику и достала книгу. Села в ногах своей кровати и стала впервые внимательно ее разглядывать.

Переплет из тонких деревянных дощечек, но корешок кожаный. Том плотно запирается металлической застежкой, каких раньше в книгах Холли никогда не видела; совсем не похоже на то, как закрывается ее дневник. Она осторожно потянула за металлический край, не уверенная, что замок вообще открывается. Однако при ее прикосновении он раскрылся.

Холли — смесь возбуждения и страха в ней становилась все сильнее — раскрыла книгу. Страницы совсем не похожи на бумагу. Они были толще любой бумаги, какую видела Холли, и желтоватые.

Внутри рукопись, не печать — рукопись, которую она не может разобрать! Переворачивая страницы, она увидела рисунки — звезды и кресты странной формы. Рукопись огибала их, как будто объясняя. Но Холли не могла разобрать ни одного знакомого слова. Глубоко было ее разочарование. С растущим нетерпением она перелистывала страницы. Одна из страниц оказалась свободной, она выскользнула из книги на кровать. И тут Холли увидела, что это совсем не страница, а другая бумага, коричневая, плотно сложенная.

Когда она попыталась развернуть листок, небольшой его край отвалился, и Холли боялась разворачивать дальше: порвет и так и не узнает, что это. Потом у нее появилась идея. В ее новом альбоме для фотографий есть прозрачные странички, куда можно вставлять карточки. Если она будет очень осторожна, то сможет положить туда весь листок.

— Что это? — Джуди с любопытством наклонилась к ней.

— Не трогай! — приказала Холли. — Очень старое и распадается. — Она отложила недоступную для чтения книгу, нашла свой альбом и открыла на свободном месте. — Если я смогу развернуть, не порвав, положим сюда.

— Я подержу книгу! — предложила Джуди.

Холли никогда не работала так осторожно. Наверно, так же старается бабушка, когда чинит поломанный фарфор. К счастью, бумага отвалилась только у края, и Холли смогла развернуть листок, почти не повредив его. На листке тоже был рисунок, но она не стала его внимательно разглядывать. Работая как можно быстрее, она положила листок под прозрачную пленку.

Сделав это, она поднесла его к лампе. Это чертеж лабиринта! С гораздо большим количеством подробностей, чем на вышивке. В центре кольца тропок небольшой сад, точно такой, как перед домом Тамары. Но дома нет. А вокруг внешних сторон лабиринта цветочные клумбы. Причем некоторые клумбы выглядят очень необычно: цветы высажены квадратами или другими геометрическими фигурами.

И еще множество надписей. Вероятно, подумала Холли, названия растений и кустов, которые должны быть высаже-

ны на каждой клумбе. Внизу надпись более крупными буквами, ее она смогла прочесть: «Сад, каким он был сделан в Димсдейле в году 1683 мастером Гербертом Трулоу».

Чертеж сада, Димсдейлского сада, разбитого отцом Тамары! Холли провела пальцами по пластиковому покрытию, защищающему старинный листок.

— Джуди, я перечерчу это для своего доклада. Но листок должен быть в музее, чтобы все могли его видеть. Спорю, других таких садов нет — с лабиринтом и всем прочим — во всем штате Массачусетс, может, даже во всей стране! Интересно, как много от него еще сохранилось?

— Лабиринт есть, если мы сможем в него войти. — Джуди столкнулась головой с Холли, так не терпелось ей взглянуть поближе. — Дедушка, бабушка, они должны знать...

Холли осторожно вынула пластиковый листок из альбома. И когда услышала обеденный колокольчик бабушки, отнесла листок вниз. Она уже обдумала, что скажет, если ее спросят, где она его нашла. Рассказать о книге Тамары — нет, этого она сделать не может. Но может сказать, и это будет правдой, что нашла листок между страниц старой книги. Бабушка знает, что Холли рылась в книгах на полках бабушкиной библиотеки и что среди этих книг есть очень старые.

— Кажется, сегодня вечером вы не очень хотите есть, — сказал дедушка, прочитав молитву. — На празднике наелись.

— Да, они там хорошо поели, — согласилась бабушка. — И не только наши, но и все остальные. Все очистили.

— Я вами горжусь, — продолжала бабушка. — Мисс Сара, и миссис Бич, и миссис Хокинс, они все подходили ко мне и хвалили ваши костюмы. Миссис Дейл даже попросила выкройки костюма кота, Джуди. Говорит, что на Рождество будут ставить «Кота в сапогах», и она никогда не видела такой замечательной кошки, какой была ты. Да, праздник прошел замечательно.

Но для Холли праздник был уже в прошлом. А теперь настоящее, и главное — ее план, он важнее всего. Она подождала, пока дедушка закончит суп и начнет есть хлеб с джемом. И тут она не выдержала:

— Дедушка, а есть еще остатки старого сада? Я знаю, что лабиринт весь зарос, но, может, есть еще что-то?

Холли показалось, что дедушка не отвечал целую вечность.

— Ну, сказать трудно. Есть старая сирень, она теперь как деревья. Но и она посажена не так давно. Может, дубы... не знаю.

Холли была разочарована. Если ничего от старого сада не осталось, никто не захочет его содержать. Лабиринт — останется только лабиринт!

— Дедушка, а нельзя ли восстановить старый лабиринт, найти вход и выход из него? — Это была ее последняя надежда.

— Лабиринт! — Бабушка пристально посмотрела на нее. Дедушка заинтересовался.

— Забавно, что ты говоришь об этом, Холли. Только сегодня я проходил краем лабиринта. И увидел, что один куст полностью засох. Не знаю, почему я его потянул, но я это сделал. Целый большой участок высвободился, как будто сорвали кору. И внутри оказалась дорожка, мощеная дорожка. Кажется, лабиринт совсем не так зарос, как мы всегда считали.

— Мисс Элвери, — вмешалась бабушка, — она всегда говорила, что нужно держаться от него подальше.

— Мисс Элвери уже очень давно покоится с миром, Мерси. Но все равно — лабиринт всегда выглядел очень мрачным и бесполезным, мне от него не было никакого проку. Но сегодня, ну, все как-то стало иначе. У меня такое ощущение, что если его слегка почистить, можно будет снова открыть.

Холли достала из-под стола листок, который держала на коленях.

— Дедушка, я нашла что-то вроде карты — каким был раньше сад. Он был в старой книге, сложенный и выпал. Посмотри!

Дедушка взял листок и поднес к лампе.

— Ну, конечно. Мерси, помнишь книгу, которую ты нашла для мисс Сары, большую книгу из дома Уинслоу. Дом тогда снесли, чтобы построить за рекой мотель. В книге было много картинок садов. Наверно, эта тоже оттуда.

Бабушка в свою очередь взяла страничку, поправила очки.

— Да, очень похоже, Лютер.

— Я скопирую это для своего доклада, — сказала Холли. — Но дедушка... лабиринты, они ведь не были распространены в садах, во всяком случае здесь?

— Никогда не слышал ни об одном, кроме этого.

— Тогда очень важно, чтобы люди его увидели, — настаивала Холли. — Из клуба садоводов, и скауты, и те, что съедутся на годовщину Сассекса. Тут написано, что лабиринт был сделан в 1683 году. Он почти такой же старый, как сам город, очень старый...

Дедушка перестал есть. Он снова взял листок у бабушки, поднес его прямо к носу, чтобы получше разглядеть все подробности.

— Городское собрание... — заговорила бабушка. — Лютер, если лабиринт будет открыт, как говорит Холли, если все увидят...

Дедушка медленно кивнул.

— Хорошая мысль, Мерси. Пожалуй, завтра утром пойду туда, посмотрю и подумаю.

— Нужно поворачивать направо, чтобы добраться до центра, — сказала Джуди.

Холли пришла в ужас от неосторожности сестры. Теперь ее спросят, откуда это ей известно. Она уже видела, что бабушка собирается задать вопрос.

— Знаете, как я узнала? — продолжала Джуди, еще ухудшая положение, как показалось Холли. — Из-за подушки... подождите...

Она выскочила из-за стола, побежала к лестнице и исчезла наверху.

— Подушка? Что бы это значило? — спросил дедушка. В ожидании ответа он посмотрел на Холли, но та не знала, что сказать. А Джуди уже возвращалась, да так поспешно, что едва не упала с лестницы. В одной руке она держала подушку, которую отдала бабушке — та оказалась ближе всех. И пальцем провела по вышитым линиям. — Посмотрите на картину и на это! Видите — то же самое. И если все время поворачивать направо, придешь в центр!

— Кажется, она права! — Бабушка сама провела пальцем, потом, наклонившись через плечо дедушки, то же самое проделала на пластике поверх рисунка. — Лабиринты — они очень необычны, Лютер. Когда миссис Холм два года назад вернулась из экскурсии садоводов из Бостона, она рассказывала, что видела лабиринт в Вирджинии. Там этот лабиринт считается большой достопримечательностью, люди съезжаются, чтобы посмотреть на него. Вход в него платный, и владелец использует эти деньги, чтобы поддерживать лабиринт, нанимает садовников и прочее. Лютер, если наших городских советников что-нибудь заинтересует, так это возможность заработать, особенно в неделю празднования годовщины. Все в городе думают, как это сделать. Мистер Корри, он собирается открыть в своем магазине старую кузницу и делать там вещи... Ты ведь слышал, все об этом говорят. Если ты осмотришь лабиринт и придумаешь, как сделать его полезным, мы расскажем мистеру Корри и мистеру Биллу. Тогда у них будет что еще сказать на городском собрании! Лютер, в понедельник отнеси эту картинку мисс Саре. Ее она тоже взволнует. А я расскажу миссис Пигот и миссис Холмс. Она удивится тому, что у нас прямо под носом, и не нужно ездить в Вирджинию!

Холли испытала легкое разочарование. В конце концов, ведь она нашла карту лабиринта, а об этом, кажется, все забыли. Но потом стала думать о других пунктах своего плана. Она расскажет миссис Финч и миссис Дейл. Крок — он должен поговорить со скаутами. Нужно все организовать, постараться, чтобы побольше народу собралось на городское собрание...

Ей казалось, что она не сможет уснуть: слишком о многом нужно подумать. Но оказалось, что это не так. Напротив, она сразу увидела странный сон, который, проснувшись, помнила во всех подробностях, как редко бывает со снами.

Она снова была в доме Тамары, и дом приветливо встретил ее; ей казалось, что она вернулась домой, в свой собственный дом. Тамара сидела у стола в кресле с высокой спинкой. Она не смотрела на Холли и не говорила с ней. Но

девочка была уверена, что Тамара знает о ее присутствии. Но то, что она делает, так важно, что ей нельзя отвлекаться.

Опираясь локтями о стол, поддерживая руками подбородок, Тамара смотрела в лежавшее на столе зеркало. Но она не отражалась в зеркале, не было в нем и окружающей обстановки. Вся поверхность зеркала была покрыта серебристым клубящимся облаком, которое постоянно изменялось.

Холли чувствовала силу воли Тамары, та приказывала чему-то произойти.

Когда она смотрела в зеркало, у нее начинала кружиться голова и она не могла смотреть долго. А Тамара сидела неподвижно, почти не дыша, и приказывала...

Облако приобрело форму. На мгновение Холли показалось, что она отчетливо видит лицо. Потом вернулось облако. Тамара вздохнула, бессильно откинулась на спинку. Глаза ее закрылись. Холли хотела подойти к ней. Но в этом сне она словно была прикована к полу. Лицо в зеркале... неужели в зеркале Тамары она видела маленькое четкое изображение своего отца?

Но как отец мог оказаться в доме Тамары? Холли лихорадочно огляделась, но отца не увидела. И в этот момент Тамара открыла глаза, посмотрела прямо на Холли, поймала ее взгляд и удержала его. Холли видела, как зашевелились губы Тамары. И хотя не слышала слов, точно знала, что это за слова:

Всеми силами земли и моря
Я говорю: да будет так.
Всей мощью луны и солнца,
Как я хочу, да будет сделано.

И снова, медленней, с паузами после каждого слова, как будто впечатывая в память Холли: «Да будет так!»

Тамара подняла руку, пальцы ее начертили в воздухе знак, который на мгновение засветился, словно был написан огнем. А потом...

Холли проснулась в своей постели. Было очень темно. Вокруг слышались обычные звуки дома-амбара. Амбар как буд-

то каждую ночь, когда все спят и никто не может услышать, уверял себя в том, что он еще цел и невредим.

Холли прошептала последнее послание Тамары: «Да будет так!» Она не испытывала ни малейших сомнений в его значении. Будет еще одна телеграмма. Ну, может, не завтра, и не на следующей неделе, и не в следующий месяц, но обязательно придет — на этот раз хорошая телеграмма. И их маленький мир снова изменится, с темного Левого пути вернется на солнечный Правый. Где бы ни была теперь Тамара, она применила свою магию к папе. И он вернется домой!

Но теперь Холли должна использовать собственную магию — магию ради Димсдейла. У нее нет силы Тамары, есть только воля и то, что она в состоянии придумать. Но она стремится к этому, и это должно быть сделано!

Утром в воскресенье у них не было возможности пойти к лабиринту. Воскресенье — церковный день, и Холли снова приходилось сдерживать нетерпение. Она знала также, что никому, даже Джуди, не должна рассказывать о последнем сне. Почему-то она была уверена, что если будет рассказывать о нем, это уничтожит магию Тамары.

После обеда дедушка словно не находил себе места. Он не стал просматривать груды старых садовых каталогов, что всегда делал во время отдыха.

Наконец бабушка спросила:

— Что с тобой, Лютер? Ты как кот на горячих кирпичах. Тебя что-то тревожит.

— Я знаю, сегодня воскресенье, Мерси. Но мне хочется поглядеть на старый лабиринт. Не работать, нет, просто поглядеть. Не знаю, почему это так засело в голове, но засело.

Бабушка ответила не сразу. Встала со стула, на котором сидела со стопкой номеров «Нэшнл джиографик».

— Странно, что ты это говоришь, Лютер. Со мной то же самое. Хорошо, допустим, мы все пойдем и посмотрим. Завтра я отнесу миссис Холм кое-какие травы, приправы для еды. Если у меня найдется что ей сказать, она придет на городское собрание.

И вот все пошли за дедушкой туда, где он нашел проход в стене лабиринта. Холли искала котов-стражников. И была уверена, что хоть кусты и разрослись, она видела следы прежней обработки. Она не знала, можно ли будет потом обратить на них внимание дедушки и сумеет ли он что-то из них сделать, но они были здесь, они только ждали, чтобы их освободили от того, что выросло поверх.

Между этими скрытыми стражниками находился вход, и все действительно увидели мощеную тропу в зеленом туннеле, гораздо более просторную, чем можно было подумать, глядя на спутанные внешние стены. Ничего тревожного или запретного в этом проходе не было, и дедушка сразу вступил в него.

— Посмотрю, — бросил он через плечо, — далеко ли можно пройти. Но тут чище, чем снаружи...

Он сделал первый поворот направо. И снова путь был относительно свободен. Как будто лабиринт просто ждал, кто первым пройдет через него. Время от времени бабушка останавливалась, трогала тронутые морозом растения или подбирала сухой листок.

— Да тут настоящая стена лаванды, Лютер, — возбужденно воскликнула она. — А это, мне кажется, мята. А это, конечно, тимьян! Наверно, сохранились под защитой кустов. Розмарин — — это настоящий розмарин!

Снова они повернули. На четвертом повороте какой-то каприз растительности позволил ясно увидеть больших котов. Дедушка остановился, глядя на них.

— А это что такое? — спросил он. — Вы только поглядите: как вырезаны кусты! Никогда такого не видел. — Неожиданно он смолк. — Очень странно... помнишь картинку в «Джигрофик», Мерси? Сад в Англии, где все кусты обрезают так, что похожи на птиц и животных. Завтра, — его явно охватывало все большее и большее волнение, — я пойду прямо к мистеру Корри. Он не садовод, но знает старые вещи. Он удивится, увидев это.

— Может, есть и другие, — предположил Крок. — Только заросли. Если их очистить...

— Конечно! — возбужденно кивнул дедушка. — Только надо подумать, как правильно это сделать, чтобы ничего не испортить. Нужно быть очень осторожным.

Бабушка, разглядывая котов, поместила очки на место.

— А вот этого в том лабиринте в Вирджинии не было, — заявила она. — Наш лабиринт намного лучше всех остальных. Лютер, можешь, конечно, сходить к мистеру Корри, но ты должен привести сюда и миссис Холм. Она удивится: не нужно ездить в Вирджинию, чтобы увидеть такое!

Дедушке явно не хотелось уходить от котов, но Холли тянула его вперед. Она была уверена, что в лабиринте больше нет никакого дома, но ей хотелось увидеть, что там внутри.

Еще три поворота, и они вышли на открытое место. Здесь все заросло увядшими замерзшими растениями, но можно было разглядеть следы сада Тамары. И бассейн на месте, с небольшой ледяной лужицей на дне.

Бабушка трогала остатки растений, взволнованно распознавала их по стеблям и листьям.

— Тут был большой травяной сад, Лютер. Конечно, большая часть растений мертва. Но смотри, многое росло все эти годы. Трудно в это поверить, Лютер: мы ведь знаем, что сюда никто не приходил и не ухаживал за растениями. Но мы можем посадить их снова. И такого здесь никто никогда не видел!

Чья-то рука протиснулась в руку Холли. Девочка повернулась и увидела широко улыбающуюся Джуди. Крок, держа Джуди за другую руку, тоже улыбался. Сама не понимая, почему она это говорит, Холли прошептала:

— Да будет так!

Теперь она была так же уверена, что Димсдейл в безопасности, как и в том, что однажды вернется папа. Она помнила прощальные слова Тамары:

— Будьте благословенны!

И произнесла их вслух, но ни бабушка, ни дедушка как будто ее не услышали. Только Джуди и Крок энергично и уверенно кивнули. Это правда: Димсдейл больше не проклят, он благословен.

**МАГИЯ
«БЛАГОРОДНОГО
ОЛЕНЯ»**

Роман

МЫ НЕ СЕМЬЯ

Крис Фиттон прижался плечами к стене, руки глубоко засунул в карманы джинсов. Глаза его за стеклами очков были полузакрыты — ему много раз говорили, что это придает его лицу угрюмое выражение.

Ковер зеленый и косматый, как трава, которую не мешает подстричь. На фоне бело-кремовых стен комнаты он выглядит неплохо, но совершенно не соответствует мебели, которая на нем стоит. А мебель — стулья, стол, диван — они словно откуда-то не отсюда.

Один из стульев зеленый, но совсем другого оттенка, чем травянисто-зеленый ковер. Другой стул оранжевый, настолько яркий, что глазам больно смотреть, а диван горчично-желтый, и на нем громоздятся пузатые подушки, каждая с особым рисунком. Однако бросив беглый взгляд в этом направлении, Крис решительно отвернулся к двум большим окнам, потому что там сидела она.

Нэн Мэллори плотно сдвинула ноги, всем видом выражая уверенность, которой не чувствовала. Руки она сложила на коленях, локтями уперлась в две подушки, совсем не предназначенные для удобства, скорее это демонстрация искусства вышивки тети Элизабет. «Тетя Элизабет» — Нэн почувствовала, как ее охватывает ощущение одиночества. Здесь живет не ее тетя; и ей здесь вообще не место. Эта квартира так ей ненавистна, что она готова убежать куда угодно, лишь бы как можно дальше.

Но куда ей бежать? Некуда и не к кому — теперь. Нэн внутренне вздрогнула. Никто не должен знать, что она чувствует, особенно он. Она не будет смотреть в его сторону. Тетя Элизабет и ее разговоры о братьях! Они не родственники и никогда ими не будут! Она напишет бабушке Бергман. Но Нэн заранее была уверена, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Теперь, когда бабушка переехала в Саннисайд, во Флориду, она не сможет ее забрать. Она объяснила Нэн, что внуки могут туда приезжать только в гости. Поэтому, когда мама написала...

Нэн крепче стиснула зубы, чуть задрала подбородок. Когда мама сказала, что снова выходит замуж и проведет шесть месяцев с мистером Хейнсом (так Нэн всегда будет называть его: просто мистером Хейнсом; он определенно ей не отец!) в Мексике, а Нэн должна жить у тети Элизабет, бабушка согласилась. Как будто Нэн чемодан или какая-нибудь вещь, которую можно переслать с одного места в другое! Ну, они еще узнают! Как-нибудь, когда-нибудь она отправится — куда? Ей некуда идти — старого дома в Элмспорте больше нет, ничего нет.

Может быть, она бы еще выдержала здесь — только может быть, если бы здесь не было его. Только вчера вечером он прямо в лицо назвал ее тупой и сказал, что она должна заткнуться, если не знает, о чем говорит. Тупой! Он сам выглядит тупым — и злым к тому же, с косыми глазами и ртом, сжатым так, словно кто-то хочет его ударить.

Крис передвинул одну ногу на дюйм вперед, прижал пучок травы ковра. Это самое плохое. Даже хуже, чем два года назад остаться одному на каникулах в Брикстоне, когда он был единственным учеником и учителям пришлось с ним возиться. Конечно, сейчас он должен был бы уже привыкнуть. Только он думал, что, может, в этом году — ведь уже достаточно большой, чтобы кое-что понимать, — отец возьмет его с собой. Тут Крис постарался не продолжать мысль.

Она — она и еще эта, в другом конце комнаты, вот кто все испортил. Тетя Элизабет все время говорит о том, что нужно быть семьей! Вот уж глупость — никакая они не семья! Папа и эта женщина — они уехали вместе. И теперь с ним тетя Элизабет и она. И они не его семья. У него нет семьи, и никто не заставит его сказать, что есть.

Если бы он был уверен, что сюда не явится тетя Элизабет, чтобы спросить, чем он занимается, он бы прямо сейчас ушел к себе в комнату. Он привез с собой конструктор, даже еще не распакованный. Беда в том, что в его комнате нет места для работы. Если он откроет коробку, а тетя Элизабет заставит ее куда-нибудь перенести, он может даже потерять детали. Можно почитать: у него есть несколько книг. Но он уже знал, что думает тетя Элизабет о чтении...

Крис нахмурился. Он знал, чем хочет заняться; и он не собирается провести утро с этой куклой, не собирается быть «хорошим мальчиком», как все время говорит тетя Элизабет. Он мальчик, и настолько хороший, насколько сам захочет.

— Крис... Нэн...

Плечи Криса дернулись, голова Нэн тоже. Ни один не ответил. И вот тетя Элизабет уже не в коридоре, а в гостиной. Радуетя так, словно это она их изобрела, подумал Крис.

Она все время улыбается и говорит, как будто это заставит их делать то, что она хочет, подумала Нэн. Поток слов льется на тебя и так утомляет, что в конце концов ты отвечаешь да или нет, даже не замечая этого.

— Замечательная удача! — гудел в ушах Криса радостный голос. — Билеты! — Тетя Элизабет махала в воздухе рукой, как волшебник, только что материализовавший какой-то предмет. — Билеты на фестиваль Диснея в Рокленде! Я заведу вас туда по пути в больницу к кузену Филипу, а заберу в четыре. Видите, стоит немного подумать и все спланировать, и получается замечательно...

У нее улыбка словно приклеена к лицу, решила Нэн. Хочет, чтобы мы здесь были, не больше, чем я. Если бы только она оставила меня одну, не подталкивала постоянно...

В этот момент она не хотела видеть ничего заманчивого в предложении тети Элизабет. Дисней — вероятно, глупые мультики для малышей. Но спасения не было. Придется пойти с ним, как и спланировала тетя Элизабет, сидеть весь день рядом с человеком, который ведет себя так, словно она вообще не существует.

Впервые она бросила на Криса быстрый взгляд и тут же отвела его. Он равнодушно смотрел на тетю Элизабет. Неужели он всегда смотрит так, словно никого не хочет знать, подумала Нэн. А чего ему на самом деле хочется?

Вчера вечером тетя Элизабет говорила и говорила, рассказывала о том, что их ждет. Она все спланировала — школу, друзей, подобрала для обоих «лучшее». Новая мысль возникла у Нэн, и впервые скорлупа ее отчуждения чуть треснула. Может, ему это тоже не нравится, как и ей?

Он не очень привлекателен на вид — всегда сутулится, хотя тетя Элизабет постоянно просит его «распрямиться». Лицо у него круглое, а глаза за стеклами очков кажутся маленькими и полускрытыми, как будто его клонит ко сну или ему так скучно, что он ни на что смотреть не хочет. На нем синяя футболка под цвет джинсов, а волосы у него светлые, так что брови и ресницы едва заметны. К тому же он для своего возраста невысок, едва ли выше ее. На рубашке выцветшее пятно от краски, а ботинки выглядят так, словно он месяцами ходил в них по кучам мусора.

Нэн чуть подняла голову, позволяя словам тети Элизабет обтекать ее, и посмотрела на свое отражение в зеркале над камином. По крайней мере она выглядит аккуратной. На ней полосатая рубашка, сшитая бабушкой, и брюки. И она причесалась — и готова поклясться, что он этого сегодня не делал.

Волосы у нее чуть длиннее плеч, темно-русые, и кожа коричневатая. Ее кожа весь год сохраняет летний загар. Лето... Летом она жила на пляже в Элмспорте. Но она не позволит себе вспоминать Элмспорт, нет, не позволит.

— И, пожалуйста, чистую рубашку, Крис. Ты не должен выглядеть неаккуратным.

Нэн слегка улыбнулась. Говорит это ему! И это правда. Даже если бы Крис ей нравился, она все равно не захотела бы выходить с человеком, который выглядит так, словно рылся на свалке.

— Хорошо, тетя Элизабет. — Он не хмурился, но голос его звучал так, решила Нэн, словно ему хочется нахмуриться. Ответ вежливый, но это такая вежливость, когда человек «взбешен изнутри», как говорила бабушка. Нэн с интересом наблюдала за ним. Может, эта вежливость даст трещину и он скажет тете Элизабет, что на самом деле думает?

Нэн была уверена, что предложение нравится ему не больше, чем ей. Но тетя Элизабет его тетя, не ее, так что если кто-нибудь ей возразит, пусть это будет он. А она сама будет помалкивать, как всегда говорила ей бабушка: сосчитай до десяти, потом еще до десяти, прежде чем ответить, как бы сердита ты ни была. Бабушка часто говорила, что молчание помогает выйти из трудного положения лучше, чем свободно подвешенный язык.

На мгновение Нэн снова почувствовала тоску. Бабушка! Ей так хочется к бабушке в Элмспорт, и чтобы все было, как раньше, до того, как мама все спутала. Мама никогда не бывает дома, она всегда куда-то едет, описывает новые места для «Трэвел мэгэзин». Она никогда не казалась такой реальной, как бабушка: просто человек, который появляется и исчезает, вечно торопится и говорит о чем-то другом, когда ты пытаешься поговорить о чем-то действительно для тебя важном.

Он ушел. Вероятно, менять футболку. Это дало тете Элизабет возможность приняться за нее. Нэн внутренне ошети-нилась.

— Ты выглядишь очень хорошо, дорогая.

Мягко стелет, подумала Нэн. Пожалуй, она действительно выглядит нормально, но ничего выдающегося.

— Может, будут письма, — продолжала тетя Элизабет так радостно, что Нэн почувствовала себя неловко. — Я знаю, ты будешь рада получить письмо от мамы.

— Мама никогда не пишет письма, — прямо ответила Нэн. — Иногда присылает открытки. Она пишет только то, что можно продать. Письма нельзя.

На мгновение улыбка тети Элизабет стала чуть натянутой.

— Открытки — это тоже хорошо, — слишком быстро сказала она.

Нэн снова напряглась. Может, мама действительно пишет слишком мало и редко; может, Нэн хочется, чтобы она писала чаще; но это не дело тети Элизабет. Она не должна так говорить и даже думать.

— Мама в прошлом году получила премию Кливера за иранскую статью, — сказала она. — Это очень важно. Ей пришлось лететь в Вашингтон, там был большой прием. Его показывали по телевизору. И мы с бабушкой смотрели.

— Да, конечно. — Привычная улыбка вернулась на лицо тети Элизабет. — Ты имеешь право гордиться мамой, Нэн.

Нэн посмотрела на свои стиснутые руки. Можно гордиться мамой, даже если как следует ее не знаешь. Но любила она бабушку. Если бы только бабушка не решила, что дом для нее слишком велик, а врач не сказал, что ей нужно жить в более теплом месте, чем Элмспорт. А тут еще мама выходила замуж и все... Что ж, теперь Нэн здесь и постарается выжить, пока что-нибудь не придумает.

Он вернулся — в чистой футболке. По крайней мере она кажется чистой, на ней нет пятен, хотя так же выцвела и того же голубого цвета. Тетя Элизабет была не очень довольна.

— Крис, а другой рубашки у тебя нет? Надо просмотреть твой гардероб и решить, что тебе нужно приобрести. Ну, по крайней мере эта чистая, а поверх будет куртка. Я подумала, что мы можем выехать пораньше и поесть в «Магнуме» по пути. Сегодня у Клары выходной, а у меня нет времени готовить. — Она посмотрела на свои часы. — Крис, беги к Хейнсу и попроси его вызвать такси. Мы мигом спустимся.

Нэн пошла к себе за пальто, а Крис, набросив куртку, вышел из квартиры. Тетя Элизабет поправляла волосы в прихожей перед зеркалом. Казалось, ей никак не удастся поса-

дить шляпу под нужным углом, и она хмурилась, глядя на свое отражение.

Нэн вернулась в синем пальто, с лоскутной сумочкой в руках, как раз в тот момент, как тетя Элизабет отвернулась от зеркала, надела пальто и схватила сумку.

— Пошли! — поторопила она Нэн. — Не нужно заставлять такси ждать, у нас не так много денег.

Они спустились в автоматическом лифте, который с самого начала не понравился Нэн. Ей всегда казалось, что в лифте она как в клетке. И, затаив дыхание, смотрела, как мелькают сверху номера этажей. Но вот лифт остановился, и они вышли в вестибюль.

Дома Нэн никогда не тревожили такие мелочи. Но там все было знакомо, и она чувствовала себя в безопасности. Здесь все новое и чужое, и она предпочла бы остаться в квартире, а не выходить.

Крис стоял рядом с рослым швейцаром. Такси, которое тетя Элизабет послала его вызывать, уже пришло. Крис посмотрел вверх и вниз по улице. Почему бы им не пойти пешком? Тетя Элизабет всегда берет такси, а потом такси застревает в пробке. Скорее было бы идти пешком. К тому же магазины...

Интересно, есть ли поблизости магазин, где продают конструкторы и модели. Папа прислал ему — Крис сунул руку в карман и нащупал банкноту. Папа никогда так много не давал ему. Он как будто... Неужели папа старался задобрить его за то, что отправил к тете Элизабет? Ну, это теперь деньги Криса, и он потратит их так, как захочет. Выберет что-нибудь действительно интересное. Когда увидит, сразу узнает. Конечно, если у него будет возможность попасть в магазины. Тетя Элизабет сформулировала правила, и он решил вначале поступать так, как она хочет; пока не узнает больше об этом месте.

— Вот и мы!

Крис невольно опустил плечи; на его плечо легла рука тети Элизабет в перчатке.

— Спасибо, Хейнс, — сказала она, подгоняя Криса и Нэн к ожидающему такси.

«Магним» совсем не такой, как тот отель, в который бабушка по воскресеньям дважды водила Нэн обедать. Столики в большом зале, множество разговоров — целое море шума. Тетя Элизабет не позволила им посмотреть меню и выбрать самим. словно они маленькие, она сама твердым голосом сделала заказ. Нэн поклевала салат с незнакомым соусом — у него странный запах и еще более странный вкус — и с облегчением занялась сэндвичем с цыпленком. К счастью, впереди еще мороженое.

Крис ел медленно, жевал так сосредоточенно, словно подсчитывал, сколько раз его челюсти поднимаются и опускаются. Тетя Элизабет ерзала и все время поглядывала на часы.

— Крис, — сказала она наконец чуть резче, чем обычно. — Заканчивай. Мы опоздаем. Мне придется высадить вас у кинотеатра и ехать в больницу. И помните, когда кончится, вы должны ждать в вестибюле, если меня там еще не будет. С таким движением я могу задержаться.

Крис старательно допил молоко.

— Хорошо, тетя Элизабет, — ответил он.

Когда такси переходило в другой ряд, чтобы они могли остановиться у театра, Крис увидел большую красную вывеску. Магазин Армии спасения! Один из этих магазинов! Он снова нащупал банкноту в кармане. В прошлом году он открыл, какие сокровища скрываются за такой вывеской. Там продают все, что угодно. Он сам там купил пять книг — хороших! — за доллар, а еще транзисторный приемник, старый, но вполне исправный. А в другой раз он открыл коробку, полную раковин. Кто-то к каждой раковине аккуратно прицепил ярлычок с напечатанным названием.

Он бросил взгляд на тетю Элизабет. Она снова смотрела на часы. Должно быть, они опаздывают. Если бы он мог...

Такси остановилось, но счетчик продолжал деловито щелкать. Тетя Элизабет одной рукой открыла дверцу, а другой протянула Крису билеты.

— Идите внутрь. Должно быть, уже начинается, так что торопитесь. Помните, оставайтесь в вестибюле, пока не увидите меня.

— Хорошо, — согласился он. И вот он стоит рядом с Нэн, а такси исчезает в потоке машин.

Крис протянул ей один билет.

— Вот, — коротко сказал он, — иди.

— А ты не пойдешь?

Крис не мог упустить такую возможность. Трудно сказать, когда он еще раз сможет уйти один.

— Потом приду. Иди.

Нэн не взяла билет, хотя он пытался вложить его ей в руку.

— А ты что будешь делать? — спросила она.

— Не будь душой! — На мгновение раздражение взяло верх. — Иди. Не твое дело. Верно?

Она медленно покачала головой.

— Но тетя Элизабет...

— Иди! — Он хотел втолкнуть ее в дверь. Так напомнить ему о тете Элизабет...

— Хорошо! — Нэн взяла билет.

Крис подождал, пока она дойдет до входа в кинотеатр. Потом повернулся и пошел по улице. Нэн открыла дверь и закрыла ее, оставаясь снаружи. Крис что-то задумал. Она не собирается покорно идти смотреть Диснея. Нужно узнать, куда он пошел и зачем.

ПРИЛAVOK

К счастью, Крис не оглядывался, так что Нэн можно было не нырять в двери магазинов и идти за ним открыто. Но вот он повернулся и принялся разглядывать большую витрину. Нэн увидела над ней вывеску «Армия спасения». Что Крис

собирается здесь делать? Она торопилась, не понимая, почему должна за ним следовать, но зная, что почему-то это очень важно.

В свою очередь посмотрев на витрину, она увидела только массу вещей: мебель, детскую колыбель, лампу. Зачем Крису такие старые вещи?

Любопытство Нэн было настолько возбуждено, что она в свою очередь решила зайти в магазин. Похоже на обычный розничный магазин, только гораздо тесней. У одного прилавка три женщины. Одна наклонилась и примеряет платье девочке с сопливым носом; девочка хнычет, что хочет домой. Другая женщина рассматривает пальто, висящие на вешалке, щупает материал и смотрит на ярлычки, прикрепленные к рукавам.

Но где Крис и зачем он сюда пришел?

Казалось, никто не обратил на нее внимания. Нэн прошла мимо женщин у прилавка и направилась в глубину магазина, куда, должно быть, ушел Крис.

Здесь тоже прилавки, как в настоящем магазине, — коробки с транзисторными приемниками, тостеры, несколько витрин с украшениями на темном материале, а сверху подвешены сумки, дальше стоят чашки и блюда, все с разным рисунком, висят несколько поясов. И тут она увидела его и задержалась у поясов.

Крис стоял у большого стола, на который была навалена груда книг и журналов. Журналы перевязаны пачками, и под веревку засунут ярлычок с ценой. Крис отодвинул пачки и принялся разглядывать книги.

Он просмотрел ряд томов. Здесь книги, как делать все самому, книги по садоводству и тому подобное. Ничего настоящего интересного. Старые романы; буквы на корешках так выцвели, что приходится внимательно вглядываться, чтобы прочесть название: «Мальчишки Харди»¹ и то, что он уже читал, вроде «Тарзана» и «Гекльберри Финна». Крис чув-

¹ Серия книг для мальчиков, очень популярная в начале двадцатого века. Автор — Эдвард Стрэтимейер. — *Прим. перев.*

ствовал сильное разочарование. Попастъ сюда было так легко, как будто его здесь ждало что-то действительно хорошее. Он отодвинул пачку «Нэшнл Джиографик». И истрепанный «Том Свифт» — детское чтиво.

Крис продвигался вдоль стола, чувствуя, как нарастает его раздражение. Но он должен что-нибудь найти, обязательно должен. Он перешел к следующему большому столу. Игрушки. Часть детской железной дороги. Не особенно интересно, тем более многих частей не хватает; да ему никогда игрушечные поезда и не нравились. Два медвежонка панды и целый ряд кукол. Он увидел грудку коробок с головоломками-пазлами и принялся разглядывать картинки на крышках. Ничего хорошего. У него даже нет места, где можно начать собирать картинку и оставить. Если он появится с ними, тетя Элизабет начнет расспрашивать.

Он нетерпеливо миновал стол с игрушками и подошел к застекленной витрине в самой глубине магазина. Ружья — старые ружья — и сабля! И снова никакой надежды пронести это тайно в квартиру.

Еще какие-то тарелки, чашки... О, это старинные вещи, некоторые их собирают. Крис всмотрелся в набор потемневших монет, тщательно выложенных на потрепанный бархат. Но он ничего не знает о монетах. Еще коробка с марками, наваленными в беспорядке...

Крис знал, чего хочет: нужна такая необычная покупка, которая сделает терпимым пребывание у тети Элизабет. Он должен ее найти!

— Что-нибудь ищешь, сынок?

Крис, вздрогнув, посмотрел на мужчину за прилавком. Тот улыбался, но выглядел настороженным. Может, так следят здесь за всеми детьми, чтобы они что-нибудь не стащили.

— У вас есть наборы для моделей? — Крис задал вопрос, чтобы доказать, что он не воришка, а перспективный покупатель.

— Модели? Посмотрим. — Мужчина отошел к настенными стеллажам, где стояло множество коробок. Крис тоже прошел вперед вдоль прилавка. За коробкой с марками

выложены три кинжала, один с серебряной рукоятью. Крис с тоской посмотрел на них: он знал, что у него нет никаких шансов получить один из них. Мужчина не продаст ему нож, даже если у него хватит денег.

За кинжалами кое-что еще. Вначале Крис решил, что это кукольный домик, только очень маленький. Он прошел бы мимо, если бы кое-что не привлекло его внимание... Он никогда таких домов не видел, только один раз на картинке в книге. Он вспомнил эту картинку. Это совсем не кукольный домик. Макет гостиницы! Высокая арка входа, рядом с воротами меньшая дверь; через ворота во двор въезжали старинные почтовые кареты. Верхняя часть здания кремово-желтая с широкими темными балками под углом друг к другу. Крошечные оконца разделены на участки, в каждом стеклышко, как ограненный бриллиант.

— А вот и они. Флагманский корабль Колумба, бомбардировщик времен Второй мировой войны...

Крис почти не слышал, что сказал мужчина, поставивший на прилавок две коробки.

— Вот это... — Он указал на гостиницу. — Что это? Кукольный домик?

— Это? А, ты имеешь в виду пип-шоу¹.

Крис, не отрывая взгляда от гостиницы, спросил:

— А что такое пип-шоу?

— Смотришь в окна. Видишь? — Мужчина открыл заднюю крышку коробки, достал гостиницу и поставил перед Крисом. — Очень старая вещь. И очень необычная.

Крис нащупал банкноту.

— Сколько? — спросил он, не отводя взгляда от макета. Он знал, что нашел то, за чем пришел: нечто такое, что делает терпимым пребывание у тети Элизабет.

— Это не игрушка. — В голосе мужчины послышалось нетерпение. — Во всяком случае, не сейчас. Это старинная вещь.

¹ Представление, которое подсматривают в щелочку или в специальное отверстие. — *Прим перев.*

— Сколько? — упрямо повторил Крис. Если папиного подарка не хватит, придется где-то добывать еще. Он должен купить это! Не похоже на макеты, с которыми он играл раньше. Ему хотелось взять гостиницу в руки, заглянуть в маленькие окошки, почувствовать ее.

— Десять долларов. — Мужчина положил руку на гостиницу. Он собирался унести макет, так как был уверен, что у Криса нет десяти долларов.

— Я возьму. — Крис достал банкноту и разгладил ее. — Видите, у меня есть деньги, больше, чем нужно. Они мои, — добавил он, поняв, что означает теперь выражение лица мужчины. — У меня был день рождения, — с ходу сочинял он: незачем рассказывать, почему папа дал ему деньги, — это подарок, и я могу потратить их, на что хочу.

Мужчина перевел взгляд с Криса на измятую банкноту, потом снова посмотрел на мальчика. Должно быть, Крис говорил убедительно, потому что продавец наконец кивнул. Потом взял коробку и осторожно вложил в нее макет.

— Пойдем к кассе, сынок. — Но коробку Крису не отдал, понес и ее и деньги, словно опасался, что возникнут какие-нибудь затруднения.

Нэн едва успела спрятаться за рядом костюмов, когда Крис повернулся. Он что-то купил. Но что? И он казался каким-то другим, когда проходил мимо нее, словно купил что-то очень замечательное. Ей хотелось узнать, что сделал его таким не похожим на мрачного мальчика, который не обращал на нее внимания и ясно давал понять, что она ему не нравится.

Она вышла за вешалками и прилавками по другую сторону магазина. К счастью, Крис ни разу не посмотрел в ее сторону, и она сумела добраться до двери и выскользнуть раньше, чем он отошел от кассы.

Конечно, он вернется в кинотеатр, а она не хотела, чтобы он знал, что она за ним следила. Поэтому она вернулась в

фойе, но не проходила мимо контролера. Если Крис не придет, одна она в кино не пойдет.

Но он пришел. И, увидев ее сидящую на скамье, нахмурился.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду тебя. — Она надеялась, что голос ее звучит так же резко, как его. — Не собираюсь идти одна.

— Хорошо.

Он держал коробку под рукой, тесно прижимая к себе. Прошел мимо Нэн, держа билет в вытянутой руке, и направился к внутренней двери.

Нэн быстро встала и достала свой билет. Ей хотелось сказать ему, что она знает, где он был, и спросить, что у него в коробке, но благоразумие восторжествовало: пока лучше помалкивать. Она была уверена, что сейчас Крис на ее вопросы не ответит.

Он даже не стал ее ждать, хотя Нэн была уверена: он знает, что она идет за ним. Просто прошел в темный зал, где гремел гром. Нэн тащила за ним, и ее раздражение с каждым шагом усиливалось.

Когда придет тетя Элизабет, она, конечно, увидит коробку и начнет расспрашивать. Но позже, когда они, мигая, вышли в освещенное фойе, Нэн не увидела коробки. Однако критически рассмотрев Криса, заметила выпуклость у него под курткой. Что ему так нужно прятать от тети Элизабет?

Крис сам решал эту проблему. Он завернул коробку в шарф и положил под сиденье, собираясь ничего не рассказывать, если Нэн спросит, что он делает. У него наготове были слова: «Не твое дело». Но Нэн, вопреки своим желанием захваченная тем, что происходило на экране, очевидно, ничего не заметила.

Он сам не вполне понимал, почему должен держать существование гостиницы в тайне. Он имел право потратить папины деньги, как хочет. Тетя Элизабет может упрекнуть его за то, что он оставил Нэн одну и пошел в магазин Армии спасения. Но ведь ему не велели не ходить, и в конце концов он уже не маленький. Однако с самого начала гостиница ка-

залась тайной, которую нельзя делить ни с кем. Пип-шоу — так назвал ее тот человек. У Криса еще не было возможности заглянуть в окошки... Что там внутри? Не терпелось добраться до дома и увидеть.

Тетя Элизабет, конечно, опоздала. Нэн сидела на одном краю скамьи в вестибюле, Крис — на другом. И был так полон стремлением сохранить свою тайну, что даже не заметил, что она за ним наблюдает.

Эта штука, которую Крис купил в магазине, у него под курткой. Нэн пыталась по виду выпуклости догадаться, что это. В этом магазине продавали миллион разных вещей, может, и больше. Так что же купил Крис с того прилавка в глубине? Конечно, не книгу: он просмотрел книги на столе и прошел дальше.

Она видела игрушки на другом столе, но он и там не задержался. Витрина дальше... Она уверена, что там ружья. Ружье! Неужели Крис купил ружье? Он не посмеет, да и она уверена, что ему оружие не продадут. Итак...

— Я опоздала! — услышала Нэн голос тети Элизабет. — Простите! Но кузен Филип попросил меня сделать несколько звонков, все по делам. Идемте — такси ждет. Я остановилась у Фунг-Хау и купила нам китайский обед. Будет забавно, верно? А как вам кино?

Она непрерывно болтала, ведя их перед собой к такси. Нэн решила, что жизнь тети Элизабет в основном состоит в ожидании такси. На сиденье было несколько больших коробок, издававших странные запахи; вероятно, это и есть китайский обед. Нэн сдвинула их и устроилась в углу. Крис сел осторожно, держа руку под курткой на груди. Он держит эту штуку. Заметит ли тетя Элизабет?

— Как вам понравились диснеевские мультики? — Тетя Элизабет задала тот же вопрос по-другому.

— Нормально, — без всякого энтузиазма ответил Крис. Ему хотелось как можно быстрее оказаться дома. Если повезет, можно будет пойти к себе в комнату и спрятать гости-

ницу (придется поискать для этого место), прежде чем тетя Элизабет заметит, что он что-то несет.

— Хорошие мультики. — Крис удивился, услышав голос Нэн. — Второй был лучше... — Второй она посмотрела целиком, а из первого пропустила начало, потому что они опоздали, и не очень поняла смысл. Нэн вспомнила о правилах приличия. Наверно, с большим опозданием: бабушка была бы ею недовольна.

— Спасибо за билеты, тетя Элизабет. — Она слегка споткнулась перед «тетя Элизабет». — Вы очень добры.

— Я рада, что тебе понравилось. — Тетя Элизабет улыбнулась. Она как будто ждала какой-то реакции и со стороны Криса, но тот смотрел вперед и молчал. Тетя Элизабет бросила на него взгляд, и улыбка ее стала чуть напряженной. — Осторожней с этой коробкой, Нэн. Мы ведь не хотим, чтобы «яйца Фу-Йонг» оказались на полу?

Нэн послушно поправила коробку, поморщившись от ее запаха. Она еще не решила, хочется ей попробовать «яйца Фу-Йонг» или нет. Они с бабушкой обычно ели всем известные вещи: овощи и фрукты из своего сада, мясо от мясника. Бабушка не любила то, что называла «модной» едой.

До того как они добрались до входа в дом, начался дождь. Когда Крис не захотел взять свою долю коробок, тетя Элизабет заговорила с ним резко. И по какой-то причине, которую сама не смогла бы объяснить, Нэн взяла две коробки, оставив ему только одну. Одну коробку он сможет нести, даже если будет держать одну руку за пазухой. Тетя Элизабет задержалась, расплачиваясь с шофером, но перед ними Хейнс сразу распахнул дверь.

Последовало испытание лифтом, но вот наконец тетя Элизабет достала свой ключ, и они снова в квартире. Картонки отнесли на кухню. Крис со стуком поставил свою на стол и исчез, Нэн даже не успела обернуться.

Она пошла в свою комнату, чтобы сбросить пальто и шарф. Только это не ее комната — сама аккуратность делает ее комнатой тети Элизабет, а не Нэн. Единственное, что действительно принадлежит ей, — двойная рамка с фотографией-

ми на туалетном столике. С одной стороны бабушка; снимок сделан прошлым летом у большого куста белых роз. А с другой — мама на обеде по поводу присуждения премии Кливера; мама, которой никогда не бывало в такой комнате Нэн, какой ее сделала бабушка.

Нэн посмотрела на бабушку. Ее охватило ощущение потери. Она дважды торопливо мигнула. Если она будет настолько глупа, что заплачет, тетя Элизабет, конечно, захочет знать причину. Придумай что-нибудь — быстро! Подумай о Крисе. О том, что он принес с собой и хранит в тайне.

Крис достал из шкафа свой чемодан. Гостиницу он осторожно поставил на столик у кровати. Ему везло. Он ожидал, что Нэн сразу станет рассказывать, как он оставил ее одну. Но она этого не сделала. Он лишь на мгновение задумался, почему она так поступила. Хорошее укрытие — этот чемодан, сейчас он больше ничего не может придумать. Он поставил гостиницу в угол и прикрыл старой рубашкой, которую надевал, когда гулял по улицам. Тетя Элизабет уже сказала, что здесь носить ее нельзя. У него не было даже времени заглянуть в окна. Но вот что: поднимая гостиницу, он услышал, что внутри что-то загремело. Поэтому он накрывал ее очень осторожно и так же осторожно поставил чемодан назад в шкаф. Может, часть макета сломалась. Придется ждать возможности по-настоящему осмотреть. Если что-то сломалось, он может починить.

— Крис... Нэн...

Ужин! Крис подтолкнул чемодан в самый дальний угол шкафа. Придется проследить, чтобы Клара не передвинула его, когда придет убирать. Клара метет и вытирает пыль очень энергично. Тонкий фарфор и другие вещи тетя Элизабет протирает сама; он заметил это на прошлой неделе. Именно поэтому он не начинал новую модель. Если Клара раз или два передвинет ее, от нее ничего не останется.

Нэн уже была на кухне, когда появился Крис со своим обычным равнодушным выражением на лице. Ставя на

стол посуду, раскладывая ложки и вилки, она на него даже не взглянула. Тетя Элизабет велела ему разлить молоко по стаканам. Крис обнаружил, что, по мнению тети Элизабет, мальчик должен быть полезен: сам же Крис считал такие занятия недостойными. Но спорить бессмысленно. Он со стуком закрыл дверцу холодильника и пошел за стаканами, пока тетя Элизабет доставала блюда из коробок.

— Как раз вовремя вернулись, — заметила она, когда в окно маленькой кухни застучал мокрый снег. — Плохая будет ночь. Ну, хорошо, все готово...

Нэн осторожно попробовала что-то похожее на оладью. Тетя Элизабет назвала это «яйца Фу-Йонг». Неплохо. Необычно, но она голодна. Еще был соленый соус, которым нужно было покрывать эту оладью, а также коричневый рис, похожий на маленькие кусочки тонко нарезанной ветчины, и еще порция того, что тетя Элизабет назвала «цыплята Чоу-Мен». Нэн ела аккуратно. Крис тоже старательно очищал тарелку. Но ни разу не оторвал от нее взгляд. Как будто еда для него работа, дело, которое нужно как можно быстрее кончить. Но пусть не думает, что ему удастся ускользнуть и оставить ее с немытой посудой. Сегодня утром тетя Элизабет сказала, что они будут мыть посуду по очереди, когда нет Клары. И Нэн внимательно следила, не захочет ли Крис увильнуть от этой обязанности.

А тетя Элизабет говорила, говорила. В основном о кузене Филипе, что для Нэн ничего не значило — хотя, конечно, он родственник Криса. Однако казалось, Крису тоже все равно, в больнице ли кузен Филип или нет.

Поток слов прекратился, только когда они принялись за печенье с сюрпризом¹. Нэн разгладила свою полоску бумаги и прочла: «Твое сердце стремится к тому, чего не видят глаза...» Она произнесла эти слова вслух.

¹ Сухое печенье из двух половинок, внутри которого спрятано послание: полоска бумаги с поговоркой, забавным изречением или предсказанием судьбы. Непременный атрибут китайских ресторанов в США, подается в самом конце еды. — *Прим. перев.*

— Гм... — Улыбка тети Элизабет стала немножко другой. — А что у тебя, Крис?

— Глупости! «Чистая совесть никогда не боится полуночного стука», — ответил он с набитым ртом.

— Разумный совет, — сказала тетя Элизабет. — Теперь мне нужно сделать междугородный звонок. Можете начинать мыть посуду. И, Крис, проследи, чтобы мусор сегодня же был в мусоросжигателе.

— Да, тетя Элизабет, — ответил он, скомкав свою бумажку и бросив ее в пустую коробку от «яиц Фу-Йонг». Но Нэн захотела сохранить свою и подумать: она не вполне поняла, что она значит.

«ВЛАГОРОДНЫЙ ОЛЕНЬ»

Воскресенье у тети Элизабет тоже совсем другое. Утром они отправились в церковь, причем тетя Элизабет проверила, «прилично» ли они одеты. Церковь большая, и люди в ней незнакомы даже с теми, кто сидит с ними рядом на скамье. Нэн скучала по маленькой дружелюбной церкви, куда ходила с бабушкой. Крис сидел с мрачным выражением, как будто проходил нелегкое испытание.

Но середина дня была еще хуже. Они обедали еще в одном большом ресторане, а потом тетя Элизабет остановила одно из вездесущих такси и отвезла их в парк, где был также зоосад, озеро и другие предположительно интересные вещи. Крис тащился за ними, отставая, и тетя Элизабет явно была раздражена: ей приходилось в десятый раз оборачиваться, чтобы посмотреть, где он.

Нэн смотрела на черного леопарда. Ей было его жаль: зверь ни на минуту не останавливался, ходил взад-вперед по клетке, как будто хотел вырваться на свободу. Большие обезьяны ей совсем не понравились; одна из них корчила рожи и плевала на людей, которые останавливались у клетки посмотреть. Но птицы были прекрасны, разноцветные, с пыш-

ными хвостами; и еще здесь были два львенка, которые спали на одеяле, свернувшись, как котята.

Ноги у нее начали ныть, она была рада, когда тетя Элизабет отвела их туда, где продавали коку и мороженое и где можно немного посидеть. Здесь тетя Элизабет встретила у кассы знакомую и велела детям отыскать себе столик и ждать ее.

Впервые за весь день Крис обратился непосредственно к Нэн:

— Она думает, мы малыши!

И он с силой оттолкнул от себя поднос с мороженым. Нэн едва успела подхватить его, чтобы он не упал на пол. И снова пододвинула к нему.

— Наверное, она думает, что нам это нравится. Может, просто не знает.

Крис мрачно посмотрел на мороженое и сердито воткнул в него ложку, словно собирался уничтожить весь мир.

— Мне не пять лет! — взорвался он. — Этот зоопарк! Зоопарк!

— Птицы хорошие. — Нэн облизнула ложку с фаджем¹. — Но обезьяны мне не понравились, особенно та, что плевалась.

Крис криво улыбнулся.

— У обезьяны верная мысль. Почему бы не плюнуть на глупых людей, которые тебя заперли? Мне вообще не нравится смотреть на животных в клетках — никаких.

Вспомнив леопарда, Нэн почувствовала, что готова с ним согласиться.

— Но иначе они погибнут. Чтобы их спасти, нужно держать в клетках.

Крис энергично покачал головой.

— Клетки совсем не обязательны. Наверно, ты никогда не видела Львиную страну. Они там свободны. Переходят прямо через дорогу. Там можно ехать в машине, но окна должны быть закрыты, и двигаться только очень медленно.

¹ Мягкая молочная конфета типа ириски. — *Прим перев.*

— Когда ты это видел? — спросила Нэн.

— В прошлом году. Ездил во Флориду с Батчем Уилсоном и его родителями. Мы сделали много снимков. Один старый лев спал, словно ему ни до чего нет дела. А в следующей секции нам пришлось остановить машину, потому что антилопа кормила детеныша — прямо посередине дороги. Там зверей не держат в клетках.

— Моя бабушка во Флориде, — объявила Нэн. — Когда поеду к ней в гости, может, мы побываем в Львиной стране.

— Ты ведь жила с ней. Почему не поехала с ней во Флориду?

Нэн старательно смешивала фадж с мороженым, делая вид, что это занятие полностью ее занимает.

— Она не захотела, чтобы ты у нее жила?

Нэн подняла взгляд и горячо ответила:

— Конечно, нет! Но доктор Симмонс сказал, что ей нужно жить в теплом климате. А единственное место, которое она могла себе позволить, это дом для престарелых в Сан-нисайде. Там нельзя жить детям — только приходить в гости. А мама вышла замуж.

Лицо Криса застыло. Рот он снова мрачно сжал.

— Да, они поженились, — равнодушно сказал он. — И тебе пришлось жить у тети Элизабет. Можешь не объяснять.

— Я не просилась сюда! — вспыхнула девочка. — И она мне не тетя!

Крис пожал плечами.

— Детей всегда распахивают против их воли, пока они не вырастут. А до этого ничего не поделаешь.

— А что ты собираешься делать? — спросила Нэн. Ей не хотелось думать о том, сколько времени будут ее толкать против воли, пока она не вырастет и не сможет сама распоряжаться своей жизнью. И она даже не знала, какая жизнь ей нравится.

Крис смотрел на стол.

— Неважно... сейчас.

Он словно опустил между ними тяжелый занавес. Нэн продолжала есть лакомство. Крис раньше никогда с ней не

разговаривал, да и этот разговор длился недолго. Должно быть, ему нравится жить у тети Элизабет не больше, чем ей. Нэн подумала, а как он жил раньше? Может, у него тоже был кто-нибудь, как бабушка? Ей хотелось спросить, но она не посмела.

— Вот вы где! — Рядом возникла тетя Элизабет. — Нам замечательно повезло, Нэн. Завтра утром миссис Эймс отвозит Марту в школу и заедет за тобой. Мне очень не хочется, чтобы ты в первый день уходила одна. Ведь тебя ждет большая перемена: школа Элмспорта и грамматическая школа Уиккофа. Мы договорились, они заедут за тобой в четверть девятого. Крис тоже сможет поехать. Они высадят его у академии, все равно она по пути.

Тетя Элизабет заказала чашку кофе и отпила. Поморщилась.

— Горький... — Она сдвинула чашку на середину стола. — Нигде в таких местах не могут сварить приличный кофе. — Если она и заметила выражение отчаяния на лице Нэн и мрачный вид Криса, то отказалась думать о том, что детям могут не нравиться ее планы на будущее.

Только после ужина Крис смог остаться в своей комнате один. Он в нерешительности постоял у шкафа. Достать гостиницу сейчас? Он очень этого хотел. Но ощущение того, что гостиница принадлежит только ему, что никто не должен о ней знать, останавливало его. Наконец он сел на кровать. Тетя Элизабет, девчонка — когда-нибудь они лягут. Тогда он возьмет фонарик и хорошенько рассмотрит свою покупку. Ему не терпелось побыстрее этим заняться, и он досадливо поморщился.

Больше всего ему не хотелось думать о завтрашней академии. По мнению папы и тети Элизабет, ему там должно понравиться, только потому, что там учился папа. Но на самом деле он это место ненавидел.

Крис снял очки и потер глаза. Ведь он не виноват, что из-за близорукости не достигает успехов в спорте. Он пытался в

Брикстоне играть в баскетбол и дважды ломал очки. И вообще он не понимает, почему эти игры в мяч так важны.

И если парень любит читать и понимает, о чем говорит учитель, он совсем не обязательно маменькин сынок. Крис снова потер лоб. Эл Кэнфилд пообещал проучить его, если он еще раз опередит в классе Крэга Фэллоуза. А все потому, что Крэг капитан команды, а Крис отказался писать за него сочинение.

Круглое лицо Криса приобрело упрямое выражение. Он не станет их покорным сочинителем, не будет делать все, что они ему говорят, как делает на химии Перри Уинн. И, наверно, завтра они ему покажут, если он не даст Крэгу списать свой конспект.

Дети похожи на зверей в этом зоопарке. Все они в клетках. Может, эти клетки нельзя увидеть, но они все равно есть. Он всегда думал, что, когда станет постарше, папа позаботится, чтобы его не загоняли в клетку. Крис ударил кулаком по кровати.

— Крис? — Голос тети Элизабет совсем близко за дверью.

Он быстро встал и пошел на зов.

— Там передача по ТВ — об Африке.

Крис открыл дверь.

— Мне нужно написать конспект, — коротко ответил он.

— Ну почему ты всегда оставляешь домашнее задание на последнюю минуту? — спросила тетя Элизабет. — Что ж, наверно, следует радоваться, что ты его вообще делаешь. Марджери говорит, что ей приходится каждую минуту подгонять Тима, чтобы он сел за уроки.

Но она смотрела на него внимательней, чем обычно, и Крис почувствовал легкое чувство вины из-за своей лжи. Но только легкое. Этого недостаточно, чтобы он пошел в гостиную смотреть телевизор с остальными. Он закрыл дверь и постоял, прислушиваясь. Да, звуки включенного телевизора. Но он даст им еще немного времени. Он совсем забыл об этой передаче.

Когда Крис был относительно уверен, что тетя Элизабет и Нэн смотрят телевизор, он порывлся в шкаф и достал че-

модан. Сел на пол спиной к двери, готовый сразу запихнуть чемодан назад, если кто-нибудь войдет.

Размотал старую рубашку и достал гостиницу, держа ее осторожно обеими руками. Она даже лучше, чем он помнил. Он изготовил множество моделей, в том числе и очень сложных, но с такой работой не справился бы.

«Пип-шоу», сказал тот продавец. Смотришь в эти маленькие окошки и что-то там видишь?

Крис медленно поднял гостиницу, так что самое большое окно со стеклами в форме бриллиантов оказалось на уровне глаз, и поднес маленький дом к глазам.

Но очки — они мешают!

Он торопливо снял их и положил на кровать. Если держать что-то очень близко к глазам, то хорошо видно и без очков. Теперь окно всего в дюйме, и Крис попытался разглядеть, что за ним. Там...

Крис опустил гостиницу и потерял глаза. Странно — там внутри все словно затянуто густым туманом. Он попробовал снова. Нет, если и был способ увидеть внутренность гостиницы, сейчас его нет. словно кто-то замазал стекла изнутри густой белой мазью. Одно за другим он проверил остальные окна. То же самое. Просто ничего не видно.

Передвигая гостиницу, он снова услышал грохот. Крис был уверен, что звук доносится из комнаты на первом этаже с единственным окном. Он не мог ошибиться — что-то там есть внутри.

Крис осторожно перевернул макет крыши вниз, чтобы осмотреть деревянную плиту, которая образует его основание. Никаких гвоздей или винтов он не увидел. Но мальчик был уверен, что существует какой-то способ открыть. Может, это трюк — что-то вроде китайской головоломки, которую он однажды видел. Но нужно быть очень осторожным, решая ее: он не хочет сломать что-нибудь.

Он тоскливо подумал о маленьких инструментах, которыми собирал свои модели. Попытался оторвать дно? Нет. Если гостиница действительно старая, дерево может расколоться. Придется решать загадку каким-то другим путем.

С сожалением он уложил модель в чемодан и снова спрятал. Начал раздеваться. Тетя Элизабет не одобряет чтение в постели. Но он может почитать, по крайней мере до окончания программы. Крис давно обнаружил, что если у тебя проблема и ты на какое-то время перестаешь о ней думать, то когда подумаешь снова, неожиданно увидишь решение.

Нэн смотрела, как большеухий слон обливает водой слоненка. Крис сказал, что животные должны быть свободны. И этот слон свободен. Она старалась думать только о том, что видит, и забыть о завтрашнем посещении школы. Крису хорошо. Он здесь уже месяц, у него было время понять, что нужно делать, чтобы поладить с учениками. А она начинает заниматься с опозданием, а это значит, что ей предстоит догонять. Городские школы не такие, как в Элмспорте. Должно быть, здесь учиться труднее. И она никого не знает. Ужасно заходить в новый класс, когда все на тебя смотрят, словно ты какая-то другая, как эта необычная птица на экране.

Она плохо себя чувствовала и была уверена, что скоро у нее разболится голова. Она не будет стараться отвертеться от завтрашнего испытания. Бабушка всегда говорила, что нет смысла отворачиваться от правды: это только делает положение хуже. Хотя ничего хуже того, что ей предстояло завтра, Нэн не видела.

Утром в понедельник она почти ничего не ела, но выпила апельсиновый сок — единственное, что было вкусно. Тост слишком сухой, хотя и намазан толстым слоем мармелада. Куски не лезли в горло. Нэн съела три ложки овсянки и слегка позавидовала Крису. Он ел со своей обычной неторопливостью, и тетя Элизабет дважды напоминала ему, что уже пять минут девятого и они не должны заставлять миссис Эймс ждать.

Он еще сидел за столом, когда Нэн поблагодарила и пошла к себе за пальто и шапкой; проверила, с собой ли у нее табель с переводными отметками. К тому времени как она вернулась в прихожую, Крис с нетерпеливым видом стоял

у входной двери и постукивал сумкой с книгами по стене, словно хотел пробить в ней дыру.

Когда они вышли в вестибюль, миссис Эймс помахала им из машины. Нэн торопливо пошла вперед — не из-за старательности, а потому что хотела, чтобы худшее случилось как можно быстрее. На заднем сиденье она увидела девочку.

— Это Марта, Нэн, — сказала миссис Эймс. — Можете ехать вдвоем сзади. Крис сядет впереди, потому что ему раньше выходить.

Нэн сказала «Здравствуйте», и Крис повторил это голосом, в котором слышалось «мне все равно». На девочку он не обратил внимания. Нэн взглянула на Марту, которая смотрела на нее так, что Нэн подумала: либо она забыла причесаться, либо у нее на лице грязь.

Миссис Эймс больше ничего не сказала. Было ясно, что она думает только о том, как провести машину в напряженном утреннем движении. Нэн даже удивилась, что кто-то еще может втискиваться в полосы.

Нэн хотелось нарушить молчание, отчаянно хотелось получить маленькие знаки внимания со стороны незнакомой девочки. Но тут ей на выручку пришла гордость, и она села выпрямившись и смотрела в косматый затылок Криса. Ну и ладно, если эта Марта не желает разговаривать, она тоже будет молчать.

— В каком ты классе?

Нэн от неожиданности вздрогнула.

— В шестом... была в шестом, — поправилась она. Кто знает, где она окажется в этой новой школе, особенно появившись в середине четверти?

— Тебя, наверно, посадят в класс Краба, — довольно сказала Марта. — Я в классе мисс Хилл. Но у нас нет мест — никого больше нельзя принять. — В голосе ее прозвучала довольная нотка, как будто она с радостью излагает эту устрашающую информацию.

— А кто это Краб? — спросила Нэн, решив не сдаваться.

— Мисс Крэббит. Она старая, как горы, и вдвое тверже. Так говорит моя подруга Руфь. Очень много требует. Руфь

заставила свою маму перевести ее в другой класс, когда начались занятия.

Когда Нэн ничего не ответила, Марта продолжила:

— Ей не понравится, что ты приходишь в середине четверти. Если не будешь справляться, она тебя посадит на класс ниже. Она так сделала в прошлом году с несколькими ребятами.

Машина остановилась, и Крис вышел перед высоким коричневым зданием, стоявшим немного в глубине от улицы. Между входом в него и тротуаром была металлическая решетка. По-прежнему не обращая внимания на Нэн, Крис посмотрел на миссис Эймс.

— Спасибо, что подвезли.

Но Нэн показалось, что он совсем не испытывает благодарности. Машина двинулась, и Нэн следила за Крисом, повернув голову. Он шел, согнув плечи, словно ему очень не хотелось идти.

Она завидовала Крису. Но теперь задумалась, а нравится ли ему академия? Он выглядит так... как будто ждет каких-то неприятностей. Во дворе были мальчишки, но Крис не посмотрел на них и ни с кем не заговорил, пока она могла его видеть.

— Он теперь твой брат? — спросила Марта.

— Нет! — сразу решительно ответила Нэн.

— Значит, сводный брат или что-то в этом роде. Твоя мама вышла за его отца?

— Да, — коротко ответила Нэн. Она не собиралась обсуждать это с незнакомой девочкой.

— Должно быть, забавно, когда у тебя вдруг появляется сводный брат. А почему он не ходит в школу с тобой?

На это Нэн знала ответ.

— Потому что его отец учился в академии и хотел, чтобы и Крис учился там же, когда переехал сюда.

— Вы все будете здесь жить? Мне казалось, ты живешь с тетей...

— Тетей Криса, — поправила Нэн. — Не знаю, будем ли мы здесь жить. Маме приходится много ездить — из-за статей. Она сейчас в Мексике.

— Она будет продолжать ездить, даже выйдя замуж?

— Марта! — Миссис Эймс не повернула голову, но голос ее звучал резко, и Марта покраснела. Она отвела взгляд от Нэн и принялась смотреть в окно. Нэн подумала, что теперь Марта тем более ее невзлюбит. К счастью, через несколько мгновений они остановились на школьной стоянке, миссис Эймс вышла, и Нэн неохотно последовала за ней. Девочка смотрела только на спину миссис Эймс в синем пальто и не оглядывалась по сторонам.

Только около четырех часов Нэн снова оказалась в вестибюле перед пугающим ее лифтом. У нее было ощущение, словно за ней весь день гнались. Точно как у лисы в сценах охоты. Голова болела, и она была вдвойне голодна, в основном потому, что на ланч в кафетерии съела не больше, чем за завтраком. Если бы только можно было пойти в большую кухню, где у бабушки всегда наготове тарелка с печеньем или кусок хлеба с коричневым сахаром и маслом и стакан молока.

Нэн колебалась, не решаясь войти в лифт. Остаться там одной — чувствовать себя замкнутой со всех сторон — она просто не может.

— У вас какие-то проблемы, мисс?

Она посмотрела на Хейнса, утратив на мгновение всю гордость, и выпалила:

— Не хочу заходить. А что, если он застрянет?

— Не застрянет. Посмотрите сюда. — Он вошел в лифт, и ей пришлось последовать за ним, чтобы увидеть, что он показывает. — Видите эту кнопку? — Он показал красную кнопку. — Вам нужно запомнить. Если что-то случится, нажмите ее. Но лифт работает уже пять лет и ни разу не застревал.

Как это ни успокоительно, Нэн вся напряглась, глядя, как справа налево перемещается огонек по панели. Наконец дверь открылась на нужном этаже. Нэн нажала звонок, и дверь открыла Клара.

— Заходи, дитя. Мисс Хейнс ждет. Твои пустые чемоданы — их нужно отнести в подвал. Крис еще не вернулся, поэтому возьми и его чемодан и отнеси в прихожую. Побыстрей: мне сегодня нужно уйти пораньше.

Нэн принесла два своих чемодана и поставила в ряд. Ей не хотелось идти в комнату Криса, но Клара велела идти. Его чемодан в шкафу. Когда она его доставала, что-то внутри загремело. Крис в нем что-то оставил. Лучше это достать. Потому что если что-то попадет в подвал, потом его оттуда достать очень трудно. Тетя Элизабет уже предупредила ее об этом.

Нэн открыла чемодан. Только старая грязная рубашка... Нет, в нее что-то завернуто. Рубашка выпала из руки, и Нэн увидела... Это кукольный дом? Не может быть... слишком маленький. И что-то странное в этой модели. Как будто это реальное здание, а она смотрит на него в бинокль, но повернув его наоборот, как делала дома мисс Плейсер, когда наблюдала за птицами.

Помня, что Клара просила ее поторопиться, Нэн достала модель из чемодана, и в этот момент открылась дверь и вошел Крис. Его глаза за стеклами очков теперь не были полузакрыты, как всегда; нет, они были широко раскрыты и гневно сверкали.

— Шпионка! — Он одним прыжком подскочил к Нэн, подняв руку. Ярость его была так страшна, что Нэн отступила к кровати. Наткнулась рукой о столбик, маленький дом выпал и со стуком ударился о пол.

— Я... я не шпионила! — Нэн обрела способность говорить. Тем временем Крис опустился на колени и протянул руки к домику. — Клара велела принести твой чемодан — чтобы отнести в подвал. Я не шпионка, Крис Фиттон!

Гнев придал ей силы. Нэн миновала Криса, но он даже не поднял головы. В одной руке держал модель, а другой подо-

брал что-то с пола. Теперь Нэн видела, что дно маленького здания раскрылось и свисало, как крышка на петлях.

— Сломалось? — спросила она с несчастным видом.

— Нет. — Казалось, Крис забыл о своем гневе. — Просто открылось. Так вот что там было внутри...

Нэн заглянула через его плечо и увидела у него на ладони продолговатую табличку.

— Что это?

— Вывеска! Вывеска гостиницы! — В его голосе звучало такое возбуждение, что Нэн решила задать еще один вопрос:

— Значит, это гостиница?

— Конечно, — нетерпеливо ответил он. Маленькую полоску он поднес к самым глазам. — «Благородный олень». И я могу прикрепить ее над дверью, где ее место.

— Нэн, — слышался полный нетерпения голос Элизабет. — Где остальные чемоданы?

Крис с силой толкнул к ней чемодан.

— Иди, — приказал он, — отнеси ей!

Нэн неохотно повернулась и вышла. Наверно, это и купил Крис в магазине. Но почему он так возбужден? Что особенного в этой гостинице «Благородный олень»?

КОРОЛЕВСКИЕ ОХОТНИКИ

Крис лежал, повернув голову на подушке так, что если бы мог видеть в темноте, то видел бы гостиницу. Он целый час прилаживал крошечную вывеску, так что теперь она висела на проволоке над главным входом, выступая вперед, как было бы, если бы «Благородный олень» был настоящей гостиницей. Когда он поставил макет на стол, после того как при случайном падении дно открылось и выпала вывеска, деревянная плита снова прочно встала на свое место.

— «Благородный олень» — прошептал он. Был ли когда-нибудь настоящий «Благородный олень?» Большинство моделей, которые он делал, были копиями знаменитых кора-

блей или самолетов, которые существовали или существуют в действительности. Он был уверен, что когда-то был и настоящий «Благородный олень».

Но кто захотел сделать модель гостиницы? И почему ее вывеска находилась внутри? Почему, почему? Крис мог составить длинный список этих «почему».

Но сейчас ему вдруг захотелось спать, так сильно захотелось, что не было сил подумать о новом укромном месте для гостиницы. Он не мог бы объяснить, почему не хочет, чтобы ее кто-нибудь увидел. Она увидела — она всюду шпионит! Может, Клара и велела ей принести чемодан; он предполагал, что Клара это сделала. Но... Крис нахмурился в темноте. Она не имела права — не имела права знать о «Благородном олене», не имела никакого права. Последнее, что он чувствовал, засыпая, было негодование.

Прежде всего Крис почувствовал холод. Он съежился, пытаясь согреться, протянул руку, чтобы повыше натянуть одеяло. Но пальцы его нащупали не сатиновый край одеяла с подогревом, а какой-то другой материал, гораздо более грубый и жесткий.

Он открыл глаза. В комнате больше не темно. У дальней стены на уровне пола тусклое красное свечение.

И — он принюхался — запахи! Тетя Элизабет никогда не допустила бы такие запахи в свою квартиру, где всегда шла погоня за свежим воздухом.

Крис сел, грубое одеяло спало с него. Он одет. На нем не пижама, а одежда. Он принюхался к запахам кухни, горящего дерева, к другим острым запахам, которые не смог определить. Потом без вопросов понял, что пахнет лошадьми, людьми, которые не слишком часто моются...

Глаза его адаптировались к слабому красному свету. Он спал на полу, и огонь в камине почти погас! Мастер Бойер скажет много слов о его невнимательности!

Другой Крис Фиттон полностью ушел из сознания. Да, он Крис Фиттон, мальчик в трактире «Благородный олень». И он счастлив, что служит мастеру Бойеру, а не бродит по дорогам и просит милостыню.

Сразу направившись к камину, он раздул умиравший огонь в приличное пламя. Должно быть, почти утро: чувство времени, оставшееся от бродяжьих времен, подсказывало, что скоро со своего чердака, зевая и жалуясь, спустится Сьюки и загремит кастрюлями и сковородами.

Крис потер руки перед огнем. В спину дует, но по крайней мере лицо в тепле. Ногти у него поломаны, и под ними черные полосы; на ладонях и пальцах мозоли. Он скорчился в тепле, благодарный за короткие мгновения тишины и спокойствия.

Вчера легли поздно. Хозяин опять ушел. К счастью, никто не обратился за ночлегом. Быть мальчиком в трактире и так нелегко, а незнакомых лошадей Крис побаивался, да и работа в конюшне была дополнительным бременем. Конечно, он не жалуется, быстро сказал себе Крис.

Мало кто из трактирщиков пустил бы к себе незнакомое мальчишку, дал одежду и возможность зарабатывать на пропитание. Мастер Бойер — при мысли о нем у Криса стало тепло внутри, как от огня в камине. Он пытался сосчитать дни, когда у него не было никакой надежды, пока не забрался ночевать в конюшню «Благородного оленя» и Джем нашел его там. Крис гораздо больше привык к пинкам и ударам, чем к доброте мастера Бойера. Казалось, давным-давно отец упал с косилки, лицо у него было разбито, а рука и нога не двигались. Через три дня он умер. И сквайр выгнал их из дома — его и Бесс. И у них не было ни пенни.

Бесс ушла к миссис Феллоуз на мельницу. Там у нее по крайней мере есть еда и крыша над головой. Но для Криса там не было места. И он сказал, что сам заработает себе состояние. Состояние? Скорее возможность умереть от голода в канаве! Пока не оказался в «Благородном олене».

Крису хотелось узнать, как живет Бесс, и рассказать о себе. Но он ушел далеко — так ему казалось — за эти ужасные

дни бродяжничества. Единственное, в чем ему повезло: он небольшого роста и мог прятаться, поэтому констебль не задержал его за бродяжничество и не отослал в кандалах, предвзвительно выпоров.

— Чертовски холодно!

Это с мощеного двора вошел Джем. Он дул на красные руки и топал ногами, точно как одна из конюшенных лошадей. Конюх стащил с головы шерстяную шапку, и его нечесанные волосы упали на изношенный плащ на плечах. Крис быстро отодвинулся, уступая ему место, а конюх присел на корточки у огня. Он принес с собой крепкий запах лошадей, смешанный с запахом собаки.

— Где эта шлюха Сьюки? — спросил Джем и тяжело закашлялся. — Она бы весь день валялась в постели, если бы могла.

— Я здесь, висельник. Тебе бы следовало получше говорить о тех, кто выше тебя. — В кухне появилась Сьюки. Ее верхняя юбка была наброшена на просторную нижнюю и покрыта пятнами — свидетельством работы у плиты, хотя обычно она поверх надевала передник, перевязывая его на почти отсутствующей талии. Из-под чепца сзади торчали волосы. Лицо цвета теста, которое она месит, когда стряпает пироги, нос пуговкой, глаза под редкими бровями и почти без ресниц — водянисто-голубые.

— Ты, зажги свечу, — повернулась она к Крису. — Думаешь, я могу что-то делать в темноте?

Крис неохотно отошел от огня. Сьюки как раз пнула одеяло на полу, под которым он лежал.

— Убери это. Дьявольщина, ты хочешь, чтобы я споткнулась, слабоумный?

Джем рассмеялся.

— Плохое настроение с утра, девушка? А почему? Дурной сон?

Крис, торопившийся убрать одеяло, заметил взгляд, который кухарка бросила на конюха. Щеки ее покраснели, она схватила кусок бекона и длинным ножом начала отрезать ломти.

— Смейтесь, смейтесь! — Она продолжала сердито кромсать бекон. — Ты глухой и тупой, Джем. Сны говорят правду. Если сон дурной, нужно остерегаться.

— А тебе снился дурной сон? — спросил он.

Она повернулась к нему спиной и не оборачивалась, но сгорбилась, словно воздвигала между ними преграду.

— Сны обманчивы, — после недолгого молчания добавил Джем. — Не стоит на них полагаться, девушка.

Сьюки фыркнула и продолжала готовить завтрак. Мастер Бойер не похож на других трактирщиков, у которых один стол для гостей, а другой для прислуги. У Криса потекли слюнки. В свое время и он получит добрый ломоть хлеба с куском шипящего бекона, кусок сыра и хорошую порцию эля.

— Сегодня день выпечки. — Сьюки делала вид, что не замечает Джема.. Обращалась она к Крису, который зажег толстую сальную свечу в подсвечнике и поставил ее на стол. — Приготовь дрова.

Крис кивнул. Хлебная печь снаружи, рядом с буфетной. Это место ему очень хорошо знакомо, именно здесь он трет песком с водой многочисленные кастрюли, пока Сьюки не скажет, что они чистые. Хотя внешне она неряшлива, Сьюки удивительно заботилась о чистоте своего поварского оборудования и не допускала, чтобы остатки вчерашней еды в кастрюле служили приправой сегодняшней.

— Сегодня у нас будут гости..

Джем почти дошел до выхода. Но, услышав эти слова, быстро обернулся.

— Неподходящий день для путников. В воздухе пахнет снегом, — сказал он.

Сьюки пожала плечами.

— Тех, кто приедет, никакой снег не остановит. Криса поразило ее тон: Сьюки словно предупреждала.

Гостиница расположена на дороге в Рей, и у них бывает много посетителей. К тому же «Благородный олень» не дешевое заведение, где останавливаются только пешие путники. Чаще бывают дворяне — джентри. Сьюки много раз

рассказывала Крису, что в старину под этой крышей оставался один король. Конечно, это было во дни старой веры, когда часть «Благородного оленя» была гостевым домом аббатства.

Когда в дни короля Генриха монахов прогнали, это место купил мастер Пламм. Он сохранил гостевой дом и добавил к нему пристройки. И собирался жить как сквайр, этот мастер Пламм. Но умер от простуды и не оставил наследников. Так что со временем дом стал гостиницей.

Крис, которому иногда приходилось ждать в комнатах гостей, с удивлением разглядывал красивые панели на стенах, большую резную лестницу, которую мастер Бойер показывал гостям с достоинством, словно он на самом деле сквайр, а это его поместье.

Джем вернулся и остановился прямо перед Сьюки, которая за большим столом занималась привычным делом.

— Что ты слышала, женщина?

Она посмотрела ему прямо в глаза: для женщины Сьюки рослая, а у Джема тело маленькое и сухое; иногда Крис думал, что так и подобает конюху.

— Люди короля — их называют преследователями — были в Хокенли. Мне вчера рассказал об этом торговец, когда уговаривал купить у него нитки. Говорит, они собирались направиться сюда. Здесь еще много последователей старой веры, хоть они и ведут себя тихо.

Джем рукой потер подбородок, на котором торчала трехдневная щетина. Крис хорошо знал, что Джем бреется только по субботам: он сам грел ему для этого воду.

— В Хокенли? Но у преследователей не может быть ничего против тамошнего сквайра. Он справляет обряды по королевскому указу и всегда так делал. Там для них нет улова.

— Торговец сказал, что они ищут скрывающегося католического священника, — ответила Сьюки.

Джем рассмеялся.

— Но не здесь! Зачем им к нам? У сквайра нет друзей среди папистов. Им лучше бы поискать на юге. Все последние двадцать лет говорят, что в Инстоу следуют старым обычаям.

— Скажешь им сам, когда они приедут, — возразила Сьюки. — Они будут рады услышать это от тебя, Джем Трак. Ты ведь такой большой человек.

Джем снова рассмеялся, но когда Крис снова повернулся, то заметил, что конюх нахмурился. Хотя Крис не мог понять, какое дело Дjemu до королевских преследователей, ищущих папистов, этих известных предателей страны.

Он думал об этом, когда, набросив на плечи свой плащ из мешковины, вышел во двор, чтобы проверить, готовы ли дрова для печи. Бедняки не часто задумываются о таких делах. Сначала король Хэл, который хотел избавиться от жены, провозгласил, что церковь принадлежит ему. Потом правила его дочь Мэри, она так же твердо заявила, что глава церкви папа, и, подтверждая это, сжигала на кострах людей.

После нее была королева Бесс. Паписты устроили против нее заговор, говорили, что у нее нет прав на трон. И тогда стало законом, что каждый папист предатель. Когда их захватывали, то по этому закону убивали. Теперь правит король Джейми, он поддерживает этот закон. Поэтому повсюду ищут католических священников и тех, кто их укрывает. Крис покачал головой. Какое ему до этого дело? Он благодарен за полный живот и место для ночлега возле огня.

Нэн сидела в качающейся карете, которая неуклюже двигалась по грязной дороге. Она больше не смотрела на дядю. Ее так тошнило, что она могла думать только об одном: остановиться — где угодно — раньше, чем она опозорится и ее вырвет. Дядя Джаспер не из тех, кто одобряет такие слабости.

Встали они еще в темноте. Нэн толком не проснулась, когда дядя втолкнул ее в карету. Теперь за окнами кареты серый день, хотя разглядеть можно только верхушки живой изгороди по обе стороны дороги. Девочка вздрогнула: день не теплее ночи. Хотя спала она в кровати, обвешанной занавесками от сквозняков, и укрыли ее несколькими одеялами.

Джаспер Найп — человек короля. Он может приказывать, и все ему повинуются. Нэн видела, как он вглядывается в

окно кареты, словно ищет среди спутанных кустов какой-то указатель. Его губы над черной бородой плотно сжаты, будто он таит в себе некое знание, которое никому не следует сообщать. Нос у него большой, с острым кончиком, глаза никогда не останавливаются, все время бегают — отыскивают тайны других людей и скрывают собственные.

Он говорит, что поиск предателей — его долг перед королем. Нэн плотнее закуталась в темно-серый плащ. Она теперь принимает участие в его работе, как Сэм Дайкс, который правит каретой, и Генри Мокрелл, едущий рядом, как три солдата на своих тяжелых лошадях. Они едут сзади и пытаются избегать брызг полузамерзшей грязи из-под больших колес.

Ее учили, что делать. Дядя Джаспер не жалеет кнута, когда объясняет, что ему нужно. Она снова должна будет пойти и делать то, что делала уже три, четыре раза... Нэн закрыла глаза и думала только о том, чтобы сдержаться.

Когда дяде Джасперу что-то нужно, он молится. Но Нэн не хотела просить страшного бога дяди Джаспера о чем-нибудь. Она знала, что она грешница, а бог дяди Джаспера ненавидит грешников. Очень трудно вспомнить жизнь до того, как она попала к дяде Джасперу. Тогда были Роза, и Энн, и миссис Нэвисон, и тишина, и мир, и никаких побоев — тихий голос не звучал непрерывно, бесконечно, пока она могла делать только то, что он ей говорит. Она кровная родственница дяди Джаспера, а это значит, что он имеет на нее право. Она быстро научилась выполнять его волю.

— Мы почти на месте, девочка.

Нэн вздрогнула, услышав эти слова, словно ее хлестнули березовой розгой.

— Хитрый мошенник. Этого подлого предателя можно поймать только с умом.

Иногда Нэн сомневалась, говорит ли дядя Джаспер с ней или просто думает вслух, но хорошо знала, что лучше слушать. В прошлом он ловил ее на том, что она погрузилась в свои несчастья и не слушает его, и наказывал.

— Ты знаешь, что делать, девочка. Никто не обращает внимания на такую серую мышку. Мы расскажем то же самое, что в поместье Пенедон. Я должен отвезти тебя к твоей тетке и вынужден взять с собой даже в таком королевском деле. Ты все запомнила?

— Да... да, сэр. — Она постаралась ответить побыстрее, чтобы он не подумал, что она медлит и нуждается еще в одном уроке, чтобы расшевелить медленный мозг.

— Хорошо. В поместье ты нашла нужный ключ к дверям. Смотри, чтобы и дальше получалось так же.

— Да, сэр. — Ей не хотелось думать о поместье Пенедон, о том, как потом там на нее смотрели. Она смотрела и слушала. И благодаря тому, что она выполнила приказ и никто не обращал внимания на девочку, дядя Джаспер поймал человека — этот человек теперь может умереть — и еще двоих, которые пойдут в тюрьму. Теперь ей это не кажется правильным. Дядя Джаспер говорит, что священники все друзья дьявола и посылают тех, кто их слушает, прямо в геенну огненную. Но Нэн знала только, что дядю Джаспера боится больше, чем дьявола, о котором дядя так любит рассказывать.

Карета замедлила ход, свернула под арку и остановилась на мощеном дворе гостиницы. Генри Мокрелл слез с лошади, подскочил, открыл дверцу кареты и спустил ступеньки. Дядя бесцеремонно поднял ее из темного уголка, где она сидела, и передал Генри, который и поставил ее на подгибающиеся ноги. Нэн увидела в дверях высокого человека, который смотрел на них.

Послышались голоса дяди и этого человека, но Нэн слишком онемела от холода и несчастья, чтобы прислушаться. И только когда высокий человек поднял ее и отнес в маленькую гостиную, где горел огонь, она смогла обращать внимание на окружающее.

— Плохая погода для девочки в пути.

Она посмотрела ему в лицо. Слова произнесены тихо, как говорит обычно дядя. Но тон иной — теплый, как огонь в камине, а лицо открытое и дружелюбное. На лице нет боро-

ды, а щеки темные, загорелые, как будто этот человек много времени проводит на открытом воздухе. Волосы, зачесанные назад, так что над глазами остается только седеющая прядь, падают на простой льняной воротник; куртка красновато-коричневая, брюки кожаные, на ногах толстые вязаные носки и туфли с квадратными носками.

Человек улыбнулся.

— Я Питер Бойер, хозяин гостиницы.

Нэн вздрогнула.

— Меня зовут Нэн Мэллори, если вам угодно, сэр. — Он одет как простой поселанин, но манеры как у сквайра.

— Мне очень угодно, мисс Мэллори. Погрейтесь здесь, вам принесут горячий напиток и кусок яблочного пирога. Сьюки любит подавать выпечку прямо из печи. Вам понравится.

Он кивнул, как будто они старые друзья, и быстро вышел: видно, у него много других дел. Нэн возилась с завязками плаща на горле. Она не знала, где дядя Джаспер, но сейчас ей было все равно. Но не могла сдержаться и смотрела по сторонам так, как он ее научил.

Комната маленькая, стены покрыты панелями. Даже дверь, когда закрывается, тоже покрыта панелью, так что ее невозможно отличить от стены. Большой камин, хотя огонь не заполняет его, каменная каминная доска с резьбой в виде стеблей и роз.

Но мебели очень мало — стол у дальней стены с подсвечником на нем, скамья, которую мастер Бройер пододвинул к огню, чтобы она могла сесть, и пара стульев. Но тайны, конечно, скрываются в стенах.

Те, кто придерживается старой веры, устраивают тайники в стенах — в таких местах человек может спрятаться, когда за ним охотятся люди короля. Это тайные места, но тайны можно выведать. И дядя Джаспер учил ее, как это делать. Нэн издала негромкий звук, почти шепот. Скоро ей придется этим заняться.

Крис смотрел на входящих на кухню людей. Сьюки не отрывала взгляда от стола, на который выкладывала хлеба, горячие, с замечательным ароматом; она только что достала их из печи. Дважды рука ее дрогнула, и она чуть не выронила свежий хлеб на пол. Но не посмотрела на мужчин и прикусила нижнюю губу. Крис чувствовал ее страх, хотя не понимал его. Им ведь нечего бояться, они не укрывают врагов короля. Пусть офицер и его люди перевернут всю гостиницу с чердака до погреба и уйдут с пустыми руками.

Он вообще не понимал, что могло их привести сюда. Тихая спокойная деревня вытянулась вдоль дороги на Рей, дома стоят по обе стороны дороги, в одном конце церковь, в другом — «Благородный олень». Все знают, что сквайр Кентон, владелец поместья, не сторонник папы. Его родной брат был убит в Испании по приказу священника.

Когда солдаты во главе с офицером вошли, мастер Бройер не выразил никакого протеста. Теперь офицер, человек с мрачным унылым лицом, стоял у двери, и его беспокойные глаза непрерывно обегали комнату, как будто он ожидал, что из-за шкафа с тяжелой оловянной посудой появится сам папа. Думать о том, что здесь убежище предателей, глупо. Крис смотрел с раскрытым ртом, но до него начало доходить, что они настроены серьезно.

Сьюки положила на маленький поднос кусок яблочного пирога, от которого шел пар, поставила небольшой кубок с элем и положила ложку. Щелкнула пальцами, давая знак Крису, как будто не решалась заговорить. Когда он подошел, она передала ему поднос.

— В гостиную...

— Что это, грязнуля? — Офицер пристально посмотрел на Крису, и тот опустил глаза. Ему приходилось видеть такой взгляд, когда он боялся, что его как бездомного бродягу отведут к деревенскому констеблю.

— Мастер... он приказал отнести это девочке, — объяснила Сьюки. — У мастера доброе сердце, добрее, чем у некоторых...

Несколько мгновений человек смотрел так, словно собирался не пропустить Криса. Разглядывая мальчика, он тянул себя за кончик бороды. Потом знаком велел проходить.

— Иди, парень.

Крис рад был убраться из кухни. Хотя здесь происходило что-то необычное, за чем интересно было бы понаблюдать: один солдат измерял длину очага линейкой с делениями, а другой внимательно осматривал камни, из которых сложен очаг. Проходя мимо маленькой комнатки, в которой мастер Бойер обычно занимался счетами, Крис заметил еще одного королевского солдата у двери и увидел внутри коричневый рукав. Должно быть, мастер Бойер там, а к двери поставили стражника! Крису ужасно хотелось, проходя мимо, чем-нибудь досадить стражнику, но он знал, что это ни к чему. Скоро они поймут, что ищут напрасно, и отправятся по своим делам. Он видел, что стражник наблюдает за ним, но когда Крис положил руку на ручку двери гостиной, тот явно успокоился.

Крис вошел. Девочка, сказала Сьюки. Но зачем солдаты короля берут с собой на охоту женщин? Или она пленница, которую держат под стражей? Но возле этой двери охраны нет...

— Ой!

Девочка одна. Не старше Бесс, какой ее в последний раз видел Крис. Стоит у стола и смотрит на него так, словно он ее испугал. Платье у нее грязное и мягкое. Должно быть, несколько дней провела в пути, и льняные манжеты и кружева воротника посерели от грязи.

Девочка не просто некрасивая, она уродливая. Волосы расчесаны прямо и убраны под плотный чепец. Те немногие, что выбиваются наружу, рыжие, брови и ресницы тоже. Нос и щеки густо покрыты веснушками. Да Бесс гораздо красивей. Эта девочка выглядит так, будто боится собственной тени.

— Немного еды, госпожа. — Крис поставил поднос.

— Спасибо. — Даже голос у нее не настоящий. Он словно тень. — Мастер Бойер очень добр...

Крис сделал шаг к ней.

— Что ты знаешь о мастере Бойере? — сердито спросил он. Она слегка отшатнулась.

— Ничего. Он... он добр ко мне. Сказал, что кто-нибудь принесет мне поесть...

— Что вы здесь делаете? — Девочка явно боится. Почему-то это подбодрило Криса. — Зачем тревожите мастера Бойера?

Девочка покачала головой.

— Я... Я приехала, потому что меня взял с собой дядя Джаспер. Он... я должна ехать к тете, ему по пути. Поэтому я поехала с дядей.

Крис фыркнул.

— Знаешь, кто он такой, этот твой дядя? Он хватает людей, чтобы их убивали. Но зачем он приехал сюда? Мастер Бойер не любитель священников! Зачем искать то, чего никогда не найдешь?

Нэн продолжала качать головой.

— Не знаю. Он мне ничего не говорил.

Она смотрела на мальчика, который стоял прямо перед ней. Между ними только стол. Выглядит он очень грубым... пугающим... несмотря на передник и закатанные рукава. Кто он? Слуга в гостинице? Но почему задает ей эти вопросы? Впервые за все время кто-то усомнился в истории, придуманной дядей Джаспером. Она уверена, что трактирщик с добрым лицом поверил, что она здесь просто сопровождает дядю, ей нужно проехать с ним небольшое расстояние. Она глотнула. Нужно поступать так, как она делала в других местах, начать расспрашивать самой. Но раньше ей всегда приходилось иметь дело со служанками, которые ее жалели и с готовностью ей верили. За все недели, что она провела с дядей Джаспером, ей не встретился такой сердитый и подозрительный человек. Нэн с огромными усилиями попыталась набраться храбрости.

— А ты кто? — Голос ее звучал уверенно, и она немного успокоилась. — Ты сын мастера Бойера?

Он покачал головой.

— Прислуживаю в трактире, — ответил коротко и не назвал своего имени. Но потом добавил: — Мастер Бойер не женат, у него нет семьи. — Он подошел еще на шаг ближе, внимательно наблюдая, как она отступает. — Кто его оболгал?

— Не знаю... — начала она. Но он резко прервал ее:

— Твой дядя явился охотиться. Кто сказал, что в «Благородном олене» скрываются паписты?

Нэн могла только смотреть на него.

— Он... дядя... ничего мне не говорит. Не знаю, зачем он сюда приехал. — Это ложь, одна из многих неправд, которые лежат на ее совести. Дядя Джаспер говорит, что если ложь служит добру, то это не ложь, но Нэн терпеть не могла лгать.

Она подумала, догадался ли этот трактирный слуга, что она лжет: он все так же сердито смотрел на нее. Что произошло между ним и хозяином, почему он с такой готовностью защищает мастера Бройера? Если они не родственники, как он сказал...

— Мастер хороший человек. — Он помолчал, словно ждал, не посмеет ли она это отрицать. — Его нельзя так беспокоить.

Неожиданно он повернулся и вышел, решительно хлопнув за собой дверь. Нэн осталась на месте. Она дрожала. Приятный коричный запах пирога еще усилил ее тошноту. Нужно заставить себя съесть хоть немного, чтобы никто не усомнился в том, что она девочка, не знающая, чем занимается ее дядя, он только сопровождает ее к тете.

Она взяла кубок и отхлебнула подогретый эль. Напиток теплый и острый. Впервые у нее внутри потеплело. Взяв ложку с роговой ручкой, она разломала хрусткую корочку пирога. Но ела без удовольствия, только из необходимости играть свою роль. Пусть все быстрее кончится — побыстрее, и они уедут отсюда!

За едой она осматривала стенные панели. Она знала, что привело сюда дядю Джаспера: он верил, что сам мастер Бойер не кто иной, как один из предателей священников, и что

в «Благородном олене» есть тайник, в котором можно спрятаться.

В дни королевы Елизаветы часто устраивались укрытия для священников. Очень хитрые тайники, достаточно большие, чтобы там мог поместиться человек; были и другие тайники, поменьше; в них прятали принадлежности ложной службы. Если мастер Бойер сам священник, как считает дядя Джаспер, она должна искать не укрытие для человека, а тайник с принадлежностями для мессы.

Больше Нэн не могла есть. Тени, лежавшие в углах маленькой гостиной, приблизились, как будто хотели ее вытолкнуть. Девочка прижала руки к груди и дико озиралась. Это где-то здесь — то, что она ищет, должна найти. Она знает это, как будто кто-то кричит ей на ухо.

Так уже было — дважды. Что-то направляет ее прямо к тайнику. Она боится, ужасно боится, когда это необычное знание проникает ей в мозг и шлет в нужном направлении. Но эту тайну она сумела скрыть от дяди Джаспера. Это... это как колдовство, эта ее способность находить спрятанное. А ведьмы — это еще хуже, чем священники. Если только дядя Джаспер узнает... Нэн вздрогнула и негромко застонала, и этот звук испугал ее еще больше.

Нужно побыстрее это найти, чтобы они могли уехать отсюда! Быстреей, быстреей...

Она закрыла глаза и ждала, позволяя знанию прийти, не отталкивая его, вопреки всей своей ненависти к происходящему. Потом, глядя прямо перед собой, хотя на самом деле комнату она не видела, пошла, скользя пальцами по стенным панелям. И когда подошла к камину с дальней стороны, нашла. Здесь... где-то...

Пальцы двинулись вверх и вниз вдоль камина. Нашла. Может, не сумеет открыть, но уж об этом позаботится дядя Джаспер. Со вздохом она вернулась к скамье, с которой на пол свешивался ее плащ.

Огонь ее больше не грел. Как всегда — это знание делало ее слабой и больной — и ей становилось так холодно, словно жизнь уходила от нее. Теперь нужно подыскать объяснение

для дяди Джаспера. Она должна объяснить, как узнала тайну. На этот раз она не может сказать, что подслушала разговоры служанок. Этот мальчик... Но вряд ли мастер Бойер доверит слуге тайну, которая может означать его гибель. Нет, сейчас у нее нет никакого правдоподобного объяснения.

Нэн запахла в плащ. Молчать тоже не годится. Она не доверяла собственной смелости — особенно в том, что связано с дядей Джаспером. В первые же дни он сломал ее волю, и теперь она его служанка и ничего не может от него утаить, кроме самой большой своей тайны — как она узнает о таких делах.

Она заплакала, безнадежно, тихо, слезы бежали по щекам, и она не пыталась их вытереть. Она всегда боялась, что это произойдет — когда-нибудь.

Крис спустился вниз. Человек короля вызвал мастера Бойера в одну из верхних комнат для допроса. С верха лестницы доносились мужские голоса, а солдаты продолжали ходить из комнаты в комнату.

Джем вместе с Сьюки и Бет, одной из служанок, сидели на кухне. За ними присматривал один из солдат. Но когда их туда загоняли, Крис был во дворе. А он знал одну из тайн дома: дверь, которую легко не заметить, ведет из конюшни прямо в главный зал. Иногда по ночам мастер Бойер уходит и приходит, пользуясь этой дверью, и Крис это видел, но молчал. Это дело мастера Бойера, и ни один знающий его человек не подумает, что он занимается злыми делами. Но ведь эти преследователи считают его священником! Кто мог сказать такую дикую ложь?

Крис задержался у входа в маленькую гостиную. Девочка сказала, что ничего не знает, но он ей не поверил.

Она испугана до полусмерти. Он уверен, что, будь у него возможность, смог бы что-нибудь из нее вытянуть. Он быстро открыл дверь, вошел и сразу закрыл за собой.

Здесь полутемно. Внутренние занавесы опущены, чтобы помешать ледяным сквознякам и дневному свету. Сначала он поискал девочку на скамье или у стола, но ее не было.

Но тут его внимание привлек легкий скрип сбоку от камина. Она стояла у стены, трогая пальцами панель. Крис прошел вперед, и его обувь на толстой подошве скрипнула. Девочка негромко вскрикнула и повернулась.

— Что ты делаешь?

Нэн ахнула. Потом выпрямилась. Она увидела сердитое лицо, сжатые кулаки: слуга готов кулаками выбить у нее ответ. И тут ей в голову пришла новая мысль, такая необычная, что Нэн удивилась, почему она пришла именно сейчас и здесь. Что, если она найдет тайник для дяди Джаспера, но он окажется пустым? Если там ничего не будет, она сможет просто сказать, что таким и нашла его!

— Послушай... — Она наклонилась вперед. — То, что ищет мой дядя и его люди, здесь. — Она постучала по панели. — Если они найдут, твоего хозяина схватят, понимаешь?

— Ты им не скажешь. — Он сделал шаг к ней.

— Я должна сказать — о тайнике. Но если он пуст... Что тогда?

Мгновение ей показалось, что он ее не понял. Неужели настолько туп? Но вот он оторвал от нее взгляд и посмотрел на стену.

— Можешь открыть?

Нэн с облегчением вздохнула. Все-таки он понял.

— Надеюсь, что смогу.

Нэн решила повернуться к нему спиной и обратиться к той силе, которую она не понимает, но которая ей служит. Вверх и вниз пробежали ее пальцы, она пыталась сдержать страх и нетерпение.

Она словно коснулась слегка нагретого места. И еще одно — чуть пониже первого. Она нажала на эти места, и в стене что-то сдвинулось.

Нэн сразу отодвинулась, отказываясь смотреть на то, что обнаружила. Только так сможет она сказать правду, сказать так, чтобы дядя Джаспер со всем его умением добывать признания не смог ничего заподозрить.

— Я не должна на это смотреть, — торопливо сказала она. — Если посмотрю, он из меня вытянет. Он всегда зна-

ет, говорю ли я правду. Можешь спрятать это в безопасное место? Но... оставь панель слегка приоткрытой.

Нэн протиснулась мимо него, тяжело дыша, отвернув голову. Она слышала, что он что-то делает, но взяла свой плащ и выбежала.

Крис заглянул в тайник. Там лежал мешок. Крис его узнал: когда мастер Бойер уходит по ночам, всегда берет его с собой. Крис понимал не все сказанное девочкой, но хорошо знал, что этот мешок опасен. Он достал его из укрытия и не до конца закрыл панель.

Где бы его спрятать? Печь! Она еще горячая; Сьюки, достав хлеб, положила жариться лопатку. Крепко сжимая мешок, Крис выскользнул из комнаты. Девочка пошла наверх, туда, где звучали голоса. Он не знал, предаст ли она его или нет. Но пока он свободен. Он пробежал через зал и прошел в конюшню. Там карета, и в воротах, ведущих во двор, караулит солдат. Но, к счастью, он не смотрит внутрь. Крис пробрался мимо буфетной к открытой двери печи. Ему в лицо ударил жар и запах жареного мяса. Он бросил мешок за лопатку и услышал, как тот ударился о заднюю стенку. Может, не очень хорошо, но это лучшее, что он мог сделать...

— Что ты здесь делаешь? — Крис застыл.

Рука крепко сжала ему плечо. Он собрал всю храбрость и посмотрел в лицо солдату.

— Проверяю мясо. Сьюки держат на кухне, и она не может к нему подойти. Понимаете, сегодня день выпечки — раз в неделю мы жарим лопатку или ногу. Сьюки положила ее, когда достала хлеб.

— Больше похоже на то, что ты собираешься отрезать себе кусок, — рассмеялся солдат. — Мальчишка в твоём возрасте всегда хочет есть. Радуйся, что тебя не поймал хозяин.

Одной рукой он захлопнул дверцу печи, другой продолжал крепко держать Криса.

— Убирайся, — он толкнул мальчика в сторону кухни, — и сиди с остальными. Если еще раз тебя поймаю...

И он толкнул Криса внутрь дома, сказав другому солдату, чтобы тот глаз не спускал с парня. Тот мрачно хмыкнул и

ударом ладони, от которого у Криса зазвенело в голове, послал его в кухню.

Мальчик скорчился на полу у очага. Что, если стражник упомянет печь и этот офицер с недоверчивым взглядом что-нибудь заподозрит? Они пока еще в опасности. Девочка — будет ли она болтать? Несмотря на огонь, Крис дрожал.

Нэн остановилась в дверях комнаты, в которой в кресле сидел дядя Джаспер, глядя, как его люди проверяют панели и сбрасывают с кровати матрац, чтобы заглянуть под него.

— Тут странная вещь. — Она произнесла это резко, произнесла слова, которые придумала на пути наверх.

— Да, дитя мое? — Обманчивая мягкость голоса дяди Джаспера заставила ее говорить быстрее.

— В гостиной... там одно место выпирает. Я нажала и...

— Да! — Дядя Джаспер сразу вскочил на ноги. — Приведите этого висельника — Он указал на мастера Бойера. — А теперь, — он так сильно сжал руку Нэн, что ей стало больно, и потащил за собой. Однако боль только обострила ее ум. — Теперь покажи мне эту необычную стену, девочка!

Вернувшись в гостиную, она показала. Мальчик послушался ее: маленькая дверца была отчетливо видна. Дядя Джаспер выпустил ее руку, сделал несколько быстрых шагов и открыл дверцу. За ней оказалось пустое пространство. С кошачьей быстротой он повернулся к мастеру Бойеру. Но хозяин гостиницы проявил только легкое удивление.

— Кажется, в этом доме есть тайны, которых даже я не знаю, — спокойно сказал он.

На мгновение лицо дяди Джаспера исказилось от ненависти и подозрительности. Потом он пожал плечами.

— Продолжим поиски, — сказал он.

Но Нэн знала: он уверен, что они нашли нужное место, но мастер Бойер каким-то образом перехитрил его. И впервые за все время почувствовала легкую надежду. Дядю Джаспера можно перехитрить. И это сделал не мастер Бойер. Она и этот мальчик!

Если это было сделано раз, можно сделать еще. В ее хрупком теле ожил дух, который дядя Джаспер считал сломленным и покоренным. Со временем она, может быть, даже найдет путь к бегству; надо быть поумнее и пользоваться любым преимуществом. Никто не освободит ее, кроме нее самой.

Крис смотрел, как на закате отъезжает карета. Солдаты все перевернули, все содрали и оставили гостиницу в полном беспорядке. Но того, что искали, не нашли. Хотя Сьюки тоже сыграла в этом роль. Должно быть, она видела мешок или то, что от него осталось в печи, когда под эскортом отправилась проверять мясо. Однако под этой крышей ни один человек не предаст хозяина.

Девочка... Крис немного подумал о ней. Он видел ее еще раз только мельком, когда дядя подсаживал ее в карету. Но в ней что-то изменилось.. Неважно. Она исчезла; они все исчезли.

Возвращаясь в разоренную кухню, он держал голову высоко поднятой. Мастер Бойер спас его от отчаяния и, может, худшей участи. Теперь у него появилась возможность отплатить, и он ею воспользовался. И его мнение о самом себе стало гораздо лучше.

СОН ИЛИ? . .

Нэн открыла глаза. Тело ее затекло и болело. Конечно, это был сон! Но никогда в жизни не было у нее такого реального сна, сна, в котором ощущаешь запахи, вкус, чувствуешь холод и жару — и очень боишься. Да, конечно, сны могут испугать. Но это какой-то другой страх. Вспомнив ту, другую Нэн и дядю Джаспера, она вздрогнула.

Негромко зазвенел будильник, который бабушка подарила ей на прошлое Рождество. Пора вставать. Нэн с радостью осмотрела комнату. По крайней мере она — не там! Она могла только вспомнить, что в конце ее посадили в эту ужасную карету.

Нэн посмотрела на свои руки. Почему-то она ожидала увидеть грязные льняные манжеты вокруг худых запястий, но увидела только рукава своей пижамы.

Выбравшись из постели, потянулась за халатом. Лучше сходить в туалет, пока его не занял Крис. Он такой медлительный!

Крис... Крис был частью сна, очень важной частью. Он был в гостинице, унес то, что лежало в тайнике... Девочка вышла в прихожую, яркие воспоминания по-прежнему смешивались с действительностью. Почему Крис был частью сна? Во сне он был немного выше, и волосы у него были гораздо длиннее. И очков он не носил. Однако это был Крис — вне всякого сомнения.

И гостиница — «Благородный олень» — они были в гостинице! Но как это возможно? Макет такой маленький, что в нем и рука не поместится. Никто не может быть в нем.

Крис машинально протянул руку за очками. Он всегда это делал по утрам, прежде чем встать с постели. Сев, посмотрел на ночной столик. «Благородный олень» на месте, где он его оставил вчера вечером.

Какой сон!

Он коснулся кончиками пальцев крыши миниатюрного здания. Откуда ему известны все эти помещения внутри? Сейчас он пожалел, что не осмотрел все как следует, когда открылось дно на петлях. Но тогда его интересовала только вывеска. Сейчас она благополучно висела на месте, куда он ее прикрепил вчера вечером.

— Крис! — За дверью тетя Элизабет. — Крис, тебе пора вставать...

— Я уже встал! — Он тут же сделал это утверждение правдивым, выбравшись из-под одеяла. Взяв в руки гостиницу, огляделся в поисках укромного местечка. Наконец выбрал нижний ящик письменного стола и накрыл модель несколькими листами бумаги. Вряд ли Клара заглянет сюда. И эта девчонка Нэн... снова придет шпионить...

Крис остановился. Девочка — она была частью этого. Дыхание его чуть ускорилось, он вспомнил, как она нашла тайник и потом ушла, предоставив ему спасти мастера Бойера. И хотя во сне она выглядела по-другому, это была она. Но почему она оказалась в его сне, стала частью истории его гостиницы? Он схватил расческу, посмотрел на себя в зеркало и скорчил рожу.

— Крис. — Снова тетя Элизабет.

— Спешу, — ответил он, как обычно. Но ему действительно лучше поспешить: придется подвергнуться обычным испытаниям — завтрак с тетей Элизабет, во время которого она рассчитывает время каждого глотка, поход в академию. Жаль, что сон не оказался реальностью. Ему хотелось бы жить в «Благородном олене», как это было ночью. Конечно, там холодно, и работа тяжелая. Но... Крис вздохнул и с привычной решительностью приготовился ко дню, который казался ему таким трудным.

— Мисс Крэббит? — говорила тетя Элизабет, когда Крис явился к завтраку. — Как же, я ее помню. У нее была младшая сестра Маргарет, с которой мы вместе заканчивали класс у мисс Пирс. Да, я уверена — Маргарет Крэббит — сейчас она преподает французский в колледже. Значит, ты не в классе Марты.

Нэн не смотрела на Крису. Боялась, что если посмотрит, задаст вопрос, который висит на кончике языка, — что снилось ему ночью? Однако Крис был, как всегда, мрачен и молчалив; вначале это ее радовало, потом стало раздражать.

— У Марты класс заполнен. — Нэн не видела причин объяснять, что для Марты быть в классе мисс Крэббит — все равно что погрузиться в вечную тьму. За ланчем Марта совершенно не обращала на нее внимание. Нэн пришлось есть — хотя она почти ничего не съела — за столом с совершенно незнакомыми девочками, которые разговаривали друг с другом так, словно она вообще не существует. Это были две девочки из класса мисс Крэббит, и говорили они в основном

о домашних заданиях: их мамы придут жаловаться, что Краб слишком много задает.

— Ну что ж, — успокаивающе сказала тетя Элизабет, — есть и другие девочки, с которыми можно подружиться.

Нэн промолчала. Все в школе ее враги, все смотрят на нее так же неприязненно, как Марта. Она уже втайне считала, сколько дней осталось до весенних каникул, которые кажутся такими далекими.

— Крис пойдет с тобой до академии. — Это неприятное предложение тетя Элизабет изложила как нечто окончательно решенное. Нэн впервые посмотрела на мальчика.

Он смотрел в тарелку и молчал. Но Нэн чувствовала, как от него исходит волна неприятия. Вчера она бы стерпела это, нашла бы какой-то способ ускользнуть. Но теперь — она чуть задрала подбородок.

Значит, Крис не хочет идти с ней. Отлично! Какое ей дело? Они могут выйти вместе. Хорошо, что тетя Элизабет не осложнила дело, приказав им идти вместе; потом разойдутся. Нэн думала, что хоть этот город больше Элмспорта, она дорогу найдет.

— О! — Тетя Элизабет подошла к окну. — Снова снег. Надо позвонить вниз Хейнсу. Он вызовет такси. Вы можете простудиться.

Впервые за все время Крис поднял голову и огляделся.

— Я пойду пешком, — спокойно сказал он. — У меня есть ботинки.

Он встал и вышел, прежде чем тетя Элизабет смогла ответить. Она слегка рассмеялась, впрочем смех звучал чуть принужденно.

— Ну, наверно, мальчики совсем другие. Я не знаю, как... Но ты ведь поедешь в такси, дорогая?

Нэн готова была согласиться. Она чувствовала, что Крис выразил их общее желание, но жалела, что он сделал это первым.

Крис надел свое короткое пальто. Ранец с книгами лежал на полу в прихожей. Мальчик натянул шапку на уши, по-

правил очки. Такси! Не хватало еще, чтобы Гэнфилд и все остальные увидели, что он едет в школу в такси с девочкой.

Он быстро попрощался и вышел из квартиры, все время ожидая, что тетя Элизабет его окликнет. К счастью, лифт пришел быстро. В вестибюле он миновал Хейнса, который разговаривал по телефону: должно быть, тетя Элизабет заказывала такси.

Шел густой снег, время от времени ветер вздымал целые снежные завесы. Крис поднял воротник. Поздно в этом году пришла буря. Мальчик побрел по улице. Все время вспоминался сон, но теперь он хотел о нем забыть. Почему-то не хотелось думать о «Благородном олене».

Поскольку такси опоздало, тете Элизабет пришлось писать записку с объяснением. Потом Нэн нужно было отнести эту записку в администрацию школы. К тому времени когда она добралась до класса мисс Крэббит, нетерпение всех, с кем ей пришлось разговаривать, вызвало у нее, в свою очередь, ощущение, что она их раздражает.

День начинался плохо, но продолжение было еще хуже. Как и предупредила Марта, мисс Крэббит вполне заслужила свое прозвище. Хотя Нэн видела, что не только ее жалкие попытки идти наравне с классом вызывают язвительные замечания учительницы. Мисс Крэббит умела «поддержать дисциплину». Ее внешность и тон голоса приводили в подобие послушания даже мальчишек на задних партах, но хуже всего она относилась к тем, кто не старается изо всех сил.

Нэн — многие предметы оказались совсем не такими, как в школе в Элмспорте, — она почти в отчаянии отказалась от попыток догнать одноклассников. За ланчем она прошла по кафетерию, почти не обращая внимания на то, что берет. Взяла гамбургер и стакан молока; на подносе ее дребезжали вилка, нож и ложка, которые ей не были нужны. А перед ней нечто даже худшее, чем класс мисс Крэббит, — зал, полный столиков, запаха пищи, гула голосов, и ни один человек не приветствует ее.

Она нерешительно остановилась у одного стола и поставила поднос перед двумя пустыми сиденьями. На другом конце стола три девочки говорили очень громко, чтобы перекричать общий гул. Нэн, бросив на них быстрый осторожный взгляд, узнала одноклассниц, хотя ей было трудно, даже увидев знакомые лица, назвать их по именам.

Одну из них — блондинку с длинными волосами, в синих брюках и полосатой, красно-бело-синей, тенниске, — зовут Марва. Даже мисс Крэббит называет ее Марвой. Рядом с ней девочка в джинсах и просторной футболке с изображением женщины-кошки, с коротко подстриженными, как у мальчика, волосами. У нее острый нос...

Нэн вспомнила такой же нос. Призрак вчерашнего сна тревожил ее сознание. Дядя Джаспер... У него был точно такой нос, хотя, конечно, гораздо больший, и тонкие губы так же поджаты.

Третья девочка — Карен Лонг, в классе она сидит перед Нэн. Она всегда — или по крайней мере в те два дня, что Нэн с ней знакома, — выглядит, как расплывшаяся копия Марвы. Волосы у нее темнее и не причесаны гладко, как у Марвы, а свисают неаккуратными локонами. На ней тоже синие брюки и красно-бело-синяя тенниска, но она слишком полная, и одежда сидит на ней не так хорошо, как на Марве.

К полному удивлению Нэн, Марва встала, со стуком передвинула свой поднос по столу и села на соседний стул, а ее две подружки тоже передвинулись. Марва улыбалась.

— Ты ведь живешь в Рэмсли?

Нэн не могла поверить, что дружелюбный тон Марвы адресован ей. Нет прежних взглядов знай-свое-место, которыми наделяла ее Марта.

— Ненадолго. — Ей удалось это произнести с куском гамбургера, вкуса которого она не чувствовала, во рту. — Я живу с мисс Хейнс. — Не с тетей Элизабет, потому что она не настоящая ее тетя.

— Знаю. Моя мама ходит в тот же клуб бриджа. Она о тебе все знает.

Нэн напряглась. Неужели Марва, несмотря на все свое дружелюбие, начнет задавать вопросы, как Марта?

— Моя мама выписывает «Трэвэл мэгэзин». — Марва прочно поставила локти на стол рядом с подносом. — Я видела статью твоей мамы о Тайване. Должно быть, здорово повсюду путешествовать. Ты едешь с ней — на каникулах?

Нэн покачала головой.

— Я жила с бабушкой — пока не переехала сюда. — Она подумала, не утратит ли теперь Марва к ней интерес.

— Наверно, ты с собой многое привезла — Марва странно смотрела на нее — У тебя должно быть много подарков из разных мест.

Нэн жевала свой гамбургер. Ей не хотелось лгать. Мама привозила или присылала ей кое-что. У нее есть кукла из Японии, и бирюзовый браслет, и платье из Лондона. Но платье, когда пришло, оказалось мало, и Нэн ни разу его не надевала. Да оно ей и не понравилось.

— Кое-что есть, — осторожно сказала она.

— Ты привезла с собой? — В голосе Марвы звучало нетерпение.

— Нет. Когда бабушке пришлось переехать, мы много вещей отправили на склад.

Несколько мгновений Марва молчала, потом кивнула.

— Да, наверно. Очень жаль. Крабу понравилось бы, если бы ты принесла что-нибудь из-за границы и показала.

Нэн ожидала, что теперь Марта пересядет, но та осталась. Карен и вторая девочка просто смотрели и молчали, хотя девочка с острым носом улыбалась. Не очень приятная улыбка, решила Нэн. Она испытывала тревогу и все время как будто чего-то ждала, но сама не знала, чего именно. Однако была уверена, что Марва подседа к ней не просто в порыве дружелюбия.

— Карен ты знаешь, — Марва показала, — а это Пэт. Пэт Уилкоккс.

Обе девочки наклонили головы, но промолчали.

— Где трое, там толпа. — Марва засмеялась, как будто приглашая Нэн присоединиться к ее смеху. — Так нас на-

зывают. Видишь ли, — она как будто слегка удивилась, что Нэн не проявила немедленного понимания, — когда нас в прошлом году посадили в класс Краба, мы объединили свои силы. — Марва качнула головой и пригладила волосы.

— Я живу на Ричмонд-стрит, а Пэт в двух домах от меня. Карен за углом на Беллами. Так мы недалеко от тебя. Твой брат не будет здесь учиться?

— Мой брат? А, ты имеешь в виду Криса. Нет, он учится в академии.

— Верно, — кивнула Марва. — Он ведь твой сводный брат? Неплохой мальчик, если бы не очки, да и выражение у него такое, будто постоянно болит живот.

Карен захихикала, улыбка Пэт стала чуть шире.

— Тебе повезло, — продолжала Марва. — Сразу после Пасхи в академии будет бал. У большинства их нас нет никаких шансов получить туда приглашение.

— Я, наверно, тоже не получу. — Нэн решила, что не будет добиваться признания этой тройки с помощью неправды. — Не думаю, чтобы Крис танцевал. Мы с ним плохо знаем друг друга.

— Здорово! — Марва чуть придвинулась. — Должно быть просто замечательно: просыпаешься однажды утром, а у тебя большой брат! Тебя это известие поразило?

— Немного, — сухо признала Нэн.

— Еще бы, — впервые подала голос Пэт. Но тон ее свидетельствовал, что удивление, которое должна была испытать Нэн, совсем не радостное.

Тем не менее, несмотря на свою настороженность, Нэн не могла не испытывать легкой благодарности к Марве. Она уже знала, что эта девочка лидер класса, и пользоваться ее поддержкой означало быть принятой всеми. Она испытывала благодарность, хотя оставалась равнодушной к Пэт и Карен.

И вот, когда Марва предложила вместе возвращаться из школы, Нэн пошла с ними по толстому слою снега. К счастью, тетя Элизабет не стала посылать за ней такси, хотя в глубине души Нэн этого ждала.

Когда они расстались у навеса, под которым стоял Хейнс, то договорились, что утром Марва подберет ее — ее отвозят на машине отца.

— Он возражать не будет. Еще одна — никакой разницы, — сказала Марва. — Моя мама знает твою тетю. Так что все в порядке. Пока.

Нэн чувствовала себя так хорошо, входя в вестибюль, что даже не боялась лифта.

Крис прошел по ее мокрым следам в вестибюле, прежде чем Линд, уборщик, успел вытереть их тряпкой. Мысли его опережали тело — к гостинице. Весь день с огромными усилиями воли ему удавалось не думать об этом чрезвычайно реальном сне. Но теперь он ослабил свой контроль, и сон снова начал часть за частью проворачиваться в его сознании.

Если бы это был только его сон! То, что Нэн играла в этом сне роль — и важную роль, — вызывало у Криса негодование. Днем он успел заглянуть в библиотеку, объяснив, что ему это нужно для сочинения; там он прочел, что мог, о католических священниках, на которых охотились люди короля. Некоторые факты заставили его содрогнуться, особенно когда он вспоминал мастера Бойера. Людей, которых называли предателями, убивали тогда ужасными способами.

Но по крайней мере в его сне все было не так плохо. Мастер Бойер спасся, потому что офицер не смог найти доказательств того, что он тайный священник. Крис помнил, что во сне сам спрятал улики. Ему повезло, что он сумел спрятать тот мешок в печи.

Эта девочка — Нэн — он никак не мог понять, как она нашла тайник в гостиной. Очевидно, она ужасно боялась человека, который как будто был ее дядей. Сказала, что не может лгать ему, что он сразу это поймет. Но как она нашла тайник? Рассказали ли ей о нем и велели открыть? Крис позвонил в дверной звонок, почти не обращая внимания на то, что делает; все его мысли занимало ночное приключение.

Дверь открыла Клара.

— Снимай ботинки, — приказал она, прежде чем он успел войти. — Тапки здесь. А на кухне готово какао.

Меньше всего Крису хотелось пить какао на кухне; ему хотелось поскорей пойти к себе, закрыть дверь и заняться гостиницей. Но он уже научился не спорить с Кларой.

Нэн уже была на кухне с чашкой какао в руке. На тарелке лежало шоколадное печенье.

— Оно из магазина, — сказала она, когда Крис сел. Он хмыкнул, не замечая, что она внимательно на него смотрит.

— А знаешь, — продолжала Нэн, — что очень вкусно? Яблочный пирог с корицей и сахаром...

Крис машинально протянул руку к печенью. Но услышав эти слова, быстро повернулся к ней.

— Ты... ты была там?

— Да.

— Но это сон. Мой сон! — негодуяше воскликнул он.

— И мой тоже!

Ему захотелось ударить ее. Но любопытство и желание узнать больше погасили вспышку.

— Что ты помнишь? — спросил он.

Она огляделась. Клара собиралась уйти, как только вернется тетя Элизабет. Они одни. Но долго ли будут одни? Беспokoясь об этом, Нэн начала рассказывать, что происходило с ней ночью.

ДВОЙНОЙ ВЫЗОВ

— Но почему? — спросил Крис, когда она кончила.

— Что почему? — начала Нэн, но он прервал ее:

— Почему нам обоим приснился такой сон? Может, все это происходило на самом деле... когда-то?

Несмотря на тепло в кухне и на только что выпитое горячее какао, Нэн вздрогнула.

— Как это возможно?

Крис ответил, словно рассуждая вслух:

— Модели обычно бывают копиями реальных домов, кораблей и всего другого. «Благородный олень» может быть копией реальной гостиницы.

Нэн смотрела на него через край чашки.

— Даже если это копия, — предположила она, — что заставило нас видеть такой сон? Ты веришь, что это происходило на самом деле — когда-то давно? — Она снова вздрогнула.

— Может быть. Я сегодня читал о священниках в библиотеке. Король Генрих Восьмой провозгласил английскую церковь независимой от папы, который жил в Риме. Он считал всех католических священников предателями, потому что они продолжали служить мессе по-своему. Твой дядя — он из тех, кого называли преследователями, один из слуг короля. Они повсюду охотились за папистами и теми, кто их укрывает. Это было плохое время.

— Он не был моим дядей! — вспыхнула Нэн. — Он... это просто дурной сон. Вот!

Она со стуком поставила свою кружку и готова была встать из-за стола, когда Крис крепко схватил ее за руку.

— Как ты нашла это место в стене? — спросил он.

— Я... это был сон...

— Может, и сон, но как ты узнала? Твой дядя тебе сказал?

Нэн села: ясно, что без ответа Крис ее не отпустит.

— Не знаю — это было очень странно. Я могла... ну, как бы провести руками по дереву и почувствовать, что это здесь. Но я не могла сказать об этом дяде Джасперу. — Она вспомнила страх, который ощущала во сне. — Потому что он сказал бы, что это дьявольское знание. Поэтому... поэтому мне приходилось выдумывать объяснения, как я находила такие места... ну, мне так кажется. Но, — она выдернула руку, — я не хочу говорить об этом, даже думать не хочу. Слишком реально. Меня это пугает!

— Пошли! — Крис никогда так быстро не двигался. Прежде чем она смогла увернуться, он схватил ее за обе руки и потащил к выходу из кухни. Глаза его за стеклами очков были широко раскрыты, и замкнутое выражение лица исчез-

ло. Нэн не могла вырываться, потому что появилась Клара с ее обычным мне-почти-пора-уходить-и-ваши-глупости-меня-не-интересуют выражением лица. И Нэн, хоть знала ее недолго, уже поняла, что лучше с ней не спорить.

Крис потащил ее через прихожую к своей комнате и закрыл за собой дверь. Нэн с любопытством смотрела, как он открывает ящик маленького письменного стола. Листы бумаги полетели на пол, Крис выпрямился, держа в руках гостиницу.

Нэн торопливо отступила.

— Нет! — громко воскликнула она. — Не буду!

Она знала так же отчетливо, как если бы он произнес это вслух, что ему нужно! Он хочет, чтобы она взяла в руки это — эту штуку! А она не возьмет! Она должна все это забыть. Нэн лихорадочно пыталась нащупать за собой дверную ручку, наконец схватила ее и выскочила в коридор. Но не чувствовала себя в безопасности, пока не оказалась в своей комнате с крепко запертой дверью. Она упала на край кровати, тяжело дыша, словно долго бежала. Если Крис пойдет за ней, она закричит. А она уверена, что он не хочет, чтобы кто-нибудь знал о «Благородном олене»; однако понятия не имела, почему так уверена.

Крис покачал головой. Девчонки! Можно подумать, что он заставлял ее взять в руки змею! Нэн действительно боится гостиницы. Но почему? Никогда раньше не видел он такой прекрасной модели. Только из-за сна?.. Он поднял миниатюрное здание на уровень глаз. Крошечная вывеска слегка раскачивалась на проволоке, которой он прикрепил ее на нужное место. На мгновение он представил себе, что снова на мощеном дворе за высокой аркой, торопится к печи...

Нет, как ни полна подробностей эта картина, все равно это только сон. Крис неохотно положил модель назад в ящик стола и накрыл листами бумаги. И почти сразу услышал, что пришла тетя Элизабет, по ее разговору с Кларой.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы вытряхнуть книги из ранца и положить их грудой на стол: сделать вид, будто он работает. Не выдаст ли Нэн?

Крис сидел над столом, вцепившись пальцами в волосы, и смотрел на страницу, которую совсем не видел. Он был встревожен. Странно, что делала Нэн во сне: провела пальцами по стене и нашла тайник. Но во снах может произойти что угодно. Он только надеялся, что она не будет болтать. Весь обед и то недолгое время, когда они помогали убирать посуду, он напряженно ждал, выболтает ли все Нэн. Не выболтала: болтала о каких-то девчонках по имени Марва и Пэт, что поедет завтра утром с ними в школу, говорила так быстро, словно боялась, что он что-нибудь скажет, но ни разу не посмотрела в его сторону.

На следующее утро Нэн ждала в вестибюле. Крис уже ушел. Выходя в снег, который превратился в серую завесу, он даже не посмотрел на нее. Она была рада, что он не пытается остаться с ней наедине и ничего не говорит о гостинице. Ведь это всего лишь сон. И когда вспоминались какие-нибудь особенно страшные его сцены, Нэн изо всех сил старалась об этом не думать.

Снаружи послышался сигнал, и Хейнс поманил ее. Она заторопилась на улицу, перепрыгнула через снежный бугорок на краю тротуара и втиснулась рядом с Марвой на переднее сиденье машины, застенчиво говоря отцу Марвы, который сидел за рулем: «Здравствуйте и спасибо!»

— Ты написала конспект? — приветствовала ее Марва. — Краб, конечно, требует горы конспектов. А когда напишешь, ей они не нужны.

— Сегодня библиотечный день. — Пэт придвинулась вперед на заднем сиденье, и ее лицо оказалось в нескольких дюймах от Нэн. — Я забыла свою книгу. На самом деле я не могу ее найти. — Она рассмеялась, как будто это пустяк. — Во всяком случае, это дает нам возможность уйти из класса, а завтра занятий не будет из-за встречи учителей.

Марва не обратила внимания на комментарии Пэт. Она крепко взяла Нэн за руку.

— Ты планируешь что-нибудь на завтра, Нэн?

Ничего, если тетя Элизабет что-нибудь не придумает. Крис будет в школе. Неожиданно мысль о том, чтобы весь день провести в квартире с Кларой или отправиться по магазинам с тетей Элизабет... Нет, завтра тетя Элизабет добровольно работает в больнице.

— Нет, — ответила она.

— А мы запланировали... — Взволнованный голос Марвы заставил Нэн оглянуться на нее, и она увидела, что другие две девочки внимательно на нее смотрят. — Вот что я тебе скажу. Можешь отправиться с нами.

— Но... — начала Карен. Однако произнесла только одно слово. Пэт исчезла из-за Нэн; должно быть, заставила Карен замолчать. Нэн подумала, что Карен не хочет, чтобы она знала планы Марвы. Ей снова стало неловко — она чужая. Но Марва еще раз стиснула ее руку, будто подбадривая.

Однако только днем, за ланчем, Марва объяснила.

— Моя мама говорит, что мы можем завтра пойти к «Ламли», — объявила она. — Она обещала дать мне денег на чайную комнату, и мы сможем там поесть.

Пэт и Карен теперь следили за Нэн с каким-то особенным интересом. Пэт криво улыбнулась и кивнула.

— Там распродажа конца месяца, — провозгласила Марва. — Видела утром их рекламу? Цепочки на шею дешевле в четыре раза. — Она рассмеялась.

Карен улыбнулась.

— Да. И тенниски тоже...

У Нэн было смутное ощущение, что за этим скрывается что-то другое. Она переводила взгляд с одного лица на другое. Какое-то воспоминание возникло в сознании. Нет, она не будет думать об этом — о том странном чувстве, когда она во сне смотрела не глазами, а как-то мыслями и сразу видела тайны. Но это был сон, и он не имеет отношения к тому, что происходит здесь и сейчас.

— Можешь пойти с нами, если хочешь, — говорила Марва. — Моя мама позвонит твоей тете, если хочешь. «Ламли» прекрасный магазин, особенно в дни распродажи.

Пэт снова рассмеялась, и Карен подхватила ее смех. Они что-то задумали, что-то непонятное; она в этом уверена. Но провести весь день в квартире, которая никогда-никогда не станет ее домом, слушать ворчание Клары — нет, этого она не хочет.

— Я спрошу, — согласилась она.

Тетя Элизабет не возражала против похода в магазин. И на следующее утро, когда в десять часов за ней зашли Марва, Пэт и Карен, Нэн была уже готова. «Ламли» оказался недалеко, всего в пяти кварталах, и так как тетя Элизабет уже уехала в больницу, никто не заставлял Нэн брать такси.

Нэн бывала в «Ламли» дважды, но оба раза с тетей Элизабет. И видела только витрины и большую входную дверь. Ей казался немного странным этот поход с девочками, но Марва шла впереди уверенно, как будто для нее это привычное дело.

В магазине было много покупателей, Нэн толкали женщины, которые обращали внимание только на то, что выложено на столах и прилавках с красными ярлычками распродажи. Приходилось торопиться, чтобы не выпустить из виду девочек, и Нэн не потеряла их только потому, что на Марве было ярко-алое пальто.

Они направились прямо в отдел украшений, где на прилавке лежали груды цепочек и заколок, а с высоких подвесок свисали ожерелья. Нэн наблюдала, как Марва порывлась в груде на столе, выбрала подвеску в виде большого яблока, того же цвета, что ее пальто, и подняла за блестящую цепочку. Пэт разглядывала заколки, а Карен смотрела, как Марва раскачивает яблоко, словно зачарованная его блеском.

— Как вы думаете? — спросила Марва, прикладывая подвеску к пальто, а потом снова отнимая. — С моим синим платьем...

— Здорово! — выдохнула Карен. — Просто здорово!

— Сколько? — спросила Марва у продавщицы, которая так неожиданно материализовалась по ту сторону прилавка, словно выросла прямо из пола.

— Дай-ка взглянуть. — Подвеска была искусно выхвачена из рук Марвы, и продавщица повернула маленький ярлычок, прикрепленный к цепочке. — Четыре доллара, это сниженная цена.

— Три доллара — и то слишком дорого, — рассмеялась Марва. — Спасибо. — И она отвернулась от прилавка с украшениями.

Нэн заметила заколку — кошачья голова, усаженная блестящими камнями. Посмотрела на цену на таком же ярлычке — три девяносто пять. Больше половины ее двухнедельных карманных денег. Жаль — заколка ей понравилась.

Почувствовав, как Пэт протиснулась мимо нее, Нэн положила заколку и отошла. После того как они побывали в отделах шарфов, теннисок и еще в нескольких интересных местах, она решила, что «Ламли» — слишком дорогой магазин. В каждом отделе Марва находила какой-нибудь предмет и спрашивала цену — хотя вполне могла посмотреть сама, а Пэт при этом слегка отставала, трогала товар, а Карен пылко хвалила вкус Марвы.

Когда миновали отдел кофточек, Нэн решила, что так проводить утро — рассматривать и ничего не покупать — скучно. И обрадовалась, услышав слова Марвы, что чайная комната открыта и можно пойти туда поесть.

Марва попросила официантку усадить их в дальнем углу у окна, заказала сэндвичи и коку и, когда официантка ушла, посмотрела на Пэт.

— Ну что? — негромко спросила она.

Пэт широко улыбнулась и кивнула. Нэн удивленно переводила взгляд с одной девочки на другую. Марва рассмеялась.

— Покажи ей, — приказала она Пэт.

Пэт оглянулась. Вблизи их столика никого не было. Она сунула руку в широкий карман куртки. Но держала ее под столом, так что видеть могла только Нэн.

На ее ладони лежала подвеска-яблоко. Нэн увидела ее лишь на мгновение, потом Пэт снова ее спрятала.

— Но... — Нэн не верила своим глазам.

Марва снова негромко рассмеялась, глаза ее сверкали.

— Нет, это не та же самая. Там их было три или четыре — ты разве не заметила? Пэт стащила одну, когда я спрашивала цену.

Нэн стало нехорошо.

— Это... это воровство, — тихо сказала она. Марва продолжала улыбаться.

— Это игра, — сказала она. — Это двойной вызов. Одна выбирает что-то и спрашивает. А вторая, та, у кого в этот день вызов, должна стащить такое же. У меня есть деньги. — Она хлопнула по кошельку. — Если нас кто-нибудь поймает, мы заплатим. Но до сих пор никому поймать не удалось.

Пэт со своей кривой улыбкой наблюдала за Нэн.

— Струсил, — объявила она. — Но не думаю, чтобы она стала болтать. Загляни в свой левый карман, Нэн, дорогая. — Голос ее прозвучал резко и торжествующе.

Нэн, удивленная, потрогала карман. Пальцы ее наткнулись на острый конец карточки. Она потащила за нее и вытащила заколку с головой кошки.

— Нет... я не... — Она так испугалась, что готова была убежать от Пэт, от всех трех.

— Кто тебе поверит? — спросила Пэт. — Ты разглядывала ее; продавщица, наверно, это заметила. И, конечно, у тебя нет денег, чтобы заплатить за нее. Вот и хорошо. Если тебя поймают с этим, кто тебе поверит, если ты скажешь, что не брала?

Нэн затолкала карточку поглубже в карман. Ей стало холодно. Повторяется кошмарный сон, то ужасное чувство, которое вызывал в ней дядя Джаспер. Все, что сказала Пэт, правда. Как бы она ни отказывалась, кто ей поверит? Она не понимала, как Пэт положила заколку ей в карман; но то, что она там оказалась, было страшно.

Марва кивнула.

— Это с тобой проделала Пэт, — сказала она небрежно, как будто это пустяк. — Теперь ты имеешь право проделать то же самое с ней — это и есть двойной вызов. Не смотри так, словно наступил конец света. Дети все время так делают — это всего лишь игра.

— Осторожней, — прошептала Карен. — Официантка возвращается.

Нэн с несчастным видом смотрела на столик. Заколка словно огромной тяжестью оттягивала карман. Она должна от нее избавиться. Но как? Невозможно просто вернуться к прилавку и отдать. Как сказала Пэт — кто ей поверит?

— Ответ на ее двойной вызов, — настойчиво сказала Марва, когда официантка поставила сэндвичи и отошла.

— Нет. — Нэн была голодна, но теперь всякое желание попробовать сэндвичи исчезло. Вначале она испугалась, теперь начала сердиться. Дядя Джаспер считал, что может запугать ее и заставить стать шпионкой. А теперь эти три хотят заставить ее играть в их «игру». Она что-нибудь придумает: она просто обязана!

Пэт через стол посмотрела на Марву.

— Я вам говорила, — презрительно сказала она, — у нее не хватит храбрости. Только посмотрите на нее. Еще минута, и она все выложит!

Нэн протянула руку к сэндвичу, откусила и начала жевать. Почему-то у него был вкус яблок с корицей, хотя сэндвич с салатом с цыпленком. Она перехитрила дядю Джаспера — хотя это был только сон. А значит, должна поступить умней Пэт и остальных.

— Я не расскажу про вас... — начала она.

— Еще бы! — выпалила Пэт. — Только попробуй...

— Но никакого вызова Пэт давать не буду, — продолжала Нэн так, словно ее не прерывали.

Она положила сэндвич. Не могла есть еду, за которую обещала заплатить Марва, — боялась подавиться. И прежде чем кто-нибудь из девочек смог пошевелиться, встала.

— До свидания, — сказала Нэн и пошла, не оглядываясь.

В вестибюле чайной комнаты она подошла к девушке, которая принимала сумки.

— Скажите пожалуйста, — ей потребовалось собрать все мужество, — где здесь возвращают найденные вещи?

— Можешь оставить прямо здесь.

Нэн достала заколку с прикрепленным к ней ярлычком.

— Я нашла это.

— О! — Девушка взяла заколку. — Должно быть, выпала у кого-то из сумочки. Это случается время от времени. Спасибо. Мы оставим ее на время — может, кто-нибудь спохватится. Если оставишь свое имя...

Нэн покачала головой.

— Мне она не нужна — просто она не моя.

Кто-то отодвинул ее, чтобы оставить тележку с покупками, Нэн вышла и направилась к лифту. Она испытывала такое же облегчение, как во сне, когда мальчик, которым был Крис, забрал то, что лежало в тайнике гостинцы «Благородный олень». Все-таки она бросила этот двойной вызов, но не так, как планировали те три. Она вернула заколку и не рассказала о них. Может, следует рассказать. Но она не могла заставить себя. Хотела только не иметь ничего общего с их «играми».

Нэн понимала, что они теперь постараются сделать ее жизнь более трудной. Придется быть внимательной, особенно когда рядом Пэт. То, что девочка могла сунуть ей заколку в карман так, что она не заметила, потрясло Нэн.

Как можно быстрее она пробралась через толпы покупателей: боялась, что Пэт и остальные могут причинить ей какие-нибудь неприятности. И с облегчением вздохнула, только выйдя на улицу.

Возвращаясь домой по мокрому снегу, Нэн позволила себе впервые вспомнить свой сон, вспомнить во всех деталях. Если бы она не устояла перед дядей Джаспером — что ж, может, не смогла бы сегодня победить Пэт.

Но гостиница по-прежнему ее пугала. Она надеялась, что Крис оставит ее там, в ящике своего стола, и она никогда больше ее не увидит.

Когда тетя Элизабет спросила, как прошел день, Нэн отвечала уклончиво. Да, они ходили в «Ламли», да, Марва всех угостила ланчем. Но когда тетя Элизабет предложила, чтобы Нэн оплатила походом в кино в ближайшую субботу, Нэн сказала, что нужно подумать: у Марвы уроки танца. Это было правдой: Марва сама рассказывала об этом с гордостью.

Когда она пошла к себе, собираясь сесть за уроки, Крис подждал ее в коридоре.

— Слушай. — Он схватил ее за руку. — Гостиница. Нужно ее спрятать в твоей комнате. Тетя Элизабет говорит, что необходимо переделать мой стол, и рабочий придет завтра. У меня нет места, куда не заглянула бы Клара...

— Я ее не хочу! — негромко, но решительно ответила Нэн.

— Ты должна ее взять! — так же настойчиво ответил он.

Нэн видела, что спорить с ним бесполезно. Хорошо, она возьмет ее и спрячет на дне платяного шкафа.

Но закончив для Краба отчет о прочитанной книге, Нэн не сдержалась, забралась в шкаф, достала сверток и развернула свитер, в который была укутана гостиница. Модель ее одновременно пугала и притягивала. Наконец, почти вопреки желанию, она поставила ее на столик у кровати. Если бы только она не казалась такой реальной!

Ей хотелось от нее спрятаться. Но она обнаружила, что не может. Позже, уже лежа в кровати, сонная, она отвернулась. Нэн хорошо знала, что гостиница здесь, но она не будет на нее смотреть!

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

— Нэн!

Вначале голос доносился издалека, приглушенно.

— Нэн!

Она открыла глаза и села в кровати. Но это не ее кровать. В сером полусвете потолок сильно наклонен в одну сторону, и в этой стене, почти на уровне пола, маленькое оконце.

— Нэн! — В дверь рядом с постелью сильно застучали.

Должно быть, она проспала. Это ее зовет Эмми и... Нэн выбралась из-под одеяла и негромко ахнула, когда коснулась голыми ногами ледяных досок пола.

— Иду, — отозвалась она. Схватила первую нижнюю юбку, надела через голову и крепко завязала поверх рубашки, которую носила днем и ночью — в качестве пижамы. Потом вторая нижняя юбка, более плотная, и наконец, шерстяное платье. Сначала она забралась в платье и только потом вытащила из-под кровати толстые шерстяные носки, которые связала сама, и сунула ноги в тяжелые неуклюжие башмаки.

Вода, которую она на ночь оставила в миске, у края затянулась ледком, а дыхание вырывалось белым паром. Нэн протерла лицо краем мокрой тряпки, расчесала волосы и заколола под чепцом. Остается передник. Завязывая его, она спускалась по узкой лестнице к теплу кухни.

Кук была раздражена: у них три гостя пережидают непогоду. Нэн придется тащить большие тяжелые медные кувшины с горячей водой — от них ноют плечи, — а потом относить леди горячий шоколад. Только бы тетя Пруденс не узнала о ее опоздании! Неужели ей так повезет?

— Ты едва не опоздала, девчонка!

Кук гремела посудой, как всегда, когда сердится. Нэн даже не пыталась извиняться. Кук все равно не станет слушать. Эмми скорчила рожу и предупредительно покачала головой. Тети Пруденс не видно. Хоть в этом повезло.

Эмми уже налила горячую воду из большого котла в кувшины. Нэн знала, чего та ожидает за свою помощь: порцию бекона из завтрака Нэн. Эмми всегда в чем-то опережает ее.

— Оленихе и Единорогу, — без всякой необходимости сказала Кук, просто чтобы показать, что здесь командует она.

Нэн кивнула. Пар от воды в кувшинах обжигал пальцы. Она крепче ухватилась за ручки и пошла наверх по кривой лестнице, которой пользовались слуги.

В «Благородном олене» есть пять номеров, где можно остановиться на ночь. В старину в них останавливались по несколько человек. Сейчас у джентри другие обычаи. Конеч-

но, слуга каждого джентльмена спит на полу на матрасе, а в номере леди ночует ее служанка.

Как бы осторожно ни шла Нэн, немного воды переливается через край кувшина. Придется потом ее подтирать. Она поставила по кувшину у каждой двери с рисунком (нарисованы были застывшая олениха и скачущий единорог), постучала и вернулась в кухню, только услышав раздраженный ответ изнутри.

Кук суетилась у подноса с лучшим фарфором, ставила чашки, блюдца и кастрюльку с шоколадом. Но еще не наливала горячий напиток.

— Пока это еще не нужно, — она говорила скорее сама с собой, чем обращалась к девушкам. — Ни одна мисс не раскроет глаза, пока солнце не поднимется высоко. Не глазей на меня, девчонка, — обратилась она к Нэн. — Хозяйка ждет свой чай с хлебом в маленькой гостиной. Нарезь хлеб потоньше, никаких ломтей, какие едят пахари.

Нэн вытерла руки о край фартука и взяла белую буханку. Белый хлеб предназначен только для гостей и для тети Пруденс. Нэн слегка нервничала. Легко отрезать ломоть чуть шире или уже, чем нужно. В любом случае ее ждет выговор. И нужно помнить, что ее ждет не тетя Пруденс, а хозяйка Сэмпсон.

Не каждая женщина сумеет управлять такой большой гостинойцей, как «Благородный олень». Госпожа Сэмпсон унаследовала ее от своего отца, Сэма, и превратила в хорошее место для ночевки. Когда дворяне едут в Рей или из него, обязательно останавливаются здесь.

Нэн положила три куса хлеба на тарелку с таким же рисунком, что и чашка с шоколадом, добавила кусочек масла, которое сама сбила два дня назад, еще поставила блюдце с вишневым джемом и чайную ложечку. Чай госпожа заварит себе сама, она держит его под замком в коробке.

Неся поднос со всей осторожностью, на какую способна, Нэн пошла по коридору. Ничего хуже, чем выронить поднос и разбить фарфор, с ней случиться не может. Хоть она и дочь сестры хозяйки, но горько пожалеет о своей ошибке.

Тетя Пруденс двадцать раз в день говорит, как ей повезло, что она может жить в «Благородном олене» — после того, что случилось в Тилсворте. Нэн плотно поджала губы и постаралась не вспоминать.

Но сделать это было нелегко. Она снова видела высоко взметнувшийся огонь, слышала крики мужчин, которые выводили животных из амбара. Потом занялся дом — и теперь от него ничего не осталось, кроме ямы от погреба, вокруг которой растет шиповник, словно скрывая уродство. Папа — он той ночью сильно простудил легкие. И умер меньше чем через неделю. Мама — они с Руфью вернулись к бабушке, а земля — Джон ее продал. Он сказал, что не собирается рисковать и кончить жизнь так же, как папа.

Джон ругал папу, и мама сказала, что больше не хочет его видеть. И все потому, что папа соблюдал закон и не хотел помогать «джентльменам», позволяя им ночью пользоваться своими лошадьми.

Джон говорил, что нет вреда в том, что действуешь вопреки плохому закону, эти законы слишком тяжелы для бедняков. Если и есть те, кто действует незаконно — вроде «джентльменов», которые доставляют товар, доступный по цене бедным людям, — то они делают добро.

Но папа — он говорил, что закон есть закон. Вначале он приютил подстреленного налогового агента, которого оставили умирать. «Джентльмены»-контрабандисты прикололи к двери предупреждение. Но когда им понадобились лошади, папа сказал «нет». Джон говорил, что они считают, будто папа доносит королевским людям. И поэтому Тилсворт подожгли, а ко всем Мэллори, кроме Джона, те, кто поддерживает контрабандистов, стали относиться как к предателям.

Тетя Пруденс — она старшая мамина сестра и никогда не была замужем. Говорят, она решила никакому мужчине не позволять управлять собой и «Благородным оленем», который оставил ей отец. Она приняла Нэн, сказала, что та уже достаточно большая, чтобы быть полезной, но следила, чтобы племянница отработывала свой хлеб.

Нэн постучала в дверь и вошла, поставила поднос на стол и сделала реверанс. Тетя Пруденс взглянула на серебряные часы, которые висели у нее на поясе.

— Ты опоздала. Опоздание — это растрата времени, а время — деньги.

Нэн знала, что отвечать не следует. Это она поняла очень быстро после появления здесь. Тетя Пруденс критично разглядывала хлеб.

— По крайней мере нарезала правильно. — Говорила она таким тоном, словно ей не хотелось это признавать. — Ладно, можешь идти... У тебя должно быть много работы.

Нэн снова присела.

— Да, госпожа.

— Так займись ею.

Нэн торопливо направилась на кухню. Если не вернется вовремя, Эмми съест всю ее порцию бекона.

— И вот он держит полный кулак жира и никакого пони!

Громкий смех заполнял кухню. Перед огнем спиной к нему стоял Джошуа, старший конюх; он раздвинул полы своего жакета, чтобы согреть заднюю часть кожаных брюк. Кук, с гораздо более любезным выражением, наливала ему кубок, а Эмми сидела на стуле, ела с тарелки на коленях и слушала, широко раскрыв глаза.

Но когда Нэн вошла, Джошуа неожиданно перестал смеяться. Он недовольно посмотрел на нее, хотя продолжал широко улыбаться.

— Мы говорим о том, как недавно одурачили нового офицера. — Улыбка его стала злобной. — У джентльменов есть способ переправлять товар. Они бреют своих пони, намазывают их жиром, как Кук сковороду. Потом берут старую опытную кобылу, которая знает дорогу в темноте, и привязывают к ней пони. И не нужен человек, чтобы вести их. А если кто-нибудь попытается их поймать — как эти полицейские две ночи назад, не смогут. Этот Хейверс, он всегда что-нибудь придумает! Хитрый малый!

Нэн хорошо знала, что это предназначалось ей. Она не хотела смотреть на Джошуа. Вместо этого посмотрела на та-

релку, которую пододвинула ей Кук. Хлеб и сыр — бекон Эмми уже съела. Нэн прислонилась к краю стола с посудой и принялась есть. Она говорила себе, что уловки контрабандистов для нее ничего не значат. Хейверс — она много слышала о нем. Хотя, конечно, это не настоящее его имя. Он может быть любим жителем деревни, за исключением священника и сквайра.

Все они считают ее отца глупцом — те, кто не зовет его предателем и говорит, что он передавал информацию командиру королевских солдат. Но сейчас это не ее забота. Если Хейверс захочет при дневном свете провести своих намазанных жиром пони по деревне, пусть ведет.

— Эй, в доме!

Голос, громкий и ясный, доносился снаружи, и все услышали топот нескольких лошадей на мощеном дворе. Джошуа, удивленный, оторвался от камина. Слишком рано для путников, и он считал, что сможет побыть немного в теплой кухне. С мрачным видом он направился к выходу.

Эмми с набитым ртом, продолжая жевать, выглянула в окно. И сразу повернулась.

— Это они!

— Кто они? — Кук отодвинула ее от окна.

— Солдаты! — Эмми проглотила еду. — И с ними раненый!

Кук, не оглядываясь, отдала приказ:

— Нэн, иди расскажи хозяйке. Ей решать.

Нэн побежала назад по коридору, постучала в дверь и вошла, не дожидаясь разрешения.

Тетя Пруденс нахмурилось:

— В чем...

— Тетя, госпожа, — торопливо поправилась Нэн, — там во дворе солдаты, и с ними раненый!

Тетя Пруденс долго молчала, оставаясь неподвижной. А когда встала из-за стола, на ее лице ничего нельзя было прочесть. Она решительно миновала Нэн и направилась к входной двери, которая вела прямо во двор конюшни. И задержалась лишь для того, чтобы снять с колышка плащ.

Конюшенный мальчишка уже смел снег со двора; здесь, топая и фыркая, стояли три лошади; их длинная зимняя шерсть заиндевела, как будто они давно были под открытым небом. Один человек в седле поддерживал другого, ведя на поводу и его лошадь. А третий стоял перед Джошуа, и из-под слегка раскрытого плаща виднелся форменный мундир.

— В чем дело? — Тетя Пруденс выступила вперед, и ее, как всегда, властный голос заставил обоих мужчин оглянуться.

— У меня раненый, хозяйка, он нуждается в убежище и лечении. Я Роберт Леггит, на службе короля.

Джошуа плюнул.

— Он полицейский. Вот кто он, хозяйка. — Он криво улыбнулся. — Вы ведь не хотите, чтобы они тут околачивались?

— Замолчи! — Тетя Пруденс перевела взгляд с мастера Леггита на бледного человека с закрытыми глазами. — Надеюсь, я знаю свой долг, сэр. Вносите его.

Час спустя Нэн переливала воду разливальной ложкой из кипящего котла. Ей пришлось побегать, принести мазь, которую тетя приготовила из трав, куски старой льняной ткани из маленькой комнаты в глубине гостиницы: там иногда на полу проводили ночь опоздавшие посетители. Тетя Пруденс и мастер Леггит работали вместе, вначале извлекли пулю, потом перевязали рану. Тетя Пруденс решила, что пациенту станет лучше, если выпустить немного крови: тогда не будет высокой температуры; но сказала, что аптекарь живет в десяти милях, да и не поедет он в такую погоду — снова пошел снег и стало очень холодно.

— Это неправильно! — негромко говорил на кухне Джошуа Кук и Эмми. — Этого парня подстрелил Хейверс. Думаете, ему понравится, что мы укрываем и лечим королевского офицера? Запомните мои слова, он нам за это отомстит! Госпожа слишком долго все делала по-своему; она считает себя выше любого мужчины. Ну, она скоро узнает. Верно, Нэн? — Он с улыбкой посмотрел на нее. — Ты ведь можешь ей рассказать, что бывает с теми, кто выступает против джентльменов?

Откуда-то Нэн набралась мужества, чтобы заговорить.

— А что она должна делать? Оставить человека умирать?

— Если он приведет к нам Хейверса, да, — ответил Джошуа. — Хочешь, чтобы «Благородного оленя» сожгли, как ваш дом?

Кук впервые покачала головой.

— Он не посмеет, Джош. Девочка права. Хозяйка только поступает как христианка, заботится о раненом.

— Хейверс посмотрит на это не так.

— Джош, Кук — Эмми! — Вошла тетя Пруденс, с ее пояса свисала связка ключей. — У вас есть работа, занимайтесь ею. Нэн, леди из Леопарда проснулась. Немедленно отнеси ей шоколад.

Но прежде чем Нэн успела налить шоколад в тонкую чашку, она увидела, как тетя Пруденс остановилась перед Джошуа.

— Одень на Мэгги седло и пошли ко мне Мэтта.

— Хозяйка, — старший конюх не пошевелился, — если вы хотите сообщить...

— Хочу послать сообщение, — тетя Пруденс говорила отчетливо, пристально глядя Джошуа в глаза, — на полицейскую станцию. Там у лейтенанта Фиттона — это раненый — сын в гостях. Ему нужно увидеться с мальчиком, и поскорей. Мэтт поедет на Мэгги и поведет лошадь, которую ему даст мастер Леггит. И нельзя терять времени, ты меня понимаешь, Джошуа? Конюх кончиком языка облизал губы.

— Хозяйка. Я должен сказать. Хейверсу не понравится, что мы укрываем раненого офицера...

— Хейверс! — вспыхнула тетя Пруденс. — Не упоминай при мне этого негодяя, поджигателя домов! Эти люди офицеры короля, и всякий законопослушный человек должен дать им убежище, как я. И больше никаких споров, понял? Пошли ко мне Мэтта — я напишу записку, и он должен побыстрее ее отвезти. Передай ему это.

Она повернулась спиной к Джошуа и вышла из кухни. Конюх немного постоял, зажав пальцами нижнюю губу и глядя на дверь.

Нэн больше не могла задерживаться. Осторожно неся поднос, она поднялась к двери с нарисованным леопардом, поскреблась в панель. Выглянула служанка миледи, приняла поднос и велела побыстрее принести горячей воды.

Следующий час Нэн была очень занята, бегала взад и вперед. Два гостя-джентльмена спустились и требовали немедленно завтрак, так что Нэн пришлось сражаться с большими тяжелыми подносами. Несмотря на суматоху, Кук отлично справилась со своим делом. На подносах тарелки с холодной ветчиной и говядиной, шипящие сосиски, только что со сковороды, вареные яйца, свежий хлеб с вишневым джемом и с маслом, кубки с элем.

Если гости и знали о том, что утром в гостинице кто-то появился, то не проявляли никакого любопытства и съели все, что им было предложено. Оба средних лет, скромно одетые, парики маленькие и аккуратно завязанные. Если не считать бархатной жилетки, которая видна была у одного под курткой, а также кружевных воротников у обоих и кружевных манжет на рукавах, выглядели они гораздо менее броско, чем сквайр Оллард из поместья в базарный день. Когда кончили есть, один подошел к окну и покачал головой.

— Неподходящий день для пути, Торп. И еще с молодой леди... Я бы не посоветовал. Нам здесь достаточно уютно.

Нэн, собиравшая посуду, увидела, что второй нахмурился.

— Мне не нравится эта задержка. Необходимо как можно быстрее добраться до Рея. Девочка, — он обратился к Нэн, — позови нашего кучера. Послушаем, что скажет Дженкинс. Он рассудителен и хорошо знает свое дело.

— Да, сэр. — Неся подносы с грудой посуды, Нэн отправилась на кухню. — Джентльмены зовут своего кучера.

Кук пожала плечами.

— Так иди позови его; у тебя ведь есть язык. Он ночевал в конюшне. Конечно, он к такому не привык, нос отворачивал — говорит Джош.

Нэн, как шалью, обернула передником руки, вышла во двор на холод и, скользя, направилась к конюшне. Когда она вошла, Джошуа повернулся.

— Чего тебе?

— Джентльмены хотят поговорить со своим кучером.

— Я его позову. Возвращайся, девочка, пока не замерзла.

Но Нэн чувствовала, что не забота о ней заставляет его это говорить. С самого ее появления в «Благородном олене» кучер демонстрировал к ней только презрение.

Она побежала назад в теплую кухню. Мэтта, который обычно убирал навоз, на конюшне не было. Не видела она и Ноэля, младшего из двух парней, которыми командовал Джошуа. И что-то в конюхе заставило ее тревожиться больше, чем обычно.

Но у Кук было много работы; надо было перемыть посуду, и Нэн с Эмми занялись этим. Нэн знала, что Кук продемонстрирует свой острый язык, если она будет медлить.

Кучер вошел на кухню, снисходительно кивнул Кук, которая, должно быть, раньше покормила его, и прошел в переднюю часть гостиницы. Немного погодя он вернулся.

— Хозяин приказал принести кирпичи, — объявил он.

— Неужели они хотят отправиться? — удивленно спросила Кук. — С юной леди и все такое?

— Они не хотят, чтобы их осаждали контрабандисты, — ответил кучер. — Я рассказал им, что заварила ваша хозяйка, и они не хотят в этом участвовать. Она слабоумная, если так настроивает против себя Хейверса. Мой хозяин, он уже десять лет ездит в Рей по делам. Он слышал много рассказов, и ни одного хорошего. Тот, кто не делает неприятностей, не получает их в ответ. Поэтому мы уезжаем.

Кук со своего места молча смотрела вслед уходящему кучеру. Лицо у нее было напряженное.

— Как тебе это нравится? — спросила она у себя самой. — Джош пустил слух — и я вот думаю, насколько далеко он уже разошелся? Нэн, — она перевела взгляд с двери, закрывшейся за кучером, на девочку, — ты была в конюшне. Ноэля там видела?

Сердце у Нэн забилось быстрее: она уже поняла, что таится за этим вопросом. Она покачала головой.

Кук кивнула.

— Так я и думала. Джошу никогда не нравилось получать приказы хозяйки. Она обращалась с ним так же справедливо, как ее отец. Ну, хорошо, Эмми, положи кирпичи в огонь и хорошенько нагрей. А ты, Нэн, иди к хозяйке... — Она немного поколебалась, потом добавила: — Мне особенно нечего сказать, но передай ей, что Ноэля нигде не видно. Если предупреждение нужно, лучше его получить.

Нэн побегала по коридору. Ей было холодно, она дрожала. Вспомнила, каково было, когда папа противостоял джентльменам. Неужели это произойдет снова?

Тетя Пруденс в маленькой комнате сидела возле раненого. Те, что с ним приехали, стояли у стены, наблюдая, как она прикладывает ко лбу раненого влажную тряпку. Раненый что-то бормотал и срывал с себя одеяло.

— Это лихорадка, — говорила тетя, когда Нэн вошла. — Одному из вас надо съездить за аптекарем. Даже если он не приедет сам, скажет, что нужно делать. Чего тебе? — закончила она гораздо резче, увидев Нэн.

— Меня послала Кук. Джентльмены и леди — они уезжают. Джош рассказал им об... — она рукой указала на постель, — и они думают, что Хейверс причинит нам неприятности. И... Ноэля нет в конюшне... я его не видела. Кук думает...

Тетя Пруденс неожиданно рассмеялась.

— Если у тебя есть и другие плохие новости, держи их при себе, прошу тебя. Да, получив это сообщение, Хейверс, конечно, будет здесь.

— Если у вас есть фургон, хозяйка, мы могли бы... — впервые заговорил младший из мужчин.

— Если вы его повезете, через час он умрет, — решительно ответила тетя Пруденс. — Или думаете, что его можно оставить здесь и это не станет известно? Все зависит теперь от удачи, а это нехорошо.

— Окна — закройте ставни и заприте их, — приказала она. — Сделаем, что сможем. Теперь все решает Мэтт: мой он слуга или Джоша? А также сумеет ли сын лейтенанта вызвать помощь. Я ясно дала понять в письме...

— А сейчас, — она подтолкнула Нэн перед собой, — я должна повидаться с уезжающими гостями, которые не хотят участвовать в бедах других людей.

Выйдя за дверь, она положила одну руку на плечо Нэн, а другой отыскала ключ в связке, свисавшей с пояса.

— Возьми, — она высвободила ключ, — и иди в кабинет моего отца. Найди ружье для дичи и два пистолета, прихвати все заряды для них, сколько найдешь. И все побыстрее принеси в гостиную.

В кабинете было очень холодно и затхло, но чисто, потому что сама тетя Пруденс прибиралась здесь ежемесячно. Ружье оказалось таким тяжелым, что Нэн пришлось тащить его по полу; весь опыт таскания подносов и кувшинов не подготовил ее к такой тяжести. Она нашла также два длинных тяжелых пистолета; они лежали в шкафу поверх плаща дедушки. Был также мешочек с зарядами и пороховой рог; Нэн все это собрала, но ей пришлось переносить в гостиную в два приема.

На булыжниках двора прогремели колеса: должно быть, гости уезжают в Рей. Почтовая карета из Рея будет только завтра утром. Может, тетя Пруденс пошлет за помощью в поместье. Но ничего хорошего это не даст. Сквайр в Лондоне со своей леди, и Нэн подозревала, что без его приказа никто в поместье не поможет гостинице.

Когда она прислоняла длинный ствол ружья к столу, вошла тетя Пруденс. Нэн протянула ей ключ.

— Это все, что я смогла найти.

— Хорошо. Теперь надевай плащ, девочка. Вы с Эмми пойдете в дом Ходжинсов...

Нэн покачала головой.

— Нет.

Мгновение ей казалось, что тетя Пруденс оторвет ей уши за такое открытое неповиновение. Но та только вздохнула.

— Наверно, это твое право. Но это не игра, Нэн. Что бы ни говорили о джентльменах, люди Хейверса негодяи. — Слово «джентльмены» тетя Пруденс произнесла презритель-

ным тоном. — Мне бы не хотелось, чтобы ты была здесь, когда они придут.

— Я не уйду! — Нэн собрала всю решимость. — Должно быть что-то, что я смогу делать. Могу отнести послание в поместье...

Но тетя Пруденс сразу подтвердила то, что говорил девочке здравый смысл.

— Зачем? Сквайра нет, а без него ни один из слуг пальцем не пошевелит. Но кое-что ты можешь сделать. Надевай плащ, бери корзину, как будто тебя послали с поручением, и иди по дороге к Малмси. Скажи бабушке, что я послала тебя за пиретрумом. Сейчас уже все в деревне — если, конечно, Джош хорошо проделал свою работу, в чем я не сомневаюсь, — уже хорошо знают, что у нас раненый, который нуждается в лечении. Если бабушка начнет расспрашивать, скажи, что к нам идут королевские драгуны, чтобы защищать его, потому что он важный чин. А по дороге посмотри, не наблюдают ли за нами.

Нэн кивнула и вышла. Полчаса с небольшим спустя она уже вернулась.

— Ну? — спросила тетя Пруденс, беря у нее пакет с высушенными травами.

— Я никого не видела. Как будто все ушли из деревни. Я рассказала бабушке о драгунах. Она ответила: «Чтоб они никогда не добрались, эти красномундирники!» Но подмигнула мне, говоря это.

— Все в деревне стараются не связываться с происходящим. Что ж, другого я и не ожидала. Но до ночи Хейверс не придет: такие, как он, любят действовать в темноте. Эмми ушла. Теперь помоги Кук.

Большая кухня, казалось, заполнилась тенями. Кук гремела котлами и кастрюлями, но чувствовалась странная пустота. Кухарка посмотрела на Нэн.

— Если бы у тебя было хотя бы столько же ума, сколько у новорожденного теленка, ты бы ушла вслед за Эмми.

Нэн задрала подбородок.

— Не вижу, чтобы ты убежала, — ответила она. К ее удивлению, Кук рассмеялась.

— С моим-то весом! Я с хозяйкой с тех пор, как она была еще меньше и худее тебя. И она, и ее отец хорошо ко мне относились. Не могу же я в такое время убежать и оставить ее. У меня есть это. — Она коснулась рукояти большого ножа для мяса. — Но Джош и Ноэль ушли. Крысы быстро разбегаются. Пусть бегут. Начинать резать зимние яблоки. Я одна не справляюсь, а еду готовить все равно нужно.

Они поели в середине серого дня. Снег прекратился. Но поднялся ветер, он страшно свистел в карнизах гостиницы. Солдаты, которые привезли раненого, закрыли все ставни, а тетя Пруденс сама заперла двери. Солдаты пошли на конюшню, чтобы покормить лошадей, но вернулись, обнаружив, что все животные исчезли. Конюшня пуста.

Казалось, тетя Пруденс не удивилась. Однако время от времени поглядывала на большие часы и принималась беспокойно расхаживать по комнатам, когда не сидела у постели раненого. Он спал, но один раз тетя Пруденс подняла его и заставила выпить напиток, который сама сварила из лекарственных трав.

Как всегда в это время года, стемнело рано. Нэн украдкой пробралась на второй этаж, чтобы выглянуть в окно: здесь их еще не закрывали. В деревне никаких признаков жизни, только из нескольких труб поднимается дым, и его сразу относит ветром. На дороге не видно ни одного следа. Как и обитатели «Благородного оленя», жители деревни выжидают.

— Что ты здесь делаешь, девочка?

Нэн едва не закричала. Человек возник в темноте за ней так незаметно, что она его не слышала. Потом увидела его лицо и узнала: мастер Леггит.

— Просто смотрю. Никого нет.

Он оттолкнул ее от окна.

— Они там, внизу, не упускают шансов. Ты дочь Мэллори?

— Да.

— Тогда ты должна знать, как поступает Хейверс... — он спохватился и замолчал. — Я не хотел тебе напоминать об этом. — Он как будто устыдился своей откровенности.

— И не нужно... я хочу сказать — напоминать не нужно. Я все помню, — быстро ответила она. — Вы... вы думаете, это правда... что драгуны придут нам на помощь?

— Возможно.

Но в голосе его не было уверенности, подумала Нэн, и ей стало холодно — но не от холода комнаты.

— Думаете, Мэтт не смог доставить письмо?

— Одно я знаю точно, девочка, — ответил он. — Если молодой Крис Фиттон получит письмо, нам помогут. Он очень любит отца — их в семье осталось только двое. Он учится и... еще не выбрал, чем будет заниматься. Но он уже месяц живет с лейтенантом Фиттоном, я не видел двух таких близких людей. Кажется, один только подумает о чем-то, а другой уже знает. Да, молодой Крис уже в пути — если получил письмо. На станции есть еще три или четыре полицейских.. и еще королевские драгуны...

— Смотрите! — Нэн показала в окно. Но тень, которую она увидела, уже исчезла.

— Что ты видела? — спросил Леггит.

— Вон там внизу, у дерева. Мне показалось, что-то движется.

— Должно быть, ветер качает кусты. Может, только это ты и увидела. Но скажи внизу, что я останусь тут понаблюдать.

Нэн побежала по лестнице вниз. Она была уверена, что видела вовсе не качающиеся ветви: кто-то перешел от одного укрытия к другому.

Передав сообщение, она обнаружила, что тетя Пруденс сидит рядом с раненым. Единственная свеча едва освещала комнату. Тетя вышивала: Нэн много раз видела ее по вечерам за этим занятием в гостиной. Но на столе рядом со свечой лежали заряженные и взведенные пистолеты.

Крис Фиттон прислонился к кусту и поднес пальцы ко рту. Пальцы так замерзли, что потеряли подвижность, и шерстяные митенки — перчатки без пальцев — почти не грели. Гостиница в темноте казалась черным пятном. Он не видел ни лучика света. Конечно, если отец ранен так тяжело, как сообщил посыльный, его не могли перевезти.

Оставив в миле за собой группу драгун и поехав быстрее вперед, он знал, что должен быть осторожен, как лиса, по следу которой идут собаки. Лошадь он спрятал в кустах, решив, что пешком легче незаметно подобраться к гостинице. Хорошо, что сержант Джонсон знает его отца: он согласился повернуть своих людей, когда пришло сообщение.

А ему нужно пробраться в гостиницу, хотя он помнит, что сказал парень, который принес письмо. Все вокруг так боятся Хейверса, что никто пальцем не пошевелит, чтобы помочь. Но эта женщина дала отцу убежище, и, может быть, она...

Крис прикинул открытое пространство от своего укрытия до двора. Если не поскользнется на снегу, доберется быстро.

И он добрался, и хотя во дворе поскользнулся на булыжниках и упал на колени, сразу вскочил. Мэтт рассказал ему, как расположено здание, и он помнил этот рассказ. Справа, за окном с прочным ставнем, должно быть, комната, в которой лежит отец. Он прижался плечом к стене и начал пробираться вдоль нее. У второго окна негромко свистнул в три ноты.

Немного погодя свистнул снова, потом решился выпрямиться и постучать в ставень. В тишине двора стук прозвучал так громко, что Крис снова прижался к стене и прислушался.

И почти сразу над его головой изнутри ударили кулаком в ставень. Потом послышался приглушенный голос:

— Кто там?

— Крис Фиттон!

— Иди в конюшню, — послышался приказ. — Там есть дверь.

Вспоминая указания Мэтта, Крис двинулся как можно быстрее, отыскивая темную, полную запаха лошадей ко-

нюшню. Там виднелась полоска света, но едва заметная. Он направился к ней, дверь приоткрылась, и он увидел Леггита, который держал в руке затененную лампу и вглядывался в темноту.

Несколько мгновений спустя Крис стоял в ногах кровати. Хотя на столе горела свеча, он с трудом различал покрасневшее лицо отца. Но голова на подушке металась, слышались едва различимые непонятные слова, и это еще сильнее встревожило мальчика.

— Он... он очень болен? — Крис старался говорить нормальным тоном, чтобы не выдать свой страх.

— Это лихорадка. — Высокая женщина с напряженным лицом сменила влажную тряпку на лбу отца

Крис крепко сжал столбики спинки, спросил:

— Можно что-нибудь сделать?

Она даже не посмотрела на него, все ее внимание было обращено к раненому.

— Все, что можно было, мы сделали.

— В Рее есть врач...

Теперь она взглянула на него.

— Его нельзя перевозить. И я не думаю, чтобы ты смог привести сюда врача.

Крис вспомнил.

— Вы думаете — из-за них? — Он показал на забранное ставнем окно.

Прежде чем она смогла ответить, открылась дверь, и Крис быстро оглянулся через плечо. Там стояла девочка с подносом, на котором небольшая чашка и кувшин. Она быстро, но осторожно подошла к постели, как будто опасалась пролить то, что принесла.

— Их видели, — сказала она негромко. — Мастер Леггит зовет его. — Она кивком показала на Криса.

— Тебе лучше идти, — сказала женщина. — Здесь ты ничем не поможешь. Если он придет в себя, я сразу пошлю за тобой.

Крис неохотно вышел, но девочка пошла за ним.

— Сюда, — показала она, минуя его в коридоре.

Крис, мигая, вошел в большую кухню. Здесь сидел мастер Леггит и ел хлеб с сыром. Прежде чем заговорить с Крисом, он сделал большой глоток эля из кубка.

— Говоришь, драгуны подходят? Возможно, они попадут в ловушку. Сюда ведет только одна дорога, и Хейверс со своей бандой может укрыться в десятке мест вдоль нее. У наших людей не будет ни шанса.

— Вы думаете, они посмеют напасть на драгун?

— Хейверс посмеет, — ответил полицейский — Он черной ненавистью ненавидит мастера Леггита. Десятки раз клялся, что убьет его в отместку за повешенного брата, которого захватил лейтенант. Это не обычный бандит. Вся округа боится его подручных. Думаю, он до сих пор на нас не напал, потому что хочет захватить и посланных на помощь. Победа не только над полицейскими, но и над драгунами докажет, что он великий человек, каким себя считает, что он может править здесь и оставаться в безопасности. Нельзя допустить, чтобы драгуны столкнулись с неведомой опасностью.

— Есть способ...

Оба удивленно оглянулись: заговорила девочка. Впервые Крис внимательно посмотрел на нее. Худая и высокая — как та женщина, что дала убежище его отцу, волосы убраны под простой девичий чепец, платье как у горничной, без малейших претензий на моду. С длинным носом и широким ртом, вряд ли кто-нибудь посмотрит на нее повторно. Только глаза особенные. Сейчас они широко раскрыты и кажутся зелеными, как у кошки перед огнем.

— Что ты знаешь? — спросил мастер Леггит.

— Есть окольная дорога, она идет лесом. Проехать по ней нельзя, но можно пройти, ведя на поводу лошадей...

— Если такая дорога есть, Хейверс будет следить и за ней.

— Но ее знают только местные. Не думаю, чтобы он считал, что кто-то из местных способен провести драгун.

— Если кто-то выйдет из гостиницы, они заметят. — Мастер Леггит внимательно смотрел на нее, опираясь подбородком о руку.

— Может, да, а может, и нет. Сейчас снег, мастер. Если одеться в белое и украдкой выбраться из заднего окна, есть шанс.

— Одеться в белое? — подхватил Крис. Он понимал опасения мастера Леггита. Если есть способ, им нужно воспользоваться.

Девочка махнула рукой.

— У нас много простынь, из них можно сделать плащи.

— И ты поведешь? Ваши мужчины сбежали..

— Поведу, — просто ответила она. — Помните, мастер, у меня тоже есть счеты с этим Хейверсом. Я Нэн Мэллори, и год назад...

— Да, — кивнул мастер Леггит. — Но ты, молодая девушка, — нет.

— Да, — возразила Нэн, словно готовая настаивать и дальше. Крис заметил, что она крепко сжала кулаки поверх передника.

— Я не могу позволить...

— Сегодня у вас нет выбора. — В ее голосе звучала почти такая же властность, которую слышал Крис в голосе той женщины возле отца.

— Я пойду, — к нему вернулась способность речи, — если она покажет дорогу. Сержант Джонсон знает мой голос; он может не прислушаться к незнакомому голосу из темноты.

— Мне это не нравится.

— У нас нет другого выхода! — возразил Крис.

Нэн переводила взгляд с одного на другого.

— Принесу простыни, — сказала она

Но вырезая отверстия в простынях, чтобы они могли служить плащами, она не чувствовала себя храброй. К ее удивлению, тетя Пруденс одобрила план, но настояла, чтобы они прошли не дальше перекрестка, обойдя его лесом.

— Ты понимаешь, как это опасно? — спросила она у Нэн, оставшись с ней наедине. — Хейверс и его бандиты...

— Я видела, что они могут сделать, — Нэн набралась мужества для ответа. — Они могут сжечь «Благородного оленя». И никто из деревни не придет на помощь.

— Если готова идти, то действуй быстро и осторожно. — Тетя Пруденс повернулась и обратилась к мальчику. — Никаких героических нападений; вполне достаточно, если вы вместе передать сообщение.

Нэн наблюдала за мальчиком. Он не очень похож на раненого отца. Светлые волосы, перевязанные сзади шнурком; загорелая кожа, словно он много времени проводит на свежем воздухе. Вполне может сойти за Мэтта, Ноэля или любого мальчишку, который служит на конюшне, если бы не упрямый рот и квадратный подбородок. Чем-то он от них отличается, но Нэн трудно решить, чем именно.

И вот она режет замечательные простыни, а он стоит и слушает мастера Леггита, который снова и снова напоминает об осторожности.

Обвязав головы краем простыни — это капюшон, закутавшись в остальное, они выбрались через окно. Мастер Леггит стоял на страже, готовый захлопнуть ставень, как только они благополучно доберутся до ягодных кустов.

Сердце Нэн билось так сильно, что ей трудно было дышать. Хуже всего каждое мгновение ожидать окрик из кустов или даже пистолетный выстрел. Добравшись до кустов и заснеженного сада, она почувствовала слабость от облегчения.

Здесь она пошла первой, перебегая от одного дерева к другому. Наконец добрались до живой изгороди. Возле нее опустились на четвереньки и поползли, останавливаясь и прислушиваясь к любому звуку.

Добравшись до прохода в изгороди, Нэн поползла по нему, придерживая ветки, чтобы они не ударили Криса по лицу. Она слышала только шум своего движения и стон ветра.

Теперь они в лесу, на краю земель поместья. В такую ночь ни один лесничий не выйдет караулить дичь, и если они доберутся до дороги, то дойти до перекрестка будет нетрудно.

Нэн знала, что им нужно торопиться. Драгуны ненамного отставали от Криса Фиттона, когда он сегодня утром уехал от них вперед.

Тяжело дыша и спотыкаясь, она шла, придерживая одной рукой полы простыни, а другой отводя ветки. Казалось, они идут бесконечно, но наконец показалась дорога. У Нэн не было сил говорить, она жестом показала налево.

Теперь первым шел Крис, она тащилась за ним. Он ни разу не оглянулся, чтобы проверить, успевает ли она за ним, но шел быстро, и расстояние между ними все увеличивалось. Но вот Нэн услышала топот копыт. Крис прибавил скорости и исчез, и она с несчастным видом тащилась за ним. Снег набился за отвороты. Нэн с трудом держалась на ногах.

Но вот Крис снова появился, за ним виднелись темные фигуры, которые, оказавшись на землях поместья, спешили. Драгуны!

— Теперь, мисс, — один из них, очевидно, сержант, крепко взял ее за руку, — покажите нам дорогу.

Нэн повернулась и повела их назад. Она слышала негромкие голоса, которые тут же оборвались: это резко приказал человек, державший ее за руку. Но она так устала, что последняя часть пути казалась ей дурным сном. Они увидели гостиницу — темную крепость без единого огонька. Потом грохот мушкета.

— Ну, дело сделано! — сказал ее спутник. — Ладно, парни, — он все еще говорил негромко, — покажем этому сброду, с кем он имеет дело! Мисс, вы оставайтесь здесь. Пошли, ребята!

Он выпустил ее руку, и Нэн без сил опустилась на снег. Мгновение спустя кто-то снова взял ее за руку и рывком поднял.

— Я отведу тебя в гостиницу! — Это Крис Фиттон. — Собираюсь присмотреть, чтобы люди Хейверса не добрались до отца: сержант может не остановить их.

Он потащил ее, и они добрались до окна, ставень которого мастер Леггит притворил, но не запер. Крис посадил ее.

Дрожащая и замерзшая, Нэн упала на пол, слыша крики и треск выстрелов. С легким возгласом страха девочка закрыла руками уши, стараясь уйти от звуков боя. Вся храбрость оставила ее — и теперь она ужасно испугалась.

«ИЗБАВЬСЯ ОТ НЕЕ!»

Нэн закрыла глаза, зажала руками уши, укрываясь в гнезде из простыней и одеяла...

Простыни и одеяло?

Но ведь она на полу старой гостиницы, под окном, куда втолкнул ее Крис. И контрабандисты...

Нэн открыла глаза, помигала от утреннего света. На мгновение она не поверила в то, что увидела. Она не в гостинице, а снова в своей постели, в квартире тети Элизабет.

Она протянула руку. Гостиница стоит на столике у кровати. Она выглядит темной и уродливой. Ей захотелось швырнуть макет на пол, разбить его. Но почему-то Нэн не смогла закончить движение руки, чтобы сделать это.

Девочка выбралась из постели с противоположной стороны, стараясь держаться как можно дальше от «Благородного оленя». Она чувствовала себя обманутой. Сон закончился так, как обычно кончаются сны, — прямо посередине. Она хотела знать, выиграли ли драгуны и полицейские бой, начало которого видела. Память воскрешала яркие картины: тетя Пруденс сидит рядом с раненым лейтенантом, при свете свечи виден лежащий на столе тяжелый пистолет, лицо мастера Леггита... Крис... Что с ними со всеми стало?

И было ли это на самом деле, когда-то давно?

Нэн одевалась, время от времени с опаской поглядывая на макет. Первый страх прошел, и любопытство мучило все сильнее. Что случилось потом?

Крис лежал, глядя в потолок. Он не шевелился, но знал, что вернулся в свою комнату и не спит. Он снова побывал там. Но на этот раз не с мастером Бойером — со своим отцом!

Он повернул голову на подушке, чтобы посмотреть на фотографию в рамке. Вот его папа — не тот незнакомец, который бредил в лихорадке. Но одно лицо наплывало на другое, лицо из сна на то, что на фото, и Крис был в замешательстве. Может, он, Крис, так же накладывается на других Крисов?

Последние мгновения сна — они все путались. Ему казалось, что он помнит, как люди бежали перед гостиницей, помнит громкие выстрелы пистолетов и мушкетов из окон первого этажа. Но — Крис сел и заколотил кулаком по постели — он не знает! Спаслись этот другой Крис и его отец или нет? И было ли это в действительности? У него никогда не было таких ярких снов, кроме того первого, с гостиницей. Они похожи на телепостановки — но только он не просто смотрит, а принимает в них участие.

И Нэн тоже участвовала в этом последнем сне. Он вспомнил, как они, завернувшись в простыни, пробирались по лесу и по дороге у поместья. Она неплохо придумала с этими простынями, та, другая Нэн, неохотно признал он.

Не успел он встать, как в дверь постучали. Не тетя Элизабет — та всегда зовет. Крис приоткрыл дверь. Там стояла Нэн, держа в руках гостиницу. Она сунула ее ему.

— Возьми это! — сказала она. — Мне она не нужна. Не хочу ее видеть — никогда!

— Ты сказала, что подержишь...

— Ни за что! Это ты мне сказал! Думаю, будет лучше, если бы ты просто разбил эту сумасшедшую штуку. Избавься от нее! Она... она плохая.

— Как это?

— Сам знаешь как! — Она говорила так, словно готова понастоящему подраться. — Она заставляет меня видеть сны...

— Значит, ты там была — когда контрабандисты осадили нас?

Ее выражение слегка изменилось. Не отвечая на его вопрос, она сама спросила:

— А что случилось потом? Я проснулась после того, как ты подсадил меня в окно. Драгуны победили?

Крис неохотно покачал головой.

— Не знаю. Помню, как бежал по коридоре к комнате, где лежал отец. Там была женщина из гостиницы — у нее был пистолет. А снаружи слышался шум и стрельба...

— Хотела бы я знать — чем все это кончилось, я хочу сказать, — медленно сказала Нэн. — Нечестно знать только часть.

Крис взял у нее гостиницу. Теперь он разглядывал макет.

— Может, попробуем еще раз — увидеть сон.

Нэн убрала руки за спину и отскочила, будто думала, что он силой заставит ее снова взять гостиницу.

— Не хочу видеть такие сны! — заявила она. — Ты избавишься от нее, если у тебя есть хоть какие-то мозги.

И исчезла, убежала в свою комнату, быстро захлопнув за собой дверь.

Крис стоял, глядя на гостиницу. Некоторые части сна он не хотел терять. Крис Фиттон, который привел драгун, который пришел на помощь отцу — этот Крис внушал ему гордость. Это другой Крис, такой, каким он хочет стать.

Ясно, что Нэн не будет держать у себя гостиницу. Он осмотрел комнату в поисках подходящего укрытия. Наконец закутал ее в тенниску и положил на дно ящика шкафа, сбросав поверх другую одежду. Это лучшее, что он сейчас может сделать.

Услышав нетерпеливый голос тети Элизабет, он торопливо оделся.

— Я могу идти сама, тетя Элизабет. — Нэн сидела за столом с завтраком. — Так делают почти все девочки. Не волнуйтесь.

— Мне это не нравится, — ответила тетя Элизабет, передвигая свою чашку с кофе и хмуро глядя на нее. — Ты не привыкла к городскому движению — или за тобой зайдут девочки?

Крис заметил, что Нэн почему-то покраснела, но тетя Элизабет не смотрела на нее. Он чувствовал, что Нэн труд-

но ответить на этот вопрос, и, не успев подумать о последствиях, сказал:

— Нам ведь по пути, верно?

Нэн с явным удивлением посмотрела на него.

Тетя Элизабет выглядела так, словно он удивил и ее.

— Что ж, это хорошо. Но вам нужно поторопиться, если вы пойдете пешком.

Нэн молчала, пока они спускались в лифте, проходили через вестибюль. И вот они на тротуаре.

— Почему ты сказал, что пойдешь со мной? — сразу спросила она.

Крис пожал плечами.

— Она ведь загнала тебя в угол?

Нэн отвела взгляд.

— Да...

— Ну вот, я тебя и вытащил. — Он больше ничего не добавил и пошел дальше, шлепая по грязному мокрому снегу; выглядел он таким же мрачным, как всегда. Но иногда, когда Нэн посматривала на него, ей казалось, что это другой человек — два других человека, которых она встретила в этих странных снах.

Наконец Нэн решила нарушить молчание.

— Тебе здесь не нравится?

— Все в порядке. — Крис пнул снежный комок.

— А мне не нравится! Я хотела бы вернуться в Элмспорт. Я... — Она замолчала. Невозможно разговаривать с человеком, который на тебя не смотрит и ясно дает понять, что ему абсолютно все равно, что с тобой происходит или что ты чувствуешь.

— Послушай, — спустя долгое время сказал Крис, — мы ведь не просили об этом, мы оба. Верно? Но придется смириться — по крайней мере на время.

Нэн ухватила за это «на время». Может, у Криса есть план избавления от заботы тети Элизабет? Если это так, она может воспользоваться им.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

На этот раз он посмотрел на нее. Очки превращали его лицо в подобие маски.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ты сказал «на время».

— Когда-нибудь они вернутся, — ответил он.

Нэн понимала, что это значит.

— Она никогда дома не задерживается...

Они не называли имена, в этом не было необходимости. Нэн быстро опустила голову. Она не позволит ему увидеть, что значит для нее это упоминание.

— Он сказал, что это последняя работа за границей.

Верит ли в это Крис? Что его отец навсегда останется дома? Может, для него это правда, но для нее... У нее есть только один дом — дом бабушки, и теперь он перестал существовать.

Она не ответила, не оспаривала его утверждение. Они уже подошли к академии. Нэн видела, что у входа стоят три мальчика и наблюдают за ними. И выражение их лиц ей совсем не понравилось.

— А вот и старина сова! — Самый высокий из мальчиков сделал шаг вперед.

Крис не вздрогнул, выражение его лица не изменилось, но Нэн каким-то образом — как во сне, когда она находила тайник, — почувствовала его страх. Он... ненавидит этих мальчиков и боится их. Но ни за что не даст это понять. Она вызывающе посмотрела на троицу.

— Старина сова подцепил цыпочку, — заметил другой.

Все они улыбались. Какая отвратительная улыбка, подумала Нэн.

— Откуда у тебя цыпочка? — Самый высокий из мальчиков преградил им путь.

Нэн сжалась. Как раньше ощущала она страх Криса, так и теперь почувствовала его упрямое желание не поддаваться ему.

— Это моя сестра, Гэнфилд.

Нэн вызывающе задрала подборок. Она смотрела прямо в улыбающееся лицо предводителя. Тот рассмеялся и сделал еще один шаг, так что она не могла миновать его.

И тут взметнулся ранец Криса, ударив мальчика по руке.

— Виноват... — Крис говорил обычным монотонным голосом. — Должно быть, я поскользнулся. Пока, Нэн.

Ей не хотелось бросать его и уходить — когда его ждет эта троица. Но она знала, что должна уйти. Это неприятности Криса, и он не хочет, чтобы она принимала в них участие.

— До свидания. — Она хотела сказать совсем не это, но ничего другого не придумала. Но заставила себя идти медленно. Может, при ней они не будут преследовать Криса. Потому что именно это они собираются делать.

— Доброе утро, Гэнфилд, Роклин, Фиттон...

Заходя за угол, Нэн осмелилась оглянуться. Во дворе стоял мужчина, глядя на мальчиков. А они гуськом шли мимо него. Нэн облегченно вздохнула. Может быть, Крис от них не освободился, но пока он в безопасности.

— Нам нужно поговорить с тобой, приятель, — сказал Гэнфилд Крису, когда они шли к входу. — Ты в хороших отношениях с Бэтменом, и тебе придется это сделать, иначе!..

И он ладонью сильно толкнул Криса в спину. Но если хотел сбить менее рослого мальчика с ног, ему это не удалось. Крис достаточно хорошо знал методы Гэнфилда, чтобы подготовиться.

Прозвенел звонок на общее утреннее собрание. Хорошо хоть то, что Гэнфилд и его друзья сидят в другом месте. Крис вздохнул с облегчением и направился к своему месту.

Итак, он в хороших отношениях с Бэтменом, печально думал Крис: это все, что они знают. У мистера Баттерсли репутация строгого учителя, но свое дело он знает. А Крис был рад тому, что не отстает и плохих отметок не получает. У Бэтмена не бывает любимчиков: отметки он всегда ставит объ-

ективно. То, что вы получили по его предмету, вы заслужили — и заслужили тяжелым трудом.

Английская литература — не тот предмет, где можно было ничего не делать и получить хорошую отметку, потому что ты спортсмен или родители устроили сцену в кабинете директора. Крис считал, что Бэтмен справится и с такими родителями, если они к нему явятся.

Он не вслушивался в монотонный голос спереди. Крис был недоволен собой. Зачем он привел Нэн прямо к академии? Это дает Гэнфилду дополнительный рычаг и во всяком случае развяжет ему язык. Он готов это делать и при Нэн. А Крис знал, какие отвратительные вещи могут говорить Гэнфилд и его банда, если захотят. Ну, хоть Нэн ничего этого не слышала.

Собрание кончилось, и он направился в класс английской литературы. И тут перед ним появился Гэнфилд. Крис остановился и стоял неподвижно. Он давно понял, что лучшее оружие — невозмутимое молчание. Он будет молча стоять, пусть Гэнфилд провоцирует драку.

— Сова, ты становишься слишком умным, — улыбнулся Гэнфилд. — До меня дошло несколько твоих шуточек. Мы этого не потерпим.

— Конечно, не потерпим, Кэнни, — подхватил один из его приспешников.

— За это ты должен оказать нам услугу, Сова. Во вторник Бэтмен собирается проводить тест. У него готовы вопросы. Ты должен к понедельнику их раздобыть. Мы все получим пятерки и утрем нос Бэтмену. Понял?

Крис молчал, и улыбка Гэнфилда стала еще шире. Он схватил Крису за лацкан и повернул лицом к себе.

— Я спросил: «Понял?» Сегодня мы занимаемся в спортзале, Сова. Думаю, тебе нужно поддерживать форму. Мы тебе поможем. Мы хотим, чтобы ты был в очень хорошей форме — и помог нам с этим тестом. Мы твои друзья, Сова. Верно?

Послышался хор одобрительных возгласов. Но тут прозвенел второй звонок, Гэнфилд выпустил Криса, напоминая о своих словах взглядом. Крис дважды глотнул и сел на свое место.

Хоть Гэнфилд не высказал угрозу, он ясно дал понять, что имеет в виду. И он говорил серьезно. Либо Крис даст согласие, либо в гимнастическом зале произойдет «несчастный случай». И если он будет думать все утро, воображение начнет подсказывать ему, в какой форме накажет его Гэнфилд за упрямство. Он не герой и не супермен. Но какая-то часть его натуры не позволяла покорно выполнять приказы Гэнфилда. Надо подумать. А думать, когда над тобой нависла такая угроза, трудно.

В первый же перерыв он отправился в библиотеку. Только здесь чувствует он себя в безопасности: здесь Гэнфилд до него не доберется. Крис устроил баррикаду из томов словарей и энциклопедий. Прячась за ней, он чертил завитушки на листе бумаги и пытался думать.

Но мог вспомнить только одно: как они с Нэн ползли по снегу — во сне. Тогда он смог сделать то, что должен. Но сон — это не реальная жизнь... Неожиданно карандаш, которым он чертил каракули, начал выписывать слова. Это безумие, но может сработать. Конечно, это лишь временно, но если он сумеет перехитрить Гэнфилда и причинить ему достаточно неприятностей, можно будет придумать что-нибудь еще и предупредить катастрофу.

У него есть одно преимущество: остальная банда не на первом уроке у Бэтмена. У них второй урок, потому что они в лабораторной группе «А». А Крис совершенно уверен, что они никогда не делают больше, чем вытягивает из них Бэтмен. Гэнфилд хвастал, что берет верх над любым учителем, который пытается что-нибудь затолкать ему в голову.

Крис слегка улыбнулся. Стоит попробовать! Придется придумать предлог, чтобы не ходить на физкультуру на следующей неделе, но это он обдумает позже. Вот что он сдела-

ет. Он принялся писать. Прочел написанное, скомкал и сунул в ранец. Это он не доверит никакой корзине для бумаги!

Час спустя он был готов пообещать Гэнфилду, что постарается достать текст.

— Да уж постарайся. — Гэнфилд сжал руку в кулак. — Ты настоящий призовой цыпленок, Сова. Мы с тобой ни за что не расстанемся.

Крис надеялся, что естественно изобразил страх. Его несколько раз сильно ударили по бокам, так что остались синяки, и сделали подножку. Это были напоминания со стороны Гэнфилда и его банды.

Только в три часа он снова пришел в кабинет английской литературы. Он знал, что за ним внимательно наблюдают, и постарался поговорить с мистером Баттерсли — задал вопрос по семестровой работе, на который уже знал ответ. Они должны поверить, что он готовится к исполнению обещания.

И хотя, когда он вышел из кабинета, никого не было видно, он был уверен, что обо всем доложили Гэнфилду. Следующий шаг зависит от тяжелой работы на портативной пишущей машинке, и проделывать его нужно тайно.

По пути домой он продолжал обдумывать свой план, когда услышал голос за собой:

— Все прошло хорошо?

Он раздраженно посмотрел на Нэн.

— Что ты здесь делаешь? И о чем спрашиваешь?

Она слегка смутилась.

— Те мальчишки... — неуверенно начала она. — Я думала...

— Тебе не нужно об этом думать, — резко ответил Крис. Если она собирается тащиться за ним, считает, что он сам не справится, — это совершенно невозможно!

— И не собираюсь, — вспыхнула она. Пошла быстрее с таким видом, словно его больше не существует.

Именно этого он и хочет, быстро напомнил себе Крис.

НЕ ВИНОВЕН

После ужина Крис разложил свои бумаги на столе в кухне, потому что его письменный стол отправили переделывать. Перед ним был учебник литературы, и он работал сосредоточенней, чем над любыми домашними заданиями. Текст должен быть достаточно хорош, чтобы выдержать проверку Гэнфилда. Крис внимательно слушал, что говорят в классе, он помнил предыдущий тест Бэтмена и поэтому хорошо представлял себе, какими могут быть вопросы в этот раз. Идея, разумеется, заключалась в том, чтобы не очень повторять вопросы предыдущего испытания.

В конце концов он написал вопросы. Теперь нужно их перепечатать. Крис разорвал свои подготовительные заметки на мелкие кусочки и сунул в мешок для мусоросжигателя. Он очень устал, у него болела голова, но сделанное он разглядывал с некоторой гордостью.

Утром в субботу он поработал на машинке. Ему пришлось перепечатывать трижды, пока он не убедился, что не сделал ни одной ошибки. Он был так занят своей работой, что не обращал внимания на тетю Элизабет и Нэн. К счастью, они отправились по магазинам, а Крис даже не побеспокоился выйти из своей комнаты. Машинку он поставил на стул и сидел на кровати.

Он старательно разорвал последний экземпляр. Самое важное — копия под копирку, которую Бэтмен может держать в своем письменном столе. Но как она попадет к нему, а потом к Гэнфилду? Это придется отрабатывать со всем терпением и выдержкой, на какие он способен.

Нэн шла по вестибюлю за тетей Элизабет и несла сумку с покупками. Ей пришлось отразить два предложения тети Элизабет поразвлечь Марву и ее подружек. Они теперь в школе избегали ее, хотя она была уверена, что они о ней перешептываются и что теперь она снова предоставлена сама себе. Как ей хотелось уйти — уйти от всего, что составляет эту новую жизнь!

— Почта. — Тетя Элизабет поставила свою сумку, чтобы открыть ключом почтовый ящик в вестибюле. Писем много, но Нэн это было все равно. Однако тетя Элизабет протянула письмо от бабушки, и Нэн едва сдержалась, чтобы не хватить его. Была еще открытка от мамы — с изображением какого-то необычного каменного лица, — но ее девочка приняла спокойно.

Когда они оказались в квартире, она отнесла бабушкино письмо к себе в комнату и, еще не сняв пальто, разорвала конверт.

Бабушке гораздо лучше; тепло хорошо на нее подействовало. Здесь несколько приятных женщин собираются по утрам в понедельник в помещении для отдыха и занимаются вязанием и вышивкой, и пальцы у бабушки не болят, она может снова ими пользоваться и шьет Нэн новую лоскутную юбку. Ее дважды приглашали на ужин соседи...

Нэн просмотрела оба листка, потом вернулась к началу и принялась читать еще раз. Ничего о возвращении домой, о том, чтобы забрать к себе Нэн. Только одно — она прочла этот абзац медленно, слово за словом, и ее отчаяние все росло:

«Я думаю, дорогая девочка, что все эти годы я была слишком эгоистична. Ты жила у меня, и маме не хватало близости, которая должна существовать между вами. Если бы я не забрала тебя, ей пришлось бы заботиться о тебе и видеться с тобой чаще. Возможно, обстоятельства вынудят ее начать новую жизнь. Надеюсь и молюсь, чтобы вы лучше узнали друг друга, как должны были бы сделать много лет назад».

Нэн уронила письмо на пол. Открытка все еще лежала на кровати, с нее смотрело отвратительное лицо. Она потрогала ее пальцем, открытка перевернулась. Мама всегда печатает — что ж, на этот раз целых четыре строчки.

Стараясь не вспоминать бабушкино письмо, Нэн вполголоса прочла: «Закончила работу. Джеффу нужно провести здесь еще две недели; после этого мы оба с тобой увидимся. Тебя ждет сюрприз. Надеюсь, ты будешь довольна»

Реакцией Нэн на это было мрачное «хм!».

Она пнула бабушкино письмо, потом подняла его и положила в конверт. Бабушка развлекается! И это место о том, что она должна быть ближе к матери — Нэн догадывалась, что это значит: бабушка устала от ее присутствия! Девочка с силой потеряла глаза. Она не будет плакать!

Но ответит не сразу. Пусть бабушка веселится. Ей все равно, что с Нэн, поэтому и Нэн не будет думать о том, что с бабушкой.

А что касается сюрприза... Их было много. И всякий раз оказывалось, что без них вполне можно обойтись. Она сунула мамину открытку в конверт с бабушкиным письмом и положила в верхний ящик стола.

Тетя Элизабет, конечно, расспрашивала. Как бабушка? И Нэн с готовностью доложила, что бабушке гораздо лучше, спасибо, и что ей нравится дом во Флориде. А мама закончила работу. Но о сюрпризе Нэн ничего не сказала. Крис тоже получил письмо. За едой он едва взглянул на него и сунул в карман, не распечатывая. Впрочем, ушел он торопливо — для Криса.

Нэн слышала, как в его комнате стучит машинка. Не так быстро, как печатала мама, когда приезжала в Элмспорт; Крис печатал медленно, как будто разыскивал каждую букву, прежде чем нажать на клавишу. Казалось, он занят там чем-то очень важным.

Полчаса спустя тетя Элизабет выманила его из комнаты сообщением, что они идут на космическую выставку в молл¹. Нэн подумала, что тетя Элизабет решительно настроена развлекать их — хотя она сама не очень интересуется космосом.

Но оказалось, что смотреть на все эти снимки и макеты лунного корабля, увидеть камни, которые астронавты дей-

¹ Моллами в Соединенных Штатах называют большие торговые комплексы. Под одной крышей размещено множество разных магазинов, кафе, есть детские площадки, выставочные помещения и комнаты отдыха. — *Прим перев.*

ствительно подобрали на Луне, очень интересно. Земля на снимках из космоса выглядит необычно. Нэн стояла перед одной из таких фотографий и смотрела на линии поверхности: они кажутся такими искаженными по сравнению с картой в учебнике. Неделю назад она слышала доклад — его делал Гэри Эванс — о том, что где-то в Европе найдена старинная карта, и на ней видны такие же искажения. И даже нарисована Антарктида, свободная от льда и в виде двух островов, что, как известно, установлено только недавно.

На мгновение Нэн испытала странное ощущение, словно она плывет в космосе и смотрит оттуда на Землю. Она смутно сознавала, что нечто подобное ощущала в первом сне, когда была уверена, что найдет тайник, прикасаясь кончиками пальцев к панели гостиницы. Что произойдет, если она прикоснется к лунному камню — не та Нэн, что есть сейчас, а та другая Нэн, способная на такие странные и пугающие вещи? Увидит ли она?.. что?.. На Луне ничего не видно, кроме камней, стоящих и лежащих.

Нэн пошла дальше. Крис стоял у макета ракеты. Нэн подошла к нему.

— Я думаю, — неожиданно заговорила она, — каково быть запертой в этом и оказаться в космосе. — Она решила, что ей бы это совсем не понравилось.

— Они путешествуют в пространстве, — сказал Крис, не отрывая взгляда от макета. — Но что, если бы мы могли путешествовать во времени?

Нэн вздрогнула. Путешествия во времени — как сны о гостинице?

— Что ты собираешься делать — с этим?

Он не стал делать вид, что не понял.

— А что мне делать?

— Я тебе сказала. Избавься от нее!

Крис покачал головой.

— Она не причинила нам вреда. Верно?

Нэн мигнула. Она хотела ответить «да, причинила», но не смогла. Что если бы она не вспомнила о том, как победила дядю Джаспера, когда Пэт проделала с ней свой трюк? Мо-

жет, она бы... Нет, она не знает, что бы тогда сделала. Именно воспоминание о победе, одержанной над людьми короля, придало ей то, что бабушка называла «хребтом»: она смогла уйти от Марвы и ее подружек, которые старались поймать ее в западню.

— Отец — они возвращаются, — прервал ее мысли Крис.
— Знаю.

Крис продолжал в своей обычной упрямой манере:

— Я всегда думал, что папа... папа и я... — Он мрачно добавил: — Я был маленький. Когда ты маленький, думаешь о многом таком, чего никогда не будет. Хотел бы я, чтобы эта часть — как мы вывели драгун из ловушки — была бы реальной. Тот Крис кое-что сумел сделать!

— Все образуется. — Нэн старалась говорить уверенно. Но боялась, что у нее это не получилось: Крис только пожал плечами и снова замкнулся.

Они пообедали; потом тетя Элизабет предложила посмотреть кино по телевизору. На этот раз Крис тоже смотрел. Он уселся на пол, скрестив ноги. Кино оказалось интересным. Нэн была захвачена им и забыла о своих бедах и сомнениях.

В воскресенье снова церковь, а потом к тете Элизабет пришли две подруги. Нэн читала в своей комнате, а Крис исчез еще раньше. Нэн обнаружила, что достает бумагу, чтобы написать бабушке. О самом захватывающем в ее жизни — о снах и о приглашении Марвы — она не может рассказывать. Но в остальном она попыталась сделать вид, что проводит время так же хорошо, как бабушка, и ничуть не сожалеет об исчезнувшем Элмспорте. И ни словом не упомянула об открытке от мамы и о бабушкиных словах, что они с мамой должны стать ближе.

В понедельник она снова пошла в школу с Крисом, и на этот раз он торопился. И не разговаривал с ней. Что-то не так... Нэн ощущала это, словно над ними обоими нависло тяжелое облако. Она заглянула во двор академии, когда

Крис, ни слова не сказав, ушел. По крайней мере этих мальчиков не видно.

Она понимала, что еще на целый день предоставлена себе самой. Но после урока мисс Креббит задержала ее.

— Обычно я так не делаю. — Мисс Креббит всегда начинала говорить неожиданно, словно ей постоянно нужно привлекать внимание слушателей, и Нэн уже привыкла к этому. — Ты отстаешь по трем темам, Нэн. Но ты проявила желание догнать класс. Если хочешь, тебе в этом окажут помощь. Тебе поможет Кэти Шмиц, если каждый день будешь на полчаса задерживаться в библиотеке. Конечно, тебе нужно обсудить это с тетей. Дай мне знать поскорее.

— Да, мисс Креббит, — ответила Нэн.

Кэти Шмиц? Рослая девочка, которая сидит за последним столом во втором ряду. В этот момент Нэн больше ничего о ней не могла вспомнить. И ей не нравилась мысль о том, что кто-то будет ей помогать, — в Элмспорте она всегда была в числе лучших учеников. Но она знала, что не поспевает за классом и помнила предупреждение Марты: если не справишься, она посадит тебя на класс ниже. И если это можно предотвратить, она постарается.

Стоя перед своим шкафчиком и одеваясь, Нэн думала о Кэти Шмиц. Тут кто-то толкнул ее так сильно, что она чуть не упала в полуоткрытый шкафчик. Она сердито оглянулась и увидела Пэт с ее кривой улыбкой, Марву, поправляющую волосы, и Карен чуть позади за предводительницей.

— Что тебе сказал старый Краб? — спросила Марва.

— Что я не успеваю за классом, — ответила Нэн.

— Она пересадит тебя в младший класс. — В голосе Пэт слышалось злорадство.

— Что ты сделала — с той штукой? — Карен спрашивала так, будто обязательно хотела получить ответ, но при этом не смотрела на Нэн. Глаза ее бегали по сторонам: она хотела убедиться, что их никто не слышит.

И снова Нэн правильно поняла ее.

— Вернула. — Она не видела причины объяснять, как именно она вернула вещь.

— И у тебя взяли — без вопросов? — Было ясно, что Пэт ей не верит.

Но Марва внимательно наблюдала за ней и заговорила, прежде чем Нэн смогла ответить.

— Вернула. Но, должно быть, сделала очень умно, иначе мы бы услышали...

— Я не рассказывала о вас. — Нэн застегнула пальто.

— Это какая-то хитрость, — возразила Пэт.

Марва рассмеялась.

— Если и хитрость, то не хуже твоих, Пэт. Может, ты просто ревнуешь. Послушай, Нэн, нам не нужны неприятности. Если ты оставишь нас в покое, мы оставим тебя. Мы просто думали, что ты умеешь шутить — видно, не умеешь. — Она снова презрительно рассмеялась. — Ты такая прямоугольная, что можно сосчитать твои углы. Но если попытаешься причинить нам неприятности, — рот у нее улыбался, но глаза оставались холодными, — ты сама узнаешь, что такое неприятности!

Она развернулась и ушла, Карен догнала и пошла рядом, а Пэт держалась чуть позади.

Затягивая пояс, Нэн заметила, что у нее слегка дрожат руки. В голосе Марвы звучала такая угроза, что Нэн казалось, будто та ударила ее по лицу. Идя домой, она все еще слегка дрожала.

И когда подошла к воротам академии и увидела идущую по тротуару фигуру с сутулыми плечами, испытала облегчение. Она узнала Криса, и он один. Нэн заторопилась, догнав его.

Крис почти не осознавал, что он не в школе — он в безопасности. Все прошло так легко, что даже подозрительно. Обычно у него ничего легко не получается, что-нибудь обязательно подведет. Но Гэнфилд взял копию, просмотрел перечень вопросов и принял их за настоящие. Крис постарался при этом чихнуть. Он решил, что придется разыграть простуду: достаточно, чтобы оставшиеся дни недели не ходить

в школу. Приходить завтра, когда Гэнфилд и все остальные обнаружат подделку, никак нельзя.

А за неделю многое может случиться, с тоской думал Крис. Может, даже папа обратит внимание на его письма. Ведь он написал, что ненавидит академию и хотел бы перейти в школу, где учится Нэн. Не может быть ничего хуже, чем приставания Гэнфилда.

Да, остаток недели он будет болеть. Достаточно как следует покашлять, пофыркать носом... Он попробовал несколько раз и решил, что выглядит убедительно.

— Крис!

Он едва не подавился очередным кашлем. Опять она. Но он остановился и подождал.

— Ты опоздала.

— Меня задержала Краб. — Они ничего не сказала о Марве и ее угрозах. — Я пришла в середине четверти и потому отстаю. Она говорит, что мне нужно специально заниматься — нужно сказать об этом тете Элизабет.

— Кто будет тебе помогать? — подозрительно спросил Крис. Ему не хотелось принимать участие в делах Нэн.

— Какая-то девочка из нашего класса. Я ее не знаю. Но, Крис, — Нэн перешла от своих тревог к тому, что помнила с утра, — а с тобой все в порядке?

— Простудился. — Крис решил проверить на Нэн, как у него получается кашель. — Вероятно, придется немного посидеть дома. Лучше держись от меня подальше.

Он отодвинулся на два фута и, когда вспоминал, по пути домой начинал кашлять.

Когда они вошли, тетя Элизабет только что положила трубку. Она быстро повернулась к ним. На лице ее было странное, почти ошеломленное выражение.

— Нэн, иди выпей какао. Крис, подойди сюда, я хочу с тобой поговорить.

Нэн неохотно ушла. Предчувствие больших неприятностей, которое не оставляло ее весь день, стало еще сильнее. Но обычное равнодушное выражение лица Криса не изменилось, когда он вслед за тетей прошел в гостиную.

— Крис, — начала она, — звонил один из твоих учителей, мистер Баттерсли. У него невероятное... просто невероятное обвинение. Он сказал, что у двух мальчиков в его втором классе нашли копию экзаменационных вопросов, которую купили у тебя. Другой учитель застал их, когда они переписывали эти вопросы.

Странно, но только два из этих вопросов совпали с теми, что он собирался использовать завтра. Однако бумага, на которой сделана копия под копирку, такая же, как та, что он сам использует для таких тестов. Он говорит, что у мальчиков очень логичная история о том, что они получили эту копию от тебя и каждый заплатил тебе по пять долларов.

— Не могу поверить, что ты так поступил, Крис. — Она так на меня смотрит, подумал Крис, словно у меня неожиданно отросли рога и хвост. Значит, не таким уж умным он оказался. Гэнфилд и один из его приятелей были пойманы, и у них оказалось наготове правдоподобное объяснение.

Крис достал из кармана бумажник. Раскрыл его перед тетей Элизабет.

— У меня остались два доллара из карманных денег, — твердо сказал он. — Если хотите, посмотрите сами.

— Мне не нужно смотреть, Крис. Я знаю, что это неправда. Но мистер Баттерсли говорит, что я завтра должна прийти с тобой и нужно во всем разобраться.

— Мое слово против слова их всех? — медленно произнес Крис. — Неужели кто-нибудь мне поверит? Гэнфилд... он... — Но говорить это нет смысла. Тетя Элизабет все равно не поймет, что Гэнфилд в академии — один из главных, а Крис Фиттон — вообще никто.

— Ты должен сказать мне правду, Крис.

— Хорошо. Я не виновен. И что хорошего это мне даст? — выкрикнул Крис и убежал в свою комнату.

Его сердце билось часто. Он захлопнул дверь и остановился. Он оказался совсем не таким уж изобретательным, а Гэнфилд впутал-таки его в историю. И он не видит способа из нее выпутаться. Сколько бы он ни рассказывал правду, ему это не поможет.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПРЕСТУПНИК

Крис опасался, что тетя Элизабет захочет поговорить с ним о случившемся. Но хотя она время от времени поглядывала на него с легкой тревогой, при Нэн ничего не сказала. Проходила минута за минутой, и Крис слегка расслабился. Он по-прежнему был уверен, что у него нет ни малейшего шанса оправдаться завтра, но впереди еще ночь. Он рано ушел к себе в комнату. Нэн тоже тревожно смотрела на него. Он попытался забыть о ней. Он ни на кого не может рассчитывать, даже на себя самого.

Если только...

Слабая надежда заставила его подойти к ящику и достать гостиницу. Он очень хотел вернуться в прошлое. Даже если это время, когда существовали контрабандисты и охотники за ними. Сейчас это казалось лучше того, что ждет его завтра.

Он поставил «Благородного оленя» на столик у кровати. Гостиница стояла на папином письме, которое он даже не распечатал. Он взглянул на письмо — какая от него польза? В конверте нет ничего, что стоило бы прочесть. И неохотно лег в постель.

Кто-то кричал так громко, что в ушах звенело. И он больше не в кровати. Очень холодно, и вокруг заснеженные кусты, за которыми он скорчился. Снова бой с контрабандистами? Но тогда он был в гостинице...

Он увидел языки пламени. Гостиница горит!

Крис продвинулся вперед. Пламя разогнало ночные тени. Нет, за полем он увидел не гостиницу. Большой амбар, а горит рядом с ним стог сена. Вокруг толпятся люди с ведрами, поливают водой пламя и отступают, потому что огонь, вопреки их усилиям, разгорается все сильнее. Слышатся и другие звуки, несколько человек выводят из амбара коров. Один ведет лошадь, голова которой замотана курткой.

Крис встал. Это сделали контрабандисты? Но почему?

— Крис Фиттон!

Услышав из кустов свое имя, он полуобернулся. Там стоит другой мальчик, пламя чуть освещает его, но недостаточно, чтобы Крис его узнал.

— Ты кто? — Неожиданно стало необыкновенно важно узнать, кто это.

В ответ мальчик со смехом скрылся в тени. И тут словно какая-то дверь отворилась в голове Криса.

Он действительно Крис Фиттон, и его отец — хозяин гостиницы «Благородный олень». Он знает и что делает здесь. Ждет Сэмсона Дайкса. Если только отец узнает, что он видится с Дайксом! Крис глубоко вдохнул. Сейчас он должен лежать в своей постели в гостинице, и чем скорей он туда вернется, тем лучше.

Миновав кусты, он заторопился к гостинице. Горит ферма поместья. В такую погоду воды для того, чтобы потушить пожар, недостаточно. Судя по крикам, здесь собралась половина деревни.

Крис колебался. Сюда могут прийти его отец, конюх и рабочие с конюшни. Может, как раз сейчас возвращаться не стоит. Тем не менее он продолжал идти в гостиницу. Да, его догадка подтвердилась: показался огонек фонаря, со стороны конюшни бежали люди. Крис присоединился к ним.

— Ферма поместья! — кричал кто-то. — Она горит! — Он увидел, как из дома выбежал отец.

— Ведро, парни, — кричал он на бегу. — И прихватите лошадиные попоны. Можно увлажнить их в снегу и сбивать пламя...

Крис вытащил из конюшни попону с крепким лошадиным запахом и присоединился к отряду, который по лесной тропе вел Айра Фиттон.

Когда они подошли к пожару, было уже поздно спасти амбар. Пришлось бороться за другие пристройки и даже за сам дом.

— Поджог! — хрипло сказал голосом Генри Невисона человек с закопченным лицом. — Злое дело. Какой-то негодяй поджег нас, пока мы спали!

Пламя гасло. Они выиграли бой. Крис старался не вдыхать густой дым.

— Хорошо, хозяин, что мы успели вывести лошадей. Они так испугались...

— Бедняги, — заметил Невисон. — Говорю вам, это поджог. И если я доберусь до того, кто сделал это, он пожалеет, что родился. Но это не принесет ему ничего хорошего!

Первым отозвался Айра Фиттон, почти такой же почерневший от сажи, как сам фермер:

— Почему ты считаешь, что это поджог, Генри?

— А как иначе? Парни знают, что сюда нельзя проносить горящие лампы. Я это ясно дал им понять. А стог сена сам по себе посредине зимы загореться не может. Ты сам знаешь, Айра, многие затаили злобу против сквайра. С тех пор как стал судьей, он жестоко обошелся с некоторыми. Но ни один человек не должен обращать свою злобу против бессловесных животных. Если бы Мик из-за боли в животе не потерял сон... — фермер кивнул на одну из мрачных фигур за собой, — мы бы потеряли всех животных. И где мне их теперь держать, в такую погоду...

— Приводи их в гостиницу. У нас хватит места. Зимой мало посетителей, Генри.

— Что здесь происходит?

Во двор въехал человек, сражаясь с лошадьёю, которая пугалась запаха горящего сена. Он старше отца, с узким длинноносом и злобно поджатым ртом. Сквайр Мэллори. Крис отступил в тень. Мастер Невисон уверен, что это поджог, и правда, что все браконьеры ненавидят сквайра. Он отправил старшего брата Сэмпсона в Австралию как раба, когда тот подстрелил пару зайцев: его семья умирала с голоду, потому что сквайр выгнал их из дома и поселил в нем лесничего, которого привез с севера.

Неужели Сэмпсон поджег сено? Крис отказался от этой мысли сразу. Сэм любит животных и не терпит, когда им причиняют боль. Он никогда бы не оставил в огне скот. Но есть и другие мужчины и мальчишки, которые так ненавидят сквайра Мэллори, что готовы поджечь его ферму. Напри-

мер, Джем Кэтсби, хотя Джем два дня назад уехал, сказав, что здесь у него ничего нет и он поедет в Лондон и посмотрит, не сможет ли заработать там. Отец заметил, что он дурак: в Лондоне гораздо хуже, чем здесь.

Генри Невисон повторил свое обвинение, и злобный рот сквайра еще сильнее искривился.

— Это висельное дело! — выпалил он. — И мы кое-кого подвесим за него.

Крис вздрогнул. Сквайр говорит серьезно. Он позаботится, чтобы кого-нибудь повесили за сегодняшнее. Мальчик еще глубже отодвинулся в тень. Сквайру незачем его видеть: неделю назад он побелел от гнева, когда застал мисс Нэн говорящей с Крисом и расспрашивающей о лисенке, который рос у мальчика. Для сквайра Крис не лучше грязи, а тут с ним разговаривает его собственная дочь. Крис видел, что даже мисс Нэн испугалась, когда отец отослал ее домой.

— Ты, Фиттон! — Сквайр верхом надвинулся на трактирщика. — Что делаешь здесь ты и твои псы? — Он взмахнул хлыстом, словно ему не терпелось пустить его в ход.

— Мы пришли помочь. — Отец сохранял спокойствие. Он смотрел на сквайра так же прямо, как тот на него. Сквайру не нравилось, что гостиница принадлежит не ему, что ею владеют Фиттоны и он не может приказывать им.

— А теперь, — продолжал отец, — поскольку помощь больше не нужна, мы уходим.

Крис видел, что Генри Невисону стало стыдно. Но фермер не осмелился заговорить: он живет на земле сквайра, и потому он его человек.

Было очень тихо. Айра Фиттон и его работники повернулись и стали уходить. Они пошли не лесной тропой, но по дороге, чтобы не оказаться на земле сквайра.

Из темноты послышался голос Джека:

— Он еще причинит нам неприятности, хозяин.

— Если сможет. Теперь слушайте, все вы. — Голос Айры Фиттона звучал строго. — Возможно, Генри Невисон сказал правду и это поджог. В такие времена люди готовы схватить первого подвернувшегося под руку и обвинить его — вино-

вен он или нет. Держите язык за зубами и держитесь подальше от земель Мэллори. Не дадим ему возможности указать пальцем в нашу сторону.

— Хорошо сказано, хозяин. Сквайру не нравится, что не он хозяин «Благородного оленя», как всей деревни. Он захочет показать пальцем, как вы и сказали, — согласился Джек; работники конюшни и трактира одобрительно загудели.

— Так не давайте ему такой возможности, — ответил Айра Фиттон. — И ни с кем из деревни не разговаривайте. Не хочу, чтобы пострадал невинный, поэтому не высказывайте никаких догадок. Если это сделаете, можете затянуть петлю на чей-то шее — даже если этот человек невиновен.

Он крепко взял Крису за руку, так что тот не смог бы высвободиться, даже если бы попробовал. Мальчик с тревогой понял, что отец хочет что-то еще сказать ему, но не при всех. Должно быть, это связано с Сэмом... Он спотыкался на снегу. Отец не выпускал его руку, и Крис гадал, знает ли отец, что он ходил на встречу с Сэмом. Он ничего не сможет сказать в свое оправдание: его много раз предупреждали, чтобы он не показывался на землях Мэллори, а встреча с мисс Нэн показала, к чему это может привести. Отец тогда принял его объяснения, но сейчас ему очень не понравится, что Крис встречается с человеком, которого подозревают в браконьерстве.

Работники отправились спать на чердак над конюшней, но Крис по требованию отца пошел не на дружественную кухню, но дальше, в маленькую комнатку, где Айра Фиттон вел счета и судил своих работников. Мальчик услышал щелчок кремня и замигал от яркого света свечи.

Айра Фиттон сел в свое большое кресло. Его волосы на голове и бакенбарды, доходящие до краев рта, в пятнах седины. А под правым глазом шрам, полученный под Ватерлоо. И в глазах нет того веселого юмора, с каким он обычно разговаривает с Крисом.

— Ты выходил вечером... — Это был не вопрос, а утверждение.

Невозможно лгать отставному сержанту Фиттону. Крис никогда и не пытался.

— Да.

— Куда ты ходил и зачем?

— Я ходил в кусты у фермы. — Но Крис не стал объяснять, почему пошел туда. Отец не любит Сэмпсонов. Он не раз вслух говорил, что вся эта семья — мошенники и приходу было бы гораздо лучше без них.

Айра Фиттон нарушил молчание.

— Значит, это был Сэмпсон? Ты ходил к нему?

Крис покачал головой.

— Я его не видел. Он не пришел.

Сэмпсон не мог поджечь, Крис готов был в этом поклясться. И если никто не знает, что он уходил...

Отец слегка наклонился в кресле.

— Ты, маленький глупец! — взорвался он. — Достаточно, чтобы тебя кто-нибудь видел и рассказал сквайру... Он отправит тебя в тюрьму в Рее, так что ты и чихнуть не успеешь. И многие, чтобы угодить ему, поклянутся, что ты и есть поджигатель. Ты меня понял?

Крис был так потрясен, что не мог говорить. Он кивнул.

— Будем надеяться, что тебя никто не видел, — продолжал отец.

Неожиданно Крис вспомнил ту тень, что назвала его по имени.

— Может, кто-то и видел, — прохрипел он.

— Кто? — Вопрос прозвучал, как выстрел из одного из больших пистолетов, которые отец принес с войны.

— Не знаю. — Он торопливо рассказал об этой фигуре.

Отец с такой силой ударил ладонью по столу, что Крис замигал.

— Нас ждут неприятности. Мне нужно подумать. А ты — отправляйся в свою комнату и не выходи, пока я тебя не позову.

Крис ушел, и страх следовал за ним по пятам, как собака.

Нэн стояла у окна, набросив на плечи самую толстую и теплую шаль. Она дрожала скорее от волнения, чем от холода, глядя, как вдали опадают языки пламени. Сгорела ли ферма?

Ее разбудил громкий стук в дверь. Лиз, которая спала на раскладушке у двери, сунула ноги в разношенные тапки и пошла к двери. Вернувшись, она рассказала, что прибежал Дольф Невисон и сообщил, что ферма горит и нужна помощь. Нэн выбралась из большой кровати и подошла к окну.

Позже по дороге, ведущей к ферме, проскакал на лошади отец. Люди, должно быть, пошли коротким путем, через поля. Отец был только черной тенью в темноте, но она могла представить себе его ярость.

Слишком хорошо знала Нэн, как здесь не любят Мэллори. Отец может вести себя как сквайр, но все знают, что он просто купил поместье и земли на аукционе, потому что прежний владелец сломал шею во время охоты и оставил вдову с двумя детьми без единой гинеи в кошельке. Но хоть он и купил поместье, это еще не означает, что жители деревни, фермеры и соседние дворяне их приняли.

Она опустила занавес. Лиз зажгла свечу и оставила на столике, а сама ушла на кухню, чтобы помочь готовить горячие напитки людям, когда они вернутся. Нэн тоже хотелось пойти туда и узнать, что случилось. Но ее удержал страх перед отцом.

Он сказал, что не допустит, чтобы она сплетничала со слугами. Она сжалась, вспомнив, как он выпорол ее, когда она пошла посмотреть лисенка, которого приручил мальчик из гостиницы. Отец ненавидит людей из гостиницы, потому что не может управлять ими. Мастер Фиттон владеет гостиницей, как до него его отец и дед. Это был один из рассказов о соседях, которые она услышала от Лиз.

Все это имело отношение к контрабандистам, которые были здесь очень сильны, пока не убили их предводителя Хейверса. Убили прямо во дворе гостиницы. Там находился раненый лейтенант Фиттон, и Хейверс пришел за ним. Но женщина, хозяйка гостиницы, не отдала раненого. Произо-

шел настоящий бой между контрабандистами и драгунами, которых привел сын лейтенанта. Впоследствии лейтенант из-за раны был признан негодным к службе, женился на хозяйке гостиницы и остался с ней. Так что гостиница не часть деревни, как хочет отец, она принадлежит Фиттонам.

Отец заработал деньги на морских перевозках, и почему ему оказалось нужно поместье так далеко от моря, Нэн не знала. Но, купив поместье, он правил им твердой рукой. Старая тетя Маргарет ни во что не вмешивалась и вообще ни с кем не разговаривала. Казалось, она тоже боится отца. Нэн очень скоро поняла, что либо ты выполняешь приказы, либо знакомишься с кнутом. Плечи ее дернулись.

Она услышала шум внизу, стук дверей, топот, ворчливый отцовский голос — все это проходило через щель в двери, которую Лиз закрыла неплотно. Может, стоит сейчас спуститься вниз и послушать, что произошло?

Но тон голоса отца был достаточным предупреждением. Он не обрадуется ее появлению. Ей следует набраться терпения и ждать, пока не вернется Лиз, тогда можно будет ее расспросить.

Появившаяся служанка была полна новостей.

— Это был поджог, говорит сквайр, — выпалила она, не успев зайти. — Злое дело: едва успели спасти бедных животных. А если бы Мик в ту ночь не заболел, они все могли сгореть, и люди и животные! Очень злое дело — и сквайр говорит, что по закону тут положена виселица!

— Но кто мог это сделать?

— И вы еще спрашиваете, мисс. — Лиз хитро посмотрела на нее, и Нэн поняла, что она имеет в виду. У отца больше врагов по соседству, чем можно насчитать по пальцам обеих рук.

Она вспыхнула. Ужасно, когда тебя ненавидят, ужасно думать, что можно так тебя ненавидеть, что подвергнуть риску жизнь людей и животных.

— Сквайр, он предложил десять гиней — он это сказал всем, кто здесь был, — за имя того, кто это сделал. А десять

гиней — большие деньги, мисс. Многие захотят их заполучить.

— Но если никого не видели... — начала Нэн.

— Мисс, была темная ночь. Всякий может поклясться, что видел что-то, и кто может отличить правду от лжи?

Нэн перевела дыхание. Она понимала, о чем говорит Лиз. Если кто-то в деревне ненавидит соседа, сейчас самое время избавиться от него и при этом заработать небольшое состояние.

— Должны быть доказательства, — сказала она с уверенностью, которой не ощущала. Она знает характер отца. Станет ли он доискиваться доказательств? А всякий, что готов предать другого, постарается сделать свою историю убедительной.

— Я знаю, кто нужен сквайру. — Лиз бросила еще один хитрый неприятный взгляд. — Мастер Фиттон, он со своими людьми пришел на помощь, но сквайр его прогнал.

Нэн села на край кровати. Ей стало холодно внутри. Да, отец прежде всего захочет повесить это преступление на человека из гостиницы. Она не разбирается в законах, но, наверно, отец сумеет их использовать. Может, даже заберет себе гостиницу.

— Это всего лишь подозрения, Лиз, — как можно уверенней ответила она. — Никого нельзя наказывать без доказательств. Ты ведь знаешь, что мастер Фиттон готов поджечь дом соседа не больше, чем свой собственный.

— Может, и не он, мисс. Но он не единственный мужчина — или мальчик — в «Благородном олене».

Нэн снова легла. Простыни просто ледяные. Она знала, кого заподозрила Лиз. Но ведь это нелепость! Крис Фиттон не станет поджигать ферму только потому, что отец выгнал его и попытался ударить кнутом. Крис увернулся от удара — лицо его под загаром побелело, а глаза засверкали. Он был охвачен диким гневом, Нэн знала это, хотя мальчик ничего не сказал, просто повернулся и ушел.

Вспоминая эту сцену, она подумала, что молчаливый уход Криса еще сильнее разозлил отца. Но она не должна ничего

говорить, чтобы не подкреплять подозрений Лиз. Конечно, как бы сильно ни хотел отец признать его виновным, Крис Фиттон не виновен.

Но она не могла уснуть, хотя лежала неподвижно и дышала ровно, надеясь обмануть Лиз. Нэн думала, что будет делать отец. Неужели на самом деле подкупит кого-нибудь, чтобы тот поклялся, что это был Крис или кто-то другой из гостиницы? Если так, что ей делать? Она думала и думала, пока не заболела голова, но ничего не могла придумать.

Крис разделся и забрался в постель. Без горячего кирпича в ногах в ней было ужасно холодно. Но холодной ледяных простынь, касавшихся дрожащего тела, было воспоминание о словах отца и о фигуре, растаявшей во мраке. Он тщетно пытался вспомнить голос и тем самым узнать имя увидевшего его. Но не мог. Теперь то, что кто-то видел его наблюдающим из кустов за пожаром, всегда будет угрозой, и ему придется с этим жить...

Он дважды засыпал ночью и каждый раз просыпался от ужаса, увидев кошмарный сон. И обрадовался, когда Питер, трактирный прислужник, постучал в дверь на самом рассвете и сказал, что его зовет отец. Крис оделся, плеснул ледяной воды в лицо, провел расческой по волосам и спустился по задней лестнице.

Тепло и запахи еды в большой кухне успокаивали, но пришлось из нее уйти в маленькую комнатку, в которой он разговаривал с сержантом Фиттоном накануне. Постучав, Крис услышал ответ отца и собрался с мужеством.

На столе лежал лист бумаги. Хотя он лежал верхом в его сторону, Крис смог прочесть написанное большими буквами: «Разыскивается преступник». Такие объявления магистраты с Боу-стрит¹ рассылают по всем гостиницам и пунктам сбора налогов по всей стране; там содержится перечень престу-

¹ Так называется главный уголовный полицейский суд в Лондоне; по названию улицы, где он находится. Магистрат — судья полицейского суда. — *Прим. перев.*

плений и описание разыскиваемых преступников. Отец всегда вывешивал такие объявления в трактире и читал их вслух слугам и неграмотным жителям деревни.

Айра Фиттон сидел в мятой рубашке, с табачным пеплом на рукаве; выглядел он очень уставшим. В руке он держал другой лист бумаги, сложенный и запечатанный темным воском, который хранился для особых случаев. Концом пера он указал Крису на один из стульев.

— Если почтовая карета придет в обычное время, она будет здесь через полчаса. Я дам это Ворчестеру, который мне обязан. Если все пройдет нормально, письмо прибудет в Лондон завтра днем. Ворчестер позаботится, чтобы оно было доставлено на Боу-стрит, Гарри Хокинсу...

Гарри Хокинс — отец служил с ним на полуострове под командованием герцога, а позже они вместе участвовали в Ватерлоо. Потом Гарри стал полицейским сыщиком на Боу-стрит. Он один из ловцов преступников, и его не раз отмечали за хорошую службу.

— Возможно, я призываю к оружию, когда никакого нападения нет, — продолжал Айра Фиттон. — Но, учитывая характер Мэллори, то, что ты вчера был на его землях и тебя там видели, думаю, разумно предпринять кое-какие шаги для твоей защиты. Частные лица могут нанимать сыщиков, если речь идет о преступлении. Я прошу Гарри разобраться в этом деле. Будем надеяться, что он не занят и сможет приехать.

— Ты думаешь... — Крис перевел взгляд с мрачного лица отца на свои грязные руки, на которых еще сохранились следы вчерашней схватки с огнем.

— Я думаю, что ты вел себя глупо и можешь оказаться в большой опасности. Сегодня утром Томкинс рассказал новости — он постарался, чтобы я это услышал, так что уже указывают в нашу сторону, — Мэллори предложил награду в десять гиней за сведения о человеке, который поджег его амбар.

Крис с трудом глотнул. Десять гиней — это целое состояние! Для жителей деревни оно может оказаться искушением.

— А теперь, — отец слегка наклонился вперед, — расскажи поподробней об этой тени, которая назвала тебя по имени.

— Я всю ночь пытался вспомнить. Это был мальчик, я уверен. Но лица его я не видел.

— Сэмпсон Дайкс?

Крис покачал головой.

— Нет, Сэмпсона я знаю. Это был не его голос.

— У тебя были дела с кем-то из деревенских мальчишек, которые могут желать тебе зла?

Снова Крис покачал головой. Он не напрашивается на ссоры. Конечно, он знал, что кое-кто завидует его жизни в гостинице и даже тому, что он дважды в неделю ходит к викарию мистеру Престону на уроки. Но никто до сих пор не проявлял к нему активной неприязни.

— Возможно, тот, кого ты видел, и есть поджигатель, — продолжал отец. — Ну, а искать того, кто из местных ненавидит сквайра больше всех, уж очень долгое занятие. Более вероятно, что кто-нибудь назовет имя — из-за денег или чтобы спасти собственную шею. А сквайр как судья может сразу вынести приговор.

Крис крепко стиснул руки, чтобы отец не видел, что они дрожат. Он понимал, что все может произойти так, как сказал отец, и что назовут его имя.

— Сейчас мы ничего не можем сделать. — Отец встал и взял письмо в руки. — Ты не будешь ни с кем говорить об этом деле. Будешь вести себя как обычно и не станешь отвечать на вопросы. Понятно?

Крис согласился.

Нэн продела иглу в ткань, натянутую на рамку для вышивания. Сейчас у нее нет гувернантки, никто не учит ее рисованию, или вежливым манерам, или другим вещам, которые полагается знать «леди». Она любит читать, но книги, оставшиеся в большой библиотеке, после того как отец купил дом со всей обстановкой, не очень интересны. Большин-

ство на латинском или тома проповедей, такие же сухие, как покрывающая их пыль. И целые дни она скучает за вышиванием, слушает тихий голос тети Маргарет, которая почти всегда жалуется на жизнь; она рассказывает о родственниках, которые умерли задолго до рождения Нэн.

Тетя Маргарет — родственница матери, Нэн она приходится двоюродной бабушкой. Это сморщенная старушка, которая гордится только своей знатностью. Она регулярно упоминает, что ее мать из семьи Рутвенгов и что она снизошла к Мэллори, выйдя за него, хоть он и богат. Тем не менее, как заметила Нэн, тетя всегда говорила отцу «да», когда они встречались; что, впрочем, происходило нечасто: сквайр Мэллори был очень недоволен тем, что у него нет сына и наследника, и постоянно давал Нэн понять, что она не заменяет ему сына.

— Какой шум. — Тетя Маргарет вышивала по шелку, поднося мотки ниток близко к глазам. — Судя по нему, преступника быстро найдут. Любой из жителей деревни ухватится за золото...

— А что если кто-нибудь назовет не то имя, лишь бы получить обещанное отцом золото? — спросила Нэн.

Тетя Маргарет фыркнула.

— Не твое дело, мисс, что будет сделано. Речь идет об убийстве, потому что там спали люди и животные. Эти синие нитки не подходят. Не следовало просить Мэри покупать их: у девчонки нет никакого чувства цвета.

Нэн сделала три стежка. Она вполне овладела этим мастерством и признавала, что тетя Маргарет, несмотря на ее глупые рассказы и болтливость, хорошая учительница. Теперь они готовили покрывала для всех стульев в гостиной. Нэн про себя вздохнула, подумав о том, что это означает годы работы.

— Твой отец, — тетя Маргарет отложила не подошедшие нитки в сторону, — послал за собакой Хола Крикетта. Будут искать след.

— Не думаю, что смогут найти. Там были почти все жители деревни, — заметила Нэн. — Как же собака сможет унюхать виновного?

— Кажется, твой отец кое-что знает, но не рассказывает. Вот эти розовые хороши для фона, а эти чересчур бледные: будут выглядеть выцветшим на солнце еще до того, как на самом деле выцветут. Следи за стежками, девочка. — Она щелкнула пальцем с наперстком по краю рамки. — Работа слишком тонкая, чтобы допускать неправильные линии!

— Да, тетя Маргарет. — Нэн заставила себя отвечать покорно и ласково. Ей хотелось узнать, как отец надеется отличить один след от другого у фермы. И как он может быть уверен, что след правильный?

День проходил скучно. Они вышивали, скромно поели в комнате для завтраков. Потом тетя Маргарет удалилась подражать, а Нэн в поисках книги отправилась в библиотеку. День был серый, и тени почти такие же густые, как вечером. За окном слышался шелест падающего снега. Нэн смотрела на него. Он спутает все планы использовать собаку. И Нэн вдруг обнаружила, что рада этому.

Нет, говорила себе с ужасом девочка, она совсем не хочет, чтобы виновный избежал наказания. Но она не верила в справедливость отца; напротив, была уверена, что он с радостью обвинит того, кого не любит, если к нему приведет хотя бы тоненькая ниточка.

Она стояла за длинным красным бархатным занавесом, таким выцветшим и пропитанным древней пылью, что даже энергичные усилия служанок, которых постоянно подгоняла тетя Маргарет, не могли очистить его полностью. Здесь была самая старая часть дома, стена очень толстая, поэтому окно в глубоком проеме, и на внутреннем подоконнике устроено широкое сиденье. Нэн села на него, наблюдая за падающим снегом, который покрывал все следы на подъездной дороге. Было холодно, но она прихватила шерстяную шаль, которую плотно запахнула.

Услышав звук открывающейся двери, она вздрогнула. Но не шевельнулась, услышав голос отца. Так отец говорит, когда сильно рассержен.

— Сюда, мошенник! И не пытайся меня обмануть. Я знаю вашу грязную породу. Твой брат угрожал мне. Если бы у меня были доказательства, я бы давно уже отправил его в тюрьму в Рей. И его, конечно, выслали бы за море.

Нэн поежилась на подоконнике. Она внимательно оглядела занавес и нашла то, на что надеялась, — старая ткань порвалась, а тетя Маргарет не успела зашить разрыв. Девочка пальцами осторожно развела края ткани и смогла видеть часть комнаты.

Отец стоял перед очагом — еще в пальто и шляпе. Одной рукой он размахивал кнутом. Плеть с глухим угрожающим звуком задевала за каминную решетку.

Перед ним стоял оборванный мальчишка в одежде из мешковины и растрепанными волосами. Лица его Нэн не видела, видела только руки в цыпках, почти синие от холода, и ноги в чулках, в которые для тепла набита солома.

— А теперь, — отец наклонился вперед, он выглядел так, словно вот-вот услышит что-то очень приятное, — теперь рассказывай правду, парень.

— Это правда, сквайр...

Нэн вздрогнула. Бедно одетого мальчика она могла не узнать, но голос узнала. Тим Дайкс, старшего брата которого выслали за браконьерство. Неужели это он?.. Но отец ведет себя не так, словно поймал преступника, скорее он ожидает какие-то важные сведения.

— Хорошо, парень, рассказывай правду, и я выполню свое обещание. Десять золотых мальчишек... — Сквайр Мэллори сунул руку во внутренний карман и достал кошелек-сетку. Потряс, так что невозможно было сомневаться, что в нем металлические монеты. — Десять золотых мальчишек за правду!

— Я видел его, сквайр. Он прятался в кустах и смотрел на пожар. Я прибежал, когда услышал крики и все. И он там

был. Я не ошибаюсь, видел его ясно. Он просто прятался и смотрел.

— И кто же прятался?

— Тот, из гостиницы, сквайр. Он думает, что он самый важный. Крис Фиттон.

Сквайр Мэллори расхохотался.

— Значит, смотрел, как горит мой амбар? А ты не видел, как он пробирается от пожара?

Но Том как будто еще не понял, что история нуждается в продолжении.

— Нет, сквайр, когда я пришел, уже здорово горело. Я только видел, что он смотрит...

— Тим, я хочу, чтобы ты хорошо подумал. — Отец снова позвенел монетами. — Может, ты видел больше. Думай, мальчик, хорошо думай. Теперь иди на кухню. Кухарка даст тебе что-нибудь, чтобы покрыть твои ребра. Позже придут несколько джентльменов, и я хочу, чтобы ты рассказал им свою историю. Так что подумай, что еще ты скажешь.

Тим вышел. Нэн видела, что отец, убирая кошелек в карман, улыбается. Потом он тоже ушел.

Он уж постарается, чтобы Тим добавил к своему рассказу. Нэн знала это так верно, словно уже слышала рассказ мальчика. И если Тим даст ложные показания, Криса Фиттона будут судить. Может, отец сам не решится вести заседание: ведь дело связано с ним. Но он договорится с сэром Уильямом Лайтеном и мистером Роули Моррисом. Когда он упомянул джентльменов, которым Тим должен будет все рассказать, Нэн знала, кого он имеет в виду.

Надо предупредить Фиттонов. Нэн вышла из-за занавеса. Никому в доме она не может доверить свое сообщение: отец правит слишком тяжелой рукой. Это значит — ей нужно идти самой. Через лес ведет тропинка, которая кончается у заднего входа в гостиницу. Идет снег, но он еще не такой густой, чтобы засыпать ее. И если идти, то немедленно. Приняв решение, Нэн сразу стала его осуществлять.

Закутавшись в плащ и надев самую надежную обувь, она выскользнула из дома, пересекла сад, укрываясь в тени сте-

ны, хотя это не самый короткий путь. Наконец выбралась на лесную тропу, плотно запахиваясь в плащ.

Когда идет снег, темнеет рано. И хотя полдень был совсем недавно, вокруг быстро серело. Девочка скользила по снегу и тяжело дышала. Она бежала словно от боли. Но когда впереди показалась стена гостиницы, Нэн заколебалась.

Если она войдет открыто, обогнет здание и направится к переднему входу, ее обязательно увидят. И она не сомневалась, что новость о ее приходе в «Благородного оленя» разойдется по деревне и со временем дойдет и до отца. Идет густой снег, но его недостаточно, чтобы скрыть ее.

Однако она не видела другого пути. Убедившись, что вокруг никого не видно, она, перебегая от одного укрытия к другому, добралась до передней двери. К счастью, дверь не была заперта и ей не пришлось стучать. Но она никогда не была внутри и не знала расположения помещений. Как ей найти мастера Фиттона?

В прихожей не теплее, чем снаружи. Пробираясь, она слышала голоса. Справа, должно быть, трактир, он где-то за кухней. И то и другое место для нее опасны. Она оглядела короткий коридор и увидела в конце его ведущую вверх лестницу, более внушительную даже, чем в поместье. Может, попробовать войти в одну из дверей?

И когда она стояла в нерешительности, почти готовая повернуть назад, одна из дверей открылась и в темный коридор вышел человек со свечой в руке. Нэн узнала его — пока ей везет. Это был сам мастер Фиттон.

Должно быть, она, сама не сознавая этого, вскрикнула, потому что человек быстро повернулся и направился к ней.

— Что это?.. — начал он.

Нэн отбросила капюшон, так что он больше не закрывал ее лицо. И поднесла руку в митенках ко рту, надеясь, что он поймет ее знак. Должно быть, понял, потому что оглянулся через плечо и поманил ее в комнату, из которой только что вышел.

Здесь в камине горел огонь, и она протянула к нему руки. Теперь, когда она оказалась здесь, храбрость ее покинула;

она испытывала застенчивость. Как рассказать этому человеку, что задумал ее отец?

— Мисс Мэллори. — Он произнес ее имя очень тихо. — Что привело вас сюда?

Да, ему это должно показаться очень странным. Она должна рассказать немедленно или не сможет рассказать вообще.

— Отец — он предложил деньги, много денег, за имя поджигателя.

Айра Фиттон кивнул, но лицо у него было такое мрачное, что она едва не повернулась и не выбежала из комнаты. В последнем порыве смеси страха и смелости она выпалила остальное:

— Мальчик — Тим Дайкс — он приходил к отцу. Он говорит, что видел, как Крис, ваш сын, из кустов наблюдал за пожаром. Отец послал за другими — за сэром Уильямом Лайтемом и мистером Моррисом. Тим должен рассказать им свою историю. Но... — Но она не решалась продолжать, потому что дальше идут предположения, а не правда. Как ей сказать этому человеку со строгим лицом, что она думает, будто ее отец заставит Тима солгать? Ее влажные от снега митенки упали на пол, и она крепко сжала пальцы.

— Тим Дайкс, — повторил хозяин гостиницы. — Вы уверены, что это был Тим Дайкс, а не Сэмпсон?

— Тим! — уверенно повторила она.

Он продолжал хмуриться; но так, подумала Нэн, словно ему в голову пришла какая-то мысль. Потом посмотрел на нее, как будто впервые увидел.

— Мисс Мэллори, вы совершили поступок, за который мы вам очень благодарны. Предупрежденный вооружен. Но приди сюда...

— Все в порядке, — торопливо ответила она. — Я пойду назад. Не думаю, чтобы меня кто-нибудь видел. И я должна идти одна, понимаете? Потому что...

И опять он словно понял ее без слов. Но покачал головой.

— Я проведу вас до конца леса. — Он наклонился, поднял ее митенки и протянул ей.

Хотя Нэн хотела отказаться, но поняла, что он ее не слушает. Ей казалось, что она не могла свободно дышать, пока не оказалась в безопасности за стенами поместья, спрятала мокрый плащ в глубине шкафа, сунула туда же ботинки и надела на холодные ноги домашние туфли. Снег шел еще гуще, он завалил весь сад. Нэн надеялась, что и ее след тоже.

Крис долго сидел над раскрытыми книгами, но задание мистера Престона было лишь начато. Он жевал конец пера и смотрел в окно, за которым снег казался занавесом. Очень давно никто к нему не приходил. Он пытался вести себя как обычно, хотя был уверен, что идут слухи о его напряженных отношениях с отцом.

Но мысли его постоянно возвращались к Сэмпсону Дайксу. Где он был в ту ночь? Крис не верил, что Сэм поджег амбар. Конечно, Дайксы ненавидят сквайра, который выгнал их из дома. Когда сквайр выслал Эндрю в кандалах, Сэм остался старшим. Крис знал, что Сэм ненавидит сквайра, но у него достаточно здравого смысла, чтобы не попадать в неприятности и еще ухудшить положение матери.

Если это был Тим Дайкс... Крис выплюнул обрывок пера, застрявший меж зубов. Тим отличается от Сэма, как день от ночи. Он считает Эндрю героем и постоянно говорит о том, что нужно отомстить сквайру. Крис неловко поежился. Все это всего лишь разговоры... не больше.

— Крис...

Мальчик вздрогнул. Он так глубоко задумался, что не слышал, как открылась дверь.

— Сэр? — Увидев отца, он вскочил.

— Что происходит между тобой и Тимом Дайксом?

Отец словно прочел его мысли. Мальчик был так поражен, что сразу ответил, сказал правду, не пытаясь выгородить Дайксов.

— Ничего особенного. Он часто говорит о том, как ненавидит сквайра — из-за Эндрю. Сэм рассказывает, что он

всегда ходил по пятам за Эндрю. Думаю... ну, я думаю, ему не нравится, что мы с Сэмом дружим.

Айра Фиттон сел на край стола.

— Настолько не нравится, что он может хотеть для тебя неприятностей?

Крис не понимая смотрел на отца.

— А что?

— Очень надежный источник сообщил мне, что Тим был в поместье и сказал, что видел, как ты из кустов наблюдал за пожаром. Можно считать, что когда он будет рассказывать свою историю снова, к ней кое-что добавится — достаточно, чтобы доказать, что тебя видели на месте с факелом в руке!

— Но я не... — начал Крис и смолк. Он слишком хорошо понимал, что отец сказал правду, и неожиданно испугался так, как никогда в жизни.

— Снег одновременно за нас и против... — Айра Фиттон подошел к маленькому окну. — Не думаю, чтобы сэр Уильям Лайтен или мистер Моррис двинулись в такую непогоду. Но и Хокинс не сможет выбраться из Лондона. Очень сомневаюсь, чтобы мы сегодня увидели карету... а может, и завтра.

— Что... что нам делать? — тихо спросил Крис.

— Ждать. Пока больше ничего сделать нельзя... только попросим Джека слушать — внимательно, о чем говорят в деревне. Когда дело доходит до ушей, он не просто конюх. На него можно рассчитывать.

Крис положил изгрызенное перо. Ждать будет очень трудно.

Так и оказалось. Прошло три дня, прежде чем зимнее солнце растопило дорогу настолько, что по ней могли пройти кареты. И все эти три дня Крис напряженно ждал появления сквайра Мэллори и ареста. Отец почти не разговаривал, но дважды приходил Джек и закрывался с отцом в его кабинете. О чем они говорили, Крис не знал, но чувствовал, что ничего хорошего, иначе отец рассказал бы ему.

На четвертый день, скрипя по снегу, пришла карета из Лондона, и Крис, как всегда, был занят, выполнял поручения, выносил стакан бренди за счет заведения каждому из

четыре пассажира, которым нужно было только тепло общего зала. Вернее, трем из них, потому что четвертый окликнул отца, и его увели в малую гостиную.

В карету запрягли свежих лошадей, и она ушла, трое пассажиров неохотно заняли свои места, прежде чем Люси, служанка, позвала Крису к отцу.

Он увидел, что незнакомец сидит в отцовском кресле, протянув ноги в сапогах к огню. Это был крепкий мужчина, немного ниже Айры Фиттона, но с очень широкими плечами и мощной грудью. Его плащ висел на колышке у огня, а на незнакомце оказался синий камзол с желтым жилетом. Оба они казались бледными на фоне его румяного лица со светлой бородкой.

— Так вот наш преступник, — приветствовал он Крису гулким голосом, отразившимся от стен. Потом улыбнулся и подмигнул. Крис не знал, как к этому отнестись. На лице незнакомца было выражение острого интереса.

— Теперь, парень, мне нужна правда. Запомни: ничего не утаивать. Для работы мне нужна правда. Почему ты тем вечером оказался в лесу?

Крис колебался. Теперь он был уверен, что это и есть сыщик Хокинс. Но если рассказать всю правду — значит втянуть Сэмпсона... А стоит сквайру Мэллори услышать о том, что Сэм браконьерствует...

— Когда Гарри Хокинс дает слово, — человек слегка наклонился вперед в кресле, — он его выполняет, парень. Ты знаешь, кто поджег амбар, и пытаешься его прикрыть?

— Нет. — Крис был доволен тем, что сейчас может говорить правду.

— Тогда, если ты знаешь о каких-то других делишках, о которых не хочешь говорить, я на эту часть закрою уши... я здесь только по одному делу и по просьбе сержанта. Спрашиваю снова: что ты делал в лесу тем вечером?

— Я пошел на встречу кое с кем... — осторожно начал Крис.

— И у этого другого парня тоже есть причины ненавидеть сквайра.

Крис смотрел на него.

— Джек, держи уши открытыми, — впервые заговорил отец. — Ты шел на встречу с Сэмпсоном Дайксом. Но он не пришел?

Крис покачал головой.

— Я услышал крики и пошел посмотреть, что происходит... Я был в кустах живой изгороди у длинного поля.

— И ты увидел кого-то другого?

Крис неохотно рассказал: Сэмпсон не пришел; Сэмпсон не мог поджечь стог — это он повторял снова и снова. Потом рассказал о голосе из темноты, который не смог узнать.

— Этот Тим, который говорит, что видел тебя, имеет против тебя что-то?

— Ну... — Он снова повторил то, что рассказывал отцу о Тиме.

— А может быть, это он?

На этот раз Крис покачал головой решительно.

— Я... не знаю. Он так сердился на сквайра из-за Эндрю. Из-за своего брата. Они с Сэмом ни в чем не соглашаются. Сэм — он хотел найти работу, помочь матери и двум малышам; говорил, что месть сквайру ничего хорошего не даст.

— И ты ему веришь?

Крис энергично кивнул.

— А что имеет против тебя сквайр Мэллори? — сменил тему Хокинс.

— Он не любит нас, из гостиницы. — Крис считал, что отец уже рассказал об этом Хокинсу. — А несколько дней назад мисс Нэн... Она услышала, что у меня есть лисенок. И приехала верхом посмотреть на него. Сквайр застал нас за беседой. Он страшно рассердился — взмахнул хлыстом и хотел стегнуть меня. Но я успел увернуться.

Хокинс поднял палец и почесал щетину на подбородке.

— Похоже, этот Мэллори человек с тяжелым характером.

— Он даже не джентри, — выпалил Крис. — Просто разбогатевший горожанин, который выкупил имение у леди Мэри, когда старый сквайр умер и ничего ей не оставил. Он хочет править всеми нами.

— Такие бывают, — заметил Хокинс. — И они могут быть опасными врагами, парень. Что ж, посмотрим, что можно сделать, чтобы остановить его, когда он явится за тобой.

Крис не знал, что собирается делать Хокинс. Казалось, тот ничего не делает, сидит в трактире, разговаривает со всеми, кто забредает из деревни за пинтой. Людям, отрезанным снегами, не сиделось на месте. И так как никуда они поехать не могли, то в поисках общества шли в гостиницу.

Но днем во дворе послышался шум, кто-то сильно постучал в дверь. Крис как раз нес поднос с вымытыми кубками в трактир, когда дверь распахнулась и вошел сквайр Мэллори, за ним несколько человек, среди них Невисон и два его сына.

Сквайр хлыстом указал на Криса.

— Вот преступник, прямо на месте. Берите его — немедленно!

Крис отступал, пока спиной не прижался к стене. К нему подошли Дольф Невисон и Холл и, прежде чем он смог защититься, схватили его за руки. Поднос с кубками полетел на пол.

Последующее напоминало худший из кошмаров. Звон упавших кубков привлек отца, за ним шел Хокинс и все остальные из трактира. Сквайр держал в руке пистолет и кричал, что он не позволит освободить этого преступника; если кто-нибудь вмешается, будет отвечать за последствия.

— Это не совсем законно, сэр. — Хокинс не повышал голос, но все равно перекрыл крик сквайра. — Нельзя взять человека, если он не пойман с поличным. Так что где же ваш ордер на вход в дом?

— Ордер! — Сквайр Мэллори выглядел так, словно собирался пустить в ход пистолет или хлыст. — У нас есть показания под присягой о том, что сделал этот висельник.

Хокинс извлек из-под руки короткую дубинку, блеснувшую в свете из приоткрытой двери. Верхушка дубинки была позолочена. Он показал ее сквайру.

— Я человек короля, с Боу-стрит, приглашенный сюда для расследования некоего дела.

— Тогда почему этот преступник не в кандалах?

— Потому что еще не доказана его виновность, сэр. Теперь представьте мне ваши доказательства...

Мэллори кивнул в сторону двери, и Невисон вытащил на свет упирающегося Тима.

— Свидетель, — сказал Мэллори. — Что не хуже любого ордера.

— Совершенно верно, сэр, но сначала давайте проясним все — и не в коридоре.

Что-то в поведении Хокинса заставило даже сквайра неохотно последовать за ним в трактир. Крису уже связали руки за спиной, и старший из сыновей Невисона грубо взял его за плечо и втолкнул туда же.

Если сквайр надеялся распорядиться внутри, он ошибся, потому что Хокинс сразу показал, кто старший: для него такие разбирательства привычны, он не раз проводил их в прошлом.

Криса усадили на скамью, младший Невисон стоял рядом на страже, сквайр встал спиной к огню; взгляд его перебежал от Айры Фиттона к сыщику с Боу-стрит; они были для него словно противники в дуэли, которая вот-вот начнется. Но Хокинс повернулся к Тиму Дайксу и своим рокочущим голосом начал задавать вопросы, казалось, не имеющие отношения к делу. Имя Тима, его возраст, есть ли у него братья и наконец еще один вопрос, на который Тим ответил молчанием. Что он делал в лесу тем вечером?

После короткой паузы Тим ответил:

— Я услышал шум и прибежал...

— Давай поговорим об этом, — подхватил Хокинс. — Как я видел — а я сегодня осмотрел все окрестности, — вот это, — он окунул свою дубинку в ближайший кубок с элем и начертил с одной стороны квадрат, — ферма, где был пожар. А вот это, — он провел линию, — дорога, которая идет из деревни. Верно?

Все склонились, чтобы лучше посмотреть, и хором подтвердили.

— Тогда вот место, где был молодой Крис. — И он поставил точку большой каплей эля. — А теперь покажи мне, где был ты! — Он неожиданно повернулся к Тиму.

Тим посмотрел на стол, потом на Хокинса и опустил взгляд.

— Я, как и все, пришел со стороны деревни, — пронзительно сказал он.

— Но это невозможно. Если ты видел Криса. Тут участок сада. — Снова Хокинс сделал несколько точек. — И через него ты не мог видеть, тем более ночью. Верно, парень? Если только ты не был где-то в другом месте на дороге... и, может, с кем-то еще...

— Нет! Я не... я не был... я никогда не... — Тим переводил взгляд с одного лица на другое. — Ну, хорошо, может, я не был на дороге, но я видел Криса! Если хотите, я поклянусь в этом!

— Я не отрицаю, что ты мог видеть Криса. И он не отрицает, что был там. И слышал тебя... Ты ведь назвал его по имени?

Тим выглядел загнанным в угол, казалось, он сжимается и становится все меньше. Хокинс наклонился над столом и указал на него дубинкой.

— Не пытайся обмануть Гарри Хокинса, парень. Я имел дело с людьми, при одном виде которых ты орал бы до потери сознания. Ты был там, ты назвал Криса по имени. Но был там кое-кто еще, верно? И ты позвал Криса, чтобы отвлечь его внимание и дать тому незаметно улизнуть. Там... был... кто-то... еще! — Последние четыре слова Хокинс произнес торжественно, как приговор.

— Я... я ничего не скажу... — оборонялся Тим.

Но Хокинс медленно из стороны в сторону качал головой.

— Скажешь, парень. Скажешь, кто ушел тайком, пока ты отвлекал внимание Криса Фиттона. Это был твой брат?

— Сэм... — презрительно произнес Тим. — У него ни на что кишок не хватит. Он мягок, как беличий пух.

— А кто тогда тверд, если Сэм мягок? Может, Джем Кэтсби?

Тим вздрогнул, словно Хокинс ударил его по лицу.

— Я не сказал... никогда, — почти закричал он.

— Ты только что сказал, парень. — Хокинс распрямился. — Только что сказал, пусть даже не словами. В последнее время ты очень сблизился с Джемом; многие это заметили. А Джем, чтобы выглядеть невиновным, отправился в Лондон. Так он сказал. А два дня спустя — пожар. Кто может заподозрить Джема, ведь он все время прятался, а ты приносил ему все и высматривал. А потом ты солгал, чтобы погубить Криса, а вы с Джемом остались бы на свободе...

Худые плечи Тима дрожали.

— Он сказал мне... он сказал, что все получится. Мы отомстим сквайру, и никто не узнает...

— Бывает, люди думают, что обойдут закон, — сказал Хокинс. — Конечно, в конце концов у них ничего не выходит. Что ж, сэр, — обратился он к сквайру, — вот ваш человек, этот Кэтсби. То, что его здесь нет — вероятно, ушел еще до бури, — другое уже дело.

— Вы друг Фиттона... — начал сквайр. Холл Невисон разрезал веревку на руках Криса. Отец Хола посмотрел на Айру Фиттона.

— Айра, я слушался...

Трактирщик покачал головой.

— Я знаю, что тобой двигало, Генри. Пусть это тебя не тревожит. Теперь правда выяснилась, все в порядке. Она известна. — И он посмотрел прямо на сквайра.

Тонкие губы Мэллори кривились, словно он молча проносил проклятия. Потом он вышел из комнаты, и Невисоны последовали за ним.

Хокинс посмотрел на Тима.

— Похоже, они о тебе забыли, парень. Пока не вспомнили и не вернулись, постараемся, чтобы закон был на твоей стороне. Ты мне все расскажешь об этом Кэтсби, и мы посмотрим, нельзя ли закрыть глаза на то, что ты принимал участие в работе дьявола.

Крис прислонился к стене: он чувствовал слабость, усталость и такую благодарность, что не мог найти слова, чтобы выразить, чем обязан Хокинсу и отцу. Он только знал, что освободился от тяжести, которую нес до сих пор.

ТВОЕ СЛОВО ПРОТИВ ИХ

Крис открыл глаза. На этот раз он не удивился, увидев над головой потолок квартиры тети Элизабет, а не почерневшие балки гостиницы. Вначале он лежал неподвижно, думая о сцене, из которой только что явился каким-то способом, который не может понять. Сильнейший страх, который он испытывал, когда сидел со связанными руками и слушал, как Хокинс допрашивает Тима, рассеялся.

Но ему хотелось знать больше. Что случилось с Тимом? И поймали ли Кэтсби? Больше всего он думал о Хокинсе и отце — об Айре Фиттоне из гостиницы, отце, который верил в него и сделал все, что мог, для своего сына.

Крис закрывал глаза и видел лицо отца, словно сержант Фиттон стоит в его комнате. Странное ощущение утраты охватило его и заполнило пустоту, образовавшуюся после ухода страха. Несмотря на все случившееся, на ту опасность, которая угрожала ему в «Благородном олене», ему хотелось туда вернуться.

— Крис!

Кто-то осторожно постучал в дверь; его имя произнесено почти шепотом. Он выбрался из постели. Что нужно Нэн? Еще очень рано; свет серый.

— В чем дело?

Ее ответ прозвучал шепотом:

— Крис... ты теперь здесь...

Что это может значить? Крис приоткрыл дверь. Нэн раскрыла ее шире, достаточно, чтобы проскользнуть внутрь.

— Ты... с тобой все в порядке?

— А что может быть?

— Я думала... сквайр... он хотел забрать тебя. Слышала, как он говорил об этом с Невисонами. Я не знала, что произойдет!

— Значит, ты была там? Но я тебя не видел в этот раз.

Она запахнула халат, словно замерзла, хотя в комнате после вечного холода гостиницы было очень тепло, почти жарко.

— Я снова была Нэн, но другой. Иногда я думаю... Была ли я когда-то всеми этими девочками? На этот раз я пошла в гостиницу. Рассказала твоему отцу о Тиме, о том, что может сделать сквайр. Мой отец хотел, чтобы Тим изменил свой рассказ: он обещал ему деньги, если Тим скажет, что видел, как ты поджигал стог. Что случилось, Крис? Тим солгал?

— У него не было возможности. — Крис смахнул со стула одежду и пригласил Нэн садиться. — Хокинс все из него вытянул.

Нэн внимательно слушала, и Крис обнаружил, что описывает сцену в гостинице так подробно, как не собирался делать. И когда закончил уходом сквайра, Нэн была разочарована.

— И это все?

— О, Хокинс еще что-то говорил о том, что Тим сообщит больше фактов и это ему поможет. Но... все казалось таким легким, Нэн, когда Хокинс все прояснил, так что все могли видеть — начертил план, который доказывал, что Тим не мог быть там, где сказал, узнал, что Тим был дружен с Кэтсби. Легко — когда знаешь, как сделать.

Счастливое выражение исчезло с лица Криса. Он снова замкнулся.

— Крис, — попыталась Нэн, — в чем дело? Дело во сне?

— Это не сон, — ответил он.

— У тебя неприятности.

Вначале он почувствовал негодование. Это не ее дело. Кто она такая? Но потом пришли воспоминания: он подумал теперь о нескольких Нэн. Нэн, которая помогла ему спасти мастера Бойера; Нэн, что повела его предупреждать драгун; эта последняя Нэн — несомненно, она сделала то, о чем только

что ему сказала: рассказала отцу о Тиме, так что отец и Хокинс были предупреждены об оружии, которое есть у сквайра. И теперь эта Нэн. Когда он смотрел на нее, несколько лиц накладывались друг на друга, пока не стали тем лицом, которое он хорошо знает.

— Да, у меня неприятности. — И поскольку не видел выхода, рассказал ей о своей попытке перехитрить Гэнфилда и о том, что из этого вышло.

— Значит, два вопроса оказались правильными. — Она сидела очень прямо, сложив руки на коленях. — Но, Крис, если бы ты, как они говорят, продавал им текст испытаний, все вопросы должны были быть правильными.

— Они могут сказать, что я сделал это ради денег, — заметил он.

— Должна быть какая-то возможность доказать, — горячо сказала она. На лице ее появилось то же решительное выражение, которое было у тех, других Нэн. Подбородок она задрала, а глаза гневно горели. Но сердилась она не на него. Крис с некоторым удивлением понял, что сердится она из-за него. Нэн готова помочь.

— Не знаю как.

— Этот мистер Баттерсли, насколько хорошо ты его знаешь, Крис?

— Не больше всех остальных. — Впервые он позволил себе приоткрыть шелку в раковине, которой отгородился от всего мира. — Я ненавижу это место! Баттерсли строг, но он справедлив. И знает свое дело. Я у него получаю хорошие отметки за работы.

— А Гэнфилд и остальные?

— Они не в моей секции. В том-то и дело. У меня урок раньше, чем у них, поэтому мне легко было бы рассказать им об экзамене.

— Но тогда зачем было стараться придумывать вопросы? К тому же неверные?

— Они говорят, что я это из-за денег.

Нэн задумалась. Должна быть какая-то брешь в доводах Гэнфилда. Но найти ее не так легко, как в обвинениях сквай-

ра. Те были построены на лжи, и их легко опроверг человек, привыкший допрашивать лжецов и готовый к любым уловкам.

— А они могут доказать, что тебе нужны деньги?

Крис выглядел задумчивым.

— Не вижу, каким образом, но, конечно, деньги всякому пригодятся. Я показал тете Элизабет свой бумажник. У меня остались два доллара от карманных денег — это все. Но они могут сказать, что я их где-нибудь спрятал.

— Значит, твое слово против их...

— Именно в этом все дело. Они в школе шишки — по крайней мере Гэнфилд. Он капитан футбольной команды, и вся его шайка подтвердит то, о чем он говорит. А я одиночка...

— Ты — это ты, — спокойно ответила Нэн; и ее взгляд почему-то вызвал у Криса странное чувство, как будто она верит, что он может все что угодно — начиная с того, что перетянет на свою сторону всю академию. Но, конечно, это невозможно.

— Я пойду к мистеру Баттерсли, — продолжала она. — Твое лучшее доказательство — то, что вопросы не совпадают. А сколько там вообще было вопросов, Крис?

— Шесть. Но... — Он медленно покачал головой. — Я не могу сказать Бэтмену, что так боялся их, что все это придумал. Это позорная правда... — он заставил себя произнести это, — и я не скажу этого.

— А кто-нибудь раньше делал такое — я хочу сказать, продавал вопросы? — Нэн пошла по другому следу.

Крис пожал плечами.

— Не знаю. Мне никто об этом не рассказывал. Но я здесь только одну четверть.

— Мне кажется, — медленно заговорила Нэн, — у этого Гэнфилда наготове все ответы, потому что он ждал неприятностей. Точно как Пэт...

— Какая Пэт?

Нэн бросила на него быстрый неловкий взгляд. Но тут же приняла решение. Может, если она покажет ему, что он не

один... Она в нескольких фразах рассказала о походе в магазин, не шадя собственного невежества.

— Но ты это сделала! — Крис кивнул. — Ты освободилась от них! А я не могу использовать такой трюк — не работает. Это совсем другое дело.

— Я сделала это, — припомнила Нэн, — потому что подумала о дяде Джаспере — и о том, как я смогла перехитрить его. Крис, ты совершал храбрые поступки. Ты пошел за драгунами, ты рассказал правду этому сыщику с Боу-стрит, так что он смог спасти тебя. Должен существовать способ...

— Но то все было во сне!

— Не уверена. — Нэн встала со стула и взяла в руки гостиницу. Впервые она при этом не испытывала неприятных ощущений. И когда поставила назад на ночной столик, случайно уронила на пол конверт. Торопливо наклонилась и подняла его.

— Это мое! — Крис с остатками прежней враждебности схватил письмо.

Но на этот раз Нэн решила ответить.

— Это от твоего отца — и ты даже не прочел.

Таким мрачным она Крису никогда не видала. Он мял конверт в пальцах, словно собирался разорвать его, не открывая. Затем, бросив на нее вызывающий взгляд, распечатал и пробежал напечатанный на машинке листок.

Он по крайней мере получил письмо, уныло подумала Нэн, а я только открытку. Впрочем, она не знала, завидует ли Крису.

— Крис... Нэн...

Тетя Элизабет! Нэн подошла к двери и осторожно выглянула в оставленную щель. Должно быть, тетя Элизабет зовет из кухни. Не оборачиваясь, она вернулась в свою комнату и начала торопливо одеваться.

Крис прочел письмо. Итак, они возвращаются домой — и папа обещает сюрприз, который Крису понравится. Хватит с Крису этих папиных сюрпризов. Он скомкал письмо и посмотрел на гостиницу. Ему снова захотелось оказаться там — с сержантом Фиттоном, который, может быть, не го-

товил сюрпризы, но зато был на месте, когда в нем нуждались.

Крис начал одеваться. Нэн желает ему добра, это он признавал, но ничем не может помочь. Ему придется идти с тетей Элизабет в академию и противопоставить им только свое слово. А в этот момент Крису его собственное слово казалось очень мало стоящим.

За завтраком и в такси, которое она заказала, тетя Элизабет непрерывно оживленно разговаривала, но Крис ее не слушал. Они выйдут у академии, и Нэн оттуда придется идти до школы одной. Крис, вспоминая рассказ Нэн о том, как она не поддалась Пэт и Марве, ерзал на сиденье. Она нашла выход. На мгновение ему захотелось, чтобы рядом с ним оказалась не тетя Элизабет, а Гарри Хокинс, хотелось услышать его гулкий голос вместо веселой болтовни, которая его раздражает.

Заходя в академию, он увидел впереди Гэнфилда. С ним был какой-то мужчина. Отец Гэнфилда? Они притащат сюда все свое семейство? Крис не позволил себе оглянуться, хотя ему очень хотелось, но сознание безнадежности все больше охватывало его.

В кабинете сидел не директор, хотя это был его кабинет. За столом был мистер Баттерсли. Он встал, чтобы поздороваться с тетей Элизабет и мистером Гэнфилдом, на лице которого ясно видно было нетерпение.

Крис сел на краешек жесткого стула. Он не смотрел на Гэнфилда. Но встретился с взглядом Бэтмана и выдержал его, пока тот не посмотрел в сторону Гэнфилда.

— Я пригласил вас — сюда, — сухой, лишенный эмоций голос мистера Баттерсли ничего не выражал: хорошо известно, что потрясти Бэтмена невозможно, — потому что дело касается моего предмета. Я выслушал твое объяснение, Гэнфилд...

— Совершенно очевидно, что произошло, — вмешался мистер Гэнфилд.

Достаточно было легкого взмаха ресниц Бэтмена, чтобы гневный голос смолк.

— Фиттон, — Крис прямо посмотрел на Бэтмена, — теперь расскажи ты.

— Они говорят, что я продавал вопросы теста?

— Лишь некоторые, — поправил мистер Баттерсли. — Два вопроса совпадают. Остальные... вот что мне интересно, Фиттон. А где ты взял остальные? Странно, но это вполне вероятные вопросы, основанные на знании материала всего семестра. Но я не составлял их на этот раз и не использовал в прошлом. Нужно полагать, ты их сам составил? — Это был вопрос, а не утверждение.

— Да, — ответил Крис.

— Весьма предприимчиво. А теперь, — взгляд Бэтмена устремился к Гэнфилду, — ты рассказал, что Фиттон обратился к тебе с предложением продать вопросы. Поскольку твои достижения по предмету не слишком значительны, ты согласился на его предложение. Он дал тебе копию под копирку, которую ты решил разделить с несколькими друзьями. Мистер Пауэрс заметил это, отобрал текст и послал тебя ко мне. Ты признался и сказал, что это была идея Фиттона и что каждый из вас заплатил ему по пять долларов за копию. Я верно излагаю факты?

— Он мошенник! Он и не думал давать нам правильные вопросы, он слишком труслив для этого! — Гэнфилд кипел гневом.

— Фиттон? — Взгляд мистера Баттерсли снова перешел на Криса.

У Гэнфилда не было того испуганного, загнанного вида, как у Тима Дайкса. Но то, как выразился мистер Баттерсли, как он подобрал слова... Неужели Бэтмен еще не убежден, а Крис не осужден? Он должен постараться... как постарался ради него Хокинс в гостинице.

— Я составил вопросы, — сказал он. — Это правда.. Но я их не продавал.

— А с какой целью, Фиттон? Чтобы причинить им неприятности?

— Они сказали, чтобы я достал вопросы... я просмотрел пройденный материал и составил их. Я не собирался давать настоящие...

— Ага. — Мистер Баттерсли переплел пальцы рук. — Ты меня заинтересовал, Фиттон. Значит, тебе предложили добыть вопросы для остальных?

— Это ложь! — Голос Гэнфилда прозвучал резко и высоко. — Он сам пришел к нам. Это была его идея!

— Ты очень прояснил ситуацию, Гэнфилд, когда недавно заметил, что Фиттон «слишком труслив», как ты назвал это, чтобы достать настоящие вопросы. Если он обратился к тебе после того, как предположительно украл мои бумаги, откуда такая злобная реакция?

— Послушайте, — вмешался мистер Гэнфилд, — этот Фиттон обманул мальчика. Он это сам признал, и вы не имеете права предполагать, что мой сын подтолкнул на это Фиттона.

Мистер Баттерсли не обратил на него внимания; он снова пристально посмотрел на Криса.

— К тебе обратились с предложением украсть вопросы?

— Да.

— Ты получил за это деньги? — Он заглянул в лежащий перед ним листок.

— Нет.

— Он лжет! Спросите Джимми Бакстера... Харви... Де Тенбуса... — вспыхнул Гэнфилд.

И снова мистер Баттерсли не обратил никакого внимания на это вмешательство.

— Составление вопросов — довольно сложная работа. Ее мог проделать только тот, кто очень в этом нуждается. Ты признаешь, что сделал это, Фиттон. Теперь я спрашиваю тебя — почему?

Крис знал, что другого выхода нет; его загнали в угол, и единственный выход из него — правда. И неожиданно, как в гостинице, когда он понял, что ложь ему не поможет и нужно говорить правду, Крис ответил:

— Потому что я боялся.

После этих четырех слов наступила тишина, которая с каждым мгновением становилась все более угнетающей. Но он произнес эти слова, и он сказал правду.

— Я не буду спрашивать тебя, чего ты боялся, Фиттон. Как ни странно, но мне кажется, что больше ты не боишься. — Спокойный голос звучал так же властно, как гулкий голос Гарри Хокинса.

— Дело будет передано директору, и я не знаю, какое решение он примет. Я напишу свой отчет. Однако я убежден: это было сделано не ради выгоды. Гэнфилд, — это имя прозвучало, как удар хлыста, — ты ведь не давал никаких денег Фиттону. Верно?

Снова наступила тишина.

— Я... — начал Гэнфилд и замолчал.

— Ну, по крайней мере ты не усугубил свою ложь. Теперь я скажу тебе, что Харви Рид признался — никаких денег не было. И его рассказ несколько отличается от того, что ты рассказал мне вчера. Кажется, ты не очень хорошо подготовил своих сообщников. Что касается остального — решать доктору Стивенсу.

Крис неуверенно вздохнул. Он не знал, можно ли ему испытывать облегчение; и, конечно, у него нет той уверенности в будущем, как была, когда его взял под защиту сыщик с Боу-стрит. Но сегодня его слово противостояло их словам — и мистер Баттерсли поверил ему. И Бэтмен прав: Крис больше не боится. Гэнфилд словно съезжился, он больше не диктатор, который полностью контролирует благополучие Криса.

Он слышал возражения мистера Гэнфилда. Тетя Элизабет молчала, она вообще ничего не сказала — к удивлению и облегчению Криса. Возможно, теперь она снова обретет дар речи. Но это уже неважно. Его теперь не беспокоит, что придется говорить с доктором Стивенсом. Его даже могут исключить из академии. Самое главное: он признался в том, что боялся, — и обнаружил, что больше это не так! Неожиданно ему стало тепло. Словно стоишь перед ками-

ном гостиницы, а снаружи холодная ночь. Раньше он никогда не пытался посмотреть в лицо своему страху. Он пытался ускользнуть от него, говорил себе, что просто не нужно ни во что вмешиваться. Не хотел признаваться в том, что он трус.

Но больше он не трус. Нэн сказала ему — гостиница сказала ему — и теперь он знает.

СЕМЬЯ — МОЖЕТ БЫТЬ

— Что случилось?

Нэн влетела в квартиру, словно пробежала дистанцию на соревнованиях. Крис поднял голову от книги.

— Меня до конца недели отстранили от занятий — пока доктор Стивенс не примет решение.

— Но они поверили тебе! — Это был не вопрос, а утверждение.

— Бэтмен поверил. — Крис не хотел говорить об этом: с него хватит тети Элизабет. Но — он в долгу перед Нэн. И он медленно пересказал сцену в кабинете. Он все еще внутренне сжимался, вспоминая, как признался в трусости, признался, что боялся Гэнфилда и его банды.

— Ты не боялся, — сразу встала Нэн, словно читала его мысли, — во всяком случае не настолько, чтобы не сказать правду. Ты... ты храбрее меня. Мне следовало отнести эту булавку назад к прилавку... рассказать им все. Но — тогда я не могла.

Крис с любопытством посмотрел на нее.

— Ты сказала, тогда не могла. Почему?

— Потому что теперь, мне кажется, я бы смогла. — Она сняла свой ранец и села. — Я никогда ничего не рассказывала бабушке. Потому что всегда боялась, что разочарую ее, и тогда она не будет так любить меня. А она у меня была единственная. Поэтому, — она глубоко вдохнула, — когда бабушки здесь не было, я чувствовала, что у меня вообще никого нет. Но никто не должен говорить тебе, что хорошо и что плохо. Ты сам знаешь это — в глубине души.

Я знала, что дядя Джаспер заставляет меня причинять зло людям, которые мне доверяли. Я знала, что тетя Пруденс поступает правильно, не допуская контрабандистов к твоему отцу... — говорила Нэн.

Его отец — Крис вспомнил покрасневшее от лихорадки лицо на плоской подушке в постели в гостинице. Сейчас это лицо незнакомого человека, но он помнил, какой страх и гнев заполняли его тогда.

— И я знала, что сквайр собирается воспользоваться ложью, чтобы причинить тебе зло, — поэтому я — в то время у меня хватило сил пойти и рассказать. Хотя я все время очень боялась. Если бы он узнал... — Нэн замолчала и вздрогнула. — Я все думаю, узнал ли он и что случилось с той, другой Нэн. Надеюсь, он не узнал. Никогда!

— Я тоже! — Крис сам удивился собственным словам. Потом медленнее добавил: — Знаешь, я всегда чувствовал себя одиноким. Всегда был один. Папа все время отсутствовал... меня передавали из рук в руки. Я был у дяди Пита. На самом деле я им был обузой — это сразу чувствовалось. Потом здесь. И я думал, что когда подрасту... когда не буду причинять беспокойства, какие причиняют дети... может, папа захочет, чтобы я был с ним.

Он едва ли понимал, что рассказывает Нэн то, о чем не говорил никому и что всегда причиняло ему боль. Но словно у него изо рта удалили кляп, и он не смог бы остановиться, даже если бы захотел.

— Папа слал мне деньги. Деньги! Но...

— Но не приезжал сам, — негромко закончила за него Нэн. — Но ты получал письма. Может, он не мог иначе.

— Это как будто... — Крис покачал головой. — Не знаю... как будто мы говорим на разных языках... даже когда он приезжал. Он задавал вопросы, словно не знал, о чем со мной говорить. Я многое хотел ему рассказать, но никогда не рассказывал. У меня был папа, и мне казалось, что я его знаю, но когда он приезжал, оказывался совсем не тем.

— Мне больше повезло. — Нэн смотрела не на него, а на толстый ковер. — У меня была бабушка. Но это правда —

думаю, что большую часть времени я тоже была одна. Как с дядей Джаспером и тетей Пруденс, и когда я была мисс Мэллори. Ужасно одиноко быть одной.

— Я был не один, — прервал ее Крис. — В гостинице я был не один. Как бы я хотел туда вернуться!

Нэн быстро выпрямилось и со страхом посмотрела на него.

— Нет! Крис, ты должен быть собой... Не теми другими Крисами... ты здесь! Если попытаешься — это будет бегством. Не знаю, сможешь ли ты, но все равно это бегство. Никогда, никогда не пытайся!

— Думаешь, я смог бы?

— Ты не должен пробовать! — Теперь Нэн умоляла. — Никогда! У меня предчувствие, правда, Крис, я считаю, что это неправильно. Ты утратишь себя настоящего и никогда, никогда снова не найдешь, если попробуешь.

— Я предпочел бы не быть тем, что сейчас.

— Мы все хотели бы быть кем-то другим, — медленно ответила Нэн. — Но приходится. Я сама себе часто не нравлюсь. Мне не нравится то, что я делала с дядей Джаспером — это было ужасно! Иногда я и сейчас так делаю. О, я не подслушиваю и не рассказываю потом солдатам. Но не всегда вступаю за то, что считаю правильным. Как делала тетя Пруденс. И как делал ты, Крис.

Он презрительно рассмеялся.

— Я не совершенство. Я тебе говорил, что я не герой.

— Тебе и не нужно быть героем — просто Крисом Фиттоном, каким ты был всегда.

Он пристально посмотрел на нее.

— В тебе что-то есть... Нет, не нужно так думать обо мне! — Он встал, подошел к окну и посмотрел на улицу, повернувшись к ней спиной.

Но Нэн теперь не хотела быть разлученной с ним. Когда она смотрела на Крису, наплывали те, другие Крисы и становились его частью. Она видела не того мальчика с мрачным лицом, которого вначале возненавидела. Тогда, когда ее

спокойная мирная жизнь с бабушкой кончилась. Гостиница заставила ее действовать решительно, так, как, казалось, она не способна. И этим она кое-что доказала самой себе. Теперь она уверена, что может измениться. Это будет трудная работа, и придется избегать других возможностей — она это знала, потому что в сущности осталась прежней. Но она не останется такой, она будет сражаться, бороться со страхом и одиночеством. Она больше не хочет, чтобы ее просто оставили в покое.

— Я буду помнить всех этих Крисов, — негромко сказала она. — А ты, может быть, запомнишь тех Нэн.

Тех, которые способны на действия — на правильные действия...

Крис повернулся.

— Мне не нужна была сестра, — неожиданно сказал он. — Я не хотел, чтобы ты жила здесь... — Он помолчал. Ему было трудно подбирать нужные слова. — Я... тетя Элизабет сказала, что теперь мы семья. Но я ей не поверил.

Она кивнула.

— Я тоже, — ответила она так быстро и с такой уверенностью, что он удивился. Он так долго скрывал свои чувства, что удивился, узнав, что кто-то испытывал такие же.

— Ну, хорошо. Возможно, мы оба ошибались. — Слова словно вырывали из него силой. Недавняя способность говорить стремительно покидала его. — Можем начать сначала... — Он сделал это усилие, и это действительно было нелегко.

— Я согласна, — ответила Нэн.

Крис медленно отошел от окна.

— Я не очень легко сближаюсь с друзьями, — предупредил он.

— А у меня никогда не было друзей — близких — кроме бабушки. Так что я тоже.

— Подожди! — Крис испытал прилив вдохновения и выбежал из комнаты.

Чего ждать? Нэн удивилась. Она смотрела на носки своих туфель, торчащие из толстого ковра, и думала о Крисе. Трудно приобретать друзей? Она не вполне уверена, что может быть другом — настоящим другом. Она... она знала девочек, с которыми ходила в Элмспорте и называла подружками. Но никогда не делилась с ними тем, чем поделилась с Крисом, — этими странными, такими реальными снами и тем, что они сказали друг другу только что. Она чувствовала, что знает Крису, настоящего Крису, лучше, чем кого-либо другого... даже, может, лучше, чем бабушку — по крайней мере сейчас.

Неужели настанет время, когда Крис будет недоволен этим ее знанием? Нэн подумала об этом. Возможно. Но этому она должна будет посмотреть в лицо в свое время — если это время настанет. Больше она не будет уходить от того, чему нужно смотреть в лицо.

Крис вбежал в комнату. Он нес гостиницу. Поставил ее прямо перед Нэн, на край кофейного столика. Она такая реальная, хоть и маленькая, словно смотришь в перевернутый бинокль. Нэн почти ожидала увидеть тетю Пруденс, выглядывающую в маленькое окошко, или почтовую карету, въезжающую во двор.

— Люди дают клятву на разных предметах, — сказал Крис. — В суде клянутся на Библии — когда обещают говорить правду. Мы поклянемся на «Благородном олене», поклянемся, что сделаем все, чтобы стать друзьями.

Нэн больше не испытывала тревоги и страха, как когда в первый раз увидела гостиницу. Теперь ей все знакомо, все приветствует ее, как старый дом в Элмспорте. Она не знала, почему они видели общие сны и провели столько тревожных часов в этой гостинице. Они вообще не могли быть в ней! Но разве Крис не сказал, что макеты часто делают с существующих кораблей и самолетов — почему тогда и не с домов? Существует ли настоящий «Благородный олень»? Сумеют ли они с Крисом когда-нибудь найти его?

— Клянешься? — В голосе Крису звучало нетерпение, и это вернуло Нэн в настоящее.

— Да, клянусь. — Нэн прижала кончики двух пальцев к крыше гостиницы. — Клянусь, что хочу, чтобы мы были друзьями.

Крис вслед за ней дал такую же клятву. Потом добавил:

— Это может оказаться нелегко — иногда. Нэн улыбнулась.

— Да. Но мы будем стараться. Мы можем даже стать семьей — может быть.

Крис выглядел очень задумчивым. Потом, поставив гостиницу на ладонь, поднес ее к глазам и вглядываясь внутрь, словно надеялся что-то там разглядеть, сказал:

— Может быть, это не так и плохо. Я думаю, у нас будет возможность доказать. Папа написал о сюрпризе...

— Мама тоже, — прервала его Нэн.

— Может быть, — задумчиво продолжал Крис, — у нас все-таки будет настоящий дом.

Он смотрел на «Благородного оленя». Это тоже был его дом. Интересно, будет ли новый дом таким же родным. Посмотрим. Крис взглянул на Нэн, и впервые мрачное выражение исчезло с его лица. Он улыбнулся. И она робко улыбнулась ему в ответ.

СОДЕРЖАНИЕ

МАГИЯ СТАЛИ	5
МАГИЯ ВОСЬМИУГОЛЬНОГО ДОМА	97
МАГИЯ МОХНАТЫХ	231
МАГИЯ ДРАКОНА	363
МАГИЯ ЛАВАНДОВОЙ ЗЕЛЕНИ	533
МАГИЯ «БЛАГОРОДНОГО ОЛЕНЯ»	713

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

МАГИЯ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Ю. Балакирева*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Г. Москаленко*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.12.2013.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «NewtonCTT».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,36.
Доп. тираж 2000 экз. Заказ №4898

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-66031-5

9 785699 660315 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН
МАГИЯ

ISBN 978-5-699-66031-5

9 785699 660315 >

ЭКСМО